

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

Филологический факультет

на правах рукописи

Гращенко Павел Валерьевич

**Композициональность в лексической и синтаксической деривации
разноструктурных языков**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Москва 2016

Введение	12
0.1. Композициональность: история изучения и степень разработанности проблемы	12
0.2. Актуальность исследования	16
0.3. Научная новизна диссертации.....	18
0.4. Теоретическая и практическая значимость работы	18
0.5. Цели и задачи исследования.....	19
0.6. Методология сбора материала, объект и методы исследования.....	23
0.7. Положения, выносимые на защиту.....	34
0.8. Структура работы.....	35
0.9. Степень достоверности и апробация результатов.....	36
 ЧАСТЬ I. КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ	
Глава 1. Между лексиконом и синтаксисом: русские сложные слова и типология атрибутивных проекций	
38	
1.1. Образование сложных слов как продуктивный процесс: предварительные замечания.....	38
1.2. Типы синтаксических проекций, лежащие в основе сложных слов русского языка.....	41
1.2.1. Образование сложных единиц из именной группы	42
1.2.2. Образование сложных единиц на основе группы глагола.....	44
1.2.3. Образование сложных единиц на основе группы прилагательного.....	47
1.2.4. Краткое отступление об образовании сложных существительных.....	50
1.2.5. Образование сложных прилагательных на основе предложной группы	52
1.2.5.1. Аффиксоиды	52
1.2.5.2. Префиксоиды	52
1.2.5.3. Суффиксоиды	55
1.2.6. Словообразование как синтаксический процесс: промежуточные итоги.....	58
1.3. Закономерности в образовании сложных слов – синтаксический анализ	58
1.3.1. Образование сложных слов от именных и глагольных проекций, обобщения	58
1.3.2. Бинарность ветвления и выбор синтаксического формализма	60
1.3.3. Составляющие и падежное маркирование.....	61
1.3.4. Запрет на лексические зависимые	64
1.3.5. Отсутствие морфологии при подчинительной стратегии образования сложных слов	69
1.3.6. Генитив на первой основе-числительном	72
1.3.7. Запрет на дериваты от группы прилагательного.....	76
1.3.8. Закономерности в образовании сложных слов: предварительные итоги обсуждения	77
1.4. Порядок деривации сложных слов	77
1.4.1. Смена суффикса.....	78
1.4.2. Отсутствие исходной лексемы.....	79
1.4.3. Ударение	80

1.4.4.	Смена семантики	82
1.4.5.	Семантический порядок деривации.....	82
1.4.6.	Порядок деривации при сочинении.....	83
1.4.7.	Наличие суффикса на первой основе	84
1.4.8.	Порядок деривации русских сложных прилагательных: итоги	89
1.5.	Дериваты, способные оформлять составляющие: типология	91
1.5.1.	Тюркские и монгольские языки	92
1.5.1.1.	Морфологические показатели, маркирующие составляющую	92
1.5.1.2.	Комитатив и каритив как адъективные показатели	93
1.5.1.3.	Комитатив и каритив как показатели падежа	95
1.5.1.4.	Комитатив и каритив как атрибутивизаторы.....	99
1.5.1.5.	Комитатив и каритив в роли падежа, атрибутивизатора и адъективизатора: итоги ...	101
1.5.1.6.	Падежное маркирование, атрибутивизация и адъективизация в диахронической перспективе	105
1.5.1.7.	Тюркские и монгольские комитативные и каритивные показатели в разных синтаксических функциях: итоги	108
1.5.2.	Аваро-андо-цезские языки.....	109
1.5.3.	К типологии адъективных проекций: итоги	112
1.6.	Морфо/синтаксис русских сложных прилагательных	113
1.6.1.	Взаимоотношения между морфологией и синтаксисом.....	113
1.6.1.1.	Морфология \neq Синтаксис	114
1.6.1.2.	Морфология = Синтаксис	115
1.6.1.3.	Морфология \approx Синтаксис	117
1.6.2.	Ограничение на количество ветвлений в составе сложных слов.....	119
1.6.2.1.	Продуктивные модели образования сложных прилагательных	119
1.6.2.2.	Границы продуктивности моделей	120
1.6.2.3.	Ограничение на количество ветвлений	122
1.6.2.4.	Случаи потенциального нарушения ограничения на количество ветвлений	123
1.6.2.5.	Ограничение на количество ветвлений сложных слов – анализ.....	125
1.6.2.6.	Ограничение на количество ветвлений и лейблинг	127
1.6.2.7.	Лейблинг и отношения между морфологией и синтаксисом.....	129
1.6.3.	Ограничение на направление ветвления	130
1.6.3.1.	Последовательно левое ветвление	130
1.6.3.2.	Порядок слов в современной генеративной грамматике и направление ветвления в сложных словах	132
1.6.3.3.	Ограничение на направление ветвления и лейблинг вершин	133
1.6.3.4.	Ограничения на количество ветвлений, направление ветвления и лейблинг составляющих	137

1.6.3.5.	Ограничения на количество и направление ветвления – промежуточные итоги.....	139
1.6.3.6.	Сложные слова с предлогом.....	140
1.7.	Сочинение в сложных словах.....	143
1.7.1.	Ограничение на сочинение вершин.....	143
1.7.2.	Структура сочиненной составляющей.....	145
1.8.	Немного о <i>себе</i> и <i>сам</i>	148
1.8.1.	Проблема подлежащего.....	149
1.8.2.	Средства рефлексивизации.....	150
1.8.3.	Сложные слова и выражение семантических участников.....	153
1.8.4.	Рефлексивные элементы и их роль в сложных словах.....	157
1.8.4.1.	Субъектное сам.....	157
1.8.4.2.	сам или себя?.....	159
1.8.4.3.	Кодирование прямого объекта.....	160
1.8.4.4.	сам в роли косвенных участников.....	162
1.8.4.5.	Функции сам в сложных словах: итоги.....	163
1.8.4.6.	сам, но не себя – X_0 vs. XP	163
1.8.4.7.	Сложные глаголы с сам.....	165
1.8.5.	Итоги: <i>сам</i> в сложных словах как свидетельство отсутствия доминирования и си- командования.....	167
1.9.	Выводы по Главе 1.....	168
Глава 2. (Де)композиционный анализ глагольной лексики: осетинские сложные предикаты.....		171
2.1.	Сложные предикаты – определения, свойства, основные подходы.....	172
2.1.1.	Сложные предикаты в иранских языках и других языках мира.....	172
2.1.2.	Сложные предикаты и теория лексической декомпозиции.....	176
2.2.	Морфосинтаксис осетинских сложных предикатов.....	180
2.2.1.	Префиксация.....	180
2.2.2.	Ударение.....	182
2.2.3.	Отрицание.....	183
2.2.4.	Линейный порядок.....	185
2.2.5.	Невозможность ветвления ИЧ.....	186
2.3.	Композиционный синтаксический анализ осетинских СП.....	186
2.3.1.	Возможные подходы к СП.....	187
2.3.2.	Структура осетинских СП – первое приближение.....	188
2.4.	Аргументная и событийная структура СП.....	196
2.4.1.	типы ИЧ.....	196
2.4.1.1.	Прилагательные.....	197

2.4.1.2.	Существительные	198
2.4.1.3.	Звукоподражательные имена и редупликации	200
2.4.2.	Разновидности ЛГ	201
2.4.3.	Аргументы беспрефиксных ИЧ	202
2.4.3.1.	Аргументы СП с прилагательными	202
2.4.3.1.1.	ЛГ 'быть'	202
2.4.3.1.2.	ЛГ 'делать'	203
2.4.3.2.	Структура беспрефиксных СП с прилагательными	203
2.4.3.3.	Аргументы СП с существительными	206
2.4.3.3.1.	ЛГ 'быть'	206
2.4.3.3.2.	ЛГ 'делать'	206
2.4.3.4.	Структура беспрефиксных СП с существительными	207
2.4.3.5.	Свойства и структура беспрефиксных СП: краткие итоги	209
2.4.4.	Аргументы префиксальных ИЧ	209
2.4.4.1.	Аргументы ИЧ-прилагательных	210
2.4.4.1.1.	ЛГ 'быть'	210
2.4.4.1.2.	ЛГ 'делать'	210
2.4.4.2.	Структура префиксальных СП с прилагательными	211
2.4.4.3.	Аргументы ИЧ-существительных	215
2.4.4.3.1.	ЛГ 'быть'	215
2.4.4.3.2.	ЛГ 'делать'	215
2.4.4.4.	Структура префиксальных СП с существительными	216
2.4.4.5.	Свойства и структура префиксальных СП: краткие итоги	217
2.4.5.	Структура адъективных и именных СП: итоги	217
2.4.6.	Свойства СП <i>transitiva tantum</i>	218
2.4.6.1.	Отсутствие чередования в беспрефиксной форме	219
2.4.6.2.	Контексты, диагностирующие наличие внешнего и внутреннего аргумента СП	220
2.4.6.3.	Гипотеза о структуре СП <i>transitiva tantum</i> и аргументная структура СП	220
2.4.7.	Свойства СП <i>mutata tantum</i> со звукоподражательными словами и событийная структура СП	223
2.4.8.	Аргументная и событийная структура СП различных типов	226
2.5.	Другие особенности внутренней структуры СП	228
2.5.1.	Эллипсис и сочинение	228
2.5.1.1.	Эллипсис СП	228
2.5.1.2.	Сочинение	231
2.5.1.3.	Результаты обсуждения эллипсиса и сочинения СП	239
2.5.2.	Морфологические показатели на ИЧ	240

2.5.2.1.	Адъективная морфология на ИЧ.....	240
2.5.2.2.	Именная морфология на ИЧ.....	242
2.5.2.3.	Результаты обсуждения морфологического маркирования СП.....	246
2.6.	Выводы по Главе 2	246
Глава 3. Сложные глаголы образа действия и результата в тюркских языках.....		248
3.1.	Сложные глаголы образа действия: примеры употребления	249
3.2.	Семантические свойства СГ образа действия	251
3.3.	Возможные варианты анализа СГ.....	252
3.3.1.	Лексический подход.....	252
3.3.2.	Вспомогательные глаголы.....	252
3.3.3.	Глагол результата и образа действия: структура комплемент-зависимое	254
3.3.4.	Сочинение	255
3.3.5.	Адъюнкция образа действия к результату	257
3.3.6.	СГ образа действия – определение	258
3.4.	Свойства СГ образа действия.....	258
3.4.1.	Идентичность участников и однособытийность	258
3.4.2.	Фиксированный порядок “образ действия – результат”	261
3.4.3.	Сочинение и межкатегориальная морфология	261
3.4.4.	Сочинение проекций или вершин?	268
3.4.5.	Пассивизация	272
3.4.6.	Свойства СГ образа действия: итоги	274
3.5.	Глаголы результата и образа действия в свете теории лексической декомпозиции.....	274
3.5.1.	Дихотомия образ действия vs. результат / направленное движение в теоретической литературе.....	275
3.5.2.	Глаголы образа действия и результата в сочетании с обстоятельствами длительности	279
3.5.3.	Семантические свойства глаголов образа действия и глаголов результата	281
3.6.	Структура глагольной группы с СГ.....	290
3.6.1.	Однособытийность, идентичность участников и время ситуации	295
3.6.2.	Фиксированный порядок следования глаголов	299
3.6.3.	Возможность употребления неоформленного аккузатива при СГ	302
3.6.4.	Пассивизация и различие в структуре СГ и других сочиненных глагольных групп.....	304
3.6.5.	Синтаксическая структура конструкций со сложным глаголом: анализ и некоторые проблемы.....	308
3.6.6.	СГ как сериальные конструкции.....	314
3.7.	Выводы по Главе 3	317

ЧАСТЬ II. КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ В МОРФОСИНТАКСИСЕ

Глава 4. Семантика и морфосинтаксис тюркских сериализаций в синхронной и диахронической перспективе.....	321
4.1. п-конверб: определение и свойства	322
4.2. Сериализации.....	334
4.3. Синтаксический статус проекций, возглавляемых п-конвербами.....	343
4.3.1. Проблема сочинения и подчинения.....	343
4.3.2. Возможность подчинительной и сочинительной трактовки конвербов	345
4.3.3. Подчинение, сочинение и прагматическое ограничение на связь ситуаций	346
4.3.4. Вложение и соположение, односубъектность и разносубъектность, PRO	349
4.3.5. Критерии разграничения адьюнкции и сочинения	350
4.3.5.1. Морфологический критерий.....	350
4.3.5.2. Способность к экстрапозиции.....	353
4.3.6. Результаты применения тестов	354
4.3.6.1. Морфологический критерий.....	355
4.3.6.2. Способность к экстрапозиции.....	356
4.3.7. Прямое (strict) и измененное (sloppy) прочтение	357
4.3.8. Итоги: двойственная природа тюркских конвербов	359
4.4. Сериальные конструкции: грамматическая и директивная семантика.....	359
4.4.1. Лексическое и грамматическое значение тюркских сериализаторов.....	359
4.4.2. Источники языковых данных и принципы исследования	361
4.4.3. Глаголы различных семантических классов в функции вспомогательных	362
4.4.3.1. Глаголы позиции и ненаправленного движения	362
4.4.3.2. Глаголы смены собственности.....	367
4.4.3.3. Глаголы изменения пространственного положения пациенса.....	371
4.4.3.4. Глаголы направленного движения.....	378
4.4.3.5. Глаголы восприятия	390
4.4.3.6. Бытийные глаголы.....	393
4.4.4. Итоги: лексические и грамматические значения сериализаторов	395
4.5. Грамматикализация и реструктурирование	398
4.5.1. Тюркские конструкции со вспомогательными глаголами	398
4.5.2. Ограничения на взаимодействие сериального и лексического глаголов.....	399
4.5.2.1. Возможные подходы к анализу КСГ	399
4.5.2.2. КСГ и композициональность синтаксической структуры клаузы.....	403
4.5.2.3. vP.....	407
4.5.3. Структура КСГ	411
4.5.3.1. Сочетаемость с показателем отрицания.....	411

4.5.3.1.1.	Дистрибуция показателя отрицания.....	411
4.5.3.1.2.	Значение показателя отрицания при расположении на смысловом и(ли) вспомогательном глаголе	413
4.5.3.1.3.	Позиция показателя отрицания в структуре КСГ	415
4.5.3.2.	Актантная деривация и КСГ.....	420
4.5.3.2.1.	Пассивизация	420
4.5.3.2.1.1.	Типы пассивных значений	420
4.5.3.2.1.2.	Расположение пассивного показателя в КСГ	423
4.5.3.2.1.3.	Способы выражения собственно пассивного значения в КСГ	425
4.5.3.2.1.4.	Антикаузативное значение пассива и его сочетаемость с глаголами разной аргументной структуры в КСГ	428
4.5.3.2.1.5.	Сочетаемость антикаузативного пассива с разными вспомогательными глаголами	431
4.5.3.2.1.6.	Безличный антикаузативный пассив	436
4.5.3.2.1.7.	Сфера действия пассивного показателя	439
4.5.3.2.1.8.	Структура пассивных и антикаузативных клауз.....	442
4.5.3.2.1.9.	Позиция собственно пассивных показателей в структуре КСГ.....	447
4.5.3.2.1.10.	Позиция антикаузативных показателей в структуре КСГ.....	452
4.5.3.2.2.	Каузативизация.....	456
4.5.3.2.2.1.	Дистрибуция каузативного показателя	456
4.5.3.2.2.2.	Падежное кодирование участников.....	460
4.5.3.2.2.3.	Дублирование каузативного показателя и двойная каузация	461
4.5.3.2.2.4.	Интерпретация каузативных форм	465
4.5.3.2.2.5.	Структура каузативных клауз	471
4.5.3.2.2.6.	Позиция каузативного показателя в КСГ.....	475
4.5.4.	КСГ в контексте показателей отрицания и актантной деривации: итоги	480
4.6.	Выводы по Главе 4	482
Глава 5. Морфосинтаксис адъективной проекции в русском языке: атрибутивность, предикативность, сравнение.....		484
5.1.	Суффиксы русских прилагательных как элементы, определяющие адъективный синтаксис...	485
5.1.1.	Синтаксическая деривация и деривационная морфология	485
5.1.2.	Функции суффиксов <i>-н</i> и <i>-ск</i> по АГ-80.....	489
5.1.3.	Свойства русских суффиксов прилагательных (на материале <i>-н</i> и <i>-ск</i>).....	491
5.1.3.1.	Рекатегоризация и обстоятельственная функция	491
5.1.3.2.	Краткая форма	492
5.1.3.3.	Компаратив	493
5.1.3.4.	Абстрактные имена	494
5.1.3.5.	Сочетаемость с отадъективными суффиксами.....	495

5.1.3.6.	Ограничения управления	496
5.1.4.	Суффиксы как самостоятельные единицы с селективными свойствами	496
5.1.5.	Типы основ, оформляемых суффиксами прилагательных	497
5.1.6.	Итоги: свойства суффиксов прилагательных в русском языке.....	498
5.2.	Атрибутивность: генитив качества как носитель адъективного признака	499
5.2.1.	Генитив качества как особый тип именных составляющих	500
5.2.2.	Генитив качества и прилагательное	504
5.2.2.1.	Препозитивное употребление	504
5.2.2.2.	Сочинение	506
5.2.2.3.	Предикация	507
5.2.2.4.	А'-передвижение.....	508
5.2.2.5.	Проминализация.....	511
5.2.2.6.	О направлении синтаксической зависимости у генитивов качества и прилагательных 512	
5.2.2.7.	Возможность употребления более чем одного генитивного зависимого	513
5.2.2.8.	Распространение именных групп с генитивом качества	514
5.2.3.	Анализ: генитив качества как атрибутивное определение, задающее свойство	515
5.2.3.1.	Синтаксический статус генитива качества	515
5.2.3.2.	Источник генитивного значения падежного признака	516
5.2.3.3.	Семантический анализ генитива качества	519
5.2.4.	Итоги: адъективная природа генитивов качества	522
5.3.	Предикативность: Аргументная структура и варианты предикативного употребления прилагательных	523
5.3.1.	Синтаксическая структура обособленных атрибутов.....	523
5.3.1.1.	Конструкции с обособленными атрибутами.....	523
5.3.1.2.	Распространенность и/ли интонационное выделение.....	527
5.3.1.3.	Чем не являются АО.....	529
5.3.1.4.	Местоимения и имена собственные	530
5.3.1.5.	Связывание рефлексивов	531
5.3.1.6.	Поведение в контексте прямых и косвенных падежей	531
5.3.1.7.	Структура и процесс деривации АО.....	533
5.3.1.8.	Сочинение и предикативная функция прилагательных.....	535
5.3.1.9.	Итоги: обособление как особый тип предикативности	535
5.3.2.	Управление прилагательных	536
5.3.2.1.	Лексический и конфигурационный подходы к управлению.....	536
5.3.2.2.	Семантические и синтаксические валентности прилагательных	537
5.3.2.3.	Семантические классы прилагательных	541

5.3.2.4.	Управление отдельных семантических классов.....	546
5.3.2.4.1.	Участники класса ТОЖДЕСТВО.....	546
5.3.2.4.2.	Участники класса ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ.....	548
5.3.2.4.3.	Участники класса ПРОСТРАНСТВЕННЫХ прилагательных.....	548
5.3.2.5.	Семантические (гипер)роли и сирконстанты, употребляющиеся более чем с одним классом прилагательных.....	549
5.3.2.5.1.	Контрагент.....	549
5.3.2.5.2.	Субъект оценки / экспериенцер / бенефактив / целевой стандарт.....	550
5.3.2.5.3.	Основание / содержание.....	558
5.3.2.5.4.	Сложные предлоги.....	559
5.3.2.5.5.	Сирконстанты.....	561
5.3.2.6.	Смена семантического класса за счет введения нового участника.....	562
5.3.2.7.	Лексические валентности и семантика прилагательных – результаты.....	563
5.3.3.	Аргументная структура русских прилагательных.....	566
5.3.3.1.	Подходы к аргументной структуре прилагательных.....	566
5.3.3.2.	Прилагательные в предикативной функции.....	568
5.3.3.3.	Прилагательные с зависимыми в различных контекстах.....	573
5.3.3.4.	Структура адъективной группы в русском языке.....	575
5.3.3.4.1.	Существующие подходы к структуре адъективной группы.....	575
5.3.3.4.2.	Подходы к структуре именной предикации.....	577
5.3.3.5.	Основные принципы предлагаемого анализа.....	578
5.3.3.6.	Аргументная структура прилагательных и внешняя дистрибуция адъективных проекций 579	
5.3.3.6.1.	КФ.....	579
5.3.3.6.2.	ПФ прилагательных с зависимыми в атрибутивной позиции.....	580
5.3.3.6.3.	Предикативные ПФ прилагательных без комплементов.....	582
5.3.3.6.4.	Предикативные ПФ с комплементами.....	584
5.3.3.6.5.	Вторичная предикация и обособления.....	585
5.3.3.7.	Некоторые следствия.....	587
5.3.3.7.1.	Интерпретация ПФ прилагательных.....	587
5.3.3.7.2.	Прилагательные с сильной валентностью.....	587
5.3.3.7.3.	предикаты ТОЖДЕСТВА.....	588
5.3.3.7.4.	Отадъективные номинализации.....	589
5.3.3.8.	Итоги: аргументная структура и синтаксис предикативных прилагательных.....	589
5.4.	О синтаксисе компаратива в русском языке.....	589
5.4.1.	Морфологический и аналитический компаратив.....	592
5.4.1.1.	Основные свойства сравнительной степени.....	592

5.4.1.2.	Семантические различия между МК и АК.....	594
5.4.1.3.	Предыдущие подходы к анализу сравнительных конструкций.....	595
5.4.2.	Синтаксическая структура компаратива в русском языке	599
5.4.2.1.	МК и АК: структурные сходства и различия.....	599
5.4.2.2.	Компаратив от неградуальных прилагательных	601
5.4.2.3.	Стандарт сравнения.....	604
5.4.2.4.	Дифференциал	608
5.4.3.	Итоги: морфология, синтаксис и семантика компаратива	610
5.5.	Выводы по Главе 5	611
6.	Заключение	614
7.	Список литературы	617
8.	Источники и оформление примеров, список глосс	649
9.	Условные обозначения и терминология	651
10.	Список языков.....	654
11.	Список иллюстративного материала: таблицы	656
12.	Приложение 1. «Веб как корпус»	658
13.	Приложение 2. Прототип программы анализа сложных слов для русского языка	663

Введение

0.1. Композициональность: история изучения и степень разработанности проблемы

Принято считать, что впервые понятие композициональности сформулировал Г. Фреге. Как, однако, указывается в [Janssen 2012], для Фреге был не менее важен принцип контекстуальности, т.е. влияние контекста на интерпретацию, в современном же понимании принцип композициональности восходит скорее к Р. Карнапу (ученику Фреге) и Р. Монтегю.

Впервые о композициональности языковых выражений в ее нынешнем понимании упомянули Дж. Кац и Дж. Фодор, см. [Katz, Fodor 1963]. Однако вдумчивое осмысление этого понятия в современной лингвистике началось, скорее всего, с классической статьи Барбары Парти [Partee 1984], см. также [Partee 1995; Partee 2004]. Парти предлагает два определения Принципа Композициональности, исходное и уточненное:

(0.1) Композициональность, первое определение [Partee 1995: 313]

Значение целого есть функция значений его частей¹

(0.1') Композициональность, второе определение [Partee 1995: 313]

Значение целого есть функция значений его частей и способа их синтаксического комбинирования²

Композициональность (композиционность) интересует лингвистов потому, что затрагивает важный (а для многих исследователей – важнейший) вопрос о природе языковой способности человека. Как показывают нам изначальная и уточненная формулировки определения Парти, с понятием композициональности связаны две ключевые проблемы: i) насколько последовательны правила соединения простых значений в сложное и ii) как эти правила связаны с языковой структурой. Нас будут интересовать оба аспекта проблемы композициональности.

По замечанию Е.В. Падучевой: «принцип композиционности понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем,

¹ «The meaning of a whole is a function of the meanings of the parts», [Partee 1995: 313].

² «The meaning of a whole is a function of the meanings of the parts and of the way they are syntactically combined», [Partee 1995: 313].

синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и проч. в составе высказывания. Речь идет, таким образом, не столько о принципе композиционности, который принимается как данное, сколько о самих правилах композиции смыслов», [Падучева 1999: 3]. В данной работе мы не станем подробно останавливаться на правилах семантической композиции – исследованиям того, как аргумент или адьюнкт соединяются с предикатом, было уделено достаточно внимания, см. упомянутую уже работу [Падучева 1999] или [Kratzer, Heim 1998].

Вместо этого мы рассмотрим некоторые случаи, которые могут показаться отклонением от принципа композициональности. Мы также коснемся вопроса о том, где именно в языке исследователи обычно ожидают увидеть композициональность, а где – нет, и попробуем понять, оправданы ли эти ожидания.

Ряд отклонений от строгой композициональности отметила уже Б. Парти. Точнее, Парти показала, что при анализе композиции некоторых элементов мы должны учитывать их специфику: не все прилагательные соединяются с именами по одним и тем же законам, необходимо особым образом учитывать вклад дейктических элементов и т.д. Наиболее серьезные «испытания» принцип композициональности проходит в тот момент, когда произнесенное высказывание переносится в конситуацию, см. [Кобозева 2000: 52]. Для того, чтобы решить эти проблемы (актуальные, как известно, и для систем искусственного интеллекта, см. [Jurafsky, Martin 2009: 1-16]), необходимо научиться хорошо понимать принципы построения прагматических импликаций, установления дискурсивных и дейктических связей и т.д. Автор диссертации ставил перед собой более узкую задачу – оценить композициональность пропозиционального содержания высказывания до его вхождения в конситуацию.

Дальнейшая парадигма исследований композициональности получила разнообразные варианты развития, см. вышедший относительно недавно «The Oxford Handbook of Compositionality», [Werning et al. 2012], где представлены современные подходы к различным аспектам и проявлениям композициональности: исследуется роль композициональности в теоретическом аппарате лингвистики, ее понимание в формальной семантике и синтаксисе, изучается роль и последствия применения принципа композициональности в психолингвистике, эволюционной лингвистике, компьютерном моделировании, см. относительно последнего также [Fulop, Keenan 2002; Keenan, Stabler 2004].

Итак, композициональность предполагает наличие некоторых регулярных правил сочетания элементов, поэтому одной из наших задач будет установить, где именно локализованы подобные правила. Изложим вкратце наше представление о том, как именно организовано традиционное разделение языка на словарь и правила.

Мы примем точку зрения, в соответствии с которой лексикон как часть естественного языка определяется в первую очередь внеязыковой действительностью и не (обязательно) связан с механизмом, ответственным за композициональность. Таким механизмом мы будем считать – в самом широком смысле – способность получать бесконечное количество языковых выражений из ограниченного материала, т.е. единиц лексикона. Подобный подход можно считать стандартным, ср., например: «Два главных компонента исходного представления смысла предложения – это лексический состав предложения и синтаксическая структура», [Падучева 1999: 4].

Мы не будем касаться (столь детально проработанного в отечественной лингвистике) вопроса о том, насколько систематичны отношения внутри лексикона. Применительно к исследованию словаря наша задача будет несколько иной – понять, насколько продуктивные правила, связанные с грамматикой, могут вторгаться в лексикон и быть источником новых элементов в нем.

Возможны следующие взгляды относительно применимости регулярных правил (= правил синтаксиса) «внутри» лексикона. С точки зрения одних исследователей, см., например, теорию Семантических Примитивов [Wierzbicka 1996] или Порождающего Лексикона, [Pustejovsky 1991; Pustejovsky 1998], весь лексикон может быть построен из некоторых элементарных единиц. В случае Семантических Примитивов правила построения не вполне прозрачны. Поскольку нас прежде всего будут интересовать именно регулярные правила соединения элементов, скажем несколько слов о концепции Порождающего Лексикона.

Идея Пустейовского проста и стандартна для семейства генеративных подходов – построить формализм, помогающий воспроизводить бесконечное количество значений из ограниченного набора элементов. Всю работу по воспроизводству новых значений автор предлагает перенести в лексикон. Например, различие между двумя вариантами глагола *wipe* ‘вытереть’ в случаях *John wiped the table* ‘Джон вытер стол’ и *John wiped the table clean* ‘Джон вытер стол досуха’ сводятся к присутствию во втором случае регулярного компонента лексических значений *cause*. Таким образом, с точки зрения Пустейовского, перед нами два разных глагола *wipe*, $wipe_1 = \text{change}(x, \text{State}(y))$ и $wipe_2 = \text{cause}(x, \text{Become}(\text{clean}(y)))$, см. [Pustejovsky 1991: 418].

Перенос «синтаксической работы» в лексикон удобен, например, в проектах, связанных с компьютерным анализом и моделированием, каковым отчасти и является Порождающий Лексикон.³ В разработке идеальной теоретической модели языка, это, однако, представляется

³ Похожая (возможно, даже более развитая и последовательная) методология применяется в *Abbyu Compreno* и в целом характерна для отечественной традиции компьютерной лингвистики, см. [Апресян и др. 1989; Апресян и др. 2005].

неоправданным. Модель, пытающаяся приблизиться к отражению языковой способности у человека, должна быть максимально экономной. Человек усваивает родной язык в раннем детстве, не обладая развитой способностью к систематическому анализу информации и без специального обучения. Если бы модуль, ответственный за регулярное порождение новых значений был бы связан (только) со словарем, мы, например, должны были бы наблюдать неограниченное распространение некоторых регулярных моделей в словаре. Так, каузативно-инхоативное чередование (также анализируемое Пустейовским как лексический процесс) *John broke the vase – The vase broke* ('Джон разбил вазу' – 'Ваза разбилась') должно было бы распространяться и на другие лексические единицы. Мы должны были бы иметь лексические варианты *John built the house – *The house built* ('Джон построил дом' – 'Дом построил[ся]'), которых в действительности нет в словаре.

Кажется, таким образом, разумным не переносить всю «порождающую работу» в лексикон. Другой крайностью является абсолютное лишение словаря доступа к порождающему компоненту. Такой подход представлен в парадигме Распределенной морфологии (Distributed Morphology), см. [Halle, Marantz 1993; Marantz 1997] и другие работы. С точки зрения Распределенной морфологии, словарь (Encyclopedia) лишен всяких сведений о грамматических свойствах содержащихся в нем единиц. Грамматические признаки – результат синтаксической деривации, которая, по выражению А. Маранца, проходит «all the way down», т.е. вплоть до самой основы, включая все морфологические единицы. Подобный «синтаксический экстремизм» приводит к тому, что даже принадлежность лексем к той или иной части речи (=категориальные значения) присваиваются в процессе синтаксической деривации. Солидаризуясь в целом с идеей о сложном композиционном устройстве словоформы, мы, тем не менее, далеки от того, чтобы вовсе удалять лексикон из числа языковых компонентов, как это сделано в Распределенной морфологии, см., например, [Harley, Noyer 1999].

Представление о сложной композиционной организации часто распространяется не только на словоформы, но и на лексемы. Подобная гипотеза, уходящая корнями в 80-е годы прошлого века, сегодня связана с целым семейством подходов, которое можно было бы обозначить как теорию Лексической декомпозиции (Lexical Decomposition), см. [Rapaport Novav, Levin 1998; Hale, Keyser 2002; Ramchand 2008; Borer 2013]. Согласно такому подходу, лексическое значение, например, глагола неэлементарно и состоит из набора регулярных компонентов, которым соответствуют элементы аргументной и событийной структуры глагола. Теории лексической декомпозиции, первоначально развивавшиеся на материале английского языка, нашли многочисленные подтверждения в языках, далеких от английского и европейских, таких, как, например, иранские или тюркские.

В отечественной лингвистике также неоднократно затрагивались проблемы взаимодействия значений при соединении тех или иных словоформ или частей слова, см. [Падучева 1974; Падучева 1999; Апресян 1995; Мельчук 1995; Богуславский 1996; Богуславский 1998] и другие работы. Характерная черта подхода отечественных исследователей – пристальное внимание к взаимодействию значений, имплицитно представленных в тех или иных лексемах, например, – (имплицитного) каузатора / экспериенцера или отдельных ситуаций, составляющих событие (в т.ч. относящихся к пресуппозиции / ассерции), – начала, развития, результирующего состояния, а также исследование поведения данных слагаемых лексического значения в контексте отрицания и других операторов и т.п.

Декомпозициональная перспектива имеет богатую историю изучения в отечественной науке. В «Лексической семантике» Ю.Д. Апресяна исследуется идея разложимости лексического значения на стандартные элементы, соответствующие каузативным, начальным, результирующим и другим фазам описываемых глаголами процессов, см., например, «*A показывает B X-у = показывает (A, B, X) = 'A каузирует (X видит B)' = 'каузирует (A видит (X, B))'*», [Апресян 1995: 10], см. также примеры декомпозиции [Апресян 1995: 23,72, 260-263] и т.д. Можно сказать, что написанная в 1970 г. и впервые изданная в 1974 г. «Лексическая семантика» предвосхитила многочисленные варианты декомпозициональных подходов, столь бурно развившихся впоследствии в западной лингвистике.

Ту же идею декомпозиции или атомизации лексического значения находим у И.А. Мельчука: «Толкование строится как строгое семантическое разложение толкуемой лексемы... последовательные разложения исходных лексических смыслов должны привести, в конце концов, к семантическим атомам – элементарным смыслам, далее неразложимым и задаваемым списком», [Мельчук 1995: 7]. Едва ли можно утверждать, что лингвистам на сегодня удалось осуществить такое всеобъемлющее разложение лексической структуры на ограниченный набор атомарных единиц, однако можно утверждать, что работа по выявлению отдельных (типологически) регулярных элементов структуры лексического значения увенчалась определенным успехом.

0.2. Актуальность исследования

Несмотря на известное единодушие в принятии композициональности как одного из основных принципов организации языка, среди лингвистов все чаще находят скептики в данном вопросе. Наиболее мощным источником скептицизма относительно композициональности являются лингвисты, работающие в парадигме так называемой

Грамматики конструкций (Construction Grammar). Так, например, в [Fried, Östman 2004: 22] находим: «полная интерпретация, ассоциируемая с данной конструкцией, может не быть простой суммой ее частей – и в действительности редко ей является».⁴

Действительно, конструкция как теоретический концепт возникла именно как вызов тем самым однотипным правилам комбинации элементов, которые стоят за регулярностью семантической композиции. И если нам не нужны регулярные правила в синтаксисе – нет смысла сохранять композициональность в семантике. Подобную линию рассуждений последовательно проводит А. Голдберг. В [Goldberg 2016] приводятся стандартные для противников композициональности аргументы, связанные с идиоматикой, интерпретацией синтаксиса в языках с так называемым «свободным порядком слов», словоформами полисинтетических языков, просодией и т.д. (некоторые из них упоминались еще в классической статье Парти).

Отметим, наконец, что подход к синтаксису в духе конструкций имеет некоторые параллели в предлагавшейся в отечественной лингвистике парадигме «синтаксических фразем», см. [Иомдин 2010; Рахилина (ред.) 2010: 49-58] и приведенную там литературу. Отличие подхода, предполагающего «малый», «фраземный» синтаксис, от Грамматики конструкций – в том, что Грамматика конструкций радикально отходит от идеи построения синтаксического целого последовательной проекцией единиц разных лексических категорий. Грамматика конструкций признает, например, именную группу, лишь вариантом конструкций, а не составляющей, построенной как проекция именной вершины. Подход в духе синтаксических фразем предполагает лишь частичную некомпозициональность единиц «малого синтаксиса», но не устраняет «большой синтаксис» из грамматики естественного языка.

К теоретикам грамматики конструкций в сомнениях относительно универсальности принципа композициональности с определенного момента присоединился Дж. Фодор, стоявший, как мы сказали, у истоков применения композициональности в семантическом анализе. Согласно последним воззрениям Фодора, ключевым концептом является не значение слов, а мысль (thought), поэтому язык, по его мнению – строго некомпозиционален, см. [Fodor 2001] и другие работы последних лет.⁵

Вопрос о применимости принципа композициональности, таким образом, стал более чем актуален для современной лингвистики. Актуальность эта имеет еще и практическую причину. Будучи участником различных проектов по автоматическому анализу и извлечению информации из текстов на разных языках (русском, европейских, тюркских, китайском), автор

⁴ «...the overall interpretation associated with a given construction may not be – and in fact seldom is – just the sum of its parts»

⁵ Еще одно отклонение от требования композициональности в ее классическом понимании мы встречаем в нейронных моделях, см. [Horgan 2012].

диссертации неоднократно сталкивался с вопросом о том, какие именно методы дают наиболее эффективный и быстрый результат, какие алгоритмы демонстрируют лучшее качество анализа и являются наименее ресурсоемкими и наиболее производительными и т.д. Лишь один из многих примеров актуальности описываемой проблемы для прикладной лингвистики – выбор между так называемым «грубым» (robust) синтаксическим парсингом или чанкингом (chunking) и контекстно-свободным алгоритмом парсинга, см., например, [Abney, Johnson 1991].

0.3. Научная новизна диссертации

О научной новизне работы можно говорить как минимум по двум причинам. Во-первых, проблема применимости принципа композициональности никогда прежде не была исследована на материале различных конструкций разнотипных языков, объединенных лишь тем, что все они бросают вызов этому принципу. Насколько известно автору, вопрос о возможности последовательно композиционального описания языка – от лексики до синтаксиса никогда прежде не становился специальной темой обширного научного исследования.

Другой (не менее важный для самого автора) источник новизны работы состоит в том, что в нем получают детальное описание многие частноязыковые проблемы, которые прежде были исследованы мало или недостаточно. К таким частным но, как представляется, важным конкретноязыковым проблемам мы относим: i) подробное исследование синтаксиса осетинских сложных предикатов; ii) изучение регулярных правил, действующих при образовании сложных слов и их сопоставление с правилами синтаксиса; iii) изучение грамматической семантики и синтаксиса тюркских конструкций со вспомогательными глаголами; iv) исследование синтаксиса и семантики русского генитива качества; v) изучение природы и свойств русских обособленных оборотов; vi) описание синтаксической структуры русских компаративов; vii) исследования типов управляющих русских адъективных лексем и их свойств.

0.4. Теоретическая и практическая значимость работы

Исследование принципа композициональности на широком языковом материале важно для грамматической теории по следующим причинам. Возможность взгляда на язык как последовательно композициональное явление имеет сразу несколько важных следствий для теории языка. Композициональность в том виде, как она была сформулирована Парти, влечет за собой признание существования в языке регулярных правил композиции. Эти правила должны обладать такими свойствами как бинарность и рекурсивность с одной стороны и иметь стандартные принципы интерпретации с другой. Если это действительно так, мы получаем

некоторое важное свидетельство существования у человека языковой способности, специфической именно для языка и не связанной с другими когнитивными механизмами (логическим мышлением, способностью к метафоре и метонимии и т.д.) Признание уникальности языковой способности и отсутствия связи между ней и другими когнитивными способностями человека, естественно, не исключает воздействия последних на язык. Такое воздействие логических и других ментальных способностей на язык, безусловно, существует и наблюдается, прежде всего в лексиконе и лексических различиях между языками носителей, существующих в различных культурных и природных условиях.

Существование языковой способности, специфичной для человека и отличающей его от других биологических видов, можно фактически свести к умению человека комбинировать однотипные элементы и создавать из них все бесконечное множество высказываний, наделяя такие высказывания интерпретацией, иногда не имеющей отражения во внеязыковой действительности – вспомним «глокую куздру» Щербы или «бесцветные зеленые идеи» Хомского. Такое «универсальное механизированное» средство, выделяющее человека в отдельный биологический вид, помогло бы в числе прочего объяснить парадоксально быстрое и «качественное» усвоение языка ребенком и отсутствие генетической предрасположенности к конкретному языку у того или иного этноса (любой ребенок может усвоить любой язык, оказавшись в соответствующем языковом окружении).

Практическая ценность предпринятого исследования связана прежде всего с применением лингвистической теории к решению задачи извлечения информации из неструктурированных текстов на естественном языке. Если язык последовательно композиционален, задача автоматического анализа любого конкретного языка разрешима в конечные временные рамки. Автоматический анализ любого естественного языка в таком случае сводится к составлению словаря и написанию ограниченного количества продуктивных правил, соответствующих различным языковым уровням и описывающим различные поверхностные явления. Один из возможных вариантов прикладного применения результатов работы представлен в Приложении 2.

0.5. Цели и задачи исследования

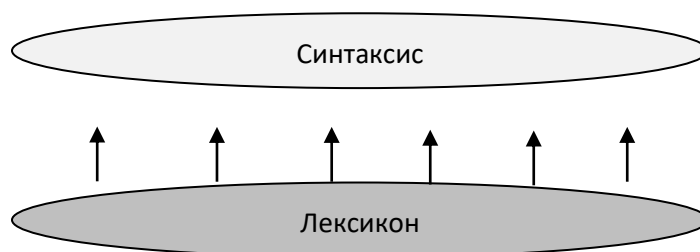
Целью работы является изучение вопроса о применимости принципа композициональности в тех случаях, когда языковое выражение не выглядит результатом последовательной композиции своих частей. Во многих подобных случаях в лингвистике прочно закрепился термин «конструкция»: сериальная конструкция, сравнительная конструкция и т.д. Как мы постараемся показать, как минимум в тех языковых явлениях,

которые получили освещение в данной диссертации, термин «конструкция» является описательным ярлыком, а не теоретическим инструментом.

Кроме цели показать применимость принципа композициональности там, где он выглядит проблематичным, в исследовании также ставится задача проведения правильных границ между лексическим и синтаксическим компонентами. Представим основные варианты возможных подходов к вопросу о границе между лексиконом и синтаксисом.

«Первое приближение» – стандартная точка зрения, которая, как кажется, разделяется большинством лингвистов. Она состоит в том, чтобы связывать идиосинкретичность, некомпозициональность значений с лексиконом, а регулярность семантической композиции – с синтаксисом. Два компонента (более или менее) строго разделены функционально, правила синтаксиса получают на вход единицы лексикона:

(0.2)

С такой моделью полемизирует Грамматика конструкций и схожие теории, в которых – возможно, при некотором упрощении и огрублении ситуации – синтаксису нет места вовсе. Регулярность правил комбинации элементов ставится под сомнение. Более всего возражений у авторов Грамматики конструкций вызывает контекстная независимость правил. Вместо некоторых универсальных правил предлагаются конструкции, которые аналогичны «синтаксическим идиомам», ср.: «конструкции могут быть идиоматичными в том смысле, что объемлющая конструкция может приносить семантическую (и/ли прагматическую) информацию, отличную от той, которая может быть вычислена из соответствующих значений меньших конструкций», [Fillmore Kay, O'Connor 1988: 501].⁶

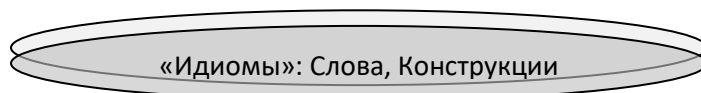
Отметим, что в рамках других теорий – сколь бы они ни были различны – идиомы обычно считаются некомпозициональными и помещаются в словарь, см., например, [Boguslavsky 2011] или [Harley, Noyer 1999].

Согласно Грамматике конструкций, таким образом, язык практически целиком представляет собой «лексикон» – с тем лишь отличием от стандартного понимания этого

⁶ «...constructions may be idiomatic in the sense that a large construction may specify a semantics (and/or pragmatics) that is distinct from what might be calculated from the associated semantics of the set of smaller constructions that could be used to build the same morphosyntactic object», [Fillmore Kay & O'Connor 1988: 501].

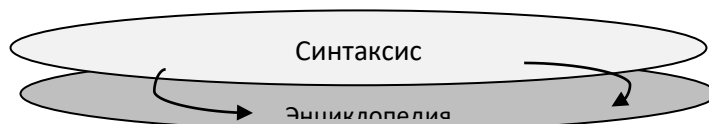
термина, что в Грамматике конструкций единицами такого «лексикона» являются не только слова:

(0.3)

Другая крайность – модели типа Распределенной морфологии, где предельно «сжата» словарная область, а синтаксис оперирует уже внутри словоформ. Модуль, который (примерно) соответствует лексикону в стандартных подходах – Энциклопедия (Encyclopedia), не содержащая никакой грамматической информации и хранящая лишь семантические представления о внеязыковой действительности:

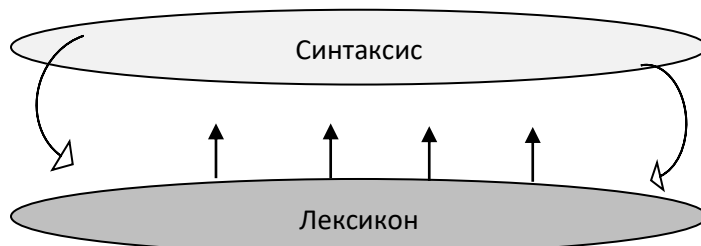
(0.4)

Синтаксис обращается к Энциклопедии лишь для того, чтобы проинтерпретировать построенные высказывания, а на сам процесс построения словоформ и синтаксических составляющих (первые и вторые также неразличимы с точки зрения Распределенной морфологии) Энциклопедия влияния не оказывает.

Вариант взаимодействия лексикона и синтаксиса, к которому мы предполагаем прийти в результате нашего исследования основывается на первом, стандартном понимании разделения труда между лексиконом и синтаксисом. Наш подход, однако, предполагает некоторое умеренное «вторжение» синтаксиса в область лексикона. А именно, мы считаем, что лексикон может быть «прозрачен» для синтаксиса – часть его единиц получается регулярным способом по правилам, аналогичным синтаксическим:

(0.5)

Таким образом, модификация, которую предлагаемый нами подход привносит в стандартную модель, связана с тем, что синтаксические правила могут участвовать в образовании новых элементов лексикона. Такие новообразованные элементы не попадают сразу в синтаксическую деривацию, а становятся частью лексикона – в этом отличие нашего подхода от моделей типа Распределенной морфологии. С таким «расширенным» вариантом лексикона и имеют дело синтаксические правила, порождающие неограниченное количество высказываний на основе единиц лексикона.

Определимся с зоной синтаксических или, точнее, морфосинтаксических явлений, вошедших в работу. Мы будем исследовать такие языковые явления, в которых синтаксическая структура и ее интерпретация явным образом отражаются в морфологической форме. Нас будут прежде всего интересовать такие морфосинтаксические явления как актантная деривация, морфологическое выражение отрицания (в тюркских языках), деривационная морфология и выражение категории атрибутивности / предикативности в русских прилагательных, а также способы кодирования сравнения и некоторые другие случаи морфологического оформления синтаксических функций.

Итак, главные цели диссертации: i) показать, что исследуемые грамматические явления последовательно композициональны и ii) установить верную границу между языковыми правилами и элементами, с которыми они оперируют. Для достижения этих целей ставится задача систематического исследования материала разноструктурных языков и их описания в терминах формального синтаксиса, а также посредством методов синтаксической типологии и сопоставительной лингвистики. В работе используется формальный аппарат, принятый в современной версии порождающей грамматики, – так называемая Минималистская программа. Базовые принципы и технический инвентарь минимализма уже получали освещение в работах на русском языке, см. [Кибрик и др. (ред.) 1997; Исакадзе 1999; Тестелец 2001; Митренина и др. 2012]. Автор, впрочем, надеется, что основные идеи диссертации будут доступны без углубления в технические детали формального представления.

В процессе решения поставленных задач будет решено некоторое количество подзадач, связанных с исследованием и систематизацией отдельных зон грамматики конкретных языков (особенности диахронии и грамматической семантики тюркских сериализаций, проблема подлежащего в тюркских конвербах, семантическая классификация управляющих прилагательных и др.), прежде получавших недостаточное на наш взгляд описание.

Глобальной целью работы является, таким образом, описание в композициональных терминах ряда сложных языковых явлений. Отметим, что подобная работа в последние годы активно проводится в некоторых конкретноязыковых исследованиях, проводившихся в нашей стране. В ряде исследований отечественных ученых были предложены детально проработанные

концепции анализа тех или иных аспектов морфологии и синтаксиса отдельных языков с позиций композициональной организации семантического и морфосинтаксического компонентов, см. [Лютикова и др. 2006] о структуре события в карачаево-балкарском языке, [Пазельская 2006] о русской номинализации, [Татевосов 2010] об акциональной композиции в русском, тюркских и других языках.

0.6. Методология сбора материала, объект и методы исследования

В диссертации было использовано несколько методик сбора языкового материала.⁷ Во-первых, существенная часть данных была получена методом грамматического анкетирования в рамках полевых исследований лингвистической экспедиции ОТиПЛ МГУ. В диссертацию вошли результаты полевого анкетирования по багвалинскому языку, мишарскому диалекту татарского языка⁸, чувашскому, карачаево-балкарскому, тубаларскому, осетинскому и бурятскому языкам. Данные нескольких языков (мишарский, карачаево-балкарский и осетинский языки) были систематизированы и хранятся в виде языковых баз данных, которые могут быть при необходимости предъявлены.

Другим методом сбора языковых данных был подход в парадигме «Веб как корпус», см. см. [Kilgarriff 2001; Kilgarriff 2003]. «Веб как корпус» предполагает достаточно разнообразные способы сбора и исследования языковых данных, из которых в диссертации использовано два следующих. Примеры на определенные языковые явления из русского, европейских и некоторых тюркских языков были собраны с помощью поисковых систем Яндекс и Google и проверены с информантом-носителем языка. Примеры из русского языка собирались автором также по имеющейся у него коллекции русской литературы 19-20 вв. Важным методологическим инструментом был анализ отрицательного языкового материала. Чаще всего такой материал получался либо изменением структуры найденных в интернете или коллекциях текстов примеров, либо конструированием неграмматичных примеров с последующим сбором мнений носителей.

Второй вариант использования интернета в качестве источника лингвистических данных был описан, например, в работе [Sharoff 2006]. Впервые подобный метод сбора данных был применен автором в 1999-2000 г., когда он еще не получил широкого распространения в корпусной и компьютерной лингвистике. В последующем, в работе [Grashchenkov et al. 2011] был кратко изложен сам метод и представлены некоторые возможные результаты его

⁷ Правила оформления примеров (в том числе – указание источника и т.п.) приведены в разделе 8.

⁸ Далее – просто мишарский, без указания диалектного статуса.

применения. Вкратце процедура сводится к следующим этапам: i) сбору текстов на языке-объекте в интернете посредством употребления наиболее частотных и характеристических слов данного языка; ii) фильтрации дубликатов и «мусорных текстов»; iii) частичной разметке текста, релевантной для конкретного исследования либо написанию запроса средствами какого-либо языка программирования. Подобным образом были получены и проанализированы данные казахского, киргизского и осетинского языков (ни один из них не обладал доступным корпусом к моменту проведения исследования). Использованная методология сбора и анализа языкового материала согласно парадигме «Веб как корпус» более подробно описана в Приложении 1.

Наконец, часть русских данных (прежде всего – при исследовании конструкций с обособлением) была получена с помощью Синтаксического подкорпуса Национального корпуса русского языка,⁹ см. описание [Апресян и др. 2005].¹⁰

В диссертации подробно проанализированы следующие грамматические явления: i) словосложение в русском языке (преимущественно на материале прилагательных); ii) сложные глаголы осетинского языка; iii) тюркские составные глагольные лексемы со значением ‘образ действия – результат’; iv) тюркские сериализации; v) различные контексты употребления прилагательного в русском языке (предикативный, компаративный, атрибутивный и т.д.).

Покажем, где и каким образом в упомянутых грамматических зонах возникают проблемы с композициональностью, и построим исчисление возможных случаев нарушения композициональности и ее ожидаемой «области применения». Начнем с обсуждения последовательного проявления композициональности там, где ее обычно не принято обнаруживать, – в лексиконе.

Как уже было сказано, для композициональности одинаково важны как правила сложения семантических элементов, так и правила композиции элементов синтаксиса. Два основных типа нарушений композициональности: i) результаты применения синтаксических и семантических правил не совпадают; ii) применение правил приводит к неграмматичности. Разберем последовательно некомпозициональность однократного применения правил, т.е. соединения двух элементов, а затем перейдем к более чем однократному применению правил.

Условимся обозначать заглавными латинскими буквами элементы синтаксиса, а соответствующими им строчными буквами – семантику таких элементов. Как и принято, результат правил синтаксической композиции будем записывать при помощи квадратных скобок, [A B], а в круглые кавычки будем заключать значения: ‘A’, ‘B’ и т.д. Итак, первый случай – собственно пример композициональности:

⁹ СинТагРус далее в тексте.

¹⁰ Автор признателен за предоставление офф-лайн версии этого корпуса.

(0.6) ‘[A B]’ = ‘A’ + ‘B’

Как мы уже говорили, композициональность характерна не только для синтаксиса, т.е. для образования фраз на основе словоформ, но и для отдельных случаев образования единиц лексикона, лексем.

Первый случай регулярного построения лексем по правилам синтаксиса – сложные слова, следующая таблица демонстрирует изоморфизм правил построения и интерпретации различных типов синтаксических составляющих с одной стороны и сложных прилагательных – с другой:

Таблица 0.1. Изоморфизм правил построения синтаксических составляющих и сложных прилагательных

тип проекции	сложное слово
именная группа	
с прилагательным	<i>высокогорный, равнобедренный</i>
с количественным числительным	<i>двухъярусный, трехэтажный</i>
с порядковым числительным	<i>первоклассный, второсортный</i>
глагольная группа	
с прямым объектом	<i>бумагоделательный, звуковоспроизводящий</i>
с инструментом / средством	<i>электроосветительный, газоснабжающий</i>
с обстоятельством образа действия	<i>долготерпеливый, здравомыслящий</i>
с локативным участником	<i>мореходный, водоплавающий</i>
группа прилагательного	
с предложным зависимым	<i>солнцестойкий, влагозависимый</i>
сочиненная группа	
прилагательные, причастия	<i>сдавленно-сдержанный, сиренево-желтый</i>
предложная группа	
предлог и имя	<i>околонаучный, послеполуденный</i>

Перейдем к случаям отклонения от композициональности. Первый возможный сценарий – нетождественность значений целого и частей:

(0.7) '[A B]' ≠ 'A' + 'B'

Подобное можно наблюдать в так называемых сериальных конструкциях или конструкциях со вспомогательным глаголом в тюркских языках. Ряд тюркских глагольных лексем при сочетании с другими глагольными единицами может менять значение и функции. Вместо обычного значения, представленного в ii), глагол 'видеть' приобретает грамматическое значение i):

(0.8) карачаево-балкарский

Къонакъла этни аша-б кёр-дю-ле.

гости мясо есть-CONV видеть-PST-PL

Значения:

i) 'Гости попробовали (есть) мясо.'

ii) 'Гости ели мясо и (что-то) видели.'

В первой интерпретации, соответствующей сериальной конструкции, глагол 'видеть' имеет значения «проба действия; модальный оттенок удивления свершившимся действием», см. [Гращенко 2015б: 88]; во втором случае перед нами – обычное лексическое значение.

Грамматическое значение попытки является результатом диахронического развития, (грамматикализации) исходного значения 'видеть', см. [Johanson 1995]. Принято считать, см., например, [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Haspelmath 1999], что результатом грамматикализации всегда является упрощение исходной семантики. Нам, однако, не представляется очевидным, что значение попытки содержится в семантике глагола 'видеть', поэтому мы определим данный случай как неравенство (а не подмножество) исходного и конечного значений. Вряд ли одну из интерпретаций i) или ii) можно считать содержащейся в другой.

Возможен и случай, когда значения сложного элемента меньше значения частей, из которых он составлен:

(0.9) '[A B]' < 'A' + 'B'

Первый пример подобного отклонения от композициональности – тюркские сложные глаголы, составленные из лексем образа действия и результата. Сочетание таких глаголов в тюркских языках фактически представляет новую лексему:

(0.10) карачаево-балкарский			[Гращенко 2015б: 180]
<i>учуб ётерге</i>	‘перелететь’	<i>буўуб ёлтюрюрге</i>	‘задушить’
пролетев пройти		задушив убить	
<i>жюзюб ётерге</i>	‘переплыть’	<i>атыб ёлтюрюрге</i>	‘расстрелять’
проплыв пройти		выстрелив убить	

То, что данные пары глаголов образуют лексему, можно видеть, например, по их способности пассивизироваться при наличии пассивного маркера лишь на втором глаголе и некоторым другим внутриязыковым свойствам, отличающим их от свободного сочетания глаголов с другим значением, см. [Гращенко 2015б: 178-245]:

(0.11) казахский			[Гращенко 2015б: 201]
Командор	бауызда-п	өлтір-і-л-ді.	
Командор	колоть-CONV	убивать-ST-PASS-PST	
‘Командор был заколот.’			

Как показано в [Гращенко 2015б], главное свойство, отличающее подобные образования от свободной комбинации глаголов – однособытийность. Сложные глаголы могут соответствовать только ситуации, имевшей место в один и тот же момент времени с одними и теми же участниками, в то время как обычные сочетания глаголов более свободны (и, например, допускают прочтение ‘сначала X уколол Командора, а затем Y убил его’). Таким образом, сложные глаголы (в отличие от сериальных конструкций) представляют собой еще один пример пополнения лексики благодаря регулярным синтаксическим правилам.

Другой пример случая ‘[А В]’ < ‘А’ + ‘В’, связанный уже с морфосинтаксисом, можно продемонстрировать на материале так называемого генитива качества в русском языке: *для детей старшего возраста, ученый высокого класса, мебель карельской березы* и т.д. Такие обороты, (обязательно) образованные из двух элементов, семантически похожи на прилагательные, ср.: *белокурые, длинноголовые и высокого роста эллины* и т.д. При этом именные свойства у подобной генитивной проекции теряются – например, они оказываются ограничены в своей способности принимать ряд характерных для именных проекций определений, ср.: [#]*мебель двух карельских берез*.

Следующий логически возможный случай представляет обратную ситуацию:

(0.12) '[A B]' > 'A' + 'B'

Такой вариант соотношения исходных и производного значений можно продемонстрировать на материале так называемых сложных предикатов осетинского языка. В осетинском языке лексикон может регулярно пополняться – еще один пример действующих «внутри» словаря синтаксических правил – посредством соединения прилагательных или существительных с глаголами 'быть' или 'делать'. Порождаемые при этом единицы проявляют свойства глагольных лексем – присоединяют те же префиксы, что и глаголы, имеют те же модели управления и т.д.:

(0.13) осетинский

Æз	а-лыг	кодтон	дзул
Я	PREF-порезанный	делать.PST.1.SG	хлеб

'Я порезал хлеб.'

Значение сложного предиката *лыг кæнын* 'резать' явно более сложное, чем значение отдельных частей 'делать' и 'порезанным' – это следует, например, из того факта, что у *лыг кæнын* есть фаза процесса, выявляемая, например, обстоятельствами длительности (*Я порезал хлеб за два часа*) и отсутствующая у «свободных» сочетаний тех же единиц (**Я сделал хлеб порезанным за два часа*).

Итак, мы перебрали возможные варианты соотношения семантического результата соединения двух элементов. Следующая группа проявлений и нарушений композициональности связана с порядком применения правил при наличии более чем двух элементов. Во-первых, вторичное соединение элементов может быть грамматично либо неграмматично. Случай грамматичности отражен в (0.14), а неграмматичности – в (0.15):

(0.14) [A B₁] → [[A B₁] C]

(0.15) [A B₂] → *[A B₂] C]

Пример подобной успешной либо неудачной композициональности, предопределяемой на морфологическом уровне, предоставляют русские прилагательные. Если мы возьмем за B_{1,2} суффиксы прилагательных, а за C – ряд контекстов, включающих, прежде всего, образование (морфологической) сравнительной степени и краткой формы, получим, что в зависимости от выбора B₁ или B₂ деривация оказывается успешной или неудачной:

(0.16) русский

A	B ₁	→	a	b	c	→	a	b	c
комик	-ьн		<i>комич</i>	<i>-н</i>	<i>-ее</i>		<i>комич</i>	<i>-ен</i>	<i>-∅</i>
A	B ₂	→	a	b	c	→	a	b	c
комик	-ьск		* <i>комич</i>	<i>-еск</i>	<i>-ее</i>		* <i>комич</i>	<i>-еск</i>	<i>-∅</i>

Естественно, не все русские прилагательные имеют пары с обоими суффиксами, но описанный сценарий регулярен – основы с *-ьн* допускают сочетаемость с некоторым классом контекстов, в то время как основы с *-ьск* – нет. Важно отметить еще один случай регулярного пополнения словаря новыми элементами (прилагательными с суффиксами *-ьн* и *-ьск*), свойства которых однозначно выводятся из свойств составных частей.

Следующий важный класс случаев (не)композициональности при последовательном применении регулярных правил известен в англоязычной литературе как скобочный парадокс (*bracketting paradox*) и чаще всего демонстрируется либо на примере сравнительной степени прилагательных, либо на примере образования композитов, см. [Spencer 1988] и последовавшую дискуссию. Внешняя форма примеров типа *unhappier* и *transformational grammarian* образуется по следующей схеме:

(0.17) английский

happy → *happier* → *unhappier*

(0.18) английский

grammar → *grammarian* → *transformational grammarian*

Однако значение данных примеров – совершенно иное: *unhappier* означает ‘более несчастный’ (вместо ожидаемого ‘не тот, который счастливее’), а *transformational grammarian* – ‘некто, занимающийся трансформационной грамматикой’ (а не ‘трансформационный грамматист’). Таким образом, порядок семантической деривации:

(0.19) английский

happy → *unhappy* → *unhappier*

(0.20) английский

grammar → *transformational grammar* → *transformational grammarian*

Как известно, представленный в (0.19-20) порядок недопустим для английского языка: компаратив от трехсложных прилагательных должен быть аналитическим (*more unhappy*), а английские суффиксы (в отличие, например, от тюркских) не могут оформлять составляющие.¹¹

Таким образом, при более чем однократном сложении элементов становится важным порядок применения правил композиции. В некоторых случаях порядок синтаксической и семантической деривации не совпадает:

(0.21) ‘[[A B] C]’ = ‘A + ‘B + C’

Подобная конфигурация – в разных вариантах поверхностной реализации – в действительности чрезвычайно часто становится темой лингвистических исследований по той причине, что ставит под вопрос наши представления о композициональности. Мы приведем три примера на такой тип нарушения композициональности.

Первый случай связан с выражением объекта сравнения при компаративах в русском, но актуален для любого языка с морфологическим компаративом. Объект сравнения может задаваться в русском языке генитивом либо посредством дополнения *чем* + предложная группа. Рассмотрим случай генитива. Семантически объект сравнения является «зависимым» показателя сравнительной степени, ср. *выше Пети*, но не **высокий / *высок Пети*. В то же время поверхностный порядок деривации: *выс* → *выше* → *выше Пети*, т.е. сначала образуется форма *выше*, которая впоследствии управляет генитивом. Объект сравнения, таким образом, оказывается зависимым прилагательного, хотя согласно «классическому» для современного формального синтаксиса подходу объект сравнения является аргументом показателя сравнительной степени, см. [Bhatt, Pancheva 2004].

Другой класс случаев некомпозициональности указанного типа связан с так называемой сферой действия элементов синтаксической структуры. В качестве примера приведем сочетание упомянутых уже сериальных конструкций с грамматической морфологией в тюркских языках. Сериализатор *bak-* в мишарском диалекте татарского языка имеет грамматическое значение попытки:

(0.22) мишарский

<i>lilija</i>	<i>tereze-ne</i>	<i>аӗ-ӗ-p</i>	<i>bak-tx.</i>
Лилия	окно-ACC	открывать-ST-CONV	смотреть-PST

‘Лилия попробовала открыть окно.’

¹¹ Кроме разве что генитивного ‘s.

Если же смысловой глагол снабдить показателем каузатива, значение предложения может быть не ‘Роза попыталась попросить Лилию открыть окно’ (как ожидается), а следующим:

(0.23) мишарский

roza	lilija-dan	tereze	ащ-тут-т-р	bak-tr.
Роза	Лилия-ABL	окно	открывать-CAUS-ST-CONV	смотреть-PST

‘Роза попросила Лилию попробовать открыть окно.’

Как мы видим по переводу, каузация (‘попросить’) семантически надстраивается здесь и над событием, передаваемым главным глаголом, и над значением попытки, сообщаемым сериализатором *bak-*. Ожидаемая из синтаксической конфигурации сфера действия была бы CAUS < *bak-* (‘попробовал попросить’), в то время как мы наблюдаем обратную, *bak-* > CAUS (‘попросил попробовать’). Проблема сферы действия в глагольной проекции будет подробно разобрана нами при обсуждении материала тюркских сериализаций.

Третий вариант «расхождения» между процессом синтаксической и семантической композиции связан с явлением, определяемым как реструктурирование. Эффект реструктурирования возникает в случае поверхностной структуры, в которой морфологический показатель прикрепляется к вершине, расположенной более высоко, чем та, к которой он в действительности относится. Приведем пример из мишарского:

(0.24) мишарский

su	kajnat-e-p	ter-e-l-de.
вода	греть-ST-CONV	стоять-ST-PASS-PST

‘Вода кем-то кипятилась.’

Показатель пассива в данном примере располагается на сериализаторе, выражающем лишь видовременное значение и не связанном с аргументной структурой предикации, задаваемой глаголом ‘кипятить’. Проблему реструктурирования мы также затронем при обсуждении тюркских сериализаций. Вопросам аргументной структуры, т.е. правилам представления семантических участников в синтаксисе, см. [Grimshaw 1990] и последующие работы, будет в значительной степени посвящена вся диссертация.

Наконец, последняя группа отклонений от композициональности при более чем однократном применении правил представляет собой следующее. Есть случаи, когда элементы

попарно могут соединяться и давать композиционное значение в результате такого соединения, однако результат последовательного попарного соединения может приводить либо к неграмматичности, либо к нетождественности суммы целому. Разберем сначала неграмматичность (а затем нетождественность):

(0.25) ${}^{ok}[A B], {}^{ok}[A C] \rightarrow *[[A B] C]$

Пример такого отклонения от композиционности можно продемонстрировать на материале русских управляющих прилагательных. Достаточно существенная группа русских прилагательных обладает способностью присоединять собственные зависимые, приведем лишь несколько:

(0.26) русский [интернет]

Если [злая [на вас]] девушка молчит, то лучше её не перебивать.

Опытный копирайтер умеет написать текст в равной степени [интересный [любому гостю]] сайта.

Отстраненная, [беспристрастная [к ним обоим]] тоска...

Приведенные примеры включают полные формы прилагательных с зависимыми в атрибутивной функции. Русские прилагательные, как известно, допускают и предикативную полную форму:

(0.27) русский [интернет]

Девушка была злая – он сам нарвался.

Момент был интересный.

Оценка была беспристрастная.

Если считать прилагательное в примерах выше за А, их косвеннопадежное зависимое – за В, а контекст именной предикации – за С, в случае композиционности мы ожидали бы, что последовательная композиция будет грамматичной. Это, однако, не так:

(0.28) русский

**Девушка [была [злая [на меня]]].*

**Момент [был [интересный [любому человеку]]].*

**Тоска [была [беспристрастная [к ним обоим]]].*

Наконец, последний пример отклонения от композициональности – случай, когда результат синтаксической композиции отличается от последовательной комбинации [A B] и [A C]:

(0.29) [[A B] C] ≠ [A B; A C]

Продemonстрируем данный случай на примере сочиненных прилагательных. В ряде контекстов их употребление отличается от употребления единичного прилагательного, рассмотрим пример:

(0.30) русский [интернет]

Прошлые и подрастающие, все звезды в основном остались дома.

Такой случай не сводится к последовательному сочинению прилагательных и их дальнейшей композиции с именной группой. Это следует из того факта, что употребление одиночного прилагательного с именной группой, подобное приведенному выше, представляется неграмматичным:

(0.31) русский

**Прошлые, все звезды в основном остались дома.*

**Подрастающие, все звезды в основном остались дома.*

По сути, шаг [A B] здесь грамматичен, а отдельно взятый этап [A C], т.е. построение синтаксической единицы из одиночного прилагательного и оставшейся структуры невозможно, что схематически можно изобразить следующим образом:

(0.32) ${}^{ok}[A B], *[A C] \rightarrow {}^{ok}[[A B] C]$

Мы, таким образом, продемонстрировали примеры последовательной композициональности в лексиконе, а также некоторого количества нарушений композициональности в морфосинтаксисе. Важно, что даже в тех случаях, когда лексикон проявляет (кажущуюся) семантическую некомпозициональность, он демонстрирует регулярные правила синтаксической композиции.

Итак, применяемый в диссертации метод исследования сводится к анализу синтаксической и семантической структуры ареально и генетически далеких языков. При сравнении языкового материала внутри отдельных семей (прежде всего – тюркской) используются также принципы интрагенетической типологии, см. [Агранат 2009].

Отдельные результаты представлены в терминах так называемой Минималистской программы, однако, как надеется автор, не зависят от конкретного аппарата и могут быть переформулированы на языке какой-либо другой теории из семейства порождающих грамматик (HPSG, LFG, CCG, модель «Смысл ↔ Текст» и т.д.).

Наиболее детальное описание в диссертации получают языки тюркской группы (казахский, киргизский, мишарский, карачаево-балкарский, чувашский, тубаларский и др.), а также материал русского и осетинского языков. В иллюстративных целях будет привлекаться материал других тюркских языков, а также романских, германских, славянских, иранских, монгольских, баскского, японского, корейского и некоторых других языков мира.

0.7. Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1. Принцип композициональности применим к словарю. Существуют элементы лексикона, представляющие собой результат действия регулярных правил построения и интерпретации.
2. Значение глагольной леммы представимо как результат комбинации некоторых элементарных значений, которые могут иметь самостоятельное выражение вне данной леммы.
3. Традиционное понятие синтаксической валентности может быть представлено в конфигурационных терминах. Основные участники события: подлежащее, прямой объект, а также бенефактивный / аппликативный участник заполняют узлы проекции одних и тех же типологически универсальных структур, с которыми они ассоциированы в различных языках мира.
4. Для объяснения многих явлений из области морфосинтаксиса (например, сериальных конструкций, сравнительных конструкций и т.д.) нет необходимости прибегать к конструкциям как теоретическому аппарату лингвистики. Подобные языковые явления представляют собой результат последовательного применения правил синтаксической и семантической композиции. Термин «конструкция» не имеет статуса теоретического инструмента и является описательным.

5. Лексемы обладают информацией о принадлежности к определенной части речи уже в самом начале синтаксической деривации. В рамках некоторых формальных парадигм принят подход, согласно которому корни акатегориальны и снабжаются информацией о частеречной принадлежности в процессе построения высказывания. В диссертации показано, что это не так и сведения о категориальной принадлежности востребованы уже на уровне морфем.

6. Синтаксическая деривация на всех этапах порождения высказывания носит бинарный характер. Принципу бинарности подчиняются как элементы «лексического синтаксиса», т.е. регулярные словообразовательные паттерны, так и составляющие, формирующие собственно синтаксическую структуру.

7. Причиной кажущихся отклонений от композициональности часто становятся диахронические процессы. Многие языковые явления демонстрируют не нарушение принципа композициональности, а осуществляющийся процесс перехода от одного типа структуры (например – отсутствие сериальных конструкций, биклаузальность) к другому (появление в языке сериальных конструкций, моноклаузальность). Процесс подобной диахронической перестройки простой предикации синхронно связан с явлением реструктурирования.

8. В основе синтаксической структуры ядерных единиц класса прилагательных лежат те же принципы построения, что и в основе глагольной структуры. Прилагательное является стативным предикатом, проецирующим свой субъектный аргумент в синтаксисе.

0.8. Структура работы

Диссертация состоит из Введения, двух частей, заключения и двух приложений. Во Введении обосновывается актуальность исследования, ставятся основные задачи и формулируются базовые принципы работы. Первая часть посвящена изучению проблемы композициональности в лексиконе и включает три главы. Первая глава посвящена русским сложным словам и атрибутивам тюркских, монгольских и нахско-дагестанских языков, во второй анализируется структура осетинских сложных предикатов, в третьей – внутренняя организация и некоторые дистрибутивные свойства тюркских глаголов со значением ‘образ действия – результат’. Во второй части, состоящей из двух глав, проводится исследование глагольных и адъективных проекций. Данная глава призвана проанализировать проблемы, которые возникают при интерпретации ряда явлений, имеющих отражение одновременно в синтаксисе и морфологии. Первая глава посвящена исследованию взаимодействия тюркских глаголов-сериализаторов и показателей актантажной деривации и отрицания. Во второй главе освещены различные проблемы русского адъективного морфосинтаксиса, предпринимается

попытка анализа морфологической структуры адъективной словоформы, а также анализа структуры компаратива, предикативного и обособленного употребления прилагательных и связанных с этим проблем. В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования. Приложение 1 описывает основные принципы сбора и анализа языковых данных методом «Веб как корпус». Приложение 2 содержит прототип системы автоматического анализа русских сложных слов и его краткое описание.

0.9. Степень достоверности и апробация результатов

Основные положения диссертации были изложены в докладах (в том числе приглашенных) на следующих международных и российских конференциях и семинарах: «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (ИРЯ, Москва 2016); Европейская программа обмена преподавателей и научных сотрудников «Erasmus+» (Витория-Гастейс, Испания, 2016); «Pronouns: Syntax, Semantics, Processing» (Москва, 2015); «Типология морфосинтаксических параметров» (Москва, 2012, 2014, 2015); «Societas Linguistica Europaea» (Лейден, Нидерланды, 2015); «41st Incontro di Grammatica Generativa» (Перуджа, Италия, 2015); «Diachronic Generative Syntax» (Кембридж, Великобритания, 2010; Оттава, Канада, 2013); «Семинар по типологии языков, компаративистике и лингвистическим традициям Востока» (ИСАА МГУ, Москва, 2013); «International Conference on Historical Linguistics» (Осло, Норвегия, 2013); «Diachronic Slavonic Syntax: Language Contact vs. Internal factors» (Нови Сад, Сербия, 2013); «33rd Linguistics Society of Nepal Meeting» (Катманду, Непал, 2012); «Научно-мемориальная конференция памяти А.Е. Кибрика» (Москва, 2012); «Ломоносовские чтения» (МГУ, Москва 2012); «Workshop on Altaic Formal Linguistics» (Кембридж, США, 2007; Лос-Анджелес, США, 2010; Штутгарт, Германия, 2012); «Natural Language Processing» (Санкт-Петербург, ноябрь 2011); Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог», (Бекасово, 2011); «Grammatical Change and the Expression of Subjects» (Регенсбург, Германия, 2010); «Syntax, Phonology and Language Analysis» (SinFonJA 3, Нови Сад, Сербия, 2010); «Generative Linguistics of the Old World» (Вроцлав, Польша, 2010); «International Workshop on Ergative Languages» (Бильбао, Испания, 2009); «Moscow Syntax and Semantics» (Москва, 2009); International Conference on Iranian Linguistics (ICIL3, Париж, Франция, 2009); «Morphology of the World's Languages» (Лейпциг, Германия, 2009); Formal Descriptions of Slavic Languages (FDSL-7,5, Москва, 2008); «Востоковедные чтения» (ИВ РАН, Москва 2008); «Linguistic Association of Great Britain» (LAGB-08, Колчестер, Великобритания, 2008); «West Coast Conference on Linguistics» (WCCFL 27, Лос-Анджелес, США, 2008); «Московское Типологическое Общество» (МГУ, Москва, 2007); Конференция

молодых исследователей «Синтаксические структуры 2» (РГГУ, Москва, 2008); «Workshop on Argument Structure» (Витория-Гастейс, Испания, 2007); «Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей» (Санкт-Петербург, 2006); «West Coast Conference on Linguistics» (WECOL-34, Фресно, США, 2006).

Значительная часть результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, легла в основу монографии [Гращенков 2015б]. Отдельные результаты исследования нашли отражение в курсах «Введение в теорию грамматических изменений», «Исторический синтаксис», «Введение в прикладную лингвистику», «Грамматический строй тюркских языков», «Прилагательные, синтаксис, типология», которые автор читает студентам и аспирантам Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Часть I. Композициональность в лексике

Глава 1. Между лексиконом и синтаксисом: русские сложные слова и типология атрибутивных проекций¹²

Весьма важный вопрос о том, могут ли синтаксические отношения быть распространены на морфологию, и если да, то с какими оговорками, мы оставляем в стороне.

[Тестелец 2001: 119]

1.1. Образование сложных слов как продуктивный процесс: предварительные замечания

Проблемы внутренней организации, а также семантики и типологии лексических образований, включающих более чем одну основу, достаточно хорошо описаны на материале европейских и некоторых других языков, см. вышедший относительно недавно сборник [ОНР 2011]. На материале русского языка подобные образования получали детальное описание в [АГ-80-1], работах Е.А. Земской и других исследователей-русистов. Ниже мы представим попытку подхода к структуре сложных лексических образований в терминах формальной синтаксической теории.

Сделаем несколько оговорок о языковом материале и терминологии. Под сложными словами мы будем понимать такие дериваты, в состав которых входит более одного корня – независимо от (наличия и способов) дальнейшего маркирования словообразовательными единицами, ср.: «Словоформы со сложной основой обладают разнообразным морфным строением; количество их типов потенциально не ограничено... R-i-R-f (*ярк-о-син-ий, ...*); R-s-i-R-f (*свет-л-о-зелен-ый*); R-s-i-R-s-f (*желез-н-о-дорож-н-ый*); R-i-R-s-f (*быстр-о-ход-ный, ...*); ... pr-R-i-R-s-s-f (*о-плод-о-твор-я-ви-ий, ...*); ... (*сам-о-опыл-я-ви-ий-ся*); R-i-R-i-pr-pr-R-s-s-s-f

¹² Глава в значительной степени основывается на работах [Гращенков 2015в; Гращенков 2016б; Гращенков 2016г].

(пыл-е-лаго-не-про-ниц-а|j|-ем-ость-...», [АГ-80-1: §189]. Такие «словоформы со сложной основой» или иначе – результат сложносUFFIXального и префиксально-суффиксального способов образования, [Земская 2011: 182-183], а также – сращения типа *долгоиграющий*, [Земская 2011: 305], будут интересовать нас потому, что представляют собой продуктивный источник новых (не зафиксированных в словарях) слов. О терминологических и содержательных проблемах, возникающих при анализе слов со сложными основами см. также [Кочеткова 2006]. Далее в тексте для всех таких образований мы будем использовать общий ярлык «сложные слова».

Аналогично со сложными словами в том понимании, которое представлено выше, мы будем анализировать и дериваты, традиционно относимые к приставочным: *настенный*, *привокзальный* и т.д. Причины, по которым приставочные дериваты, имеющие корреляты в виде предложной группы (*на стене, при вокзале*) будут объединены со сложными словами, следующие. Во-первых, некоторые из интересующих нас слов имеют в качестве первого морфа единицы, чей статус отличается от *на-*, *по-*, *под-* и т.д. Так, единицы типа *против* (*противоатомный, противоболоевой*) и *около* (*околоземный, окологлоточный*) могут, например, нести на себе дополнительное ударение, что невозможно даже для двусложных приставок типа *пере-*. Явно приставочные морфы типа *пере-* или *рас-* мы, напротив, не наблюдаем в составе сложных прилагательных, одновременно с этим они не могут быть представлены как результат сворачивания предложной группы. Второй причиной нашего решения является прозрачность семантики – в интересующих нас сложных словах значение деривата всегда восходит к значению его частей (*настенный* – ‘тот, который на стене’, *привокзальный* – ‘тот, что при вокзале’).

Образование новых лексических единиц из более чем одной исходной основы является в русском языке продуктивным процессом, ограниченным морфонологически и прагматически, но не семантически. Мы рассмотрим процесс образования сложных слов, попытаемся установить их синтаксические источники и сформулируем ряд налагаемых на этот процесс (в русском языке) ограничений. Как мы попытаемся показать, в основе сложных слов лежат стандартные синтаксические единицы русского языка, а налагаемые ограничения также носят синтаксический характер.

Одно из интересных наблюдений здесь принадлежит А.Г. Пазельской и состоит в следующем: «в сложных словах инкорпорация¹³ именной основы в глагольную возможна в именных формах (существительных и прилагательных) и невозможна в глагольных (даже если речь идёт о причастиях, совпадающих по форме с отглагольными прилагательными)», см.

¹³ В данной работе термин «инкорпорация» будет пониматься широко – как включение одного из глагольных зависимых в состав глагольной словоформы, ср. «узкое» понимание инкорпорации в [Baker 1985].

[Пазельская 2013: 596]. Данный запрет можно продемонстрировать (не)допустимостью одного из элементов словообразовательных пар типа: *деревобработка, деревобрабатывающий* vs. **деревобрабатывать; самогонварение* vs. **самогоноварить* и т.д.

Основные ограничения, обсуждаемые ниже, будут продемонстрированы на примере сложных прилагательных, однако они часто справедливы и для других частей речи, в первую очередь, – для существительных, т.к. образование сложных слов на основе глаголов в целом гораздо менее продуктивно, ср. «словосложение для словообразования глагола совсем малохарактерно», [Земская 2011: 305], см. также [АГ-80-1: §§961-963].

Сразу оговоримся, что здесь не будут разбираться многочисленные проблемы, связанные с морфонологией сложных слов. Назовем лишь некоторые из этих проблем: выбор соединительного гласного (интерфикса), [АГ-80-1: §775], усечение основ, ср. *французско/франко-норвежский* [Мельчук 1995: 497], *англоязычный, италияязычный, германоязычный*, [АГ-80-1: §761], гаплоглогия на стыке основ, [Иткин 2007: 256] и т.д.

Продуктивность механизма образования сложных слов в русском языке может быть показана на заимствованиях и новых понятиях. Войдя в язык (в той или иной мере) недавно, такие слова могут давать начало новым лексическим единицам:

(1.1)

жидкокристаллический, двухъядерный, четырехпроцессорный, многопроцессный, вирусопасный, легкоархивируемый, машиночитаемый, баннерообменный, ...

Проблеме сложных слов был посвящен вышедший относительно недавно Оксфордский сборник [ОНС 2011], однако материал русского языка там почти не представлен. В нашем исследовании мы будем в значительной степени опираться на языковой материал из [АГ-80-1: §§754-780], уточняя и дополняя его по мере необходимости, а активно привлекая языковые данные из интернета. Чрезвычайно полезной также является работа [Matushansky 2010], где, как и у нас в работе, принят взгляд на словообразование как одно из проявлений порождающего механизма, связанного с универсальной языковой способностью человека. При таком подходе, предполагающем, что процесс получения сложных слов аналогичен образованию составляющих, можно условно разделить сложные слова на образованные при участии сочинительной, (1.2.a), или подчинительной, (1.2.b), синтаксической связи:

(1.2)

a. *красно-белый, кисло-сладкий, железобетонный, французско-русский, ...*

b. *большеголовый, многословный, легковоспламеняемый, товарообменный, ...*

Ср. [АГ-80-1: §754] «По характеру семантического соотношения объединяемых основ такие сложения делятся на сложения с сочинительным и подчинительным отношением основ», см. также [Ralli, Andreou 2012] о (не)равноправности элементов в составе композитов.

В случае сочинительной структуры элементы, лежащие в основе сложного слова, равноправны с точки зрения синтаксиса, а отношения между ними (и всей составляющей) симметричны, (1.2.'а). В случае подчинения исходная конструкция эндоцентрична и в ней выделяется синтаксическая вершина или «опорный компонент» согласно [АГ-80-1], (1.2.'б):

(1.2')

а. [*красн & бел*]ый, [*кисл & слад*]кий, [*желез & бетон*]ный, [*французск & русск*]ий, ...

б. [[*больш*] *голов*]ый, [[*много*] *слов*]ный, [[*легко*] *воспламен*]имый, [[*товар*]обмен]ный, ...

Далее мы подробно обсудим основные синтаксические модели, лежащие в основе сложных слов в русском языке. Первая глава будет организована следующим образом. В разделе 1.2 мы обсудим синтаксические модели, лежащие в основе сложных слов. Раздел 1.3 будет посвящен анализу некоторых обнаруженных закономерностей. В разделе 1.4 мы определим порядок деривации внутри сложных слов. Раздел 1.5 будет посвящен типологии сложных атрибутов – средству оформления приименных зависимых, альтернативному русским сложным прилагательным. Разделы 1.6-1.8 будут наиболее важны для нашего исследования – в них будут представлены и проанализированы синтаксические закономерности, действующие в сложных словах. В 1.6 мы обсудим запреты на направление и глубины деривации, в 1.7 – сочинение в сложных словах, а в 1.8 – употребление в них средств рефлексивизации. В 1.9 будут подведены итоги первой главы.

1.2. Типы синтаксических проекций, лежащие в основе сложных слов русского языка

Как ожидается, в случае подчинения класс сложных прилагательных может пополняться из стандартного набора синтаксических проекций: именной группы, группы глагола, группы прилагательного и предложной группы. Кратко разберем все данные случаи и проверим, насколько верны наши ожидания.

1.2.1. Образование сложных единиц из именной группы

Сложные прилагательные более чем регулярно образуются из сочетания имени и зависимого прилагательного:

(1.3)

высокогорный, равнобедренный, легкоатлетический, южноафриканский, ...

Скорее всего, столь же продуктивной, как и модель прилагательное + существительное является модель с количественными числительными:

(1.4)

одноглазый, одноразовый, двухъярусный, двугосударственный, трехэтажный, четырехколесный, ...

Можно выделить в отдельную группу также порядковые числительные:

(1.5)

первоклассный, второсортный, третьестепенный, ...

Несколько более сложной является ситуация с кванторными словами. Наиболее активно участвующий в деривации сложных прилагательных квантор – *весь / все*:

(1.6)

всероссийский, всепогодный, всесторонний, всемерный, ...

Наряду с этим встречаются также образования с квантором *каждый* (чаще, однако, используется компонент *еже-*) и словом *один* в значении ‘такой же’:

(1.7)

каждодневный, каждогодный, одновременный, одноименный

Скажем несколько слов о запретах на образование сложных прилагательных из именных проекций. Невозможно образовывать сложные прилагательные из любых падежных зависимых, будь то посессор в генитиве (любого семантического типа) или (другие) косвеннопадежные зависимые:

(1.8)

- a. дом отца – *отцедомный
- b. бег лидера – *лидеробеговой/*лидеробежный
- c. ведро воды – *ведроводный
- d. подарок детям – *детеподарочный
- e. страсть к женщинам – *женцино/*женострастный¹⁴

Структурные позиции различных семантических типов генитива были изучены в [Гращенков 2006], см. также [Гращенков 2007] относительно формальной типологии генитивной группы. Примечательно, что в сложных прилагательных недопустимы не только располагающиеся (относительно) высоко в структуре посессивный генитив и агентивный генитив при отглагольных именах (примеры а и b соответственно), но и так называемый количественный генитив (пример с).¹⁵ Также невозможны и лексические зависимые (d. и e.), как с предлогом, так и без.

Генитив на числительных при этом присутствует всегда:

(1.9)

- a. дв-ух-компонент-н-ый
- b. пят-и-комнат-н-ый

Как представляется, причина здесь может быть в следующем. В случае посессивного и количественного генитива получающее (родительный) падеж существительное образует полную проекцию именной группы, DP или группу определителя или детерминатора, см. [Тестелец 2001: 568]. DP по ряду причин не может подлежать лексикализации, т.е. не может быть исходным материалом при формировании (сложных) слов. Одна из этих причин – семантическая. Единицы уровня D: артикли, указательные и неопределенные местоимения должны оформлять референциальный статус, т.е. связаны с дискурсом и контекстом и, следовательно, не могут иметь абстрагированного от конситуации значения, необходимого для формирования лексической единицы.

¹⁴ Из этой закономерности имеются некоторые исключения: *сладострастный*, *жизнерадостный* и некоторые другие.

¹⁵ Возможным исключением, допускающим основу, за которой в синтаксисе стоит генитивное зависимое являются прилагательные со второй частью *сборный*: *пыле/вода/...сборный*; такой анализ возможен, если считать, что подобные сложные прилагательные образуются при помощи именной основы *сбор*. Допустим, однако, анализ, при котором *пыле/вода/...сборный* восходят к глагольной группе *собрать пыль/воду...*

Далее, как принято считать в современном формальном синтаксисе, (посессивный) генитив присваивается как раз на уровне проекции DP. Для русского языка такое утверждение разделяется не всеми, см., например, [Лютикова 2014b]. Какого бы взгляда на позицию посессора мы ни придерживались, справедливы следующие утверждения: i) словоформы с падежом не могут быть частью основы; ii) высокие уровни именной проекции (на которых, в частности, присваиваются некоторые типы генитива) недоступны в морфологии. Схематически данный запрет можно представить следующим образом:

(1.10)

- a. [DP дом] отца]] → *[[DP отце] дом]]-ный
 b. [DP ведро] воды]] → *[[DP вод] ведер]]-ный

Ниже мы также приведем объяснения неграмматичности образований с лексическими и некоторыми другими зависимыми.

1.2.2. Образование сложных единиц на основе группы глагола

В случае группы глагола соединяемые основы также могут образовывать разные типы синтаксических проекций. Здесь наблюдается четыре следующих продуктивных типа: инкорпорация прямого и косвенного объекта, а также инкорпорация обстоятельства и локативного адъюнкта. В [АГ-80-1: §755] указано, что сложные прилагательные образуются от глаголов при помощи суффиксов: *-н*, *-тельн*, *-льн*; *-лив/-чив*, *-(о)м/-им*, *-л*, *-к*, *-ен*, *-т*, а также суффиксов причастий.

Приведем сначала примеры образования сложных прилагательных от переходной глагольной основы с именной основой – прямым объектом, как при участии адъективирующих суффиксов, (1.11.a), так и с суффиксами причастий, (1.11.b):

(1.11)

- a. *бумагоделательный*, *газораспределительный*, *дорожностроительный*,
кормозаготовительный, *теневыносливый*, ...
 b. *звукоспроизводящий*, *звукоизолирующий*, *металлообрабатывающий*,
нефтеперекачивающий, ...

Глагольные основы с инкорпорированным косвенным объектом регулярно образуют сложные прилагательные при помощи адъективных суффиксов и причастий:

(1.12)

- а. *электроосветительный, пуленепробиваемый, энергопитаемый, электроуправляемый, ...*
 б. *электродвижущий, газоснабжающий, книготоргующий, домовладеющий, пальцегрозный,¹⁶ головокружитель,¹⁷ ...*

Отдельного обсуждения заслуживает деривация сложных основ от причастий. Во-первых, отметим, что суффиксы страдательных причастий (-м, -т, -(е)н), отнесенные авторами [АГ-80-1] к адъективизаторам, никогда не образуют сложных прилагательных с инкорпорацией прямого объекта. Приведенные выше примеры (*электропитаемый, пуленепробиваемый*) и аналогичные им дериваты относятся к инкорпорации инструмента / средства. Данный факт подтверждает гипотезу об образовании сложных прилагательных в синтаксисе – все функциональные проекции (в данном случае – вершина, отвечающая за страдательные причастия) выполняют строго те же функции, что они имеют при образовании составляющих в синтаксисе. Дериваты с суффиксами -м, -т, -(е)н не могут участвовать в порождении глагольных групп с прямым объектом, что говорит о том, что перед нами на самом деле суффиксы страдательных причастий (а не прилагательных).

Во-вторых, заметим, что у активных причастий на -щ есть пассивные аналоги, инкорпорирующие тех же косвеннопадежных участников. Следующие примеры являются пассивными вариантами переходных активных причастий из (1.12.б), к которым добавлены некоторые другие переходные дериваты, см. также (1.12.а):

(1.12)

- с. *электродвижимый, молепожигаемый, газоснабженный, снеговалаженный, ...*

Данный факт также говорит о том, что перед нами – суффиксы причастий (а не прилагательных), и стало быть, в основе сложных слов – глагольная группа (а не отглагольное прилагательное). Это, опять-таки, говорит о том, что подход к образованию сложных слов как синтаксическому процессу верен.

В-третьих, можно сделать следующее наблюдение: в случае косвеннопадежного управления с действительными причастиями допустимы лишь первые основы, в синтаксисе оформляемые инструменталисом. Действительно, образование сложных слов, например, от активных и пассивных причастий переходных глаголов с дативным участником было бы неграмматично:

¹⁶ Ну скорее не скользкий, а, так сказать, пальцегрозный. [интернет]

¹⁷ электрический кипящий чайник; головокружитель, прохладонесущий, электропитаемый [интернет]

(1.13)

- а. **врагогрозящий (грозящий врагу), *нищеподающий (подающий нищим), *детедарящий (дарящий детям), *родителенапоминающий (напоминающий родителям), ...*
- б. **нищеподанный, *детеподаренный, ...*

Возможно, причина неграмматичности связана с семантической ролью, а не с поверхностным падежом. С одной стороны, перечисленные выше грамматичные примеры кодируют адьюнкты с ролью инструмента (*головокрутящий*) или средства (*газоснабжающий*). С другой, глаголы с лексической валентностью на инструменталис не позволяют причастиям участвовать в образовании сложных прилагательных, ср. с описанной выше невозможностью имен, имеющих валентность на косвеннопадежный комплемент, образовывать сложные прилагательные, примеры (1.14):

(1.14)

- *заводоуправляющий, *ресурсодорожащий, *короболеющий, *шумобеспокоящий, *сердцечувствующий*

Если говорить о глагольной основе с наречиями-обстоятельствами (образа действия), этот случай может быть проиллюстрирован так:

(1.15)

- а. *долготерпеливый, малоизученный, трудновоспитуемый, трудноизлечимый, быстрорастворимый, ...*
- б. *здравомыслящий, легковоспламеняющийся, перекрестноопыляющийся, праздношатающийся...*

Инкорпорацию локативного адьюнкта можно продемонстрировать следующими примерами:

(1.16)

- а. *судоходный, мореходный, водоплав(атель)ный, центробежный, ...*
- б. *водоплавающий, воздухоплавающий, землеходящий,¹⁸ стеноходящий,¹⁹ ...*

¹⁸ Так как человек я землеходящий и летать на самолете мне предстояло впервые, ... [интернет]

¹⁹ Чувствую у вас будет новый вид попугая, стеноходящий. [интернет]

Сразу отметим одно свойство, которое будет для нас важным в дальнейшем. Приведенные выше глагольные основы в синтаксисе присоединяют предложную группу, ср.: *ходить по морю, плавать по воде* и т.д. Несмотря на это, в результирующей словоформе предлог оказывается опущен. Ситуация аналогична и у прилагательных, ср.: *морозоустойчивый (устойчивый к морозу), влагодоступный (доступный для влаги)*. Возможные причины этого будут рассмотрены ниже, при обсуждении запрета на количество ветвлений внутри сложных слов.

1.2.3. Образование сложных единиц на основе группы прилагательного

Два кандидата в продуктивные модели здесь: наречие + прилагательное и прилагательное + именная основа, соответствующая косвеннопадежному зависимому. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается следующее. Наиболее часто употребляющиеся с прилагательными (псевдо)наречные единицы, так называемые интенсификаторы (*очень, слишком, совсем, совершенно,...*) никогда не участвуют в образовании сложных прилагательных:

(1.17)

**оченьинтересный, *совсемпустой, *совершенноскучный²⁰, *чрезмернодолгий...*

Интенсификаторы составляют отдельный подкласс среди наречий, стоящий особняком от наречий образа действия (*красиво, высоко,...*), места (*здесь, дома,...*), времени (*вчера, утром,...*) и т.д. Одно из свойств, выделяющих их среди других единиц с функцией модификатора при некотором предикате, следующее. Интенсификаторы способны модифицировать лишь те лексемы, в значении которых присутствует градуальная семантика (ср.: *очень устал*, но **очень танцует*). Поскольку градуальность – свойство в первую очередь (качественных) прилагательных, можно сказать, что интенсификаторы специализируются на модификации прилагательных. Парадоксальным образом, несмотря на это, сложные прилагательные с их участием образовываться не могут.

Основные примеры, где могут быть усмотрены наречия, сводятся к следующим типам:

²⁰ По поводу образований типа *совершенномудрый* можно сказать, что данная модель архаична либо заимствована и не представляется продуктивной в современном русском.

(1.18)

а. *докрасна-рыжий, иссиня-черный, изжелта-красный, ...*б. *сверхдальний, сверхвысокий, сверхсекретный, ...*с. *маловажный, маловероятный, малопристойный, ...*

Случай модификации цветowych прилагательных кажется не очень продуктивным в современном языке, к тому же единицы типа *иссиня, изжелта* и т.д. в действительности не являются наречиями, т.к. не могут употребляться самостоятельно (ср.: **Я выкрасил дом изжелта*).

К данному случаю также можно отнести «подчинительные сложения с опорным компонентом – прилагательным цветового значения и уточнительными компонентами *светло-, темно-, ярко-, бледно-*: *бледно-зеленый, светло-голубой, ярко-синий, темно-коричневый*» [АГ-80-1: §757].

Далее, примеры (1.18.б) и (1.18.с), образуемые при помощи *сверх-* и *мало-*, как представляется, (семантически) заменяют как раз отсутствующие в сложных прилагательных группы с интенсификаторами. Обе эти единицы, однако, также не могут составлять одну синтаксическую проекцию с прилагательными, ср.:

(1.19)

а. *очень интересная и неожиданная развязка*б. **сверх секретный и новый бомбардировщик*

(1.20)

а. *немного странная и грустная история*б. **мало важный и интересный аргумент*

В примерах а. употреблены интенсификаторы *очень* и *немного*, синонимичные *сверх-* и *мало-*. Для *очень* и *немного* существует возможность их употребления с сочиненной группой прилагательного, в которой интенсификатор относится к обоим конъюнктам. В то же время для *сверх-* и *мало-* такое употребление исключено. Можно предположить, что *сверх-* и *мало-* являются единицами, структурно меньшими, чем лексема, см. дискуссию об аффиксоидах ниже.

Скажем также, что случаи *слабоумный, высокоинтеллектуальный, труднодоступный, слаборазвитый* и т.д. представляются собой лексикализации именных и глагольных групп, а не групп прилагательных, как можно было бы подумать.²¹

Другая модель, прилагательное + косвеннопадежное зависимое, на первый взгляд кажется более продуктивной, приведем некоторые примеры:

(1.21)

морозоустойчивый, влагостойкий, солнцедоступный, трудоспособный, богоподобный, богоравный, ...

Хотя далеко не каждое прилагательное может иметь собственные зависимые, количество таких лексем достаточно велико. Одновременно с этим количество адъективных основ, образующих сложные слова, оказывается на удивление небольшим, ср. невозможность построить сложные слова в следующих случаях:

(1.22)

**витаминобогатый, *отцепохожий, *животносхожий, *человековраждебный, *детевредный, *домоблизкий, *крестьянкоженатый, ...*

Для объяснения такого поведения прилагательных выдвинем следующую вспомогательную гипотезу. Мы будем считать, что образование сложных адъективных основ с участием второй основы-прилагательного в русском языке запрещено. Обсуждение этого запрета мы приведем ниже. Пока лишь скажем немного о том, почему некоторые прилагательные все-таки могут образовывать сложные слова.

Как мы полагаем, второй компонент в сложных словах с *устойчивый, стойкий, доступный, способный, подобный, равный* и т.д. [список таких основ весьма ограничен] не является прилагательным, более того – не есть самостоятельная лексема. Мы будем считать, что данные основы имеют те же функции и грамматический статус, что и суффиксы прилагательных типа *-н, -лив, -ист* и т.д., т.е. те суффиксы, которые обладают некоторой прозрачной семантикой.²² В [АГ-80-1: §759] такие единицы называются «сложения со связанными опорными компонентами», мы обсудим их несколько ниже. Пока скажем лишь, что, например, такие вторые части сложных прилагательных как *подобный* и *равный* имеют

²¹ Единственный известный нам пример, не сводимый к именной или глагольной группе, – *слабокислый*.

²² Суффикс *-н* обладает ей далеко не всегда, но в ряде случаев и он вносит в значение нового прилагательного достаточно последовательно одинаковый вклад: *страш-н-ый, силь-н-ый, вкус-н-ый, ...*

семантику, достаточно характерную для адъективной категории, ср. английское *-like (god-like)*, бурятское *-лаг (ере-лег – ‘храбрый’, букв. ‘подобный человеку’)*.

Подытоживая: дериваты с модификаторами прилагательных, которыми можно считать интенсифицирующие лексемы, невозможны. Относительно продуктивны образования от цветowych лексем с модификаторами типа *изжелта, докрасна, бледно* и т.д. Что касается косвеннопадежных образований, в основе которых лежат прилагательные, они достаточно немногочисленны и формирующие их основы (*-доступн, -устойчив, -подобн, ...*), возможно, не стоит рассматривать как свободные лексемы.

1.2.4. Краткое отступление об образовании сложных существительных

В образовании лексики наиболее активно участвуют единицы так называемых открытых лексических классов: глаголов, существительных и прилагательных. Выше мы обсудили возможность построения сложных прилагательных на основе именных и глагольных проекций. Как мы также отметили, сложные глаголы в целом достаточно непродуктивны, скажем поэтому пару слов про образование сложных существительных.

При порождения сложных существительных на основе именной группы мы наблюдаем те же паттерны, что и в случае сложных прилагательных: регулярными оказываются структуры с первым компонентом-прилагательным, (1.23.a), и числительным, (1.23.b), [АГ-80-1:§550]:

(1.23) [АГ-80-1:§550]

a. *новостройка, вольнослушатель, ложноножка, сухофрукты, ...*

b. *однотрубка, двутавро, двуокись, пятиокись, ...*

Скорее всего, как и в случае сложных прилагательных, генитивное зависимое также оказывается неграмматично. В [АГ-80-1] находим следующие примеры случаев, когда в качестве первой основы выступают существительные:

(1.24) [АГ-80-1:§550]

звукорежиссер, птицефабрика, лесозаготовки, хлебозавод, газобаллон, теплоотдача, кораблекрушение, кинотеатр, метровокзал, формотворчество, нефтепромышленность, мировоззрение, дачевладелец, овощехранилище, нервотрепка, сеноуборка, пассажиропоток, жирозаменитель

Попробуем выделить из этих случаев кандидаты в генитивные отыменные зависимые. Неглагольные основы представлены здесь следующими примерами (оставлены лишь те основы, которые не могут синхронно образовывать отглагольные имена):

(1.24')

[АГ-80-1:§550]

звукорежиссер, птицефабрика, хлебозавод, газобаллон, кинотеатр, метровокзал, нефтепромышленность, мировоззрение, пассажиропоток

Часть данных зависимых сводится, однако, к предложной группе: *звукорежиссер – режиссер по звуку, мировоззрение – воззрение о мире*. Отсутствие предлога, выражающего зависимость в сложных словах – особенность, уже зафиксированная нами выше.

Другая часть примеров, как представляется, восходит к конструкциям прилагательное + имя с усеченной основой прилагательного: *хлебозавод – хлебный завод, пассажиропоток – пассажирский поток*.²³ К последнему случаю относятся также примеры с неизменяемыми основами *кино* и *метро*, которые могут выступать и в роли определений.

Таким образом, и для сложных существительных, как нам кажется, исключено образование сложной основы из группы генитива, ср. также: **цареуказ, *молокостан, ...*

При деривации сложных имен из глагольной группы также можно выделить проекции с прямым и косвенным дополнениями и наречием. Ниже приводятся примеры из [Тагабилева 2012], где рассматривается так называемое имя деятеля, однако те же модели характерны и для имени действия и других сложных отглагольных дериватов.

(1.25)

[Тагабилева 2012]

а. *водохлеб, волкодав, групповод, дроворуб, змеелов, ...*

б. *очевидец, молотобоец, губошлеп, брюходум, ...*

с. *домосед, древолаз, землепроходец, стенописец, ...*

Здесь, как и в случае сложных прилагательных, наблюдаем инкорпорацию прямого объекта, косвенного объекта и обстоятельственной (предложной) группы (а, б, с соответственно). Отметим, что все косвеннопадежные примеры здесь также построены с инструментальным участником – сформулированное выше наблюдение о допустимости лишь этого типа зависимых подтверждается и здесь.

²³ *Пассажирский поток в Крым в нынешнем году вырос примерно на 20 процентов по сравнению с показателями предыдущего.* [интернет]

Итак, как мы видели до сих пор, продуктивными синтаксическими моделями при образовании сложных слов в русском языке являются только (NB!) именные и глагольные проекции.

1.2.5. Образование сложных прилагательных на основе предложной группы

Предложная группа – еще один тип именной проекции, регулярно образующий сложные прилагательные. Предлоги, включаемые в состав сложной основы, могут иметь как пространственную, так и временную семантику:

(1.26)

приморский, настенный, придорожный, международный, послеобеденный, ...

Напомним также сделанное выше наблюдение: предлоги, кодирующие зависимость именной группы от глагола или прилагательного, не включаются в производное сложное слово:

(1.27)

судоходный, водоплав(атель)ный, воздухоплавающий, ..., морозоустойчивый, влагодоступный, ...

Интересен контраст между двумя стратегиями: в случае, когда адъективируется цепочка «предлог + существительное», предлог сохраняется, когда же предпринимается попытка адъективировать цепочку «предлог + существительное + причастие / прилагательное» – предлог опускается.

1.2.5.1. Аффиксоиды

Некоторыми исследователями русского языка выделяется класс так называемых префиксоидов и суффиксоидов – корневых морфем, выступающих в функции приставки или суффикса соответственно, см. [Розенталь, Теленкова 1985]. В указанном источнике приводятся префиксоиды *полу-* и *еже-*, участвующие в формировании сложных прилагательных. В [АГ-80-1] предлагается рассматривать префиксоиды как «усеченные основы», а суффиксоиды как «сложения со связанным опорным компонентом», [АГ-80-1: §759]. Обсудим вначале префиксоиды, а затем перейдем к суффиксоидам.

1.2.5.2. Префиксоиды

Приведенные в качестве примеров в [АГ-80-1] префиксоиды можно проанализировать следующим образом (все примеры далее – из [АГ-80-1: §756]). Во-первых, есть большой класс случаев редуцированных заимствованных основ:

(1.28)

[АГ-80-1: §756]

авиа- (*авиация, авиационный*): *авиахимический*;
авто- (*автоматический*): *автоподъемный*;
бензо- (*бензин, бензинный*): *бензораздаточный*;
вибро- (*вибрация, вибрационный*): *виброударный, виброустойчивый*;
гальвано- (*гальванический*): *гальваноударный*;
механо- (*механизм*): *механосборочный, механомонтажный*;
радио- (*радиация, радиационный*): *радиоустойчивый, радиоуглеродный*;
сейсмо- (*сейсмический*): *сейсмостойкий, сейсмоактивный*;
 ...

Мы приводим лишь часть примеров из [АГ-80-1]; еще более представительный список префиксоидов приводится для первых основ сложных существительных. Как представляется, данные префиксоиды являются фонологически редуцированным вариантом лексем, востребованным при создании сложных слов. Наконец, приведенные примеры соответствуют как сочинению (*механосборочный* = *механический* & *сборочный*), так и подчинению (*раздавать бензин* → *бензораздаточный*) основ.

Скорее всего, в этот же класс основ с фонологической редукицией можно отнести следующие единицы, которые «принадлежат к научно-технической терминологии»:

(1.29)

[АГ-80-1: §756]

био- : *биоэлектрический, биостимулирующий*;
гео- : *геомагнитный, геоцентрический*;
гелио- : *гелиоцентрический*;
гидро- : *гидроэнергетический*;
микро- : *микролитражный, микропористый*;
 ...

Как представляется, многие такие прилагательные являются заимствованиями, оформляемыми суффиксами русского языка (*bioelectric, geocentric, ...*). Синхронная членимость таких прилагательных может быть вызвана существованием в русском некоторых вторых частей в качестве самостоятельных лексем (*электрический, центрический*). Впоследствии такие

префиксоиды могут использоваться как уже освоенные лексические элементы, ср. *биоземной*²⁴, *микropористый* и т.д.

Во-вторых, есть также группа префиксоидов, имеющих лексический аналог, основа которого фонологически нетождественна такому префиксоиду, т.е. префиксоид представляет собой своего рода супплетивную часть сложных слов. В отличие от предыдущего случая, список здесь более краткий. К числу таких единиц принадлежат прежде всего следующие первые части:

(1.30)

[АГ-80-1: §756]

а. *много-* : *многосложный, многозначительный, многоопытный, многосемейный, многочисленный, ...*

(в ряде образований равнозначна слову *очень* или слову *большой*)

б. *ново-* и *свеже-* : *новонайденный, новоприбывший, новоприезжий, ... ; свежемороженый, свежесвыбритый, свежесрубленный, ...*

(равнозначны сочетанию *только что*)

с. *обще-* : *общеизвестный* ('известный всем'), *общеeвропейский* ('относящийся ко всей Европе'), *общеобязательный, общепринятый, общепартийный, ...*

(равнозначна основе слова *весь, все*)

д. *еже-* : *ежемесячный, еженедельный, ежеминутный, ежевоскресный, ежеосенний,*

(в знач. 'каждый', с корнями, называющими временные отрезки)

е. *псевдо-* и *квази-* : *псевдонародный, псевдорусский, псевдоноваторский, псевдоантичный, ... ; квазинаучный, квазиреволюционный, ...*

(в знач. 'ложный', 'ненастоящий')

ф. *полу-* : *полушерстяной, полуполиграфический, полусвященный, ...*

('наполовину')

г. *само-* : *самопишущий, самодовольный (довольный собой), самоуверенный, самокупаемый, самовлюбленный, ...*

('сам', 'себя')

Данные примеры отличаются тем, что их «полноценный» лексический аналог имеет иную фонологическую оболочку и зачастую – происхождение. При этом данные значения соответствуют достаточно востребованным и частотным лексемам, а префиксоид может представлять собой архаичное образование (*еже* вместо *каждый*); заимствованное (и

²⁴ ... необъяснимая логика поведения которых "говорит" о взаимном непонимании нашего (биоземного) интеллекта ... [интернет]

стилистически маркированное, книжное) «слово» (*псевдо-* и *квази-* вместо *лже-* / *ложный*); единицу с более «размытой» семантикой (*много-* вместо *очень* или *большой*). К этой же группе, скорее всего, относятся обсужденные выше единицы *сверх-* и *мало-*.

Таким образом, префиксоиды представляют собой группу единиц, лексические значения которых так или иначе представлены в словаре, а фонологическая оболочка отличается – редуцирована или изменена полностью. Скажем также, что в связи с тем, что значения префиксоидов относятся к лексической, а не грамматической зоне, их сходство с префиксами ограничивается редуцированностью фонологической формы. С точки зрения семантики они не могут быть объединены с приставками: их значения недостаточно абстрактны и не обладают столь широкой сочетаемостью, как это имеет место у приставок.

Префиксоиды, таким образом, являются супплетивными аналогами, происходящими из устаревших, заимствованных либо редуцированных вариантов полноценных лексем. Интересно отметить также следующую закономерность:

(1.31) **Наблюдение о единицах лексического синтаксиса**

Префиксоиды представляют собой аналоги лексем, востребованные при словообразовании. Они подчиняются тем же правилам, что и полноценные основы, участвующие в словообразовании, но являются устаревшими образованиями, заимствованиями и(ли) результатом фонологической редукции. Префиксоиды не участвуют в «большом» синтаксисе.

1.2.5.3. **Суффиксоиды**

Суффиксоиды, которые в [АГ-80-1: § 759] обозначены как «сложения со связанными опорными компонентами», могут быть продемонстрированы на следующем материале:

(1.32) [АГ-80-1: §759]

а. *-образный*: *зигзагообразный*, *сигарообразный*, *воронкообразный*, *наукообразный*, *человекообразный*, *разнообразный*, *многообразный*, *единообразный*, ...

(‘подобный тому, что названо первым компонентом’)

Прилагательные типа *X-образный* синонимичны *X-подобный*, *X-равный* и «в современном языке прилагательные ... уже не мотивируются словом *образ*», [АГ-80-1: §759].²⁵ Похожи на них дериваты с *-емкий* и *-мерный*, также синхронно не сводимые к некоторой лексической основе, в результате редукции которой получается указанное значение:

²⁵ Приведенные в [АГ-80-1: §759] образования с *-геничный*, *-генный* мы склонны относить целиком к лексическим заимствованиям, т.к. среди примеров нет случаев с незаимствованной первой основой.

(1.32)

b. *-емкий: ресурсоемкий, трудоемкий, энергоемкий, ...*

('требующий большого количества того, что названо первой основой')

c. *-мерный: двумерный, многомерный, n-мерный, ...*

('обладающий количеством измерений, названных первой основой')

Еще один хороший пример суффиксоида находим в [Розенталь, Теленкова 1985], здесь также нельзя усмотреть синхронной деривации в конструкции с прямым объектом, т.к. глагол *творить* в современном русском не сочетается с именами, задающими состояние (*сон, жизнь, болезнь,...*):

(1.32)

[Розенталь, Теленкова 1985]

d. *-творный: житнетворный, снетворный, болезнетворный, ...*

('вводящий в состояние, названное производящей основой')

Итак, ни один из перечисленных случаев нельзя свести к существующим готовым лексемам, получающим фонологическую редукцию. Аналогично дело обстоит и с более (стилистически) ограниченным *-валентный*,²⁶ значение которого в сочетаниях с количественными словами не совпадает со значением в случаях типа *валентные электроны* и т.п.:²⁷

(1.32)

[АГ-80-1: §759]

e. *-валентный: одновалентный, трехвалентный, поливалентный*

('способный соединяться с атомами другого элемента в пропорции, названной в первой основе')

Как нам представляется, в отличие от префиксоидов, т.е. урезанных первых основ, которые можно было отнести к аффиксоидам с некоторой долей условности, перечисленные выше примеры действительно являются аналогами суффиксов. Главное их отличие от суффиксов – более «тяжелая» по сравнению с суффиксами фонологическая оболочка, что тоже

²⁶ Также заслуживают упоминания не ставшие (еще?) полноценными русскими морфемами заимствованные суффиксы *-(а/и)бельн: читабельный, смотрибельный,...* и *-ер: ухажер, зацепер,...*

²⁷ Отдельно употребленное прилагательное *валентный* имеет значение 'тот, который может заполнять / иметь валентность', ср.: *В химии валентными электронами называют электроны, находящиеся на внешней (валентной) оболочке атома.* [интернет]

имеет место далеко не всегда, ср. двусложное *-ическ (исторический)* и односложное *-емк (трудоемкий)*.

Точно таким же будет и наш анализ упоминавшихся выше дериватов с основами прилагательных: *-устойчив, -стойк, -доступн, -способн, -подобн, -равн*. Мы также будем считать их элементами, аналогичными суффиксам, с той лишь разницей, что они, в отличие от *-образн, -емк, -мерн, -творн, -валентн* и т.д., не потеряли свои синхронные лексические источники.

В [Розенталь, Теленкова 1985] приводятся также примеры следующих суффиксоидов, участвующих в образовании сложных существительных:

(1.33)

[Розенталь, Теленкова 1985]

-вар: мыловар, пивовар, ...
-вед: краевед, языковед, ...
-вод: пчеловод, экскурсовод, ...
-воз: лесовоз, углевоз, ...
-дел: винодел, маслодел, ...
-кол: дровокол, ледакол, ...
-коп: землекоп, углекоп, ...
-лов: зверолов, птицелов, ...
-мер: водомер, землемер, ...
-мет: миномёт, огнемёт, ...
-провод: газопровод, путепровод, ...
-рез: труборез, хлебрез, ...
-ход: теплоход, электроход, ...
-носец: орденосеи, рогоносец, ...

Как представляется, кроме высокой продуктивности суффиксоиды отличает то, что в ряде случаев образования с ними (синхронно) не сводимы к деривации на основе элементов, к которым они присоединяются, ср.:

(1.33')

<i>-вед: языковед</i>	←	# <i>ведать язык</i>
<i>-мет: миномёт</i>	←	# <i>метать мины</i>
<i>-провод: путепровод</i>	←	# <i>проводить путь</i>
<i>-ход: пароход</i>	←	# <i>ходить под паром</i>

...

Подытоживая обсуждение аффиксоидов, скажем, что в основе образования префиксоидов лежит процесс редукции части фонологически «тяжелого» сложного слова. В то же время образование суффиксоидов представляет собой грамматикализацию с предшествующим реанализом. Оба вопроса требуют специального обсуждения.

1.2.6. Словообразование как синтаксический процесс: промежуточные итоги

Подведем предварительные итоги: образование сложных слов является продуктивным процессом, который происходит по тем же принципам, по которым образуются синтаксические составляющие. Этот процесс, однако, ограничен рядом условий, связанных с отличием законов, действующих внутри слова и за его пределами. Говоря словами В.В. Виноградова: «... анализ всех этих разновидностей словосложения в системе существительных и прилагательных на основе прямой аналогии с соответствующими словосочетаниями ... неправомерен. Ведь в этом случае игнорируются структурные различия между словом и словосочетанием. И все-таки словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксико-морфологическим. Ср.: *железная дорога – железнодорожный, железнодорожник; косить сено – сенокосилка; судходный (суда ходят) и мореходный (т.е. ходящий по морю); многозначительный и многозначный и т.д.*», [Виноградов 1975: 158].

1.3. Закономерности в образовании сложных слов – синтаксический анализ

Мы обнаружили следующие закономерности в образовании сложных прилагательных: i) сложные основы могут образовываться только из глагольных и именных проекций (в том числе предложной группы); ii) частью сложного слова не могут становиться приименные зависимые генитива и имена в косвенных падежах. Ниже мы обсудим каждое из этих наблюдений более подробно.

1.3.1. Образование сложных слов от именных и глагольных проекций, обобщения

Следующая таблица суммирует допустимые и недопустимые типы составляющих, на основе которых строятся сложные прилагательные:

Таблица 1.1. Синтаксические источники сложных прилагательных

тип проекции		пример
именная группа		
с прилагательным	ok	<i>высокогорный, равнобедренный</i>
с количественным числительным	ok	<i>двухъярусный, трехэтажный</i>
с порядковым числительным	ok	<i>первоклассный, второсортный</i>
с квантором	?	<i>всепогодный, каждодневный</i>
с генитивным зависимым	*	<i>*отцедомный, *ведководный</i>
с лексическим зависимым	*	<i>*детеподарочный, *женострастный</i>
глагольная группа		
с прямым объектом	ok	<i>бумагоделательный, звуковоспроизводящий</i>
с инструментом / средством	ok	<i>электроосветительный, газоснабжающий</i>
с лексическим зависимым	*	<i>*врагогрозящий, *нищеподающий</i>
с обстоятельством образа действия	ok	<i>долготерпеливый, здравомыслящий</i>
с локативным участником	ok	<i>мореходный, водоплавающий</i>
группа прилагательного		
с наречием-интенсификатором	*	<i>*оченьинтересный, *совсемпустой</i>
с лексическим зависимым	*	<i>*витаминобогатый, *отцепохожий</i>

Мы уже говорили о запрете на высокие уровни проекции, продемонстрировав неграмматичность сложных слов с элементами уровня D примерами типа **это(го)годный*, **такопогодный* и т.д. Аналогичный запрет действует и в глагольных проекциях: первой частью основы не могут становиться подлежащие, которые в современном формальном синтаксисе отождествляются с максимально высокой позицией в глагольной группе и предложении. Запрет на инкорпорацию подлежащего хорошо известен в формальном синтаксисе, см., например, [Богданов 2011: 42-43]. Он может быть продемонстрирован на следующих примерах:

(1.34)

- a. *волкодав* ← *‘тот, которого давят волки’ vs. ‘тот, кто давит волков’
 b. *человеколюбивый* ← *‘такой, которого любят люди’ vs. ‘тот, кто любит людей’

В [Богданов 2011: 42-43] обсуждаются исключения из этой закономерности, которые связаны с так называемыми неаккузативными глаголами: *кровотечение*, *снегопад*, *пылеобразование*, см. про неаккузативность [Perlmutter 1978; Burzio 1981] и последовавшую за

ними дискуссию. Эти исключения объединяются тем, что здесь инкорпорируется так называемый внутренний участник, который с точки зрения синтаксиса является объектом, а не субъектом. Объект, в отличие от субъекта, порождается не на уровне максимальной проекции. Таким образом, образование сложных слов невозможно как на уровне верхних проекций имени, так и глагола.

Чуть ниже, после обсуждения лексических зависимых, мы обсудим вопрос о неграмматичности группы прилагательного.

1.3.2. Бинарность ветвления и выбор синтаксического формализма

Один из теоретических вопросов, которые будут интересовать нас здесь – выбор между грамматикой зависимостей и грамматикой непосредственных составляющих.

Грамматика зависимостей создавалась на основе языков с богатой морфологией и, следовательно, – (относительно) свободным порядком слов. В отечественной традиции подход в терминах зависимостей связан с именами И.И. Мещанинова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова и их последователей. Для западных исследователей грамматика зависимостей ассоциируется прежде всего с Л. Теньером и И.А. Мельчуком. Отметим, что «второе рождение» грамматика зависимостей пережила при возникновении и развитии синтаксических парсеров в компьютерной лингвистике благодаря большей простоте представления дерева зависимостей по сравнению с деревом составляющих.

Грамматика составляющих, напротив, была создана на материале морфологически бедного английского языка в рамках последовательно структуралистского подхода к языку. Возникнув в 50-е годы 20-го века, подход в терминах составляющих наиболее активно развивался в порождающей грамматике Н. Хомского (от «Стандартной теории» 50-х гг. до современного «Минимализма»), а также в рамках теорий GPSG, HPSG, LFG, CCG, функционально-типологической парадигме и т.д., см., например, [Carnie 2010].

Дискуссия о преимуществах и недостатках каждой из теорий возникала неоднократно. Так, британский лингвист Р. Хадсон, автор формализма Word Grammar, утверждал в [Hudson 1980a; Hudson 1980b], что именно понятие зависимости, а не составляющей является необходимым при синтаксическом анализе. Одним из контраргументов вступившего с ним в полемику шведского ученого О. Даля, см. [Dahl 1980], был следующий: при анализе именного словосочетания *ordinary French house* грамматика зависимостей будет предписывать следующую структуру:

(1.35) английский

[[*ordinary*] [*French*] [*house*]]

т.е., оба прилагательных будут присоединяться к вершинному имени независимо. Однако из семантики данной именной группы следует, что такой анализ (допустимый, например, для *small French house*) некорректен, т.к. речь идет не об обычном доме, который одновременно является французским, а именно о такой разновидности домов, которая типична для французских домов, и структура этой ИГ должна выглядеть следующим образом:

(1.35') английский

[ordinary [French house]]

Замечание Даля связано с тем, что грамматика составляющих лучше отражает порядок деривации и современные версии порождающих грамматик адаптировали грамматику составляющих именно по этой причине. Идея о важности отражения порядка деривации была применена и к морфологии. Из морфологических явлений с ней оказался связан так называемый «скобочный парадокс» (bracketing paradox).

Как может показаться на первый взгляд, выбор подхода, основанного на составляющих, действительно определяется особенностью (английского) языка. А именно, морфологическая «бедность», не допускающая свободного расположения элементов, возможного в синтаксисе, (диахронически) приводит язык к большей «кристаллизации» отдельных групп слов (фраз, составляющих, проекций и т.д.). В данной работе мы, однако, будем придерживаться противоположной точки зрения.

Как мы считаем, именно богатство морфологии «затемняет» исходную прозрачную структуру составляющих. Как мы покажем ниже, запрет на морфологическое маркирование элементов сложных слов делает их структуру столь же «синтаксической», как, например, структура составляющих в английском языке. Следовательно, на примере сложных слов мы можем наблюдать самые «зачатки» синтаксической деривации – тот этап синтаксиса, когда словоформы еще не получили морфологического маркирования и еще не способны к (A'-)передвижению. Как мы постараемся показать, анализ структуры сложных слов демонстрирует бинарность синтаксического ветвления, а также свидетельствует об организации словоформ по тем же законам, что действуют в синтаксисе.

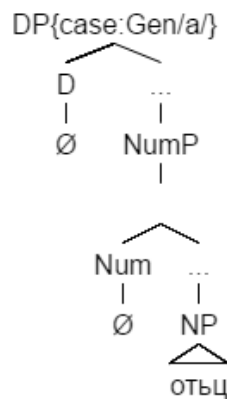
1.3.3. Составляющие и падежное маркирование

В современной генеративной грамматике выражение грамматических категорий связывается с уровнем синтаксической проекции. Составляющая при этом предстает чем-то похожим на матрешку: более низкие уровни проекции вложены в более высокие.

Определенный уровень проекции связан с так называемыми функциональными вершинами – единицами, соответствующими грамматическим признакам.

Говоря об именной группе можно сказать, что выражение падежа в целом возможно лишь максимальным уровнем проекции, DP, – группой определителя или детерминатора, см. [Тестелец 2001: 568; Лютикова 2014a]. Схематически (несколько упрощая картину) связь уровня проекции с падежом можно представить следующим образом:

(1.36)

Именная группа здесь представлена как вложенные друг в друга проекции DP, NumP и NP. На уровне проекции DP, вершина которой представлена нулем, выражается информация о падеже. Таким образом, если по каким-то причинам «внешняя оболочка» матрешки, DP, отсутствует – падеж не может быть выражен, смотри [Лютикова 2014a] и приведенные там ссылки.²⁸

С другой стороны, каждый уровень проекции («оболочка матрешки») соответствует определенному типу именных зависимых. Единицы уровня D – артикли, указательные и неопределенные местоимения должны оформлять референциальный статус, т.е. связаны с дискурсом и контекстом. Данные единицы надстраиваются на самом последнем этапе сборки именной группы, когда единицы, формирующие экстенционал именной группы, уже объединены:

(1.37)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

Об [DP *этих* [всех [своих [чувствах]]]] ...

кроме [DP *этих* [бешеных [серых [струй]]]]...

об [DP *этих* [трех [сутках]]] ...

²⁸ Также специальной проекцией выражается число и проч. грамматические категории, релевантные для данного языка.

[_{DP} *этих* [_{пресловутых} [_{Неизвестных} [_{Отцов}]]]] ...
 на [_{DP} *этих* [_{гнусных} [_{ехидных} [_{колышках}]]]] ...

Единицы уровня DP не могут входить в состав сложного слова:

(1.38)

- a. [_{DP} *этот* [_N *год*]] → * [_{DP} *это(го)год*]-*ний*
 b. [_{DP} *такая* [_N *погода*]] → * [_{DP} *так(о)погод*]-*ный*

Итак, за выражение падежа на словоформах и передачу абстрактного дейктического значения отвечает один и тот же уровень проекции – DP. Сложные слова не могут содержать элементов уровня DP, т.к. данный уровень проекции слишком далеко от лексического ядра и выражает абстрактное значение, тесно связанное с конституацией. Подробнее про ограничения на проекцию функциональной структуры в лексическую см., например, [Borer 2013].

Схематически запрет на включение DP (=выражение падежного значения) можно представить следующим образом:

(1.39)

- a. [_{NP} *дом* [_{DP} *отца*]] → * [_{DP} *отце* [_{NP} *дом*]]-*ный*
 b. [_{NP} *ведро* [_{DP} *воды*]] → * [_{DP} *ведро* [_{NP} *вод*]]-*ный*

В исследованиях по структуре именной группы со времен сильно повлиявшей на формальный синтаксис диссертации Стивена Эбни [Abney 1987] проекция числительного анализируется как вложенная в DP, см. также [Гращенков 2006; Лютикова, Перельцвайг 2015] и приведенные там ссылки:

(1.40)

[_{DP} *эти* [_{NumP} *два* [_N *года*]]]

Можно заключить, что образование сложных слов возможно до некоторого уровня именных проекций. Числительные, которые соответствуют проекции NumP, могут входить в состав сложных слов, а надстраиваемые над ними DP (см. выше) – нет:

(1.41)

[NumP *два* [N *компонента*]] → [NumP *дв* [N *компонент*]]-ный
 [NumP *пять* [N *комнат*]] → [NumP *пят'* [N *комнат*]]-ный

Примечательно, что в случае числительных более *одного* на первой основе при этом всегда присутствует показатель генитива:

(1.41')

дв-ух-компонент-н-ый
пят-ц-комнат-н-ый

Итак, падежное маркирование в составе русских (сложных) основ невозможно, что следует из запрета на вхождение высокого уровня именной проекции, DP, в состав словоформы. Числительные, располагающиеся ниже в проекции, могут входить в сложные слова, но при этом вынуждены выражать падежное значение, т.к. они единственные из всей именной составляющей могут нести падежное окончание. Подробный анализ последнего факта будет предложен несколько ниже.

1.3.4. Запрет на лексические зависимые

Попробуем объяснить неграмматичность инкорпорации лексических зависимых в именных и глагольных проекциях (повторим приведенные выше примеры):

(1.42)

подарок детям – *детеподарочный
страсть к женщинам – *женострастный

(1.43)

*врагогрозящий (*грозящий врагу*), *нищеподающий (*подающий нищим*), *детедарящий (*дарящий детям*), *родителенапоминающий (*напоминающий родителям*), ...
 *нищеподанный, *детеподаренный, ...

(1.44)

*заводоуправляющий, *ресурсодорожащий, *короболеющий, *шумобеспокоящий,
 *сердеччувствующий

Наше объяснение запрета на лексические зависимые в сложных словах будет основываться на том, что приписывание лексического падежа связано с уровнем проекции DP. В то же время родительный падеж, который наблюдается на числительных, связан с меньшим уровнем проекции именной группы, NumP.

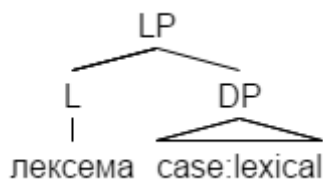
Схематически уровни проекции именной группы, прежде всего – DP и NumP, могут быть представлены следующим образом: [DP ... [NumP ... [N *Noun*] ...] ...]. Между вершиной N и проекцией Num, а также между Num и DP существуют другие промежуточные уровни, нерелевантные для данной дискуссии.

Лексические падежи «требуют» DP в силу того, что они кодируют сочетаемостные свойства некоторой конкретной лексемы, т.е. валентность или, в терминах порождающей грамматики, *c-selection* (синтаксические селективные признаки), см. [Grimshaw 2005]. В то же время структурные или конфигурационные падежи могут соответствовать меньшему уровню именной проекции, см., по поводу противопоставления лексических и структурных падежей [Babby 1986; Franks 1994; Исакадзе 1999; Гращенков 2006; Pereltsvaig 2007b; Лютикова 2010; Лютикова 2014a; Lyutikova, Pereltsvaig 2014; Лютикова, Перельцвайг 2015].

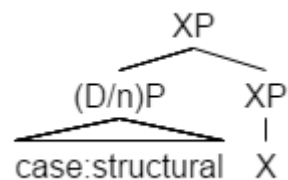
Конфигурации, в которых присваивается лексический падеж, выглядят как (1.46.a), присваивание структурного падежа изображено в (1.46.b):

(1.45)

a.

b.

В примере (1.45.a) некоторая лексема реализует свои сочетаемостные свойства, «выбирая» (*select*) некоторую DP и падеж, которым эта DP будет обладать. Позиция компонента, в которой в данном случае находится получающая лексический падеж именная группа, обладает валентностью на DP, или, в терминах формального синтаксиса осуществляет синтаксическую селекцию DP. Способность к выбору типа зависимой структуры (DP, инфинитив, финитная клауза и т.д.) – отличительное свойство лексем. Отдельные лексемы выбирают тот или иной тип зависимой составляющей и присваивают ему то или иное оформление, например, показатель датива, инструменталиса и т.д.

В (1.45.b) представлен случай структурных падежей, т.е. субъекта ($X=T$), прямого объекта ($X=v$) и приименного посессора ($X=D$). В отличие от лексического падежа, который возникает при конфигурации «вершина – комплемент», структурный падеж присваивается в позиции спецификатора. Спецификатор – «подлежащее» составляющей, на которое не накладывается ограничение, связанное с точным типом проекции (ср. часто обсуждаемую замену английских DP-подлежащих на местоимения *there* и *it*), главное его свойство – просто присутствовать в максимальной проекции, XP в нашем случае. Структурный падеж, таким образом, может присваиваться и меньшим частям именной проекции: DP, NumP, NP – в зависимости от языка (и теоретических предпосылок), на схеме множество проекций, меньших, чем D, обозначено как pP.

Лексический падеж отличается от структурного тем, что присваивается в самом начале процесса синтаксической деривации. Это можно наблюдать в случаях падежного конфликта, демонстрируемого ниже на материале русских числительных:

(1.46)

[интернет]

- а. *Пока нас мало и мы помогаем именно этим двум детским домам.*
 б. *По данным СМИ, он даже приобрел эти два новых автомобиля.*

В зависимости от того, какого падежа требует внешний контекст, меняется оформление именной группы с числительным: если контекст предписывает номинатив или аккузатив, именная группа получает родительный падеж от числительного, во всех остальных случаях (т.е. в косвенных падежах) именной группе присваивается тот же падеж, который был бы у нее в отсутствие числительного. В общих чертах объяснение «победы» причислительного генитива в позиции субъекта и прямого объекта и его «поражения» в косвенных падежах связано с моментом приписывания падежа в процессе синтаксической деривации.

Деривация лексического зависимого начинается уже со стадии, когда падежный признак приписан некоторой проекции DP, (1.47.a). Именная группа, заполняющая лексическую валентность, в свою очередь, начинает деривацию со своей вершины, существительного, (1.47.b). По мере синтаксической деривации именная вершина «наращивает» функциональную оболочку, сохраняя при этом значение падежного признака, (1.47.c,d). К моменту включения в состав именной группы числительного, (1.47.e), она уже обладает падежным признаком и способность числительного приписывать генитив оказывается не востребованной:

(1.47)

- a. [_N *помогаем* [_N]:**Dat**]
- b. [_N *помогаем* [_N *домам*:**Dat**]:**Dat**]
- c. [_N *помогаем* [_{Adj} *детским*:**Dat** [_N *домам*:**Dat**]]:**Dat**]
- d. [_N *помогаем* [_{Num} *двум*:**Dat** [_{Adj} *детским*:**Dat** [_N *домам*:**Dat**]]]:**Dat**]
- e. [_N *помогаем* [_D *этим*:**Dat** [_{Num} *двум*:**Dat** [_{Adj} *детским*:**Dat** [_N *домам*:**Dat**]]]]:**Dat**]

В случае структурного (конфигурационного) падежа дело обстоит иначе. Прямой объект (субъект, посессор) изначально вставляется в позицию, не имеющую падежа, (1.48.a). Деривация внутренней структуры именной группы происходит, таким образом, без полученного извне признака падежа, (1.48.b-e). В момент попадания в структуру числительного оказывается востребованной его способность приписывать генитив: признак генитива распространяется на элементы именной группы, уже попавшие в деривацию, но не обладающие пока падежом, (1.48.e). После того, как именная группа передвинется выше по структуре в позицию спецификатора глагольной группы, она получает «внешний» падеж от глагола, что выражается в аккузативной форме указательного местоимения и числительного, (1.48.f):

(1.48)

- a. [_{VP} [_N]:_ *приобрел*]
- b. [_{VP} [_N *автомобил*:_]:_ *приобрел*]
- c. [_{VP} [_{Adj} *нов*:_[_N *автомобил*:_]]:_ *приобрел*]
- d. [_{VP} [_{Num} *дв*:_[_{Adj} *новых*:**Gen**[_N *автомобиля*:**Gen**]]] *приобрел*]
- e. [_{VP} [_D *эт*:_[_{Num} *дв*:_[_{Adj} *новых*:**Gen**[_N *автомобиля*:**Gen**]]]]] *приобрел*]
- f. [_{VP} [_D *эти*:**Acc** [_{Num} *два*:**Acc** [_{Adj} *новых*:**Gen** [_N *автомобиля*:**Gen**]]]]] [_{VP} *t* *приобрел*]]]

Как мы видели на материале сложных слов, в них: i) невозможны проекции уровня D и ii) недопустимы лексические зависимые. Таким образом, второй запрет, запрет на лексические зависимые может быть выведен из первого: лексический падеж невозможен, потому что словоформа не может содержать элементов уровня D (что, в свою очередь, объясняется референциальными свойствами и другими особенностями функциональных проекций).

В то же время, более низкие уровни именной проекции могут становиться частью лексического синтаксиса. Более того, учитывая невозможность формирования сложных слов на основе лексических зависимых, на материале русского языка можно сформулировать следующее

(1.49) **Наблюдение об ограничении на зависимую часть сложных слов**

Зависимой частью сложных слов могут становиться только элементы функциональных проекций определенного уровня X ($X < T$, $X < v$, $X < D$).

Допустимость в качестве первой основы числительных и прилагательных (сложные слова на основе именной группы) и прямых объектов (сложные слова на основе группы глагола) следует из данного правила тривиально: данные зависимые являются элементами функциональной проекции именной или глагольной группы. Отметим, что в состав сложного слова могут входить те уровни функциональных проекций, которые расположены ниже функциональных вершин, приписывающих падеж: T (номинатив), v (аккузатив), D (генитив).

Допустимость адьюнктов глагольных проекций, выраженных как наречием, так и локативными предложными группами, также следует автоматически: они представляют собой обстоятельства образа действия и способны присоединяться внутри глагольной группы.

Действительно, локативные адьюнкты возможны лишь в тех случаях, когда они специфицируют образ, но не место действия:

(1.50)

a. *мореходный* vs. **мореживущий*

b. *горнопроходный* vs. **горнообитающий*

Скажем два слова о примерах типа *всепогодный*, *каждодневный* и т.д. Принято считать, что квантор располагается в структуре именной группы над проекцией D , см. [Гращенков 2009а; Гращенков 2009б], так что правило (1.49) неверно предсказывает неграмматичность таких случаев. Оставляя данный вопрос для последующих исследований, отметим лишь, что кванторные слова в приведенных примерах (как и в ряде обсужденных выше аффиксоидов) имеют лексический аналог, не тождественный фонологической оболочке основы, *все* здесь означает 'любой', 'всякий'. Возможно, такие элементы как *любой* и *всякий* могут присоединяться ниже уровня DP , что объясняло бы их грамматичность в сложных словах.

Остается сказать несколько слов об исключении из запрета на лексические зависимые существительных с ролью средства и инструмента. Как представляется, инструменталис в прилагательных *газоснабжающий*, *электропитаемый* и существительных *работарговец* и т.д. может быть возможен вследствие того, что он приписывается не как лексический комплемент, а как спецификатор некоторой глагольной проекции. Тест на числительные безусловно противоречит этому (*снабдить двумя литрами воды*, но не **снабдить два литра воды*), однако использование инструменталиса для кодирования косвеннопадежного агенса при пассиве

может говорить о том, что данный падеж иногда имеет структурную природу. Исключение инструменталиса из правила о запрете на лексическое зависимое в сложных словах (если оно действительно имеет место быть) также требует дальнейшего исследования.

Ситуация усложняется также тем, что в ряде случаев (ср.: *рабовладение, домоуправление*, но в то же время **языковладение при языкознание*) семантическая роль лексического зависимого, скорее всего, не сводится к инструменту / средству. Глагол *владеть* (и основа *влад-*) имеет явно лексическую валентность на инструменталис и не связан с ролью инструмента или средства.

В паре случаев есть также исключения – генитивные зависимые (ср.: *умалишенный, светобоязнь*, но при этом **победожаждущий, *землекасающийся, *пищехватание, *пищедостаток*).

Так или иначе, случаев, например, с дативным лексическим зависимым в составе сложного слова обнаружить не удалось. Возможен подход к русскому падежу, при котором генитив и большинство употреблений инструменталиса будут также структурными, см. [Bailyn 2004]. При таком подходе наблюдаемое нами противопоставление датив / некоторые примеры с инструменталисом vs. прямой объект / адъюнктивный инструменталис / некоторые случаи генитива мог бы получить объяснение.²⁹

1.3.5. Отсутствие морфологии при подчинительной стратегии образования сложных слов

Изложенная выше идея об отсутствии падежного маркирования зависимых в составе сложных слов может быть развита далее. Падежное маркирование, как уже было сказано, невозможно потому, что уровень проекции DP невозможен ни в случае зависимой, ни в случае главной части сложного слова:

(1.51)

- a. *_[DP основа1] основа2]-н/ск/...
- b. *_{[DP [основа1] основа2]}-н/ск/...

Покажем, что и другие типы морфологического маркирования синтаксической зависимости также невозможны в лексическом синтаксисе. Ряд глагольных и именных основ обладает способностью присоединять инфинитив, однако сложные дериваты с их участием оказываются невозможны, как с инфинитивной морфологией на зависимом, так и без нее:

²⁹ Автор допускает, что анализ (неграмматичности) сложных слов с лексическими зависимыми может быть уточнен или даже изменен существенным образом. Основные выводы данной главы не следуют напрямую из сделанных здесь допущений.

(1.52)

- a. *желать победить* → **победитьжелающий*/**победожелающий*,
победитьжелательный*/победожелательный*,
 но! *благожелательный*
- b. *надеяться выиграть* → **выигратьнадеющийся*/**выигрышенадеющийся*,
выигратьнадеянный*/выигрышенадеянный*,
 но! *самонадеянный*
- c. *стремиться летать* → **летатьстремящийся*/**летостремящийся*,
летатьстремительный*/летостремительный*,
 но! *центростремительный*
- d. *намерение играть* → **игратьнамеренный*/**игронамеренный*,
 но! *злонамеренный*
- e. *возможность петь* → **петьвозможный*/**пениевозможный*,
 но! *всевозможный*

Отметим, что недопустимой оказывается не только форма инфинитива (**победитьжелающий*), но и основа без инфинитивного показателя и с деривационным показателем существительного (**победожелающий*). Этот факт говорит о том, что подобные составляющие ([*побед жела*]), скорее всего, даже не попадают в деривацию. Можно предположить, что причина здесь аналогична запрету на участие DP в образовании сложных слов: инфинитивные составляющие – проекции слишком высокого типа, так или иначе способные к временной референции (пусть и не способные выражать актуально-длительное значение), см. анализ инфинитивов как передающих «зависимое время» в [Gueron, Hoekstra 1995]. Референциальная информация, связанная с именной определенностью (проекция D) и глагольным временем (проекция T), не может получать выражения в лексическом синтаксисе.

Не только показатели синтаксической зависимости (инфинитив, падеж), но и другая морфология недопустима на зависимых основах сложных слов. Так, не встретилось случаев, когда в модели прилагательное + существительное прилагательное можно было бы заменить на причастие:

(1.53)

- a. *белоснежный* vs. **тающеснежный*
- b. *длинноволосый* vs. **подстрижен(н)оволосый*

с. *полноводный* vs. **текущеводный*

d. *длиннохвостый* vs. **обрезан(н)охвостый*

Отсутствие (причастной) морфологии можно объяснить все той же причиной: функциональные проекции, ответственные за показатели падежа, инфинитива и причастий, недопустимы в составе зависимых основ в лексическом синтаксисе. Можно предположить, что недопустимость употребления любых морфологических показателей на первой основе в случае зависимой связи вызвана тем, что первая основа подчинена второй, ниже мы еще вернемся к данному наблюдению.

Действительно, одиночные причастия и причастные группы вполне допустимы в атрибутивной позиции – это их базовая функция. Более того, как показывают следующие примеры, в случае сочинительной связи причастная морфология на первой основе сложного слова также возможна:

(1.54)

[интернет]

a. *В порывах нервных всплесков, и в связи с кучей недавних событий, я решил написать негодующе-гневный текст.*

b. *Затем послышался чей-то удрученно-печальный голос...*

В примерах с сочинительной связью *негодующе-гневный*, *удрученно-печальный* ничто не препятствует употреблению причастий в качестве первых основ. Сочинительные примеры типа (1.54), как мы предполагаем, почти не отличаются от единичных причастных форм. По нашему мнению, они имеют следующую структуру:

(1.55)

[_{AdjP} [&P [_{Part} *негодующ*]]&[_a *гневн*]]-ый]

В данном случае для образования сложного прилагательного с общей флексией берутся две готовые основы: причастная и адъективная. Каждая из этих основ имеет статус неветвящейся проекции и представляет собой вершину. После того, как они объединились в сочинительную составляющую, над ними надстраивается группа согласования AdjP.

В случае наличия у причастия зависимых сочинительная связь становится невозможной:

(1.56)

a. *на всех негодующий, гневный человек*

b. *на всех негодующе-гневный человек

Как мы предполагаем, неграмматичность (1.56.b) связана с запретом на ветвящиеся проекции в составе лексической единицы, который мы обсудим несколько ниже. В следующей структуре мы приведем возможное объяснение неграмматичности (1.56.b):

(1.57)

[_{ConcP} [&P [_{PartP} [на всех] негодующ] &[_a гневн]]-ый]

Как представляется, эмпирическим фактом (см. ниже) можно считать запрет на включение в состав словоформы более чем одной зависимой единицы. Ветвление проекции [на всех] внутри группы с вершиной *негодующ-*, образующей, в свою очередь сочиненную группу с *гневн-*, таким образом, нарушает данный запрет.

1.3.6. Генитив на первой основе-числительном

У правила об отсутствии морфологии на зависимой части есть одно исключение. Как уже было сказано, в конструкциях с числительными наблюдаются показатели родительного падежа:

(1.58)

a. дв-ух-компонент-н-ый

b. пят-и-комнат-н-ый

c. сорок-а-метровый

Прежде чем объяснить происхождение этих показателей, покажем, что они, как и все другие явления в области сложных слов, не связаны с отношениями между сложными прилагательными и именной вершиной, к которой они относятся. Иными словами, мы хотим показать, что генитивная морфема в составе сложного слова не восходит к генитивной зависимости проекций *два компонента*, *пять комнат*, *сорок метров* от своих вершин. Можно было бы предположить, что конструкции с данными примерами восходят к случаям, аналогичным так называемому генитиву качества: *высококачественный*, *малорослый*, *низкосортный*, ... В случае генитива качества можно возвести именные группы со сложными прилагательными к исходным структурам [[N] генитив качества]:

(1.59)

- a. *высококачественный продукт* = *продукт высокого качества*
 b. *малорослый буйвол* = *буйвол малого роста*
 c. *низкосортный чай* = *чай низкого сорта*

Однако подобную деривационную историю невозможно усмотреть у сложных слов с числительными:

(1.60)

- a. *двухкомпонентный анализ* ≠ *анализ двух компонент*
 b. *пятикомнатная квартира* ≠ *квартира пяти комнат*
 c. *сорокаметровый участок* ≠ *участок сорока метров*

Более того, за пределами числительных генитив не встречается нигде в сложных прилагательных:

(1.61)

**высок-ой-горный, *равн-ых-бедренный, *втор-ого-сортный, *бумаг-и-делательный, ...*

Шире – представляется справедливым следующее утверждение:

(1.62) **Наблюдение о независимости лексического синтаксиса от собственно синтаксиса**

Сложные слова образуются при помощи регулярных синтаксических правил, но хранятся в лексиконе как отдельные лексические единицы.

Иными словами, отдельные части сложных прилагательных (существительных и т.д.) не вступают в деривацию как самостоятельные лексические единицы, подверженные действию синтаксических правил, каждый раз при порождении высказывания, а берутся из лексикона как готовое слово.

К аналогичному выводу приходит М. Халле: «... можно предположить, что существенная часть словаря хранится в постоянной памяти говорящего и что он должен вовлекать словообразовательный компонент только тогда, когда он слышит незнакомое слово или использует некоторое свободно сконструированное слово»,³⁰ [Halle 1973: 16].

³⁰ «... it is possible to suppose that a large part of the dictionary is stored in the speaker's permanent memory and that he needs to invoke the word formation component only when he hears an unfamiliar word or uses a word freely invented.»

В рамках одной и той же деривации, таким образом, не встречаются отдельные основы сложных прилагательных, и, например, именная вершина, определением к которой они становятся. Следовательно, генитив на отдельных частях сложных прилагательных не может восходить к вершине именной группы, от которой зависит сложное прилагательное.

Похожий подход предлагается, например, в [Ackema, Neeleman 2007], где утверждается, что морфология представляет собой независимый модуль, основные правила которого (тип проекции, возможность «видимых» следов, ограничения на передвижение и т.д.) отличаются от правил синтаксиса, см. также [Chomsky 1970; Halle 1973; Culicover, Jackendoff 2005].

Возвращаясь к разговору о генитиве в сложных прилагательных с участием числительного, разберем следующие примеры:

(1.63)

одн-о-дневный, одн-о-летний, одн-о-уровневый,...

В именных группах с количественным числительным *один* присваивания падежа именной вершине не происходит (*один день, одно лето, один уровень,...*). Как мы видим, и в сложных словах с этими числительным не наблюдается падежного окончания. Следовательно, числительные принимают генитив тогда и только тогда, когда сами его присваивают.

Наличие причислительного генитива не является уникальным свойством русского языка, см. [Гращенков 2002]. Вопрос о наличии генитивного маркера в композитах может представлять достаточный интерес в типологической перспективе – мы, однако, оставим его для будущих исследований.

Наш анализ генитива на числительных в русских сложных словах сводится к следующему. Как мы уже говорили, присваивание причислительного генитива происходит достаточно рано в синтаксической деривации. В исходной именной группе количественное числительное, будучи вершиной проекции NumP, присваивает (причислительный) родительный падеж существительному (точнее – всем проекциям, находящимся ниже Num, каковыми в данном случае оказывается только существительное). Таким образом падежный признак генитива распространяется вниз по структуре:

(1.64)

[Num *дв*:_ [N компонент:**Gen**]]

При этом, как мы уже знаем, составляющая сложное слово именная группа не может быть уровня DP и не может выразить значение падежа. Более того, вершинное имя при

словообразовании не может содержать никакой морфологии, ср. неграмматичность падежных и числовых форм в сочетании с суффиксами прилагательного:

(1.65)

Gen.Sg: <i>часа</i> + суфф.	→	* <i>часа-ов-ой</i> / <i>часа-н-ый</i> / <i>часа-ск-ий</i> ...
Nom.Pl: <i>часы</i> + суфф.	→	* <i>часы-ов-ой</i> / <i>часы-н-ый</i> / <i>часы-ск-ий</i> ...
Gen.Pl: <i>часов</i> + суфф.	→	* <i>часов-ов-ой</i> / <i>часов-н-ый</i> / <i>часов-ск-ий</i> ...

Суффиксы прилагательных, таким образом, сочетаются с голой основой, не способной содержать словообразовательных показателей. При этом причислительный генитив оказывается уже приписан именной проекции к моменту присоединения префикса. Единственно возможный способ выразить значение генитива – маркировать им ту зависимую от именной проекции основу, которая может его выражать. Для этого падежный признак «переносится» с вершины внутрь составляющей на числительное:

(1.66)

[_{Num} *двух*:**Gen** [_N *компонент*:**Gen**]]

Сам факт выражения падежного значения словоформой, находящейся в составе сложного слова, – еще одно подтверждение тому, что деривация сложных слов происходит по правилам синтаксиса. Принцип, препятствующий включению в деривацию DP, при этом соблюдается – показатель падежа маркирует числительное, т.е. Num(P).

Предложенный анализ имеет один недостаток – он не может объяснить случаев типа *двадцатиоднолетний*, т.е. образований от сложных числительных, которые в «большом» синтаксисе не присваивают падежа именных группам (*двадцать один год* / **года* / **лет*). В составе сложных слов, тем не менее, первая вершина (*двадцати-*) получает форму родительного падежа. Мы оставим данный случай для дальнейших исследований, скажем лишь, что примеры с простым числительным *один*, не присваивающим генитива ни в синтаксисе, ни в сложных словах, подтверждают наш подход: *одноступенчатый*, *однодневный* и т.д.

Подход к русским сложным словам, предполагающий, что падеж «адсорбируется» морфологией внутри сложных слов, предлагался в [Matushansky 2010]. В данной работе предлагается считать суффиксы типа *-ов*, *-ин* в примерах *орловский*, *ялтинский* и т.д. показателями генитива.

...

Суммируем в двух словах факты, связанные с морфологией в составе сложных прилагательных. Во-первых, морфология в целом недопустима. Это, как мы предполагаем, связано с невозможностью более чем одного ветвления составляющих в рамках сложного слова (о чем речь пойдет ниже). Во-вторых, существующие исключения относятся к случаю «последней надежды» (last resort) – когда падежное значение не может быть не приписано, а выразить его там, где оно должно быть, нельзя – оно выражается при помощи зависимой словоформы. Наконец, еще одно важное наблюдение – произошедшая однажды деривация сложных слов не возобновляется каждый раз при порождении нового высказывания. Образование сложных слов происходит по общим правилам синтаксиса, но полученные при этом элементы хранятся в словаре как готовые лексические единицы.

1.3.7. Запрет на дериваты от группы прилагательного

Как мы наблюдали, образование сложных слов в целом возможно лишь на основе именных и глагольных проекций. Что касается группы прилагательного, здесь мы обнаруживаем лишь так называемые суффиксоиды – ограниченное количество основ, в которых можно усмотреть процесс грамматикализации – переход от статуса лексической основы к суффиксу. Ниже мы попробуем объяснить, почему адъективные проекции не дают новых сложных слов.

Как мы предполагаем, причина здесь в том, что прилагательное не обладает возможностью строить свою развернутую функциональную проекцию. В именной группе имеются проекции прилагательного, количественного и порядкового числительного, а также, возможно, кванторов. В группе глагола также отдельные уровни проекции связаны с прямым объектом, равно как и обстоятельствами образа действия, выраженными наречиями и локативными предложными группами. Рассмотрим максимально полную проекцию прилагательного:

(1.67)

[*весьма довольный собой*] человек

Ее структуру можно представить так:

(1.68)

[_{AdjP} [_{AP} *весьма* [_{AP} *довольн* [_{с собой}]]]-ый] человек

Здесь [*собой*] – лексическое зависимое основы *довольн* (обозначаемой здесь как aP, см. подробнее Главу 5). Как мы знаем, лексические зависимые не могут становиться частью сложных слов. Интенсификаторы (в данном случае – *весьма*), как мы видели выше, также заменяются на префиксоиды *сверх-* / *мало-* (причины такой замены мы оставим для будущих исследований). Других уровней проекции в группе прилагательного не существует. Именно отсутствие развитой функциональной структуры препятствует продуктивному образованию сложных слов на основе группы прилагательного.

Для русского языка мы можем сформулировать следующее наблюдение:

(1.69) Наблюдение о синтаксических основаниях сложных слов

Сложные слова могут образовываться только на основе функциональных проекций.

1.3.8. Закономерности в образовании сложных слов: предварительные итоги обсуждения

В данном разделе мы немного отошли от основной задачи первой главы и обсудили возможные причины некоторых запретов на применение продуктивных синтаксических моделей в словообразовании. Очевидно, запрет на лексические зависимые может быть устроен несколько сложнее, а анализ сложных слов с генитивом на числительном должен получить дальнейшее развитие. Главная задача первой главы, однако, – установлением синтаксических закономерностей в устройстве сложных слов и создание концепции, объясняющей эти закономерности. Этому будут посвящены остальные разделы первой главы.

1.4. Порядок деривации сложных слов

Кроме основ сложные слова содержат деривационную морфологию – показатели, оформляющие принадлежность новой единицы к классу прилагательных. Интересным вопросом является порядок образования сложных слов. Всего возможны четыре сценария деривации. Первые два случая представляют собой эндоцентрическую конструкцию, (1.70.a,b). В (1.70.a) последняя основа сперва присоединяет суффикс, после чего объединяется с первой основой, в (1.70.b) основы сначала образуют общую составляющую, а потом присоединяют суффикс. Допустимы также варианты анализа с симметричной внутренней структурой, (1.70.'a,b). Вариант (1.70.'a) предполагает объединение уже готовых основ прилагательных, содержащих суффиксы, в случае (1.70.'b) над симметричной структурой из двух основ надстраивается суффикс:

(1.70)

а. [кисл [молок [-ьн]]]

б. [[[кисл] молоко] -ьн]

(1.70')

а. [[кисл] [молокьн]]

б. [[кисл-молокь]-н]

Как представляется, при сочинении имеет место структура (1.70'.а), а при подчинении – (1.70.б). Покажем сначала, что в случае подчинительной (=эндоцентрической) конструкции мы имеем дело со структурой (1.70.б).

В [АГ-80-1: §760] сложные прилагательные принято считать суффиксально-сложными в случаях: i) когда они образуются при помощи иного, чем исходная вторая основа, суффикса; ii) если простые аналоги сложных слов отсутствуют; iii) если сложные прилагательные меняют позицию ударения. Мы добавим к этим аргументам еще два: iv) смену семантики второй основы и v) семантический порядок деривации.

Что касается определения способа образования как суффиксально-сложного, мы будем воспринимать этот термин как описывающий два последовательных этапа: образование сложной основы и ее последующую суффиксацию.

1.4.1. Смена суффикса

В качестве примера смены суффикса сложным прилагательным, i), в [АГ-80-1: §760] приводятся следующие случаи:

(1.71)

[АГ-80-1: §760]

а. *ходовой – быстροходный, береговой – левобережный, грузовой – тяжелогрузный, домовый – одноклмный, голосовой – многоголосный, цветовой – многоцветный, ...*

б. *годовой – ежегодный и прошлогодный, новогодний; городской – иногородный, ...*

с. *дворовый – гостинодворский, речной – москворецкий; степной – голодностепский (Голодная степь), земельный – новоземельский (Новая Земля)*

д. *душевный – криводушный, чиновный – разночинный, словесный – многословный*

К данным примерам можно добавить также предложные пары:

(1.72)

детский - бездетный; шефский - подшефный; пилотский – беспилотный

Несмотря на то, что некоторые модели в современном языке непродуктивны, другие, безусловно, представляются вполне «живыми». К последним относятся переходы *-ов* в *-н* и *-н* в *-ск*. В обоих случаях из единиц с нейтральной семантикой ‘относящийся к’ мы получаем семантически специфицированные единицы. В одном случае (переход от *-ов* к *-н*) это качественные прилагательные с суффиксом *-н*, способные к градуальному изменению признака (ср. также *земляной – редкоземельный, костяной – ширококостный*). В другом (*-н – -ск*) относительные прилагательные с суффиксом *-ск*, одной из функций которого является кодирование локативных отношений.

Изменение семантики второго компонента могло бы говорить о том, что новый суффикс выбирается из-за несовпадения значения. Однако, во-первых, все использованные выше суффиксы в значительной степени десемантизированы. Во-вторых, отсутствие прилагательных типа **ходный, *домный, *голосный, *рецкий, *степский, ...* говорит о том, что востребованный новый вариант суффикса связан с обеими основами, а не только со второй из основ.

К примерам из [АГ-80-1] можно добавить еще одну продуктивную модель, связанную с дериватами от частей тела, см. [Виноградов 1975: 162]. Одноосновные прилагательные в данном случае образуются при помощи суффикса *-аст*, имеющего семантику ‘обладающий X-ом, превосходящим стандарт по некоторому параметру’. В образовании сложных прилагательных данный суффикс не участвует, и вторая основа оказывается (фонологически) не маркирована, при этом иногда наблюдается чередование полногласных / неполногласных основ (ср. также *хвостатый – длиннохвостый, крылатый – краснокрылый, ...*):

(1.73)

ушастый – вислоухий; головастый – яйцеголовый / двуглавый; глазастый – кареглазый; зубастый – белозубый; щекастый – краснощекий, ...

1.4.2. Отсутствие исходной лексики

К описанному сценарию близка ситуация ii), при которой вторая основа не образует самостоятельное прилагательное:

(1.74)

a. *одноногий, семимильный, трехосный, ...*

b. *серосодержащий, самонадеянный, трудноуловимый, ...*

Примеры (1.74.a) представляют собой случаи, где вторая часть состоит из имени, по тем или иным причинам не образующего самостоятельного прилагательного: *ногий / *ногастый, *мильный, *осный³¹. В (1.74.b) входят примеры, второй частью которых являются причастия, некоторые из которых существуют в русском языке (*содержащий, уловимый, ...*), однако употребляются только с собственными зависимыми, представляющими собой часть глагольной группы, т.е. могут быть только причастиями, но не прилагательными:

(1.75)

[интернет]

a. *содержащая вредные вещества продукция* vs. **содержащая продукция*

b. *с едва уловимым заискиванием* vs. **с уловимым заискиванием*

1.4.3. Ударение

Далее, перейдем к доводу iii), связанному с ударением. Большинство сложных прилагательных имеет ударение на том же слоге, что и их вторые части:

(1.76)

глубоководный, одноразовый, второсортный, металлообрабатывающий, энергопитаемый, воздухоплавающий, приморский, ...

Отметим, что ударение в таких словах ставится так, как если бы сначала образовывались комплексы [основа1-основа2], а затем присоединялся бы суффикс. Приведем здесь рассуждения А.А. Зализняка: «основа слова *безлошадный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге..., но соответствующего реального слова нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*», [Зализняк 2002а: 421].

Ударение в сложных словах часто не совпадает с ударением на употребленной независимо вершине, см. [ОНС 2011]. Русские сложные слова также располагают ударение иначе, чем дериват от второй основы: *дверной* – *пятидверный*, *основной* – *двухосновный*, см. также следующие примеры из [АГ-80-1]:

³¹ Прилагательное *осный* имеет значение 'обладающий осью' в то время как *осевой* – 'относящийся к оси', ср. *осевая симметрия, осевая линия, осевая нагрузка* и т.д.

(1.77)

[АГ-80-1, § 760]

земной – иноземный, стенной – тонкостенный, именной – одноименный, больной – сердобольный, лесной – мелколесный, волновой – коротковолновый, вековой – средневековой, морской – североморский, дневной – ежедневный, ...

Отметим, что во всех этих случаях прилагательное от второй основы имеет сильную флексию *-ой*. При образовании сложного слова ударение смещается ровно на один слог вперед – с флексии на основу (*земной – иноземный*) или на суффикс (*волновой – коротковолновый*). В первом случае снова работает логика «образуй сложный комплекс и поставь ударение на нем, как если бы это было словосочетание». Однако в случае ударения на суффиксе она уже не дает нужного результата.

Здесь нам поможет подход, принятый, например, в Распределенной морфологии – синтаксической теории, созданной для анализа морфологических явлений, см. [Marantz 1997]. Одно из ключевых понятий в Распределенной морфологии – так называемое позднее вставление, Late Insertion, см., например, [Harley, Noyer 1999]. В соответствии с принципом позднего вставления сначала абстрактные лексические и морфологические единицы собираются в составляющую, а затем, когда синтаксическое дерево из них уже готово, оно озвучивается фонологическим модулем.

Очевидно, принцип позднего вставления срабатывает в примерах выше на уровне [[основа1-основа2]-суффикс]. В том случае, когда суффикс является потенциальным акцентоносителем, ударение располагается на нем, когда суффикс не может нести ударения, оно падает на основу.

Позднее вставление позволяет разрешить еще одну проблему. А.А. Зализняк вводит понятие так называемого «неплотного соединения» для случаев, когда присоединенная морфема (в нашем случае, т.е. в случае [основа1-основа2], – первая основа) «не меняет акцентуации основной части словоформы», см. [Зализняк 2002а: 376], далее там же: «Например, *двухвинтовой* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуручный* – к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочередный* и *первоочередной*.» Иными словами, проблема в случаях типа *двухвинтовой* такова: постановка ударения происходит по тем же правилам, как и при образовании только вторых основ (*винтовой – двухвинтовой* и т.д.), т.е. формально как будто бы происходит сначала образование комплекса [основа2-суффикс], а затем к нему добавляется основа1, что приводит к конечному [основа1 [-основа2-суффикс]]. В то же время порядок семантической деривации [[основа1-основа2]-суффикс].

В данном случае принцип позднего вставления также позволяет объяснить различие в расстановке фонетических и семантических границ (так называемый «скобочный парадокс»). Сначала происходит «полная сборка» комплекса [[основа1-основа2]-суффикс], а затем – ее озвучивание, которое в данном случае совпадает с правилами озвучивания комплекса [основа2-суффикс].

1.4.4. Смена семантики

Аргумент iv) состоит в том, что многие основы прилагательных, являющихся вершиной сложных слов, существенно меняют свое значение. Приведем следующие примеры:

(1.78)

*стодесяти**сильный**, трехсотлетный, разносторонний, равномерный, ...*

Лексемы *сильный, летний, сторонний, мерный* имеют иную семантику, чем аналогичные им части приведенных выше сложных прилагательных. Это можно показать на примере смены их синтагматики:

(1.79)

*стодесяти**сильный** двигатель ≠ [#]сильный двигатель
трехсотлетный конфликт ≠ летний конфликт
разносторонний человек ≠ сторонний человек
равномерное движение ≠ [#]мерное движение*

1.4.5. Семантический порядок деривации

Еще один аргумент из области семантики связан с возможностью отслеживания для некоторых суффиксов их влияния на структуру, которую они оформляют. Так, ряд суффиксов русских прилагательных обладает прозрачной семантикой. Например, суффиксы *-ист* и *-(ч)ат* имеют примерно следующую семантику: ‘содержащий X в большом количестве (на поверхности)’:

(1.80)

- a. *волокнистый, щетинистый, глинистый, бугристый, тенистый, ...*
- b. *веснушчатый, бревенчатый, дырчатый, зубчатый, матерчатый, ...*

Ряд сложных прилагательных допускает образование с участием *-ист* и *-(ч)ат*:

(1.81)

а. *тонковолокнистый, мелкощетиный, твердобугристый, белоперистый, широковетвистый, мелкозернистый, ...*

б. *светлобревенчатый, крупнодырчатый, мелкозубчатый, острозубчатый, черночешуйчатый, мелкоотравчатый, ...*

Если бы в данных сложных образованиях сначала получались бы прилагательные *волокнуный, щетиный, бугриный; бревенчатый, дырчатый, зубчатый*, мы имели бы значения ‘тонкий и волокнуный’, ‘мелкий и щетиный’, ‘твердый и бугриный’; ‘светлый и бревенчатый’, ‘крупный и дырчатый’, ‘мелкий и зубчатый’ (именно таков порядок деривации при сочинении, см. следующий раздел). Очевидно, что значение сложных прилагательных устроено иначе: *тонковолокнуный* означает ‘с тонкими волокнами’, а *мелкозубчатый* – ‘с мелкими зубцами’ и т.д.

Данные суффиксы, в принципе, могут встречаться и при сочинении, но порядок построения значения уже иной: *солнечно-мглистый, каменисто-мусорный* значат ‘солнечный и мглистый’ ‘каменистый и мусорный’.

Таким образом, семантически направление деривации при подчинении соответствует объединению основ с последующим оформлением всей структуры суффиксом. По этой же самой причине происходит замена суффикса *ходовой* – *быстроходный* (-ов → -н), *торговый* – *новоторжский* (-ов → -ск) и т.д.

...

Отметим, что все указанные выше свойства, а именно: i) смена суффикса; ii) отсутствие простого коррелята сложного слова; iii) смена ударения (с оговорками, сделанными выше); iv) смена семантики; v) направление деривации [[основа1-основа2]-суффикс] наблюдаются при подчинительных отношениях.

1.4.6. Порядок деривации при сочинении

В случае сочинительной связи мы имеем дело с объединением уже готовых основ прилагательных. Это следует из того факта, что семантическая деривация при сочинении устроена обратно тому, как это было описано в предыдущем разделе для подчинения. Вот что находим по этому поводу в [АГ-80-1: §754]: «Сложения с основами суффиксальных (отсубстантивных и отглагольных) прилагательных, а также причастий, семантически мотивируются также следующим образом: "относящийся в равной степени к предметам или процессам, названным мотивирующими основами образующих прилагательных": *научно-*

технический (относящийся к науке и технике), *приемно-передающий* (предназначенный для приема и передачи)».

При сочинении обе основы, таким образом, играют одинаковую роль в сложном слове, объединяясь в одну составляющую, при этом каждая из основ уже содержит свою морфологию. Такой последовательности соответствует повторяемая ниже схема (1.70'.а):

(1.70')

а. [кисл [молок [-ьн]]]

1.4.7. Наличие суффикса на первой основе

Как было сказано, при подчинении первая основа как правило представляет собой корень без суффикса, (1.82.а-і). При сочинении, однако, достаточно часто встречается употребление (производной) первой части с суффиксом, (1.82.а'-і'):

(1.82)

а. <i>деревообрабатывающий</i>	vs.	а' <i>деревянно-кирпичный</i>
б. <i>воздухообменный</i>	vs.	б.' <i>воздушно-капельный</i>
с. <i>кислородосодержащий</i>	vs.	с.' <i>кислородно-водородный</i>
д. <i>огнедышащий</i>	vs.	д.' <i>огненно-красный</i>
е. <i>яйцекладущий</i>	vs.	е.' <i>яично-желтый</i>
ф. <i>англоговорящий</i>	vs.	ф.' <i>английско-русский</i>
г. <i>камнеобрабатывающий</i>	vs.	г.' <i>каменисто-мусорный</i>
и. <i>соледобывающий</i>	vs.	и.' <i>солено-сладкий</i>
і. <i>зубопротезный</i>	vs.	і.' <i>зубно-губной</i>

Похожее наблюдение о возможности сочинения прилагательных, как оформленных суффиксом, так и с сокращенными основами, находим в [АГ-80-1: §754]: «В прилагательных этого подтипа с опорным компонентом – суффиксальным прилагательным в качестве первого компонента выступают не только неусеченные основы суффиксальных прилагательных, но и бессуффиксальные основы: 1) основы существительных: *тазобедренный*, *мясо-молочный*, *пуксоналадочный*, *звуко-буквенный*, *лесопарковый*, *газонефтяной*, *физико-математический*, *товаропассажирский*; 2) усеченные основы существительных или суффиксальных прилагательных: *синтетико-аналитический* (с усеч. основой слова *синтетический*), *греко-латинский* (с усеч. основой слова *греческий*), *афро-азиатский* (с усеч. основой слов *Африка*, *африканский*)...»

Отметим, что и при подчинении, и при сочинении первая основа может представлять собой корневую морфему. Природа этого, однако, различна: если в случае подчинительной модели отсутствие суффиксов вызвано тем, что именная основа приходит из соответствующих синтаксических конструкций, отсутствие части фонологического материала при сочинении – результат редукции. Так, суффиксы на первой основе могут восстанавливаться в случае сочинительной, но не подчинительной модели ср.:

(1.83)

- a. **деревяннообрабатывающий*
- b. **воздушнообменный*
- c. **кислородносодержащий*

(1.84)

[интернет]

- a. *тазо-бедренный: Тазобедренный сустав является одним из самых крупных суставов нашего тела.*
- a.' *тазово-бедренный: тазово-бедренный тип Лейдена-Мебиуса*
- b. *конечнопоясной: Этиология конечно-поясной формы Эрба-Рота*
- b.' *конечностно-поясной: конечностно-поясная форма прогрессирующей мышечной дистрофии*
- c. *биохимический: биохимическая завивка*
- c.' *биолого-химический: биолого-химический факультет*

Вернемся теперь к наблюдению о невозможности образования сложных слов из производных единиц. Повторим примеры (1.53):

(1.53)

- a. *белоснежный vs. *тающеснежный*
- b. *длинноволосый vs. *подстрижен(н)оволосый*
- c. *полноводный vs. *текущеводный*
- d. *длиннохвостый vs. *обрезан(н)охвостый*

Этот набор примеров можно дополнить и другими моделями. В группе примеров ниже приведены еще несколько случаев образования сложных слов на основе именных групп, а также примеры для моделей «глагольная группа + прямой объект», «глагольная группа + косвенный объект», «глагольная группа + адъективный суффиксоид».

(1.85)

a. <i>большеголовый, огромноголовый</i>	vs.	a'. * <i>гигантскоголовый</i>
b. <i>быстроногий, босоногий</i>	vs.	b'. * <i>обутоногий</i>
c. <i>голубоглазый, косоглазый</i>	vs.	c'. * <i>скошенноглазый</i>
d. <i>нефтедобывающий, сланцедобывающий</i>	vs.	d'. * <i>ископаемодобывающий</i>
e. <i>влагосодержащий, золотосодержащий</i>	vs.	e'. * <i>горюче(е)содержащий</i>
f. <i>кораблестроительный, заводостроительный</i>	vs.	f'. * <i>сооружениестроительный</i>
g. <i>вредоносный, кровеносный</i>	vs.	g'. * <i>опасностеносный</i>
h. <i>водопроницаемый, влагопроницаемый</i>	vs.	h'. * <i>жидкостенепроницаемый</i>
i. <i>водобоязливый, светобоязливый</i>	vs.	i'. * <i>темнотобоязливый</i>
j. <i>человеколюбивый, корыстолюбивый</i>	vs.	j'. * <i>богатстволубивый</i>
k. <i>огнеустойчивый, морозоустойчивый</i>	vs.	k'. * <i>горениеустойчивый</i>
l. <i>влагоопасный, пожароопасный</i>	vs.	l'. * <i>сухостеопасный</i>

Примеры (1.85.a-c) представляют собой сложные слова на основе именных групп и образованы сочетанием непроеизводных прилагательных и имен. Данные примеры грамматичны. В случае производных отыменных прилагательных с суффиксом *-ск* (1.85.a') или причастий (1.85.b'-c') примеры становятся неграмматичны. В примерах (1.85.d'-e') первые основы представляют собой субстантивированные прилагательные (диахронически отглагольного происхождения, что в данном случае не так принципиально). Примеры (1.85.f'-l') составлены с участием глагольных корней и адъективных аффиксоидов, в роли комплемента (прямой / косвенный объект) употребляется производное существительное с суффиксами *-ниј*, *-ость*, *-ота*, *-ство*. Все такие примеры оказываются непроеизводными – как представляется, именно из-за наличия у первых основ показателей смены частеречной принадлежности.

Таким образом, ни причастия при атрибутивном или субстантивированном употреблении, ни корни с другими деривационными морфемами не могут быть первой частью сложных слов. Иными словами, если первая основа маркирована рекатегоризирующим показателем, она не может быть выбрана второй основой при образовании сложного слова. Сформулируем следующее наблюдение:

(1.86) Наблюдение о непроеизводности первой основы

При отношении «вершина – зависимое» между второй и первой частью сложного слова первая, зависимая основа не может быть маркирована деривационным показателем.

Выше мы связали невозможность появления показателей падежа, инфинитива и причастия с ограничением на определенный уровень функциональной проекции: максимальная проекция именной группы D (падеж), равно как и проекция T (инфинитив) не могут быть представлены в лексиконе. В обсуждаемом здесь случае, однако, запрет еще более строгий: не только высокие функциональные проекции, но и рекатегоризирующая деривационная морфология не могут оформлять зависимые сложных слов.

Данная закономерность может показаться достаточно неожиданной, т.к. основы с деривационной морфологией могут подлежать вторичной рекатегоризации, см., например [Kiparsky 1982] для случая английского. Возможно вторичное употребление рекатегоризирующих деривационных показателей и в русском:

(1.87)

влага – влажный – влажность

масса – массовый – массовость

(1.88)

жидкий – жидкость – жидкостный

кислый – кислота – кислотный

(1.89)

старый – стареть – старение

синий – синеть – посинение

В примере (1.87) имеет место последовательность преобразований N – Adj – N, в (1.88) – последовательность Adj – N – Adj, в (1.89) – схема Adj – V – N. Таким образом, причина неграмматичности не в том, что деривационная морфология не может применяться дважды.

Невозможно считать причиной обсуждаемого запрета на морфологию на зависимой части и неспособность корней выбирать зависимые единицы с определенными признаками. Напротив, так называемая синтаксическая селекция (c-selection, constituent selection) выражается именно в выборе определенных значений частеречных и других морфологических признаков, таких как инфинитив, (определенный) падеж и т.д. Действительно, то, что основа *управл-* присоединяет именные проекции (т.е. проекции категории N) в инструменталисе, является инвариантным свойством основы в любой ее репрезентации (*управлять, управляющий, управление*). Аналогично ведет себя, например, основа *стрем(л)-*: *стремиться навести порядок, стремящийся навести порядок, стремление навести порядок*.

Таким образом, корень может формулировать свои сочетаемостные ограничения в признаках частеречной категории и накладывать ограничения на тип падежа / нефинитной

формы и т.д. В то же время сложные слова с зависимыми лексемами, оформленными деривационной морфологией, оказываются неграмматичны, причем причиной этого также не является запрет на многократное употребление рекатегоризаторов.

Как нам представляется, в основе данного запрета лежит ограничение на количество ветвлений в сложных словах, которое мы более подробно обсудим ниже. Вкратце в обсуждаемом здесь случае оно проявляется следующим образом. Само ограничение предписывает не более двух вложенных составляющих под деривационной морфемой. Несколько ниже мы рассмотрим случаи, где подобный запрет делает невозможным ветвление более чем двух лексических зависимых. В случае деривационных морфем логика оказывается ровно той же: показатель рекатегоризации на зависимой основе образует лишнее ветвление и общее количество проекций под «вершинным» деривационным суффиксом становится больше двух.³²

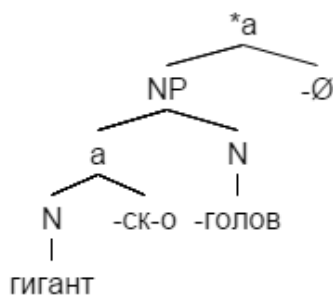
(1.90)

- a. [NP [Adj [N *гигант*] -ск-о] [N -голов]]-Ø → **гигантскоголовый*
 b. [VP [n [Adj *опасн*] -ост-е] [V -нос]]-н → **опасностеносный*

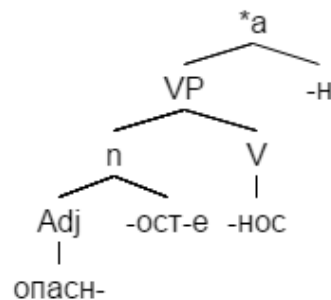
В (1.90.a) представлена деривация сложного слова по модели именной группы с производным прилагательным. В отличие от непродеривированных вершин производные прилагательные обладают одним лишним ветвлением, связанным с присоединением деривационной морфемы. Аналогична ситуация в (1.90.b), где модель образования сложного слова – глагольная группа, а второе ветвление связано с образованием абстрактного имени из адъективной основы:

(1.91)

a.

b.

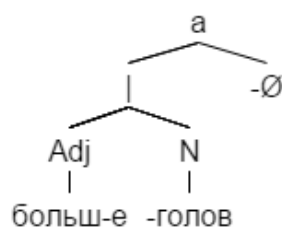

³² Заглавными маркерами Adj, N, V мы обозначаем непродеривированные категории прилагательных, имен и глаголов, маленькими буквами a, n, v обозначаются соответствующие дериваты.

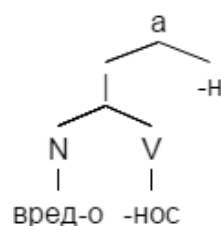
Итак, мы предполагаем, что причиной неграмматичности приведенных примеров является неспособность (деривационной) морфологии³³ оформлять комплексы из более чем двух составляющих. Причину этого запрета мы обсудим чуть ниже, пока лишь скажем, что в случае непроемких прилагательных, где под деривационным показателем оказывается не два, а одно ветвление, данной проблемы не возникает:

(1.92)

a.

b.

1.4.8. Порядок деривации русских сложных прилагательных: итоги

Мы склонны считать, что за перечисленными свойствами, которые в [АГ-80-1: §760] определены как суффиксально-сложный способ словообразования, стоят два последовательных процесса: i) образование сложной основы и ii) присоединение к такой составляющей суффикса.

Выше мы установили, что последовательность Adj1 + Adj2 + Suff отличается от последовательности Adj2 + Suff следующими свойствами:

Таблица 1.2. Образование сложных прилагательных vs. образование прилагательных из вторых основ

	Adj1 + Adj2 + Suff	Adj2 + Suff
i) суффикс	<i>быстроходный</i>	<i>ходовой</i>
ii) нет исходной лексемы	<i>одноногий</i>	<i>*ногий</i>
iii) ударение	<i>инозёмный</i>	<i>земной</i>
iv) семантика второй основы	<i>стодесятисильный</i>	<i>сильный</i>
v) порядок деривации	<i>тонковолокнистый</i>	<i>волокнистый</i>

³³ Присутствие нулевого деривационного показателя в прилагательных *большоголовой*, *голубоглазый* и т.п. следует из неграмматичности дериватов **головый*, **глазый* и т.д. Как представляется, существует распределение: суффикс -аст для односоставных прилагательных (*головастый*, *глазастый*), -∅ – для двусоставных.

Отсутствие исходной второй лексемы либо смена ее семантики говорят о том, что в сочетании с первой основой вступает не та же единица, которая сочетается с деривационным показателем. То же самое показывает и порядок деривации. Данные факты свидетельствуют о том, что сначала происходит объединение двух основ, а уже затем – присоединение суффикса. Об этом же говорит и различие в поведении комбинации двух основ и одной второй основы при выборе суффикса. Ударение – с учетом позднего вставления – также говорит в пользу того, что i) элементы соединяются последовательно и ii) в порядке [[основа1-основа2]-суффикс], а не [основа1-[основа2-суффикс]].

Таким образом, рассмотрение правил образования русских сложных прилагательных свидетельствует в пользу подхода, предполагающего бинарное ветвление – последовательное попарное объединение элементов. Бинарное ветвление используется в большинстве современных синтаксических теорий, основанных на грамматике составляющих, [Carnie 2010: 120-121], во многом как раз по той причине, что оно отражает порядок объединения элементов, т.е. синтаксической и семантической деривации.

Прочитируем здесь результат, полученный А.А. Зализняком на основе наблюдений за русской акцентуацией: «Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошадный*, *обессахарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязычный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41–42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений», [Зализняк 2002а: 420].

По результатам приведенной выше дискуссии сформулируем следующее правило образования сложных прилагательных в русском языке:

(1.93) **Наблюдение о порядке деривации сложных слов**

При сочинительной связи основ готовые основы объединяются друг с другом, при этом первые части могут подвергаться фонологической редукции. В случае подчинения основы сначала объединяются между собой, а затем – с адъективирующей морфологией.

...

Итак, мы обсудили порядок семантической деривации, правила организации сложной словоформы и постановки ударений в ней. Мы показали, что в основе образования сложных прилагательных лежит принцип последовательного бинарного ветвления. Как мы полагаем, тот же принцип распространяется и на элементы «большого синтаксиса» в русском языке, но в этом случае последовательное бинарное упорядочивание менее очевидно из-за богатой русской морфологии и связанного с этим свободного порядка расположения элементов в поверхностной синтаксической структуре.

Бинарный характер ветвления говорит о лучшей применимости грамматики составляющих к русскому языковому материалу. Грамматики зависимостей нечувствительны к порядку синтаксической деривации, их сильная сторона – в наглядном представлении о семантическом устройстве словосочетания. История синтаксической деривации лучше прослеживается при помощи грамматики составляющих.

1.5. Дериваты, способные оформлять составляющие: ТИПОЛОГИЯ

В русском языке подчинение в сложных прилагательных оформляется при помощи тех же суффиксов, что образуют новые адъективные значения из одной основы (*легко/атлетический, двух/якорный*). Такая ситуация достаточно распространена – в ряде языков есть морфологические показатели, специфицированные в роли атрибутивизатора / адъективизатора. Часто такие показатели считаются также падежными суффиксами. Далее мы рассмотрим некоторые адъективные образования, напоминающие представленные выше русские прилагательные.

Скажем несколько слов о важном для нас в этой главе и Главе 5 понятии атрибутивизации. Атрибутивизаторами мы будем считать такие морфемы, главная (а иногда – единственная) функция которых заключается в том, чтобы придать некоторой единице способность выполнять функцию определения. Примером атрибутивизатора является русский суффикс *-ск*: он не придает новообразованной единице всех свойств прилагательного (ср. **романтическое vs. романтическое*). Главное свойство атрибутивизатора *-ск* дать возможность новому деривату выступать в атрибутивной функции, см. подробнее раздел 5.1. Атрибутивизаторы во многих языках могут оформлять не отдельную основу, а целую составляющую, ср. пример из коми:

(1.94) коми [интернет]
 Ме радейтлі лӧз синм-а нылӧс
 я любил синий глаз-ATR девушку
 ‘Я любил голубоглазую девушку.’

Другой способностью атрибутивизаторов является возможность присоединения «поверх» морфологических показателей, например, – показателей числа:

(1.95) коми [Е.В. Деликанова, л.с.]
 лӧз син-ъяс-а пилот
 синий глаз-PL-ATR пилот
 ‘синеглазый пилот’

Очевидно, что русские атрибутивизаторы лишены такой способности. Несмотря на существование некоторых дериватов от супплетивных основ множественного типа *детский* или *людской*, семантически они не противопоставлены по признаку множественности образованиям от основы единственного *ребяческий* или *человеческий*.

Ниже мы обсудим свойства атрибутивных проекций, семантически похожих на русские сложные прилагательные, но отличающиеся от них своими дистрибутивными свойствами.

1.5.1. Тюркские и монгольские языки

1.5.1.1. Морфологические показатели, маркирующие составляющую

В бурятском языке обнаруживается так называемый совместный падеж, см. [Санжеев и др. 1962: 86]. Наряду с передаваемым им комитативным (=проприетивным) значением в бурятском имеется противоположное значение так называемого каритива (альтернативно: приватива, абессива), ‘без X’:

(1.96) бурятский [Аксенова 2014]
 табан набшаһа-тай сэсэг
 пять лист-СОМ цветок
цветок с пятью лепестками (~пятилепестковый цветок)

(1.97) бурятский [Аксенова 2014]
 табан набшаһа-гүй сэсэг
 пять лист-NEG цветок
цветок без пяти лепестков (~беспятилепестковый цветок)

Похожие по синтаксическим и семантическим свойствам образования встречаем и в тюркских языках:

(1.98) мишарский

a. *zeŋger küz-le kʏz*
голубой глаз-ATR девушка
'голубоглазая девушка'

b. *biš bülme-le jʏrt-lar*
пять комната-ATR дом-PL
'пятикомнатные дома'

(1.99) мишарский

zur jʏrt-sʏz awʏl
большой дом-ATR деревня
'деревня без больших домов' (~'безбольшедомная деревня')

Очевидно, что в обоих данных языках показатели присоединяются к составляющей, а не к отдельным словоформам и связь внутри таких составляющих при этом подчинительная. Скажем несколько слов о трактовке данных показателей как маркеров падежа либо деривационных морфем. В грамматиках тюркских языков данные маркеры достаточно единодушно принято называть деривационными суффиксами прилагательных. Известное нам исключение – описания чувашского языка, см., например [Левитская 1976].

1.5.1.2. Комитатив и каритив как адъективные показатели

В [Левитская 1976: 22-25] выделяются так называемые совместный и лишительный падеж. Показатель лишительного падежа *-sər* «генетически тождествен общетюркскому привативному *-süz/-siz*», [Левитская 1976: 24]. Относительно происхождения показателя совместного падежа *-pa/-pe*, *-pala/-pele*, *-palan/-pelen*, есть разные точки зрения: происхождение из послелoga *birlen* (ср. карачаево-балкарское *bla/ble*), древнетюркского совместно-орудного *-pa* (ср. орудный *-par* в современных монгольских), сопровождавшегося древним окончанием комитатива *-la* и т.д., см. [Левитская 1976: 22]. Каково бы ни было происхождение чувашского *-pa/-pe* и его алломорфов, по своим свойствам он аналогичен показателю *-ly/-li(-le)* в других тюркских языках, а «лишительный» *-sər* и вовсе совпадает с общетюркским *-syz/-siz(-sez)*, как морфологически, так и синтаксически.

Тюркские и монгольские показатели комитатива и каритива объединяет с прилагательными то, что благодаря своей семантике они образуют значения, которые i) градуальны и ii) регулярно в языках мира выражаются прилагательными:

(1.100) татарский

көч-ле – ‘сильный’, *көч-сез* – ‘бессильный’

(1.101) азербайджанский

[интернет]

şərəf-li – ‘почетный’, *şərəf-siz* – ‘бесславный’

(1.102) бурятский

[Серебрянникова 2015]

амта-тай – ‘вкусный’, *ажал-гүй* – ‘безработный’

Адъективные лексемы с подобным значением часто непроизводны, ср., например, русское *слабый*, английские *strong* и *weak*. Русские *сильный*, *почетный*, *позорный*, *вкусный* и т.д., несмотря на то, что они восходят к именам, образуют синтетические степени сравнения (*сильнее*, *почетнее*, *позорнее*), а также, например, употребляются предикативно, т.е. являются такими же качественными прилагательными, как, например, непроизводные *быстрый*, *новый* и т.д.

Тюркские производные с показателями комитативности и каритивности также могут принимать показатель *-рак/-рек*, употребляющийся и как маркер сравнительной степени, и как аттенуативный показатель:

(1.103) татарский

[интернет]

көч-ле-рек

сила-ATR-COMPAR

‘более сильный’, ‘посильнее’

(1.104) татарский

[Закиев (ред.), 2: 67]

күңел-сез-рек

сила-ATR-COMPAR

‘более бессильный’, ‘побессильнее’

Также возможно употребление с данными производными лексемами интенсификаторов типа ‘очень’ и т.п.:

(1.105)мишарский

bik täm-le kitajkʏ

очень вкус-ATR китайка

‘очень вкусные китайки’

К сожалению, тюркское *-рак/-рек* может присоединяться и к глагольным формам (например, причастиям), в том числе и аналитическим, см. [Закиев (ред.), 2: 67]. Такие свойства данного показателя не позволяют использовать его ни как тест на принадлежность к адъективной категории, ни как указание на то, что оформляемый им материал является лексемой (а не составляющей).

1.5.1.3. Комитатив и каритив как показатели падежа

Некоторые аргументы в пользу анализа данных показателей как падежных можно найти в чувашском и бурятском языках. Во-первых – см. бурятские примеры (1.96-97) выше – они могут оформлять не только основу, но и составляющую. Далее, их употребление не ограничено атрибутивной функцией, они используются также и как приглагольный комитатив:

(1.106)бурятский

[Серебрянникова 2015]

Жаргалмаа ганса Бадм-ын басага-тай нүхэрлэ-нэ

Жаргалма только Бадма-GEN девочка-COM дружить-PRS

‘Жаргалма дружит только с дочерью Бадмы.’

(1.107)бурятский

[Аксенова 2014]

хор хубүүн-гүй дуула-на

хор мальчик-NEG петъ-PRS

‘Хор поет без мальчиков.’

(1.108)чувашский

[интернет]

Халь вӑл ман-па тусӑ

сейчас он я-COM дружный

‘Он сейчас дружит со мной.’

(1.109)чувашский

[интернет]

Шкул-та пӑр уяв та ман-сӑр ирт-мес-т.

школа-LOC один праздник и я-CAR идти-NEG-PRS

‘В школе ни один праздник без меня не проходит.’

Сам факт употребления в роли приглагольного адьюнкта, как это имеет место в случае каритива в примерах (1.106-109) выше, еще не говорит в пользу падежного статуса данных аффиксов. Действительно, прилагательные и наречия в тюркских и монгольских языках составляют одну часть речи. Если мы посмотрим на комитатив и каритив как на адъективизаторы, возможность их наречного употребления последует автоматически. Комитатив в бурятских и чувашских примерах выше, однако, – аргументный, а не сирконстантный, что, безусловно, говорит в пользу его падежного статуса.

Далее, и комитатив, и каритив в чувашском языке присоединяются к местоимению, что невозможно для адъективизатора, ср., например, казахский комитативный показатель, который не может присоединяться к местоимению:

(1.110)казахский³⁴

[интернет]

*мен-лі

я-ATR

Ожид.: ‘со мной’

Интересно также, что комитативные и каритивные показатели в чувашском, как и другие косвенные падежи, требуют косвенной основы местоимений. Это также нехарактерно для деривационной морфологии, т.к. косвенная основа уже имплицитно содержит информацию о том, что данная словоформа имеет (косвенно)падежный признак.

В действительности система в чувашском языке несколько более сложная: показатель каритива один и для приименного, и для приглагольного употребления, в то время как показатели комитатива различаются. Атрибутивно, т.е. при существительном, используется -*лӑ/-лӗ* (*вӑйлӑ* – ‘сильный’), а в роли адьюнкта / сирконстанта – *-на/-не* (*вӑйна* – ‘силой’, ‘с силой’).

Похожую систему находим и в некоторых других тюркских языках, например, казахском и шорском, см. [Телякова 1998]. В казахском наряду с атрибутивизатором *-лі/-лы/-ті/-ты* (*күшті* – ‘сильный’, *сулы* – ‘влажный’) имеется и совместный падеж с негармонирующими показателями *-мен/-нен/-бен* (*күшпен* – ‘силой’, ‘с силой’), совпадающий с творительным падежом и восходящий к послелогу *билен* (современные казахские варианты – *менен/мен/нен*). Отсутствие гармонии подтверждает недавнее послеложное происхождение. Наличие

³⁴ В казахоязычном интернете не было найдено ни одного примера местоимений в указанных формах. В то же время употребление местоимения *мен* ‘я’ в домене .kz по данным Google оценивается в 2 310 000 примеров, по данным Яндекс – ок. 3 млн примеров.

совместного и инструментального значений делает наиболее приоритетным кандидатом именно послелог *билен*, имеющий значения ‘с’ и ‘для’.

Примечательно, что общетюркский атрибутивный комитатив *-лы* (и его фонетические варианты) также в свою очередь возводится некоторыми исследователями к древнетюркскому комитативу на *-лыз*, см. [СИГТЯ 1986: 39-40].

Оба показателя, и атрибутивный, и приглагольный могут присоединять не только одиночные основы, но и составляющие:

(1.111)казахский [интернет]

...[екі жақ]-гы шешім-ге келді
два сторона-ATR решение-DAT пришли
‘пришли к двустороннему решению’

(1.112)казахский [интернет]

...көйлегінің етегін [екі қол-ы]-мен жоғары көтерді
рубашки подол два рука-3-COM высоко задрал
‘задрал(а) высоко двумя руками подол рубашки’

Казахский комитативный и каритивный показатели различаются возможностью присоединяться к местоимениям. Оформление местоимений, которое возможно только для морфем со статусом падежа, встречается у каритива, но не у комитатива:

(1.113)казахский [интернет]

а. *мен-лі б. мен-сіз
я-ATR я-ATR

Итак, в чувашском, казахском (а также шорском и некоторых других тюркских языках) атрибутивный и сирконстантный комитатив различаются (см. примеры выше), а каритив совпадает:

(1.114)казахский [интернет]

а. үн-сіз кісі
голос-ATR человек
‘безмолвный человек’

в. Анастасия үн-сіз қал-ды.
 Анастасия голос-ATR оставаться-PST

‘Анастасия оставалась безмолвной.’ (досл.: ‘безмолвно осталась’)

Различные типы морфем обладают разными дистрибутивными свойствами. Несмотря на внешнее сходство приименного комитатива (каритива) с падежом, возможно, есть различия в употреблении деривационной и словоизменительной морфологии. Так, например, разные типы морфем в русском языке ведут себя по-разному в контексте сочинения. Частицы (*бы*) допускают употребление в качестве так называемой групповой флексии, в то время как словоизменительные и словообразовательные аффиксы – нет:

(1.115)

- a. *Я бы [свалился и проспал] целые сутки.*
- b. **Я [сиж и пиш]у статью.*
- c. **Дети [проснули и умыли]сь.*
- d. **Мы про[болтали и ехали] станцию.*

Тюркские падежные окончания вполне допускают так называемую групповую флексию – при сочинении падеж первого конъюнкта может быть повторен, а может и опускаться:

(1.116)казахский

[интернет]

- a. [қызанақ-тың және алма-ның] әр түр-і
помидор-GEN и *яблоко-GEN* всякий вид-PL-3
 ‘разные сорта помидоров и яблок’
- b. [қызанақ және қияр]-дың жаңа сорт-тар-ы
помидор и *огурец-GEN* новый сорт-PL-3
 ‘новые сорта помидоров и огурцов’

Можно было бы предположить, что деривационная морфология ведет себя более строго и не допускает групповой флексии, однако это не так. В примере ниже находим сочиненную группу ‘степи и горы’ как с атрибутивизатором на каждом из конъюнктов, так и с общим атрибутивизатором на всей составляющей:

(1.117)казахский

[интернет]

а. дала-лық және тау-лы пейзаж-дар
 степь-ATR и гора-ATR пейзаж-PL
 ‘степные и горные пейзажи’

б. дала және тау-лы флора-ға
 степь и гора-ATR флора-DAT
 ‘степной и горной флоре’

Отметим, что в последнем примере групповая флексия *-лы* заменяет суффикс *-лық*, употребляющийся с основой ‘степь’ при образовании значения ‘степной’. Как нам кажется, возможность подобной замены в современном казахском свидетельствует о генетическом родстве двух аффиксов, точнее – об упоминавшемся уже развитии *-лығ* в *-лы*.

1.5.1.4. Комитатив и каритив как атрибутивизаторы

Приведем некоторые аргументы, отличающие атрибутивизаторы / адъективизаторы типа *-лы/-сыз* от падежей. Падежные окончания не позволяют словоформе субстантивироваться, тюркский материал здесь вполне созвучен русскому, ср. перевод:

(1.118)казахский

а. тау →	тау-да	→	*тау-да-ға
гора	гора-LOC		гора-LOC-DAT
‘гора’	‘в горах / на горе’		*‘к вгорному’
б. тау →	тау-ның	→	*тау-ның-ға
гора	гора-GEN		гора-GEN-DAT
‘гора’	‘горы’		*‘к горыному’

Ни локативная, ни генитивная словоформы не могут присоединять датив, несмотря на то, что семантическая композиция локатива и датива, генитива и датива вполне возможна. Последний факт подтверждается грамматичностью подобных дериватов с «прокладкой» в виде «вторичного атрибутивизатора» *-ғы/-кі*:

(1.119)казахский				[интернет]	
а. тау →	тау-да	→	тау-да-ғы	→	тау-да-ғы-ға
гора	гора-LOC		гора-LOC-ATR		гора-LOC-ATR-DAT
‘гора’	‘в горах / на горе’		‘горный’		‘к горному’
б. мен →	менің	→	менікі	→	менікі-де
я	я.GEN		я.GEN.ATR		я.GEN.ATR-LOC
‘я’	‘меня’, ‘мой’		‘мой’		‘в моем’

Таким образом, неграмматичность двух падежных маркеров подряд связана с (морфо)синтаксическим запретом на подобные дериваты, а не с несовместимостью семантики. Комитативный показатель *-лы* ведет себя в данном случае не как падеж, свободно присоединяя в случае субстантивации показатели падежа:

(1.120)казахский				[интернет]	
а. тау →	тау-лы	→	тау-лы-ға	→	тау-лы-дан
гора	гора-ATR		гора-ATR-DAT		гора-ATR-ABL
‘гора’	‘горный’		‘к горному’		‘от горного’
б. күш →	күш-ті	→	күш-ті-ге	→	күш-ті-ден
сила	сила-ATR		сила-ATR-DAT		сила-ATR-ABL
‘сила’	‘сильный’		‘к сильному’		‘от сильного’

Похожие свойства демонстрируют и бурятские комитатив и каритив. В ряде контекстов (как представляется – именно при субстантивации) они допускают присоединение справа показателя падежа, в примерах ниже – аккумулятива:

(1.121)бурятский

Үнээ	гэртээ	тугал-тай-ень	үлөөгөө.
корову	дома	теленок-COM-ACC.3	оставили
‘Корову с теленком оставили дома.’			

(1.122)бурятский

Би	тэрэн-ие	тугал-гуй-ень	мэдэхэб.
я	тот-ACC	теленок-CAR-ACC.3	знаю

‘Я знаю о том, что она (=та) без теленка.’ (досл. ‘Я ту бестеленочную знаю.’)

Как мы видим, невозможная для «полноценных» падежей субстантивация с присоединением дополнительного падежного показателя допустима для бурятских комитатива и каритива.

Еще один тест на включение некоторого показателя в состав падежной парадигмы – его способность сочетаться с теми же морфемами и граммемами, с которыми сочетаются обычные падежи. В случае тюркских и монгольских языков можно проверить совместимость предполагаемых падежных морфем с числовыми показателями. В то время как обычные падежи не накладывают никаких ограничений на употребление после показателя множественного числа, комитативные и каритивные маркеры после множественного числа представляются неграмматичными или как минимум маргинальными.³⁵

(1.123)казахский				[интернет]	
a.	тау-лы/сыз	тау-лар	vs.	??тау-лар-лы	??тау-лар-сыз
	гора-ATR	гора-PL		гора-PL-ATR	гора-PL-ATR
	‘горный’/‘безгорный’	‘горы’		Ожид.: ‘горный’	Ожид.: ‘безгорный’
b.	күш-ті/сіз	күш-тер	vs.	*күш-тер-ті	??күш-тер-сіз
	сила-ATR	сила-PL		сила-PL-ATR	сила-PL-ATR
	‘сильный’/‘бессильный’	‘силы’		Ожид.: ‘сильный’	Ожид.: ‘бессильный’
c.	түк-ті/сіз	түк-тер	vs.	*түк-тер-ті	??түк-тер-сіз
	волос-ATR	волос-PL		волос-PL-ATR	волос-PL-ATR
	‘волосатый’/‘безволосый’	‘волосы’		Ожид.: ‘волосатый’	Ожид.: ‘безволосый’

1.5.1.5. Комитатив и каритив в роли падежа, атрибутивизатора и адъективизатора: итоги

Подведем предварительные итоги, представив свойства тюркских показателей *-лы/-сыз* и их коррелятов в монгольских языках в следующей таблице:

³⁵ Количественное распределение по поиску в Google следующее:

a.	тау-лы (145000)	тау-сыз (783)	тау-лар (47100)	тау-лар-лы (5)	тау-лар-сыз (5)
b.	күш-ті (362000)	күш-сіз (792)	күш-тер (202000)	күш-тер-ті (0)	күш-тер-сіз (20)
c.	түк-ті (69900)	түк-сіз (2570)	түк-тер (1300)	түк-тер-ті (0)	түк-тер-сіз (1)

Таблица 1.3. Свойства атрибутивных показателей (предварительный итог)

оформляют составляющую	+
образуют групповую флексию	+
употребляются в роли адъюнкта / сирконстанта при глаголе	+/-
присоединяются к местоимениям, требуя их косвенной основы	+/-
присоединяются к другой именной морфологии (показателям числа)	+/-
образуют градуальные признаки	+
принимают показатели компаратива / аттенуатива (как и глагольные формы)	+
присоединяют падежные показатели при субстантивации	+

Итак, мы наблюдали возможность реализации одних свойств исследуемых аффиксов и как возможность, так и невозможность – других. Попробуем сделать картину несколько более определенной.

Для всех без исключения показателей нами была отмечена, например, способность оформлять составляющую с одной стороны и задавать градуальный признак – с другой. Однако то, что мы видели грамматичные примеры на каждое из этих свойств, не говорит о том, что в каждом случае перед нами одно и то же употребление атрибутивного показателя.

Как представляется, выражение градуального признака, и способность оформлять составляющую – разные свойства, (часто) выражаемые омонимичными аффиксами. Так, тюркский показатель *-лы*, возводимый, как мы видели, к древнетюркскому комитативу, употребляясь с одиночными основами типа *сила*, *соль*, *вода* и т.д. развил способность образовывать значения ‘сильный’, ‘соленый’, ‘влажный’, т.е. такие значения, которые допускают градуальность признака. Показатель *-лы* был таким образом переинтерпретирован и перед нами сегодня в действительности два показателя: атрибутивизатор, способный присоединять составляющую и адъективизатор, образующий градуальный признак. Первый при этом не может образовывать градуальный признак, а второй – оформлять составляющую:

(1.124)казахский

а. бұл [көп жылқы]-лы қазақ

этот много лошадь-ATR казах

‘этот казах со многими лошадьми’

б. *[көп жылқы]-лы-рақ

много лошадь-ATR-COMPAR

Ожид.: ‘более многолошадный’

(1.125)казахский

а. *[көп күш]-ті кісі

много сила-ADJ человек

Ожид.: ‘очень сильный человек’

б. күш-ті-рек

сила-ADJ-COMPAR

‘более сильный, посильнее’

Если вспомнить еще и о приглагольном употреблении, необходимо добавить и третий случай – собственно падежный маркер, имеющий аргументное и сирконстантное употребление. Естественно, что комитативный падежный показатель, отличный в казахском от атрибутивизатора и адъективизатора, также оформляет составляющие. Комитативные падежные формы на *-мен/-пен/-бен* при этом не могут образовывать градуальный признак, что, в частности, видно по их неспособности оформляться показателем сравнительной степени / аттенуатива:

(1.126)казахский

[интернет]

а. ...фашистер ... екі-үш есе көп күш-пен қайта шабуылдап, ...

...фашисты два-три раза много сила-COM возвращаясь атакуя...

‘фашисты два-три раза большими силами возвращаясь, атакуя’

(1.127)казахский

б. күш-пен

с. *күш-пен-рек

сила-COM

сила-COM-COMPAR

‘с силой’, *‘сильнее’

Ожид.: ‘с большей силой’

Мы предполагаем, что три морфосинтаксических типа показателей комитатива / каритива оказываются различным образом распределены по рассмотренным выше свойствам. Падежные показатели могут оформлять составляющую, образуют групповую флексию, употребляются приглагольно, присоединяются к местоимениям и показателям числа, при этом не образуя градуальных признаков, не принимая показателей компаратива и не субстантивируясь. Адъективизаторы по всем данным свойствам не совпадают с падежной морфологией: они не присоединяются к составляющим, не могут быть групповой флексией, не могут употребляться приглагольно, с местоимениями или показателями числа, зато образуют градуальный признак, присоединяют компаратив и субстантивируются, принимая показатели падежа. От обоих этих показателей отличаются показатели атрибутивизации, обладающие

частично и свойствами падежа, и свойствами деривационной морфологии: с падежом их объединяет способность оформлять составляющие и принимать групповую флексию, а с прилагательными – неспособность употребляться прилагательно, образовывать падежи от местоимений, присоединяться к показателям числа. Атрибутивизаторы, главной функцией которых является оформление приименной зависимости ветвящихся составляющих, не образуют градуальных значений и не принимают связанной с ними морфологии. Атрибутивизаторы, однако, как и прилагательные, могут субстантивироваться и принимать показатели числа и падежа:

(1.128)казахский

[интернет]

Екі аяқ-ты-лар-да ес жоқ.

два нога-ATR-PL-LOC память нет

‘У двуногих совсем нет памяти.’

Отличие адъективизаторов от атрибутивизаторов или, иными словами, деривационной морфологии от словоизменительной вполне осознается авторами тюркских грамматик, ср.: «... словоизменительными признаются они тогда, когда слова с аффиксами *-лы* и *-сыз* вводятся в речь не как готовые лексические единицы, а принимают эти аффиксы в процессе речи для связи с другими словами. Например, рядом стоят два стола, на одном из них лежит книга, на другом ничего нет. Если я поручаю кому-нибудь принести один из них, то при помощи аффиксов *-лы* и *-сыз* связываю слова «книга» и «стол»: *Китаплы өстэлне алып кил* ‘Принеси тот стол, который с книгой’ или *Китапсыз өстэлне алып кил* ‘Принеси тот стол, который без книги’. Обычно в татарско-русские словари включаются только те слова с этими аффиксами, которые на русский язык переводятся прилага-тельными. Слова типа *китаплы* (*өстэл*), *мылтыклы* (*кеше*), *мылтыксыз* (*кеше*) не отражены в словаре, ибо они не переводятся на русский язык прилагательными, а включены лишь слова типа *акыллы* ‘умный’, *мыеклы* ‘усатый’, *мыексыз* ‘безусый’», [Закиев (ред.), 3: 42].

Распределение рассмотренных выше морфосинтаксических свойств по трем типам комитативных показателей представлено в следующей таблице:

Таблица 1.4. Свойства тюркских и монгольских показателей комитатива и каритива (подробно)

Тип показателя	Case	Atr	Adj
оформляют составляющую	+	+	-
образуют групповую флексию	+	+	-
употребляются в роли адъюнкта / сирконстанта при глаголе	+	-	-
присоединяются к местоимениям, требуя их косвенной основы	+	-	-
присоединяются к другой именной морфологии (показателям числа)	+	-	-
образуют градуальные признаки	-	-	+
принимают показатели компаратива / аттенуатива (как и глагольные формы)	-	-	+
присоединяют падежные показатели при субстантивации	-	+	+

1.5.1.6. Падежное маркирование, атрибутивизация и адъективизация в диахронической перспективе

Опишем теперь несколько более подробно реализацию трех типов показателей в каждом из обсуждаемых языков. В большинстве тюркских языков встречается система, представленная выше мишарскими и татарскими примерами. Все пространство возможностей, представленное в таблице выше, обслуживается в такой системе показателями *-лы/-сыз*. Они используются во всех трех функциях, т.е. для образования: i) адъективных значений типа *вкусный, сильный, бессильный, ...* ii) атрибутивов *голубогазый, пятикомнатный, без больших домов* и т.д., iii) приглагольных комитативов, объединенных нами выше под общим ярлыком «падеж».

Последнее, неатрибутивное употребление в действительности также распадается на два случая: сирконстантное наречное употребление, аналогичное адъективизации и случаи, когда комитативный / каритивный маркер оформляет составляющую, употребленную не атрибутивно. Первый случай может быть проиллюстрирован следующими примерами:

(1.129)мишарский

...ul... a-nxŋ baŋ-x-n-a keŋ-le it-c-p sug-a.
он его по.голову сила-ATR делать-ST-CONV ударять-ST.IPFV
‘он его сильно ударил по голове’

(1.130)мишарский

kiläčäk	žäj-lär	dä	šyndıj	keñelle,	matur,
пусть.проходят	лето-PL	и	так	весело	красиво
bälä-kaza-sız	gına	üt-sen			
беда-напасть-ATR	только	проходить-JUSS			

‘Пусть пройдет и будущее лето [=лета] так весело, красиво, без бедствий.’

Второй случай может быть продемонстрирован, например, предложениями, где комитатив / каритив употребляется как часть именного сказуемого. В примерах ниже особенно примечательны случаи употребления с местоимениями – по таким употреблениям можно сказать наверняка, что функцией каритивного показателя точно является не адъективизация / адвербализация, а оформление составляющей (уровня DP):

(1.131)татарский

[Закиев (ред.), 3: 177]

Ул	ат-лы	түгел
Он	конь-ATR	не

‘Он без коня.’

(1.132)татарский

[Закиев (ред.), 3: 164]

Марат	дэфтәр-сез
Марат	тердадь-ATR

‘Марат без тетради.’

(1.133)татарский

[интернет]

Син-сез	мин	бул-ма-ган	кебек,
ты-ATR	я	быть-NEG-PFCT	как
Мин-сез	син	була	ал-мас-сың.
я-ATR	ты	быть	мочь-NEG-PFCT

‘Ты не сможешь без меня так же, как я без тебя.’

Как представляется, сирконстантное употребление является исходным. Это, как минимум, можно утверждать для каритивного показателя, который, скорее всего, развивается по модели адъективизатор → атрибутивизатор / падеж. Свидетельства более раннего употребления каритива приводятся в [СИГТЯ 1986: 45].

Что касается комитатива, то в тараско-мишарской системе прилагольное комитативное значение передается не аффиксом *-лы*, а послелогом:

(1.134) татарский

[интернет]

Син минем белән бара-сың-мы?
 ты я.GEN с ийти-2SG-Q
 ‘Ты со мной идешь?’

Таким образом, можно допустить, что распространение из атрибутивного употребления в приглагольное происходит не только в каритиве (где оно в сильной степени уже состоялось), но и в комитативе. Наречные комитативные адъюнкты оформляются тем же показателем, что и комитативный атрибутив / адъектив, в то время как развернутые именные группы в приглагольном употреблении еще используют послелог.

Чувашский и казахский являются примером еще одной тюркской системы, в целом напоминающей первую тюркскую систему с одним небольшим отличием. В языках казахско-чувашского типа приглагольный комитатив уже стал морфологическим показателем (хотя и не везде гармонирующим), развившись при этом из послелога, а не из атрибутивного употребления. Можно сказать, что с точки зрения развития комитативного значения казахский, чувашский, шорский и т.д. эволюционировали несколько дальше, чем татарский, мишарский и др. Приглагольный каритив оформляется показателем *-сыз*:

(1.135) казахский

[интернет]

Мен-сіз сендерге қиын болады.
 я.ATR вам трудно будет
 ‘Без меня вам будет трудно.’

В бурятском (и, как представляется, в других монгольских языках) все три функции выполняются комитативным показателем *-тай* и каритивным *-гүй*. Основное отличие бурятской системы от тюркских, скорее всего, состоит в том, что в тюркских языках приглагольное употребление развивается из атрибутивного.

В монгольских языках, скорее всего, имеет место обратное: адъективная функция развивается из приглагольного комитатива. Об этом, например, свидетельствует проникновение показателей в парадигму склонения: например, комитатив в бурятском языке может присоединяться к местоимениям, а оформляя имена, выбирает так называемую косвенную основу на *-н*:

(1.136) бурятский

а. нам-тай

я-СОМ

‘со мной’

б. морин-той

конь-СОМ

‘с конем’

1.5.1.7. Тюркские и монгольские комитативные и каритивные показатели в разных синтаксических функциях: итоги

Ниже распределение показателей по синтаксическим функциям представлено схематически:

Таблица 1.5. Соответствие грамматических показателей и синтаксических функций

Язык	семантика	Case	Atr	Adj
татарский	комитатив	PP, -лы	-лы	-лы
мишарский	каритив	-сыз	-сыз	-сыз
чувашский /	комитатив	-на // -мен	-лӑ // -лы	-лӑ // -лы
/ казахский	каритив	сар // -сыз	-сар // -сыз	-сар // -сыз
бурятский	комитатив	-тай	-тай	-тай
	каритив	-гуй	-гуй	-гуй

Таким образом, в тюркских и монгольских языках атрибутивное / падежное употребление каритива, скорее всего, привело к развитию омонимичного показателя прилагательных. В случае комитатива картина менее ясна: возможно, древнетюркский комитатив на *-лыг* сначала специфицировался в атрибутивной функции и в настоящее время в ряде языков (татарский и т.д.) распространяется в сторону приглагольного употребления. В других тюркских языках грамматикализация приглагольной комитативной морфемы происходила из послелогов. Схожая в целом система тюркских и монгольских языков развивалась из разных источников: в случае тюркских (как минимум в каритиве) развитие происходило из адъективного употребление к приглагольному, в то время как в монгольских – в обратном направлении.

Оба сценария стимулировали на некотором этапе развитие атрибутивизации – такой структуры, в которой показатели приименной зависимости оформляют целую составляющую в составе именной группы. Возможно, есть какие-либо отличия тюркских / бурятских атрибутивизированных составляющих от русских сложных прилагательных, но на первый взгляд правила их образования выглядят достаточно схожими. Таким образом, русские

сложные лексемы типа *белоголовый*, *двухцветный* и т.д. демонстрируют ту же типологическую возможность языка, что и тюркские и монгольские атрибутивы.

1.5.2. Аваро-андо-цезские языки

Нетривиальной с точки зрения носителя индоевропейских языков внутренней структурой обладают некоторые адъективные образования в аваро-андо-цезских языках, демонстрируемые ниже на примере багвалинского и даргинского.

Обычно прилагательные в данных языках имеют суффиксальный показатель, повторяющий класс (примерно совпадающий с родом европейских языков) и число вершины. Ряд прилагательных, однако, имеет два согласовательных показателя, префиксальный и суффиксальный:

(1.137) багвалинский

г=еѝ'at'u=г	mića
N.PL=черный=N.PL	волосы

‘черные волосы’

Образования типа *черноволосый*, *длинноногий* и т.д. могут быть устроены одним из двух способов. С одной стороны, они могут быть выражены обычной генитивной группой, ср. (1.139) и (1.140):

(1.138) багвалинский

Huli-ł	beXun
пух-GEN	постель

‘пуховая постель’

(1.139) багвалинский

a. г=еѝ'at'u=г	mića-ł	jaš
N.PL=черный=N.PL	волосы-GEN	девочка

‘черноволосая девочка’ (=‘девочка черных волос’)

b. г=еѝ'at'u=г	hoħa-łi-ł	waša
N.PL=черный=N.PL	волос-OBL-GEN	мальчик

‘черноволосый мальчик’ (=‘мальчик черных волос’)

В примерах выше оба показателя согласуются по своей вершине (*волосы*), а вся зависимая составляющая стоит в генитиве.

При другой стратегии оформления данных значений весь комплекс имеет дистрибуцию прилагательного, при этом наблюдается согласование префиксального показателя с «внутренним участником». В багвалинских и даргинском примерах ниже прилагательные, как и обычно в именной группе данных языков, находятся перед вершиной. Однако перед самими этими прилагательными располагаются «параметрические» существительные, с точки зрения которых дается характеристика вершине. По этим препозитивным именам и согласуется «внутренний» классно-числовой показатель прилагательных. «Внешний», суффиксальный показатель при этом согласуется, как обычно, по вершине всей именной группы:

(1.140)багвалинский

a. miča	r=eč'at'u=j	jaš
волосы	N.PL=черный=F	девочка
'черноволосая девочка'		
b. Raba	r=eXāla=w	waša
ноги	N.PL=длинный=M	мальчик
'длинноногий мальчик'		

(1.141)даргинский

[Ганенков 2015]

na ^q :-bi	d-išt'a-si	darħa
рука-PL(ABS)	N.PL-маленький-ATR	мальчик
'мальчик с маленькими руками'		

Согласование прилагательного с препозитивным именем говорит о том, что в подобных конструкциях есть стадия деривации, на которой комплекс из параметрического имени и прилагательного образует составляющую:

(1.142)багвалинский

[miča	r=eč'at'u=j]	jaš
волосы	N.PL=черный=F	девочка
'черноволосая девочка'		

(1.143)даргинский

[na ^q :-bi	d-išt'a-si]	darħa
рука-PL(ABS)	N.PL-маленький-ATR	мальчик
'мальчик с маленькими руками'		

В [Кибрик (ред.) 2001: 481] для багвалинского языка предполагается, что прилагательные в данном случае повторяют поведение причастий в относительных причастных клаузах:

(1.144) [Кибрик (ред.) 2001: 481]
 [o=j j=ełō=b] miq'-a-X...
 этот=F F=идти.IPF-PART=N дорога-OBL-AD
 'На той дороге, где она шла' (ПК: 'встречались разойники').

В рамках дискуссии о согласовании в простом предложении в [Кибрик (ред.) 2001] предполагается, что структура причастных относительных предложений (~она идущая дорога) совпадает со структурой, содержащей сложные адъективы (~волосы черные девочка). В указанном источнике нет точного описания того, как именно может быть устроена такая деривация, но можно попробовать восстановить рассуждения авторов.

Можно было бы предположить анализ в духе подхода Л. Бэбби к русским прилагательным, см. [Babby 1975; Бэбби 1985]. Л. Бэбби предлагает считать, что русские прилагательные восходят к относительным предложениям, вершиной которых являются их краткие формы: *Мальчик, который болен ангиной* → *Мальчик, больной ангиной*, [Бэбби 1985: 158]. Если предполагать, что в относительном предложении *На дороге, где она t_i шла* присутствует нулевой элемент или след, позволяющий сохранить информацию о семантической роли участника, аналогичную деривацию можно усмотреть и в адъективных образованиях типа *волосы черные*:

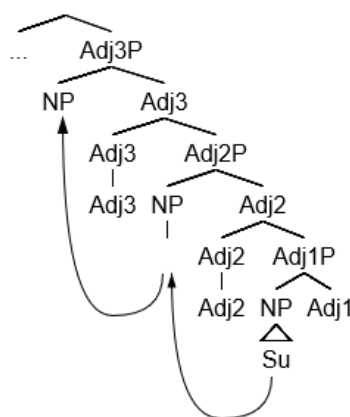
(1.145) багвалинский
 [t_i -Poss mića r=eč'at'u=j] jaš_i
 волосы N.PL=черный=F девочка
 'черноволосая девочка' ('девочка, такая, что ее волосы черные')

Можно предположить, что такие составляющие образуются из относительных предложений с адъективной вершиной путем релятивизации посессора. Альтернативно, вслед за [Ганенков 2015], можно предполагать, что составляющая, внутри которой происходит согласование – так называемая малая клауза (small clause), [Williams 1975; Rothstein 1995]. Внутренняя структура малой клаузы может быть представлена как симметричная составляющая [X Y], где X – субъект, а Y – предикат. Малые клаузы часто связывают с прилагательными или причастиями, см. [Hoekstra 2004; den Dikken 2006] и указанные там ссылки.

Интересное следствие имеет анализ таких конструкций для картографического подхода к именной группе. В соответствии с анализом, принятым в рамках картографического подхода, см. [Cinque 1993; Cinque 1994] и последовавшие за этим работы, считается, что каждое прилагательное образует функциональную проекцию, имеющую своим спецификатором (подлежащим) вершинное имя (вершинную именную группу):

(1.146)

... [Adj3P [NP Su] [Adj3 [Adj3 Adj3] [Adj2P [NP t_{Su}] [Adj2 [Adj2 Adj2] [Adj1P [NP t_{Su}] [Adj1 Adj1]]]]]]]

В пользу такого анализа говорит правостороннее расположение прилагательных в романских языках. По мнению картографов, случаи с левосторонним расположением прилагательных – производны и получаются перемещением именной вершины / группы в позицию над прилагательным.

Очевидно, что любой из двух приведенных выше подходов к структуре дагестанских конструкций с прилагательными *черноволокный* и т.п. исключает возможность картографического анализа. Согласование префиксального показателя с «внутренним участником» (*волосы*) говорит о том, что именно он, а не вершинное имя (*девочка*) является спецификатором / подлежащим в адъективных проекциях.

1.5.3. К типологии адъективных проекций: итоги

Мы рассмотрели комитативные / каритивные образования в тюркских и монгольских языках и конструкции с префиксальными прилагательными в дагестанских языках. Составляющие данного типа синонимичны некоторым русским сложным прилагательным и демонстрируют определенные синтаксические свойства. К таким свойствам прежде всего стоит отнести свободу образования (неидиоматичность) подобных образований. Кроме того, тюркские и монгольские комитативные / каритивные показатели сочетаются не только с

одиночными именами, но и с (именными) группами, местоимениями, сочиненными элементами. Рассмотренные адъективные образования в дагестанских языках способны иметь собственный спецификатор / подлежащее.

Все это говорит о существовании в языках мира определенного «промежуточного» типа составляющих, возглавляемых прилагательными. Такие составляющие, с одной стороны, имеют дистрибутивным эквивалентом обычные одиночные прилагательные – они выступают в роли приименного атрибута и т.д. С другой стороны, с точки зрения своей внутренней организации, они демонстрируют наличие определенной синтаксической структуры. Примечательно, что все примеры таких «промежуточных» составляющих регулярно предоставляются именно адъективными проекциями.

Итак, можно сказать, что русские конструкции со сложными прилагательными вполне вписываются в общую тенденцию различных языков оформлять некоторые составляющие показателями атрибутивизации / адъективации. Несмотря на то, что в русском языке оформление сочиненных и подчиненных зависимых совпадает, их свойства, тем не менее, различаются. Русский язык налагает ряд интересных ограничений на структуру сложных прилагательных с подчинительной связью, которые мы представим ниже (и которые, как представляется, релевантны и для сложных слов других частей речи).

1.6. Морфо/синтаксис русских сложных прилагательных

1.6.1. Взаимоотношения между морфологией и синтаксисом

Такие явления как, например, падеж (и многие другие, если не все вообще, грамматические категории) рассматриваются лингвистами по-разному. Если исследователь стоит на «морфологических» позициях, падеж – языковой знак, означающее которого – семантическая роль, приписываемая имени. Для «морфологического» взгляда на падеж это верно и в случае номинатива, аккузатива и генитива, для которых множество таких ролей чрезвычайно широко. Согласно «синтаксическому» подходу, (структурный) падеж является следствием определенной синтаксической конфигурации. Например, падежные признаки номинатива, аккузатива и генитива будут результатом синтаксического передвижения в определенную структурную позицию и т.п. В то же время эргатив при «синтаксическом» взгляде на падеж может быть проанализирован как послелог (а не аффикс), см., например, [Grashchenkov, Markman 2012].

Подобное различие в подходах может распространяться достаточно широко: то, что одни исследователи склонны анализировать как самостоятельный языковой знак, прошедший процесс грамматикализации, другие рассматривают как следствие определенной

синтаксической конфигурации. Ниже мы предлагаем некоторые свидетельства в пользу «синтаксического» взгляда на грамматику. Мы постараемся показать, что в некоторых явлениях, традиционно определяемых как морфологические, действуют те же законы, что и в синтаксисе.

Говоря о том, что некоторые морфологические явления подчиняются синтаксическим законам, мы имеем в виду следующее. Синтаксис – это правила взаимного расположения и оформления словоформ, связанные с определенной интерпретацией. Мы покажем, что на явления из области морфологии, а именно – на сочетания элементов внутри слова накладываются схожие ограничения, касающиеся порядка расположения этих элементов, их оформления и интерпретации.

Мы начнем с обсуждения взглядов на место морфологии в системе языка, принятых в современной формальной лингвистике. Они распределяются между двумя подходами, которые можно условно обозначить «морфология как синтаксис» ($M=C$) и «морфология как независимый языковой модуль» ($M\neq C$). Ниже мы вкратце опишем оба эти представления, а также третий вариант языковой архитектуры, при котором морфология не совпадает с синтаксисом, но считается некоторым подмодулем последнего ($M\approx C$).

После изложения формальных подходов к морфологии мы перейдем к анализу языкового материала. Как мы покажем, устройство сложных слов в русском языке изоморфно организации синтаксических составляющих.

1.6.1.1. Морфология \neq Синтаксис

Как бы это ни было неожиданно для лингвистической теории, считающей синтаксис основным компонентом грамматики, наиболее ранние и одновременно наиболее влиятельные генеративистские работы, затрагивающие морфологическую проблематику, были написаны в духе концепции $M\neq C$, ср. [Chomsky 1970; Halle 1973]. В одной из наиболее известных статей Н. Хомского “Remarks on Nominalization” впервые была обоснована идея лексикализма. Как предлагается считать в [Chomsky 1970], как минимум часть деривационных процессов – например, образование имен действия типа *criticism, refusal* и т.д. – не связана с синтаксисом. В то же время, образование герундиев (*criticizing, refusing*), напротив, происходит в синтаксисе, поэтому они в гораздо большей степени наследуют свойства глаголов.

Моррис Халле в работе [Halle 1973] также высказывается в пользу существования морфологии как независимого языкового компонента. Исследуя правила образования абстрактных существительных в английском и русском языках, а также словоизменительные

парадигмы русских имен и глаголов, он приходит к выводу о том, что правила образования слов(оформ) существенно отличаются от правил синтаксиса и фонологии³⁶.

Среди последующих работ морфологов также хватает сторонников автономности морфологического модуля. Так, в [Aronoff 1994] предлагалось считать морфологию независимым языковым компонентом, не связанным с семантикой, синтаксисом или фонологией. Аргументация М.Ароноффа во многом строилась на исследовании именных словоизменительных классов в языках мира и их сопоставлении с (часто несовпадающими) системами родов, т.е. семантических классов.

Отдельного упоминания заслуживает семейство порождающих грамматик, описывающих ограничения на языковые структуры в терминах так называемых матриц значений атрибутов, (attribute value matrices), прежде всего – HPSG, см. [Pollard, Sag 1994], LFG, [Dalrymple 2001] и другие. Грамматики такого типа, будучи порождающими, т.е. имея определенный набор правил (рекурсивно) применяющихся к некоторому набору элементов, являются вместе с тем лексикалистскими. В подобных грамматиках нет идеи многоуровневой синтаксической структуры и процесса синтаксической деривации от исходной к поверхностной структуре, отсутствует идея передвижения. В силу подобных особенностей и взгляд на морфологию в таких теориях – сугубо лексикалистский, см., например, [Bonami, Crusmann 2016]. Как замечает по этому поводу Карл Полар, «HPSG не строится вокруг синтаксиса. Нет установки о том, что синтаксис каким-либо образом является первичным и что морфология производится в синтаксисе»,³⁷ [Pollard 1997: 2].

1.6.1.2. Морфология = Синтаксис

Одним из наиболее последовательных синтаксических подходов к морфологии является парадигма Распределенной морфологии (Distributed Morphology), первой работой в рамках которой можно считать [Halle, Marantz 1993]. Название другой программной статьи, [Marantz 1997], говорит само за себя: «No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon»³⁸. За этими работами последовало множество других, см., например, ссылки в [Bobaljik 2012].

Основными постулатами Распределенной морфологии (далее РМ) является последовательная деривация высказываний, как на уровне слов(оформ), так и на уровне фраз в синтаксисе, и так называемое Позднее вставление (Late Insertion). Порождение высказывания

³⁶ Здесь и далее термин «фонологический» будет употребляться в значении «относящийся к озвучиванию синтаксической структуры», в отечественной лингвистике в данном значении чаще употребляется термин «фонетический».

³⁷ «HPSG is not syntactocentric. There is no assumption that syntax is somehow primary, and that morphology is done in the syntax.»

³⁸ «От синтаксиса не уйти: не пытайся провести морфологический анализ только в лексиконе».

есть построение полного синтаксического дерева, начиная от корней (основ) и включая вершины, соответствующие отдельным морфемам. После порождения синтаксического дерева происходит Вставление словарных единиц (Vocabulary Insertion) – наполнение узлов синтаксического дерева фонологическим материалом. Вершины синтаксического дерева представлены либо лексемами, либо признаками или комбинациями признаков. До момента озвучивания применяются также некоторые «специфически морфологические» операции, такие как Морфологическое вставление (Morphological Merger), Обеднение (Impoverishment), Недоспецификация (Underspecification), Слияние (Fusion), Расщепление (Fission).

PM в последние годы стала достаточно популярной среди лингвистов генеративного направления и сильно развила свой понятийный и теоретический аппарат. Не углубляясь в детали PM, упомянем одну ее важную особенность. Согласно этой теории, все корни лишены указания на категориальную принадлежность. Ярлыки N, V, A и проч. являются результатом присоединения акатегориального корня к вершинам n, v, a и т.д. С одной стороны, такой подход позволяет объяснить частеречную омонимию, часто наблюдаемую, например, в английском, китайском и других языках, ср. английское *hand* – ‘рука’ / ‘передавать’, китайское *yǎnchū* – показывать / представление и т.д. В терминах PM такие случаи частеречной омонимии анализируются как результат присоединения нулевой категориальной морфемы к акатегориальному корню:

(1.147)английский

a. [_n Ø [_v *hand*]] – ‘рука’

b. [_v Ø [_v *hand*]] – ‘передавать’

(1.148)китайский

a. [_v Ø [_v *yǎnchū*]] – ‘показывать’

b. [_n Ø [_v *yǎnchū*]] – ‘представление’

Подобный подход подвергается критике и переосмыслению в рамках другой теории семейства M=C, а именно – в концепции Хагит Борер, см. [Borer 2005a; Borer 2005b; Borer 2014b]. Придерживаясь тех же, что и в PM, взглядов на связь морфологии и синтаксиса, а именно – предполагая существование синтаксической структуры «all the way down», вплоть до корня, Борер, тем не менее, несколько иначе подходит к проблеме деривационной (=рекатегоризирующей) морфологии.

Одним из наблюдений Борер является то, что вторичное прикрепление нулевого деривационного показателя к фонологически непустой деривационной морфеме невозможно, ср.: **to salutation*, **a crystalize*, [Borer 2014b]. Это свидетельствует о том, что (нулевая) деривационная морфология избирательна, что отличает ее от деривационных морфем,

имеющих фонологическую реализацию. Действительно, в случаях [_n Ø [_v *hand*]]; _v Ø [_v *hand*]] нулевые *n* и *v* могут соединяться с акатегориальным корнем. В случаях [_n -ation [_v *salut*]]; _v -ize [_a Ø [_n *crystal*]] *salut(e)* и *crystal* являются глаголом и именем соответственно, т.к. -(a)tion может оформлять только глаголы, а -ize – только имена. Оказывается, таким образом, что фонологически выраженные деривационные морфемы могут присоединяться к нулевым деривационным показателям, в то время как нулевые показатели не могут оформлять фонологически непустую деривационную морфологию. Это вынуждает Борер сомневаться в реальности нулевых рекатегоризирующих элементов [_nØ; _vØ] и т.п.

Другое важное замечание Борер носит концептуальный характер – иметь две нулевых морфемы с разными функциями, как это представлено в (1.147-148), – не вполне приемлемо, если мы требуем, чтобы наша система удовлетворяла принципу экономичности – одному из базовых принципов современной порождающей грамматики. Таким образом, внося некоторые коррективы в систему деривационной морфологии, теория Борер, тем не менее, последовательно придерживается подхода M=C.

Системы РМ, Х.Борер и некоторых других авторов фокусируются именно на объяснении морфологических явлений. В то же время, в современной генеративной грамматике есть ряд постулатов, предложенных и использующихся в основном синтаксистами, в основе которых лежит подход в духе M=C. Среди таких постулатов, прежде всего можно упомянуть так называемый Зеркальный принцип (Mirror Principle), см. [Baker 1985] и иерархию функциональных проекций Г.Чинкве, см. [Cinque 1999]. Как Зеркальный принцип, так и иерархия функциональных проекций стремятся уподобить расположение морфологических показателей в словоформе расположению аналитических форм в структуре простой предикации.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что исследователи, работающие в терминах современной генеративной грамматики, пытаются в основном «рассмотреть» морфологию в синтаксисе, найти следы отображения / распределения морфологии в структуре клаузы. Ниже, при анализе русского материала, мы пойдем несколько иным путем – мы постараемся усмотреть следы синтаксической организации морфологии.

1.6.1.3. Морфология ≈ Синтаксис

Некоторое промежуточное между M=C и M≠C положение занимает морфология в представлении Рэя Джекендоффа. Несмотря на то, что Джекендофф, см. [Jackendoff 1977], был одним из первых исследователей, разработавших так называемую X'-теорию которая легла в основу современного формального синтаксиса (в т.ч. и нетрансформационных теорий типа LFG

или HPSG), его взгляды на место синтаксиса в языковой системе впоследствии претерпели существенные изменения.

Согласно [Jackendoff 1997], архитектура языковой системы включает три независимых модуля: фонологию, синтаксис и семантику. Морфологии в такой системе отводится вспомогательная функция: она является «подмодулем» фонологического, семантического и синтаксического компонентов, см. [Jackendoff 1997]. Синтаксический компонент, таким образом, играет гораздо менее важную роль в системе Джекендоффа – синтаксис оказывается одним из трех независимых языковых модулей. Взгляды Джекендоффа во многом напоминают лексикализм: в предлагаемой им архитектуре языковой способности, [Jackendoff 1997], синтаксис представлен как «фразовый синтаксис» наряду со «словарным синтаксисом», соответствующим морфологии. Это, однако, не означает (как в случае РМ), что морфологическая структура порождается в процессе синтаксической деривации, скорее, наоборот, синтаксис по Джекендоффу напоминает механизм создания идиом – из морфем получаются слова точно так же как из слов – фразы (ср. также Грамматику конструкций в различных ее вариантах, HPSG и другие нетрансформационные синтаксические теории).

Итак, морфология у Джекендоффа оказывается уподоблена синтаксису, но сам синтаксис вовсе не рассматривается как процедура рекурсивного бинарного ветвления, представленного универсальной операцией Merge. Роль синтаксиса с точки зрения современного мировоззрения Джекендоффа заключается в осуществлении взаимодействия между фонологией и семантикой, а вместо рекурсивности³⁹ и бинарности используется тематическая иерархия, см. [Culicover, Jackendoff 2005].

Взгляд Джекендоффа на морфологию как словарно-синтаксический (word-syntactic) модуль, не совпадающий с фразовым синтаксисом (phrasal syntactic), характерен и для системы, предлагаемой в [Ackema, Neeleman 2004; Ackema, Neeleman 2007]. Акема и Неелеман критикуют подход, принятый в «синтаксических» моделях морфологии, за то, что предсказания последних зачастую не оправдываются.

Одним из главных концептуальных аргументов в пользу M=C обычно считается наличие приоритета в морфологической структуре: если, например, показатель отрицания присоединяется после показателя каузатива, то значение словоформы – ‘не сделал Р’, а если показателя каузатива находится поверх показателя отрицания, значение – ‘сделал не Р’. Однако, как полагают авторы, такого же эффекта можно добиться, если считать, что морфология является подмодулем синтаксического компонента и иерархичность структуры характерна для обоих языковых компонентов (и морфологии, и синтаксиса).

³⁹ Критику рекурсивности как результата действия исключительно синтаксиса см. в [Jackendoff 2011].

По мнению Акемы и Неелемана отсутствие границ между морфологией и синтаксисом предполагает, в частности, возможность выдвижения отдельных элементов морфологической структуры в синтаксисе. Такое ожидание, однако, не оправдывается – в качестве примера авторы приводят следующие английские конструкции:

- (1.149)английский [Ackema, Neeleman 2007: 333]
 a. the centre [of [a [prosperous medieval [city [in Northern Italy]]]]]
 b. *the [city_i centre] [of [a [prosperous medieval [t_i [in Northern Italy]]]]]

Выдвижение *city* из структуры в (1.149.b) невозможно, т.к. аппозитивные конструкции (compounds) образуются до синтаксического уровня и «непрозрачны» для него.

Не во всем соглашаясь с аргументацией Акемы и Неелемана, мы в целом разделяем их воззрения на морфологию как подмодуль синтаксиса, непрозрачный для него. С другой стороны, как мы постараемся показать ниже, материал русского языка демонстрирует симметрию в устройстве синтаксиса и морфологии. Такие характеристики как продуктивность, иерархичность, релевантность порядка элементов, направления ветвления и некоторые другие присущие синтаксису атрибуты, оказываются важными и в морфологии.

1.6.2. Ограничение на количество ветвлений в составе сложных слов

Ниже мы обсудим один из запретов на образование сложных слов, отличающий сложные слова от конструкций «большого» синтаксиса.

1.6.2.1. Продуктивные модели образования сложных прилагательных

В отечественной лингвистике, где словообразование на определенном этапе было выделено в отдельное направление, анализу сложных слов посвящено достаточное количество работ, см., прежде всего работы Е.А. Земской, [Земская 2005; Земская 2011], а также статью [Федорова 2015], типологически ориентированное исследование И.А. Муравьевой [Муравьева 2004] и т.д. Ниже мы будем ориентироваться на материал [АГ-80-1], иногда дополняя его примерами из интернета.

Рассмотрим некоторые продуктивные модели образования сложных прилагательных, см. также [АГ-80-1: §§754-780], упорядоченные по типу составляющей, образующей сложное слово. В примере (1.150) модель на основе именной группы с прилагательным, в (1.151) – модель на основе именной группы с числительным, в (1.152) – различные модели на основе группы глагола, в (1.153) – на основе предложной группы:

(1.150)

Adj+N

высокогорный, равнобедренный, легкоатлетический, южноафриканский, глубоководный, сахарносвекольный, высокоэнергетический...

(1.151)

Num+N

*одноразовый, двухъярусный, дву(х)топливный, четырехколесный, ...
первоклассный, второсортный, третьестепенный, ...*

(1.152)

a. V+DO

*водоотводный, кормозаготовительный, теневыносливый, ...
звукоспроизводящий, металлообрабатывающий, нефтеперекачивающий, ...*

b. V+IO

*электроосветительный, пуленепробиваемый, энергопитаемый, электроуправляемый, ...
электродвижущий, топливоснабжающий, книготоргующий, домовладеющий, ...*

c. V+PP

*судоходный, мореходный, водоплав(атель)ный, центробежный, ...
водоплавающий, воздухоплавающий, землеходящий, ...*

(1.153)

P+N

*приморский, построчный, заоблачный, настенный, придорожный, международный,
послеобеденный, ...*

Вопрос, который будет интересовать нас далее, – образование сложных слов с применением более чем одной модели.

1.6.2.2. Границы продуктивности моделей

Ниже мы приводим примеры, в которых сочетается сразу несколько моделей, перечисленных в предыдущем разделе:

(1.154)

a. Num+Adj+ N

**двухвысокоярусный, *трехравносторонний, *многозначный*

b. DO: Adj+N + V

**глубоководотводный, *сахарносвеклозаготовительный *цельнометаллообрабатывающий*

с. IO: Num/Adj+ N + V

**высокоэнергозависимый, *дву(х)домовладеющий, *дву(х)топлив(н)оснабжающий*

d. P+ Num/Adj+ N

**забелооблачный, *прикрасноморский, *надвустенный*

e. PP+ V/Adj

**замореходный, *отцентробежный, *насудоходный*

vs. ^{ok}*мореходный, ^{ok}центробежный, ^{ok}судоходный*

В (1.154.a) осуществлена попытка сочетания в сложном слове числительного, прилагательного и имени. При том, что грамматичны как отдельные сложные слова *двухъярусный / высокоярусный, трехсторонний / равносторонний, многозначный / разнозначный*, так и именные группы *два высоких яруса, три равных стороны, много разных значений*, итоговое сложное слово оказывается неграмматичным.

Аналогично в (1.154.b) – при грамматичности отдельных сложных слов *глубоководный / водоотводный* и т.д. и синтаксических сочетаний глагола и распространенного прямого объекта *отводит глубокую воду* и т.д., предполагаемое трехчастное сложное слово оказывается неграмматичным.

В (1.154.c) имеем комбинацию прилагательного и имени, образующих именную группу, которая, в свою очередь, попадает в позицию косвенного объекта. При грамматичности отдельных сложных слов и синтаксических конструкций трехчленное сложное слово снова оказывается невозможным.

В (1.154.d) и (1.154.e) приведены образования с участием предложных групп. В (1.154.d) оказываются неграмматичными комбинации предлога, прилагательного или числительного и вершинного имени, ср. *белооблачный / заоблачный, за белым облаком*, но **забелооблачный*.

В (1.154.e) представлен достаточно интересный контраст между неграмматичными сочетаниями предлогов, существительных и управляющих ими глаголов (**замореходный, *отцентробежный, *насудоходный*) и вполне приемлемым сочетанием тех же элементов в том же значении, где предлог, однако, опущен (*мореходный, центробежный, судоходный*).

В [АГ-80-1] принят подход, в соответствии с которым и «опорный компонент», и «компонент, предшествующий опорному», [АГ-80-1: § 756], определяются как основы. Иначе говоря, сложные слова по [АГ-80-1] состоят из основ, а не словосочетаний. Как мы покажем несколько ниже, это на самом деле так, хотя и требует специального объяснения.

Действительно, представленный нами выше список продуктивных моделей, говорит о том, что образование сложных слов происходит по тем же законам, по которым образуются именные, глагольные и предложные группы. Более того, интерпретация сложных слов

подчиняется тем же правилам, что и интерпретация соответствующих им синтаксических единиц.⁴⁰

Так, например, в случаях типа *глубоководный, двухъярусный* отношения между второй и первой основой представляют собой семантическую пару модификатор – предикат, а в случаях типа *водоотводный, водоснабжающий* аргумент – предикат. Правила композиции здесь в точности те же, что и в синтаксисе исходных составляющих: *глубоководный* означает, например, не ‘глубокий и наполненный водой’, а ‘тот, который встречается / используется / ... в глубине воды’. Так же *водоотводный* соответствует не значению ‘вода, которая отводит’, а ‘тот, который отводит воду’.

Итак: i) в основе сложных слов лежат синтаксические составляющие определенного типа; ii) комбинации более чем двух моделей образования сложных слов невозможны, иными словами – в каждое сложное слово не может входить более одной составляющей.⁴¹

1.6.2.3. Ограничение на количество ветвлений

На основании приведенного выше обсуждения можно сформулировать следующее

(1.155) Наблюдение об ограничении на количество ветвлений сложных слов

Сложные слова могут образовываться только на уровне синтаксического вложения, равного одному:

а. деривация с двумя основами приемлема: б. *деривация с тремя основами:

⁴⁰ Это наблюдение подсказано А.Е. Лютиковой.

⁴¹ Естественно, контраргумент представляют собой немецкие композиты. Однако и за пределами русского, например, в английском, нидерландском и др. подобное ограничение релевантно. Мы не готовы распространять предлагаемый анализ на весь типологически доступный языковой материал. Задача, которая ставится в данной работе – на русском материале показать, что синтаксис как минимум может «внедряться» в морфологию. Что касается немецкого и другого подобного ему материала, возможно «глубина» этого «внедрения» там – еще больше.

Таким образом, наше предварительное обобщение состоит в том, что обнаруженный запрет на невозможность сочетания двух моделей образования сложных слов связан с невозможностью образования (более чем одной?) синтаксической составляющей.

1.6.2.4. *Случаи потенциального нарушения ограничения на количество ветвлений*

Разберем несколько случаев, в которых предположительно нарушается сделанное нами обобщение. Первое потенциальное исключение представлено случаями, когда между отдельными основами, входящими в сложное слово, можно усмотреть отношение сочинения:

(1.156) [интернет]

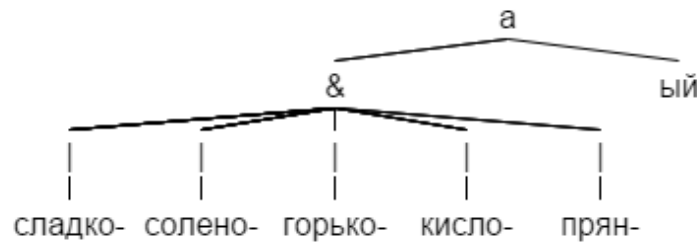
а. *А может ли быть вкус сладко-солено-горько-кисло-пряный?*

б. *Целью исследований ставилось изучение малоцикловой выносливости деревожелезобетонных изгибаемых элементов в зоне совместного действия.*

Однако в той формулировке, как он был представлен выше, запрет на количество ветвлений здесь не нарушается. Действительно, несмотря на то, что каждый из примеров выше содержит три или более основы, синтаксическая структура всей составляющей – «плоская», т.к. отдельные основы в ней сочинены и ни одна не является вершиной для другой. Требование иметь не более чем одно ветвление, таким образом, удовлетворяется:

(1.157)

[_a [& [сладко-][солено-][горько-][кисло-][прян-] ый]

То же верно и для более сложных примеров:

(1.158)

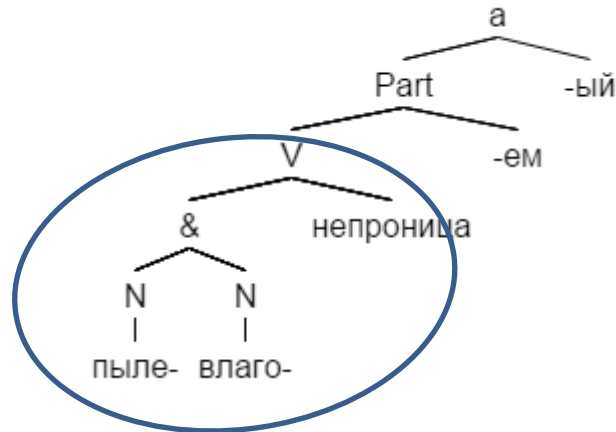
пылевлагодонепроницаемый, водоотталкивающий, ...

В случаях типа *сладко-солено-горько-кисло-пряный* и *деревожелезобетонный* подчинительные отношения отсутствуют вовсе, т.е. все участники равноправны и ни один не является вершиной для другого. В случаях типа *пылевлагодонепроницаемый,*

водогрязеотталкивающий и т.д. имеется одно (и только одно) ветвление, вложенное под деривационным показателем. В таких конструкциях сочиненная группа зависит от общей вершины:

(1.159)

[_a [_{Part} [_V [& [_N *пыле-*][_N *лаго-*]] *непроница*] -ем] -ый]

Таким образом, предписание иметь не более одного ветвления в данном случае также выполняется. Еще один тип исключений представлен сложными числительными в сочетании с именами:

(1.160)

девятистотрехлетний, двадцатиграммовый, ...

Как нам кажется, однако, сложные числительные составляют одно слово, т.е. все их компоненты в действительности представляют одну основу, а не несколько.⁴² Это можно показать следующим образом. Порядковые числительные образуются от сложных числительных безо всяких ограничений:

(1.161)

девятитретий, двадцатый, две тысячи пятнадцатый...

⁴² См. о правилах образования сложных числительных [Grashchenkov, Grashchenkova 2006].

В то же время никакие другие основы кроме основ числительных не могут образовывать порядковые числительные, например, комбинации предлогов / модификаторов с числительными являются неграмматичными:

(1.162)

**околодевяностый, *почтидвадцатый, *примернодесятый...*

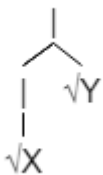
Порядковые числительные, которые могут образовываться как от числительных с одной основой, так и от числительных с двумя и более чем двумя основами, показывают нам, что комбинация нескольких основ числительных образуется в словаре и на самом деле представляет собой одну (а не несколько) основ, ср. также *одинадцать, двенадцать* и т.д. Случаи типа *девятиотрехлетний* и т.п., следовательно, также не являются исключением из сформулированного выше ограничения.

1.6.2.5. Ограничение на количество ветвлений сложных слов – анализ

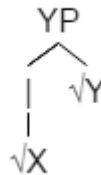
Мы объясняем установленное выше ограничение тем, что объединенные на морфологическом уровне основы не могут формировать составляющие. В случае более чем одного ветвления образование составляющих неизбежно по следующим причинам. Когда мы имеем дело с двухкомпонентной структурой «вершина-зависимое», два объединенных элемента еще не образуют категориально маркированную составляющую, т.е. результат их соединения в рамках сложного слова соответствует (1.163.a), а не (1.163.b):

(1.163)

a. $*[[\sqrt{X}] \sqrt{Y}] Z$

b. $[[_{YP} [\sqrt{X}] \sqrt{Y}] Z$

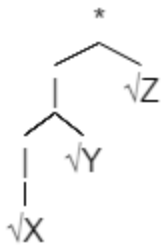
В случае трех иерархически упорядоченных элементов появляется еще одна вершина, которая должна «слиться» (Merge) с результатом соединения двух основ. При таком соединении вершина всегда должна «знать», какого типа элемент она берет в свои зависимые.

В частности, в случае (1.163.a) основа категории Y соединяется с основой категории X. Таким образом, при последовательном слиянии трех элементов, каждый из которых является вершиной другого, третий элемент, т.е. самая «верхняя» из вершин фактически «видит»

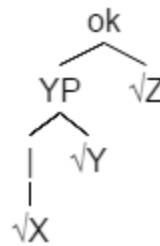
экзоцентрическую структуру (1.163.a). Очевидно, подобные образования неграмматичны – лексема Z не может получить информации о том, к какой именно категории принадлежит ее зависимое. Таким образом, в случае сочетания лексического словарного элемента (основы) и составного элемента (композиции двух основ) вершина обязательно должна присоединять эндоцентрическую структуру с проставленной фразовой категорией, (1.164.b), в то время как акатегориальные экзоцентрические комбинации основ оказываются неграмматичными, (1.164.a):

(1.164)

a. *[[\sqrt{X}] \sqrt{Y}] \sqrt{Z}]

b. [[_{YP} [\sqrt{X}] \sqrt{Y}]] \sqrt{Z}]

Итак, комбинации из двух основ оказываются грамматичны, потому что они соединяются не с лексемами (а с морфемами), в то время как комбинации из трех основ не могут не содержать в своем составе составляющих.

Последнее требование, т.е. необходимость содержать составляющие, вступает при этом в противоречие с тем, что вся конструкция целиком образуется в морфологии, т.е. не выходит за пределы слова⁴³.

Все словоформы обладают статусом слова, X_0 , в то время как результат их объединения в составляющие имеет фразовую категорию XP. Различие категорий X_0 и XP обычно демонстрируется на примере местоимений: местоимения (XP) могут заменять лишь составляющие, но не слова:

(1.165)

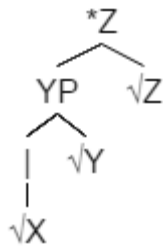
a. *Комнатные растения полезны для здоровья.*

b. **Комнатные они полезны для здоровья.*

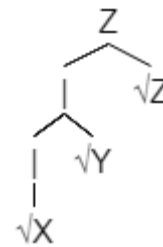
⁴³ Данные утверждения не распространяются на полисинтетические языки, которые с точки зрения логики данной работы могли бы быть представлены как «языки без морфологии». Подробное обсуждение подходу к морфологии в полисинтетических языках, однако, выходит за рамки данной работы.

Поскольку словоформы обладают категорией X_0 и являются элементарным строительным материалом для образования составляющих, они не могут включать в свой состав сами составляющие, (1.166.a), а должны состоять только из единиц категории X_0 , (1.166.b):

(1.166) a. $*[Z [_{YP} [\sqrt{X} \sqrt{Y}] \sqrt{Z}]]$

b. $[Z [[\sqrt{X} \sqrt{Y}] \sqrt{Z}]]$

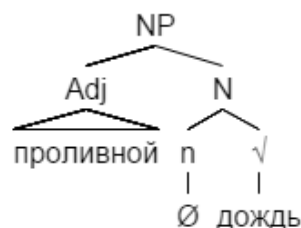
Структуры (1.164.b) и (1.166.b), таким образом, входят в противоречие. В соответствии с требованиями синтаксиса комбинации из более чем трех подчиненных основ должны маркироваться показателем составляющей. Это не удовлетворяет требованиям морфологии, оперирующей лишь с элементами уровня X_0 .

1.6.2.6. Ограничение на количество ветвлений и лейблинг

Операция присваивания составляющей некоторой категории называется лейблинг (Labeling). В последние несколько лет вокруг лейблинга идут достаточно горячие дискуссии.

С одной стороны, лейблинг в синтаксисе выполняет функцию, аналогичную, например, функции деривационных показателей в Распределенной морфологии и некоторых других морфологических теориях – присваивает ярлык акатегориальному элементу. Релевантность и важность этой процедуры для синтаксиса дискутируется столь же бурно, как и существование нулевых деривационных показателей и акатегориальных корней в Распределенной морфологии. Отметим, что если принимать точку зрения, в соответствии с которой корни всегда акатегориальны и получают частичное маркирование от нулевых показателей $[_n \emptyset; \sqrt{\emptyset}]$ и т.д., то эти же самые показатели оказываются в конечном итоге ответственны и за категориальное маркирование составляющих:

(1.167) $[_{NP} [_{Adj} \text{проливной}] [_n [_n \emptyset] [\sqrt{\emptyset} \text{дождь}]]]$

Вершина [_n∅], превращающая акатегориальную основу [_v *дождь*] в имя, фактически создает маркер именной проекции, который впоследствии наследуется всей именной группой.⁴⁴ Оставляя несколько в стороне дискуссию о реальности нулевых деривационных показателей [_n∅; _v∅] и т.д., опишем вкратце теоретическую значимость лейблинга для синтаксиса.

Согласно работе Н. Хомского [Chomsky 2013], с появлением и развитием X'-теории в генеративной грамматике появилось универсальное правило построения структуры составляющей, всегда апеллирующее к понятиям «вершина» и «зависимое» (последние представлены спецификаторами, комплементами, адьюнктами).

С появлением Минимализма, [Chomsky 2000], на место X'-теории пришла универсальная операция слияния (Merge). Как говорится в [Chomsky 2013], с введением операции слияния основания для априорного выделения вершины проекции исчезли. Слияние просто объединяет любые два элемента, независимо от их типа. Как это ни парадоксально, Минимализм оказался лучше совместим с более ранними версиями порождающей парадигмы, где существовали правила фразовой структуры, которые не обязательно предполагали наследование типа составляющей от одной из ее частей, ср., например, правило $S \rightarrow NP VP$.

Лейблинг с точки зрения [Chomsky 2013], таким образом, – не обязательная операция. Лейблинг по Хомскому возникает на уровне фазы, т.е. не в синтаксисе, а при озвучивании и интерпретации (части) синтаксической структуры. В соответствии с [Chomsky 2013] лейблинг – условие на интерфейс, необходимое для корректной интерпретации, но не для разворачивания высказывания.

В некоторых случаях лейблинг обязателен, а в некоторых – невозможен. Тривиальным случаем первого типа является, например, результат слияния некоторой вершины и составляющей, {N,XP}, где источник присваиваемого ярлыка – всегда вершина N. К числу типичных случаев второго типа относятся сочинительные конструкции, которые по природе своей не эндоцентричны.

Лейблингу также посвящена монография одного из ведущих современных американских синтаксистов Н. Хорнштайна [Hornstein 2009]. В соответствии с представлениями Хорнштайна, лейблинг является базовой синтаксической операцией, специфической для языковой способности человека. Возникновение лейблинга по Хорнштайну привело к появлению языковой способности и выделению человека в отдельный биологический вид. Операция слияния согласно Хорнштайну доступна и предкам человека, высшим приматам, в то время как присваивание ярлыка некоторой полученной в результате слияния сложной единице (т.е. лейблинг) – механизм, свойственный лишь человеческому синтаксису.

⁴⁴ Здесь мы абстрагируемся от внутренней структуры адъективной словоформы.

1.6.2.7. Лейблинг и отношения между морфологией и синтаксисом

Итак, ограничение на количество ветвлений позволяет нам установить две закономерности:

(1.168)

- a. Лейблинг внутри словоформы невозможен.
- b. В морфологии доступны только единицы уровня X_0 , а не XP .

Такой подход подтверждается и примерами (1.156-59). Структуры с более чем тремя основами встречаются, но все они включают симметричные элементы и не эндоцентричны.

Морфология, таким образом, способна оперировать с элементами типа X_0 , причем правила их комбинации, как мы показали выше, регулярны и в целом напоминают таковые в синтаксисе. На основании этого можно предположить, что морфология является подмножеством синтаксиса, в котором не определена операция лейблинга. Из-за отсутствия лейблинга морфология может оперировать только с вершинами, т.е. единицами категории X_0 . Чуть ниже мы более подробно обсудим процесс лейблинга, разделив его на категориальный и фразовый, пока же скажем, что отличие морфологии от синтаксиса лежит именно в области приписывания некоторому зависимому маркера фразы (а не категории).

Синтаксис, как известно, тоже оперирует с единицами типа X_0 , что выражается в так называемом передвижении вершин (Head movement), см., например [Matushansky 2006a] и приведенные там ссылки. Примером последнего являются, в частности, передвижение смыслового глагола в вершину T (V to T), (1.169), или вставку вспомогательного глагола в вершину C (T to C), (1.170):

(1.171) французский

Jean embrasse souvent t_v Marie.

Жан часто целует Мэри.

(1.172) английский

Did John t_{did} kiss Mary?

Причина доступности только X_0 может также быть совершенно синтаксической. Если мы допустим, что i) в сложных словах всегда присутствует деривационная морфология; ii) деривационные морфемы в русском языке не могут оформлять составляющих, – ограничение на количество ветвлений (=невозможность лейблинга) автоматически следует из сочетаемостных ограничений русских морфем. В этом отношении русский язык оказывается языком с

«максимально ограниченной» морфологией и будет противопоставлен тем языкам, где морфологические показатели могут оформлять составляющие, ср., например, английский s'-генитив или тюркские (монгольские) фразовые показатели комитатива (см. выше) и т.д.

Первое утверждение представляется достаточно правдоподобным. Во-первых, результат слияния двух основ остается акатегориален, и стало быть, его невозможно использовать в синтаксисе. Во-вторых, подавляющее большинство русских сложных слов содержит ненулевую деривационную морфологию: *левобережный*, *южнославянский*, *бумагоделательный*, *теневыносливый*,... В-третьих, регулярность причастных образований: *звукоизолирующий*, *электропитаемый*, ... также говорит и о продуктивности данной модели, и о необходимости специального маркирования нетипичной для глагольной основы синтаксической функции определения.

Второе ограничение также вполне естественно – синтаксические единицы обладают способностью к выбору типа элемента, с которым они сочетаются (ср. понятие валентности в отечественной лингвистике или c-selection, синтаксической селекции – в западной). Запрет на присутствие XP в составе словоформы может быть продемонстрирован на примере личных местоимений (DP): деривационная морфология не может оформлять личные местоимения, ср.: **он-ный* ('такой как он' / 'содержащий его / это'), **он-ство* ('бытие таким как он / это') и т.д.

Итак, материал русских сложных слов показывает, что морфология скорее является не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса, но ограничена типом элементов, операции над которыми производятся. Морфология является «узким синтаксисом», которому недоступен лейблинг и вследствие этого – элементы фразового уровня.

Фактически то, что препятствует образованию сложных слов из более чем двух компонентов – определение некоторой синтаксической единицы не как вершины, а как составляющей, т.е. лейблинг ее фразовым маркером ?P. Подробнее этот вопрос будет обсужден несколько ниже, в конце дискуссии об ограничении на направление ветвления.

1.6.3. Ограничение на направление ветвления

1.6.3.1. Последовательно левое ветвление

На основании приведенных выше примеров сложных прилагательных можно сформулировать также следующее ограничение, см. также [ОНС 2011: 111-113] и приводящиеся там источники:

(1.173) Наблюдение об ограничении на направление ветвления

Все зависимые в сложных словах располагаются слева относительно вершины.

В случае именной группы расположение вершинного и зависимого элементов в сложных словах совпадает с таковым для словоформ в синтаксисе:

(1.174)

<i>высокая гора</i>	→	<i>высокогорный</i>
<i>четыре колеса</i>	→	<i>четырёхколёсный</i>
<i>мало ветвей</i>	→	<i>маловетвистый</i>
<i>вся Россия</i>	→	<i>всероссийский</i>

Однако в случае глагольной группы порядок в сложных словах и в синтаксисе составляющих явно не совпадают. В то время как в простой предикации прямые и косвенные объекты, а также сирконстанты располагаются справа от глагола, в сложных словах мы вновь находим левое ветвление:

(1.175)

<i>отводит воду</i>	→	<i>водоотводный</i> vs. <i>*отводоводный</i>
<i>пробивать пулей</i>	→	<i>пуленепробиваемый</i> vs. <i>*непробиваемопулевой</i>
<i>ходить на судах</i>	→	<i>судоходный</i> vs. <i>*ходосудовой</i>

Покажем, что в глагольной группе действительно имеет место правостороннее ветвление. Это можно продемонстрировать, например, на объектах, выраженных элементами со сферой действия. При порядке VO предложения ниже имеют две интерпретации: i) ‘не съедено три каких-то яблока’ (а съедено, например, два) – так называемая широкая сфера действия отрицания и ii) ‘есть некоторые конкретные три яблока, и они не съедены’ – широкая сфера действия объектного квантора:

(1.176)

a. <i>Петя не съел три яблока.</i>	i) Neg > 3, ii) 3 > Neg
b. <i>Петя три яблока не съел.</i>	i) *Neg > 3, ii) 3 > Neg

В случае порядка VO доступны оба прочтения, в случае OV – лишь одно, с широкой сферой действия объектного квантора. Принято считать, что «замораживание» сферы действия происходит в тех случаях, когда синтаксическая группа уже подверглась передвижению, см., например, [Antonyuk-Yudina 2009], см. также о синтаксисе отрицания в русском языке [Корнакова, Лютикова, Гращенков 2016] и приведенные там ссылки. Таким образом, порядок с

постпозицией объекта можно считать базовым для русского языка, а с препозицией – полученным в результате синтаксической деривации.

Прежде чем перейти к анализу описанных закономерностей очень коротко остановимся на том, как решается проблема порядка слов в современной генеративной грамматике.

1.6.3.2. Порядок слов в современной генеративной грамматике и направление ветвления в сложных словах

В современных формальных синтаксических теориях поверхностный линейный порядок словоформ является результатом взаимодействия двух процессов: i) слияния элементов в начале деривации (Merge) и ii) их передвижения (Move или Rmerge) для согласования признаков (Agree). В генеративной грамматике выработано большое количество подходов, позволяющих получить определенный поверхностный линейный порядок (из базового порядка, не/соответствующего поверхностному).

Наиболее известной здесь является предложенная в [Kaune 1994] так называемая Аксиома Линейного Соответствия (Linear Correspondence Axiom), АЛС. Согласно АЛС порядок порождения всех типов составляющих основан на универсальной X'-проекции и одинаков во всех языках: [[Specifier [Head [Complement]]]]. Комплемент, таким образом, всегда оказывается справа от вершины, и для объяснения, например, поверхностного порядка OV или феномена послеложной группы используются операции согласования и передвижения.

Похожа (и в чем-то опирается) на АСЛ система, предложенная в рамках картографического подхода к синтаксису, см., например, [Cinque, Rizzi 2008]. Согласно картографической идее, базовый порядок синтаксических элементов также универсален, а наблюдаемый поверхностный порядок является результатом передвижений составляющих и так называемого Передвижения Остатка (Remnant Movement).

Группа подходов к порядку слов объединяется термином «линеаризация» (Linearization). Основная идея линеаризации в том, что выстраивание конечной линейной цепочки словоформ происходит на уровне фонологии, а не в синтаксисе. Такого взгляда придерживаются, например, Д. Фокс и Д. Песецкий, см. [Fox, Pesetsky 2005]. Упомянутая уже система Хорнштайна, [Hornstein 2009], напротив, предполагает, что линеаризация происходит с самого начала синтаксической деривации за счет ассиметричной операции слияния (Merge).

Поскольку в сложных словах мы имеем дело с элементами уровня X_0 , скажем, что основное средство упорядочивания вершин – (левосторонняя) адьюнкция, см. [Matushansky 2006a]. В системе Матушанской предлагается синтаксический подход к передвижению вершин, их упорядочивание, таким образом, происходит уже в синтаксисе. В исходной минималистской

концепции Хомского, см. [Chomsky 2000], однако, передвижение вершин не является синтаксическим процессом, а происходит на уровне фонологии.

Различие в расположении зависимых составляющих – прямых и косвенных объектов, а также предложных групп (правое ветвление) с одной стороны и вершин (левое ветвление) с другой, скорее всего, связаны с подъемом глагольной вершины в синтаксисе при образовании глагольной группы. В соответствии со стандартными представлениями современного формального синтаксиса глагольная вершина порождается в позиции V, откуда впоследствии передвигается выше по структуре в позицию малого *v*. Малое *v*, ответственное за лицензирование внешнего аргумента, имеется в глагольной группе, но отсутствует в сложных словах – подтверждением этому является невозможность субъектных сложных слов.

Отличие порядка ветвления в сложных словах и в синтаксисе, таким образом: i) не является фонологической линейризацией; ii) не связано с преобразованием структуры сложных слов. В соответствии с нашим анализом (и вопреки АСЛ) зависимые (X_0) всегда располагаются слева от своей вершины. Правосторонним расположением объекта и т.п. мы обязаны процессам, происходящим уже в синтаксисе.

1.6.3.3. Ограничение на направление ветвления и лейблинг вершин

Итак, в случае, если моделью образования сложного слова является глагольная группа, ветвление в сложных словах левостороннее, а не правостороннее, как в синтаксисе. Похожей является и ситуация в случае отадактивных дериватов типа *морозоустойчивый, энергоемкий, влагостойкий, солнцедоступный, трудоспособный*, и т.д. – вторые части в них так же представляют собой вершины, располагающиеся справа от своих зависимых.

Если в сложных словах мы действительно наблюдаем последовательное левое ветвление, независимо от того, какое направление ветвления имеется в «полном» синтаксисе, можно утверждать следующее: i) при образовании сложного слова известно, какая из основ является вершиной, а какая – зависимым; ii) при образовании сложного слова применяются некоторые правила упорядочивания вершины и зависимого, отличные от таковых в синтаксисе составляющих. Разберем по порядку эти и некоторые другие проблемы.

В упоминавшейся выше дискуссии о категориальном статусе основ были представлены две точки зрения. В соответствии с идеями РМ корни всегда акатегориальны, а основы приобретают категориальные значения от нулевых либо фонологически выраженных деривационных показателей. В теории Х. Борер нулевые показатели категории отсутствуют.

Необходимость категориальных показателей обосновывается при помощи понятия так называемой синтаксической селекции (*c-selection*, где *c* – category, constituent и т.д.), см. [Grimshaw 2005]. Действительно, откуда, например, у глагола появляется информация о том,

что он присоединяет именные проекции (в определенном падеже)? Информация о синтаксической селекции, очевидно, должна в каком-то виде содержаться уже у основы – именно свойством основы является способность присоединять зависимое определенной категории, (1.177) и в определенном падеже, (1.178):

(1.177)

решить/задумать прогуляться vs. *предложить/рекомендовать прогулку*

(1.178)

подчинять/контролировать кого/что vs. *командовать/управлять кем/чем*

Отметим, что способность присоединять зависимое определенной категории не меняется при переходе словоформы в другой лексический класс, т.е. является действительно свойством основы:

(1.179)

решение/задумка прогуляться vs. *предложение/рекомендация прогулки*

Корень, таким образом, уже как-то обладает информацией о составляющей, которую будет присоединять, а именно – типе ее проекции (именная группа / группа инфинитива), падеже (винительный или какой-либо из косвенных) и т.д.

Важно, что селекция применяется не просто к типу категории, но и к типу проекции: нам важно знать не только то, именная, глагольная или адъективная проекция выбирается вершиной, но и каков, например, падеж данной именной проекции. Однако падеж, как известно, есть свойство составляющей – он приписывается всей группе в целом и распространяется на отдельные ее части, см., например, предложенные на материале русского и других славянских языков подходы [Babby 1986; Franks 1994] и последовавшие за ними работы.

Здесь мы сталкиваемся с определенным противоречием. Если селективные ограничения на категорию составляющей и ее (падежные и проч.) признаки есть у корня, то корень должен требовать конкретного падежа и типа составляющей не только в «большом» синтаксисе, но и при образовании сложных слов. В то же время, если отбросить некоторые единичные исключения (*сногшибательный*, *умалишенный*, *себевластный* и некоторые другие, скорее всего заимствованные), очевидно, что никаких падежных признаков зависимая основа не несет. Более того, часто она не может содержать даже деривационной морфологии, ср.:

(1.180)

* <i>гигантско</i> головый	vs.	<i>большого</i> ловый
* <i>опасност</i> еносный	vs.	<i>вредно</i> сный
* <i>жидкост</i> еотводный	vs.	<i>водоот</i> водный
* <i>энерг</i> [j]епитаемый	vs.	<i>электр</i> опитаемый
* <i>строени</i> [j]владеющий	vs.	<i>домовла</i> деющий
* <i>детст</i> волюбивый	vs.	<i>жизнелю</i> бивый

Первая основа в сложных словах, таким образом, всегда представляет собой корень без каких-либо показателей (исключения из этого правила, впрочем, не редки, хотя и ограничены: *перепончатокрылый*, *пластинчатоклювый*, *перистолистный*, *воднолыжный*, *верхненемецкий*, *финскоязычный* и т.д.) В то же время, как мы говорили выше, семантические отношения в сложных словах всегда прозрачны и совпадают с таковыми в синтаксисе. Так, например, перед основной-вершиной существительным в сложных словах должны идти зависимые основы прилагательных или числительных, перед глагольной основой идут зависимые основы имен и т.д. Селективность, таким образом, сохраняется, но она выполняется не для составляющих, а для основ – вершина сложного слова должна присоединять основы той же категориальной принадлежности, которой обладают зависимые от нее составляющие в «большом» синтаксисе.

Итак, последовательно асимметричное расположение вершин и зависимых позволяет нам говорить о том, что i) собственно отношение «вершина-зависимое» определено уже в самом начале деривации, на уровне элементов X_0 ; ii) корни (зависимых X_0) уже обладают категориальной принадлежностью.

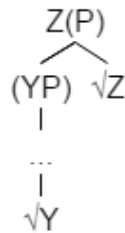
Данные русских сложных слов таким образом подтверждают, что операция слияния асимметрична, как это было принято в стандартных версиях Минимализма, см. [Chomsky 2000; Hornstein 2009] и вопреки высказанному позже в [Chomsky 2013] утверждению о том, что слияние не приводит к образованию эндоцентрических конструкций.

Еще один интересный результат можно сформулировать, сравнивая селективные ограничения основ для «большого» (XP) и «малого» (X_0) синтаксиса. А именно – селективные ограничения X_0 -синтаксиса являются подмножеством таковых у XP-синтаксиса:

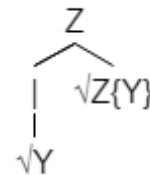
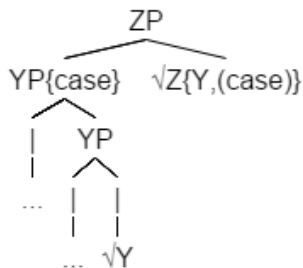
(1.181) Селективные ограничения на зависимое

	XP-синтаксис	X ₀ -синтаксис
a. <u>категория (проекция) зависимого:</u>	N, V, Adj, ...	N, V, Adj, ...
b. <u>тип словоформы:</u>	падеж, нефинитная форма, ...	---

Из данного наблюдения есть одно возможное следствие для «большого» синтаксиса. Можно предположить, что синтаксис «выбирает» (с-selects) не составляющие определенной категории, а именно вершины, над которыми впоследствии надстраиваются сами проекции. Синтаксис XP тогда отличается тем, что он накладывает дополнительные ограничения на тип составляющей (падеж, нефинитная форма, ...), которые нерелевантны для X₀-синтаксиса. Схематическое представление результата слияния вершины с ее зависимым (составляющей, вершиной) дано ниже:

(1.182) $[Z(P) [(YP) [... \sqrt{Y}]] \sqrt{Z}]$

Подобная общая схема имеет следующие реализации для случая синтаксиса составляющих и синтаксиса вершин (морфологии):

(1.183) a. XP-синтаксис b. X₀-синтаксис $[ZP [YP_{\{case\}} \dots [YP \dots [\sqrt{Y}]]] \sqrt{Z} \{Y, (case)\}]$ $[Z [\sqrt{Y}] \sqrt{Z} \{Y\}]$

Вершина Z (N / V) выбирает проекцию типа Y (Adj, Num, ... / N). Данное ограничение («валентность» на Y) является обязательным – Z всегда выбирает либо вершину Y, либо ее

проекцию Y_P . В случае, если перед нами составляющая, Y_P , вершина накладывает также дополнительное ограничение – на поверхностную реализацию Y_P (тип падежа, нефинитной формы и т.д.)

Итак, селективные ограничения вершин могут быть представлены не в терминах фраз, а в терминах ядерных узлов (X_0), которые могут (но не обязаны) быть развернуты до максимальных проекций (X_P).

1.6.3.4. Ограничения на количество ветвлений, направление ветвления и лейблинг составляющих

Структура (1.183.b) приходит в противоречие с одной из предыдущих посылок – утверждением о том, что лексический элемент имеет обязательную валентность на X_P определенного типа. Действительно, с одной стороны, мы возложили ответственность за невозможность более чем двух ветвлений на лейблинг. С другой стороны – мы допустили, что тип лексической категории играет роль не только при соединении элементов в синтаксисе, но и при формировании сложных лексических элементов.

Наше допущение о невозможности лейблинга в морфологии необходимо переформулировать так, чтобы оно было совместимо со следующими фактами: i) грамматичностью сложных слов с подчинением из двух частей; ii) грамматичностью сложных слов с сочинением из любого количества частей; iii) неграмматичностью сложных слов с подчинением из трех и более частей; iv) способностью лексических вершин получать информацию о категории зависимого как от вершин, так и от составляющих.

Валентность на X_P состоит из двух частей: i) тип категории (X); ii) указание о том, что зависимое является фразой, а не вершиной ($?P$). Как следует из предложенного здесь подхода, именно первое условие является обязательным. Одновременно с этим мы считаем, что фразовый статус зависимого есть не что иное как механическое следствие присутствия в нем более чем одной вершины. Можно предположить, что маркирование показателем вершины (X) и присваивание фразовой категории ($?P$) – разные процессы.

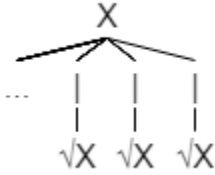
При сочинении отдельных элементов имеет место только присваивание категориального ярлыка, но не маркирование фразовой категорией. Это связано с тем, что структура является плоской – в ней нет последовательного подчинения, которое давало бы статус фразы. В то же время все сочиненные вершины (при образовании сложных слов) – одной категории, которая также присваивается всему сочинительному комплексу, (1.184.a).

У подчинительных составляющих не более чем из двух частей есть маркер результирующей категории, но нет фразового маркера, (1.184.b). У подчинительных

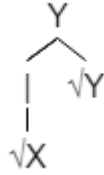
составляющих из трех и более частей есть и категориальный маркер, и маркер их фразового статуса, (1.184.c):

(1.184)

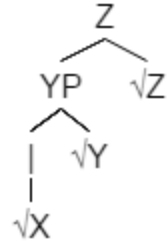
a.

b.

c.

Можно предположить, что маркирование некоторой единицы как проекции (?P), а не вершины, (1.184.c), происходит следующим образом. Некоторая лексическая вершина Z, присоединяя определенный элемент, должна знать: i) его категорию и ii) состоит ли он лишь из вершины или имеет ветвящуюся далее вниз структуру. Информация о ветвлении (?P) либо его отсутствии (X_0) необходима для установления отношений доминирования, структурного приоритета и т.д. Таким образом каждая следующая вершина проверяет не только то, какой категории ее зависимое, но и то, заканчивается ли на нем ветвление вниз. Если заканчивается, зависимому присваивается категория X_0 , если нет – XP, независимо от особенностей дальнейшего ветвления.

Таким образом, наше исходное допущение о том, что при трех последовательно подчиненных основах последней вершине требуется «знать», какую XP она присоединяет, верно. Необходимо было лишь уточнить, что категория X присваивается XP благодаря специальной операции лейблинга, а фразовый статус появляется автоматически в результате того, что максимально доминирующая вершина «смотрит» вниз по структуре, обнаруживает там более одного ветвления, из-за чего зависимому добавляется фразовый маркер ?P.

Итак, важным, на наш взгляд, результатом является добавление механизма лейблинга составляющей. Именно присваивание ярлыка ?P, происходящее «от противного» – всем элементам, не являющимся X_0 -вершиной, и отличает, как представляется ветвление в морфологии от ветвления в синтаксисе.

Подобный подход, следствием которого является стирание онтологической границы между вершинами и составляющими, имеет еще одно преимущество. А именно, устраняется разделение типов синтаксических передвижений на подъем вершины и подъем составляющей. Правомочность подъема вершины как самостоятельной синтаксической процедуры отстаивается, например, в [Matushansky 2006a] и оспаривается в [Chomsky 2000, 2001].

Наконец, упомянутая выше идея РМ о связи категориального маркера проекции и морфологического деривационного показателя, присваивающего (акатегориальному) корню тип составляющей, находит отклик в нашей системе. Основа (X_0) распространяет категориальный признак на всю составляющую (XP), которую она проецирует, и опять-таки (зависимая) основа выбирается при слиянии с другой лексической основой, которая будет вершиной после слияния двух основ или основы и составляющей.

Можно было бы предположить, что в данной системе категориальное маркирование всей составляющей является избыточным. Действительно, если селективный признак может быть удовлетворен типом категории вершины, категория составляющей избыточна. Однако категориальное маркирование составляющих представляется важным для «большого» синтаксиса – последовательного циклического передвижения (*successive cyclic movement*), А(ргументного) передвижения и т.д. – эти проблемы, однако, выходят за рамки морфологических явлений.

1.6.3.5. Ограничения на количество и направление ветвления – промежуточные итоги

Итак, перечислим результаты обсуждения установленных выше запретов на количество и направление ветвления: i) частеречные категории основ доступны с самого начала деривации; ii) как лексическая основа, так и деривационный морфологический показатель должны «знать» категорию вершины составляющей, которую они присоединяют; iii) категориальное маркирование предопределяет расположение основ в составе сложного слова; iv) однократное слияние основ не приводит к маркированию фразовым показателем, для этого необходимо двукратное (или более) слияние основ при подчинении одной основы другой.

Прокомментируем вкратце пункт ii). Как было сказано, в случае лексических основ, которые присоединяют некоторое зависимое, категория основы важна при выборе и интерпретации зависимого (ср. *двудомный* vs. *дваждырожденный*), а также – для определения его расположения относительно вершины. Категориальная селекция свойственна также и суффиксам. Например, суффиксы *-(ч)ат-*, *-ист-*, см. [АГ-80-1: §§ 637-642], принимают только существительные – свойство, которое сохраняется и при оформлении сложных слов (*бородавчатый* – *двухколенчатый*, *крахмалистый* – *тонкослоистый*). Напротив, причастные суффиксы *-(е/о)м-*, *-(я/а/ю)щ-*, образуют сложные прилагательные только от глаголов (*водонепроницаемый*, *водоотталкивающий*). Категориальная селективность у суффиксов, таким образом: i) столь же действенна, как и «валентность» на определенную категорию у лексем; ii) сохраняется при переходе к сложному слову.

1.6.3.6. Сложные слова с предлогом

Определенное исключение для каждого из двух перечисленных выше ограничений представляет употребление предлогов в сложных словах. Во-первых, предлоги не располагаются справа от зависимых, как другие вершины:

(1.185)

заоблачный, приморский, построчный, настенный, придорожный, международный, послеобеденный, ...

Во-вторых, предлоги, хотя и не нарушают напрямую запрета на количество ветвлений, (1.186.a-b), допускают случаи образования сложных слов из сочетания глагола и обстоятельственного участника, выраженного предложной группой, где сам предлог не получает поверхностной реализации, (1.186.c):

(1.186)

a. *забелооблачный, *прикрасноморский, *надвустенный

b. *помореходный, *отцентробежный, *насудоходный

c. мореходный (*ходить по морю*), центробежный (*бежать от центра*), судоходный (*ходить на судне*), воздухоплавающий (*плавать по воздуху*), землеходящий (*ходить по земле*), ...

Предлоги принято считать вершинами предложных групп по той причине, что они присваивают падеж зависимой от них именной группе. Однако в составе сложных слов падеж не может быть выражен. В то же время семантические отношения между предлогом и именем остаются неизменными. В случае предлога и существительного, *заоблачный, ...* предлог конкретизирует нахождение объекта относительно ориентира. В случае глагольных сирконстантов, *мореходный, ...* фонологически не выраженный предлог задает способ передвижения, обозначаемого глагольной основой. В обоих случаях функция предлога – задавать или конкретизировать семантическую роль участника, вводимого существительным.

Сформулированные еще в 80-х годах критерии вершинности, см. [Hudson 1980b; Zwicky 1985] можно разделить на грамматические и семантические. Грамматические критерии неприменимы к сложным словам из-за того, что они накладывают ограничения на морфологическую форму, а в сложных словах морфология у зависимых фактически отсутствует.

Семантические критерии вершинности это (связанные между собой) критерии обязательности и дистрибутивного эквивалента. Критерий обязательности гласит, что из двух

синтаксически связанных элементов вершиной является тот, употребление которого обязательно. Критерий дистрибутивного эквивалента говорит о том, что для каждой составляющей существует один элемент, который эквивалентен всей составляющей и именно он является вершиной. В именных группах, составленных из существительного и прилагательного, например, вершиной является существительное – именно его употребление обязательно и именно оно представляет собой всю составляющую.

Подобный взгляд на образование составляющих был представлен в процитированной выше работе [Grimshaw 2005], см. также [van Riemsdijk 1998]. В [Grimshaw 2005] предполагается, что предлоги являются частью расширенной проекции существительного. Действительно, в аргументных или адьюнктивных предложных группах (*зависеть от солнца, ходить по морю*) глагол присваивает семантическую роль (актанта или сирконстанта) существительному и проецируемой им именной группе. Предлог здесь выполняет вспомогательную функцию – он помогает уточнить семантические отношения между вершинами и накладывает морфосинтаксические ограничения на форму зависимого.

Как показывают примеры *мореходный, центробежный, судоходный, воздухоплавающий, землеходящий* и т.д., предлог может быть опущен. Можно предположить, что обязательным элементом и/ли дистрибутивным эквивалентом в предложных группах является существительное. Предлог, в соответствии с анализом в [Grimshaw 2005], мы будем считать элементом расширенной проекции существительного.

Действительно, семантические отношения предлога с именной и глагольной вершинами в корне отличаются от семантических отношений имени и его атрибутов или глагола и его аргументов. В случае отыменной или отглагольной вершины проецируемые ими зависимые имеют строго определенную семантическую функцию. В случае имени это сужение экстенционала (прилагательное), квантификация (числительные) и т.д. В случае глагола выбирается зависимое, заполняющее его семантическую валентность или наречие, модифицирующее передаваемое им событие.

В случае конструкций с предлогом выбор (c-selection) зависимого (=предлога) осуществляется либо существительным (*заоблачный*), либо глаголом и существительным (*мореходный*). В сложных словах типа *заоблачный*,... предлоги необходимы, т.к. они являются единственным источником информации о семантической роли. В случаях типа *мореходный*,... семантическая роль присваивается глаголом всей именной проекции, поэтому предлог может быть опущен, а его значение восстановлено прагматически.

Итак, предлог не является вершиной из-за того, что он не выбирает (c-selects) существительное в качестве зависимого. Напротив, такой выбор осуществляет имя – оно

является вершиной в случаях типа *заоблачный*, поэтому и располагается справа от предлога. Таким образом, данные случаи не являются нарушением запрета на направление ветвления.

В случаях типа *мореходный* третий элемент – предлог – не просто не выражен фонологически, а отсутствует и в синтаксической структуре. Поэтому данные случаи не являются нарушением запрета на количество ветвлений.

Можно привести следующий аргумент в пользу того, что вершиной в сложных прилагательных типа *заоблачный* является существительное. Как мы показали выше, в сложных словах вершинный элемент распространяет свое значение категориального признака на результат слияния двух элементов. В случаях сочетания существительного и прилагательного, существительного и числительного таким элементом является имя. Продемонстрируем это на примере суффиксов *-ист* и *-(ч)ат*, которые имеют ограниченную сочетаемость и соединяются только с существительными:

(1.187)

a. *(грубо)зернистый, (тонко)волокнистый, (мелко)щетиный, ...*

b. *(дву)створчатый, (трех)зубчатый, (четырёх)коленчатый, ...*

Можно утверждать, что сложные прилагательные с *-ист* и *-(ч)ат* ведут себя так же как и сочетания одиночных именных основ с данными суффиксами. Иными словами, суффиксы *-ист* и *-(ч)ат* обладают способностью выбирать (только) основы категории существительного как в случае одиночных именных основ, так и в сложных словах.

Категория существительного так же определяет дистрибуцию по отношению к деривационному суффиксу и в случае сложного слова. Так, в примерах ниже присоединение предлога не влияет на сочетание именной основы с суффиксом:

(1.188)

(при)дорожный, (при)каспийский, (между)народный, (после)обеденный, ...

Случаи несовпадения формы сложного прилагательного и соответствующей ему формы простого прилагательного (*приморский – морской, настенный – стенной*) связаны с выбором акцентной парадигмы, т.е. относятся к фонологическому компоненту. Выбор суффикса *-н*, *-ск*, и т.д., таким образом, является прерогативой существительного – наличие предлога никак не влияет на этот процесс.

Можно также сделать предположение о том, что предлоги вовсе не обладают собственным значением частеречного признака, см. схожую идею в [Grimshaw 2005]. Мы,

однако, не будем подробно обсуждать здесь данную проблему, т.к. она выходит за пределы темы настоящей работы.

Подытоживая дискуссию о том, что именно является вершиной в сочетаниях предлога и существительного, можно сказать следующее. С точки зрения семантического выбора (s-selection) именно существительное (возможно, вместе с глаголом) выбирает предлог. Если говорить о категориальном выборе, то здесь также вершиной является существительное – его категориальная характеристика учитывается при дальнейшем ветвлении, как в «большом» синтаксисе, так и в сложных словах. Предлог проявляет селективные свойства лишь на уровне составляющих, ?P, требуя от фразовой категории необходимой морфологической формы. С точки зрения предложенной выше модели, в которой категориальная принадлежность основы / составляющей является атрибутом корневого (X_0) синтаксиса, можно сказать, что в сложных словах, т.е. в X_0 -синтаксисе вершиной однозначно является имя. Вершинные свойства предлога проявляются при переходе к синтаксису составляющих (XP) – возникает дополнительное требование определенной поверхностной формы вершины (и вслед за этим – всей составляющей в целом).

1.7. Сочинение в сложных словах

1.7.1. Ограничение на сочинение вершин

Обсудим еще одну закономерность в образовании сложных слов, которая носит достаточно регулярный характер и в силу этого может быть интересна при синтаксическом взгляде на морфологию. В сложных словах, состоящих из вершины и зависимого, достаточно продуктивны образования с сочинением зависимых элементов:

(1.189) [интернет]
черно- и желтолицый, двух- и четырехколесный, стале- и чугунолитейный, водо- и газоснабжающий, водо- и воздухонепроницаемый, высоко- и среднеоплачиваемый, ...

В данном примере мы наблюдаем сочинение разных типов зависимых: прилагательных и числительных внутри именной группы, прямые и косвенные объекты, а также сирконстанты внутри группы глагола. Возможность образовывать сочиненные структуры в рамках сложных слов распространяется и на другие части речи, ср. *нефте- и газопереработка* и т.д. Подобное свойство – способность к сочинению – само по себе свидетельствует о синтаксической природе сложных слов. Достаточно показательны также примеры, где используются сочинительные средства (как фонологически, так и семантически) более сложные, чем одиночный союз *и*:

(1.190)

[интернет]

a. *Над разномастными двух-, трех- и даже пятиэтажными кирпичными домами возвышались острые шпили двух магических башен...*

b. *Двух, а иногда и трехуровневые гипсокартонные потолки с овалами или кругами...*

Нас, однако, будет интересовать некоторое ограничение, которое действует в сочиненных сложных словах. А именно, сложные слова, которые имеют общее зависимое при двух вершинах, представляются неграмматичными:

(1.191)

a. **черноглаз- и лицый, *черноглазый и лицый*

b. **двухколес/н- и местный, *двухколесный и местный*

c. **сталеплавиль/н- и литейный, *сталеплавильный и литейный*

d. **водоснабжа/ющ- и запасающий, *водоснабжающий и запасающий*

e. **воздухонепроница/ем- и наполняемый, *воздухонепроницаемый и наполняемый*

f. **высококвалифицирова/нн- и оплачиваемый, *высококвалифицированный и оплачиваемый*

То же верно и для слов других частей речи, ср.: **нефтепереработка и продажа*. Можно сформулировать следующее

(1.192) **Наблюдение об ограничении на сочинение вершин**

При образовании сложных слов допустимо лишь сочинение зависимых, а сочинение вершин невозможно.

Данное ограничение не распространяется, впрочем, на сложные прилагательные, образованные при помощи сочинения:

(1.193)

воздушно-капельный, кислородно-водородный, огненно-красный, яично-желтый, каменисто-мусорный, зубно-губной, солоно-сладкий, солнечно-мглистый, негодующе-гневный, железобетонный, французско-русский, ...

Как можно заметить, сочинение – если основа производная – возможно для основ, уже оформленных категориальным суффиксом, который при этом не обязательно совпадает у двух основ: *каменисто-мусорный*, *солнечно-мглистый*, *негодующе-гневуный*,... Непроизводные основы могут сочиняться с производными: *яично-желтый*, *солено-сладкий*,⁴⁵ ... В то же время употребление «под общим» суффиксом невозможно и для сочиненных структур (ср. **двухколес-* и *местный* и т.п.):

(1.194)

**французо-русский*, **воздухо-капельный*, **зубо-губной*,...

Это говорит о том, что единственный «уровень сборки» словоформ, лицензирующий сочинение – адъективная флексия. Общая адъективная флексия допустима для сочиненных прилагательных, что отличает их от других частей речи. Сочинение существительных невозможно ни под общим деривационным суффиксом, (1.195), ни под общей флексией, (1.196):

(1.195)

окружить и уничтожить → **окруже-уничтожение*

нарезать и приготовить → **нарезо-приготовление*

(1.196)

окружить и уничтожить → **окружене-уничтожение*

нарезать и приготовить → **нарезане-приготовление*

Адъективные флексии, таким образом, отличаются от прочих бóльшим количеством структуры.

Итак, в области сочинения элементов находим следующие закономерности: i) сочинение зависимых элементов возможно (*двух- и четырехколесный*, *нефте- и газопереработка*); ii) сочинение главных элементов невозможно (**двухколес/н-* и *местный*, **нефтепереработка и продажа*); iii) сочинение основ под общей флексией возможно у прилагательных, но не у имен (**кислородно-водородный*, **окружен(и)- и уничтожение*).

1.7.2. Структура сочиненной составляющей

Наличие общего материала в сочинительных конструкциях возможно в одном из двух случаев: i) два сочиненных элемента имеют общий элемент (например, в качестве вершины),

⁴⁵ Суффикс *-(ь)к* непродуктивен в современном русском.

(1.197.a); ii) сочинению подвергаются две составляющие, и при этом часть материала в одной из составляющих (например, второе зависимое) не получает фонологического выражения, (1.197.b):

(1.197)

a. [[D1] & [D2] H]	b. [[[D1] H] & [[D2] H]]
a.' [[<i>двух</i>]- и [<i>четырёх</i>]колесный]	b.' [[[<i>двух</i>] железный]- и [[<i>четырёх</i>]колесный]]
a.'' [[<i>двух</i>]- и [<i>четырёх</i>]колес]ный	b.'' [[[<i>двух</i>] желее]- и [[<i>четырёх</i>]колес]]ный

В примерах с одним штрихом предполагается сочинение (наследование общего или сокращение) целой второй части с деривационным показателем и флексией. В примерах с двумя штрихами сочинение (наследование или сокращение) происходит на уровне второй основы.

Первый случай – сочинение полной адъективной словоформы (*колесный*) – предполагает ее существование на определенном этапе деривации. Единицы типа *колесный* действительно могут выглядеть приемлемыми и деривация типа [[*двух* & *четырёх*] *колесный*] либо [[*двух*железный] & [*четырёх*колесный]] допустимой. Такие случаи соответствовали бы так называемой деривации сверху вниз (top-down): сначала бы образовывалась единица типа *колесный*, а затем она соединялась бы (благодаря наследованию или сокращению) с каждым из двух зависимых. Деривация, однако, проходит в обратном (снизу вверх, bottom-up) направлении. Сначала зависимая основа должна объединиться с главной, затем та – с деривационным суффиксом, который, в конце концов соединяется с флексией. О таком порядке свидетельствуют отсутствие единиц типа **глазый*, **лицый* и т.д. (ср. *черноглазый*, *чернолицый*) и семантические изменения в случаях *местный*, *сторонний* (ср. *двухместный*, *трехсторонний*).

Тот факт, что деривация происходит снизу вверх, говорит в пользу структуры с двумя штрихами ([[*двух*]- и [*четырёх*]колес]ный либо [[[*двух*] ~~желее~~]- и [[*четырёх*]колес]]ный) – общей у обоих зависимых является вершинная основа, а не вся структура над зависимой основой.

Далее нам необходимо понять, который из двух механизмов, сочинение двух зависимых основ под общей вершиной, (1.197.a), [[*двух*]- и [*четырёх*]колес]ный, либо сочинение двух составляющих с фонологической редукцией совпадающего материала, (1.197.b), ([[*двух*] ~~желее~~]- и [[*четырёх*]колес]]ный)), имеет место в нашем случае. Для случая «большого синтаксиса» эта проблема подробно исследована в [Kazenin 2010; Казенин 2011]. Попробуем использовать применяющуюся там диагностику с количеством интерпретаций для сложных слов.

Рассмотрим следующие примеры:

(1.198)

[интернет]

а. Мне *повыписывали витамин, железо и йодосодержащий препарат*.

б. *Фторсодержащие алкилгалогениды, как правило, газообразные, хлор-, бром- и йодосодержащие – бесцветные подвижные жидкости...*

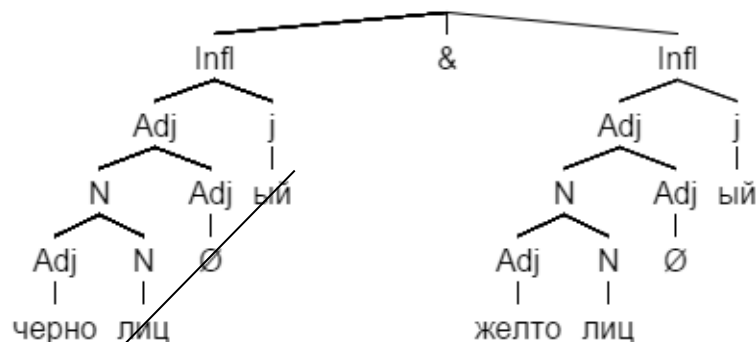
В (1.198.а) именная группа *железо и йодосодержащий препарат* подразумевает прочтение: ‘препарат, одновременно содержащий железо и йод’. В (1.198.б) именная группа *хлор-, бром- и йодосодержащие* имеет прочтение ‘хлорсодержащие вещества, бромсодержащие вещества и йодосодержащие вещества’. В случае а, таким образом, перед нами коллективное, а в б – дистрибутивное прочтение.

Дистрибутивное прочтение явно указывает на структуру с фонологической редукцией совпадающего материала, т.к. вершина (*содержащий*) может получать интерпретацию в составе каждого конъюнкта: [[D1] Н] & [[D2] Н]. Напротив, наличие совместной интерпретации ‘препарат, содержащий и железо, и йод’ может свидетельствовать как об общем зависимом при одной вершине, так и о редукции материала из второй составляющей. Структура с фонологической редукцией не исключает прочтения, в котором удаляемый элемент анализируется эквивалентно в каждом из конъюнктов: ‘препарат содержит йод и препарат содержит железо’.

Отсутствие тождественности сокращаемого материала очевидно и по примерам *двух- и трехэтажные дома, двух- и трехуровневые кровати* и т.д. В этих случаях также возможно прочтение, предполагающее наличие двух типов объектов: *двухэтажные дома и трехэтажные дома* и т.д.

Итак, (грамматичному) сочинению зависимых в русских сложных словах соответствует следующая структура:

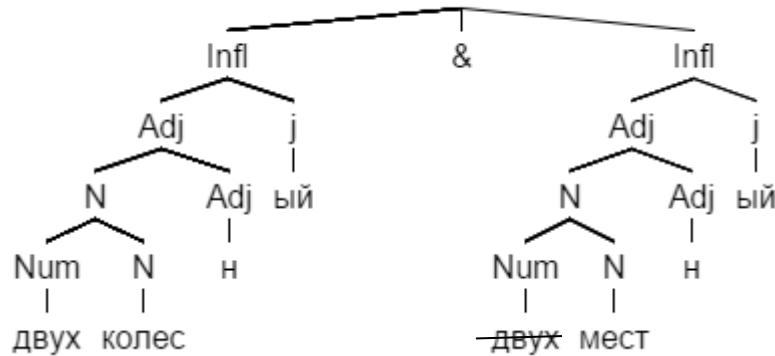
(1.199)[Infl [Adj [N [Adj *черно*] [N ~~лиц~~]] [Adj ∅]] [j *ый*]] & [Infl [Adj [N [Adj *желто*] [N *лиц*]] [Adj ∅]] [j *ый*]]

Если пытаться построить по тем же правилам (в действительности неграмматичные) случаи типа **черноглазый- и лицый*, **двухколесный- и местный* и т.д., необходимо также сочинять составляющие и элиминировать потенциальные общие части:

(1.200)

*[Infl [Adj [N [Num ~~двух~~] [N *колес*]] [Adj *н*]] [j *ый*]] & [Infl [Adj [N [Num ~~двух~~] [N *мест*]] [Adj *н*]] [j *ый*]]

Подобные структуры неграмматичны по той же причине, по которой они не могут быть образованы и в «большом» синтаксисе. Действительно, возьмем именную группу *две большие елки и две маленькие елки*. В обоих случаях имеет место последовательно левостороннее ветвление, поэтому и запреты на сочинение ожидаются одинаковые. Если образовать высказывание с сочинительным сокращением по тем же правилам, что и в (1.200) выше, т.е. удалить лишь одно крайнее левое зависимое из второго конъюнкта, мы получим: *две большие елки и маленькие елки*. Очевидно, что данный пример не эквивалентен приведенному выше *две большие елки и две маленькие елки*, иными словами – не может быть образован от него сочинительным сокращением. Единственное отличие между *две большие елки и маленькие елки* с одной стороны и **двухколесный и местный* с другой – в том, что первый случай грамматичен. Это объясняется отсутствием отдельных единиц **лицый*, **местный* (‘имеющий п мест’) и т.д.

Таким образом, сочинение, само по себе отождествляемое прежде всего с синтаксисом, не только применимо в сложных словах, но и подчиняется в этом случае тем же законам, что и при образовании именных групп. Заметим также, что сочинение, как и порядок основ, оказывается чувствительно к тому, какой элемент является вершиной, а какой – зависимым.

1.8. Немного о себе и сам

Одна из обсуждаемых ниже проблем – трансформация аргументной структуры при образовании сложных слов, в частности, – (не)возможность образования сложных слов, в которых первая основа отсылает к подлежащему. Проблема статуса подлежащего и

соотношения количества «синтаксического» и «семантического» в природе подлежащего многократно поднималась в работах отечественных исследователей, краткий обзор будет предложен ниже.

Мы затронем вкратце собственно синтаксис и типологию рефлексивных элементов, которые также получали исчерпывающее описание в отечественной теоретической лингвистике, см. [Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 1997; Тестелец, Толдова 1998; Лютикова 2002], а также [Янко Т.Е. 1999; Адамец 1993] про местоимение *сам* и др.

После обсуждения проблем, связанных со статусом подлежащего, мы перейдем к вопросу о средствах рефлексивизации в русском языке. После этого мы обсудим проблему семантических ролей (подлежащего участника) в предикации и в сложных словах. Затем будет исследовано выражение других участников, осуществляющееся сложными словами с первой частью с *сам*. Мы также кратко осветим вопрос о том, почему в русском языке столь непродуктивны сложные глаголы и почему в некоторых случаях мы наблюдаем исключения. Краткие итоги исследования будут подведены в конце работы.

1.8.1. Проблема подлежащего

Важной проблемой, лежащей в основу настоящего исследования, является возможность анализа сложных слов аналогично синтаксическим составляющим. Ниже мы попытаемся показать, что правила присваивания семантических ролей и употребления средств рефлексивизации в случае сложных слов напоминают таковые в простой предикации. Поэтому важным для нас будет вопрос о статусе подлежащего и семантических ролях, которые оно выполняет.

И.И. Мещанинов, [Мещанинов 1963, 1967] предполагал, что номинативное подлежащее русского и других (индоевропейских, финно-угорских, тюркских) языков не различает ролей субъекта непереходного и переходного глаголов. В то же время в эргативных языках универсальное кодирование получает объект, а субъект предикации оформляется в зависимости от переходности глагола эргативом или номинативом. Субъектно-объектные отношения по мнению Мещанинова универсальны, но получают разное выражение в разных языках.

В работах А.Е. Кибрика, см. [Кибрик 1992в; Кибрик 1992г] идея универсальности подлежащего и субъектно-объектных отношений была подвергнута критике. Выделяя пять типов языков с точки зрения формального кодирования разных семантических участников, Кибрик отстаивает идею о семантических гипер/ролях как причине образования той или иной падежной стратегии. Аккузативная (=номинативная) стратегия ориентирована на гиперроль протагониста (актанта, обозначающего главного участника ситуации – агенса переходного

глагола / единственного участника непереходного глагола), а эргативная стратегия – на роль фактитива («непосредственного, ближайшего, наиболее затрагиваемого участника ситуации»).

Сравнивая подлежащие в переходных, непереходных и пассивных предложениях, а также объектные аккузативные именные группы, И.Ш. Козинский, [Козинский 1983], приходит к выводу о том, что подлежащие свойства представлены в них неодинаково. Исследуя такие признаки как падеж, контроль согласования с глаголом и вторичным предикатом, а также контроль сочинительного сокращения и PRO в деепричастиях, связывание рефлексивов, образование сложных слов и некоторые другие, Козинский приходит к выводу о неоднородности подлежащих свойств у разных типов актантов в русском языке.

Можно сказать, что типологическая неуниверсальность подлежащего и отсутствие согласованности в критериях установления подлежащих свойств были убедительно продемонстрированы отечественными лингвистами. Как мы увидим ниже, в сложных словах, где отношения структурного приоритета не могут быть установлены, русский язык прибегает к использованию эмфатического рефлексивного местоимения *сам*, а не синтаксического рефлексива *себя*, см. также о проблемах взаимодействия синтаксической структуры и семантики рефлексивных элементов в [Падучева 1983].

1.8.2. Средства рефлексивизации

В работах [Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 2002] установлены следующие средства рефлексивизации в русском языке: *себя* (простой дистантный рефлексив), *сам себя* и *самого себя* (составные локальные рефлексивы), *себя самого* (составной дистантный рефлексив). В [Кибрик, Богданова 1995] также указывается на приименное и самостоятельное употребление лексемы *сам* и описаны случаи употребления *сам* в составе сложных слов.

Как и многие другие языки, см. [Лютикова 2002], русский использует простой рефлексив *себя* как для локального, так и для дистантного antecedента, в то время как составные рефлексивы *сам себя* и *самого себя* – только для случаев локального употребления. Нам, однако, не будут интересовать ограничения на локальность и другие синтаксические свойства рефлексивов, главная цель здесь – исследовать основные функции интенсифицирующих (и) рефлексивных единиц, входящих в состав сложных слов.

Как показано в [Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 2002], собственно синтаксическим рефлексивом в русском является местоимение *себя*. Присоединение к нему *сам* в различных конструкциях (*сам себя*, *самого себя*) изменяет его область связывания. Таким образом, *сам*, в противоположность *себя*, не является рефлексивом, подчиняющимся структурным ограничениям.

Возвратное местоимение *себя* также имеет синтаксический статус полной именной группы (DP), т.к. может самостоятельно отсылать к единицам такого уровня:

- (1.201) [Из произведений А. и Б. Стругацких]
- а. *Малянов_i отодвинул от себя_i пустую чашку.*
- б. *Я_i изо всех сил потряс головой и рванул себя_i за волосы.*
- с. *Мне вдруг пришло в голову, что я, может быть, ошибаюсь, что вовсе не Лев Абалкин, а на самом деле [какой-то профессиональный художник, претерпевший творческую неудачу]_i, оставил здесь после себя_i весь этот хаос.*

В примере (1.201.а) *себя* кореферентно имени собственному, в примере (1.201.б) – личному местоимению, а в (1.201.с) – именной группе с неопределенным местоимением и зависимым относительным предложением. Все такие именные группы имеют статус DP.

В то же время *сам* не является XP. Данный элемент входит в состав именной составляющей, образуя различные типы именных проекций:

- (1.202) [Кибрик, Богданова 1995: 29]
- а. *Он надеется на себя.*
- б. *Он надеется сам на себя.*
- с. *Он надеется на самого себя.*
- д. *Он надеется на себя самого.*

Пример (1.202.б) может быть проанализирован как структура с *сам* в роли «внешнего» адьюнкта именной группы, находящегося за пределами именной / предложной проекции. В случае (1.202.с) *сам*, вероятно, занимает позицию согласующегося адьюнкта внутри таких проекций. В случае (1.202.д) возможен анализ в духе плавающих (дрейфующих) кванторов, см. [Madariaga 2005a, 2006; Тестелец 2001], при котором местоимение *себя* поднимается внутри именной структуры, исходно аналогичной (1.202.с).

Как бы то ни было, местоимение *себя* отличается от *сам* тем, что способно самостоятельно отсылать к полной именной группе. «Независимые» употребления *сам* типа (1.203) ниже, как представляется, восходят к структуре с расщеплением именной проекции, где *сам* является определением к нулевому местоимению:

(1.203)

[Кибрик, Богданова 1995: 32]

... *если визитер; желает видеть Степана Богдановича, то пусть идет к нему в спальню* [сам [DP Ø_i]].

Кроме категориального статуса (XP vs. X₀) *себя* и *сам* отличаются синтаксической ролью. Местоимение *себя* является синтаксическим рефлексивом и всегда имеет командующий антецедент. В то же время *сам* может употребляться в подлежащей позиции:

(1.204)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

a. *Сам Арнольд Палыч, растянув лиловые губы в улыбку, помалкивал и садил сигарету за сигаретой.*

b. *Сам виноват, что все время треплется...*

В данных примерах *сам* входит в состав DP, либо выраженных, (1.204.a), либо не выраженных, (1.204.b), фонологически, восходя, таким образом, все к той же структуре [сам [DP Ø_i]]. Вслед за [Кибрик, Богданова 1995] можно утверждать, что за *сам* всегда стоит контрастивное / эмфатическое, а не аргументное, как за *себя*, употребление. Употребление *сам* в структуре [сам [DP Ø_i]] обычно называется приименным интенсификатором.

Отметим также, что одно из возможных употреблений *сам* – в роли подлежащего нефинитных форм, которые, как известно, неспособны приписывать признаки (именительного) падежа:

(1.205)

[Из произведений А.С. Пушкина]

Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Не веря сам своим очам, Нежданым счастьем упоенный, Наш витязь падает к ногам Подруги верной, незабвенной...

Способность *сам* к исполнению (или, скорее, замещению) роли подлежащего будет важна для нас далее.

Наконец, сравнивая структуру и функции *себя* и *сам* нельзя пройти мимо следующих фактов. Как установлено в работе [Лютикова 1997] для цахурского, синтаксические рефлексивы типа *себя* могут отсутствовать в языке как самостоятельная единица. Функция простого рефлексива в этом случае реализуется при помощи интенсификатора типа *сам*. С другой

стороны, в древнеанглийском также отсутствовали простые рефлексивы – их роль выполняло местоимение третьего лица. Возникновению современного синтаксического рефлексива *himself*, употребление которого в роли подлежащего так же невозможно (**Himself is clever*), диахронически предшествовало объединение прономинала *him* и интенсификатора *self* в единое целое, см. [Keenan 2002]. Интенсификаторы в различных языках мира являются источником развития рефлексивов достаточно часто, см. [Gast, Siemund 2006].

Из этого следует одно важное для нас наблюдение: интенсификаторы типа *сам* могут выполнять функцию синтаксического рефлексива самостоятельно, либо способствовать возникновению синтаксических рефлексивов типа русского *себя*. В последнем случае как минимум частичное пересечение функций этих двух элементов на некотором этапе развития языка также неизбежно.

Употребление *сам*, таким образом, – не синтаксическое, оно несколько напоминает употребление дейктических местоимений *этот*, *тот* и т.д. – в обоих случаях происходит перебор некоторого количества потенциальных участников ситуации и выбор наиболее подходящего из них. Функцией *сам* является коррекция ожиданий слушающего о том, кто именно ответственен за совершение некоторого действия, см. [Кибрик, Богданова 1995].

1.8.3. Сложные слова и выражение семантических участников

В работе [Пазельская 2013] сформулировано и исследовано интересное наблюдение о невозможности образования сложных глаголов в русском языке, см. также [Гращенко 2017]. Действительно, при наличии сложного существительного *деревобработка* и сложного прилагательного с причастной морфологией *деревобрабатывающий* глагола **деревобрабатывать* в русском нет.

В той же статье А.Г. Пазельской приводятся некоторые исключения из указанного правила, которые автор, вслед за [Янко-Триницкая 2001], анализирует как примеры «обратного словообразования». От имен *психоанализ*, *сенокос* и т.д. образуются глаголы *психоанализировать*, *сенокосить* и т.д., примеры из [Янко-Триницкая Н. А. 2001]; добавим, что такое же направление деривации, скорее всего имеется в русских сложных глаголах на *свое-*: *своевольный* → *своевольничать*, *своенравный* → *своенравничать* и т.д.

В той же работе А.Г. Пазельской приводится другой тип исключений из сделанного автором обобщения: сложные глаголы регулярно образуются с первыми компонентами *само-* и *взаимо-*; в качестве первоисточника примеров приводится книга Е.А. Земской [Земская 2005]: *самосохраняться*, *самоудобряться*, *самоускоряться*, *самоограничиваться*, *самоорганизоваться*.

Анализ, предлагаемый Пазельской для объяснения грамматичности *деревообработка* и *деревообрабатывающий* и неграмматичности **деревообрабатывать*, основывается на различиях в структуре номинализаций и адъективных образований с одной стороны и сложных глаголов – с другой. По мнению автора, деривационные показатели причастия (и, вероятно, номинализации) присоединяются в синтаксической структуре глагольной группы достаточно низко, до присваивания падежа. Напротив при попытке образования глагола **деревообрабатывать* «внутри» словоформы оказывается падежный признак прямого объекта, что невозможно – падежное значение в русском языке не может приписываться внутри словоформы, ср.: **полотенцасушитель*, **икрыметание* и т.д.

Грамматичность слов с первой основой *само-* и *взаимо-* в [Пазельская 2013] объясняется тем, что данные единицы представляют собой фактически «показатель рефлексивизации, т.е. преобразования глагольной/именной основы из активного залога в возвратный... [П]оказатель рефлексива является поверхностным выражением оператора, который удаляет (reduce) из глагольной структуры семантическую роль, ассоциированную с внутренним аргументом, если она референциально совпадает с внешним аргументом... Всё это происходит существенно раньше приписывания падежей ... поэтому никаких препятствий для существования глаголов с *само-* (и, аналогично, *взаимо-*) в русском языке нет», [Пазельская 2013].

Данное объяснение, однако, требует определенных уточнений. Во-первых, функции *сам* в составе сложных слов не ограничиваются лишь прямым объектом, часто *сам* заменяет и других участников, ср.: *самовлюбленный*, *самонадеянный* и т.д. Во-вторых, помимо объектного участника *сам* всегда выполняет еще и подлежащую функцию, т.е. тезис о том, что семантическая роль объекта (и именно она) устраняется при помощи *сам*, необходимо специально доказывать. Наконец, указанную функцию по удалению роли внутреннего аргумента выполняет скорее возвратная частица *-ся* – она гораздо более регулярно встречается и в глагольных, и в причастных дериватах. При этом очень часто (если не всегда) в глаголах, допускающих рефлексивизацию с участием *-ся*, возможно также употребление *само-*: *самозакручивающийся*, *саморегулирующийся* и т.д. Каков вклад морфемы *само-* в таких случаях? Ниже мы обсудим эти и некоторые другие проблемы, связанные с семантическими и синтаксическими функциями *сам* в сложных словах.

Другой известный подход, восходящий к работе [Baker 1985] и продолженный в других исследованиях, связывает образование сложных слов с так называемой инкорпорацией. Согласно [Baker 1985] структуры с инкорпорацией образуются аналогично простому предложению. Инкорпорируемая вершина при котором передвигается из позиции вершины объектной именной группы в состав глагольной словоформы. Для инкорпорации, однако, характерно одно ограничение: она наблюдается лишь для прямого объекта. Механизм,

применяемый для объяснения инкорпорации, невозможно распространить на косвеннообъектных участников – образование сложных слов в русском, таким образом, не связано с инкорпорацией.

Далее, со времен диссертации Алека Маранца, [Marantz 1981: 47-53], было известно об асимметрии семантической роли подлежащего и других участников. Так, объектные роли теснее связаны с лексическим значением глагола, что выражается, например, в отсутствии идиом с подлежащими, ср. *бить баклуши, валять дурака* vs. **Дурак валяется, *Баклуши бьются*. В русском языке сложные слова, в которых первая основа восходила бы к подлежащему, достаточно редки, одно из регулярных исключений – образования с *сам*, о чем речь пойдет ниже.

Насколько нам известно, впервые асимметрия подлежащего переходного глагола и других участников при образовании сложных слов засвидетельствована на русском материале в [Козинский 1983]. В работе [Богданов 2011: 42-43] приводятся примеры сложных слов с субъектной функцией первой основы *кровотечение, снегопад, пылеобразование*, к которым можно добавить также *ледоход, водопад, листопад* а также *горообразование, богоявление, солнцестояние* и другие примеры, см. также [Тестелец 2001: 340-341]. Как замечено в [Богданов 2011] вслед за [Marantz 1981] и другими работами, данные исключения представлены неаккузативными глаголами, т.е. такими одноместными предикатами, единственный участник которых носит неагентивную роль. При этом сложные слова с явной агентивной первой частью, по всей видимости, в русском языке отсутствуют, ср.:

(1.208)

a. <i>человеколюбивый</i>	←	*‘такой, которого любят люди’
vs. ‘такой, что любит людей’
b. <i>насекомоядное</i>	←	*‘то, что едят насекомые’
vs. ‘животное, которое ест насекомых’
c. <i>волкодав</i>	←	*‘тот, которого давят волки’
vs. ‘тот, кто давит волков’
d. <i>работорговец</i>	←	*‘тот, кем торгуют рабы’
vs. ‘тот, кто торгует рабами’
e. <i>импортзамещение</i>	←	*‘замещение импортом своей продукции’
vs. ‘замещение импорта своей продукцией’

Таким образом, глагольные основы в сложных словах присваивают (первым) именным основам только роли (неагентивных) внутренних участников.

В связи с обсуждением отглагольных сложных прилагательных и выражаемых ими семантических ролей представляется интересным еще одно замечание. Как мы уже сказали, что в идиомах, что в сложных словах, глагол может приписывать своим зависимым лишь роли внутренних участников (пациенса, темы и т.д.). С этим, кажется, согласно большинство исследователей. Примечателен, однако, тот факт, что в случае сложных прилагательных с адъективной и причастной морфологией субъектная роль все-таки присваивается – тому участнику, который выражается вершинным именем (и его зависимыми):

(1.209)

водоотводный канал – ‘канал, отводящий воду’

кормозаготовительный комбинат – ‘комбинат, заготавливающий корм’

солнцевыносливое растение – ‘растение, хорошо переносящее солнце’

звуковоспроизводящая аппаратура – ‘аппаратура, которая воспроизводит звук’

воздухоплавающие суда – ‘суда, плавающие по воздуху’

Несмотря на то, что функция субъекта все-таки доступна, набор семантических участников, которые могут ее реализовывать, опять-таки ограничен. А именно, собственно агентивное прочтение вершинного имени-субъекта в подобных случаях невозможно:

(1.210)

**водоотводный / *водоотводящий рабочий*

**кормозаготовительные / *кормозаготавливающие фермеры*

**солнцевыносливые / *солнцевыносящие аборигены*

**звуковоспроизводящие / *звукоподражающие птицы*

**воздухоплавательные / *воздухоплавающие рыбы*

Примеры выше становятся неграмматичными в контексте одушевленного подлежащего-вершинного имени. Например, можно найти случаи употребления именной группы *воздухоплавающие рыбы*, однако все они связаны с описанием механического макета рыбы, в то время как для рыб, которые могут совершать перелеты по воздуху, употребляется термин *летающие*.

Еще одно наблюдение над употреблением сложных адъективов связано с тем, что они имеют генерическое прочтение. Действительно, в примерах *кормозаготовительный /*

кормозаготовливающий комбинат, звуковоспроизводящая аппаратура речь идет не о комбинате, который сейчас заготовливает корма и не об аппаратуре, в данный момент воспроизводящей звук. Сложные адъективы *кормозаготовительный / кормозаготовливающий, звуковоспроизводящий* и т.д. определяют предназначение и стандартные функции объекта, т.е. имеют генерическое прочтение. Роль агенса, опять-таки, оказывается недоступна, в том числе – потому, что агенс предполагает возможность актуально-длительного прочтения.

Итак, суммируем основные результаты обсуждения проблемы семантических ролей в сложных словах: i) в русском языке возможны сложные слова, в которых первая основа соответствует некоторому семантическому участнику (*деревообработка*); ii) субъект может быть выражен первой основой только в том случае, если он соответствует внутреннему, неагентивному участнику (*ледоход*); iii) роль одушевленного агенса недоступна в сложных отглагольных прилагательных для вершинного имени-субъекта (**водоотводящий рабочий*); iv) в русских глаголах «инкорпорация» участника происходит крайне редко, при этом изрядная часть таких исключений – сложные глаголы с первой основой на *само-*. Как мы покажем ниже, *сам* в сложных словах регулярно заменяет подлежащее, не нарушая при этом обобщения о запрете агентивного участника.

1.8.4. Рефлексивные элементы и их роль в сложных словах

Ниже мы опишем поведение *сам* в сложных словах, а именно, – его употребление в роли субъекта, а также прямого и косвенных объектов. После определения основных функций *сам* в сложных адъективах и именах будет проанализировано употребление *сам* с глаголами.

1.8.4.1. Субъектное *сам*

Как мы считаем, основной функцией *сам* в составе сложных слов является отсылка к субъекту действия. В приведенных ниже сложных адъективах *сам* имеет только субъектную интерпретацию, основная масса примеров взята из словаря А.А. Зализняка:

(1.211)

[Зализняк 1980]

а. *самодействующий, самопишущий, самовсасывающий, самоговорящий, самозаписывающий, саморегистрирующий, самосогласованный ...*

б. *самоходный, самоплавкий, самозарядный, самодельный, ...*

Отметим, что большинство приведенных сложных адъективов в (1.211) образовано от переходных глаголов, исключение здесь составляют *самодействующий* и *самоходный*. Как представляется, с переходными глаголами в этих случаях происходит детранзитивизация с элиминацией пациенса: *самозаписывающий* теряет внутреннего участника и приобретает

значение ‘самостоятельно осуществляющий процесс записи’ и т.д. В примерах ниже объектная именная группа у таких сложных слов восстанавливается из контекста (*вытаскивает машину, разгружает груз* и т.д.):

(1.212)

[интернет]

А на случай, если все же застрянет в болоте, есть самовытаскивающий механизм.

Саморазгружающий агрегат, благодаря которому можно быстро доставить большее количество строительных материалов.

Скажем несколько слов о приписываемых *сам* семантических ролях. В приведенных примерах *сам* не может соответствовать одушевленному агенсу (**самопишущий ребенок*) и как правило задает неодушевленный каузатор (*самопишущее устройство*) или претерпевающее (*самоплавкий материал*).

Можно таким образом констатировать отсутствие агенса, который в соответствии с современными представлениями синтаксистов (прежде всего – минималистского направления), присваивается на максимальном уровне глагольной проекции, vP, см. [Chomsky 1995]. Другие роли, оказывающиеся доступными для выражения в сложных словах, присваиваются в более низких позициях.

Аналогичную картину можно наблюдать и в случае существительных. Посессор занимает наиболее высокую структурную позицию среди других потенциальных участников у существительного, см. [Лютикова 2014] и приведенные там ссылки. Если бы посессор допускался в первой части сложных слов, в русском языке были бы возможны образования типа **птицегнездо* (‘гнездо птицы’), **стулоножка* (‘ножка стула’) и **отцедом* (‘дом отца’). Таким образом, ни в случае глагольных, ни в случае именных проекций максимально высокие участники не могут кодироваться первыми частями сложных слов.

Рассмотрим также сложные существительные. В (1.213.a) представлены примеры, демонстрирующие субъектные дериваты с *сам* со значением процесса от непереходных глаголов (*возгораться, разлагаться, тормозиться* и т.д.). В (1.213.b) представлены неодушевленные имена деятелей, у которых *сам* также выполняет подлежащую функцию, и *сам*, и все сложное имя, соответствует неодушевленному каузатору:

(1.213)

[Зализняк 1980]

a. *самоторможение, самозарождение, самодвижение, самовозгорание, саморазложение, ...*

b. *самоподаватель, самопрялка, самосвал, самосейка, самоход, самоходка, ...*

Единственный случай, когда *сам* действительно представляет пример одушевленного агенса – имена деятеля типа *самоубийца*, где источником агентивной семантики является не глагольная основа и привносимая ей функциональная структура, а суффикс со значением агенса *-(е)ц* и др., см. также [Кибрик, Богданова 1995: 43-44].

Несмотря на недоступность агентивного / посессивного участника, *сам*, по мнению некоторых исследователей, ориентирован на максимально высокую из имеющихся семантических ролей, является так называемым интенсификатором, ориентированным на роль актора (*actor-oriented reflexive*), см. [Gast, Siemund 2006]. Гиперроль актора объединяет агентивного участника с имеющимися в отсутствии агенса неагентивными ролями. Акторно-ориентированный интенсификатор – еще один тип рефлексивизации наряду с синтаксическим рефлексивом (русское *себя*) и приименным интенсификатором (русское *сам*). Характерными для употребления интенсификатора являются примеры (1.214-1.215). В первом случае *сам* ориентирован на агентивного участника, во втором – на неодушевленный каузатор:

(1.214) [Из произведений Л.Н. Толстого]

Я на дешевом товаре всегда платье девушкам покупаю сама.

И всех она кормила сама.

(1.215) [Из произведений Л.Н. Толстого]

... и опять бы поднимался кверху, и опять спускался - так, чтобы мельница ходила сама.

Эта сила сама находит, по степени своего развития, известный образ деятельности.

В ряде языков акторно-ориентированный интенсификатор объединяется с приименным интенсификатором (например, в русском или литовском), но может также выражаться независимо или объединяться с рефлексивом, см. [Gast, Siemund 2006].

1.8.4.2. сам или себя?

Единственный случай образования сложных слов с рефлексивным местоимением *себя* представлен дериватами от основы *люб*: *себялюбивый*, *себялюбец*, *себялюбие*. Модель с местоимением *себя* непродуктивна и, вероятнее всего, восходит к моделям древнерусского / церковнославянского языков. Так, в словаре Срезневского [Срезневский 1983] находим несуществующее в современном русском *себевластный* в знач. ‘самостоятельный’.

Все остальные рефлексивные образования представлены первой основной *сам*. Скорее всего, основная причина, по которой *себя* не может входить в состав сложных слов, – неспособность морфологии оперировать с составляющими, т.е. элементами уровня XP. Во всех

случаях, когда в рамках сложного слова необходимо образовать рефлексив, используется *сам*, имеющий, как мы предположили выше, статус X_0 :

(1.216)

а. *самозванный, саморазрушительный, самопровозглашенный, саморазрушающий, самоотверженный, ...*

б. *самосовершенствование, самосожжение, самосохранение, самоубийство, ...*

1.8.4.3. Кодирование прямого объекта

Для переходных глаголов и образованных от них причастий наиболее продуктивное средство кодирования прямого объекта при рефлексивизации – возвратная частица *-ся*. Если говорить об интересующих нас здесь первых частях сложных слов, то они так же могут быть выражены при помощи *сам*, имеющего функцию субъекта и объекта одновременно. В случае (активных) причастий *сам* может употребляться одновременно с рефлексивным *-ся*, в то время как отглагольные имена, которые в русском языке не сочетаются с *-ся* (**самоокупаниеся*), присоединяют только *сам*:

(1.217)

а. *самовзрывающийся, самодвижущийся, самопрограммирующийся, самообучающийся, самоопрокидывающийся ...*

б. *самолечение, самосожжение, самосозерцание, самоокупание, самообразование, самоубийство, самохвальство, самообман, самопогрузчик, самонакладчик, самозванец ...*

В случае причастий первая часть *сам* и возвратная частица *-ся* совместно выполняют функции субъекта и объекта. Это употребление похоже на составной рефлексив *сам себя* (*Она сама себя высекла*). В отглагольных именах, где *-ся* невозможно, *сам* соответствует и субъекту, и объекту (*самообман* – ‘*X сам обманывает себя*’), см. также [Кибрик, Богданова 1995: 44].

Отметим, что и в причастиях на *-ся* возвратная частица может опускаться, и тогда объектная (равно как и субъектная) функция также выражается только при помощи *сам*:

(1.218)

а. ... как вязать самосбрасывающийся узел, который распускается при отсутствии натяжения верёвки?

а'. ...если кузов опрокидывающийся, то нужен самосбрасывающийся узел ...

в. Первый самодвижущийся транспорт, купленный своему ребенку ...

в'. Погрузчики – это самодвижущий подъемный транспорт...

Итак, в сложных дериватах от переходных глаголов мы наблюдаем исполнение первой основной *сам* роли прямого объекта в двух случаях: i) при опущении *-ся* у активных причастий (*самосбрасывающийся* = *самосбрасывающий*) и ii) в номинализациях (*самолечение*).

В простой предикации в современном русском языке одиночное употребление *сам* возможно лишь в позиции подлежащего, ср. *Сам виноват* и т.п. Опущение *себя* в составных рефлексивах невозможно, ср.: *Она сама себя высекла* ≠ *Она сама высекла*. Если, однако, вспомнить приведенные выше примеры цахурского и древнеанглийского языка, можно объяснить употребление *сам* в сложных словах в функции прямого объекта. Выполняющее одновременно функции и субъекта, и прямого объекта *сам* засвидетельствованы типологически и диахронически, и, следовательно, также не удивительны в случае русских сложных слов.

Выше, при обсуждении субъектного употребления *сам* в сложных словах, мы установили, что роль одушевленного агенса как правило недоступна. Следующие примеры имен действия с *сам* нарушают на первый взгляд это наблюдение:

(1.219)

[Из произведений Г.С. Померанца]

Огромную роль в Асином самолечении играл характер, какая-то неистощимая любовь к жизни и душевная щедрость.

(1.220)

[Из произведений А.А. Образцова]

Но именно самолюбие, самоуважение Захарьина и заставляли его страдать от необычайной пронизательности мисс Лопес.

Агенсом в именных группах *Асино самолечение*, *самолюбие*, *самоуважение Захарьина* является посессор, выраженный препозитивной притяжательной формой в первом случае и постпозитивным генитивом во втором.

Мы, однако, предполагаем, что семантическая роль агенса недоступна в этих случаях, как это и утверждалось нами выше. Как нам кажется, в именных группах *Асино самолечение*, *самоуважение Захарьина* роль агенса присваивается не в рамках глагольной, а в именной структуре. Получение *сам* агентивной интерпретации происходит аналогично случаям, когда агенсодержащие абстрактные имена образуются без участия глагольной проекции: *портрет Репина*, *дом архитектора Баженова*, *произведения Гоголя*. Агентивное прочтение может быть связано или с отдельным уровнем именной проекции или может «наводиться» прагматически

как одна из трактовок посессора. В случаях *Асино самолечение, самоуважение Захарьина* агенс заимствуется из именной структуры, а *сам* соответствует пациентивной роли, ср.: *Асино лечение, уважение Захарьина*, где пациент не выражен и не (обязательно) совпадает с агенсом.

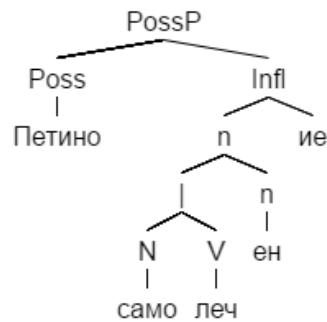
Агентивная интерпретация у активных причастий обычно затруднена:

(1.221)

??*самолечающийся* (пациент), ??*самообразующийся* (школьник), ??*саморазоблачающийся* (преступник), ...

В случаях, когда *сам* соответствует (псевдо)агентивному прочтению (*самолечение* и т.д.), данное местоимение ориентируется не на внутреннюю структуру сложного слова, а на надстраиваемую над ней проекцию именной группы:

(1.222) [PossP [Poss *Петино*] [Infl [n [N *само*] [V *леч*]] [n *ен*]] *ие*]

Таким образом, *сам* может быть связано и с участником, находящимся за пределами сложного слова.

1.8.4.4. *сам* в роли косвенных участников

В отличие от возвратной частицы *-ся сам* может употребляться не только в роли прямого объекта. В следующих примерах *сам* замещает косвеннопадежных участников:

(1.223)

самодовольный – *довольный сам собой*

самоуправление – *самому управлять собой / своими делами, ...*

самовлюбленный – *влюбленный сам в себя*

самонадеянный – *надеющийся сам на себя*

самоуверенный – *уверенный сам в себе*

Отдельная группа случаев с косвеннопадежным управлением представлена примерами, в которых *сам* соответствует генитивному или другому косвеннопадежному зависимому (непроизводных) имен с аргументной структурой, см. также [Кибрик, Богданова 1995]:

(1.224)

[Зализняк 1980]

самогипноз, самоанализ, самоиндукция, самоконтроль, самокритика, самоликвидация, самоорганизация, самопресс, самореклама

Случаи выше соответствуют ситуациям ‘гипнотизирование себя X’ом’, ‘анализ себя X’ом’ и т.д. В данных примерах *сам* соответствует внутреннему участнику (тот, кого гипнотизируют, анализируют и т.д.), но при этом ориентирован также и на внешнего участника (гипнотизирующего, анализирующего и т.д.). Поскольку роли агенса и посессора, как мы видели выше, не могут быть присвоены второй основной сложного слова (*импортзамещение* ≠ ‘замещение импортом своей продукции’, **птицегнездо*), агентивная роль присваивается подобно описанному выше случаю именных групп типа *портрет, самолечение* и т.д.

1.8.4.5. **Функции сам в сложных словах: итоги**

Итак, *сам* в сложных словах может соответствовать:

- i) (одному только) подлежащему, задающему пациенс либо каузатор (но не агенс): *самопишущий, самоплавкий, самоторможение, самосвал*;
- ii) подлежащему и прямому объекту: *самосбрасывающийся (самосбрасывающий), самолечение, -ся* в таких случаях иногда опускается и *сам* соответствует обеим ролям;
- iii) в случае имен от переходных глаголов (*самолечение, самолюбие, самоуважение,...*) *сам* может соответствовать агенсу, однако агентивное прочтение в этом случае связано с позицией посессора в структуре именной группы и не восходит к внутренней структуре сложных слов;
- iv) *сам* также может заменять также косвеннопадежных участников;
- v) функция *сам* в сложных словах – интенсификатор, ориентированный на актор, наиболее высокий из доступных семантических участников.

1.8.4.6. ***сам, но не себя* – X₀ vs. XP**

Одна из причин, по которой в русских сложных словах необходимо употреблять *сам*, а не *себя* – категориальный статус единиц: X₀ у *сам* vs. XP в случае *себя*. Эта причина, однако, не единственная.

Обсуждая рефлексивизацию в сложных словах, мы видели, что *сам* часто выполняет ту же функцию, что и *себя* в простой предикации. Основная функциональная особенность *сам* состоит в том, что *сам* не может не соответствовать субъекту ситуации – в отличие от местоимения *себя*, которое никогда не бывает субъектом. При этом *сам* может соответствовать прямому объекту и другим косвеннопадежным участникам. Обязательная субъектная роль *сам* проявляется в случае простой предикации в составных рефлексивах *сам себя* и *самого себя*, где *сам* всегда указывает на подлежащее той же клаузы.

Рассмотрим еще раз причастные образования на *сам-...-ся*: *самодвижущийся*, *самообучающийся* и т.д. В подобных случаях очевидно, что *сам* не занимает позицию прямого объекта – совместное употребление *сам* и *-ся* исключает такую возможность, прямому объекту, безусловно, соответствует *-ся*. Как мы установили, *сам* в подобных случаях ориентировано на актор и не занимает аргументной позиции, о чем говорит возможность употребления одновременно с *-ся*. В то же время *сам* может выполнять и функции прямого объекта (*самовытаскивающий*, *самолечение*) – в таких случаях *сам* начинает играть роль и рефлексива, и интенсификатора, ср. с употреблением интенсификатора в цахурском или эволюцией английского рефлексива.

Чтобы понять, универсален ли запрет на использование *себя* в сложных словах, обратимся к образованию сложных слов в литовском языке. В литовском также существуют и синтаксический рефлексив, и интенсификатор:

(1.225)литовский

[Holvoet 2003]

Jis mato save veidrodyje.

Он видит себя в.зеркале

Он видит себя в зеркале.

(1.226)литовский

[Lyberis 2005: 560]

Ji pati viską daro.

Она сама всё делает

Она сама все делает.

Сложные слова при этом образуются с *save* ‘себя’, а не с *pàts* ‘сам’:

(1.227)литовский

[Lyberis 2005: 700]

savadarbis – ‘самодельный’

savavaldis – ‘самоуправляющийся’

savamokslis – ‘самоучка’

savimeilė – ‘самолюбие’

savižina – ‘самопознание’

saviveikla – ‘самодеятельность’

Несмотря на то, что ограничение на ветвящиеся проекции (XP), скорее всего, действует и в литовских сложных словах, см. [Rimkutė et al. 2016], это не препятствует употреблению рефлексива *sav* ‘себя’. Мы уклонимся здесь от детального исследования вопроса о том, может ли основа литовского *sav* иметь вершинный статус X_0 и если нет, каким образом XP оказываются допустимы в литовских сложных словах.

Интересным выводом, который позволяет сделать сравнение русского и литовского материала представляется следующий. В случае простой предикации язык имеет три типа рефлексивных средств: собственно рефлексив, приименной интенсификатор и акторно-ориентированный интенсификатор. Используемые в них средства могут совпадать или не совпадать формально, см. [Gast, Siemund 2006]. Рефлексивный контекст в сложных словах – еще одна возможность употребления средств рефлексивизации. Выбирая рефлексивное средство для сложных слов, язык, вероятно, также может выбирать, использовать ли ему синтаксический рефлексив (литовский), интенсификатор, ориентированный на актор (русский) или приименной интенсификатор (английский, ср. *self-destruction* и т.д.).

1.8.4.7. Сложные глаголы с *сам*

Итак, чуть выше мы установили, что *сам* не занимает позицию аргумента в сложных словах, как это имеет место в случае прямых (*деревобрабатывающий*) или косвенных (*пуленепробиваемый*) объектов. Употребление *сам* в сложных словах имеет, скорее всего, адьюнктивную природу. Как нам представляется, *сам* является адьюнктом очень низкого уровня, т.е. включается в состав глагольной проекции на самом раннем этапе деривации. Об этом говорит, например, возможность употребления *сам*, ориентированного на пациентивного участника: *Яблоки сгнили сами* и т.д.

Обратимся теперь к русским сложным глаголам. Как мы помним, сложные глаголы в русском языке практически отсутствуют, исключение составляют как раз образования на *само* (и реже – *взаимо*). Глаголы с *сам* в современном русском допустимы лишь с рефлексивными элементами:

(1.228)

самообучаться, самоопыляться, самоумерщвляться, самосохраняться, самоудобряться, самоускоряться, самоограничиваться, самоорганизоваться, самоуплотняться, самоуспокаиваться, самоустраняться, самоутешаться, самовосстанавливаться, самоокупаться, самовозгораться, самообольщаться, самоопределяться, самовыразиться, саморазоблачаться, ...

Обнаруживаемая в словаре Зализняка небольшая группа глаголов с *сам*, не содержащих постфикса *-ся*, явно относится к предыдущим этапам существования русского языка:⁴⁶

(1.229)

[Зализняк 1980]

самоуправствоваться, самоуправничать, самохвальничать, самохвальствоваться, самочинствоваться, самовластвоваться

Как мы установили выше, *сам* не занимает аргументную позицию (прямого / косвенного объекта и т.д.). Примечательно, что *сам* при этом не может употребляться и в отсутствии рефлексивизации, при выраженном прямом объекте:

(1.230)

а. **Петя самообучил своих детей.*

Потенциально возможное прочтение: 'Петя обучил своих детей сам'.

б. **Растение самоопыляет соседние цветы.*

Потенциально возможное прочтение: 'Растение опыляет соседние цветы само'.

Интересно в этом случае употребление рефлексива *себя*, который может использоваться с некоторыми глаголами на *само* вместо частицы *-ся*:

(1.231)

[интернет]

а. *Я ни разу нигде не читал, чтобы японцы, китайцы, америкосы и др. достойные народы так самобичевали себя.*

б. *А я саморазоблачил себя, подсчитав, сколько я заплатил и сколько должен был заплатить.*

⁴⁶ Подразумевается, естественно, появление данных глаголов в предыдущие эпохи, а не полная невозможность их употребления в современном русском. Что невозможно в современном русском – так это продуктивное образование глаголов с *сам* без *-ся*, ср. **самодействовать*.

Можно заключить, что *сам* в переходных сложных глаголах обязательно ориентировано и на агентивного (либо другого максимально высокого в иерархии семантических ролей), и на пациентивного участника одновременно. Этим употреблением *сам* в сложных словах напоминает составные рефлексивы *сам себя* и *самого себя* – это особенно заметно в случаях типа *саморазоблачил себя* и т.п.

Что касается возможности образования сложных глаголов с *сам* и неграмматичности сложных глаголов с другими первыми частями, мы предлагаем здесь следующее объяснение. Сложные слова в русском языке должны быть лицензированы деривационной морфологией, ср.: *дерев^ообраб^{от}к^а*, *дерев^ообраб^{ат}ывани^е*, *дерев^ообраб^{ат}ывающ^{ий}*,... Скорее всего, вербализаторы, допускающие присоединение более чем одной основы в русском языке запрещены – в отличие от адъективизаторов и номинализаторов. Разную степень чувствительности деривационных морфем к «уровню сложности» материала, который она оформляет, мы наблюдали, например, на контрасте вида *обучающийся* vs. **обучениеся*.

Наконец, необходимо ответить на вопрос о том, как образуются сложные глаголы с *сам*, если деривационная морфология в русском не может оформлять комплексы из более чем одной основы. Наш ответ здесь в целом похож на анализ, предложенный в [Пазельская 2013]. Мы предполагаем, что *сам* в комплексе с *себя* – последнее отличает наш анализ от [Пазельская 2013] – является рефлексивным средством. Комплекс *сам--ся* выполняет функции, аналогичные *сам себя* и *самого себя* в простой предикации – устанавливает, что внешний и внутренний участники описываемого действия идентичны и что (вопреки возможным ожиданиям) действие выполняется именно данным участником самостоятельно.

1.8.5. Итоги: *сам* в сложных словах как свидетельство отсутствия доминирования и си-командования

Внутри сложных слов нет места таким синтаксическим явлениям как си-командование, падеж, согласование и т.д. С некоторых позиций исследование структуры сложных слов равносильно исследованию их аргументной структуры. Как мы постарались показать, местоимение-интенсификатор *сам*, в простой предикации ориентированное на подлежащее, в сложных словах имеет иные правила употребления.

Ни *сам*, ни другие аргументы не могут получать агентивных ролей в составе сложных слов, стоящие за ними участники – это обычно каузатор или пациенс, но не агенс. Далее, употребление *сам* в сложных словах всегда ориентировано на актора – максимально высокую допустимую роль. Одновременно с этим *сам* может выполнять роль прямого (*самосбрасывающийся* = *самосбрасывающий*, *самолечение*) или косвенного (*самоуверенный*) объекта. Агентивное прочтение в случаях *самолечение* и т.д. восходит к посессивной /

агентивной роли, приписывающийся в именной группе, за пределами словоформы, т.е. не имеет источника в структуре сложного слова.

Грамматичность русских глаголов на *само* связана с тем, что *сам* в этом случае образует единый комплекс с рефлексивными средствами, *-ся* или *-себя* (реже). В целом сложные глаголы в русском языке непродуктивны – это, скорее всего, связано с неспособностью вербализующих показателей оформлять синтаксические комплексы из более чем одной основы (в противоположность номинализаторам и адъективизаторам).

Тот факт, что *сам* в русских сложных словах используется в функции рефлексивного показателя, не случаен: в языках мира рефлексивные функции могут осуществляться интенсификатором, диахронически также засвидетельствовано развитие рефлексива из интенсификатора.

Типологически возможны разные стратегии рефлексивизации в сложных словах. Литовский язык использует для кодирования семантических участников синтаксической рефлексив (подобно русскому *себялюбие*), в то время как русский прибегает к использованию акторно-ориентированного интенсификатора. Последняя стратегия отличается тем, что предполагает обязательное указание на актора (и самостоятельность / неожиданность исполнения действия именно им) и в целом более широкий репертуар участников.

1.9. Выводы по Главе 1

Выше мы рассмотрели некоторые ограничения на структуру сложных слов, связанные с количеством ветвлений, направлением ветвления, а также с сочинением и рефлексивизацией внутри сложных слов.

Мы отталкивались от того, что в основе сложных слов лежат синтаксические составляющие определенного типа. Как было обнаружено при этом, комбинации более чем двух моделей образования сложных слов невозможны. Мы также установили, что зависимые в сложных словах всегда располагаются слева от своей вершины. Из этого следует, что отношение «вершина-зависимое» определено уже в самом начале деривации основы к этому моменту уже обладают определенной категориальной принадлежностью.

Мы предположили, что существует два типа лейблинга: категориальный (N, V, Adj,...) и фразовый (X_0 vs. XP). Анализ русских сложных слов показывает, что в морфологии существует (и необходим) фразовый лейблинг, но невозможен при этом категориальный лейблинг. Таким образом, морфология скорее является не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса, но ограничена типом элементов, операции над которыми производятся

Основываясь на анализе сложных слов, мы сделали также некоторые предположения об устройстве «большого» синтаксиса, т.е. организации составляющих в простой предикации. Синтаксис ХР-элементов отличается от синтаксиса Х₀-элементов тем, что он требует, чтобы составляющие стояли в определенной морфологической форме (падеже, нефинитной форм, ...). Данное требование отсутствует в «малом» синтаксисе, т.е. при построении слов, т.к. элементами, с которыми оперирует морфология являются не словоформы, а основы, лишенные данных признаков. Далее категориальное маркирование составляющих происходит уже на уровне корня и распространяется на всю проекцию, наследуясь при каждом следующем слиянии, как внутри синтаксической вершины, так и за ее пределами.

Подобное «распределение обязанностей» было проиллюстрировано на материале предлогов и связанных с ними проекций. В предложной группе существительное является вершиной с точки зрения категориального признака всей проекции (N). В то же время, предлог проявляет вершинные свойства, требуя от составляющей определенной падежной формы.

Мы также сделали некоторые другие предположения о ходе синтаксической деривации. А именно, фразовый лейблинг является «побочным продуктом» последовательного слияния элементов. Однократное слияние не приводит к маркированию фразовым показателем, однако при двукратном (или более) слиянии результирующий элемент получает маркер составляющей ?P. Составляющие – элементы, чья глубина равна двум или более ветвлениям, необходимо отличать от элементов Х₀ для того, чтобы устанавливать в них отношения доминирования, командования и т.д. Наличие фразового ярлыка ?P отличает, таким образом, синтаксис синтаксиса от синтаксиса морфологии, оперирующей только с Х₀-элементами.

О синтаксической природе (сложных) слов свидетельствует также способность к сочинению и ограничения, налагаемые на результирующие словоформы. Например, сочинение, как и порядок основ, оказывается чувствительно к тому, какой элемент является вершиной, а какой – зависимым.

Исследование сложных слов с *сам* показывает, что употребление данного местоимения как средства рефлексивизации восходит к его функциям в простой предикации. Интенсификаторы типа *сам* засвидетельствованы в качестве рефлексива типологически и диахронически. Русское *сам* выполняет роль прямого и косвенного объекта в сложных словах и одновременно с этим, как свойственно и рефлексивам типа *сам себя* или *самого себя*, оказывается ориентировано на максимально высокую из доступных семантических ролей.

Мы также рассмотрели материал некоторых тюркских, монгольских и нахско-дагестанских языков, где структуры, подобные русским сложным прилагательным, являются скорее единицами синтаксиса, а не лексикона. Такие атрибутивные группы представляют собой «малые составляющие» – они, вероятно, не могут быть проекцией уровня DP и иметь

полноценный падежный признак, однако способны оформлять приименную зависимость не отдельной словоформы, а группы словоформ. Можно заключить, что в тюркских, монгольских и нахско-дагестанских языках границы между лексиконом и синтаксисом несколько смещены в сторону синтаксиса по сравнению с русским. Эти языки, однако, демонстрируют «проникновение» синтаксиса в лексикон несколько иначе: одни и те же показатели обслуживают в них образование новых прилагательных и указанную функцию атрибутивизации составляющих. Противопоставление адъективизации и атрибутивизации мы более подробно исследуем на русском материале в Главе 5.

Итак, и в синтаксисе, и в морфологии действуют одни и те же правила слияния элементов. Различие между ними – в том, какого рода «строительный материал» используют эти правила. В то же время, отдельные элементы словоформы оказываются недоступны для синтаксиса, т.е. синтаксис при порождении высказывания берет из морфологии уже готовый материал.

Глава 2. (Де)композиционный анализ глагольной лексики: осетинские сложные предикаты

Многообещающей исследовательской программой представляется подход, при котором аргументная и событийная структура могут быть получены из одного и того же источника, например, из связанной с глаголом (лексико-)синтаксической структуры. Один из интригующих вопросов относительно архитектуры этой “более низкой” части синтаксиса – вопрос о том, как в действительности функционируют деривационные механизмы, изменяющие состав валентностей.

[Lyutikova, Tatevosov 2010]⁴⁷

В данной главе будет изучена структура так называемых сложных предикатов. Сложные предикаты часто становились объектом исследования в различных иранских языках, в то же время, структура осетинских сложных предикатов долгое время оставалась без внимания, см., однако, [Lyutikova, Tatevosov 2013]. Основной языковой материал для Главы 2 был собран во время лингвистических экспедиций ОТиПЛа МГУ 2008-2010 гг. в с. Даргавс республики Северная Осетия (Алания).⁴⁸

Мы обсудим правила организации и интерпретации осетинских сложных предикатов. Важной целью этого обсуждения будет проследить процесс зарождения структуры простой предикации на долексическом уровне. На материале одного из языков с так называемыми сложными предикатами мы постараемся аргументировать конфигурационный подход к анализу подлежащего и прямого объекта. Нашей целью будет показать, что подлежащее и прямой объект имеют свои основания в лексическом значении предикатов, а само это значение – что, возможно, наиболее важно для нас – также представимо в структурных терминах.

⁴⁷A promising research program is to derive the argument structure and eventuality type of a verb from the same source, e.g., from the (lexical-)syntactic structure associated with that verb. One of the intriguing questions about the architecture of this “lower” part of syntax is how the valence-changing derivations exactly work.

⁴⁸ Автор выражает глубокую признательность всем участникам экспедиций ОТиПЛа 2008-2010 гг., а также, естественно, всем жителям и учителям селения Даргавс за содействие и оказанную ими поддержку. Часть осетинских данных была найдена в интернете, в этом случае в примере будет стоять соответствующая помета, см. подробнее о методе сбора материала в [Grashchenkov, Ionov & Malyutina 2011].

Глава 2 организована следующим образом. В разделе 2.1 дается определение и приводятся основные свойства сложных предикатов в иранских и некоторых других языках, обсуждаются подходы к анализу сложных предикатов. Раздел 2.2 исследует основные дистрибутивные свойства осетинских сложных предикатов. В разделе 2.3 строится основа для синтаксического анализа. В разделе 2.4. предлагается подробный подход к сложным предикатам в осетинском языке в терминах теории лексической декомпозиции. В 2.5. описаны особенности эллипсиса, сочинения и морфологического маркирования элементов сложных предикатов. В 2.6. подводятся итоги Главы 2.

2.1. Сложные предикаты – определения, свойства, основные подходы

2.1.1. Сложные предикаты в иранских языках и других языках мира

Иранские языки располагают конструкциями, которые мы далее будем называть «сложным предикатом» (СП), ср. «глагольное составное сказуемое», [Ахвледиани (ред.) 1969: 104], «сложные или составные глаголы», [Багаев 1965: 270]. Как указывалось в [Гращенко 2016в] и других работах по типологии СП, многие значения, традиционно передающиеся глаголами в европейских или других языках мира, в иранских языках выражаются конструкцией, включающей вспомогательный (или легкий) глагол и именную часть:

(2.1) курманджи				[Haig 2002]
Ferho dest-ê	mel-ê	maç	kir	
Ферхо рука-М	мулла-ОBL	поцелуй	сделал	
'Ферхо поцеловал руку муллы.'				

В примере из курдского языка курманджи именная часть (ИЧ) представлена существительным 'поцелуй', а глагольная (далее – ЛГ от «легкий глагол»)⁴⁹ – глагольной лексемой 'делать'. Как представляется, языки мира чаще прибегают к употреблению в роли именной части существительных. В иранских языках (см. пример из курманджи выше) имена существительные более употребимы в качестве ИЧ, хотя СП могут образовываться и с участием единиц других лексических категорий. Наряду с этим можно также привести пример из баскского языка, где существительные – (практически) единственно возможный вариант ИЧ:

⁴⁹ Термин «легкий глагол» выбран с тем, чтобы не путать вспомогательные глаголы в случае сложных предикатов и вспомогательные глаголы (auxiliaries) в сложных глагольных именах.

- (2.2) баскский [Н. Мадариага, л.с.]
- a. Ikerr-ek korrika egiten du goizetan
 Икер-ERG бег делать.IMPERF AUX.3.SG.ERG утром
 ‘Икер бегаёт по утрам.’
- b. Ivan-ek domenistiku egin du.
 Иван-ERG чих делать AUX.3.SG.ERG
 ‘Иван чихнул.’
- c. Раха-k Саха-ri dei egin dio.
 Паша-ERG Саша-DAT звонок делать AUX.3.SG.DAT.3.SG.ERG
 ‘Паша позвонил Саше.’

Приведенные баскские примеры состоят из ИЧ-существительного и представляют собой неэргативные СП. Как мы увидим ниже, СП могут образовывать также неаккузативные и переходные лексемы.

СП необходимо отличать от других типов конструкций с глаголами, прежде всего от глагольных комплексов, задающих видо-временные и другие грамматические значения, ср. пример пермиссива из [Butt 1995]:

- (2.3) урду [Butt 1995: 35]
- anjum-ne saddaf-ko jaa-ne di-yaа
 Анжум.F-ERG Садаф.F-DAT уходить-INF.OBL давать-PFCT.M.SG
 ‘Анжум позволила Садаф уйти.’

В данном примере из урду глагол ‘давать’ соответствует пермиссивному модальному значению. Другой тип глагольных конструкций, которые необходимо отличать от СП, – конструкции с так называемыми сериальными глаголами, представленные ниже примером из бенгальского языка:

- (2.4) бенгальский [Butt, Lahiri 2013]
- gam eḡe rog-l-o
 Рам.NOM приходит упасть-PST-3
 ‘Рам прибыл.’

В сериальных конструкциях оказываются объединены два глагола, вместе задающие некоторое действие. В бенгальском примере выше добавление глагола ‘упасть’ к глаголу ‘приходить’ привносит значение результата, букв.: ‘придя упал’ = ‘прибыл, появился’.

СП отличаются от приведенных примеров как структурно, так и функционально. Структурно они отличаются тем, что состоят, как уже говорилось, из именной части и глагола. Так, пример СП из цахурского (нахско-дагестанские) языка включает в себя прилагательное ‘красный’ и глагол ‘стать’:

(2.5)	цахурский			[Кибрик (ред.) 1999: 96]
	gade	naʃwal-i-n	čʹara	qixa
	мальчик	стыд-OBL-ERG	красный	стал
	‘Мальчик от стыда покраснел’			

Аналогично устроены и СП в генетически не связанном с иранскими корейском языке. В примере ниже СП ‘анализировать’ содержит ЛГ ‘делать’ и ИЧ ‘анализ’:

(2.6)	корейский			[Park 2007]
	John-i	teita-lul	pwunsek	ha-ess-ta.
	Джон-NOM	данные-ACC	анализ	делать.PST-DEC
	‘Джон проанализировал данные.’			

Отыменные СП в урду (индийские) образуются по тем же правилам: СП ‘помнить’ содержит ЛГ ‘делать’ и ИЧ ‘память’:

(2.7)	урду			[Ahmed, Butt 2011]
	nadya-ne	kahani	yad	k-i
	Надя.F.SG-ERG	история.F.SG.NOM	память	делает-PFCT.F.SG
	‘Надя помнит (эту) историю.’			

Функциональная особенность СП состоит в том, что обе части предиката передают одну ситуацию, а ИЧ и ЛГ распределяют между собой выражение отдельных аспектов задаваемого СП лексического значения.

В качестве характерного примера СП иранских языков можно привести современный персидский:

(2.8) персидский

[Megerdooonian 2001: 102]

a. Mani dær-ro baz-kærd.

Мани дверь-ACC открытый-делать.PAST.3.SG

‘Мани открыл дверь.’

b. Dær baz-šod

Дверь открытый-становиться.PAST.3.SG

‘Дверь открылась.’

По данным [Karimi 2008] в современном персидском языке немногим более ста «обычных» глагольных лексем, остальная глагольная лексика представлена сложными предикатами. Симин Карими (там же) указывает, что процесс вытеснения глаголов сложными предикатами происходил в иранских языках с 10 века, а по данным [Folli et al. 2005: 7] для персидского языка – с 13-го века.

Приблизительные подсчеты соотношения глагольных лексем и СП в словаре [Осетинско-русский словарь 1970] показывают примерное равенство входов для глагольных лексем и сложных предикатов. Это, естественно, не говорит о равной частотности словоформ – как представляется, среди частотной предикативной лексики более распространены глагольные лексемы, и в реальном узусе они встречаются чаще сложных предикатов. Тем не менее, можно утверждать, что и в осетинском языке сложные предикаты представляют собой существенную часть лексикона и часто кодируют глагольные значения из состава базовой лексики. Важное для нас отличие осетинского от остальных (иранских) языков состоит в том, что существенную часть сложных предикатов здесь образуют прилагательные.

Особенности дистрибуции СП в осетинском языке были описаны более чем детально, см. [Гагкаев 1952: 80-81; Гагкаев 1956: 56-59; Багаев 1965: 269-271; Ахвледиани (ред.) 1969: 104-109] и др. В [Абаев 1970], в частности, находим: «Составные глаголы состоят из именной части и вспомогательного глагола *кæнын* ‘делать’ (иногда также *ласын* ‘влечь’) или *уын* ‘быть’. Множество действий и состояний, которые в русском языке выражаются простыми глаголами, в осетинском выражаются составными», [Абаев 1970: 638].

Ниже мы представим подробное описание того, как взаимодействуют именная и глагольная часть сложного предиката и как это взаимодействие отражается на аргументной структуре результирующей глагольной лексемы. Нас, в частности, будут интересовать следующие вопросы: i) чем определяется единственный аргумент непереходных СП; ii) чем определяются аргументы переходных СП; iii) шире – как лексическое значение результирующего СП зависит от составляющих его ИЧ и ВП; iv) какое влияние на структуру СП оказывает телисизирующий префикс.

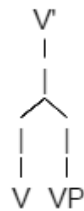
Мы начнем с разбора концепции лексической декомпозиции, разработанной в западной теоретической лингвистике в рамках генеративного подхода к языку, см. [Hoekstra 2004; Hale, Keyser 1993, 1997, 1998, 2002; Ramchand 2008; Folli et al. 2005; Karimi-Doostan 2004]. Отметим, что последние две работы основываются на данных иранских языков. Некоторые другие важные для нас работы, прежде всего [Lyutikova, Tatevosov 2013] будут рассмотрены по ходу разбора материала. Типологический подход к проблеме каузативно-инхоативной альтернации и/ли лабильных глаголов представлен в работах [Haspelmath 1993] и [Летучий 2013], см. также приведенные там ссылки.

2.1.2. Сложные предикаты и теория лексической декомпозиции

Одними из первых, кто предложил подход в духе лексической декомпозиции, были Кеннет Хейл и Сэмюэл Джэй Кейзер. В работе 1993-го года они выдвигают идею Лексической аргументной (или реляционной) структуры, развитую ими впоследствии. Согласно этой идее, композиционный анализ применим уже на уровне (глагольных) лексем. Так, в ряде случаев глагол может принимать компонентом глагольную группу:

(2.9)

[Hale, Keyser 1993: 69]

В (2.9) не было бы ничего удивительного, если бы не тот факт, что вся проекция V' «помещается внутрь» глагольной лексемы и фонологически представляет из себя обычную глагольную словоформу. В случае глаголов *to clear* и им подобных глагольная группа содержит прилагательное, чьим субъектом может быть – при участии некоторой абстрактной глагольной вершины – имя, претерпевающее переход в новое состояние, см. здесь [Baker 2003]:

(2.10) английский

[Hale, Keyser 1998: 12]

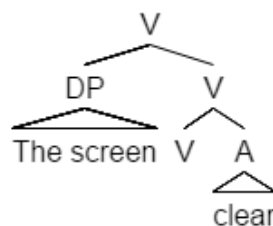
The screen cleared.

‘Экран очистился.’

Аргументная (реляционная) структура (2.10) выглядит следующим образом:

(2.11)

[Hale, Keyser 1998: 13]

Как видно из структуры (2.11), в основе глагола *to clear* лежит адъективная лексема. Наряду с описанными случаями встречаются также примеры типа (2.12):

(2.12) английский

[Hale, Keyser 1998: 12]

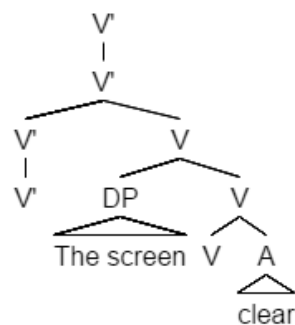
I cleared the screen.

‘Я очистил экран.’

В этом случае над событием, задаваемым прилагательным, надстраивается еще одно событие, которое задается другой абстрактной глагольной вершиной, ответственной за введение в аргументную структуру внешнего аргумента – агенса:

(2.13)

[Hale, Keyser 1998: 14]

Таким образом, *the screen* в обоих случаях – внутреннее «подлежащее» события, связанного с прилагательным, которое может быть усложнено, если есть необходимость задать каузатора ситуации ‘быть чистым’.

Внешний, активный, каузирующий участник, таким образом, связан с некоторой абстрактной глагольной вершиной, а не с результирующим состоянием, которое может задаваться адъективными лексемами.

Согласно подходу Хейла и Кейзера, глаголы, в основе которых лежат имена существительные, ведут себя иначе. Они, в частности, не допускают чередования, связанного с добавлением в аргументную структуры внешнего каузатора:

(2.14) английский

[Hale, Keyser 1993: 74]

a. *The clown laughed.*

‘Клоун рассмеялся.’

b. **The clown laughed the child.*

*‘Клоун рассмеял ребенка.’

Данный запрет связан с тем, что существительные (в составе глагольных проекций) не могут даже опосредованно задавать свои аргументы. Для вставления аргумента им нужен глагол, «умеющий» это делать. Иными словами, когда мы образуем глаголы от основ существительных, мы уже берем V’ в качестве абстрактной вершины. В этом случае одноместная предикация примерно соответствует значению ‘Ребенок делал / издавал звук.’ Образование переходной ситуации (в языках без морфологического каузатива) в этом случае невозможно.

Из системы Хейла и Кейзера, в частности, следует, что отадъективные глаголы соответствуют неаккузативам, т.к. могут обходиться без верхнего уровня проекции V’. Они могут подвергаться каузативно-инхоативной альтернации. В то же время отыменные глаголы соответствуют неэргативам и не могут альтернировать – в них всегда есть V’, содержащая внешний аргумент.

Теория лексической декомпозиции активно совершенствовалась последние двадцать лет, см., например, работы Теуна Хекстры, [Hoekstra 2004]. На сегодняшний день подход в духе лексической декомпозиции оказался наиболее последовательно развит в работе Дж. Рэмченд [Ramchand 2008]. Приведем основные принципы декомпозиционного анализа, предлагаемые Рэмченд (к ним мы еще вернемся в разделе 3.5.).

Рэмченд выделяет три универсальных уровня проекции – *init*, *proc*, *res*, из которых складывается каждая глагольная лексема. Максимально высокий уровень *init* соответствует началу ситуации и задает ее каузатора. На следующем уровне, *proc*, определяющем особенности протекания обозначаемого глаголом процесса, задается участник-претерпевающий. Третий, наиболее глубокий уровень вложения, *res*, задает конечное состояние, в которое перейдет претерпевающий. Отдельные глаголы могут иметь или не иметь соответствующие уровни проекции – благодаря различным комбинациям внутренних составляющих глагола и семантических ролей мы получаем все множество наблюдаемых нами вариантов аргументной структуры.

Несколько упрощая подход Рэмченд, можно сказать, что уровень каузатора при ее анализе соответствует абстрактной глагольной вершине, задающей внешнего участника у Хейла и Кейзера. В то же время за результирующее состояние у Рэмченд отвечает проекция

результата (resP), а у Хейла и Кейзера – прилагательное, являющееся компонентом глагольной проекции. Каузативно-инхоативное чередование типа ‘Agent cleared Undergoer’ (‘агенса сделал претерпевающее чистым’) vs. ‘Undergoer cleared’ (‘претерпевающее стало чистым’) у Рэмченд описывается так же, как и у ее предшественников: опущением либо добавлением каузирующего подсобытия.

Можно сказать, что система Рэмченд является развитием идей Хейла и Кейзера. Развитием теории Рэмченд применительно к иранским языкам является, в свою очередь, работа [Pantcheva 2008], где каждой функциональной проекции из системы Рэмченд (init, proc, res) сопоставлено определенное употребление ЛГ.

В статье [Folli et al. 2005], см. также приведенные там ссылки, предлагается декомпозиционный подход, основанный на материале современного персидского языка. В результате детального анализа персидских сложных предикатов авторы приходят к выводу о том, что каузирующий участник задается легким глаголом, также как и событийная vs. стативная интерпретация и длительность действия. В то же время предельность определяется типом ИЧ – существительные участвуют в образовании неопредельных СП, а остальные части речи – в образовании предельных. Последний результат оспаривается в работе [Megerdooian 2001], где утверждается, что ЛГ также влияют на аспектуальную структуру СП. Тезис о зависимости внешнего аргумента (только) от легкого глагола был оспорен в [Karimi-Doostan 2004].

Прежде чем перейти к детальному анализу СП в осетинском языке, опишем основные отличия осетинских СП от СП других иранских языков. Они таковы: i) лексический состав легких глаголов много более ограничен; ii) продуктивность конструкций с прилагательными выше; iii) правила поверхностного синтаксиса СП отличаются в осетинском большей жесткостью.

Последним двум фактам будет посвящено дальнейшее исследование, здесь же скажем вкратце про пункт i). В осетинском явно наблюдается диахроническая перестройка системы ЛГ – от лексического разнообразия в области вспомогательных глагольных единиц он переходит к системе из двух глаголов, ‘быть’ и ‘делать’. В других иранских языках СП регулярно образуются с участием глаголов ‘давать’, ‘брать’, ‘приходить’, ‘падать’ и др., см. [Haig 2002] для курманджи или [Pantcheva 2008] для персидского, например:

(2.15) персидский

[Pantcheva 2008: 149]

a. reza mina-ra	hol	dad.
Реза Мина-АСС	толчок	давать
‘Реза толкнул Мину’		

b. уе entefaqwi dad.
 ART случай лицо давать
 ‘Случилось происшествие.’

В современном осетинском языке почти все СП начинают обслуживаться ЛГ ‘быть’ и ‘делать’, так, в [Осетинско-русский словарь 1970] отмечено около 60 случаев варьирования между глаголом *ласын*, ‘пере/возить, снимать’ и *канын*, например: *агапп канын (ласын)* ‘прыгнуть’ и т.д. Ниже мы будем рассматривать только примеры СП с ‘быть’ и ‘делать’.

2.2. Морфосинтаксис осетинских сложных предикатов

2.2.1. Префиксация

Ниже нас будут интересовать в основном такие префиксы, которые превращают СП в глаголы совершенного вида – их в осетинском подавляющее большинство. Способность располагать префикс на ИЧ отличает СП от обычных сочетаний лексических глаголов с именными словоформами (в конструкциях связка + комплемент именной предикации, глагол + прямое дополнение и т.д.) Это свойство СП было неоднократно отмечено исследователями осетинского языка: «Возможность выносить преверб “за скобки” и присоединять его к именной части представляет важную особенность составных глаголов, отличающую их от обычных сочетаний глагола с дополнением. Так, от *арт канын* ‘разводить огонь’ можно сказать *сарт кодта* ‘он развел огонь’, но от *кардзын канын* ‘готовить хлеб’ не говорят *скардзын кодта*, а *кардзын скодта*, так как *арт канын* – составной глагол, а *кардзын канын* – свободное сочетание», [Абаев 1970: 640]. Приведем собственные примеры:

(2.16) осетинский

а. Аз	а-лыг	кодтон	дзул
Я	ПРЕФ-порезанный	LV.PST.1.SG ⁵⁰	хлеб

‘Я порезал хлеб.’

б. Аз	фæ-рынчын	дæн	
Я	ПРЕФ-больной	LV.PRES.1.SG	

‘Я заболел.’

с. Бæх	а-гæпп	кодта	
Лошадь	ПРЕФ-прыжок	LV.PST.3.SG	

‘Лошадь прыгнула.’

⁵⁰ Здесь и далее мы будем глоссировать ЛГ как LV (Light Verb), если тип ЛГ нерелевантен.

В (2.17) приведены примеры префиксальных ИЧ с переходным глаголом, (2.17.a), неаккузативным глаголом, (2.17.b), и неэргативным глаголом, (2.17.c). Возможно, однако, и расположение префиксов на ЛГ. В [Абаев 1970: 640] находим: «Впрочем, присоединение преверба к глагольной части также возможно. Это бывает тогда, когда на именной части стоит логическое ударение: вместо *наæ даæ фæрох кодтон* ‘я тебя не забыл’ можно сказать *рох даæ наæ фæкодтон* ‘я не забыл тебя’, с логическим ударением на *рох*».

В наших примерах выше префиксами также могут быть снабжены и ЛГ (а не ИЧ):

(2.17) осетинский

а. *Æз лыг а-кодтон дзул*⁵¹

Я порезанный PREF-LV.PST.1.SG хлеб.

‘Я порезал хлеб.’

б. *Æз рынчын фæ-даен*

Я больной PREF-LV.PRES.1.SG

‘Я заболел.’

с. *Бæх гæпп а-кодта*

Лошадь прыжок PREF-LV.PST.3.SG

‘Лошадь прыгнула.’

В полном соответствии со словами В.И. Абаева (см. выше) маркирование префиксом именной части невозможно при лексическом употреблении глагола *делать* (т.е. тогда, когда он употребляется не как ЛГ):

(2.18) осетинский

а. **Циутæ с-ахстон кодтой*

Птицы PREF-гнездо LV.PST.3.PL

б. *Циутæ ахстон с-кодтой*

Птицы гнездо PREF-LV.PST.3.PL

‘Птицы гнездо свили.’

Данное свойство – способность присоединять префикс к ИЧ – мы будем считать диагностическим свойством сложных предикатов, ср.: «Признаком того, являются данные слова

⁵¹ Прямой объект неодушевленных существительных кодируется в осетинском номинативом.

вспомогательными глаголами или нет, служит возможность употребления глагольных приставок (*а-, ра-, ба-* и пр.) при именной части», см. [Багаев 1965: 271].

Префиксация примечательна еще одним свойством, которое, как и единое ударение (см. ниже), позволяет говорить о СП как одной лексеме.⁵² Независимо от того, где именно (ИЧ или ЛГ) располагается префикс, тип префикса всегда определяется ИЧ. Так, для следующих СП из первой колонки характерны префиксальные формы из последней колонки, и только они:

(2.19) осетинский		[Осетинско-русский словарь 1970]
глагол	значение	глагол с префиксом
<i>фынсей кæнын</i>	‘спать’	<i>æр-фынсей, а-фынсей, ба-фынсей, ныф-фынсей кæнын</i>
<i>хъарм кæнын</i>	‘греть’	<i>æрба-хъарм, æр-хъарм, а-хъарм, с-хъарм кæнын</i>
<i>рох кæнын</i>	‘забывать’	<i>ай-рох, бай-рох кæнын</i>

В случае префиксации ЛГ форма префикса остается той же самой: *фынсей ба-кæнын*, но не **фынсей с-кæнын*; *хъарм с-кæнын*, но не **хъарм нык-кæнын*, *рох а-кæнын*, но не **рох æр-кæнын*. Таким образом, форма префикса, характеризующего действие всего СП, выбирается именной частью.

2.2.2. Ударение

С точки зрения расположения ударения СП ведут себя как единое целое: «В своей начальной форме (инфинитиве) сложные глаголы произносятся с одним ударением», [Багаев 1965: 271]. И далее у Н.К. Багаева: «В личных формах сложных глаголов несовершенного вида ударение бывает и на именной части, и на вспомогательном глаголе, если на глагол-сказуемое не падает логическое ударение. Например: *Скъоладзау ахуыр кæны йæ уроктæ* ‘Ученик учит свои уроки’ ... Во многих формах совершенного вида бывает только одно ударение, которое обычно падает на именную часть, когда глагольная приставка прибавляется к именной части, предшествующей вспомогательному глаголу. Например: *Адæмы уынаерæй æмæ тамакойы тафæй байдзаг ис дæргъæццон зал* (Гæд. Ц., Фыдæлты намыс) ‘Продолговатый зал наполнился шумом народа и запахом табака’», [Багаев 1965: 348].

Также у Н.К. Багаева (там же) находим следующее наблюдение: в случае более чем односложных ИЧ и ИЧ с сильным гласным ударение располагается на ИЧ (*цæттæ кæнын*,

⁵² Данное наблюдение подсказано автору С.Г. Татевосовым, ср. также: «Каждое имя или предикативный член имеют, так сказать, один или несколько излюбленных префиксов, с которыми они постоянно сочетаются. Так, например: 1) *арфæ кæнын* ‘благодарить’ сочетается только с префиксами *фæ, ра: раарфæ, фæрфæ кæнын* ‘поблагодарить’, ‘отблагодарить’; 2) *Иу кæнын* ‘соединять’ сочетается с префиксами *ба, æрба: бау, æрбау кæнын* ‘соединить’, ‘объединить’...», [Гагкаев 1956: 57].

‘готовить’; *маст кæнын*, ‘горевать’). В случае односложных ИЧ со слабым гласным ударение падает на ЛГ (*рох кæнын*, ‘забывать’).

Ударение, таким образом, располагается обычно на именной части, если она является полноценным акцентоносителем, в противном случае ударение переходит на ЛГ. Это говорит о том, что ИЧ и ЛГ образуют одно фонологическое слово. Ударение может также находиться и на легком глаголе, когда на него падает логическое ударение. Этот факт, напротив, свидетельствует о фонологической автономности отдельных частей, это будет обсуждено несколько ниже.

2.2.3. Отрицание

Показатель отрицания также обычно располагается на ИЧ, ср.: «Другая особенность составных глаголов – что при них отрицания *нæ* и *ма* могут стоять перед именной частью, в то время как в свободных сочетаниях они должны стоять перед глаголом: *нæ арт кæны* ‘он не разводит огня’ ... *ма дис кæн* ‘не удивляйся’, но не говорят *нæ кæрдзын кæны*, *ма дуар кæн*, надо сказать: *кæрдзын нæ кæны* ‘она не готовит хлеба’, *ма дуар кæн* ‘не открывай двери’», [Абаев 1970: 640].

Приведенные нами выше осетинские примеры также располагают отрицательную частицу *нæ* перед ИЧ:

(2.20) осетинский

а. *Æз нæ лыг кодтон дзул*

Я NEG порезанный LV.PST.1.SG хлеб.

‘Я не резал хлеб.’

б. *Æз нæ рынчын дæн*

Я NEG больной LV.PST.1.SG

‘Я не болел.’

с. *Бæх нæ гæпп кодта*

Лошадь NEG прыжок LV.PST.3.SG

‘Лошадь не прыгала.’

При сочетании двух самостоятельных лексических элементов (а не СП) отрицание возможно только на глаголе – наши данные здесь вновь согласуются с наблюдениями В.И. Абаева:

(2.21) осетинский

а. *Циутæ нæ ахстон кодтой
 Птицы NEG гнездо LV.PST.3.PL

б. Циутæ ахстон нæ кодтой
 Птицы гнездо NEG LV.PST.3.PL

‘Птицы не вили гнезда.’

В то же время в контекстах, не связанных со СП, отрицательная частица *нæ* с именной частью неграмматична:

(2.22) осетинский

а. *нæлыг дзул
 NEG порезанный хлеб

‘непорезанный хлеб’

б. *нæрынчын лæппу
 NEG больной мальчик

‘небольной ребенок’

с. *нæгæпп
 NEG прыжок

‘непрыжок’

Как и в случае телесизирующих префиксов, возможно расположение отрицательной проклитики перед ЛГ:

(2.23) осетинский

а. Æз лыг нæ кодтон дзул
 Я порезанный NEG LV.PST.1.SG хлеб.

‘Я не резал хлеб.’

б. Æз рынчын нæ дæн
 Я больной NEG LV.PRES.1.SG

‘Я не болел.’

с. Бæх гæпп нæ кодта
 Лошадь прыжок NEG LV.PST.3.SG

‘Лошадь не прыгала.’

2.2.4. Линейный порядок

ИЧ и ЛГ в сложных предикатах не могут быть разделены, (2.25), либо следовать в ином порядке, (2.26):

(2.24) осетинский

Æз	уый	фе-рох	кодтон
Я	это	PREF-забытый	LV.PST.1.SG

(2.25) осетинский

*Æз	фе-рох	уый	кодтон
Я	PREF-забытый	это	LV.PST.1.SG

(2.26) осетинский

*Æз	уый	кодтон	фе-рох
Я	это	LV.PST.1.SG	PREF-забытый.

‘Я забыл это.’

В случае лексического употребления ИЧ и ЛГ подобные преобразования допустимы:

(2.27) осетинский

а. Циутæ	знон	кодтой	ахстон
Птицы	вчера	LV.PST.3.PL	гнездо.

б. Циутæ	ахстон	знон	кодтой
Птицы	гнездо	вчера	LV.PST.3.PL

‘Птицы вчера вили гнездо.’

При этом краткие энклитические местоимения – клитики второй позиции – могут (и должны) «внедряться» в СП между ИЧ и ЛГ: «Если предложение будет начинаться сложным глаголом или сложной формой глагола, то личное местоимение в краткой форме, за исключением союзного падежа, вставляется между составными частями сложного глагола или сложной формы глагола. Например: *Схæцца йæ кодтон знон* ‘Смешал (я) его вчера’, *Раарфаæ йын кодтой йæ хорз куысты тыххай* ‘Поблагодарили его за хорошую работу’, *Схæцца дын ис абон (письмо)* ‘Прибыло тебе сегодня (письмо)’ ...», [Багаев 1965: 237-238].

Приведем собственный пример со сложным предикатом *рох каенын*, ‘забывать’:

(2.28) осетинский

фæ-рох	дæ	кодтон
PREF-забытый	тебя	LV.PST.1.SG

‘Я забыл тебя.’

Таким образом, единственный лексический материал, который может нарушать строгий порядок ИЧ_ЛГ – клитики второй позиции, чье положение в клаузе определяется фонологическими (а не синтаксическими) правилами.

2.2.5. Невозможность ветвления ИЧ

ИЧ в составе СП не может получать определений:

(2.29) осетинский

а. Ды	хид	кæн-ыс
Ты	пот	LV.PRES.2.SG
б. *Ды	хулыдз	хид кæн-ыс
ты	мокрый	пот LV.PRES.2.SG

Ожид.: ‘Ты потеешь мокрым потом.’

(2.30) осетинский

а. Заур	Фатима-йы	ба	кодта
Заур	Фатима-GEN ⁵³	поцелуй	LV.PST.3.SG
‘Заур поцеловал Фатиму.’			
б. *Заур	Фатима-йы	дыууæ	ба-йы кодта
Заур	Фатима-GEN	два	поцелуй-GEN ⁵⁴ LV.PST.3.SG

‘Заур поцеловал Фатиму.’

Ожид.: ‘Заур поцеловал Фатиму дважды.’

2.3. Композициональный синтаксический анализ осетинских СП

Как мы видели выше, осетинские СП представляют собой единое, строго упорядоченное целое с точки зрения следующих параметров: i) префиксация, ii) ударение, iii) расположение отрицания, iv) порядок следования элементов, v) недопустимость лексических зависимых.

⁵³ Осетинские одушевленные именные группы в позиции прямого объекта кодируются генитивом.

⁵⁴ Осетинские числительные присваивают именам генитив в позиции субъекта и прямого объекта.

Ниже будет показано, что данные свойства не являются случайными, а напротив, демонстрируют наличие упорядоченной структуры глагольной группы, содержащей ИЧ и ЛГ и включающей помимо них некоторое количество функциональной структуры.

2.3.1. Возможные подходы к СП

Прежде чем показать, что за осетинскими СП стоит организованная композициональная структура, рассмотрим альтернативную точку зрения. Она заключается в подходе к СП как идиомам. Таков, в частности, традиционный подход к СП в баскском языке, см, например, [Rodríguez et al. 2003]⁵⁵, в то же время, например, в [Oyharcabal 2007] предложен композициональный анализ баскских СП.

Взгляд на СП как идиомы предполагает i) некомпозициональность семантики и ii) ограниченную вариативность составляющих ее элементов. Если приводить в качестве примера русскую идиому *валять дурака*, первое свойство тривиально: ‘валять дурака’ ≠ ‘валять’ ⊕ ‘дурак’. Второе свойство может быть продемонстрировано следующим образом. Распространение отдельных элементов в составе идиомы либо ограничено, либо невозможно, ср.: *валять ?большого / ??страшного / *огромного / *странного дурака*. Более того, словоизменение допустимо для вершины идиомы, но не для ее внутренних элементов, ср.: *валяю / валяем / ... дурака; *валять дураков*. Перестановка составляющих идиому элементов при этом возможна, ср.: *«Большого дурака сваял, надо было саблей орудовать, а я, тьфу, балбес»; «Тут, конечно, дурака сваял сам Элиот»* [интернет].

Как мы покажем далее, осетинские СП семантически композициональны. А именно, аргументная структура СП предсказуемо определяется составляющими ее элементами. В то же время немногочисленные преобразования морфосинтаксиса, допустимые для СП, как правило представляют собой хорошо известный в генеративной грамматике тип передвижения – подъем одного из элементов вверх по структуре, мотивированный определенными семантическими / дискурсивными признаками передвигающегося элемента. Другой тип структурных изменений – словоизменение ИЧ сложных предикатов – также предсказуемым образом влияет на интерпретацию СП.

Скажем также, что для анализа СП можно было бы привлечь инструментарий лексических функций, разработанный в рамках Московской семантической школы, см. [Апресян 1995; Мельчук 1999] и др. Идея, стоящая за лексической функцией на первый взгляд хорошо подходит для СП. Лексические функции (прежде всего – семейств OPER и FUNC) представляют комбинацию десемантизированного глагола и предикатной вершины, задаваемой

⁵⁵ Я благодарен авторам статьи за устную дискуссию и изложение их точки зрения на баскские СП.

именной частью речи: *оказать / иметь влияние* = ‘повлиять’; *одержать победу* = ‘победить’; *потерпеть поражение* = ‘проиграть’.

Лексические функции, однако, плохо подходят для анализа осетинских СП как минимум по следующим причинам. Во-первых, для лексических функций характерна идиосинкразия глагольно-именных пар. Одному и тому же имени может соответствовать ограниченное количество глаголов: *нанести / причинить / *принести / *давать боль*. С другой стороны, один и тот же глагол обслуживает как правило небольшую (закрытую) группу событийных существительных, ср.: *оказать поддержку / внимание / помощь / влияние / *участие / *заботу / *урон / *враждебность*. В этом отношении лексические функции, возможно, хорошо подойдут для анализа СП в таких языках как курдские или персидский, где арсенал ЛГ гораздо более разнообразен.

Во-вторых, глаголы, выполняющие те или иные лексические функции, призваны лишь поверхностно выражать семантических участников, имеющих у абстрактных имен. Так, у существительного ‘победа’ есть глубинные агенс и пациенс; в примере *Итальянцы одержали победу над французами* глагол *одержать* лишь оформляет агенс номинативом, ср. альтернативное *победа итальянцев над французами*, имеющее другой морфосинтаксис, но то же значение. Как мы покажем ниже, ЛГ регулярно привносят в аргументную структуру СП семантического участника.

Наконец, третье несоответствие лексических функций осетинским СП в том, что при образовании конструкций с лексическими функциями поверхностный синтаксис остается неизменным. В случае, например, функций класса OPER глагол берет (прямое / косвенное / предложное) дополнение в том же падеже, который соответствовал бы семантически наполненному употреблению, ср.: *давать повод* vs. *давать руку*. В случае СП правила поверхностного синтаксиса нарушаются. Например, СП ‘резать’ состоит из прилагательного ‘отрезанный’ и глагола ‘делать’. Вся конструкция со СП при этом приобретает вид ‘X сделал Y отрезанным’. Поверхностный синтаксис СП следовал бы правилам синтаксиса регулярных переходных глаголов, если бы: i) прилагательное *отрезанный* могло бы свободно менять расположение относительно глагола и ii) в осетинском были бы допустимы результативные вторичные предикации (*John hammered the metal flat*, ‘Джон расплющил металл в лепешку’, досл. – ‘расплющил плоским’). Насколько нам известно, ни одно из этих условий не выполняется.

2.3.2. Структура осетинских СП – первое приближение

Перечисленные выше свойства СП в осетинском языке, а именно – линейная упорядоченность элементов по отношению друг к другу и «внешним» для конструкции

элементам – позволяют утверждать, что ИЧ и ЛГ занимают определенные позиции в структуре глагольной проекции.

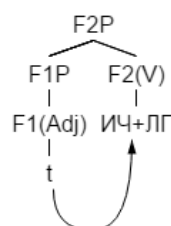
Сочетание ИЧ и ЛГ формирует некоторую сложную лексему категории V, сочетаясь при этом по тем же правилам, которым подчиняются элементы синтаксиса: в определенном порядке, изменения которого приводят к изменению интерпретации либо неграмматичности конструкции. ИЧ является вершиной, но участвует при этом в формировании единицы лексического (а не фразового) уровня, что объясняет невозможность ее распространения (*мокропотеть, *дваждыцеловать).

Мы будем считать, что именная часть занимает позицию вершины некоторой проекции F₁P, над которой доминирует легкий глагол, представленный функциональной вершиной F₂. Онтологический статус и вклад каждой из этих вершин в структуру и интерпретацию глагольной группы мы специально обсудим несколько ниже. После попадания в позицию вершины ИЧ передвигается вверх по структуре и сливается с ЛГ, образуя с ним одну словоформу. Передвижение «вверх» по структуре в данном случае соответствует передвижению вправо, т.к. вершина всего сложного предиката (ЛГ) находится справа, короткая ремарка об этом последует несколько ниже. Отметим, что возможен был бы и другой анализ, при котором в СП было бы правое ветвление, а наблюдаемый поверхностный порядок слов ИЧ_ЛГ был бы результатом левого подъема вершины ИЧ. В обоих случаях дальнейшая деривация происходила бы одинаково. Мы, тем не менее, будем придерживаться идеи о левостороннем ветвлении внутри СП хотя бы потому, что обратный поверхностный порядок никогда не наблюдается и свидетельств правостороннего ветвления у нас нет.

Невозможность обратного расположения ИЧ и ЛГ и вставления между ними внешнего материала следует из предлагаемой структуры автоматически. ИЧ и ЛГ занимают позицию вершины F₂, и никакой другой материал не может разделять две функциональные вершины (кроме других функциональных вершин, которых мы в данном случае не находим). Порядок ИЧ_ЛГ связан с порядком соединения вершин друг с другом (левая адьюнкция, правая адьюнкция) при передвижении вершин (Head movement), см. [Matushansky 2006a]:

(2.31)

[F₂P [F₁P [F₁(Adj) t]] [F₂(V) ИЧ+ЛГ]]

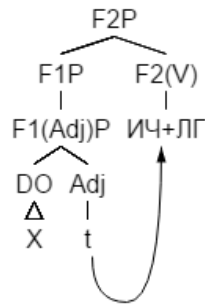

Подобный процесс образования сложной вершины напоминает предпринятый в [Baker 1988] подход к инкорпорации прямого объекта как результату передвижения вершин.

В случае, если СП переходен, прямой объект занимает позицию «внутреннего подлежащего» – он является логическим субъектом состояния, задаваемого ИЧ: *Алан заразил Фатиму* – ‘Алан сделал так, что Фатима больная’:

(2.32)

[F2P [F1P [F1(Adj)P [DO X] [Adj t]]] [F2(V) ИЧ+ЛГ]]

В данном случае прямой объект X соответствует именной группе *Фатима* в примере выше, адъективная ИЧ – прилагательному *больной*, а легкий глагол – осетинскому ‘делать’, *кæнын*.

Как было продемонстрировано выше при изложении языковых данных, единственное, что может располагаться между ИЧ и ЛГ – телесизирующие префиксы или показатели отрицания. В имеющемся у нас текстовом массиве (>0,5 млн. словоформ) можно наблюдать следующие закономерности расположения префиксальных показателей и показателей отрицания (для примеров взяты частотные СП):

Таблица 2.1. Соотношение количества морфологических показателей на ИЧ и ЛГ

СП	значение	префикс		отрицание	
		ИЧ	ЛГ	ИЧ	ЛГ
<i>гом кæнын</i>	‘открывать/ся’	123	0	2	1
<i>рох кæнын</i>	‘забывать/ся’	110	0	20	7
<i>фынаей кæнын</i>	‘засыпать’ / ‘укладывать’	6	1	5	8
<i>лыг кæнын</i>	‘резать’ / отрезаться	50	1	1	1
<i>лавар кæнын</i>	‘дарить’	24	2	0	0
Всего		313	4	28	17

Можно заметить, что расположение префикса на ЛГ в целом гораздо более маркировано, чем на ИЧ. Отрицание, употребляющееся само по себе реже, не демонстрирует столь явного предпочтения. Скажем сразу, что систематических различий в сфере действия отрицания при его расположении на разных элементах СГ обнаружено не было – возможно, для этого необходимо более скрупулезное исследование.

Отметим еще одну связанную с морфологическим маркированием закономерность. Если префикс употребляется вместе с отрицанием, оба элемента могут располагаться либо на ИЧ (немаркированный вариант), либо на ЛГ одновременно. Расположение одного из элементов на ИЧ, а другого – на ЛГ исключено:

(2.33) осетинский

a. Æз	дуар	нæ	бай-гом		кодтон
я	дверь	NEG	PREF-открытый		LV.PST.1.SG
b. Æз	дуар		гом	нæ	бай-кодтон
я	дверь		открытый	NEG	PREF-LV.PST.1.SG
c. *Æз	дуар		бай-гом	нæ	кодтон
я	дверь		PREF-открытый	NEG	LV.PST.1.SG
d. *Æз	дуар	нæ	гом		бай-кодтон
я	дверь	NEG	открытый		PREF-LV.PST.1.SG

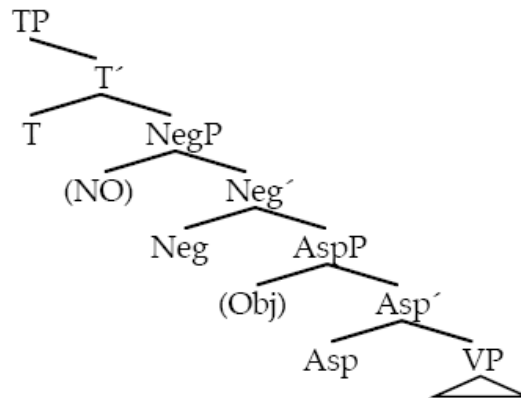
‘Я не открыл дверь.’

Как утверждает в [Гагкаев 1952: 91]: «Отрицание *нæ* употребляется при глаголах изъявительного и сослагательного наклонений и стоит перед глаголом, к которому относится». Префиксы составляют одну словоформу либо с ИЧ, либо с ЛГ. Поскольку обе морфемы имеют жесткую позицию в глагольной группе, мы будем считать, что каждой из них соответствует своя функциональная вершина.

Как принято считать, группа отрицания NegP располагается обычно выше аспектуальной проекции AspP, см., например, [Brown, Franks 1995] для русского языка, [Cornilescu 2003] для английского, а также [Cinque 1999] как пример построения универсальной иерархии функциональных проекций. Поскольку расположение NegP и AspP в осетинском напоминают таковые в русском, приведем структуру для русской клаузы из [Brown, Franks 1995]:

(2.34)

[Brown, Franks 1995: 247]

Примечательно, что в современном персидском по данным [Taleghani 2006: 114,171] NegP доминирует также и над TP, явных свидетельств чему мы, впрочем, не обнаруживаем в осетинском.

В случае осетинского и русского префиксальные показатели должны быть расположены еще более низко в структуре клаузы и еще более тесно связаны с глагольным значением. В русском и осетинском подавляющее большинство префиксов связано с обозначением предела ситуации и перехода в новое состояние. Такие префиксы в формальной русской аспектологии считаются «низкими», т.к. их семантический вклад напрямую связан с лексическим значением глагола, и, в частности, с семантическим типом предиката, см. по поводу семантических типов предикатов [Маслов 1948; Vendler 1967], а также многие последовавшие за ними работы, например, [Булыгина 1982; Падучева 2004; Падучева 2009] и др. В [Татевосов 2010], в частности, убедительно показано, что «[з]а пределами глагольной группы размещаются только внешние префиксы; внутренние находятся внутри... [... внешний префикс [VP ... внутренний префикс ...]]», [Татевосов 2010: 253].

Подробнее мы обсудим влияние префиксов на лексическое значение глагола несколько ниже, здесь же нас удовлетворит общее представление о том, что вершина Asp, соответствующая осетинскому префиксу, располагается между отрицанием и глагольной группой. Такое расположение Neg, Asp и группы глагола помогает объяснить как невозможность (раздельного) нахождения отрицания и видового префикса на разных частях СП, так и их способность располагаться (попарно) либо на ИЧ, либо на ЛГ.

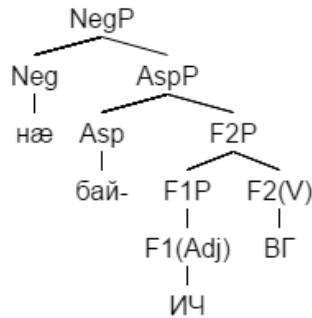
Обе закономерности следуют напрямую из так называемого Ограничения на передвижение вершин (Head Movement Constraint), [Travis 1984]. Согласно этому ограничению, признанному универсальным, передвижение вершин возможно только в позицию вершины,

непосредственно доминирующей над данной. «Перепрыгивание» через вершинные позиции недопустимо.

Если мы примем (2.31) выше как структуру СП, СП с отрицанием и префиксом будут иметь следующий вид:

(2.35)

[_{NegP} [_{Neg} нæ] [_{AspP} [_{Asp} бай-] [_{F2P} [_{F1P} [_{F1(Adj)} [ИЧ]]] [_{F2(V)} ЛГ]]]]

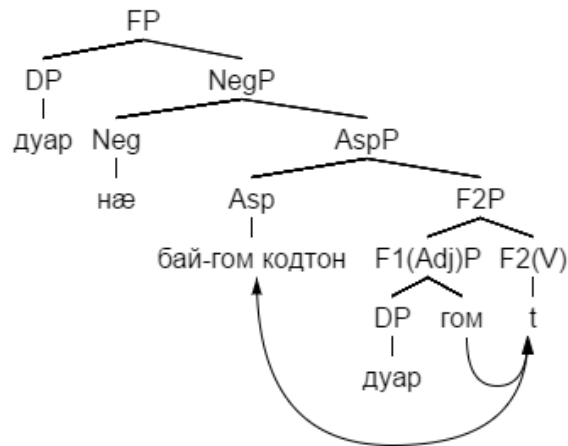
Neg и Asp являются функциональными проекциями, которые принимают в качестве комплемента материал, над которым доминируют, NegP берет комплементом AspP, а AspP – F2P. Иранские языки примечательны тем, что функциональные проекции берут свои комплементы справа, а лексические – слева, см., например, [Karimi 2005]. Также ведет себя и осетинский: наряду с порядком подчинительный союз – зависимое предложение (С – TP), порядок ветвления лексических комплементов обратный: прямой объект – глагол, (преимущественно) послелог – именная группа, и т.д.

Этим объясняется тот факт, что Neg и Asp берут комплементы справа, а ветвление внутри проекции СП – левое: ЛГ является правосторонней вершиной по отношению к ИЧ, также и ИЧ принимает свои аргументы слева (об этом подробнее будет сказано ниже). С точки зрения направления ветвления и ЛГ, и ИЧ ведут себя как лексические вершины и оказываются противопоставлены функциональным вершинам, выражаемым морфологически.

Расположение ИЧ непосредственно после видового префикса, таким образом, является результатом ее исходного расположения справа от Asp и последующих передвижений ИЧ в позицию F₂ и комплекса ИЧ+ЛГ в позицию вершины Asp. После того, как произойдет передвижение вершины, проецируемый ей прямой объект также передвигается в некоторую позицию FP, находящуюся выше в структуре, – возможным аналогом такой позиции была бы вершина AgrO, отвечающая за присваивание аккузатива прямому объекту в ранних версиях Минимализма, см. [Chomsky 1993]:

(2.36)

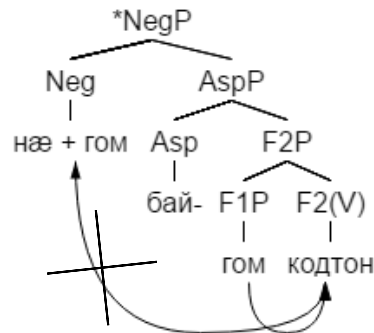
[FP [DP дуар] [NegP [Neg нә][AspP [Asp бай-гом кодтон] [F2P [F1P [DP дуар] [Adj-гом]] [F2(V) [кодтон]]]]]]]

Невозможность расположения отрицания перед ИЧ, а префикса – перед ЛГ следует из Ограничения на передвижение вершин. Однажды составленная сложная вершина ИЧ+ЛГ не может далее «разорваться», X_0 -комплекс ИЧ+ЛГ может передвигаться лишь как единое целое:

(2.37)

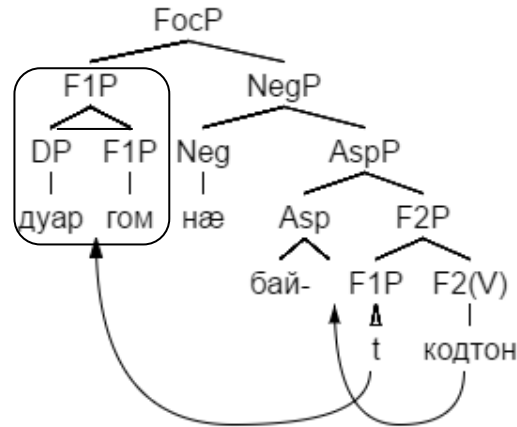
*[NegP [Neg нә + гом][AspP [Asp бай-] [F2P [F1P t_{гом}] [F2(V) [t_{гом} кодтон]]]]]

В случае, когда префикс и/ли отрицание располагаются на ЛГ, деривация проходит иначе. Сначала ЛГ беспрепятственно передвигается в Asp – поскольку F_2 доминирует над F_1 , Ограничение на передвижение вершин не нарушается. После этого происходит передвижение всей проекции именной части F_1P из позиции компонента проекции легкого глагола F_2P :

(2.38)

[_{FocP} [_{F1P} [_{DP} дуар] [_{F1P} гом]] [_{NegP} [_{Neg} нә] [_{AspP} [_{Asp} бай-] [_{F2P} [_{F1P} t] кодтон]]]]

Передвижение проекции ИЧ происходит в позицию спецификатора фокусной вершины – напомним, что, по мнению В.И. Абаева, отрицание и/ли префикс располагаются на ЛГ тогда, «когда на именной части стоит логическое ударение: вместо *нә да фerox кодтон* ‘я тебя не забыл’ можно сказать *rox да нә фæкодтон* ‘я не забыл тебя’, с логическим ударением на *rox*», [Абаев 1970: 640].

Клитики второй позиции, подобные приведенной только что в примере В.И. Абаева *да*, подчиняются при этом не правилам синтаксической проекции, а фонологическим правилам и оттого не являются контрпримером к запрету на расположение лексического материала между ИЧ и ЛГ.

Таким образом, в случае расположения отрицания / видового префикса на ЛГ мы склонны усматривать передвижение составляющей (а не вершины), соответствующей ИЧ. Анализ с фразовым передвижением подтверждается правилами постановки ударения: «В тех случаях, когда имя замыкается префиксом и стоит непосредственно перед предикативным членом, все три компонента сказуемого объединяются в одно целое общим ударением», [Гагкаев 1956: 57]. То же находим и в [Багаев 1965: 348]: «Во многих формах совершенного вида бывает только одно ударение, которое обычно падает на именную часть, когда глагольная приставка прибавляется к именной части, предшествующей вспомогательному глаголу.» И далее: «...если приставка бывает в составе вспомогательного глагола, ... ударение будет падать и на именную часть и на вспомогательный глагол.»

То же верно и для ударения при отрицании: «Сложные глаголы с отрицательными словами бывают с двумя ударениями, из которых одно падает на именную часть глагола, другое – на легкий глагол с отрицательным словом, когда оно, отрицательное слово, стоит непосредственно перед легким глаголом... Но если отрицательное слово стоит перед именной

частью составного глагола, то весь составной глагол с отрицательным словом произносится с одним ударением», [Багаев 1965: 348].

Таким образом, в отличие от случаев контактного расположения ИЧ и ЛГ, при нахождении между ними префикса и/ли отрицательной частицы ударение «разбивается»: оно обязательно падает на ИЧ, и, скорее всего, также падает и на ЛГ. Такое поведение автоматически следует из нашего анализа. В случае передвижения F_1P , имеющего место при маркировании ЛГ показателем вида или отрицания, структура ИЧ+ЛГ, которая составила бы единое фонологическое слово в отсутствие передвижения, распадается на две составляющих, каждая из которых должна будет получить свое ударение.

Напомним, что выбор видового префикса, который характеризует весь СП в целом, определяется ИЧ даже в тех случаях, когда префикс располагается на ЛГ. Подобное поведение СП по отношению к ударению и префиксации подтверждает корректность подхода к структуре СП как синтаксической проекции и лексеме одновременно. Мы можем сформулировать следующее

(2.39) Наблюдение о внутренней организации осетинских сложных предикатов:

СП могут проявлять свойства и слова, и составляющей

В случае, когда между ИЧ и ЛГ нет никакого материала, ИЧ, располагаясь в исходной позиции вершины, фонологически образует общую с ЛГ словоформу. В тех случаях, когда отрицание либо префикс обнаруживаются на ЛГ, ИЧ и возглавляемая ей составляющая передвигаются вверх по структуре, «разрушая» СП как единый лексический комплекс.

Итак, мы установили основные узлы проекции, ответственные за образование СП. Далее мы обсудим правила организации их аргументной и событийной структуры, т.е. прежде всего – вопрос о том, какие вершины оказываются ответственны за проекцию аргументов СП.

2.4. Аргументная и событийная структура СП

Обсуждение аргументной структуры осетинских СП мы начнем с уточнения того, какой именно лексический материал может стоять за ИЧ и ЛГ. Далее мы разберем устройство беспрефиксных, а затем – префиксальных СП, в частности, рассмотрим дистрибутивные свойства, которые в разных случаях выделяют естественные классы СП с разными ИЧ и ЛГ.

2.4.1. типы ИЧ

Именная часть осетинских СП может быть выражена каким-либо из трех элементов:

прилагательным, именем существительным, либо звукоподражательным словом. Возможны также СП с участием числительных (*иу* – ‘один’, *иу кæнын* – ‘объединить’), послелогов (*размæ* – ‘вперед’, *размæ кæнын* – ‘выдвигать’) и т.д., они будут интересовать нас гораздо меньше.

2.4.1.1. Прилагательные

Наиболее типичными адъективными ИЧ являются градуальные прилагательные. Употребляясь как ИЧ в составе СП, они обозначают (постепенное) приобретение задаваемого ими признака:

(2.40) осетинский

а. тæнæг	кас	б. Сарв	тæнæг	кодта
жидкий	каша	масло	жидкий	делать.PST.3.SG
‘жидкая каша’		‘Масло топилося.’		

(2.41) осетинский

а. цæттæ	хæринаг	б. Хæринаг	с-цæттæ	ис
готовый	еда	еда	PREF-готовый	быть.PST.3.SG
‘готовая еда’		‘Еда приготовилась.’		

Насколько нам известно, любое прилагательное, обозначающее градуальный признак, может образовывать СП. Не является препятствием и деривационная морфология: например, отыменные прилагательные с суффиксом *-джын* также образуют СП:

(2.42) осетинский

[Осетинско-русский словарь 1970]

а. <i>низ</i> – ‘боль’	<i>низджын</i> – ‘больной’
б. <i>ад</i> – ‘вкус’	<i>адджын</i> – ‘вкусный’
с. <i>кад</i> – ‘почет’	<i>кадджын</i> – ‘почетный’

(2.43) осетинский

- а. *низджын кæнын* – ‘заражать’
- б. *адджын кæнын* – ‘делать приятным’, ‘подслащивать’
- с. *кадджын кæнын* – ‘славить’

Отметим в связи с этим важность категориального статуса лексем и роль маркеров рекатегоризации. Те же лексемы могут образовывать и СП в отсутствие деривационного показателя:

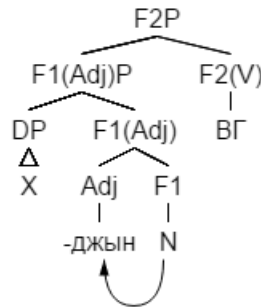
(2.44) осетинский

[Осетинско-русский словарь 1970]

ба-низ кæнын – ‘причинить боль’

Единственное структурное отличие СП *низджын кæнын*, ‘заболеть’ от СП *низ кæнын*, ‘причинять боль’ – адъективизатор *-джын*. При наличии этого показателя, как мы видим, меняется и переходность – СП от прилагательного может быть переходным, в то время как отыменной СП всегда непереходен (подробнее об этом ниже). Данную закономерность несложно выразить в терминах предложенного нами подхода. В структуре, где есть прилагательное, внутренний аргумент (прямой объект) фактически занимает позицию его «подлежащего» – он является логическим субъектом ситуации, задаваемой прилагательным, ‘быть больным’. Возможность предикирования состояния некоторому участнику – категориальное свойство прилагательных, на которое не способны имена. Таким образом, категориальный маркер Adj, фонологически представленный здесь как *-джын*, транзитивизирует СП, добавляя в его структуру уровень «внутренней» предикации:

(2.45)

$$[F_2P [F_1(Adj)P [DP X] [F_1(Adj) [Adj N-джын] [F_1 t_N]]] [F_2(V) ЛГ]]$$

Интерпретация внутренней адъективной проекции F_1P здесь будет ‘X – больной’, что было бы невозможно, если бы F_1P было бы не адъективной, а именной проекцией. Наличие адъективизатора (и шире – признака Adj, выраженного или нет морфологически) «открывает», таким образом, позицию спецификатора – подлежащего внутренней проекции.

2.4.1.2. Существительные

Существительные, употребляемые в качестве ИЧ, являются событийными именами:

(2.46) осетинский

а. йæ æххуыс	адæмæн	уыди стыр	б. ба-ххуыс	кæнын
его помощь	людям	была большой	ПРЕФ-помощь	делать
‘Его помощь людям была большой.’			‘помочь’	

(2.47) осетинский

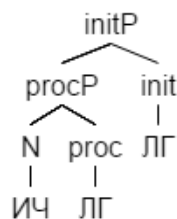
а. маэсты	гæпп	б. пурти	не-гæпп-ытæ	кодта
отчаянный	прыжок	мяч	не-прыжок-PL	делал
‘отчаянный прыжок’		‘Мяч не прыгал.’		

Примеры а. демонстрируют употребление существительных в роли вершины именной группы, примеры б. – в роли ИЧ. В функции ИЧ могут употребляться только абстрактные имена, обозначающие процессы, в том числе и такие как ‘огонь’ (*арт кæнын* – ‘гореть’), ‘дым’ (*фæздаг кæнын* – ‘дымить’). Употребление вещественных имен, таких как ‘соль’, ‘камень’ и т.д., в функции ИЧ (предполагаемые СП – ‘солить’, ‘каменеть’) невозможно. Некоторые имена, такие как *лæвар*, ‘подарок’ (*лæвар кæнын* – ‘дарить’) или *дих*, ‘часть’ (*дих кæнын* – ‘делить’) допускают результативное / предметное прочтение, но также могут употребляться и в значении процесса (‘дар’, ‘разделение’ соответственно), что невозможно с существительными типа *соль*.

Обязательное присутствие событийной семантики позволяет сделать одно важное, на наш взгляд, уточнение структуры СП с ИЧ-существительным. А именно, анализ иранских СП, выполненный в терминах [Ramchand 2008], обычно предполагает, что функциональные вершины *init* и *proc* заполняются непроизносимой копией легкого глагола, а ИЧ занимают позицию комплементов к таким вершинам, см., например, [Pantcheva 2008]:

(2.48)

[*initP* [*procP* [*N* ИЧ] [*proc* ЛГ]] [*init* ЛГ]]

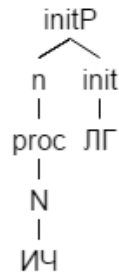
Кроме того факта, что подобная структура избыточна, – она требует лишних процедур по «стиранию» «ненужных» копий ЛГ – она плоха еще и по другой причине. Проекция *proc* при таком анализе вводит событийный компонент группы *proc*, следовательно, в его отсутствие ИЧ должна быть лишена событийной интерпретации. Напротив, если *proc* задает событийную часть *procP*, ИЧ может (и даже должна) быть лишена событийной интерпретации. То, что мы наблюдаем в действительности – прямо противоположно: i) имена, входящие в СП, могут иметь событийную интерпретацию вне СП; ii) обычные предметные существительные невозможны в качестве ИЧ.

Мы будем считать, что существительные, составляющие ИЧ, обычно имеют сложную

структуру, включающую ответственную за событийную интерпретацию вершину *proc*. Такая вершина принимает в качестве компонента *N* – вершину лексического имени и сама является компонентом некоторой именной функциональной оболочки *n*:

(2.49)

[*initP* [*n* [*proc* [*N* ИЧ]]] [*init* ЛГ]]

В составе СП такая структура взаимодействует с другими проекциями, ответственными за различные фазы подсобытия. Вне пределов СП подобные имена могут быть и лишены оболочки *proc*, имея предметное / результативное значение (*подарок лежал на столе, я бы отдал весь мир за один ее поцелуй,...*). Для краткости далее мы будем представлять структуру существительных с событийным компонентом просто как [*n*].

Приведенная структура отражает сделанное выше наблюдение о том, что все ИЧ-существительные, участвующие в образовании СП, событийны. Вершина *proc*, таким образом, необязательна при образовании СП. Аналогичное решение мы приняли выше для ИЧ-прилагательных – они не нуждаются в глагольных вершинах для того, чтобы предсказать состояние своим внутренним субъектам (=прямым объектам глагола), для этого им достаточно иметь определенную категориальную принадлежность.

2.4.1.3. Звукоподражательные имена и редупликации

Как указано в [Абаев 1970: 641]: «Часто образуются составные глаголы из сочетания звукоподражательно-выразительных слов с *каенын* или *ласын*.» Регулярность подобного процесса свидетельствует о том, что перед нами не застывший пласт лексики, а свободный механизм порождения новых слов. Иначе говоря, возможность образовывать СП из звукоподражательных слов – еще одно свидетельство их синтаксической природы.

Прочитаем также описание семантики данных ИЧ, сделанное В.И. Абаевым: «... звукоподражательные слова бывают двух типов: одни могут употребляться без удвоения, другие обязательно с удвоением. Первые выражают однократное действие, движение, звучание: *даенг* ‘выстрел’, *сыффытт* ‘шмыг’, *гаепп* ‘прыжок’, *кьяепп* ‘тяп!’ и т.п. Вторые – повторяющееся или длящееся действие, движение, звучание: *баер-баер* ‘болтовня’, *саепп-саепп* ‘рысь’, *кьюырт-*

къуырт ‘стук’ и т.п. Слова первой группы можно также употреблять с удвоением, если нужно указать на многократность действия; так, если *гæпп кæнын* означает ‘прыгать’, то *гæпп-гæпп кæнын* ‘подпрыгивать’. Слова эти передают: 1. Различные звуки, издаваемые живыми существами и неживой природой. 2. Различные виды движения. 3. Некоторые световые явления (блеск, вспышка)», [Абаев 1970: 645-646].

Правила образования и употребления для СП со звукоподражательными словами – те же, что и для прилагательных и имен:

(2.50) осетинский

а. Заур ны-хшит кодта
 Заур PREF-свист делать.PST.3.SG
 ‘Заур свистнул.’

б. Алан чиныг а-сыр-сыр кодта
 Алан книга PREF-шыр-шыр делать.PST.3.SG
 ‘Алан шуршал книгой.’ (досл. ‘шуршал книгу’)

Скажем в заключение, что обсуждаемые ИЧ также имеют событийную интерпретацию: *къæлæсы-мæлæсы* ‘кривляние’ (*къæлæсы-мæлæсы кæнын* ‘кривляться’), *джис-къус* ‘колебание’ (*а-джис-къус кæнын* ‘поколебаться’).

2.4.2. Разновидности ЛГ

В дальнейшем исследовании мы будем во многом полагаться на анализ ЛГ, предложенный Мириам Бат, см., например, [Butt 2003; Butt, Lahiri 2013]. ЛГ с точки зрения Бат противопоставлены как вспомогательным (auxiliaries), так и лексическим глаголам. ЛГ, по мнению Бат, также не стоит смешивать с сериализаторами, которые как правило грамматикализуются во вспомогательные глаголы (auxiliaries), чего не происходит с ЛГ. ЛГ по Бат имеют другую диахроническую и типологическую особенность – они всегда сосуществуют синхронно со своим полнозначным лексическим коррелятом.

Как мы уже говорили, в осетинском ЛГ представлено глаголами ‘быть’ и ‘делать’:

(2.51) осетинский

а. æз с-мæсты дæн
 я PREF-сердитый быть.PST.1.SG
 ‘Я рассердился.’

b. æз	с-мæсты	кодтон	ме	фыд-ы
я	PREF-сердитый	делать.PST.1.SG	мой	отец-GEN

‘Я рассердил отца.’

2.4.3. Аргументы беспрефиксных ИЧ

Ниже мы последовательно рассмотрим зависимость аргументной структуры **беспрефиксных** СП от различных комбинаций следующих признаков: i) лексическая категория ИЧ; ii) тип связки (‘быть’ и ‘делать’). Мы определим возможные сочетания таких признаков и аргументную структуру каждого (грамматичного) сочетания.

2.4.3.1. Аргументы СП с прилагательными

ИЧ-прилагательные могут сочетаться с обоими ЛГ, варьируя количество участников в зависимости от ЛГ. Некоторые осетинские ИЧ имеют свободную категориальную принадлежность и могут употребляться и как прилагательные, и как существительные. В данной части работы мы в основном будем говорить о тех прилагательных, которые не имеют именных омонимов.

2.4.3.1.1. ЛГ ‘БЫТЬ’

Как отмечается в [Lyutikova, Tatevosov 2013], комбинация ИЧ-прилагательного с ЛГ ‘быть’ неграмматична. Приведем собственные примеры, демонстрирующие это:

(2.52) осетинский

*Аслан	лæгуын	ис
Аслан	лысый	быть.PRES.3.SG

‘Аслан лысел.’

(2.53) осетинский

*Дзидза	лыг	ис
Мясо	отрезанный	быть.PRES.3.SG

‘Мясо нарезалось.’

Для выражения инхоативного значения в этом случае употребляется непереходный вариант глагола *кæнын*.

Естественно, что глагол ‘быть’ никогда не образует переходных предикаций:

(2.54) осетинский

*Алан лыг ис дзидза

Алан отрезанный быть.PRES.3.SG мясо

‘Алан нарезал мясо.’

2.4.3.1.2. ЛГ ‘ДЕЛАТЬ’

Беспрефиксный ЛГ *кæнын* в сочетании с ИЧ-прилагательным может образовывать как непереходные, так и переходные предикации:

(2.55) осетинский

Алан мæсты кодта

Алан сердитый делать.PST.3.SG

‘Алан сердился.’

(2.56) осетинский

Заур Алан-ы мæсты кодта

Заур Алан-GEN сердитый делать.PST.3.SG

‘Заур сердил Алана.’

Беспрефиксные СП с прилагательными неопределены. Это следует из их сочетаемости с обстоятельствами типа ‘два часа’:

(2.57) осетинский

хæринаг цæттæ кодта дыууæ сахаты

еда готовый делать.PST.3.SG два часа

‘Еда готовилась два часа’

(2.58) осетинский

æз цæттæ кодтон хæринаг дыууæ сахаты

я готовый делать.PST.3.SG еда два часа

‘Я готовил еду два часа’

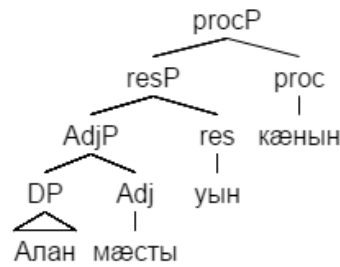
Ниже будет предложен анализ структуры адъективных беспрефиксных СП.

2.4.3.2. Структура беспрефиксных СП с прилагательными

Непереходные СП с ЛГ *кæнын* и ИЧ-прилагательным имеют следующую исходную структуру:

(2.59)

[procP [resP [AdjP [DP Алан] [Adj маэсты]]] [res уын]] [proc кæнын]]

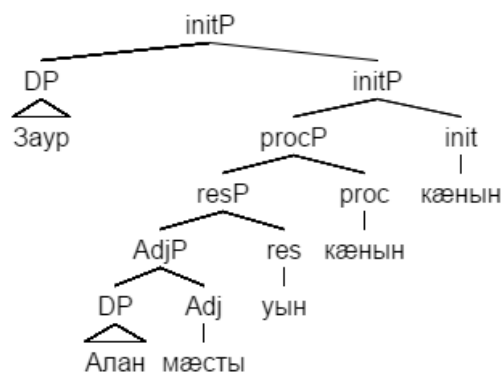

Участник, приобретающий предцируемое СП качество, изначально порождается как внутреннее подлежащее группы прилагательного. Глагол *кæнын* в непереходных СП привносит значение перехода к новому состоянию ('быть сердитым') и соответствует фазе неопределенного процесса, что синтаксически выражается вершиной *proc*, доминирующей над фазой результата *res* и «предикативной» группой прилагательного. Группа прилагательного предцирует состояние ('быть сердитым' etc.) безотносительно аспектуальных (и временных) характеристик – они привносятся в структуру посредством ЛГ *кæнын* и *уын*, сообщающих в данном случае, что свойство 'быть сердитым' приобретается «подлежащим» прилагательного, именной группой *Алан*.

ЛГ *кæнын* позволяет образовывать от прилагательных и переходные СП без префикса. В этом случае глагол 'делать' соответствует не только вершине *proc*, но и вершине, задающей каузирующее подсобытие в глагольной структуре, *init*:

(2.60)

[initP [DP Заур]] [initP [procP [resP [AdjP [DP Алан] [Adj маэсты]]] [res уын]] [proc кæнын]] [init кæнын]]]

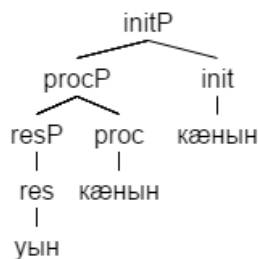
С точки зрения событийной структуры глагол *кæнын* соответствует в данном случае не только фазе процесса, но и начальной фазе всего события. С точки зрения аргументной структуры *кæнын* задает внешнего каузирующего участника, который порождается в спецификаторе *initP*. Спецификатор наиболее внешней проекции глагола, *initP*, соответствует

спецификатору малого *v* при обычном, недекомпозиционном подходе. Результат, как и в случае непереходной ситуации, задается проекций *res*, принимающей в качестве компонента группу прилагательного.

Скажем несколько слов о том, каким образом из различных реализаций глаголов *кæнын* и *уын* остается фонологически выраженной лишь одна. Современная генеративная теория достаточно развита технически и может предложить различные инженерные решения (возможно допустить механизмы передвижения, стирания одной «лишней» копии из нескольких и т.д.). Мы примем следующее решение: все три составляющие глагольную группу элементарные вершины соответствуют различным осетинским ЛГ. Начальная каузирующая фаза *init* и стадия разворачивания события *proc* задаются глаголом *кæнын*, ‘делать’. Глагол *уын*, ‘быть’ соответствует результирующей фазе *resP*:

(2.61)

[*initP* [*procP* [*resP* [*res* *уын*]]] [*proc* *кæнын*]] [*init* *кæнын*]]

Правила реализации вершин таковы:

(2.62) Правила реализации вершин в осетинских СП:

- i) в структуре глагола может быть представлено от одной до трех вершин из данного набора, что определяет аргументную и событийную структуру СП;
- ii) озвучиванию подлжит наиболее высокая из вершин

Так, например, беспрефиксные ИЧ с прилагательным всегда неопределены – в них отсутствует вершина *res*. Функции глагола *кæнын* в беспрефиксных адъективных СП таковы: введение процессной фазы в непереходных СП и введение процессной фазы совместно с каузирующей фазой, задающей внешний аргумент, в случае переходных СП.

Неграмматичность беспрефиксных адъективных СП с глаголом ‘быть’ объясняется в [Lyučikova, Tatevosov 2013] как результат проигранной данным ЛГ конкуренции за озвучивание. Как предлагают считать авторы, глагол ‘быть’, имеющий (только) инхоативное значение конкурирует с ‘делать’, привносящим в деривацию большее количество структуры –

инхоативную составляющую и собственно VP, содержащую также и внутренний аргумент. Конкуренцию выигрывает глагол ‘делать’ по принципу большей специфицированности – необходимо выбрать тот элемент, который несет большее количество грамматической информации.

Наш подход будет несколько отличаться от анализа, предложенного в [Ljutikova, Tatevosov 2013]. Мы будем считать, что внутренний аргумент – прямой объект переходных глаголов и единственный участник непереходных адъективных СП – всегда является аргументом прилагательного, а глагол *кæнын* не принимает никакого участия в его проецировании.

ЛГ ‘быть’, *уын*, соответствует только уровню *resP* внутренней проекции глагола, что отличает его от *кæнын*, который соответствует двум другим внутренним уровням лексической структуры, *pros* и *init*. Поскольку непереходные беспрефиксные СП не содержат результативной стадии, глагол *уын* ‘быть’ отсутствует в их структуре. Подробнее эта идея будет развита ниже.

2.4.3.3. Аргументы СП с существительными

Здесь мы сравним структуру беспрефиксных СП с существительными и беспрефиксных адъективных СП, описанных выше.

2.4.3.3.1. ЛГ ‘БЫТЬ’

ИЧ-существительные в составе беспрефиксных СП неграмматичны с ЛГ ‘быть’:

(2.63) осетинский

*Æз ленк дæн.
я плавание быть.PRES.1.SG

‘Я плавал.’

(2.64) осетинский

*Бæх гæпп ис
лошадь прыжок быть.PRES.3.SG

‘Лошадь прыгала.’

Естественно, что невозможны и переходные предикации с *уын* ‘быть’.

2.4.3.3.2. ЛГ ‘ДЕЛАТЬ’

Существительные в составе ИЧ могут образовывать СП, который в данном случае может быть лишь непереходным:

(2.65) осетинский

Аслан ленк кодта
 Аслан плавание делать.PRES.3.SG
 ‘Аслан плавал.’

(2.66) осетинский

Бæх гæпп кодта
 лошадь прыжок делать.PST.3.SG
 ‘Лошадь прыгала.’

Переходные СП с ИЧ-существительным запрещены:

(2.67) осетинский

*Æз бæх-ы гæпп кодтон
 я лошадь-GEN прыжок делать.PST.1.SG
 ‘Я заставлял лошадь прыгать (прыгнуть).’

(2.68) осетинский

*Заур Аслан-ы ленк кодта
 Заур Аслан-GEN плавание делать.PRES.3.SG
 ‘Заур делал так, что Аслан плавал.’

Непереходные отыменные СП непердельны – они сочетаются с обстоятельствами длительности типа ‘два часа’:

(2.69) осетинский

бæх гæпп кодта дыууæ сахаты.
 лошадь прыжок делать.PST.3.SG два часа
 ‘Лошадь прыгала два часа.’

Ниже мы представим анализ структуры отыменных беспрефиксных СП.

2.4.3.4. Структура беспрефиксных СП с существительными

СП с существительными отличается от СП с прилагательными по следующим параметрам: i) ИЧ-существительные описывают некоторые активные действия (см. выше), в то время как ИЧ-прилагательные соответствуют инхоативам; ii) ИЧ-существительные не имеют своих аргументом, в то время как ИЧ-прилагательные проецируют именную группу,

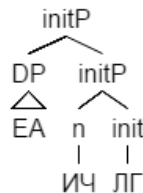
являющуюся ее логическим подлежащим и в синтаксической структуре занимающую позицию ее спецификатора.

Эти отличия соответствуют различиям в структуре глагольной группы в целом. Как мы указывали выше, существительные, употребляющиеся в качестве ИЧ, сохраняют событийную интерпретацию не только в составе СП, но и в других синтаксических контекстах. Все, что необходимо событийным именам в составе СП, – аргумент(ы), т.к. сами такие существительные аргументов не проецируют, а безаргументные предикации невозможны – в предикации обязательно должно быть подлежащее. Данное ограничение объяснялось в Теории Управления и Связывания с Принципом Развернутой проекции (Extended Projection Principle), см. [Chomsky 1981]; в Минимализме за обязательностью подлежащего предлагалось видеть необходимость проверки признаков на вершине T, задающей финитность клаузы, см. [Chomsky 1995]. Какой бы ни была теория, объясняющая феномен подлежащего, сам факт обязательного наличия как минимум одного участника можно считать универсальным. Подлежащее необходимо для подавляющего большинства предложений во всех языках, для которых проводились исследования по проблеме подлежащего – исключение из этого правила, насколько нам известно, нет.⁵⁶

Таким образом, для того, чтобы построить грамматичную клаузу, необходим как минимум один аргумент. При построении СП с существительными проецируемый аргумент не может иметь другого источника кроме легкого глагола. Таким образом, в СП с существительными ЛГ задают участника, ответственного за начало события, иными словами – каузатора. Каузатор вставляется на уровне фазы *initP*, проецируемой ЛГ *канын*:

(2.70)

[*initP* [*DP* EA] [*initP* [_n ИЧ] [*init* ЛГ]]]

Обозначение EA (External Argument, внешний аргумент) соответствует описанной роли каузатора. Наряду с ним мы будем выделять роль внешнего аргумента, IA (internal Argument). Внешний аргумент обладает (не обязательно полным, но достаточным) набором свойств, связываемых обычно с агентивностью: сознательностью, одушевленностью, способностью к

⁵⁶ Оставляя за скобками внутриязыковые характеристики, по которым определяются подлежащие, конструкции типа русских *Было холодно* и тому подобные проблемы.

контролю над осуществляемым действием и т.д. Внутренний аргумент, напротив, обладает набором свойств, характерных для пациента: неодушевленностью, невозможностью контролировать процесс, подверженностью внешнему воздействию (*affectedness*) и т.д., см. [Dowty 1991].

Внутренний аргумент в нашей системе связан только с адъективными ИЧ и реализует логический субъект прилагательного. Внешний аргумент может задаваться только глаголами, имеющими проекцию, ответственную за агенс/каузатор. Среди двух вспомогательных глаголов осетинского языка таковым является только ‘делать’, но не ‘быть’. Неспособность глагола ‘быть’ задавать внешнего участника и отсутствие собственного участника у ИЧ-существительных объясняют неграмматичность отыменных СП с ‘быть’. Этой же самой причиной объясняется и грамматичность адъективных ИЧ с ‘быть’.

Аргументные свойства составляющих отыменные СП элементов объясняют также и факты, связанные с переходностью и запретом на нее. Переходные СП, т.е. глаголы с внешним и внутренним участником, одновременно возможны в нашей системе только если: i) есть глагол ‘делать’, задающий внешнего участника и ii) есть ИЧ-прилагательное, задающее внутреннего участника. Еще одно следствие – у СП с существительным может быть только внешний участник, в то время как СП с прилагательными могут иметь одного лишь внутреннего участника либо быть переходными.

2.4.3.5. Свойства и структура беспрефиксных СП: краткие итоги

Итак, изучая беспрефиксные СП, мы установили следующее: i) прилагательное в роли ИЧ ответственно за внутренний аргумент, являющийся его логическим подлежащим; ii) у СП с ИЧ-существительным нет своего внутреннего участника; iii) внешний участник (если он есть) всегда проецируется глаголом ‘делать’; iv) глагол *уын* ‘быть’ имеет результативную интерпретацию и не участвует в образовании неопределенных беспрефиксных ЛГ; v) глагол *кæнын* ‘делать’ соответствует каузирующему подсобытию и подсобытию процесса.

Мы также установили правила реализации вершин СП: i) каждый СП может содержать от одной до трех вершин из набора *init*, *proс*, *res*; ii) озвучивается наиболее высокая из данных вершин.

2.4.4. Аргументы префиксальных ИЧ

В случае префиксальных СП на исходную структуру накладываются ограничения, связанные с привносимой префиксом предельностью. Предельность осетинских глаголов с префиксом показана в [Lyutikova, Tatevosov 2013] и мы примем это как установленный факт, не требующий дополнительного доказательства. Исследуемые ниже ограничения связаны как аргументной, так и событийной структуры.

2.4.4.1. Аргументы ИЧ-прилагательных

2.4.4.1.1. ЛГ 'БЫТЬ'

В отличие от беспрефиксных СП, СП с префиксом грамматичны с легким глаголом 'быть':

(2.71) осетинский

дзидза	с-æвзæр	ис
мясо	PREF-плохой	быть.PRES.3.SG

'Мясо испортилось.'

Как указано в [Абаев 1970: 640]: «Превербные формы составных глаголов, образованные с помощью настоящего времени вспомогательного глагола *уын* 'быть', имеют значение прошедшего времени: *фæрох дагн* означает 'я забыт' а не 'я забываюсь'. Вспомним, что формы прошедшего времени непереходных простых (не составных) глаголов являются также исторически составными из причастия прошедшего времени и настоящего времени глагола *уын* 'быть'. Стало быть, *а-хылд-ис* 'он уполз' (от простого глагола *хилын* 'ползти') и *а-хыл-ис* 'он поссорился' (от составного глагола *ахыл уын* 'поссориться') совершенно идентичны по структуре».

Адъективные префиксальные СП обозначают конечное состояние, в которое переходит внутренний участник, выраженный подлежащим. Мы будем считать, что отадъективные префиксальные СП содержат лишь фазу конечного состояния *res* и не содержат фаз *init* и *proc*.

2.4.4.1.2. ЛГ 'ДЕЛАТЬ'

Отличие префиксальных отадъективных СП от беспрефиксных – в том, что они могут быть только переходными, непереходные варианты неграмматичны:

(2.72) осетинский

Заур	Алан-ы	с-мæсты	кодта
Заур	Алан-GEN	PREF-сердитый	делать.PST.3.SG

'Заур рассердил Алана.'

(2.73) осетинский

*Алан	с-мæсты	кодта
Алан	PREF-сердитый	делать.PST.3.SG

'Алан рассердился.'

Далее будет представлен анализ структуры адъективных СП с префиксом.

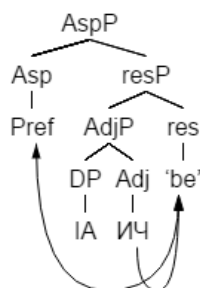
2.4.4.2. Структура префиксальных СП с прилагательными

Два существенных отличия префиксальных адъективных СП от беспрефиксных, таким образом: i) возможность образования непереходных СП с глаголом ‘быть’ и ii) невозможность непереходного употребления с глаголом ‘делать’.

Неграмматичность беспрефиксного СП с *уын* ‘быть’ была объяснена нами ранее – *уын* соответствует только результативной части глагольной структуры и таким образом не может кодировать инхоативные предикации, не достигшие результата, каковыми являются беспрефиксные непередельные СП. В случае префиксальных СП вершина *res*, представленная ЛГ *уын*, взаимодействует с предельным значением префикса и успешно задает конечное состояние:

(2.74)

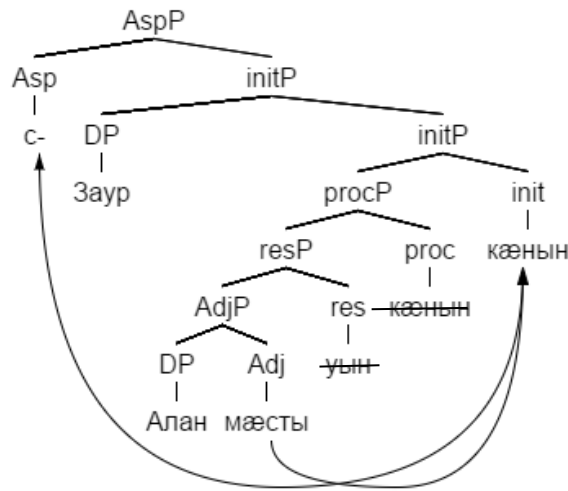
[_{AspP} [_{Asp} Pref] [_{resP} [_{AdjP} [_{DP} IA] [_{Adj} ИЧ]] [_{res} ‘be’]]]

Причины неграмматичности префиксального непереходного употребления легкого *канын* ‘делать’ состоят в следующем. Как мы видели выше, глагол ‘делать’ может употребляться переходно (*Заур Аланы с/масты кодта*, ‘Заур рас/сердил Алана’) либо непереходно (*Алан масты кодта*, ‘Алан сердился’). В непереходном случае *канын* соответствует проекции *pro*. Случаи переходного префиксального употребления отличаются от беспрефиксного наличием вершины *res*:

(2.75)

[AspP [Asp c-] [initP [DP Заур] [initP [procP [resP [AdjP [DP Алан] [Adj маэсты]]] [res уын]]] [proc кэнын]]] [init кэнын]]]]

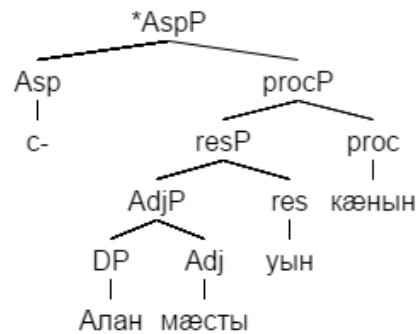

Как мы предположили, озвучивается лишь наиболее высокая из глагольных вершин, т.е. [init кэнын], таким образом, глагол *уын*, присутствуя в деривации в виде [res уын], не получает фонологического выражения. Вершина группы прилагательного передвигается в ту же initP, максимально высокую вершину глагольной группы, как это было описано выше.

Нам необходимо объяснить неграмматичность непереходной структуры с префиксом:

(2.76)

[AspP [Asp c-] [procP [resP [AdjP [DP Алан] [Adj маэсты]]] [res уын]]] [proc кэнын]]]

Мы предлагаем считать, что невозможность такой структуры следует из ограничения на способность к вставлению аргументов у глагола *кэнын*. Мы предполагаем, что способность задавать собственный аргумент есть только у [init кэнын]⁵⁷, но не у [proc кэнын]. Если это так, несложно объяснить все переходные употребления СП – они всегда основаны на [init кэнын]

⁵⁷ Здесь и далее, говоря о варианте глагола 'делать' [init кэнын], мы будем также подразумевать – в соответствии с нашим предположением об озвучивании верхней фазы глагола – те реализации *кэнын*, которые содержат еще и [proc кэнын]. Противопоставление, таким образом будет между [init кэнын] и [init кэнын [proc кэнын]] с одной стороны и [proc кэнын] с другой.

‘делать’. Сложнее с переходными вариантами СП, а именно – с глаголом *кæнын* в функции ЛГ в беспрефиксных СП (*Алан маэсты кодта*, ‘Алан сердился’).

Мы предлагаем считать, что в переходном варианте адъективных СП используется глагол [_{прос} *кæнын*], который лишен способности задавать внешний аргумент и функция которого состоит лишь во введении процессной фазы ситуации. При таком анализе грамматичность обоих переходных употреблений и переходного беспрефиксного употребления следует автоматически. Однако требуется объяснить неграмматичность переходного префиксального употребления (**Алан смæсты кодта*, ‘Алан рассердился’).

Для этого необходимо обратить внимание на тот факт, что обоим употреблениям *кæнын* в функции легкого глагола соответствуют различные лексические употребления. Аналогом легкого глагола [_{init} *кæнын*] является лексический глагол со значением ‘делать, производить, порождать...’:

(2.77) осетинский

а. Циутæ ахстон кодтой

Птицы гнездо делать.PST.3.PL

‘Птицы вили гнездо.’

б. мад кодта сывæллон-ы хъæлдзæг

мать PREF-делать.PST.3.PL ребенок-GEN веселый

‘Мать делала ребенка веселым.’

Эта версия ‘делать’, [_{init} *кæнын*], может употребляться и с телесизирующими префиксами:

(2.78) осетинский

а. Циутæ ахстон с-кодтой

Птицы гнездо PREF-делать.PST.3.PL

‘Птицы свили гнездо.’

б. мад с-кодта сывæллон-ы хъæлдзæг

мать PREF-делать.PST.3.PL ребенок-GEN веселый

‘Мать сделала ребенка веселым’.

В действительности ситуации ‘Птицы вили гнездо’ и ‘Мать делала ребенка веселым’ также немного различаются. В первом случае прежде не существовавший объект возникает в результате описываемого действия, такие употребления ‘делать’ мы будем называть «делать

созидания». В случаях типа ‘Мать развеселила ребенка’ имеет место изменение состояния уже существовавшего объекта, такие случаи мы соответствующим образом соотносим со значением ‘делать’ вторичного предиката. Мы вернемся к двум данным типам лексического глагола *кæнын* несколько ниже.

Аналогом легкого глагола [_{прос} *кæнын*] является лексический глагол со значением ‘делаться, становиться, ...’:

(2.79) осетинский

а. сывæллон кодта хъæлдзæг

ребенок делать.PST.3.PL веселый

‘Ребенок делался веселым’.

б. Алан кодта ахуыргæнæг

Алан делать.PST.3.PL учитель

‘Алан становился учителем’.

Отличительное свойство непереходного варианта лексического *кæнын* – его неграмматичность при употреблении вместе с префиксами:

(2.80) осетинский

а. *сывæллон с-кодта хъæлдзæг

ребенок PREF-делать.PST.3.PL веселый

‘Ребенок стал веселым’.

б. *Алан с-кодта ахуыргæнæг

Алан PREF-делать.PST.3.PL учитель

‘Алан стал учителем’.

Таким образом, мы можем сформулировать следующее наблюдение: переходные лексические глаголы ‘делать’ могут соединяться с префиксом, в то время как непереходные лексические глаголы ‘делать’ этого не могут. Аналогичным образом обстоит дело и с *кæнын*-ЛГ. ЛГ [_{init} *кæнын*] может задавать внешний аргумент и выступать в префиксальной форме, в то время как [_{прос} *кæнын*] не может ни того, ни другого.

В предлагаемом нами анализе неграмматичность непереходных префиксальных СП следует из того, что [_{прос} *кæнын*] отличается от [_{init} *кæнын*]. Причины, по которым [_{прос} *кæнын*] не может употребляться с префиксами, могут быть связаны, например, с тем, что в отсутствие вершины *ges* сочетание *прос* и адъективной основы не может удовлетворить условие на завершенность ситуации, налагаемое префиксом. Мы не будем подробно останавливаться на

семантических причинах подобной неграмматичности, однако ниже найдем еще одно подтверждение такому взгляду (см. обсуждение структуры СП со звукоподражаниями).

Итак, то, что мы наблюдаем – четкое функциональное разграничение среди непереходных глаголов: [_{прос} *кæнын*] употребляется в неопределенных ситуациях, в то время как [_{рес} *уын*] – в предельных. Одной из возможных причин неграмматичности префиксального [_{прос} *кæнын*] может быть как раз его конкуренция с [_{рес} *уын*], см. аналогичное наблюдение в [Lyutikova, Tatevosov 2013].

2.4.4.3. Аргументы ИЧ-существительных

2.4.4.3.1. ЛГ ‘БЫТЬ’

Как и беспрефиксные СП, отыменные СП с префиксом неграмматичны с легким глаголом ‘быть’:

(2.81) осетинский

*Баех	а-гæпп	ис
лошадь	PREF-прыжок	быть.PRES.3.SG

‘Лошадь прыгнула.’

(2.82) осетинский

*Аслан	а-ленк	ис
Аслан	PREF-плавание	быть.PRES.3.SG

‘Аслан приплыл.’

Как и во всех предыдущих случаях, переходные предикации с *уын* ‘быть’ также невозможны, как указано в [Багаев 1965: 284]: «Сложные глаголы, в состав которых входит вспомогательный глагол *уæвын* с приставками (*сахуыр уæвын* «научиться», «привыкнуть», *æрбахæцца уæвын* «прибыть», *смæсты уæвын* «разозлиться», *фаехъæр уæвын* «разгласиться» и т. п.), бывают только непереходными совершенного вида, например: *сахуыр дæн* «(я) научился», «(я) привык», *сахуыр уыдзынæн* «научусь», «привыкну», *æрбахæцца дæн* «(я) прибыл», *æрбахæцца уыдзынæн* «прибуду», *смæсты дæн* «(я) разозлился», *смæсты уыдзынæн* «разозлюсь» и т. д.»

2.4.4.3.2. ЛГ ‘ДЕЛАТЬ’

Глагол ‘делать’ позволяет отыменным СП образовывать предельные непереходные клаузы:

(2.83) осетинский

Бæх	а-гæпп	кодта	
лошадь	PREF-прыжок	делать. PST.3.SG	

‘Лошадь прыгнула.’

(2.84) осетинский

Аслан	а-ленк	кодта	
Аслан	PREF-плавание	делать. PST.3.SG	

‘Аслан приплыл.’

Как и в случае с беспрефиксными СП, переходные отыменные СП неграмматичны:

(2.85) осетинский

*Аслан	бæх-ы	а-гæпп	кодта
Аслан	лошадь-GEN	PREF-прыжок	делать.PST.3.SG

‘Аслан заставил лошадь прыгнуть.’

(2.86) осетинский

*Заур	Аслан-ы	а-ленк	кодта
Заур	Аслан-GEN	PREF-плавание	делать.PST.3.SG

‘Заур сделал так, что Аслан приплыл.’

Исключение составляют лишь так называемые прямые объекты пути (Paths), см. [Ramchand 2008: 43-45]:

(2.87) осетинский

Кæсаг	дон-ы	а-ленк	кодта
Рыба	река-GEN	PREF-плавание	делать.PST.3.SG

‘Рыба переплыла реку.’

Свойства таких объектов в целом отличаются от свойств стандартных внутренних аргументов (например, они допустимы при непереходных предикациях, ср. русское: *Жизнь прожить – не поле перейти* и т.д.)

Ниже мы представим анализ структуры отыменных СП с префиксом.

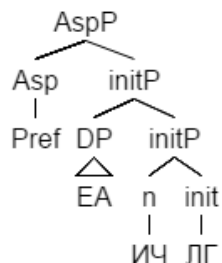
2.4.4.4. Структура префиксальных СП с существительными

Внутренняя организация префиксальных СП с существительными является простым

результатом слияния беспрефиксных СП с существительными и группы AspP:

(2.88)

[AspP [Asp Pref] [initP [DP EA] [initP [n ИЧ] [init ЛГ]]]]

При образовании всех отыменных СП используется ЛГ [_{init} *кæнын*], который ответственен за введение в структуру единственного (внешнего) аргумента. Другие аргументы в СП с ИЧ-существительным невозможны, что объясняется отсутствием у существительных способности проецировать свой (внутренний) аргумент.

2.4.4.5. Свойства и структура префиксальных СП: краткие итоги

Префиксальные СП возможны в трех вариантах: непереходные адъективные СП с глаголом ‘быть’, а также переходные адъективные и непереходные именные СП с глаголом ‘делать’. Легкий глагол ‘быть’ [_{res} *уын*] употребляется при непереходном СП с прилагательными, т.к. он занимает позицию проекции *res* и сочетаясь с телисизирующим префиксом оформляет значение конечного состояния (‘Аслан рассердился’ и т.п.) В случае переходных адъективных и непереходных именных СП в структуре участвует ЛГ [_{init} *кæнын*], задающий внешнего участника ситуации. ЛГ [_{proc} *кæнын*] несовместим с префиксами. Неграмматичность переходных СП с ИЧ-существительным усугубляется отсутствием у существительных собственных аргументов.

2.4.5. Структура адъективных и именных СП: итоги

Итак, на примере СП с прилагательными и существительными мы определили основные принципы образования осетинских СП. Далее мы вкратце разберем некоторые другие варианты именных частей, а пока суммируем результаты обсуждения структуры СП.

Дистрибуция аргументов СП подчиняется правилам, представленным в следующей таблице:

Таблица 2.2. Аргументная структура осетинских СП

ИЧ	ЛГ	беспрефиксные	префиксальные
Adj	‘do’	*EA; IA; <EA+IA>	*EA; *IA; <EA+IA>
	‘be’	*EA; *IA; *<EA+IA>	*EA; IA; *<EA+IA>
N	‘do’	EA; *IA; *<EA+IA>	EA; *IA; *<EA+IA>
	‘be’	*EA; *IA; *<EA+IA>	*EA; *IA; *<EA+IA>

EA (внешний аргумент) соответствует подлежащему переходных и неэргативных непереходных глаголов, IA (внутренний аргумент) – прямому объекту переходных и подлежащему неаккузативных непереходных глаголов. Обозначение EA+IA соответствует выражению обоих участников в переходных СП.

Приведенные в таблице факты подчиняются сформулированным нами правилам: i) внутренний аргумент всегда привносится прилагательным; ii) внешний аргумент всегда связан только с [_{init} кæнын]; iii) ЛГ [_{proc} кæнын] задает лишь фазу процесса (но не другие фазы); iv) ЛГ [_{res} уын] задает лишь фазу результата (но не другие фазы); v) ни [_{proc} кæнын], ни [_{res} уын] не вводят аргументов.

Правила фонологической реализации вершин *init*, *proc* и *res* представлены в таблице ниже:

Таблица 2.3. Фонологическая реализация ЛГ в зависимости от переходности и наличия префикса

	беспрефиксные	префиксальные
Tr	<i>кæнын</i>	<i>a-/c-/... + кæнын</i>
Itr	<i>кæнын</i>	<i>a-/c-/... +уын</i>

Обсуждая морфосинтаксис СП, мы упоминали тот факт, что выбор фонологической формы префикса определяет ИЧ. Фонологическая реализация ЛГ, в свою очередь, определяется функциональными вершинами, которые формируют лексическую структуру СП. Как мы считаем, реализуется вершина, оказавшаяся наиболее высокой из доступных в некоторой структуре. В переходных СП это всегда [_{init} кæнын]. В непереходных СП это может быть [_{res} уын] – если отсутствуют фазы процесса и каузации, или [_{proc} кæнын] – если в структуре представлена только фаза процесса.

2.4.6. Свойства СП *transitiva tantum*

Ниже мы обсудим некоторые отклонения от представленных обобщений об аргументной

структуре СП.

2.4.6.1. Отсутствие чередования в беспрефиксной форме

Некоторые глаголы демонстрируют неспособность к непереходному употреблению даже в отсутствие префикса:

(2.89) осетинский

фыд	лæппу-йæн	лæвар	кодта	пурти-т-æ
Отец	мальчик-DAT	подарок	делать.PST.3.SG	мяч-PL-NOM

‘Отец дарил мальчику мячи.’

(2.90) осетинский

пурти-т-æ	лæвар	кодтой
мяч-PL-NOM	подарок	делать.PST.3.PL

*‘Мячи (сами) дарились.’

Данный пример показывает, что образование непереходного варианта с субъектом *мячи* от СП ‘дарить’ невозможно. Аналогичным образом устроен, например, СП ‘целовать’, *ба кæнын*. В отсутствие префикса возможно только переходное употребление данного СП:

(2.91) осетинский

Алан ба	кодта	Фатимай-ы
Алан поцелуй	делать.PST.3.SG	Фатима-GEN

‘Алан целовал Фатиму.’

(2.92) осетинский

Фатима	ба	кодта
Фатима	поцелуй	делать.PST.3.SG

*‘Фатима была целуема (неизвестно кем).’

По нашим представлениям, предикаты типа *ба кæнын* количественно являются достаточно небольшой группой СП. Естественно, что в варианте с префиксом такие СП также не могут быть непереходными. Вопрос о том, как проецируются внутренний и внешний участники у подобных глаголов, мы постараемся затронуть несколько ниже, а пока сформулируем диагностические контексты на наличие либо отсутствие у СП аргумента некоторого типа.

2.4.6.2. *Контексты, диагностирующие наличие внешнего и внутреннего аргумента СП*

Условие наличия внешнего аргумента у некоторого СП фактически были указаны нами выше – это невозможность СП употребляться с ЛГ ‘быть’. Действительно, сам глагол *уын* не проецирует никаких аргументов (в т.ч. и внешнего). Единственный участник, с которым он может быть совместим – внутренний, он предоставляется адъективной ИЧ. Невозможность употребления с ‘быть’ выделяет в отдельный класс отыменные СП – это так называемые неэргативные глаголы.

Ниже мы продемонстрируем тест, который, напротив, диагностирует наличие внутреннего аргумента. Таким контекстом для СП является возможность употребления в форме пассивного причастия:

(2.93) осетинский

æнкъæрд	конд	лæппу
грустный	LV.PART	мальчик
‘грустящий мальчик’		

(2.94) осетинский

*ленк	конд	лæппу
плавание	LV.PART	мальчик
‘плавающий мальчик’		

Пассивные причастия от СП образуются при помощи формы *конд* (‘сделанный’) глагола *кæнын*. Как мы видим, образование пассивных причастий невозможно от именных СП и допустимо от адъективных. Это объясняется тем, что СП с ИЧ-прилагательным обладают внутренним участником, без которого невозможна пассивизация, или, иными словами, СП с адъективной ИЧ являются неаккузативными глаголами.

2.4.6.3. *Гипотеза о структуре СП transitive tantum и аргументная структура СП*

Что же можно узнать, применив тесты с *уын* и *конд* к обнаруженным нами СП transitive tantum? Как можно убедиться из примеров ниже, подобные глаголы неграмматичны с *уын* и могут употребляться с пассивными причастиями на *конд*:

(2.95) осетинский

пурти-т-æ ба-лæвар истаæ
 мяч-PL-NOM PREF-подарок быть.PST.3.PL

*‘Мячи подарилась.’

(2.96) осетинский

Фатима а-ба ис
 Фатима PREF-поцелуй быть.PRES.3.SG

*‘Фатима поцеловалась.’

(2.97) осетинский

ба конд лæппу
 поцелуй LV.PART мальчик

‘парень, которого поцеловали’

(2.98) осетинский

лæвар конд хадзæр
 подарок LV.PART дом

‘подаренный дом’

Как показывают диагностики, у подобных СП всегда есть как внешний, так и внутренний аргумент. Иными словами, наше определение подобных глаголов как переходных по своей лексической природе действительно справедливо. Приведем итоговую таблицу, демонстрирующую связь аргументной структуры и двух изученных нами контекстов (*уын* и *конд*):

Таблица 2.4. Тесты на присутствие внешнего и внутреннего аргументов у СП с ИЧ-прилагательными, существительными и *transitiva tantum*

	ИЧ-Adj (неаккузативы)	ИЧ-N (неэргативы)	СП <i>transitiva tantum</i>
неграмматичность с <i>уын</i> (→EA)	ok	*	ok
грамматичность с <i>конд</i> (→IA)	ok	*	*

Мы не будем подробно останавливаться на возможных вариантах анализа универсально переходных СП, выдвинем лишь некоторую гипотезу. В соответствии со сделанными нами

выше предположениями, подобные глаголы всегда содержат [_{init} *кæнын*] – синтаксический источник внешнего аргумента. Далее, обязательное наличие внутреннего аргумента говорит о том, что он проецируется ИЧ – той частью составляющей, которая является константой в любом СП. Однако семантика СП типа ‘дарить’ или ‘целовать’ плохо совместима с применяемым нами до сих пор подходом, при котором внутренний аргумент является логическим субъектом состояния, предцизируемого (адъективной) ИЧ. Рассмотренные нами прежде переходные предикации были легко представимы в виде ‘X сделал Y готовым / сердитым / жидким / ...’, а непереходные – в виде ‘Y стал готовым / сердитым / жидким / ...’. Это, очевидно, плохо подходит для ‘дарить’ или ‘целовать’, ср.: ?*‘X сделал Y дареным / целованным...’ или ?*‘Y стал подаренным / поцелованным...’.

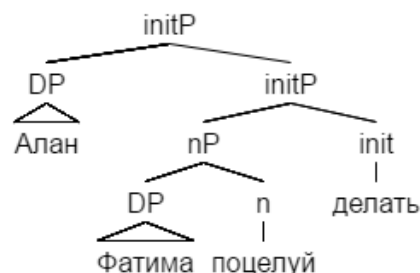
Мы будем считать, что в рассмотренных нами прежде переходных СП с ИЧ-прилагательным мы имели дело с лексическим глаголом *кæнын* – «делать вторичного предиката», ср. обычное употребление в роли вторичного предиката-депиктива: ‘Мать сделала ребенка счастливым’. Как нам представляется, в основе универсально переходных СП лежит другой вариант лексического глагола ‘делать’ – «делать созидания», ср.: ‘Птицы сделали гнездо’. Это ‘делать’ (теснее) связано с [_{init} *кæнын*], по сути такое ‘делать’ связано с каузацией существования нового объекта.

Можно предположить, что в случаях типа ‘дарить’, ‘целовать’ и им подобным ИЧ соответствует некоторому событийному существительному, имеющему валентность на некоторого внутреннего участника: ‘поцелуй Фатимы’, ‘дарение мяча’ и т.д. Легкий глагол при этом имеет семантику ‘X произвел Z Y-а’: ‘Отец произвел дарение мяча’, ‘Алан произвел поцелуй Фатимы’ и т.д.

Не настаивая на том, что предложенный анализ СП *transitiva tantum* является верным и окончательным, предположим, что за такими СП стоят следующие структуры:

(2.99)

[_{initP} [_{DP} Алан] [_{initP} [_{nP} [_{DP} Фатима] [_n поцелуй]] [_{init} *делать*]]]

Возможность проецирования собственных участников у ИЧ в данных предикатах и отсутствие внутренних аргументов у ИЧ-существительных типа ‘прыжок’, ‘плавание’ и др.

можно было бы объяснить тем, что ‘подарок / дарение’ и ‘поцелуй’ имеют на одного участника больше. Кроме внешнего участника (который вводится в синтаксис глаголом [_{init} *кæнын*]) имена ‘дарение’ и ‘поцелуй’ содержат также информацию о внутреннем участнике – что дарится, кого целуют и т.д.

Можно было бы считать, что наличие процессной составляющей у ИЧ, которое мы предположили выше, задает некоторое внутреннее событие, участником которого является Фатима. Также можно предположить, что Фатима в данном случае связана некоторым исходным семантическим отношением посессивности, которое реализуется в ходе этого процесса, ср. также ‘подарок X-а Y-у’ как основу СП ‘Z производит дарение X-а Y-у’.

Как вариант может быть рассмотрен альтернативный подход, при котором некоторые СП *transitiva tantum* входят в структуру при участии проекции *res*, а проекция *proc* при этом отсутствует. Такой анализ лучше описывает случаи переходных СП-достижений типа ‘дарить’. Напротив, в таких *transitiva tantum* как ‘целовать’, имеющих стадию процесса, компонент *proc* должен быть представлен, как это предложено выше.

Более детальный анализ подобных СП, в частности, вопрос о лицензировании внутреннего участника в префиксальных контекстах, мы оставим на будущее.

2.4.7. Свойства СП *mutata tantum* со звукоподражательными словами и событийная структура СП

Еще одно отклонение от прозрачных отадъективной и отыменной стратегий – СП со звукоподражательными словами. Такие СП систематически могут образовываться от основ типа *хъист* (‘скрип’), *сыр* (‘шуршание’) и проч. Несмотря на то, что такие образования представляются вторичными по сравнению с ключевыми глагольными концептами, образованными от частотных прилагательных или имен (‘забывать’, ‘спать’ и т.д.), подобные СП проявляют достаточно последовательное поведение. А именно, они могут чередоваться не только в беспрефиксной, но и в префиксальной форме, никогда не употребляются с глаголом ‘быть’ и неграмматичны с пассивным причастием на *конд*:

(2.100)осетинский

Аслан дуар ны-/хъист кодта

Аслан дверь PREF-/скрип делать.PST.3.SG

‘Аслан скрипнул / скрипел дверью.’

(2.101)осетинский

дуар ны-/хъист кодта
дверь PREF-/скрип делать.PST.3.SG

‘Дверь скрипнула / скрипела.’

(2.102)осетинский

*дуар ны-/хъист ис
дверь PREF-/скрип быть.PRES.3.SG

‘Дверь скрипнула / скрипела.’

(2.103)осетинский

*хъист конд дуар
скрип LV.PART дверь

‘скрипящая дверь’

На основании представленной выше дискуссии мы можем заключить, что у таких глаголов присутствует внешний аргумент и отсутствует аргумент внутренний. О наличии внешнего аргумента говорит невозможность сочетаться с ЛГ; об отсутствии внутреннего – неграмматичность с пассивными причастиями. Этими двумя свойствами СП от звукоподражаний похожи на отыменные СП.

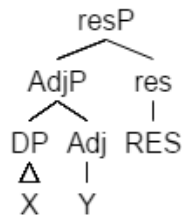
При этом, однако, проявляются и отличия звукоподражательных СП от именных. Звукоподражательные СП допускают участника в номинативе, который переводится инструментальными именными группами на русский язык – *скрипеть дверью* и т.п., ср. также: *Мыст гæххæтт ны/сыр кодта*, ‘Мышь по/шуршала бумагой’. Как можно видеть – и в этом наши данные согласуются с представленными в [Lyutikova, Tatevosov 2013] – подобный участник может быть и единственным. В тех случаях, когда внешний участник не употребляется, мы получаем ‘Дверь скрипнула / скрипела’, а также *Сыфтæртæ ны/сыр кодтой*, ‘Листья по/шуршали’.

То же иногда возможно и для внешнего аргумента: наряду с ‘Мышь пошуршала бумагой’ возможно *Мыст сыр-сыр кодта*, ‘Мышь шуршала’. Скорее всего, подобные пример возможны в тех случаях, когда единственное подлежащее (неважно, внутренний или внешний участник) находится в некоторых (посессивных, агентивных, ...) отношениях с ИЧ, ср. ‘шуршание мыши’, ‘шуршание бумаги’, #‘скрип Аслана’. Возможно, стоящая за СП со звукоподражаниями структура напоминает таковую для СП *transitiva tantum* – с той лишь разницей, что СП *transitiva tantum* содержат внутренний аргумент, а звукоподражательные СП – нет. Для случаев ‘Мышь шуршала’ возможен также анализ с элиминацией прямого объекта. Мы отложим для последующих исследований проблему аргументной структуры звукоподражательных СП, а

здесь скажем несколько слов относительно событийной структуры сложных предикатов.

Как видно из примеров выше, СП со звукоподражаниями – единственный вариант сложных предикатов, имеющих при наличии префикса как переходное, так и непереходное употребление. Напомним, что недопустимость каузативно-инхоативной альтернативы в префиксальной форме актуальна для СП с прилагательными, т.к. отыменные СП никогда не имеют внутреннего аргумента. Невозможность непереходного употребления префиксальных СП с прилагательными мы объясняли тем, что в непереходных СП используется вершина *proс*, соответствующая в осетинском отдельному варианту глагола ‘do’ – [*proс кæнын*]. Такой глагол имеет независимое лексическое употребление и соответствует фонологической реализации фазы процесса (и только ей). ЛГ [*proс кæнын*] не содержит фазы *res* и поэтому не может входить в деривацию, содержащую одновременно адъективную основу и префикс, выражающий предельность. Адъективная основа содержит обозначение конечной фазы, префикс – значение предельности, но синтаксическая реализация ситуации ‘X стал Y-ым’ (*Мясо испортилось, Алан рассердился*) невозможна, т.к. отсутствует часть подсобытия [*resP [AdjP [DP X] [Adj Y]] [res RES]*]:

(2.104)

Как мы видим, в случае звукоподражаний, не принадлежащих к лексическому классу прилагательных, запрета на непереходное префиксальное употребление нет: *Дуар ныхъист кодта*, ‘Дверь скрипнула’; *Сыфтартае нысыр кодтой*, ‘Листья пошуршали’. Отсутствие неграмматичности объясняется тем, что в таких СП нет (адъективной) предикативной части, связанной с результивным состоянием и они не требуют присутствия фазы *res*. Префиксы, как мы видим, придают в этом случае пунктивное и лимитативное, но не результивное значение. Те же значения пунктива и лимитатива имеют место и в случае неэргативов, ср.: ‘прыгнул’, ‘выстрелил’ с одной стороны и ‘поплыл’ и т.д. с другой; возможно также итеративное ‘чихал’, ‘кашлял’ и т.д.

Отдельного разговора требует вопрос о присутствии фазы *res* в неэргативных и переходных СП *transitiva tantum*. Переводы таких СП (‘приплыл’, ‘подарил’) вроде бы свидетельствуют о том, что вхождение в новое состояние могло иметь место. Вопрос о том, как фаза результата представлена в лексической структуре таких глаголов, мы оставим для последующих исследований.

Более детальный анализ звукоподражательных СП, который мы также оставим на будущее, должен также принимать во внимание различие свойств СП при редупликации: *хыист(-хыист)*, *сыр(-сыр)*. Пока подведем итоги нашему обсуждению событийной структуры СП:

Таблица 2.5. Событийная структура СП с ИЧ-прилагательными, существительными, *transitiva tantum* и *mutata tantum*

		ИЧ-Adj (неаккузативы)	ИЧ-N (неэргативы)	СП <i>transitiva tantum</i>	СП <i>mutata tantum</i>
‘do’	-Pref	(init+)proc+res	init{+proc}	init+{proc}	(init+){proc}
	+Pref	init+proc+res	init{+proc}?+res?	init+{proc}?+res?	(init+){proc}
‘be’	-Pref	*	*	*	*
	+Pref	res	*	*	*

Начальная фаза факультативна (init+) в ситуациях с необязательным внешним участником: в беспрефиксных адъективных СП переходным вариантам соответствует init+proc+res, а непереходным – proc+res. То же выполняется для любых звукоподражательных СП: переходным вариантам соответствует init+proc, а непереходным – proc. Обозначение {proc} соответствует компоненту процесса, инкорпорированному в имена с событийной семантикой.

Оставляя за рамками обсуждения вопрос о том, каким точно образом реализуется синтаксически результативный компонент в неэргативах и СП *transitiva tantum*, мы можем заключить, что событийная структура СП определяется префиксом, типом ЛГ и типом ИЧ. Последнее имеет место при противопоставлении, например, префиксальных непереходных СП: сложные предикаты с адъективной ИЧ содержат результирующее подсобытие, в то время как отыменные – нет.

2.4.8. Аргументная и событийная структура СП различных типов

Подытожим вкратце предпринятый нами анализ аргументной и событийной структуры осетинских СП:

(2.105) Наблюдение о деривационном потенциале осетинских сложных предикатов:

Деривационный потенциал осетинских СП определяется ИЧ. В частности, аргументная и событийная структура СП зависят от того, ИЧ какого типа входит в деривацию. После вставления ИЧ особенности формирования СП определяются возможностью сочетания данной ИЧ с ЛГ и префиксами

(2.106) Наблюдение об аргументной структуре – реализация аргументов СП определяется взаимодействием ИЧ, ЛГ и префикса:

- i) ИЧ-прилагательные проецируют внутреннего участника и проявляют способность к каузативно-инхоативной альтернации;
- ii) Каузативно-инхоативная альтернация связана с разными типами ЛГ: переходный вариант образуется при участии одного ЛГ ‘делать’, а непереходные – другого ЛГ ‘делать’, или ЛГ ‘быть’;
- iii) Наличие префикса блокирует непереходный вариант ЛГ ‘делать’, не содержащий результирующее подсобытие;
- iv) СП с ИЧ-существительным всегда имеют одного лишь внешнего участника, который проецируется ЛГ ‘делать’ переходного типа;
- v) ИЧ типа ‘поцелуй’, содержащие двух семантических участников, всегда переходны;
- vi) ИЧ-звукоподражания демонстрируют каузативно-инхоативное чередование как с префиксами, так и без (что отличает их от СП других типов)

(2.107) Наблюдение о событийной структуре – структура события в осетинских СП определяется взаимодействием ИЧ, ЛГ и префикса:

- i) Адъективные ИЧ образуют СП с результирующими состояниями, как с глаголом ‘делать’, так и с глаголом ‘быть’;
- ii) Именные ИЧ (в отсутствие префикса) не могут образовывать ситуации с результирующим состоянием;
- iii) Непереходный вариант ЛГ ‘делать’ задает непредельные процессы;
- iv) Переходный вариант ЛГ ‘делать’ задает предельные процессы с адъективными ИЧ и свершения / достижения – с другими ИЧ;
- v) ЛГ ‘быть’ задает результирующие состояния;
- vi) Ситуации, имеющие ограниченное время развития (лимитативы, пунктивы) задаются префиксацией и (непереходным) вариантом ЛГ ‘делать’

...

Приведенные прежде факты свидетельствовали в пользу композициональной природы СП. Мы предложили анализ, при котором каждый из элементов, входящих в СП, вносил определенный вклад в аргументную и событийную структуру СП различных типов. Далее мы рассмотрим некоторые другие факты, связанные с дистрибуцией и интерпретацией СП, свидетельствующие в пользу выдвинутых нами гипотез. Наряду с этим мы рассмотрим

примеры, в которых СП проявляет свойства единой глагольной проекции – несмотря на то, что элементы, его составляющие, принадлежат к другим лексическим категориям.

2.5. Другие особенности внутренней структуры СП

2.5.1. Эллипсис и сочинение

2.5.1.1. Эллипсис СП

Рассмотрим вкратце возможность элиминации связки в префиксальных вариантах СП (в случае беспрефиксных СП предложения омонимичны с неглагольной предикацией, что не дает возможности разводить два этих явления). Как указано в [Гагкаев 1956: 69]: «Предикативный член может и не участвовать в глаголе 3-го лица. Например: *Лæджирттаг фæбур*, от *бур – желтый* ‘Подорожник пожелтел’».

Формы вспомогательного глагола *уын* ‘быть’, действительно, регулярно бывают опущены:

(2.108) осетинский

а. Дуар	бай-гом	(ис)
Дверь	PREF-открытый	(быть.PST.3.SG)
‘Дверь открылась.’		
б. Алан	фæ-рынчын	(ис)
Алан	PREF-больной	(быть.PST.3.SG)
‘Алан заболел.’		

Данное свойство отличает ЛГ *уын* ‘быть’ от ЛГ *кæнын* ‘делать’. В следующих примерах ЛГ *кæнын* ‘делать’ употреблен с неэргативами – как можно видеть, опущение такого ЛГ неграмматично:

(2.109) осетинский

а. Бæх	а-гæпп	кодта
Лошадь	PREF-прыжок	делать.PST.3.SG
б. *Бæх	а-гæпп	
Лошадь	PREF-прыжок	
‘Лошадь прыгнула.’		

(2.110) осетинский

а. Алан	ны-хситт	кодта	
Алан	PREF-свист	делать.PST.3.SG	
б. *Алан	ны-хситт		
Алан	PREF-свист		

‘Алан засвистел.’

То же выполняется и для переходных глаголов *transitiva tantum*, а также для переходных глаголов, образованных от прилагательных и становящихся переходными с ЛГ ‘делать’ в присутствии префикса. Употребление таких глаголов при эллипсисе связки невозможно:

(2.111) осетинский

а. Алан	Фатима-йы	а-ба	кодта
Алан	Фатима-GEN	PREF-поцелуй	делать.PST.3.SG

‘Алан поцеловал Фатиму.’

б. *Алан	Фатимы-йы	а-ба	
Алан	Фатима-GEN	PREF-поцелуй	

‘Алан поцеловал Фатиму.’

(2.112) осетинский

а. Алан	Фатимы-йы	фæ-рынчын	кодта
Алан	Фатима-GEN	PREF-больной	делать.PST.3.SG
б. *Алан	Фатимы-йы	фæ-рынчын	
Алан	Фатима-GEN	PREF-больной	

‘Алан заразил Фатиму.’

(2.113) осетинский

а. Заур	дуар	бай-гом	кодта
Заур	дверь	PREF-открытый	делать.PST.3.SG
б. *Заур	дуар	бай-гом	
Заур	дверь	PREF-открытый	

‘Заур открыл дверь.’

Подобную дистрибуцию можно объяснить как минимум двумя способами. Можно предположить, что лишь глагол *уын* обладает нулевым алломорфом, а глагол *кæнын* лишен его. Один из аргументов в пользу такого решения – наличие двух различных версий *кæнын* – при эллипсисе в таком случае неочевидно, какой именно из вариантов был редуцирован.

С другой стороны, можно считать, что *канын* не подлежит фонологической редукции по некоторым структурным соображениям. В частности, возможно, что наличие в составе *канын* более чем одной проекции (которое имеет место всегда) делает эллипсис неприемлемым. Можно предположить, что случай ЛГ *уын* отличается от ЛГ *канын* тем, что [resP *уын*] непосредственно доминирует над озвучиваемой частью СП, т.е. прилагательным (и префиксом). В отличие от этого, проекция, включающая ЛГ *канын*, имеет сложную структуру: [initP *канын* [росP *канын*]], и лишь часть ее подлежит озвучиванию. Грамматическое значение, содержащееся в ЛГ *канын*, таким образом, неэлементарно. Возможна следующая аналогия из русского языка – рассмотрим примеры:

(2.114) [Из произведений М.Ю. Лермонтова]

Между тем чай был выпит...

(2.115) [Из произведений Н.В. Гоголя]

Разрешение было получено.

(2.116) [Из произведений В.С. Высоцкого]

Треугольник будет выпит...

(2.117) [Из произведений Л.Н. Толстого]

Много было толков и приготовлений для этого бала в семействе Ростовых, много страхов, что приглашение не будет получено, платье не будет готово, и не устроится всё так, как было нужно.

При определенных условиях в русском языке возможно опущение связки при пассивном причастии. Это, однако, возможно лишь с формой прошедшего времени, в будущем времени эллипсис связки недопустим:

(2.118)

Между тем чай был выпит...

(2.119)

Разрешение было получено.

(2.120)

**Треугольник Ø(=будет) выпит...*

(2.121)

**Было много страхов, что приглашение не Ø(=будет) получено и платье не Ø(=будет) готово.*

В обоих случаях (ЛГ в осетинских СП и связки в русском пассиве) накладывается запрет на эллипсис грамматически более сложной формы (несколько фаз события в СП, граммема будущего в пассиве). Элемент, содержащий большее количество грамматической информации, и, следовательно, больше структуры элиминировать невозможно.

Напомним, что выше мы предложили подход, в соответствии с которым глагол ‘быть’ представлен в сложных структурах типа [initP *кæнын* [procP *кæнын* [resP *уын*]]] в виде произносимой копии. Это также является существенным аргументом в пользу анализа, при котором возможность эллипсиса в СП с глаголом ‘быть’ и его невозможность в СП с глаголом ‘делать’ определяется в структурных терминах.

Далее мы рассмотрим похожие ограничения, связанные с сочинением СП.

2.5.1.2. Сочинение

Проблеме эллипсиса при сочинении иранских СП посвящены работы [Тоосарвандани 2009; Shafiei 2015], затрагивающие в основном эллипсис той части структуры, которая связана с ИЧ. Ниже мы вкратце обсудим некоторые ограничения на эллипсис при сочинении осетинских СП, связанные, напротив, с опущением ЛГ и префикса. Рассмотрим следующий пример:

(2.122)осетинский

Заур	а-гæпп	кодта
Заур	PREF-прыжок	д.PST.3.SG
æмæ	а-ленк	кодта
и	PREF-плавание	делать.PST.3.SG

‘Заур прыгнул и поплавал.’

В данном примере можно усмотреть сочинение полных вариантов глагольной группы, а возможно даже и сочинение двух предикаций с эллипсисом субъекта. Употребление общего для двух СП префикса, однако, неграмматично:

(2.123)осетинский

*Заур	а-гæпп	кодта	æмæ	ленк	кодта
Заур	PREF-прыжок	д.PST.3.SG	и	плавание	делать.PST.3.SG

‘Заур прыгнул и поплавал.’

Запрет на опущение префикса, скорее всего, связан с его статусом фонологически

несамостоятельной морфемы. Как мы увидим ниже, ЛГ, которые потенциально могут быть полнозначным словом, могут опускаться. В то же время, фонологически самостоятельный префикс не может относиться к двум ИЧ одновременно, даже если у этих двух ИЧ он совпадает по форме. Ситуация здесь аналогична невозможности сочинения двух основ с общим префиксом в русском языке: **Девочка за[кричала и плакала]*, **Машина за[работала и шумела]*. Итак, сочинение с общим префиксом на ИЧ невозможно.

Обсудим теперь возможность опущения ЛГ при разных типах СП. Согласно нашему анализу, ЛГ представляет часть структуры глагольной группы и возможность сочинения отдельных частей СП под общим ЛГ говорила бы о том, что сочинение может проникать внутрь группы глагола, а возможно – даже внутрь глагольной лексемы.

Как можно убедиться, общий ЛГ ‘быть’ могут иметь неаккузативные предикаты:

(2.124) осетинский

а. царв	с-хъарм	ис	æмæ	с-тæнæг	ис
масло	ПРЕФ-теплый	б.PST.3.SG	и	ПРЕФ-жидкий	быть.PST.3.SG
б. царв	с-хъарм		æмæ	с-тæнæг	ис
масло	ПРЕФ-теплый		и	ПРЕФ-жидкий	быть.PST.3.SG

‘Масло разогрелось и растопилось.’

Заметим между строк, что опущение первой связки и в целом грамматичность сокращения левого материала подтверждает сделанное нами изначально предположение о левом направлении ветвления в СП, см., например, [Казенин 2007] о связи базового порядка составляющих и ограничений на сочинение.

Опущение префикса в неаккузативных ЛГ с ‘быть’ также невозможно:

(2.125) осетинский

с. *царв	с-хъарм	ис	æмæ	тæнæг	ис
масло	ПРЕФ-теплый	б.PST.3.SG	и	жидкий	быть.PST.3.SG
д. *царв	с-хъарм		æмæ	тæнæг	ис
масло	ПРЕФ-теплый		и	жидкий	быть.PST.3.SG

‘Масло разогрелось и растопилось.’

В каких еще случаях может опускаться связка? Как мы видим ниже, сочинение с общим ЛГ *кæнын* невозможно, если в нем участвуют СП разного структурного типа, т.е. образованные при участии ИЧ различных категорий:

(2.126) осетинский

а. *Алан	рынчын	æмæ	хуыфкæ	кæны
Алан	больной	и	кашель	LV.PRS.3.SG

‘Алан болеет и кашляет.’

б. *Бæх	фынæй	æмæ	хиртт	кодта
Конь	спящий	и	фырканье	LV.PST.3.SG

‘Конь спал и фыркал.’

В двух данных примерах предпринята попытка сочинения неаккузативных (*рынчын кæнын* – ‘болеть’, *фынæй кæнын* – ‘спать’) и неэргативных (*хиртт кæнын* – ‘фыркать’, *хуыфкæ кæнын* – ‘кашлять’) предикатов в таком контексте, где их ЛГ фонологически совпадает. Как мы видим, сочинение даже двух непереходных СП разного типа неграмматично. Подобный факт хорошо объясняется с точки зрения предложенного нами подхода: в образовании неаккузативных и неэргативных СП принимают участие разные структурные типы глагола ‘делать’, [_{initP} *кæнын*] и [_{proCP} *кæнын*]. Несмотря на одинаковую фонологическую реализацию, они не могут участвовать в сочинении, т.к. вносят разный вклад в структуру СП.

Рассмотрим теперь запреты на употребление префиксальных вариантов СП. Как мы видели выше, общий ЛГ ‘быть’ у двух префиксальных ИЧ возможен. Парадоксальным образом, сочинение двух неэргативных СП с префиксом под общим ЛГ недопустимо:

(2.127) осетинский

*Заур	а-гæпп	æмæ	а-ленк	кодта
Заур	PREF-прыжок	и	PREF-плавание	делать.PST.3.SG

‘Заур прыгнул и поплавал.’

(2.128) осетинский

*Бæх	ны-хиртт	æмæ	а-гæпп	кодта
Конь	PREF-фырканье	и	PREF-прыгнул	делать.PST.3.SG

‘Конь фыркнул и прыгнул.’

Переходные СП с общим префиксом и прямым объектом также недопустимы, ни в случае глаголов *transitiva tantum*, ни в случае двух альтернирующих глаголов:

(2.129)осетинский

*Алан а-уæй æмæ ба-лæвар кодта хæдзар
 Алан PREF-продажа и PREF-подарок LV.PST.3.SG дом
 ‘Алан продал и подарил дом.’

(2.130)осетинский

*Алан а-хъарм æмæ а-лыг кодта дзидза
 Алан PREF-теплый и PREF-порезанный LV.PST.3.SG мясо
 ‘Алан подогрел и порезал мясо.’

Примеры ниже показывают, что восстановление *кодта* возвращает предложениям грамматичность:

(2.131)осетинский

Алан а-уæй кодта æмæ ба-лæвар кодта хæдзар
 Алан PREF-продажа LV.PST.3.SG и PREF-подарок LV.PST.3.SG Алан
 ‘Алан продал и подарил дом.’

(2.132)осетинский

Алан а-хъарм кодта æмæ а-лыг кодта дзидза
 Алан PREF-теплый LV.PST.3.SG и PREF-порезанный LV.PST.3.SG мясо
 ‘Алан подогрел и порезал мясо.’

Очевидно, что в этом случае сочиняются глагольные группы целиком, как это имеет место при сочинении обычных глаголов между собой или с СП:

(2.133)осетинский

Аслан федта æмæ ба-вырстта Фатимайы
 Аслан PREF.видел и PREF-любил Фатиму
 ‘Аслан увидел и полюбил Фатиму.’

(2.134)осетинский

Аслан федта æмæ с-мæсты кодта Фатимайы
 Аслан PREF.видел и PREF-сердитый LV.PST.3.SG Фатиму
 ‘Аслан увидел и разозлил Фатиму.’

Также грамматично и сочинение двух переходных СП с общим внутренним аргументом без префикса:

(2.135) осетинский

Алан	дзидза	хъарм	æмæ	лыг	кодта
Алан	мясо	теплый	и	порезанный	LV.PST.3.SG

‘Алан грел и резал мясо.’

Итак, сочинение неэргативных и переходных СП с префиксом невозможно, при этом беспрефиксный вариант таких СП допускает сочинение.

Сочинение может быть связано либо с сокращением фонологически идентичного материала, схема а., либо с объединением составляющих меньшего размера, схема б.:

(2.136)

a. [w [-ж]] & [y [z]]
 б. [[w] & [y]] [z]

Как мы видели, сочинение ИЧ под общим префиксом невозможно, – будучи фонологически несамостоятельным элементом, префикс может присоединяться только к «своей» ИЧ. Таким образом, в случае сочинения префиксальных СП, мы всегда имеем двухкомпонентную структуру типа а. Необходимость первой структуры в случае префиксации подтверждается тем, что в отсутствие префикса сокращение ЛГ допустимо, см. выше.

Итак, нам нужно понять, почему недопустим эллипсис тождественного материала при сочинении префиксальных СП. Такое сочинение связано с удалением линейно соположенного материала на некотором этапе деривации. Если на этапе деривации, который в принципе допускает сокращение, материал, подвергающийся редукции, не соположен линейно, сочинительный эллипсис невозможен. Можно привести следующую аналогию из русского: в исходной структуре типа *стейк красной морской рыбы и филе белой речной рыбы* можно сокращать совпадающие элементы лишь тогда, когда они линейно соположены: *стейк красной морской ~~рыбы~~ и филе белой речной рыбы*, *стейк красной ~~речной рыбы~~ и филе белой речной рыбы*, *стейк ~~белой речной рыбы~~ и филе белой речной рыбы* и т.д. Невозможна ситуация, при которой сокращению подвергается прерываемая цепочка: *стейк морской и филе белой речной рыбы* не может соответствовать *стейк ~~белой~~ морской ~~рыбы~~ и филе белой речной рыбы*. В указанном случае (*стейк морской и филе белой речной рыбы*) денотатом первого конъюнкта не обязательно будет белая рыба. Мы будем далее использовать данные русские примеры для демонстрации допустимости либо недопустимости аналогичных структур в осетинском языке.

Почему же одна и та же структура возможна для неаккузативных и невозможна для

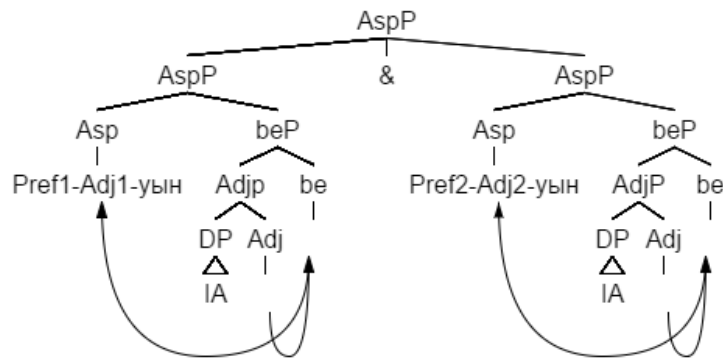
неэргативных и переходных глаголов? Природа запрета на опущение *кæнын* при сочинении, очевидно, иная, чем запрета на его эллипсис в несочинительных контекстах, т.к. сочинение допускает элиминацию *кæнын* в отсутствие префикса (а эллипсис вне сочинения – нет).

Как нам представляется, причина, по которой невозможно опущение ЛГ ‘делать’ и допустимо опущение ЛГ ‘быть’, связана с различием в их структуре и, в частности, в уровне проекции и вставки аргументов в каждом из случаев. Разберем последовательно сначала неаккузативные, а затем – неэргативные СП (та же логика анализа будет применима и к переходным глаголам).

Согласно принятому нами подходу, сочинение двух неаккузативных СП происходит по следующей схеме (для простоты мы представим лексические проекции, связанные с глаголом *кæнын*, *init* и *proc*, как *doP*, а проекцию, связанную с глаголом *уын*, *res*, – как *beP*):

(2.137)

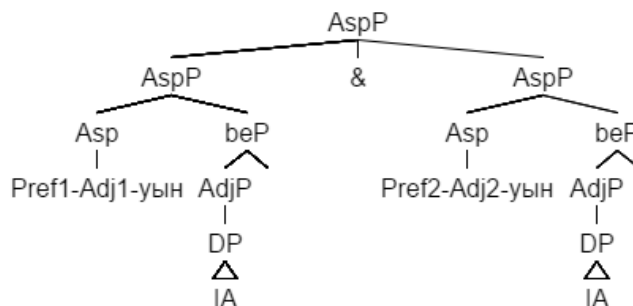
$[_{\text{AspP}} [_{\text{AspP}} [_{\text{Asp}} \text{Pref}_1\text{-Adj}_1\text{-уын}] [_{\text{beP}} [_{\text{AdjP}} [_{\text{DP}} \text{IA}] [_{\text{Adj}} t_1]]] [_{\text{be}} t_1]]] \& [_{\text{AspP}} [_{\text{Asp}} \text{Pref}_2\text{-Adj}_2\text{-уын}] [_{\text{beP}} [_{\text{AdjP}} [_{\text{DP}} \text{IA}] [_{\text{Adj}} t_2]]] [_{\text{be}} t_2]]]$

Как мы и предполагали выше, в каждой из сочиненных проекций вершины передвигаются вверх, последовательно собирая цепочку ИЧ+уын, Pref+ИЧ+уын. После передвижения вершин конфигурация двух сочиненных СП следующая:

(2.138)

$[_{\text{AspP}} [_{\text{AspP}} [_{\text{Asp}} \text{Pref}_1\text{-Adj}_1\text{-уын}] [_{\text{beP}} [_{\text{AdjP}} [_{\text{DP}} \text{IA}]]]] \& [_{\text{AspP}} [_{\text{Asp}} \text{Pref}_2\text{-Adj}_2\text{-уын}] [_{\text{beP}} [_{\text{AdjP}} [_{\text{DP}} \text{IA}]]]]]$

Как мы видим, в одинаковых частях структуры имеют место две непрерывные линейные последовательности фонологически совпадающих элементов, глагола 'быть' и внутреннего аргумента. Очевидно, такие цепочки могут подвергнуться фонологической редукции:

(2.139)

[_{AspP} [_{Asp} Pref₁-Adj₁-у^{ын}] [_{beP} [_{AdjP} [_{DP} IA]]]] & [_{AspP} [_{Asp} Pref₂-Adj₂-у^{ын}] [_{beP} [_{AdjP} [_{DP} IA]]]]

с-хъарм-быть ————— царв æмæ с-тæнаг-ис царв
 PREF-теплый масло и PREF-жидкий-быть масло

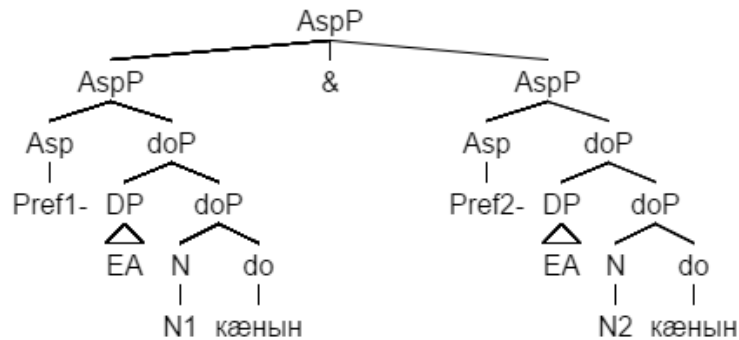
Ситуация в данном случае приблизительно соответствует русскому *стейк красной речной рыбы и филе белой речной рыбы*. Далее, в соответствии со стандартными допущениями, происходит перемещение внутреннего аргумента в более высокую позицию, связанную с приписыванием падежа.

Важный для нас момент – этап деривации, на котором проверяется, какая часть глагольной группы может подвергнуться эллипсису. Таким этапом является построение фазы – такой части структуры, которая может быть озвучена и интерпретирована, см. [Chomsky 2001]. Согласно [Chomsky 2001] выделяются два типа фаз: слабые и сильные. Первые содержат больше структуры и соответствуют переходным и неэргативным глаголам. Вторые имеют место в случае пассивов и неаккузативов, и, соответственно, лишены части проекции, ответственной за внешний аргумент. В случае неаккузативных СП мы, таким образом, имеем дело со слабой фазой, в которой отсутствует легкий глагол 'делать', ответственный за внешний аргумент. Будучи слабой фазой, неаккузативный СП «не торопится» отправлять содержащийся в нем материал для озвучивания фонологическому компоненту. Есть точка зрения, что пассивные / неаккузативные фазы и вовсе «прозрачны» и озвучивание происходит лишь на уровне простой предикации. Нам здесь, однако, важен не конкретный уровень границы фазы, а то, что такая граница не содержится внутри неаккузативных СП.

Рассмотрим теперь случай неэргативов. Согласно нашему анализу, исходная структура сочиненных неэргативных СП должна быть следующей:

(2.140)

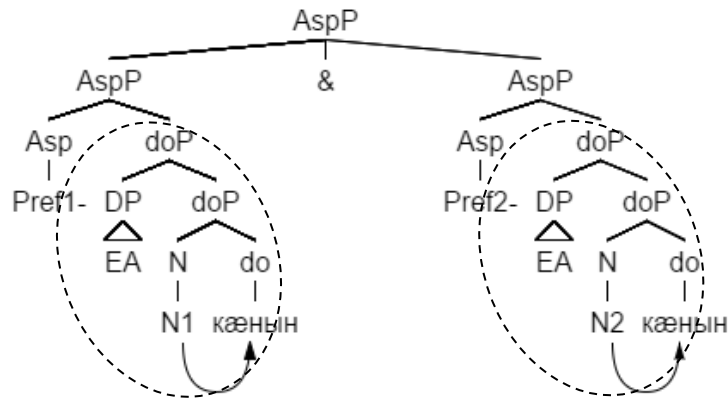
[_{AspP} [_{AspP} [_{Asp} Pref₁-] [_{doP} [_{DP} EA] [_{doP} [_n N₁] [_{do} кæнын]]]] & [_{AspP} [_{Asp} Pref₂-] [_{doP} [_{DP} EA] [_{doP} [_n N₂] [_{do} кæнын]]]]]

Ключевым отличием СП с глаголом ‘делать’ является то, что уровень фазы проходит до группы AspP, фаза в данном случае является сильной в терминологии Хомского. Таким образом, фонологический компонент должен отработать к моменту построения проекции doP:

(2.141)

[_{AspP} [_{AspP} [_{Asp} Pref₁-] [_{doP} [_{DP} EA] [_{doP} [_n N₁] [_{do} кæнын]]]] & [_{AspP} [_{Asp} Pref₂-] [_{doP} [_{DP} EA] [_{doP} [_n N₂] [_{do} кæнын]]]]]

К моменту построения фазы и отправки материала фонологическому компоненту для озвучивания сложная вершина Pref₁+N₁+кæнын, как мы видим, еще не собрана. Это приводит к тому, что две сочиненные структуры не имеют соположенного совпадающего материала – последовательность EA+кæнын прерывается нетождественными в двух конъюнктах ИЧ. Используя нашу аналогию из русского, при попытке сочинительного сокращения мы получаем последовательность морская и белая речная рыба, очевидным образом не тождественную *белая морская рыба и белая речная рыба:

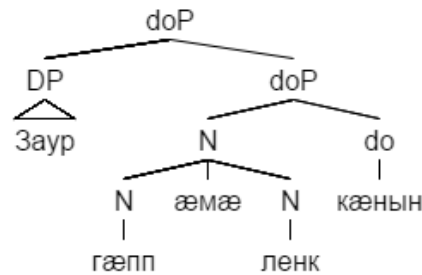
(2.142)

*_{[doP [DP EA] [doP [n] [do N₁-кæнын]]]} & _{[doP [DP EA] [doP [n] [do N₂-кæнын]]]}
 * Заур гæпп-кодта æмæ Заур ленк-кодта
 Заур прыжок-делать.PST.3.SG и Заур плавание-делать.PST.3.SG

Грамматичность сочинения в беспрефиксной форме объясняется тем, что в этом случае нет требования отдельных фонологических «хозяев» для каждого префикса и, следовательно, возможно не удаление фонологически тождественного материала, а сокращение с общим зависимым:

(2.143)

_{[doP [DP Заур] [doP [n [n гæпп] æмæ [n ленк]] [do кæнын]]]}

Не настаивая на точности всех технических деталей нашего анализа, скажем лишь, что общий принцип объяснения установленной выше закономерности – способности одних и неспособности других СП сочиняться без ЛГ – нам кажется правильным. А именно, как нам представляется, глаголы ‘быть’ и ‘делать’ входят в структуру глагольной группы на разном уровне, что и приводит к видимым при сочинении различиям в структуре.

2.5.1.3. Результаты обсуждения эллипсиса и сочинения СП

Мы обсудили различия в дистрибуции ЛГ ‘быть’ и ЛГ ‘делать’. ЛГ *уын*, ‘быть’ допускает эллипсис и сочинительное сокращение в префиксальных СП, в то время как ЛГ *кæнын*, ‘делать’ – нет. Мы также показали, что в случае, если оба СП непереходны, но являются предикатами разной внутренней структуры, неаккузативами и неэргативами, их сочинение с общим ЛГ невозможно.

Представленные факты получают свое объяснение, если принять предложенный нами анализ. Разные типы ЛГ занимают разные структурные позиции в СП, что и вызывает различия в их дистрибутивных свойствах.

Сочинение – явление из области синтаксиса, а не морфологии. То, что сочинение может происходить «внутри» СП и при этом подчиняется определенным правилам, свидетельствует о

наличии у СП внутренней структуры и четкой деривационной истории, ср. похожее поведение русских сложных слов.

2.5.2. Морфологические показатели на ИЧ

В данной части работы мы кратко обсудим примеры морфологического оформления ИЧ в составе сложных предикатов.

2.5.2.1. Адъективная морфология на ИЧ

Прилагательные, содержащие градуальный признак и заполняющие позицию ИЧ в составе СП, обозначают приобретение некоторого состояния, которое в случае осетинских СП может выражаться и положительной, и сравнительной степенью прилагательного: «Качественное прилагательное как именная часть сложного глагола может быть и в начальной форме (т.е. в форме положительной степени), и в форме сравнительной степени, например: *хорз кæнын* ‘делаться, становиться хорошим’, ‘делать хорошо’, ‘хорошеть’, *хуыздæр кæнын* ‘улучшаться’, ‘улучшать’, *сабыр кæнын* ‘делать, делаться тихим’, *сабырдæр кæнын* ‘делать, делаться тише’ и т.п.», [Багаев 1965: 270].

В работах, посвященных семантике и типологии прилагательных, описано следующее наблюдение, см. [Bobaljik 2012] и приведенные там источники: если прилагательное образует сравнительную степень супплетивно, получаемый из него в процессе деривации глагол будет образовываться именно от супплетивной основы компаратива. Другое известное наблюдение над соотношением положительной и сравнительной степени, восходящее еще к Э. Сепиру, [Sapir 1949], состоит в том, что компаратив семантически проще положительной степени. Действительно, для многих прилагательных значение положительной степени, например, ‘широкий’ содержит не только описание некоторого параметра (‘ширина’), но и информацию о том, что этот параметр превышает стандартное значение нормы для данного типа объектов (*широкая река* – ‘река, ширина которой превышает норму’). В то же время, сравнительная форма *шире* лишена пресуппозиции о том, что объект действительно является широким.

Можно было бы ожидать, что осетинские СП, имея возможность образовываться от основ компаратива, будут предпочитать такой вариант деривации. Однако, насколько нам известно, СП образуются от обеих форм прилагательных, сравнительной и положительной, без особых ограничений. Видимых отличий значения часто при этом не обнаруживается:

(2.144) осетинский

а. <i>Æз</i>	<i>фе-стыр</i>	кодтон	дзыкъ
я	PREF-большой	делать.PST.1.SG	яма

‘Я углубил яму.’

б. Æз фе-стыр дæр кодтон дзыкъ
 я PREF-большой COMP делать.PST.1.SG яма
 ‘Я углубил яму.’

Возможные отличия мы находим лишь у прилагательных с так называемой «закрытой» шкалой – в этом случае значение СП от компаративов сопровождается переводом ‘еще более’:

(2.145)осетинский

а. Æз дуар æрбай-гом кодтон
 я дверь PREF-открытый делать.PST.1.SG
 ‘Я приоткрыл дверь.’

б. Æз дуар æрбай-гом дæр кодтон
 я дверь PREF-открытый COMP делать.PST.1.SG
 ‘Я приоткрыл дверь еще больше.’

(2.146)осетинский

а. Дуар æрбай-гом ис
 дверь PREF-открытый быть.PST.3.SG
 ‘Дверь приоткрылась.’

б. Дуар æрбай-гом дæр ис
 дверь PREF-открытый COMP быть.PST.3.SG
 ‘Дверь приоткрылась еще больше.’

Подобный «довесок» в интерпретации связан с тем, что положительная степень прилагательного уже обозначает достижение состояния ‘дверь открыта’.

Входящий в состав СП компаративный показатель *дæр* также способен задавать свои аргументы, а именно – объект сравнения, кодирующийся аналогично объектам обычных сравнительных конструкций, т.е. аблативом:

(2.147)осетинский

Заур Алан-æй æнкъард дæр у
 Заур Алан-ABL грустный COMP COP.PST.3.SG
 ‘Заур грустнее, чем Алан.’

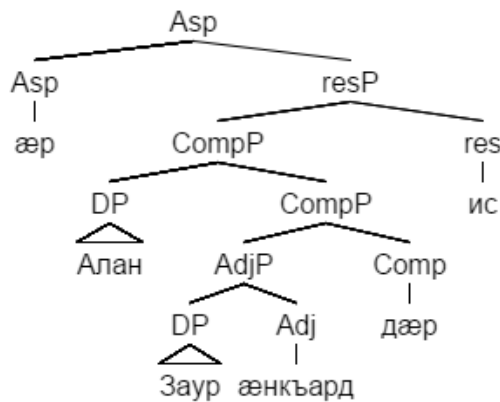
(2.148) осетинский

Заур Алан-æй æр-æнкъард дæр ис
 Заур Алан-ABL PREF-грустный COMP быть.PST.3.SG
 ‘Заур погрустнел сильнее, чем Алан.’

Можно предположить, что в структуре СП компаративу соответствует своя функциональная вершина, ответственная за проекцию объекта сравнения:

(2.149)

[_{Asp} [_{Asp} æр-] [_{resP} [_{CompP} [_{DP} Алан] [_{CompP} [_{AdjP} [_{DP} Заур] [_{Adj} æнкъард]]] [_{Comp} дæр]]] [_{res} ис]]]

Как показано на схеме (2.149), вершина компаратива может инкорпорироваться в состав функциональных проекций, составляющих глагольную лексему и оказывать предсказуемое влияние как на семантику, так и на состав возможных участников СП.

2.5.2.2. Именная морфология на ИЧ

О том, что существительные в составе СП могут принимать различное морфологическое оформление, известно достаточно хорошо, приведем несколько цитат. В [Багаев 1965: 270] находим: «Существительное – именная часть сложного глагола – может быть не только в начальной форме, но и в форме косвенного падежа (уподобительного, отложительного, направительного), например: *бадаæгау кæнын*, *лаууаæгау кæнын*, *хъуырмаæ кæнын*, *коммаæ кæсын*, *æнхъæлмæ кæсын*, *мастæй марын* и т.п. Существительное в этой роли может быть также и в форме множественного числа. Например: *хъæртæ кæнын* ‘кричать’, *мастытæ кæнын* ‘злить’, *цинтæ кæнын* ‘радоваться’ и т.д.»

По нашим наблюдениям, более часто косвенные падежи употребляются с ЛГ, отличными от ‘быть’ и ‘делать’, однако, как мы видим из примеров Н.К. Багаева, среди косвеннопадежных ИЧ есть и СП с ЛГ, обсуждаемыми в нашей работе.

В.И. Абаев также отмечает, что «[и]менная часть составного глагола может изменяться

по падежу и числу: *Парса фæ-сонтау* ‘Парса как бы ошалел’ (*сонтау* – уподобит. падеж от *сонт* ‘шалый’, ‘полоумный’); *ныддистæ кодта* ‘он очень удивился’ (*дистæ* – множ. ч. от *дис* ‘удивление’)), см. [Абаев 1970: 641]. И далее, говоря про звукоподражательные слова: «Общим их (звукоподражательных ИЧ – ПГ) признаком является то, что они могут изменяться по падежам, а непарные (не подвергшиеся редупликации – ПГ) также и в числе...», см. [Абаев 1970: 645-646].

Итак, инвентарь средств, способных модифицировать именные ИЧ, включает косвенные падежи и число. Добавим к ним еще упомянутую выше редупликацию, а также усилительную частицу *иу*, также присоединяющуюся к существительным как в составе ИЧ, так и в свободном синтаксисе: «Множественность или обычность от них (непереходных приставочных СП – ПГ) образуется в прошедшем и будущем временах при помощи частицы *-иу*: *сахуыр-иу сты* ‘(они) научились’, ‘(они) привыкали’, *æрбахæцца-иу стæм* ‘(мы) прибывали’, *рахъæр-иу сты* ‘(они) обнаруживались’, *смæсты-иу уыдзысты* ‘разозлятся (много раз)’ и т. д.», [Багаев 1965: 284].

Не обладая достаточными данными, чтобы проследить вклад в семантику СП косвенных падежей и редупликации, скажем несколько слов о показателях числа.

Как показывают типологические исследования, показатель множественного числа, маркирующий именные основы СП, привносит в глагол значение множественности действия, см. [Шлуинский 2005]. Осетинский следует тому же сценарию:⁵⁸

(2.150)осетинский

а. Заур	хуыфт	кодта
Заур	кашель	делать.PST.3.SG
‘Заур кашлял.’		
б. Заур	хуыфт-тæ	кодта
Заур	кашель-PL	делать.PST.3.SG
‘Заур кашлял (много раз).’		

Добавление к существительному показателя множественного числа передает здесь значение многократного повторения ситуации.

⁵⁸ Проблема интерпретации числовых показателей обсуждалась мной во время полевых исследований с С.Г. Татевосовым, некоторые из представленных ниже наблюдений принадлежат ему.

Множественное число может употребляться и с прилагательными. Важно, что множественное число действительно задает итеративность, а не множественность объектов. В следующем примере с помощью граммы множественного числа сообщается, что одна и та же книга была забыта более чем один раз:

(2.151)осетинский

Фатима	чиныг	рох-тæ	кодта
Фатима	книга	забытый-PL	делать.PST.3.SG

‘Фатима часто забывала книгу.’

Множественность объектов имеет место только в случае глаголов созидания / уничтожения. Это естественное следствие особенностей семантики таких глаголов – один и тот же объект не может быть создан / уничтожен многократно:

(2.152)осетинский

a. *Фатима	чири	с-цæттæ-тæ	кодта
Фатима	пирог	PREF-готовый-PL	делать.PST.3.SG

‘Фатима много раз готовила пирог.’

b. Фатима	чири-тæ	с-цæттæ-тæ	кодта
Фатима	пирог-PL	PREF-готовый-PL	делать.PST.3.SG

‘Фатима много раз готовила пирог.’

Показатель множественного фактически задает множественность результативных состояний (в случаях типа ‘готовить’, ‘забывать’) либо актов повторения процесса (‘кашлять’ и т.п.). Однако граммема множественности оказывается достаточно сильно интегрирована в лексическое значение глагола. Это проявляется, в частности, в неспособности глаголов, внутренний участник и ИЧ которых оформлены множественным числом, к дистрибутивной интерпретации:

(2.153)осетинский

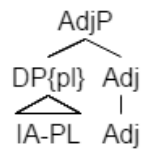
Фатима	чингуы-тæ	рох-тæ	кодта
Фатима	книга-PL	забытый-PL	делать.PST.3.SG

Значения:

- i) ‘Фатима часто забывала книги.’
- ii) *‘Фатима однажды забыла много книг.’

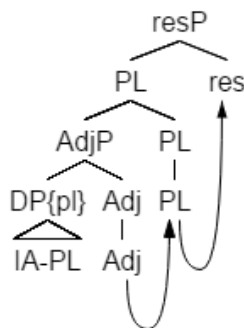
Если бы интерпретация ii) была допустима, она бы описывала ситуацию, в которой для каждой из забытых книг имеет место результирующее состояние ‘книга забыта’ и таких ситуаций – много. Невозможность дистрибутивной интерпретации скорее всего свидетельствует о том, что на момент, когда внутренний участник и прилагательное объединяются в одну проекцию, объектная именная группа уже получает показатель числа и множественное прочтение, а ИЧ – еще нет:

(2.154)

$$[\text{AdjP} [\text{DP}_{\{pl\}} \text{ IA-PL}] [\text{Adj} \text{ Adj}]]$$

Если бы в тот момент, когда ИЧ взаимодействует с внутренним объектом, множественное число на ИЧ уже было, была бы возможность проинтерпретировать его как множественность объектов. Показатель множественного числа, скорее всего, располагается выше в структуре ИЧ. Это в принципе согласуется с тем, что ИЧ имеет статус вершины, а не фразы – в противном случае внутренний объект был бы «субъектом» не у лексической вершины, а у некоторой составляющей. Функциональная проекция, ответственная за число ИЧ, располагается выше – «через нее» ИЧ проходит при подъеме в доминирующую вершину res:

(2.155)

$$[\text{resP} [\text{PL} [\text{AdjP} [\text{DP}_{\{pl\}} \text{ IA-PL}] [\text{Adj} \text{ Adj}]]] [\text{PL} \text{ -PL}]] [\text{res}]]$$

В итоге мы получаем, что в процессе деривации ИЧ сначала взаимодействует со своим спецификатором (внутренним объектом), а уже затем – с числовым показателем и той частью структуры, которая ответственна за проекцию глагольных категорий.

2.5.2.3. Результаты обсуждения морфологического маркирования СП

ИЧ в составе осетинских СП могут получать показатели сравнительной степени, косвенного падежа, числа, а также оформляться частицами, подвергаться редупликации и т.д. Важно при этом, что отдельные показатели, оформляющие обычно прилагательные или существительные, свободно инкорпорируются в СП, некоторым предсказуемым образом меняя лексическую семантику новообразованного глагола. Адъективные / именные показатели на ИЧ модифицируют представление результирующего состояния / процесса, т.е. вносят свой вклад в глагольное значение в соответствии со значениями исходных граммем.

2.6. Выводы по Главе 2

Мы рассмотрели основные свойства осетинских сложных предикатов. Сложные предикаты в осетинском языке и в других языках мира, где они представлены, дают возможность «заглянуть внутрь» лексической структуры глагола и глагольной группы. Элементы структуры глагола, про которые можно только догадываться, исследуя английский или русский язык, становятся видны невооруженным глазом на материале языков со сложными предикатами. Особенности каузативно-инхоативной альтернации, исследования которой изначально проводились на данных английского, получают понятное объяснение на материале сложных предикатов. Примечательно, что и в осетинском языке (как и в русском) регулярные глаголы не демонстрируют каузативно-инхоативного чередования (С.Г. Татевосов, л.с.).

Анализ осетинских сложных предикатов позволяет убедиться в том, что неаккузативные и неэргативные предикаты существенно различаются с точки зрения аргументной и событийной структуры. А именно, аргументная структура неаккузативов образуется при участии адъективных элементов, чьими «подлежащими» являются именные группы, приобретающие состояние, передаваемое прилагательным. Такие сложные предикаты инхоативны, если употребляются с легкими глаголами, не способными вводить внешний аргумент и соответствующими процессам или результатам. Неаккузативные предикаты приобретают каузатора и становятся переходными, если в их образовании участвует легкий глагол, способный вводить каузирующее подсобытие. Та же версия легкого глагола используется с неэргативными и переходными глаголами. Неэргативные предикаты образуются при участии основ событийных существительных, не имеющих собственного внутреннего участника, в то

время как неаккузативные – от прилагательных, у которых может быть собственное подлежащее. Таким образом, свойства сложных предикатов существенно зависят от того, элемент какой лексической категории их образует. Поскольку сложные предикаты сами являются единицами лексикона, в данной части работы мы вновь обнаруживаем факты, опровергающие акатегориальность корней, участвующих в словообразовании – см. также Главы 1 и 5.

Мы показали, что известная часть свойств сложных предикатов зависит от того, какого типа именные части входят в деривацию. В целом аргументная и событийная структура сложных предикатов предсказуемо определяется взаимодействием именной части, легкого глагола и префикса. При добавлении морфологических показателей к именной части изменения в лексической семантике предиката также прозрачны. Как мы видели, другие явления, позволяющие препарировать организацию внутренней структуры сложных предикатов, – эллипсис и сочинение. Способность к сочинению с общим легким глаголом проявляют лишь предикаты одинакового типа. Более того, эллипсису и сочинению подвергаются лишь сложные предикаты с глаголом ‘быть’, в то время как предикаты с глаголом ‘делать’ не могут быть элиминированы ни в обычных употреблениях, ни в сочиненных СП.

Мы также показали, что сложные предикаты могут проявлять свойства и слова, и составляющей.

Глава 3. Сложные глаголы образа действия и результата в тюркских языках⁵⁹

Дело в том, что кодирующая техника языка, характеризующая его поверхностные уровни, в значительной степени д е т е р м и н и р о в а н а а) г л у б и н н о й с е м а н т и ч е с к о й структурой, которую она призвана отображать, и б) теми п р о ц е с с а м и, которые происходят при переходе от этой структуры к ее конечной реализации (материальному воплощению).

[Кибрик 1992б: 124]

Данная глава содержит описание материала тюркских конструкций из двух глаголов, первый из которых стоит в форме конверба на *-n*, а второй – в любой релевантной глагольной форме. Важное отличие таких сочетаний – то, что первый глагол является глаголом образа действия, а второй – глаголом результата. Традиционно подобные конструкции рассматривались как подтип так называемых конструкций с сериальным или вспомогательным глаголом. Поверхностные правила образования сериальных конструкций те же, что и сочетания глаголов образа действия и результата – первый глагол должен стоять в форме конверба на *-n* (подробно о данных конвербах см. Главу 4).

Однако на этом сходство заканчивается – при образовании сериальных конструкций в качестве второго элемента участвуют глаголы некоторого фиксированного списка, в то время как единственное ограничение на образование конструкций, исследуемых в данной главе, – наличие семантики образа действия и результата. Как мы покажем, две такие конструкции с конвербом на *-n*, несмотря на внешнее сходство, имеют совершенно различную внутреннюю структуру, что приводит к различиям в дистрибуции. Особенности употребления конструкций со вспомогательными глаголами, равно как и синтаксическая структура таких конструкций, будут описаны в Главе 4.

Исследование «лексических» сериализаций ‘образ действия – результат’ наиболее активно проводилось автором во время лингвистической экспедиции МГУ 2013 г. в с. Верхняя Балкария (Кабардино-Балкарская Республика). Анализ собранного материала был продолжен в Москве, где к карачаево-балкарскому материалу добавились уже данные казахского языка. Поскольку существенных противоречий в организации описываемых конструкций обнаружено

⁵⁹ Глава основана на работах [Гращенков 2014а; Гращенков 2015б].

не было, в ряде случаев примеры из двух данных языков будут взаимозаменяемы. Кроме карачаево-балкарского и казахского языка будет представлен также материал некоторых других тюркских языков. Если источник примера не указан, пример получен методом опроса носителей.

Изложим краткий план Главы 3. В разделах 3.1 и 3.2 будут представлены примеры исследуемых сложных глаголов и описаны их семантические свойства. Раздел 3.3 будет посвящен возможным вариантам анализа сложных глаголов. В разделе 3.4 мы обсудим грамматические и семантические характеристики тюркских сложных глаголов. Раздел 3.5 помещает наблюдения о дополнительном распределении образа действия и результата в рамки теории лексической декомпозиции. В 3.6. предлагается анализ обсуждаемых сложных глаголов как результата сочинения внутренних лексических проекций, в 3.7. подводятся итоги Главе 3.

3.1. Сложные глаголы образа действия: примеры употребления

При наблюдении за дистрибуцией тюркских конвербов на *-n* (см. подробнее Главу 4) бросается в глаза одна закономерность: данные формы регулярно употребляются с глаголами, задающими образ действия, после которых следует глагол с результитивной семантикой:

(3.1)	казахский				[интернет]
Монғол-дың бір	ноян-ы	Мөңке-нің	жарлығ-ы	бойынша	
монгол-GEN	один	нойон-3	Менке-GEN	указ-3	на.основании
Бошман-ды	балта-мен	қақ	жар-ы-п	өлтiр-дi.	
Бошман-ACC	топор-INS	пополам	колоть-ST-CONV	убивать-PST	
‘Один монгольский нойон на основании приказа Менке разрубил Бошмана напополам топором.’					

(3.2)	казахский				[интернет]
... жаз шыға	эртүрлі	құстар	ұш-ы-п	кел-е-дi.	
лето	выходит	различный	птицы	лететь-ST-CONV	приходить-ST-PST
‘...когда приходит лето, прилетают разные птицы.’					

(3.3) карачаево-балкарский [http://www.altai.ru/texts/karachay.htm]
 Ол себебден камсыкъ джудуз-чукъ-ла,
 этот по.причине озорник звезда-COLL-PL,
уч-у-б⁶⁰ **кел-и-б** аны тегерегинде,
 летать-ST-CONV приходитъ-ST-CONV он на
 бугъунчакъ ойнаргъа суйгендиле.
 прятки играть любили
 ‘Поэтому озорные звездочки падали на нее и любили играть в прятки.’

(3.4) карачаево-балкарский [http://www.altai.ru/texts/karachay.htm]
 Ингир, кюн батаргъа джыйыл-са,
 вечером солнце заходить собираться-CONV.COND
 терк **бат-ы-б** **кет-мей.**
 быстро заходить-ST-CONV уходить-NEG.3
 ‘... вечером, когда солнце начинает садиться, оно не спеша, немного подождав, заходит.’

В словарях подобные сочетания отображаются как сложные глаголы, образованные из двух частей, ср.: ‘задушить’, *буындырын өлтиру* – [Бектаев 1995: 543]; ‘улететь’, *ушып кету* – [Бектаев 1995: 664]; ‘задушить, придушить’ *буууб ёлтюрюрге* – [КБРС 1989: 171], ‘улететь’ – *учуб кетерге* [КБРС 1989: 689].

Аналогичный анализ получают подобные конструкции и в грамматических описаниях: «Не все глаголы в одинаковой степени могут выражать образ действия. Чаще всего это значение передается сложными глаголами, состоящими из сочетания деепричастия и формы изъявительного наклонения: *Осман фермагъа чабыб кетди* букв. ‘Осман на ферму побежав ушел’, или ‘Осман побежал на ферму.’ В этом предложении деепричастие *чабыб* выражает образ действия (бег), *кетди* обозначает чистое действие (уход). Таких глаголов в карачаево-балкарском языке много: *чабыб кетди* ‘побежал’, *къачыб кетди* ‘бежал’, *къалыб кетди* ‘отстал’, *кетиб къалды* ‘ушел’ и т.д.», [Алиев 1973: 190].

В данных конструкциях, которые мы далее будем называть сложными глаголами (СГ), первая часть, соответствующая способу действия, стоит в форме конверба на *-л*, а вторая – имеет спрягаемую форму и принимает все релевантные флексии.

Ниже, при обсуждении структуры тюркских СГ, мы еще обратимся к наблюдению У.Б. Алиева о неспособности некоторых глаголов выражать образ действия.

⁶⁰ В соответствии с орфографической традицией, карачаево-балкарские конвербы мы будем приводить как оканчивающиеся на *-б* (а не *-л*, как в большинстве других тюркских языков).

3.2. Семантические свойства СГ образа действия

Продemonстрируем семантические свойства СГ на материале карачаево-балкарского языка. Здесь, как и в других тюркских языках, наблюдается два крупных семантических подкласса описываемых сложных предикатов.

Первый подкласс образуется так: глаголы направленного движения ('приходить', 'уходить', 'проходить' и др.) выступают в качестве второго компонента при глаголах способа перемещения ('плыть', 'лететь', 'скакать' и т.д.). Так, балкарский глагол *ётерге*, 'проходить', образует СГ *учуб ётерге* 'пролететь', *секириб ётерге* 'перепрыгнуть', *сюркелиб ётерге* 'переползти', *жюзюб ётерге* 'переплыть.' Первые части данных СГ задают способ передвижения: 'лететь', 'прыгать', 'ползти', 'плыть.'

Другой подкласс продуктивных глагольных значений включает примеры, в которых вторым компонентом выступает глагол, задающий некоторое результирующее состояние пациенса, а первым – глагол, описывающий способ изменения состояния пациенса:

(3.5) карачаево-балкарский

Керим	чюйню	ур-у-б	кийир-ди.
Керим	гвоздь	бить-ST-CONV	вводить-PST

'Керим вбил ударом гвоздь.'

Приведем примеры. Глагол 'убивать', *ёлтюрюрге*, регулярно выступает в качестве второго компонента карачаево-балкарских СГ: *басыб ёлтюрюрге* – 'задавить (машиной)', *буууб ёлтюрюрге* – 'задушить', *уруб ёлтюрюрге* – 'зарубить', *атыб ёлтюрюрге* – 'расстрелять.'

В то же время первые части *уруб* ('ударяя') и *атыб* ('бросая', 'стреляя') сочетаются с другими глаголами, задающими конечное состояние пациенса, ср., например, глагол *тюшюрюрге* – 'уронить, сбить', при помощи которого образуются значения *уруб тюшюрюрге* – 'сбить, застрелить', *атыб тюшюрюрге* – 'сбить выстрелом' и т.д.

Глагол *урурга* 'бить' может образовывать СГ являясь также первым компонентом следующих СГ карачаево-балкарского языка: *уруб кийирирге* – 'вбить', *уруб тешерге* 'проломить', вторые части в данных СГ имеют значения 'провести' и 'пробить' соответственно. Похожим образом ведет себя глагол и *атырга* 'бросать, стрелять' являющийся первой частью глаголов *атыб ёлтюрюрге* 'застрелить', *атыб тюшюрюрге* 'сбить.'

Итак, внутри СГ образа действия выделяется два семантических подкласса: директивный и результирующий (второй часто представлен глаголами созидания-уничтожения). Как мы увидим ниже, тот факт, что СГ образа действия образуют директивные и результирующие

значения, не случаен и не уникален для тюркских языков. Такое наблюдение может быть проинтерпретировано как следствие универсальных правил организации значения глагольных лексем в естественном языке.

3.3. Возможные варианты анализа СГ

Возможны следующие (не взаимоисключающие) варианты анализа структуры СГ. Первый предполагает лексический подход к СГ. Второй состоит в том, что правила образования СГ аналогичны таковым для вспомогательных (или серийных) глаголов. В рамках еще одного анализа первые части СГ, т.е. собственно глаголы образа действия можно рассматривать как комплемент глаголов результата. Далее, конструкции со сложными глаголами можно проанализировать как сочинительные. Наконец, глагольные группы образа действия можно представить как адъюнкты к глагольным группам результата. Ниже мы разберем каждый из подходов и примем решение об их применимости.

3.3.1. Лексический подход

Такой подход принят в процитированных выше словарях и грамматиках тюркских языков. В соответствии с ним СГ могут быть рассмотрены как самостоятельные лексические комплексы и в целом правила их образования должны быть подобны правилам образования фразеологизмов – иначе говоря, правила должны отсутствовать. Действительно, фразеологизмы окказиональны, а их отдельные элементы не могут быть заменены лексемами с близкой семантикой, ср.: *писать как курица лапой*, но не **рисовать как курица лапой*; *делать из мухи слона*, но не **производить из мухи слона*, **получать из мухи слона* и т.д.

Таким образом, фразеологизмы окказиональны, и если мы будем анализировать СГ подобно фразеологизмам, нам не удастся объяснить тот факт, что при их образовании действует очевидные семантические правила (см. раздел 3.2).

3.3.2. Вспомогательные глаголы

Иногда СГ с результативной семантикой интерпретируются аналогично другим вспомогательным глаголам, передающим значение вида, времени и модальности, ср., например описание карачаево-балкарского глагола *кет-* как передающего значение «движения от субъекта, от говорящего, с результативным значением» и т.д., см. [Текуев 1979: 44-76].

Обсуждая подход к СГ как к конструкциям со вспомогательными глаголами (КВГ), мы разделим все СГ на семантические классы директивов и результативов. Напомним, что вспомогательные глаголы в тюркских языках также сочетаются с конвербами, модифицируя при этом аспектуально-временные и модальные компоненты высказывания:

(3.6) киргизский

[Гращенко 2012]

Акмат, биз менен суйле-ш-у-п олтур-у-п,
 Акмат мы с говорить-REC-ST-CONV сидеть-ST-CONV
 ачуулан-а кет-ти
 сердиться-CONV уходить-PST
 ‘Акмат, разговаривая с нами, (вдруг) рассердился.’

В данном киргизском примере два вспомогательных глагола: *олтур-* ‘сидеть’ и *кет-* ‘уходить.’ Оба они в данном предложении выражают аспектуальные значения: *олтур-* – длительность действия первого глагола, а *кет-* – быстрый переход в состояние, задаваемое первым глаголом.

Часть вспомогательных глаголов представлена как раз предикатами с директивной семантикой, среди которых – *kel* ‘приходить’, *ket* ‘уходить’, *çiq* ‘выходить’, *kir* ‘входить’, *öt* ‘проходить’ и другие, см. Главу 4 и приведенные там источники. При этом глаголы с направительной семантикой могут иметь как аспектуальное (пример выше), так и директивное значение:

(3.7) казахский

[интернет]

Кетпені анадай жер-ге уш-ы-п кет-кен
 кетмень этот земля-DAT лететь-ST-CONV уходить-PFCT
 ‘Его кетмень в землю вошел.’

Очевидно, что выделенный нами подкласс директивных СГ образа действия образуется как раз при помощи направительных вспомогательных глаголов и соответствует их пространственному, а не аспектуальному употреблению.

Главным отличием использования одних и тех же глаголов (*kel*, *ket*, *çiq*, *kir*, *öt*) в аспектуально-временном и модальном значении от их употребления в директивной функции при образовании глаголов образа действия является следующее. При грамматическом употреблении вспомогательные глаголы полностью лишены аргументной структуры – наличие собственных зависимых в них невозможно:

(3.8) киргизский

Акмат	ачуулан-а	биз-дин	кет-ти
Акмат	сердиться-CONV	мы-ABL	уходить-PST

*‘Акмат вдруг рассердился и ушел от нас.’

В данном примере значение внезапного вхождения в состояние (‘вдруг рассердился’) невозможно, если у глагола ‘уходить’ будет собственный участник (*от нас*).

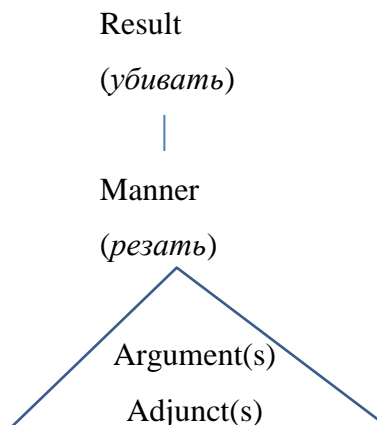
Что касается результативных СГ, то свести их к вспомогательным глаголам не представляется возможным: в этом случае не совпадает ни набор лексем, ни образуемое с их помощью значение. Так, среди вспомогательных глаголов карачаево-балкарского языка отсутствуют, например, глаголы *ёлтюрюрге* ‘умирать’ и *тешерге* ‘пробивать’ – результативный компонент значения добавляется более широким списком лексем, чем те, которые традиционно ассоциируются со вспомогательными глаголами.

Итак, СГ образа действия с результативной семантикой представляют собой отдельное явление, в то время как СГ, образованные при участии направительных глаголов, являются особым, директивным, типом конструкций со вспомогательными глаголами.⁶¹

3.3.3. Глагол результата и образа действия: структура комплемент-зависимое

Схематически подобная структура может быть представлена так:

(3.9)

В такой конфигурации прямой объект мог бы проецироваться только глаголом образа действия (*резать*), т.к. глагол результата (*убивать*) может иметь только одну валентность на комплемент. Таким комплементом не могут быть одновременно прямой объект и глагольная

⁶¹ При этом директивные конструкции со вспомогательными глаголами, скорее всего и исчерпываются СГ образа действия.

проекция с вершиной *резать*. В английском языке отмечены поверхностные структуры с так называемым «исключительным маркированием объекта», Exceptional Case Marking (ECM), допускающие, на первый взгляд два компонента одновременно:

(3.10) английский

I saw him crossing the street.

‘Я видел, как он переходит улицу’ (досл.: ‘Я видел его переходящего улицу’).

В таких составляющих, связанных, как правило, с глаголами оценки и восприятия, можно заподозрить присутствие одновременно двух компонентов, прямого объекта *him* и глагольной группы *crossing the street*. Однако, во-первых, для английского языка было показано, что в подобных случаях *him crossing the street* образуют одну составляющую, занимающую позицию компонента и при этом прозрачную для приписывания аккузатива именной группе *him*, см. [Chomsky 1986]:

(3.11) английский

I saw [acc → him [crossing the street]].

Во-вторых, семантика глагола – класс результата – не предполагает эффекта ECM. Наконец, тюркские языки нигде более не демонстрируют эффекта исключительного маркирования объекта.

Похожим образом обстоит дело и с директивами. Аргументная структура директивного глагола подразумевает две синтаксически сильные валентности: i) участник, который меняет свое положение в пространстве и ii) локативный аргумент, показывающий, как именно изменилось положение (‘откуда переместился’, ‘куда переместился’, ‘через что переместился’ и т.д.) Валентностью на компонент, будь то прямой объект или сентенциальный актант, директивные глаголы не располагают.

3.3.4. Сочинение

Сочинение также кодируется в тюркских языках п-конвербом, см. раздел 4.3. следующей главы:

(3.12) казахский

[интернет]

Кешек-тің қол-ы-на Барақ та

Кешек-GEN войско-3-DAT Барақ DA

кел-і-п	қосыл-ды.
приходить-ST-CONV	присоединяться-PST

‘Барак подошел и присоединился к войску Кешека’

В данном примере событие, описываемое первой частью предикации, предшествует событию второй части, а обстоятельства протекания этих событий совпадают для обеих ситуаций (‘Барак, к войску Кешека подойдя, ~~к нему~~ присоединился.’)

Аналогичным образом можно рассматривать и СГ:

(3.13) казахский

Дон Жуан	Командор-ды	бауызда-п	өлтір-ді.
Дон Жуан	Командор-ACC	резать-CONV	убивать-PST

‘Дон Жуан заколол Командора.’
(‘Дон Жуан, Командора резов, ~~Командора~~ убил.’)

(3.14) казахский

Ақ тұрымтай	жерге	ұш-ы-п	түс-ті.
Перепелятник	к.земле	летать-ST-CONV	спускаться-PST

‘Перепелятник приземлился.’
(‘Перепелятник к земле летя, ~~к земле~~ спустился.’)

Так же как и в случае с сочинением, временной интервал первой ситуации оказывается частично вложен во временной интервал второй:

(3.15) казахский

[[Дон Жуан колол(T1) Командора] Дон Жуан убил(T2) Командора] $T1 \subseteq T2$
[[Перепелятник летел(T1) к земле] перепелятник спустился(T2) на землю] $T1 \subseteq T2$ ⁶²

Подобное условие на временные отношения при употреблении двух и более глаголов в одной предикации известно как «Условие временной иконичности» (Temporal Iconicity Condition), см. [Tomіoka 2004] и приведенные там ссылки.

Таким образом, в случае СГ образа действия мы имеем дело с сочинением некоторого уровня глагольной группы.

⁶² Строго говоря, начало подсобытия, задаваемого первым глаголом также может наступить позже, чем начало подсобытия второго глагола, однако в нашем случае это не принципиально.

3.3.5. Адьюнкция образа действия к результату

Обычно аргументом, позволяющим выбрать между сочинением и адьюнкцией, считается способность внутреннего материала к экстрапозиции, см. Введение а также [Тестелец 2001; Johnson 2006] среди прочих. Ожидается, что сочиненные структуры не позволяют А'-передвижения внутреннего материала, в то время как для адьюнктов оно возможно. В случае тюркских языков, однако, для применения данного теста есть два препятствия: во-первых, они являются *wh-in-situ*, во-вторых – глагольные группы в этих языках и в случае «обычного» сочинения не всегда проявляют островные свойства.

Далее, с точки зрения семантики адьюнктивные и сочинительные структуры также схожи: как те, так и другие могут обозначать временное предшествование, одновременность, причинно-следственные и др. отношения.

По нашему мнению, главным аргументом против адьюнкции является невозможность разных уровней прикрепления адьюнкта. Так, для наречных обстоятельств способа действия возможно расположение до или после прямого объекта:

(3.16) казахский

Нұрлан	(тез)	үстел-ді	(тез)	сұрт-ті.
Нурлан	(быстро)	стол-ACC	(быстро)	вытирать-PST

‘Нурлан (быстро) оттер стол.’

Как можно видеть, интерпретация высказываний с разной позицией прикрепления адьюнкта одинакова. В то же время расположение глагола образа действия до либо после прямого объекта приводит к изменению интерпретации:

(3.17) казахский

Нұрлан	үстел-ді	сұрт-і-п	тазала-ды.
Нурлан	стол-ACC	вытирать-ST-CONV	очищать-PST

‘Нурлан оттер стол.’

(3.18) казахский

Нұрлан	сұрт-і-п	үстел-ді	тазала-ды.
Нурлан	вытирать-ST-CONV	стол-ACC	очищать-PST

Значения:

i) #‘Нурлан оттер стол.’

ii) ‘Нурлан тер и очистил стол.’

Интерпретация, соответствующая СГ 'Нурлан тер стол, вследствие чего стол стал чистым' доступна только при препозиции прямого объекта обоим глаголам.

3.3.6. СГ образа действия – определение

Итак, мы пришли к следующему представлению о СГ образа действия. Во-первых, такие конструкции представляют собой конструкцию, образованную при участии глагола образа действия и глагола результата с совпадающим набором актантов и обстоятельств.

Во-вторых, обсуждая тип синтаксической связи, стоящей за такими конструкциями, мы заключили, что они представляют собой сочинение некоторого уровня проекции глагольной группы, или, возможно, глагольных вершин – речь об этом пойдет ниже.

В-третьих, некоторые глаголы движения, образующие директивные СГ, также употребляются и в конструкциях со вспомогательными глаголами. Однако в случае СГ такие единицы обладают собственной аргументной структурой и не передают грамматических значений, как это происходит в случае вспомогательных глаголов. Иными словами, СГ не являются одной из разновидностей конструкций со вспомогательным глаголом.

3.4. Свойства СГ образа действия

3.4.1. Идентичность участников и однособытийность

Сделаем одно важное допущение. Здесь и далее мы примем соглашение о левостороннем ветвлении зависимых как наиболее точно отражающим тюркский синтаксис. Спецификаторы и комплементы (как лексических, так и функциональных проекций) будут в наших структурах порождаться слева от вершин. Альтернативным подходом, основанным на так называемой Аксиоме линейного соответствия, см. [Каупе 1994], предполагался бы порядок спецификатор – вершина – комплемент и дальнейшее его преобразование в линейную цепочку SOV и другие реализации. Основным аргументом для выбора левостороннего глубинного ветвления для нас будет большая по сравнению с другими порядками простота порождения линейных последовательностей.

Сочинение может быть проанализировано как конъюнкция частей *Manner* и *Result* с общими зависимыми – так называемое сочинение вершин, (3.19.a). Альтернативно, в СГ можно усмотреть сочинение глагольных составляющих с эллиптическим удалением зависимых второго конъюнкта, (3.19.b):

(3.19)

a. [[Argument(s), Adjunct(s)] [Manner & Result]]

b. [[[[Argument(s), Adjunct(s)] Manner] & [~~Argument(s), Adjunct(s)~~ Result]]]

Общей особенностью структур а и b, является то, что набор актантов и сирконстантов является одинаковым для обоих глаголов.

Интерпретация примеров с СГ отличается от интерпретации предложений, составленных из тех же словоформ, но располагающих определенную часть зависимых между двумя глагольными формами, ср. (3.13-14) и (3.20-21):

(3.20) казахский

Дон Жуан	бауызда-п	Командор-ды	өлтiр-дi.
Дон Жуан	резать-CONV	Командор-ACC	убивать-PST

‘Дон Жуан, заколов, убивает Командора.’

(3.21) казахский

Ақ тұрымтай	ұш-ы-п	жерге	түс-ті.
Перепелятник	летать-ST-CONV	к.земле	спускаться-PST

‘Перепелятник летя на землю спустился.’

Похожий контраст существует и в карачаево-балкарском языке. Вариант с контактным расположением прямого объекта переводится как единое событие с общим внутренним участником. В то же время в предложениях, где прямой объект располагается между глаголами, носители склонны выделять две ситуации:

(3.22) карачаево-балкарский

Чомай	джугъутур-ну	ат-ы-б	тюшнор-дю.
Чомай	тур-ACC	стрелять-ST-CONV	бросать-PST

‘Чомай подстрелил тура.’

(3.23) карачаево-балкарский

Чомай	ат-ы-б	джугъутур-ну	тюшнор-дю.
Чомай	стрелять-ST-CONV	тур-ACC	бросать-PST

‘Чомай выстрелил и подстрелил (=свалил) тура.’

Как видно из переводов примеров с неконтактными глагольными формами, (3.20-21, 3.23), в этих случаях мы либо имеем дело с сочинением двух глагольных групп, первая из которых содержит нулевой элемент, кореферентный объекту второй, (3.20'); либо первая глагольная группа скорее будет проинтерпретирована как не имеющая общих зависимых со второй, (3.21'). Такие структуры являются сочинением проекций более высокого уровня, чем сочинение в сложных глаголах. Прямой объект или участник, ответственный за маршрут перемещения (либо другие адъюнкты) не являются частью общей структуры для глаголов образа и результата / направленного движения. Они представлены в них или в каждом конъюнкте ('стрелял тура & свалил тура'), или в одном ('стрелял{intr} & свалил тура'):

(3.20')

[[[Ø; Manner] & [[Argument(s), Adjunct(s)]; Result]]]

(3.21')

[[Manner] & [[Argument(s), Adjunct(s)] Result]]

Однособытийность является ключевым семантическим свойством СГ и связана с идентичностью участников обеих ситуаций. Если даже участники обоих глаголов совпадают семантически, но различаются синтаксически, (3.20/3.20'), интерпретация всей конструкции разбивается на две ситуации. Такой же эффект наблюдается и в случае (3.21/3.21') – тождество участников нарушается и вместо одной сложной ситуации получаются две.

Если глаголы образа и результата не совпадают по переходности, при образовании СГ вводятся повышающие (каузатив) или понижающие (пассив) деривационные показатели, нивелирующие разницу в аргументной структуре. В следующих примерах директивные глаголы превращены в переходные результативы посредством каузативизации – лишь в таком виде они могут участвовать в формировании соответствующих СГ:

(3.24) карачаево-балкарский

a.	суйре-б	тюш-ю-р-ю-рге
	тянуть-CONV	падать-ST-CAUS-ST-INF
	'стащить'	
b.	бас-ы-б	кий-и-р-и-рге
	давить-ST-CONV	входить-ST-CAUS-ST-INF
	'вдавливать'	

с.	джуу-у-б	кет-е-р-и-рге
	мыть-ST-CONV	уходить-ST-CAUS-ST-INF
	‘смыть’	
д.	ур-у-б	кий-и-р-и-рге
	бить-ST-CONV	входить-ST-CAUS-ST-INF
	‘вбить’	

Итак, СГ образа действия представляют собой сочинительные конструкции с общим набором зависимых.

3.4.2. Фиксированный порядок “образ действия – результат”

Важным свойством СГ является фиксированный порядок “образ действия – результат” – при смене расположения элементов конструкция теряет свое ключевое свойство – однособытийность:

(3.25) карачаево-балкарский

Керим	чюйню	ур-у-б	кийир-ди.
Керим	гвоздь	бить-ST-CONV	вводить-PST
	‘Керим вбил гвоздь.’		

(3.26) карачаево-балкарский

Керим	чюйню	кийир-и-б	ур-ду.
Керим	гвоздь	вводить-ST-CONV	бить-PST
	‘Вдавливая гвоздь, Керим бил.’		

3.4.3. Сочинение и межкатегориальная морфология

Общим свойством СГ и сочинительных конструкций является способность образовывать формы причастий и номинализаций. Продемонстрируем данное свойство на материале причастий на *-ган*, объединяющих сочиненные глагольные группы. Весь сочиненный комплекс способен оформляться причастным показателем, образуя сложный причастный оборот:

(3.27) казахский

[интернет]

...үлкен-ді	құрметте-п	өс-кен	жас	жігіт ...
старший-ACC	уважать-CONV	расти-PFCT	молодой	парень

‘... юноша, выросший в уважении к старшим ...’ (‘юноша, который рос и уважал старших’)

Отметим прежде всего, что внутренняя структура двух глаголов, соединенных маркером *-н*, в казахском примере (3.27) не совпадает – первый из них переходный, а второй – непереходный. Из этого можно сделать вывод о том, что в данном случае перед нами не сочинение (глагольных) вершин, а сочинение составляющих (глагольных групп) некоторого уровня вложенности, т.е. структура (3.19.b), а не (3.19.a).

Причастные формы могут быть образованы и от тюркских сложных глаголов. Следующие примеры демонстрируют релятивизацию результативных и директивных СГ, (3.28) и (3.29) соответственно:

(3.28) казахский [интернет]

а.	Сонда	бар-ы-п	бұл	эйел-дің,	ит-і-н
	тогда	идти-ST-CONV	этот	женщина-ABL	собака-3-ACC
	ұр-ы-п	өлтір-ген	жігіт-тің	кім	е-кен-і-н
	бить-ST-CONV	убивать-PFCT	парень-GEN	кто	быть-PFCT-3-ACC
	ес-і-не	түсір-ді.			
	память-3-DAT	ронять-PST			

‘Придя тогда от этой женщины, (он) вспомнил, кто был этот парень, который забил собаку.’
(букв.: ‘че бытие парня на память пришло’)

б.	Мен	темекі-ні	ойла-п	тап-қан	адам-ды
	я	табак-ACC	думать-CONV	находить-PFCT	человек-ACC
	ая-ма-с		е-ді-м.		
	жалеть-NEG-COND		Е-PST-1SG		

‘Я бы не пощадил человека, который изобрел табак.’

(3.29) казахский [интернет]

Қайта	ұш-ы-п	кел-ген	құс	көкек	жұмыртқас-ы-н
вновь	лететь-ST-CONV	приходить-PFCT	птица	кукушка	яйцо-3-ACC
өзінікі-нен	айыр-а		ал-май-ды ...		
собственный-GEN	раздваивать-ST	брать-NEG-PST			

‘Прилетевшие вновь птицы не могут отличить собственные яйца от яиц кукушки...’
(букв.: ‘из кукушкиных яиц собственные различить не могут’)

Примеры выше демонстрируют грамматичность релятивизации внешних участников (подлежащих в СГ ‘забивать’, ‘изобретать’, ‘прилетать’). Приемлемыми оказываются также и

предложения с выносом в вершину относительного предложения внутреннего участника. Пример (3.30) демонстрирует экстрапозицию прямого объекта в результативных СГ, а (3.31) – временного адъюнкта в директивных СГ:

(3.30) казахский [интернет]
 Оқу – адамзат-тың ең пайдалы ойла-п тап-қан зат-ы.
 Чтение– человечество-GEN полезный думать-CONV находить-GEN вещь-3
 ‘Чтение – самая полезная вещь, изобретенная человечеством.’

(3.31) казахский [интернет]
 осы пункт-ген жүз-і-п кет-кен уақыт-ы
 данный пункт-ABL плыть-ST-CONV уходить-PFCT время-3
 ‘время отплытия из данного пункта’

Тот факт, что именная группа, соответствующая вершине относительного предложения, присутствует в его исходной структуре, может быть продемонстрирован следующим примером:

(3.32) казахский [интернет]
 Ол [жиырымасыншы жылдары саяси қысым-ға
 он 20-й в.годы политический нажим-DAT
 шыдай ал-май өзін-өзі бауызда-п өлтір-ген] ақын екен.
 терпеть брать-NEG сам.себя резать-CONVубить-PFCT поэт быть.MOD
 ‘Он, кажется, был поэтом, не вытерпевшим политического нажима в 20-е годы и убившим себя.’

В (3.32) именная группа *поэт* связывает локальный рефлексив *өзін-өзі*, ‘сам себя’, который должен иметь контролера в той же предикации, где он располагается, т.е. в относительном предложении. Чтобы иметь возможность связывать локальный рефлексив, именная группа *поэт* должна на определенном этапе деривации присутствовать в относительном предложении.

Релятивизацию внутренних участников СГ мы наблюдаем и в балкарском языке:

(3.33) карачаево-балкарский
 Керим туй-ю-б сюр-ген ийнек-ле минеки-ле-ди-ле.
 Керим гнать-ST-CONV хлестать-PFCT корова-PL мой-PL-PST-PL
 ‘Коровы, которых Керим гнал и хлестал – мои.’

В примере (3.33) участник, попадающий в вершину именной группы ('коровы, которых Керим гнал и хлестал'), исходно является внутренним аргументом и глагола образа действия, и глагола результата:

(3.33') карачаево-балкарский

[[ийнекле]	туй-ю-б]	[[ийнекле]	сюр-]
коров	гнать-ST-CONV	коров	хлестать-

'коров гнать, коров хлестать'

Если бы мы имели дело не с сочинением, а с адьюнкцией глагола образа действия к глаголу результата, это было бы возможно при следующей структуре:

(3.33'') карачаево-балкарский

[[ийнекле] _i	туй-ю-б]	[Ø _i	сюр-]
коров	гнать-ST-CONV	коров	хлестать-

'гоня коров, хлестать (их)'

Передвижение именной группы из группы конверба в позицию вершины было бы невозможно – оно нарушало бы так называемый адьюнктивный остров, [Ross 1967]. Продемонстрируем эффект адьюнктивного острова на примере русских деепричастий:

(3.34) русский

- a. Мальчик [хлестал коров].
- b. коровы, которых мальчик [хлестал t_i]
- c. Мальчик, [хлестая коров], шел по дороге.
- d. *коровы_i, которых мальчик [хлестая t_i], шел по дороге
- e. Мальчик [хлестал и гнал коров].
- f. коровы_i, которых_i мальчик [хлестал и гнал t_i]

Пример (3.34.d) нарушает адьюнктивное островное ограничение: прямой объект в нем выносится из деепричастного оборота. В то же время при сочинении, (3.34.f), наблюдается так называемое передвижение «пересекающее границы» – across the board movement (ATB), см., например, [Казенин 2011]. ATB характеризуется тем, что одинаковая операция производится

над обоими конъюнктами – АТВ является, таким образом, диагностической операцией для сочинения.

Как представляется, синтаксическая структура подобных образований аналогична примерам с сочинительными п-конвербами внутри причастных оборотов. А именно, глаголы образа действия и результата, соединяясь сочинительной связью на некотором уровне проекции глагольной группы, оформляются показателем причастия и могут употребляться в позиции приименного атрибута и т.д.:

(3.35)

[[PartP [Argument(s), Adjunct(s)] [VP [VP Manner] & [VP Result]]]-gan N]

Итак, в отличие от русских деепричастий, передвижение АТВ, которое, как мы знаем, является характеристическим для сочинительных структур, допустимо с СГ, см. (3.30-31), (3.33). Таким образом, в случае СГ мы имеем дело с сочинением.

Возможное отличие между СГ и «обычными» сочиненными конструкциями состоит в том, что из-за требования идентичности участников в случае СГ непонятно, имеем ли мы дело с сочинением вершин или составляющих. Последняя возможность, как мы видели в (3.27), имеет место при сочинении «обычных» глаголов, но и структуру с сочинением вершин для СГ мы пока не будем исключать.

Еще одно отличие между СГ и обычными сочиненными глагольными группами состоит в более проблематичном выносе внутренних участников при «обычном» сочинении:

(3.30') казахский

Бұл орман – менің ізде-п тапқан орын.

Этот лес – я.GEN искать-CONV находить-PFCT место

‘Этот лес – то место, которое я искал и нашел.’

Пример (3.30') сконструирован по аналогии с (3.30) и не является СГ. Как можно видеть, он отличается меньшей грамматичностью.

Свидетельство сочинительной природы СГ, основывающееся на АТВ-передвижении, действительно только в том случае, если в тюркских относительных предложениях мы имеем дело с перемещением участников относительного предложения в вершину именной группы.⁶³

Альтернативно можно было бы предположить, что внутренний участник в (3.30-31) и (3.33) не

⁶³ Данное замечание было сделано Е.А. Лютиковой.

передвигается в вершину относительного оборота, а исходно порождается в этой позиции и кореферентен нулевому логофорическому местоимению в относительном предложении, см. [Chomsky 1977].

Приведем один аргумент в пользу деривационного подхода к образованию тюркских относительных предложений. В [Былинина 2002] описаны стратегии релятивизации в карачаево-балкарском языке. Как отмечается, в ряде случаев стратегия с нулевым маркированием исходной позиции участника (за ней предположительно стоит деривационный анализ) и стратегии с выраженным местоимением различаются с точки зрения приемлемости носителями. При этом неграмматичным оказывается как раз нулевой показатель (предположительно – след перемещения). Данный факт согласуется с идеей о большей проблематичности выдвижения компонентов послелогов по сравнению с возможностью их кореферентности более высоким именованным группам:

(3.36) карачаево-балкарский	[Былинина 2002]
мен кьой ^{??} Ø _i / ан-ны _i	туб-юн-де тур-гьан
я [овца Ø / тот-GEN	под-3-LOC стоять-PFCT]
тереки _i кёр-е-ме	
дерево видеть-ST.IPFV-1SG	
‘Я вижу дерево, под которым стоит овца.’	

Если бы за тюркским относительным предложением на *-ган* стояла структура с нулевым местоимением, его фонологической реализации, скорее всего, ничего бы не препятствовало. Как и случай с локальным рефлексивом, данный контраст свидетельствует в пользу деривационного подхода к образованию относительных предложений на *-ган*.

Далее, интересен также контраст между употреблением тюркских конвербов на *-п* и деепричастных оборотов в русском языке. Рассмотрим следующие русские примеры, получающиеся в результате перевода тюркских сочиненных конструкций:

(3.37) русский

а. *уважая старших росший юноша / ^{??}юноша, росший, уважая старших

б. *залаяв на прохожих прибежавшая к хозяину собака / ^{??}собака, прибежавшая к хозяину, залаяв на прохожих

с. *убив собаку пришедший парень / ^{??}парень, пришедший, убив собаку

Как мы видим, русские причастные обороты не могут содержать деепричастный оборот, что наиболее критично в случае препозиции, но верно также и для постпозитивного употребления. Данное ограничение никак не связано с неспособностью подлежащих подобных конструкций контролировать PRO: в случае целевых инфинитивов примеры становятся грамматичными:

(3.38) русский

- a. *выросший, чтобы уважать старших, юноша*
- b. *прибежавшая, чтобы залаять на прохожих, собака*
- c. *пришедший, чтобы убить собаку, парень*

В то же время в составляющих большего уровня деепричастный оборот может быть употреблен:

(3.39) русский

- a. *юноша, который рос, уважая старших*
- b. *собака, которая, залаяв на прохожих, прибежала к хозяину*
- c. *парень, который пришел, убив собаку*

Таким образом, возможность употребления деепричастных оборотов в русском языке явно зависит от структуры составляющей, внутри которой они употребляются: в «небольших» составляющих, которыми являются (препозитивные) причастные обороты, их использование невозможно, (3.37), в то время как в относительных предложениях, (3.39), – грамматично.

Для тюркских п-конвербов подобного ограничения не наблюдается, см. примеры выше. Грамматичность п-конвербов, вложенных в причастные обороты, на наш взгляд, свидетельствует как раз о том, что перед нами сочиненная конструкция, а не деепричастный оборот: сочинение может содержать ровно то количество синтаксического материала, которое релевантно в данном контексте. В примерах (3.27-28) и (3.32-33) количество сочиняемой синтаксической структуры представлено некоторым фрагментом глагольной группы, каким именно – мы постараемся разобрать ниже.

Способность межкатегориальных показателей (причастие, номинализация, ...) оформлять сочиненные структуры отражает общее свойство тюркских языков, которые допускают синтаксические процессы достаточно «глубоко» в лексикон.

Итак, доступность «пересекающего границы» передвижения и нечувствительность к уровню проекции, на котором происходит образование СГ, говорят нам о том, что в их основе лежит сочинительная связь.

3.4.4. Сочинение проекций или вершин?

В 3.4.3 мы привели примеры оформления конструкции с СГ показателями причастия, (3.28-29), (3.30-31), (3.33). Существование таких примеров можно было бы расценивать как аргумент в пользу анализа с сочинением вершин. Возможный анализ предполагал бы образование СГ в лексиконе и последующее оформление их причастными и проч. показателями:

(3.40)

[Argument(s), Adjunct(s)] [v V_{Manner} & V_{Result}]-Part

Однако доступность тех же конструкций в «обычных» сочиненных составляющих, (3.27-28), говорит в пользу сочинения составляющих и их последующего оформления групповым причастным показателем:

(3.41)

[_{VP} [_{VP} Argument(s), Adjunct(s) V_{Manner}] & [_{VP} ~~Argument(s), Adjunct(s)~~ V_{Result}]]-Part

У данного явления есть интересная параллель в русском языке. Русский не допускает сочинения вершин под общим показателем (например, номинализации), (3.42), однако в нем возможно образование рекатегоризирующих форм (в примере ниже – номинализаций) от сочиненных составляющих, (3.43):

(3.42) русский

а. *окружить и уничтожить* → **окруж-* и *уничтожение*

б. *нарезать и приготовить* → **нарез-* и *приготовление*

(3.43) русский

а. *переработка нефти и газа* → *нефте-* и *газопереработка*

б. *литье стали и чугуна* → *стале-* и *чугунолитейный*

Как показывают рассмотренные примеры, и в русском, и в тюркских языках морфологические процессы (образование межкатегориальных форм и композитов) могут применяться к единицам, получающимся в результате сочинения составляющих, но не в результате сочинения вершин.

Еще один аргумент в пользу сочинения составляющих можно привести на примере тех сложных глаголов, вторые части которых имеют собственный зависимый адьюнкт. В таких случаях общее значение конструкции остается тем же, что и у СГ, и к нему добавляется значение, передаваемое адьюнктом:

(3.44) казахский

Дон Жуан	Командор-ды	бауызда-п	қанжармен	өлтір-ді.
Дон Жуан	Командор-Асс	резать-CONV	кинжалом	убивать-PST

‘Дон Жуан кинжалом заколол Командора.’

(3.45) казахский

Бір	топ	тырна	күні	бойы	ұш-ы-п	ұзақ	бар-ды.
один	стая	журавль	день	весь	лететь-ST-CONV	долго	идти-PST

‘Стая журавлей целый день долго летела.’

Условие однособытийности, которое, как мы говорили, является конституирующим для СГ, сохраняется как в примере с результативным, так и в примере с директивным глаголами.

При том, что сочинение при образовании СГ не является сочинением вершин, оно не является и сочинением максимальных проекций глагольной группы, vP. Это можно показать при помощи следующего теста.

В [Kazenin 2010] приводится диагностика уровня сочинения глагольной группы в русском. Если сочиняемые составляющие будут иметь общую часть в виде вопросительного слова, возможны две ситуации: либо вопросительное слово может быть проинтерпретировано один раз, для сочиненной составляющей в целом, либо оно может быть проинтерпретировано дважды, т.е. для каждого конъюнкта в отдельности. Согласно [Kazenin 2010] русский выбирает вторую стратегию, что говорит о сочинении составляющих, каждая из которых содержит вопросительное слово:

(3.46) русский

[Kazenin 2010: 95]

Что он купил и продал за это время?

Значения:

- i) ‘Что он купил и продал за это время?’ (и купил, и продал один и тот же автомобиль)
- ii) ‘Что он купил и что продал за это время?’ (купил автомобиль, а продал дачу)

Казахский материал ниже демонстрирует нам, что тюркские языки выбирают первую стратегию. При сочинении обычных глагольных групп мы наблюдаем невозможность двойной интерпретации (в примере (3.48) образ действия и результат переставлены местами, отчего он представляет собой случай «обычного» сочинения):

(3.47) казахский

Дон Жуан кімді шақыр-ы-п өлтір-ді?

Дон Жуан кого звать-ST-CONV убивать-PST

Значения:

- i) ‘Кого Дон Жуан позвал и убил?’ (и позвал, и убил одного и того же человека)
- ii) *‘Кого Дон Жуан позвал, и кого убил?’ (например, позвал Командора, а убил его слугу)

(3.48) казахский

Бір топ тырна қанша бар-ы-п ұш-ты?

один стая журавль сколько идти-ST-CONV лететь-PST

Значения:

- i) ‘Сколько пролетела стая журавлей?’
- ii) *‘Сколько прошла и сколько пролетела стая журавлей?’ (например, час прошла и 10 часов пролетела)

Структура подобных предложений предполагает, что сначала происходит сочинение, а уже потом сочиненная конструкция присоединяет прямой объект. Тюркские СГ демонстрируют синтаксис, аналогичный синтаксису обычных глагольных групп –получить двойную интерпретацию не представляется возможным:

(3.49) казахский

Дон Жуан кімді бауызда-п өлтір-ді?

Дон Жуан кого резать-CONVубивать-PST

Значения:

i) 'Кого Дон Жуан заколол?'

ii) *'Кого Дон Жуан уколол, а кого убил?' (например, нанес укол Командору, а убил его слугу)

(3.50) казахский

Бір топ тырна қанша ұшып бар-ды?

1 стая журавль сколько лететь-CONVидти-Pst

Значения:

i) 'Сколько пролетела стая журавлей?'

ii) *'Сколько пролетела и сколько прошла стая журавлей?' (например, час прошла и 10 часов пролетела)

Невозможность двойной интерпретации прямого объекта в составе сочиненных глагольных групп или СГ говорит о том, что сочинению, очевидно, не подвергается вся максимальная проекция глагольной группы. При этом совершенно не обязательно перед нами должно быть сочинение вершин. Напротив, как мы видели, способность второго глагола иметь свои зависимые и грамматичность морфологического оформления ветвящихся составляющих говорит как раз в пользу сочинения составляющих.

Таким образом, СГ представляют собой некоторый промежуточный вариант между сочинением вершин и максимальных проекций: общая часть глагольной группы, составленная из двух сочиненных глагольных групп, присоединяет некоторое количество общей структуры. Как мы видели выше, и подлежащее (внешний семантический участник), и прямой объект (внутренний участник) являются общими для обеих глагольных групп. Предварительно структуру глагольной группы со сложными глаголами можно представить следующим образом:

(3.53) казахский

*Командор шақыр-ы-п өлтір-і-л-ді.
 Командор звать-ST-CONV убивать-ST-PASS-PST
 ‘Командора позвали и убили.’

(3.54) казахский

*Өзен тез тау-ы-п өт-і-л-ді.
 Река быстро находить-ST-CONV проходить-ST-PASS-PST
 ‘Река быстро найдена и преодолена.’

Свойство составных глагольных конструкций подвергаться пассивизации при морфологическом оформлении пассивным маркером лишь второго глагола известно как реструктурирование, см. раздел 4.5. Главы 4. Как утверждается в [Wurmbrand 2001, 2004], реструктурированию подвергаются части глагольной группы, находящиеся внутри вершины малого *v*.

Выше мы приводили примеры типа (3.20) с интерпозицией прямого объекта, которые, как мы предположили, отличаются от СГ семантически – неоднособытийностью и синтаксически – более высоким уровнем проекции. Если мы предполагаем, что за такими примерами стоит структура, отличная от СГ и аналогичная «обычному» сочинению, мы ожидаем неграмматичности пассивных аналогов примеров типа (3.20). Это ожидание подтверждается, повторим ниже (3.20) и приведем его неграмматичный аналог в пассиве:

(3.20) казахский

Дон Жуан бауызда-п Командор-ды өлтір-ді.
 Дон Жуан резать-CONV Командор-ACC убивать-PST
 ‘Дон Жуан, заколов, убивает Командора.’

(3.20') казахский

*Бауызда-п Командор өлтір-і-л-ді.
 резать-CONV Командор убивать-ST-PASS-PST
 ‘Командор заколот.’

3.4.6. Свойства СГ образа действия: итоги

Подведем итоги исследования свойств СГ образа действия:

(3.55) Свойства тюркских СГ образа действия

a. Однособытийность:

СГ образа действия задают единое сложное событие, содержащее два подсобытия.

b. Идентичность участников:

Однособытийность обеспечивается общей аргументной структурой и обстоятельствами.⁶⁴

c. Время ситуации:

Время события, передаваемого первым глаголом, вкладывается во время события второго, $T1 \subseteq T2$.

d. Фиксированный порядок следования глаголов:

Глагол образа действия всегда предшествует глаголу результата / директивному глаголу.

e. Сочинение:

СГ образуются в результате сочинения (немаксимальных) проекций глагольной группы.

f. Межкатегориальная морфология:

СГ (как и другие сочиненные глагольные группы) могут оформляться общим показателем причастия, номинализации и т.п.

g. Пассивизация:

СГ образа действия могут образовывать пассив при оформлении пассивным маркером лишь второго глагола.

СГ, как уже было сказано, представляют собой сочиненную глагольную группу, свойство (3.55.e) и выделяются в особую конструкцию прежде всего благодаря свойству (3.55.g), а также, возможно, свойствам (3.55.a), (3.55.c) и (3.55.d). Последующие части будут посвящены поиску и объяснению причин, по которым глагольные сочетания, обозначенные нами как СГ образа действия, образуют устойчивый оборот, обладающий особыми свойствами.

3.5. Глаголы результата и образа действия в свете теории лексической декомпозиции

Подробный анализ аргументной и событийной структуры карачаево-балкарских глаголов, в том числе – глаголов результата и глаголов образа действия (отдельно) был

⁶⁴ Как мы видели в п. 4.4. данной главы, примеры (43-44), каждый из двух глаголов может иметь и свои косвенные объекты / обстоятельства, критичное условие здесь – совпадение главных аргументов, см подробнее 6.1.

предложен в коллективной монографии [Лютикова и др.: 2006], см. разделы 1.1.5., 2.2.1.2., 2.6.1., 3.5.2., 3.6.1.

Если представлять предлагаемый в [Лютикова и др.: 2006] анализ структур образа действия и результата очень схематично, можно сказать, что он в основном наследует варианту теории лексической декомпозиции, предложенному и развитому Дж. Рэмченд, см. [Ramchand 2008]. Глаголы образа действия согласно такому подходу состоят из двух событийных структур, группы малого *v*, ответственного за инициацию действия и вводящего каузирующего событие участника (подлежащее) и группы большого *V*, задающего процессный компонент действия и вводящего претерпевающего участника (прямой объект):

(3.56) Структура глаголов способа действия по [Лютикова и др.: 2006]

[_{VP} Initiator [_{VP} [_{VP} Undergoer [_{VP}]]]]

Глаголам результата сопоставляется структура, содержащая три части, две из которых – *vP* с инициатором и *VP* с претерпевающим в позициях спецификатора совпадают с таковой для образа действия. Кроме данных составляющих глаголы результата содержат также часть, ответственную за конечное состояние ситуации. Такая часть схематически обозначается как *R(esult)P*. Ее спецификатор заполняется семантическим участником с ролью *Resultee*, который коиндексирован с претерпевающим:

(3.57) Структура глаголов результата по [Лютикова и др.: 2006]

[_{VP} Initiator [_{VP} [_{VP} Undergoer_i [_{VP} [_{RP} Resultee_i [_{RP}]]]]]]]]

Принимаемый в данной работе взгляд на глаголы образа действия и результата во многом совпадает со взглядом авторов [Лютикова и др.: 2006]. Отталкиваясь в том числе от результатов, полученных в упомянутой монографии, мы сосредоточим наш анализ вокруг свойств конструкций, включающих сразу и глагол образа действия, и глагол результата, т.е. СГ.

3.5.1. Дихотомия образ действия vs. результат / направленное движение в теоретической литературе

С 90-х годов 20-го века в теоретической литературе развернулась оживленная дискуссия, затрагивающая свойства глаголов образа действия и результативных глаголов. А именно, в работе [Rapaport Hovav, Levin 1998], выполненной в терминах теории лексической

декомпозиции, были исследованы свойства английских глагольных основ со значением образа действия и основ со значением результата и сформулировано следующее наблюдение:⁶⁵

(3.58) [Levin, Rappaport Hovav 2011: 2]

Дополнительное распределение способа действия и результата:

Смысловые компоненты способа действия и результата находятся в дополнительном распределении: только один из них может быть лексикализован некоторым глаголом.

Позднее проблема соотношения двух данных компонентов значения была исследована в работах [Levin 2008; Rappaport Hovav, Levin 2010; Levin, Rappaport Hovav 2011; Beavers, Koontz-Garboden 2012; Alexiadou, Anagnostopoulou 2013]. Более поздние работы в целом подтвердили исходную гипотезу, сопроводив ее свидетельствами из других языков, см., например, обсуждение греческого материала в [Alexiadou, Anagnostopoulou 2013].

Для того, чтобы понять сделанное в (3.58) наблюдение, необходимо разобраться с тем, что авторы имели в виду под лексикализацией и как отличить глаголы образа действия от глаголов результата.

Свойство «быть лексикализованным некоторым глаголом» или, что то же, передаваться глагольным корнем, авторы видят как способность глагольной морфемы передавать некоторое значение, инвариантное в различных контекстах, при различном наборе аргументов и т.д., ср., например: «Как бы то ни было, нам кажется, что действительно возможно различить аспекты значения, которые строго востребованы глаголом от остальных аспектов значения, которые могут быть получены либо выбором аргумента, либо специальным или прототипическим использованием такого глагола в контексте. Первое мы определим как ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ, содержащее ядерное значение глагола. Мы предполагаем, что критерий лексикализованности значения - эквивалентность следствий (импликатур) во всех употреблениях данного глагола»,⁶⁶ [Levin, Rappaport Hovav 2011: 1].

Что касается глаголов образа действия, их можно было бы продемонстрировать на таких русских лексемах как: *крутить*, *кромсать*, *тушить*, *лепить* и т.д. Данные глаголы содержат производные корни, характеризующие определенные манипуляции агенса / каузатора с тематическим аргументом. Русский язык располагает средствами превращения глаголов образа действия в результативные глаголы, сохраняющие при этом компонент 'образ действия'. Чтобы

⁶⁵ Формулировка принципа взята из более поздней работы авторов.

⁶⁶ «We believe, however, that it is indeed possible to distinguish facets of meaning which are strictly contributed by the verb from other facets of meaning which may be derived either by the choice of argument or from particular or prototypical uses of that verb in context. We refer to the former as elements of LEXICALIZED MEANING, taken to comprise a verb's core meaning. We suggest that the criterion for lexicalized meaning is constancy of entailment across all uses of a verb.»

добиться этого, достаточно снабдить глагольные основы соответствующими телесизирующими префиксами, которые и будут задавать результирующее состояние: *закрутить*, *накромсать*, *потушить*, *вылепить*; относительно взгляда на префиксацию как введение результирующего состояния см. [Татевосов 2010: 220-239].

Как мы видим по этим примерам, в русском языке наблюдение о несочетаемости способа действия и результата выполняется: беспрефиксные основы выражают лишь значение образа действия; для появления значения результата необходимо сопроводить такие основы (задающими результирующее состояние) префиксами, т.е. выйти за пределы процесса «чистой» лексикализации.

Примечательно, что префиксация русских глагольных основ образа действия превращает их в глаголы с результирующим компонентом, но не все глаголы результата обязательно будут при этом совершенного вида. Так, события ‘готовить суп’, ‘есть яблоко’, ‘углублять яму’ имеют внутренний предел, который, однако, не входит в рассмотрение, если в предикации употреблена форма несовершенного вида.

Подобный взгляд на связь предельности и результивности (как свойства глагольной основы) декларируется в работе [Rapaport Novav, Levin 2010]. По мнению авторов, все английские основы, имеющие предельную интерпретацию, представляют собой глаголы результата. В то же время, не все глаголы результата всегда будут предельными, в частности, глаголы градуального изменения, будучи глаголами результата, могут иметь как предельную, так и непредельную интерпретацию:

(3.59) английский

[Rapaport Novav, Levin 2010]

a. *The chemist cooled the solution for three minutes.*

‘Химик охлаждал раствор три минуты.’

b. *The chemist cooled the solution in three minutes; it was now at the desired temperature.*

‘Химик охладил раствор за три минуты; теперь он был необходимой температуры.’

Вообще было замечено, см., например, [Beavers, Koontz-Garboden 2012: 339], что наличие скалярного изменения по одному параметру является общей особенностью всех глаголов результата, что противопоставляет их глаголам способа. При ближайшем рассмотрении глаголы результата типа ‘готовить’, ‘есть’, ‘открывать’, ‘убивать’ и проч. похожи на классические отадъективные скалярные предикаты типа ‘углублять’ и ‘охлаждать.’ Действительно, во всех перечисленных случаях ситуации предполагают инкрементальное накопление некоторого свойства (‘быть готовым’, ‘быть съеденным’, ‘быть открытым’, ‘быть

убитым'), ограниченное некоторым пределом (который, в свою очередь, задается прямым объектом).

Что касается семантического устройства глаголов способа действия, они скорее представимы как сложное событие, состоящее из нескольких / множества простых, и не могут быть сведены к скалярным изменениям по одному параметру, см. [Rappaport Hovav, Levin 2010: 33).

Далее, свойство скалярности присуще не только глаголам, предполагающим изменение состояния пациенса, т.е. глаголам созидания / разрушения ('готовить', 'есть') и отадъективным предикатам скалярного изменения ('углублять', 'охлаждать'), но и еще одной важной для нас группе глаголов. В эту группу входят глаголы направленного движения, которые, по выражению Раппапорт Ховав и Левин, «лексикализуют шкалу из двух точек» («lexicalize a two-point path»), см. [Rappaport Hovav, Levin 2010: 32). Такие глаголы содержат в своем лексическом значении предел, достижение которого фактически эквивалентно достижению пациенсом результирующего состояния у глаголов созидания / разрушения либо глаголов скалярного изменения. Это, в числе прочего, выражается в сочетаемости с обстоятельством типа 'за X минут' и неграмматичности с обстоятельством 'X минут':

(3.60) английский

[Rappaport Hovav, Levin 2010: 32]

*We will arrive/enter/exit in/*for two minutes.*

'Мы прибудем / войдем / выйдем *(за) пять минут.'

Как можно понять, к данной группе относятся именно те глагольные значения, которые мы определили выше как директивные и которые формируют наряду с собственно глаголами результата СГ образа действия в тюркских языках. Это прежде всего предикаты 'уходить', 'приходить', 'спускаться', 'подниматься.'

Как мы уже сказали, с точки зрения семантики директивы и глаголы результата объединяет общее свойство скалярности: обозначаемый ими предел достигается постепенно с течением времени. Кроме данного семантического свойства у директивов есть еще одно общее свойство с глаголами результата, а именно, согласно Раппапорт Ховав и Левин, они также подчиняются ограничению на несочетаемость со способом действия в рамках одного лексического значения, см. [Levin, Rappaport Hovav 2011: 4].

Важно отметить, что сделанное Раппапорт Ховав и Левин наблюдение о несочетаемости глаголов результата и глаголов направленного движения с глаголами способа действия в рамках одного лексического значения неожиданным образом подтверждается материалом тюркских языков. А именно, в случае, когда нам необходимо выразить одновременно результат

либо направленное движение и образ действия, тюркские языки прибегают к конструкциям с СГ. Наличие специальных конструкций: i) употребляющихся именно для комбинирования глаголов результата / директивов с глаголами способа и ii) обладающих специфическими морфо-синтаксическими свойствами (например, способных к «нестандартной» пассивизации) подтверждает справедливость наблюдения о несочетаемости значений результата и способа действия в одной основе.

Далее говоря о глаголах результата мы будем подразумевать оба типа глагольных основ: собственно результативы и директивы.

3.5.2. Глаголы образа действия и результата в сочетании с обстоятельством длительности

Перечисленные выше семантические свойства можно дополнить также следующим наблюдением: «Различия глаголов способа и результата заключаются в том, что у глаголов способа лексическая константа характеризует ... деятельность (activity), в то время как у глаголов результата лексическая константа специфицирует результирующее состояние (она заполняет позицию переменной ... у шаблонов достижений и свершений (achievement and accomplishment))», [Лютикова и др. 2006: 36-37].

Таким образом, тюркские глаголы результата в форме прошедшего времени могут иметь значение ‘вхождение в состояние.’ Из этого, в частности, следует, что такие глаголы должны сочетаться с обстоятельствами типа ‘за X минут’, что мы и наблюдаем в действительности:

(3.61) казахский

Отелло	үш	минут-та	Дездемонаны	өлтір-ді.
Отелло	три	минуты-LOC	Дездемону	убивать-PST.

‘Отелло за три минуты убил Дездемону.’

(3.62) казахский

Ақ	тұрымтай	жарты	минут-та	жерге	түс-ті.
Белый	дербник	пол	минут-LOC	на.землю	падать-PST.

‘Белый дербник за полминуты упал на землю.’

Этим же свойством, однако, обладают и глаголы образа действия: они также способны сочетаться с обстоятельствами типа ‘за X минут’:

(3.63) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-ды.
 Отелло три минуты-LOC Дездемону душить-PST.
 ‘Отелло за три минуты задушил Дездемону.’

(3.64) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ты.
 Белый дербник пол минут-LOC на.землю летать-PST.
 ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю.’

Как видно из перевода, глаголы способа в сочетании с обстоятельствами типа ‘за Х минут’ также задают переход ситуации в результирующее состояние, в примерах выше Дездемона оказывается задушенной, а белый дербник достигает земли.

Неудивительно, что и СГ, включающий оба предиката, способа действия и результата, также будет иметь значение изменения состояния:

(3.65) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-п өлтіре-ді.
 Отелло три минуты-LOC Дездемону душить-CONV убивать-PST.
 ‘Отелло за три минуты задушил Дездемону.’

(3.66) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге
 Белый дербник пол минут-LOC на.землю
 ұш-ы-п кел-ді.
 летать-ST-CONV падать-PST.
 ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю.’

Можно заключить, что обстоятельства ‘за Х минут’ имплицитно подразумевают наличие результирующего состояния не только у достижений и свершений, но и у действий (см. также сделанные выше замечания о связи предельности и результирующего состояния). Чтобы увидеть, в чем отличие лексических свойств глаголов образа действия от глаголов результата, обратимся к некоторым другим диагностикам.

3.5.3. Семантические свойства глаголов образа действия и глаголов результата

Ниже мы рассмотрим некоторые релевантные с точки зрения тюркской грамматики критерии, позволяющие определить, что перед нами – глагол результата или образа действия, заимствованные в основном из [Levin 2008] и [Beavers, Koontz-Garboden 2012]. В число не применимых к тюркскому материалу критериев попадут возможность употребления в контексте результативной группы прилагательного (англ.: *John hammered the metal flat*, ‘Джон расплющил металл в лепешку’, досл. ‘расплющил плоским’) и каузативно-инхоативное чередование (англ.: *The window broke* ‘Окно разбилось’ vs. *Boys broke the window* ‘Мальчики разби́ли окно’) – оба этих явления не представлены в стандартной тюркской грамматике.

Первым тестом на принадлежность глагола к классу результата или образа действия будет возможность (или невозможность) отрицания наступившего результата действия. Так, в английских примерах (3.67) предложения становятся бессмысленными именно в силу того, что употребленные в них глаголы результата *break* (‘разбивать’) и *destroy* (‘разрушать’) предполагают наступление некоторого конечного состояния. В то же время глаголы способа действия *sweep* (‘подметать’) и *wipe* (‘протирать’) вполне совместимы с отрицанием результата их действия:

(3.67) английский

[Beavers, Koontz-Garboden 2012]

a. *#Shane just broke the vase, but nothing is different about it.*

‘Шейн только что разбил вазу, но она осталась такой же.’

b. *#Shane just destroyed the house, but nothing is different about it.*

‘Шейн только что разрушил дом, но он остался таким же.’

(3.68) английский

[Beavers, Koontz-Garboden 2012]

a. *Tracy just swept the floor, but nothing is different about it.*

‘Трейси только подмела пол, но он остался таким же.’

b. *Tracy just wiped the floor, but nothing is different about it.*

‘Трейси только вымыла пол, но он остался таким же.’

Кроме выявления результирующего состояния тест на отрицание результата способен также отделить предельные предикаты от неопредельных. Как было показано в примерах (3.61-66) из 3.5.2, и глаголы результата, и глаголы образа действия, и их комбинация в виде СГ сочетаются с телесизирующими обстоятельствами типа ‘за X минут.’ Тест на отрицание результата подтверждает, что в контексте таких обстоятельств все исследуемые типы глаголов

переводят ситуацию в результирующую фазу – все носители отвергли развитие ситуации по сценарию ii):

(3.69) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны өлтір-ді.

Отелло три минуты-LOC Дездемону убивать-PST.

Значения:

i) ‘Отелло за три минуты убил Дездемону.’

ii) #‘Отелло за три минуты убил Дездемону... но она все-таки осталась жива.’

(3.70) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге түс-ті.

Белый дербник пол минут-LOC на.землю падать-PST.

Значения:

i) ‘Белый дербник за полминуты упал на землю.’

ii) #‘Белый дербник за полминуты упал на землю... но все-таки до нее не добрался.’

(3.71) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-ды.

Отелло три минуты-LOC Дездемону душить-PST.

Значения:

i) ‘Отелло за три минуты задушил Дездемону.’

ii) #‘Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива’

(3.72) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ты.

Белый дербник пол минут-LOC на.землю летать-PST.

Значения:

i) ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю.’

ii) #‘Белый дербник за полминуты слетел на землю... но все-таки до нее не добрался.’

(3.73) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-п өлтіре-ді.

Отелло три минуты-LOC Дездемону душить-CONV убивать-PST.

Значения:

i) 'Отелло за три минуты задушил Дездемону.'

ii) #'Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива'

(3.74) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ы-п кел-ді.

Белый дербник пол минут-LOC на.землю летать-ST-CONV падать-PST.

Значения:

i) 'Белый дербник за полминуты слетел на землю.'

ii) #'Белый дербник за полминуты слетел на землю... но все-таки до нее не добрался.'

Несколько иначе выглядит отрицание результата действия в контексте обстоятельств типа 'X минут.' А именно, глаголы результата будут все также не допускать отрицания наступления конечного состояния:

(3.75) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны өлтір-ді.

Отелло три минуты Дездемону убивать-PST.

Значения:

i) 'Отелло три минуты убивал Дездемону.'

ii) #'Отелло три минуты убивал Дездемону... но она все-таки осталась жива.'

(3.76) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге түс-ті.

Белый дербник пол минут на.землю падать-PST.

Значения:

i) 'Белый дербник полминуты падал на землю.'

ii) #'Белый дербник полминуты падал на землю... но все-таки до нее не добрался.'

В то же время глаголы способа оказываются в данном контексте вполне приемлемы:

(3.77) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны бауызда-ды.

Отелло три минуты Дездемону убивать-PST.

Значения:

i) 'Отелло три минуты душил Дездемону.'

ii) 'Отелло три минуты душил Дездемону... но она все-таки осталась жива.'

(3.78) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге ұш-ты.

Белый дербник пол минут на.землю лететь-PST.

Значения:

i) 'Белый дербник полминуты летел к земле.'

ii) 'Белый дербник полминуты летел к земле... но все-таки до нее не добрался.'

Таким образом, на примере глаголов способа действия видно, что вхождение в результирующее состояние не является частью их лексического значения, что отличает их от глаголов результата. Как показывают примеры (3.77-78), приобретение ими такого состояния (3.71-72) – результат взаимодействия с обстоятельствами типа 'за X минут', в других контекстах значение результата может и не наблюдаться.

СГ, содержащие оба глагола, также демонстрируют невозможность отрицания результата и с обстоятельствами типа 'X минут':

(3.79) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны бауызда-п өлтір-ді.

Отелло три минуты Дездемону душить-CONV убивать-PST.

Значения:

i) 'Отелло три минуты душил Дездемону.'

ii) [#]'Отелло три минуты душил Дездемону... но она все-таки осталась жива'

(3.80) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге ұш-ы-п кел-ді.

Белый дербник пол минут на.землю летать-ST-CONV падать-PST.

Значения:

i) 'Белый дербник полминуты летел к земле.'

ii) [#]'Белый дербник полминуты летел к земле... но все-таки до нее не добрался.'

Важным замечанием здесь является следующее: в отсутствие дополнительной информации, отрицающей результат действия, примеры с обоими типами обстоятельств ‘за X минут’ / ‘X минут’ вполне грамматичны. Неграмматичными в контексте отрицания результата становятся примеры, которые удовлетворяют одному из двух условий: i) содержат обстоятельства ‘за X минут’; ii) содержат глагол результата (только глагол результата либо глагол результата в составе СГ).

Тест на возможность отрицания результирующего состояния таким образом разграничивает для нас глаголы способа действия с одной стороны и глаголы результата / СГ с другой.

В тесте на отрицание конечного состояния используется тот факт, что, будучи достижениями и свершениями, глаголы результата не могут не содержать информации о финальном состоянии. Аналогично этому устроен тест на наличие процессного компонента для глаголов образа действия – являясь деятельностями, такие глаголы не могут не передавать информации о том, что определенное время имел место некоторый процесс. Вот какие примеры приведены в статье [Beavers, Koontz-Garboden 2012]:

(3.81) английский [Beavers, Koontz-Garboden 2012]

#*Jim ran / jogged / blinked, but didn't move a muscle.*

‘Джим бежал / трясся / моргал, но не двигал ни единым мускулом.’

(3.82) английский [Beavers, Koontz-Garboden 2012]

Jim destroyed his car, but didn't move a muscle – rather, after he bought it he just let it sit on his neighbor's lawn on cinder blocks, untouched, until it disintegrated!

‘Джим разрушил свою машину, не шевельнув ни единым мускулом – скорее, после того как он ее купил, он просто оставил ее стоять на соседском газоне, на блоках из шлакобетона, нетронутой, пока она не рассыпалась!’

Как представляется, все исследованные нами тюркские глагольные лексемы, передающие значение образа действия, заведомо удовлетворяют этому условию, т.к. они «характеризуют такое воздействие агенса на пациенс, при котором лексически специфицируется характер деятельности агенса и характер процесса, происходящего с пациенсом», [Лютикова и др. 2006: 115]. Именно так семантически устроены глаголы *жары-* ‘колоть’, *уру-* ‘бить’, *ұшы-* ‘лететь’, *жүзі-* ‘плыть’ и другие – они содержат информацию о том, какие именно физические действия осуществлял агенс.

Напротив, глаголы типа *өлтір-* ‘убивать’ задают лишь результирующее состояние, в которое переходит тема (=пациент), не уточняя, каким именно образом осуществлялся переход. Так например, глагол результата *босат-*, каузатив от *боса-* ‘освобождаться’ (от прилагательного *бос* ‘свободный’) может употребляться в следующих контекстах:

(3.83) казахский

<http://sozdik.kz>

- a. *ол белбеуін босатты* – он ослабил свой пояс
- b. *топырақты босату*⁶⁷ – разрыхлять почву
- c. *қапты босату* – опорожнить мешок
- d. *үйді босату* – освободить помещение
- e. *абақтыдан босату* – выпустить из тюрьмы
- f. *ол біліксіздігі үшін босатылды* – его уволили за некомпетентность
- g. *активтерден босату* – освобождение от активов
- h. *әскерден босату* – воен. демобилизация

Как можно понять по этим примерам, физическое действие, передаваемое данным глаголом, никак не специфицировано – это может быть ослабление пояса, рыхление почвы, опустошение мешка, освобождение помещения и т.д. Для нас также важно, что данный глагол регулярно образует СГ образа действия, см., например, (3.89) ниже.

Наличие либо отсутствие жестких ограничений на физический характер действия тесно связано еще с одним свойством: семантическими ограничениями на глагольные аргументы. Можно выделить три аспекта таких ограничений: i) выбор семантического типа прямого объекта; ii) обязательность прямого объекта; iii) выбор типа субъекта.

Что касается выбора семантического типа объекта – как можно убедиться в примере выше, он достаточно свободен для глаголов результата. Глаголы образа действия типа ‘колоть’, ‘душить’, ‘резать’, напротив, «выбирают» прямой объект с определенными физическими свойствами, приведем пример с глаголом ‘крутить’:

(3.84) казахский

- a. Нурлан гайкаларды бұра-ды.
 Нурлан гайки крутить-PST

‘Нурлан закручивает гайки.’

⁶⁷ В примерах (83.b-e) и (83.g-h) приведены номинализации, в ряде словарей использующиеся как словарные формы.

- b. #Нурлан белбеуін бұра-ды.
 Нурлан пояс крутить-PST
 ‘Нурлан затягивает пояс.’

Далее, что касается обязательности объекта, примеры, предлагаемые предыдущими исследователями выглядят так:

(3.85) английский [Beavers, Koontz-Garboden 2012]

a. *Kim scrubbed the floor.*

‘Ким скребла пол.’

b. *All last night, Kim scrubbed.*

Весь прошлый вечер Ким скребла.

(3.86) английский [Beavers, Koontz-Garboden 2012]

a. *Kim broke the vase.*

‘Ким разбила вазу.’

b. **All last night, Kim broke.*

‘Весь прошлый вечер Ким разбивала.’

Глаголы способа действия, как мы видим, допускают употребление без объекта, в то время как глаголы результата – нет. Зависимость глаголов результата от наличия прямого объекта очевидна – именно прямой объект переходит в новое результирующее состояние, т.е. они являются семантически обязательными актантами. В случае директивных глаголов также имеется семантически обязательный участник – это финальная точка маршрута. Она может задаваться явно (*Белый дербник спустился к земле*) либо совпадать с дейктическим центром высказывания (*Белый дербник спустился*). При этом переход в новое состояние у директивов претерпевает участник, кодирующийся подлежащим – дербник из некоторого исходного положения попадает в положение ‘быть на земле.’

Как показывает опрос носителей, явного контраста между глаголами образа действия и результата в тюркских языках мы не наблюдаем. Прямой объект при глаголах способа действия, также как и семантически обязательные участники при глаголах результата (прямой объект) и директивах (конечная точка) могут отсутствовать в предложении и достраиваются слушающим на основании его знаний о прагматике ситуации. В примерах ниже приведены предложения с глаголами образа действия, глаголами результата и СГ – все они расценены как приемлемые:

(3.87) казахский

- a. Нурлан гайкаларды бұра-ды.
 Нурлан гайки крутить-PST

‘Нурлан закручивает гайки.’

- b. *Нурлан бұра-ды.*
 Нурлан крутить-PST

‘Нурлан крутит.’

(3.88) казахский

- a. Нурлан гайкаларды босата-ды.
 Нурлан гайки освободить-PST

‘Нурлан раскручивает гайки.’

- b. Нурлан босата-ды.
 Нурлан освободить-PST

‘Нурлан освобождает.’

(3.89) казахский

- a. Нурлан гайкаларды бұра-п босата-ды.
 Нурлан гайки крутить-CONV освободить-PST

‘Нурлан раскручивает гайки.’

- b. Нурлан бұра-п босата-ды.
 Нурлан крутить-CONV освободить-PST

‘Нурлан раскручивает.’

Что касается выбора семантического типа подлежащего, для глаголов результата оказывается не важно, является ли субъект одушевленным:

(3.90) английский

[Beavers, Koontz-Garboden 2012]

- a. *John broke/shattered the vase with a hammer.*

‘Джон разбил / расколол вазу молотком.’

- b. *The hammer broke/shattered the vase.*

‘Молоток разбил / расколол вазу.’

- c. *The earthquake broke/shattered the vase.*

‘Землетрясение разбило / раскололо вазу.’

В то же время глаголы образа действия предпочтительнее употреблять с одушевленным субъектом – именно и только одушевленный субъект способен: i) контролировать процесс, задаваемый такими глаголами в течение некоторого времени и ii) реализовывать сложные физические характеристики (траектория движения, характер воздействия на объект и т.п.), которые кодируются этими глаголами. Как утверждается в [Levin 2008] и [Beavers, Koontz-Garboden 2012], неодушевленный субъект при английских глаголах образа действия неуместен:

(3.91) английский

[Beavers, Koontz-Garboden 2012]

a. *John scrubbed/wiped the floor with a stiff brush.*

‘Джон скреб / протирал пол жесткой щеткой.’

b. *#The stiff brush scrubbed/wiped the floor.*

‘Жесткая щетка скребла / протирала пол.’

c. *#The earthquake scrubbed/wiped the floor.*

‘Землетрясение скребло / протирало пол.’

Тюркские глаголы результата и способа действия, однако, оказываются не столь чувствительны к семантическому типу субъекта. Как можно видеть из следующих примеров, и одушевленный, и неодушевленный субъект одинаково приемлемы с глаголами способа действия, результата и СГ:

(3.92) казахский

a. Нурлан тез гайкаларды бұра-ды.

Нурлан быстро гайки крутить-PST

‘Нурлан быстро закручивает гайки.’

b. Электр бұрағыш тез гайкаларды бұра-ды.

электрический отвертка быстро гайки крутить-PST

‘Шуруповерт быстро закручивает гайки.’

(3.93) казахский

a. Нурлан тез гайкаларды босата-ды.

Нурлан быстро гайки освободить-PST

‘Нурлан быстро раскручивает гайки.’

b. Электр бұрағыш тез гайкаларды босата-ды.

электрический отвертка быстро гайки освободить-PST

‘Шуруповерт быстро раскручивает гайки.’

(3.94) казахский

а. Нурлан тез гайкаларды бұра-п босата-ды.
 Нурлан быстро гайки крутить-CONV освободить-PST

‘Нурлан быстро раскручивает гайки.’

б. Электр бұрағыш тез
 электрический отвертка быстро

гайкаларды бұра-п босата-ды.

гайки крутить-CONV освободить-PST

‘Шуруповерт быстро раскручивает гайки.’

Итак, в данной части работы мы попытались найти отличия в семантических свойствах тюркских глаголов результата и образа действия. Было установлено, что в отличие от английского языка, тюркские языки не демонстрируют явного контраста при опущении объекта у глаголов результата и способа действия. Тюркские языки также нечувствительны к семантическому типу субъекта у глаголов образа действия. С другой стороны, глаголы результата и, как следствие, СГ, в которые они входят, не могут употребляться в контексте отмены конечного состояния, что отличает их от глаголов способа действия. Глаголы образа действия, но не глаголы результата оказываются более избирательны при выборе прямого объекта, что связано со сложным физическим характером кодируемого ими действия.

3.6. Структура глагольной группы с СГ

В данной части главы будут сформулированы основные результаты. Обсуждение СГ мы начали с наблюдения о том, что в тюркских языках регулярно встречаются последовательности из двух соположенных глаголов, первый из которых стоит в форме конверба на *-п* и является глаголом способа действия, а второй принимает релевантные в данном контексте окончания и является глаголом результата.

Вот примеры некоторых СГ, уже обсуждавшихся нами выше:

Таблица 3.1. Примеры глаголов образа действия и результата

‘бить’	+	‘вводить’	=	‘вбить’
‘давить’	+	‘вводить’	=	‘вдавить’
‘думать’	+	‘находить’	=	‘изобрести’
‘крутить’	+	‘освобождать’	=	‘раскрутить’
‘тянуть’	+	‘сбивать’	=	‘стащить’
‘стрелять’	+	‘сбивать’	=	‘подстрелить’
‘давить’	+	‘убивать’	=	‘задавить’ (машиной)
‘душить’	+	‘убивать’	=	‘задушить’
‘колоть’	+	‘убивать’	=	‘заколоть’
‘резать’	+	‘убивать’	=	‘зарезать’
‘мыть’	+	‘уводить’	=	‘смыть’

Таблица 3.2. Примеры глаголов способа движения и конечной точки

‘лететь’	+	‘приходить’	=	‘прилететь’
‘плыть’	+	‘приходить’	=	‘приплыть’
‘лететь’	+	‘проходить’	=	‘пролететь’
‘плыть’	+	‘проходить’	=	‘проплыть’
‘плыть’	+	‘проходить’	=	‘переплыть’
‘ползти’	+	‘проходить’	=	‘переползти’
‘прыгать’	+	‘проходить’	=	‘пере-прыгнуть’
‘лететь’	+	‘спускаться’	=	‘слететь’
‘лететь’	+	‘уходить’	=	‘улететь’
‘плыть’	+	‘уходить’	=	‘уплыть’
‘побежать’	+	‘уходить’	=	‘убежать’

Ниже мы рассмотрим и другие СГ. Очевидно, что механизм образования СГ продуктивен и не имеет иных ограничений кроме семантических. Чтобы образовать СГ,

достаточно поставить глагол способа действия в форму конверба, а глагол результата – в требуемую внешним контекстом форму.

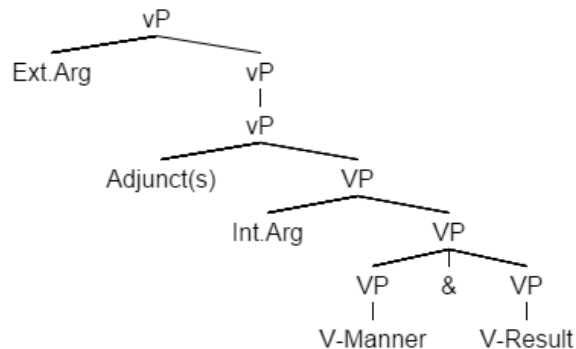
Мы установили, что для СГ характерны свойства (3.55.a-f): а) однособытийность – оба глагола описывают одно и то же событие; б) идентичность участников – набор участников обоих глаголов совпадает; в) время ситуации глагола образа действия вложено во время ситуации глагола результата; г) фиксированный порядок следования глаголов, образ действия – результат; е) СГ представляют собой сочинение глагольных проекций некоторого уровня; ф) СГ могут оформляться рекатегоризирующими морфологическими показателями – причастиями, номинализациями и т.д. Указанные свойства совпадают с таковыми у обычных сочиненных глагольных групп. СГ отличает от прочих случаев сочинения способность второго глагола принимать показатели, преобразующие аргументную структуру обоих глаголов, продемонстрированная нами на примере СГ с пассивным маркером, (3.55.g).

Что касается семантики, СГ наследуют ограничение глагола результата на возможность отмены результирующего состояния и ограничение глагола способа действия на семантический тип прямого объекта.

Повторим здесь предварительную структуру СГ, полученную нами в (3.51):

(3.96)

$[_{VP} \text{Ext.Arg} [_{VP} [_{VP} \text{Adjunct(s)} [_{VP} \text{Int.Arg} [_{VP} [_{VP} V_{\text{Manner}}] \text{ \& } [_{VP} V_{\text{Result}}]]]]]]]]]]$

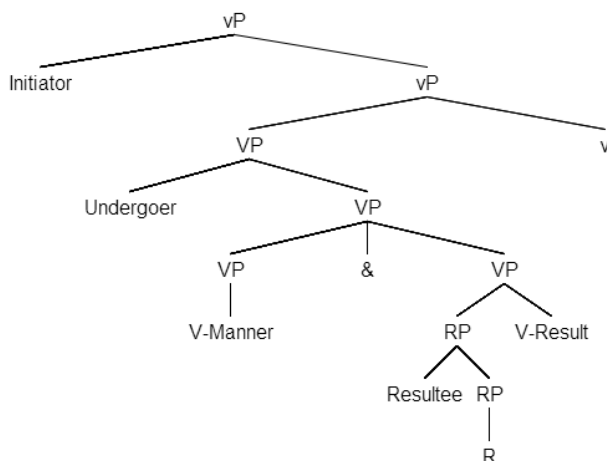
Далее мы можем перейти от использования терминов «внешний аргумент» и «внутренний аргумент» к терминологии, принятой в работах по лексической декомпозиции. Внешний участник в таком случае будет соответствовать инициатору (Initiator), а внутренний – претерпевающему (Undergoer) и носителю результирующего состояния (Resultee), ниже мы повторяем структуры для глаголов способа действия и результата:

(3.101)

[_{VP} Initiator [_{VP} [_{VP} Undergoer_i [_{VP} [_{VP}-Manner] & [_{VP} [_{RP} Resultee_i [_{VP}-Result]]]]]]]

Наконец, предпримем последний шаг: вставим все лексические и синтаксические вершины, участвующие в деривации. Возглавит (=займет позицию крайней правой вершины) глагольную группу малое *v*, являющееся общим для обоих глаголов и проецирующее в позицию своего спецификатора участника-инициатора. Далее сочиняются процессные составляющие, VP, которые у каждого из глаголов свои. Кроме того, в общей структуре будет представлена вершина R, попадающая туда из глагола результата:

(3.102)

[_{VP} Initiator [_{VP} [_{VP} Undergoer [_{VP} [_{VP} V-Manner] & [_{VP} [_{RP} Resultee [_{RP} R]] V-Result]]] v]

В структуре составной глагольной группы, таким образом, имеются два ключевых участника и три уровня проекций. Внешний участник, инициатор, совпадает у обоих глаголов и ответственен за каузирование события в целом, см. [Harley 2008]. Претерпевающий соответствует двум процессам, каждый из которых задается отдельным глаголом (и образа действия, и результата). Далее, претерпевающий и носитель результирующего состояния синтаксически и семантически являются одним участником, их разделение внутри одного и того же лексического глагола возможно на некотором микроуровне, см. (3.102). В случае СГ претерпевающий, соответствующий двум процессным подсобытиям, тождественен носителю результирующего состояния, который вводится глаголом результата.

Структура (3.102) позволяет объяснить установленные выше свойства СГ, что и будет сделано ниже.

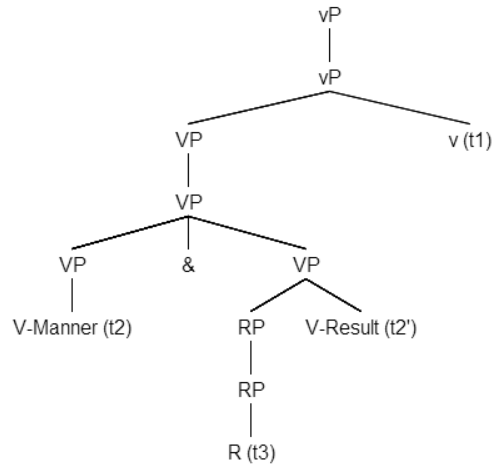
3.6.1. Однособытийность, идентичность участников и время ситуации

Общая вершина v малое предполагает общего каузирующего участника (инициатора). Сочинение двух процессных вершин, V-Manner и V-Result приводит к тому, что у СГ оказывается общий претерпевающий, совпадающий с вводимым глаголом результата носителем состояния. Иными словами, внешний участник задается общей вершиной, внутренний – общими вершинами V-Manner и V-Result и вершиной R (результат). Из общего набора участников следует и однособытийность – совпадение аргументов в теории декомпозиции влечет за собой совпадение подсобытий, которыми они задаются.

Необходимо обратить внимание на следующий факт. Как было сказано выше, для глаголов способа критично указание на особенности физической реализации процессного компонента, см. 5.3. Поскольку контроль над характером протекания действия осуществляет именно каузирующий агентивный участник, можно утверждать, что для глагола способа действия необходимо наличие вершины v . Иными словами, малое v в итоговой сочиненной структуре должно непосредственно доминировать над VP образа действия. Это условие выполнимо либо при общей v для двух VP, как и представлено на структуре (3.102), либо при сочинении двух vP . Выбор в пользу первого варианта будет обоснован ниже.

Далее, отметим, что два исходных сложных события, v & V-Manner (=образ действия) и v & V-Result & R (результат) оказываются вложены одно в другое. А именно, событие, соответствующее образу действия, фактически характеризуется процессной составляющей – именно процесс соответствует той сложной физической деятельности, которую привносит глагол способа действия в семантику СГ. Результатом этого процесса является состояние, вводимое глаголом результата и находящееся ниже V-Manner в структуре. Таким образом, имеем следующую последовательность вершин: v (общая) – V-Manner & V-Result (от разных глаголов) и R (от глагола результата). Если обозначить время v как t_1 , V-Manner как t_2 , V-Result – t_2' , а R – t_3 , имеем:

(3.103)

$$[_{VP} [_{VP} [_{VP} [_{VP} [_{VP} V\text{-Manner} (t_2)] \& [_{VP} [_{RP} [_{RP} R (t_3)]] V\text{-Result} (t_2')]]]] v (t_1)]$$

В структуре СГ будут действовать те же правила упорядочивания события, как если бы это был один глагол, включающий три подсобытия (например, глагол результата):

(3.104)

- a. $t_1 \leq t_2; t_1 \leq t_2'$
- b. $t_2 \leq t_3; t_2' \leq t_3$

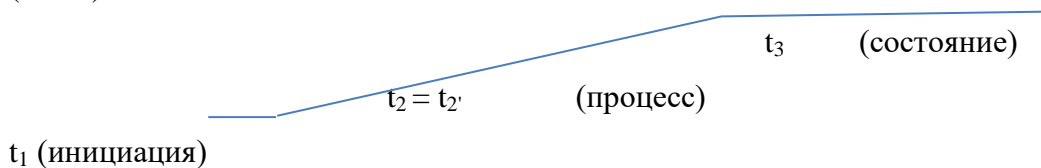
Далее, процессы, задаваемые обоими глаголами, совпадают – это означает, что по мере того, как, например, Нурлан крутит гайки (способ) они приближаются к состоянию ‘быть раскрученными’ (результат) – т.е.:

(3.105)

- c. $t_2 = t_2'$

Совпадение процессных подсобытий обеспечивается тем, что они связаны сочинительной связью. Итак, имеем следующую структуру события, задаваемого СГ:

(3.106)

Из данной схемы событийной структуры СГ напрямую следует тот факт, что время ситуации глагола образа действия вложено во время ситуации глагола результата.

Чтобы убедиться в том, насколько тождественность аргументов связана с однособытийностью, разберем также примеры (3.20-21) из 4.1.1. повторенные ниже:

(3.20) казахский

Дон Жуан	бауызда-п	Командор-ды	өлтір-ді.
Дон Жуан	резать-CONV	Командор-ACC	убивать-PST

‘Дон Жуан, заколов, убивает Командора.’

(3.21) казахский

Ақ тұрымтай	ұш-ы-п	жерге	түс-ті.
Перепелятник	летать-ST-CONV	к.земле	спускаться-PST

‘Перепелятник летя на землю спустился.’

Как видно из перевода обоих примеров, в случае расположения внутреннего участника / финальной точки маршрута между глаголами становится невозможным синтаксически соотносить глагол образа действия с тем же аргументом, что и глагол результата. В первом из данных примеров участник, тождественный выраженному прямому объекту глагола результата, представлен в структуре глагола способа действия нулем, а в случае предикации с глаголами движения способ действия (‘лететь’) оказывается лишенным аргумента, задающего конечную точку (‘к земле’).

В примерах типа (3.20-21) нарушается условие тождества аргументной структуры – внутренние участники вставляются каждым из двух глаголов, а не в общей VP. Это происходит потому, что удаление тождественного материала действует в тюркских языках в том же направлении, что и ветвление – влево, как в схеме (3.107.a), но не как в (3.107.b):

(3.107)

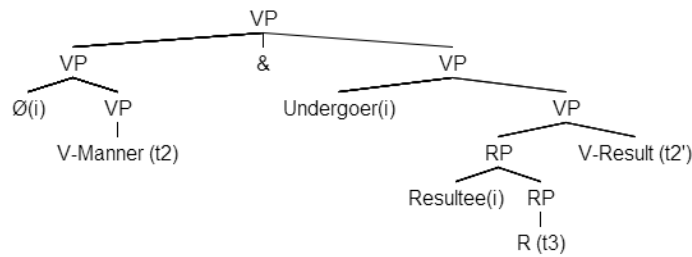
- a. [~~[-ZP]~~ [XP] & [ZP] [YP]]
- b. [[ZP] [XP] & ~~[-ZP]~~ [YP]]

Если бы тюркские сочинительные структуры можно было бы составлять по схеме (3.107.b), тождество аргументной структуры наблюдалось бы и в примерах (3.20-21), но это, однако, невозможно.

Далее, поскольку аргументная структура и структура события с точки зрения теории декомпозиции формируются одними и теми же проекциями, условие однособытийности в (3.20-21) нарушается. Ниже представлена структура сочиненных процессных составляющих для случаев типа (3.20-21) с синтаксически несовпадающими, но семантически тождественными внутренними участниками:

(3.108)

[_{VP} [_{VP} Ø_i [_{VP} V-Manner (t₂)]]] & [_{VP} Undergoer_i [_{VP} [_{RP} Resultee_i [_{RP} R (t₃)]]] V-Result (t₂')]]

В такой структуре внутренние участники проецируются в синтаксис каждой из процессных глагольных проекций самостоятельно и нулевой прямой объект глагола образа действия коиндексируется с прямым объектом глагола результата. Русским аналогом таких тюркских сочиненных глагольных групп является следующее предложение:

(3.109)

Отелло душил Дездемону и убил (ее).

События, задаваемые подобными предложениями, не обязательно происходят одновременно. В случае (3.109) процесс, связанный с удушением может не совпадать с подпроцессным событием в ситуации убийства. Предложения типа (3.109) можно, например, интерпретировать так, что удушение не привело к убийству, а просто предшествовало ему, акт же умерщвления состоялся позже:⁶⁸

(3.110)

Отелло (сначала) душил Дездемону и убил ее (заколов кинжалом).

Таким образом, правило

⁶⁸ Как это и имело место в трагедии Шекспира.

(3.112)

с. $t_2 = t_2'$

не работает для структур с нетождественным внутренним объектом, в них, напротив

(3.113)

с.' $t_2 \neq t_2'$

Мы установили, почему идентичность участников влечет за собой совпадение временных промежутков отдельных подсобытий, иными словами – однособытийность.

3.6.2. Фиксированный порядок следования глаголов

Разберем теперь подробнее, почему изменение порядка следования глаголов ведет к разрушению значения СГ, повторим примеры (3.25-26):

(3.25) карачаево-балкарский

Керим	чюйню	ур-у-б	кийир-ди.
Керим	гвоздь	бить-ST-CONV	вводить-PST

‘Керим вбил гвоздь.’

(3.26) карачаево-балкарский

Керим	чюйню	кийир-и-б	ур-ду.
Керим	гвоздь	вводить-ST-CONV	бить-PST

‘Вдавливая гвоздь, Керим бил.’

Перевод показывает, что за примерами с инвертированным порядком результат-образ действия стоит, скорее всего, та же структура, что и за теми случаями, когда внутренний аргумент расположен между глаголами, см. повторенные ниже балкарские примеры (3.22-23) а также казахские примеры (3.20-21) выше:

(3.22) карачаево-балкарский

Чомай	джугьутур-ну	ат-ы-б	тюшнор-дю
Чомай	тур-ACC	стрелять-ST-CONV	бросать-PST

‘Чомай подстрелил тура.’

(3.23) карачаево-балкарский

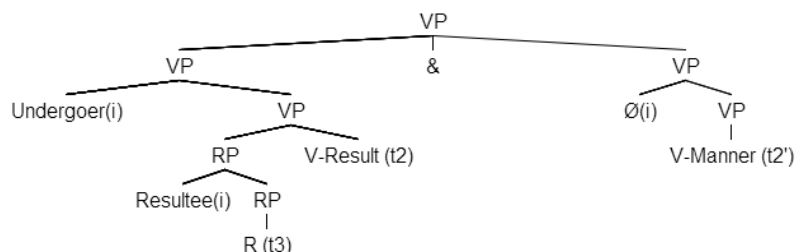
Чомай ат-ы-б джугъутур-ну тюшюр-дю
 Чомай стрелять-ST-CONV тур-ACC бросать-PST

‘Чомай выстрелил и подстрелил (=свалил) тура.’

Несовпадение участников (и событийной структуры) было объяснено нами как следствие сочинения составляющих с синтаксически не совпадающими, но семантически тождественными внутренними участниками, см. (3.108). В случае инвертирования порядка глаголов структура с несовпадающими участниками будет выглядеть следующим образом:

(3.114)

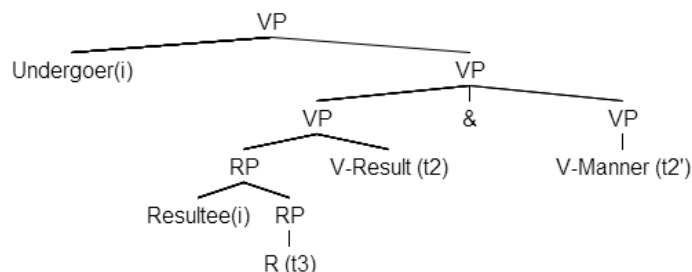
[_{VP} [_{VP} Undergoer_i [_{VP} [_{RP} Resultee_i [_{RP} R (t₃)]] V-Result (t₂)]] & [_{VP} Ø_i [_{VP} V-Manner (t₂')]]

Вопрос, который необходимо прояснить, – почему при подобном расположении глагольных групп возникает дублирование аргументов внутри составляющих, иными словами, почему в данном случае невозможна структура:

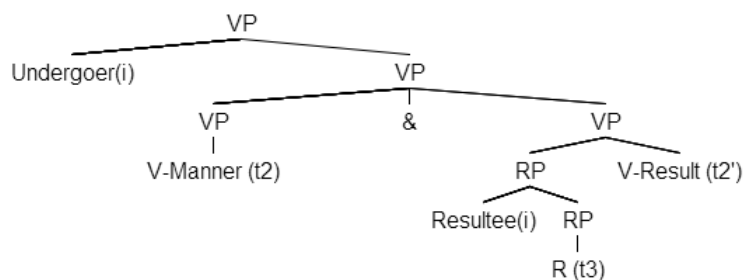
(3.115)

[_{VP} Undergoer_i [_{VP} [_{VP} [_{RP} Resultee_i [_{RP} R (t₃)]] V-Result (t₂)]] & [_{VP} V-Manner (t₂')]]

Действительно, при корректном порядке мы имеем конфигурацию составляющих, при которой две процессные части глагольных групп проецируют общий внутренний аргумент:

(3.116)

$$[VP \text{ Undergoer}_i [VP [VP V\text{-Manner} (t_2)] \& [VP [RP \text{ Resultee}_i [RP R (t_3)]] V\text{-Result} (t_2')]]]$$

Необходимо, таким образом, установить, почему в случае порядка результат – образ действия невозможно сочинение процессных составляющих с общим внутренним аргументом. Как представляется, причина здесь в порядке композиции отдельных подсобытий. В случае корректного порядка и структуры (3.116) объединение подсобытий выглядит следующим образом:

(3.117)

$$(V_{\text{Manner}} \& V_{\text{Result}}) \& R$$

В структуре (3.116) сочиняются процессные подсобытия – они происходят одновременно, как это, например, бывает при сочинении предикаций и т.п. Сам факт способности процессных подсобытий к сочинению нетривиален. Подсобытия лишь формируют лексическое значение и в явном виде в синтаксической структуре не присутствуют. Как представляется, особенность СГ «образ действия + результат» состоит именно в том, что в данном случае синтаксическая структура формируется из атомарных частей, соответствующих отдельным подсобытиям и недоступных вне лексикона в случае других глагольных групп.

Процессы, задаваемые глаголом способа и результата завершаются результирующим состоянием, вводимым глаголом результата. В случае нарушения последовательности глаголов мы имели бы следующий порядок композиции:

(3.118)

$$(V_{\text{Result}} \& R) \& V_{\text{Manner}}$$

Здесь (как и в случае сочинения обычной глагольной группы) сначала следует процесс, соответствующий глаголу результата, затем – собственно результат, а после этого – процесс, соответствующий глаголу способа действия. Подобный порядок нарушает принцип

композиции глагольного значения: ‘каузирующее подсобытие – процесс – результирующее подсобытие’, т.к. после результирующего подсобытия снова оказывается процесс. Подобное возможно в синтаксисе, при сочинении составляющих, но не в тех случаях, когда вся сложная структура соответствует одному событию. Доступность подобных конструкций с сочинением высокого уровня проекций глагольных групп делает возможным примеры (3.22) и (3.26). В случае же СГ, соответствующих одному сложному событию с общим набором участников, порядок композиции ‘процесс – результат – процесс’ некорректен.

3.6.3. Возможность употребления неоформленного аккузатива при СГ

Как утверждается в [Grashchenkov, Markman 2011], для некоторых сочетаний п-конверба и глаголов *ал-* ‘брать’ и *бер-* ‘взять’ возможны употребления с неоформленным аккузативом:

(3.119)киргизский	[Grashchenkov, Markman 2011]			
Каныбек	Фатимага	карыз(-ын)	кайт-ы-п	бер-ди
Каныбек	Фатиме	долг(-АСС)	возвращаться-ST-CONV	давать-PST
‘Каныбек вернул долг Фатиме.’				

Возможен неоформленный аккузатив и с СГ образа действия:

(3.120)казахский	[интернет]			
Екі	жүздей	қара мал	айда-п	әкет-ті.
два	сотня.около	рогатый.скот	гнать-CONV	уводить-PST
‘Угнали около двухсот голов крупного рогатого скота.’				

(3.121)казахский	[интернет]		
Алматы	облыс-ында	полицей	көлігі-мен
Алматы	область-3LOC	полицейский	верховое.животное-INS
адам	қағ-ы-п	өлтір-ді.	
человек	вбивать-ST-CONV	убивать-PST	
‘В Алматинской области ехавший верхом полицейский задавил человека.’			

Употребление неоформленного прямого объекта при «обычном» сочинении встречается гораздо реже, но тоже допустимо:

(3.122)казахский

Нұрлан теке көр-і-п өлтір-ді.
 Нұрлан козел видеть-ST-CONV убивать-PST
 ‘Нурлан увидел и убил козла.’

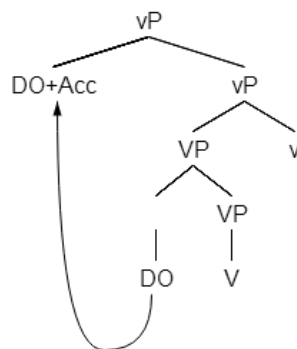
(3.123)казахский

Нұрлан ағаш таңда-п құлат-ты.
 Нұрлан дерево выбирать-CONV валить-PST
 ‘Нурлан выбрал и свалил дерево.’

В работах по дифференциальному маркированию объекта считается, что возможность употребления неоформленного прямого дополнения связана с допустимостью озвучивания таких внутренних участников в той же позиции, где они вступают в деривацию (base-generated position), см. [Лютикова 2014a] и приведенные там ссылки.⁶⁹ Согласно современным представлениям о внутренней структуре глагольной группы, см. [Larson 1988] и последовавшие работы, в исходной позиции спецификатора VP, где прямой объект получает семантическую роль, падеж еще не присваивается. Соответственно, в ряде языков (в числе которых тюркские) прямой объект может (при определенных дополнительных условиях) оставаться в этой исходной позиции, что и приводит к отсутствию маркирования. За получение падежа отвечает проекция малого *v*, находящаяся выше в структуре – с этим связано хорошо известное наблюдение о том, что лишь оформленное аккузативом прямое дополнение может располагаться дистантно с глаголом.

Структура (простой) глагольной группы с переходным глаголом выглядит следующим образом:

(3.124)

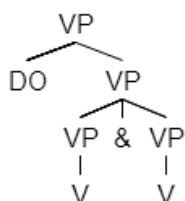

⁶⁹ См. также [von Stechow, Kornfilt 2005] относительно маркирования прямого объекта в турецком.

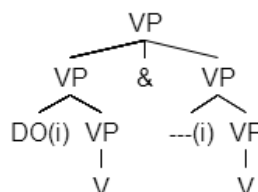
В случае сочиненной глагольной группы возможность употребления немаркированного прямого объекта может соответствовать одной из двух структур. Во-первых, беспадежный прямой объект может быть общим зависимым у двух сочиненных V(P). Во-вторых, немаркированное прямое дополнение может быть представлено у двух глагольных групп, но при этом вторая копия дополнения может подвергаться фонологическому сокращению.

Данные структуры изображены на (3.125.a) и (3.125.b) соответственно.

(3.125.a)

(3.125.b)

Интерпретация двух таких структур не должна отличаться.

Как представляется, структура (3.125.a) соответствует СГ в то время как (3.125.b) – «обычному» сочинению. Подобное расхождение в структурах соответствует однособытийному прочтению СГ и полисобытийному у других сочиненных глагольных групп. Однако главное различие между структурами с СГ и другими сочиненными глаголами начинается на уровне малого *v*, о чем речь пойдет ниже.

3.6.4. Пассивизация и различие в структуре СГ и других сочиненных глагольных групп

Как уже было сказано, наиболее очевидное расхождение между СГ и другими сочиненными глагольными группами состоит в том, что первые, но не вторые допускают образование пассива с маркированием лишь второго глагола. Приведем еще одну минимальную пару примеров, демонстрирующих данное явление:

(3.126)казахский

*Гайка	машинада	таб-ы-п	босат-ы-л-ды.
гайка	в.машине	находить-ST-CONV	освободать-ST-PASS-PST

‘Гайка в машине была найдена и освобождена.’

(3.127)казахский

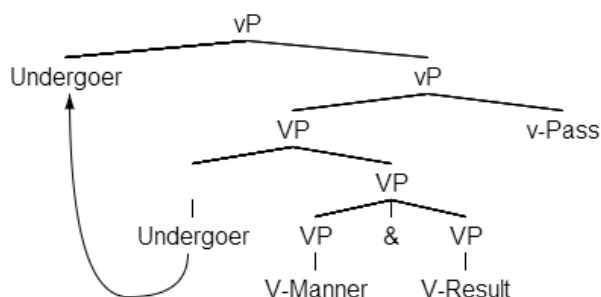
Гайка	машинада	бұра-п	босат-ы-л-ды.
гайка	в.машине	крутить-CONV	освободать-ST-PASS-PST

‘Гайка в машине была отвинчена.’

Поскольку пассивизация связана с преобразованием малого *v*, синтаксическое отличие между СГ и обычными сочиненными глагольными группами следует почти автоматически. В случае СГ мы имеем одну общую вершину *v*, которая принимает показатель пассивизации, одновременно устраняющий способность глагола к выражению внешнего участника и приписыванию accusativa:

(3.128)

[_{VP} [Undergoer] [_{VP} [_{VP} [Undergoer] [_{VP} [_{VP} V-Manner] & [_{VP} V-Result]]] v-Pass]

Тот же самый показатель не может быть употреблен один раз в случае пассива от сочиненной глагольной группы, т.к. при «обычном» сочинении вершин *v* малых – две. Вместо этого необходимо дублировать пассивный маркер на вспомогательном и главном глаголе:

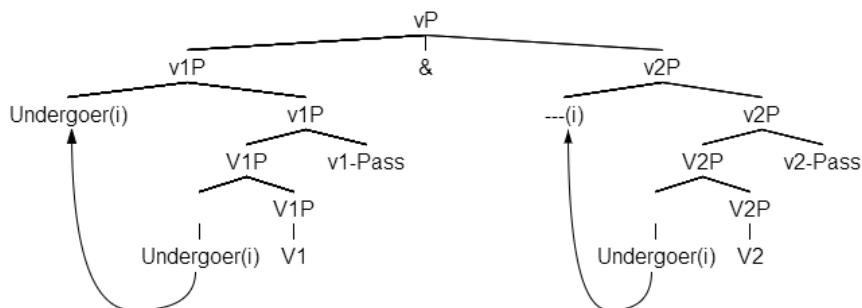
(3.129)казахский

Гайка	машинада	таб-ы-л-ы-п	босат-ы-л-ды.
гайка	в.машине	находить-ST-PASS-ST-CONV	освобождать-ST-PASS-PST

‘Он нашел и освободил гайку в машине.’

(3.130)

[_{VP} [_{v1P} [Undergoer_i] [_{v1P} [_{V1P} [Undergoer_i] [_{V1P} V1]]] v1-Pass]] & [_{v2P} [Undergoer_i] [_{v2P} [_{V2P} [Undergoer_i] [_{V2P} V2]]] v2-Pass]

Приведем некоторые количественные данные, косвенно подтверждающие тот факт, что в СГ сочинение происходит на более низком уровне проекции, чем в случае «обычных» сочиненных глагольных групп. Рассмотрим только те сочетания DO (... XP ...) V1-V2, где V1 и V2 расположены контактно и могут быть как СГ, так и обычными переходными глаголами. По собранной с некоторого массива казахских текстов (~1,9 млн. слов) статистике распределение СГ и случаев сочинения «обычных» глаголов таково. Если ограничиться наиболее частотными парами V1-V2 и не принимать во внимание такие, которые встречаются два раза и реже, мы будем иметь следующую картину: из 80 примеров 67 приходятся на СГ и 13 – на обычное сочинение. Более того, из этих 13 лишь 7 случаев предполагают общий объект, а остальные 6 – разные прямые объекты.

Учитывая то, что общее количество глаголов, формирующих конструкции с СГ гораздо меньше, чем количество всех переходных глаголов, столь низкая частотность конструкций DO (... XP ...) V1-V2 для обычных (не СГ) сочетаний V1 и V2 говорит о том, что контактное расположение глаголов является признаком СГ и не характерно для других переходных глаголов. Можно допустить, что сочинение «обычных» глагольных групп предполагает не контактное расположение V1-V2, а структуру XP V1 & YP V2, что и находит косвенное подтверждение в небольшом количестве примеров. Примеры контактного расположения V1 и V2 в последовательностях DO (... XP ...) V1-V2 соответствуют в действительности структурам XP V1 & YP V2 с невыраженной YP.

Подобные количественные данные свидетельствуют в пользу того факта, что в поверхностной структуре при обычном сочинении между следующими друг за другом формами конверба V1 и вершиной V2 может «поместиться» больше материала благодаря большому количеству структуры, связанному, в первую очередь, с наличием малого *v*.

Столь частое контактное расположение V-Manner и V-Result может навести на мысль о сочинении вершин в СГ. Действительно, в 3.4.4 мы установили, что при вопросе не восстанавливается двойная копия прямого объекта, из чего следует, что сочиняются немаксимальные проекции.

Обсудим аргументы в пользу сочинения проекций (а не вершин) у СГ. В 3.4.4 были приведены примеры (3.43-44), демонстрирующие возможность глаголов результата присоединять собственные зависимые, отделяющие их от глагола образа действия и не разрушающие при этом семантики СГ. Приведем также некоторые примеры из карачаево-балкарского:

(3.131) карачаево-балкарский

Керим юлени айлан-ы-б тюнене чык-ты
 Керим дома гулять-ST-CONV вчера выходить
 ‘Керим все дома вчера обошел.’

(3.132) карачаево-балкарский

Чышчык юйню юч-ю-б Керимни бахчасында ёт-тю
 Птица дом лететь-ST-CONV Керима в.саду переходить-PST
 ‘Птица дом в саду Керима перелетела.’

Как мы видим, между двумя глаголами допустимо вставлять временные и локативные адьюнкты, которые могут представлять собой целые составляющие.

Кроме таких адьюнктов возможно также задание конечного результата всего СГ, т.е. RP (результатирующей группы) в терминах [Ramchand 2008; Лютикова и др. 2006]:

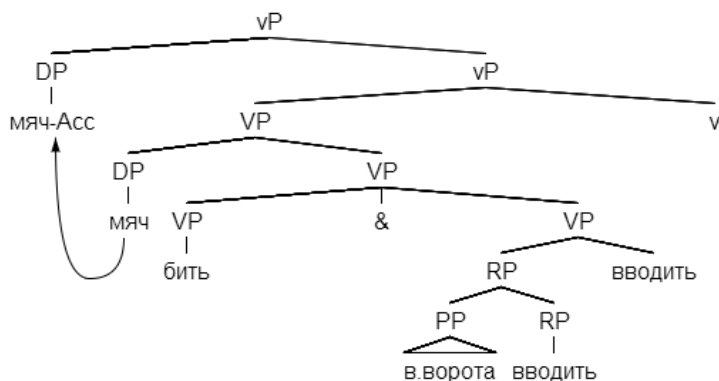
(3.133) карачаево-балкарский

Керим топ-ну ур-у-б кабаклагъа кийир-ди.
 Керим мяч-ACC бить-ST-CONV в.ворота вводить-PST
 ‘Керим забил мяч в ворота.’

Структура, соответствующая подобным примерам, представлена ниже:

(3.134)

[_{VP} [_{DP} мяч-ACC] [_{VP} [_{VP} [_{DP} мяч] [_{VP} [_{VP} бить-CONV] & [_{VP} [_{RP} [_{PP} в.ворота] [_{RP} вводить]]] вводить-Pst]]] v]

В данной структуре послеложная группа *в ворота* располагается в спецификаторе проекции RP, представляющей часть значения глагола ‘вводить.’

В соответствии с теорией лексической декомпозиции, развиваемой в [Ramchand 2008; Лютикова и др. 2006], значение глагола формируется на всех уровнях проекции, R, V и v, а сам глагол представлен в каждой из данных вершин. На семантическом уровне все три вершины, в которых формируется глагольное значение, вносят свой вклад в аргументную и событийную структуру, а фонологический компонент стирает более низкие уровни проекции (R и V) в результате чего для озвучивания остается лишь копия глагола, находящаяся в v. Правила стирания лишних копий и озвучивания конечного значения являются одним из наименее проработанных компонентов теории Рэмченд, поэтому мы воздержимся от подробных рассуждений о том, каким именно образом две глагольные вершины (способа действия и результата) вносят вклад в результирующую семантику малого v. Как представляется, неоспоримы два факта: i) глагол образа действия ('бить') и глагол результата ('вводить') оба ответственны за поведение агентивного участника – каузацию и поддержание протекания ситуации, ii) дальнейшее участие в формировании синтаксической структуры (получение временных показателей и т.д.) принимает лишь копия глагола результата.

Мы таким образом показали, что возможен анализ, при котором материал, располагающейся между двумя глаголами в составе СГ, можно представить как составную часть, а именно – VP-адьюнкты и спецификаторы внутренних проекций, общего композиционального значения конструкции. Подобный подход совместим со взглядом на СГ как результат сочинение проекций, а не вершин.

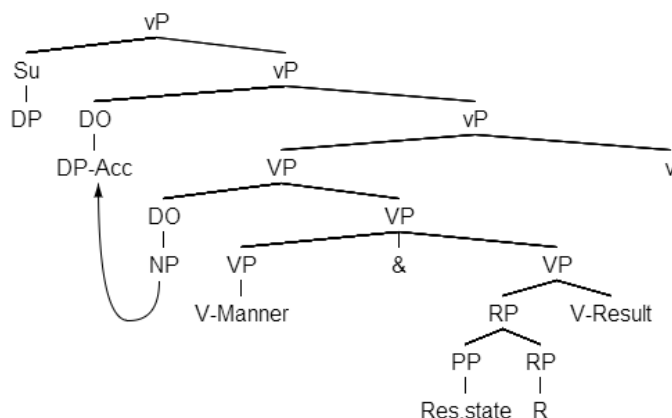
Основным результатом, полученным нами в данной части работы, является вывод о том, что в случае обычных сочиненных глагольных групп сочинение затрагивает уровень максимальной проекции группы глагола, vP, в то время как при образовании СГ сочинение происходит на уровне VP.

3.6.5. Синтаксическая структура конструкций со сложным глаголом: анализ и некоторые проблемы

Суммируя предложенный выше анализ, полную структуру СГ образа действия можно представить следующим образом:

(3.135)

[_{VP} [_{Su}] [_{VP} [_{DP} DO-Acc] [_{VP} [_{VP} [_{DP} DO] [_{VP} [_{VP} V-Manner] & [_{VP} [_{RP} [_{PP} Res.state] [_{RP} R]] V-Result]]] v]]

Существуют, однако, конструкции, которые ставят под вопрос предложенную нами структуру СГ. Ниже мы рассмотрим две группы примеров, которые свидетельствуют о том, что сочинительной связью в СГ соединяются две группы малого *v*. Оба класса примеров не являются приемлемыми у всех информантов,⁷⁰ однако мы попробуем объяснить причины возможной грамматичности таких конструкций.

Первый тип примеров – конструкции с субъектно-ориентированными кванторами типа *сам*:

(3.136) карачаево-балкарский

%Уучу	жугъутурну	ат-ы-б	кеси	ёлтюр-дю
охотник	тура	стрелять-ST-CONV	сам	убивать-PST

‘Охотник сам тура убил.’

(3.137) карачаево-балкарский

%Чышчык	юйню	юч-ю-б	кеси	ёт-тю
Птица	дом	лететь-ST-CONV	сам	переходить-PST

‘Птица сама дом перелетела.’

Как показано в [Sportiche 1988], приименные кванторы могут быть использованы для установления исходной позиции, в которой именная группа попадает в синтаксическую структуру, см. [Koorman and Sportiche 1991] и т.д. Принято считать, что подлежащее

⁷⁰ Значок ‘%.’

порождается в спецификаторе vP , т.е. субъектные кванторы *кеси* в примерах выше располагаются (как минимум) на уровне спецификатора малого v . Поскольку *кеси* находится между глаголами, и, стало быть, входит в состав проекции второго глагола, второй глагол должен содержать малое v .

Похожую аргументацию можно привести на основании анализа позиции прямого объекта. В примерах ниже прямой объект соотносится с квантором, также расположенным между двумя глаголами:

(3.138) карачаево-балкарский

%Уучу	жугъутурладан	ат-ы-б	еке-си-н	ёлтюр-дю
охотник	тура	стрелять-ST-CONV	два-3-ACC	убивать-PST

‘Охотник из туров двух убил.’

(3.139) карачаево-балкарский

%Чышчык	юйледен	юч-ю-б	еке-си-н	ёт-тю
Птица	из.домов	лететь-ST-CONV	два-3-ACC	переходить-PST

‘Птица два из домов перелетела.’

Поскольку кванторное слово получает показатель аккузатива, оно также должно располагаться не ниже проекции vP , см. 6.3. Таким образом, маркированный аккузативом объектный квантор также свидетельствует о наличии во второй части сочиненной группы глагола малого v .

Оба факта, говорящие о наличии во второй (и, следовательно, первой) глагольной проекции малого v , противоречат предложенной структуре (3.135), если вся конструкция остается однособытийной.

Рассмотрим несколько более подробно процесс синтаксического парсинга слушающим конструкции с СГ. Линейная цепочка, которая доступна для парсинга, представлена ниже:

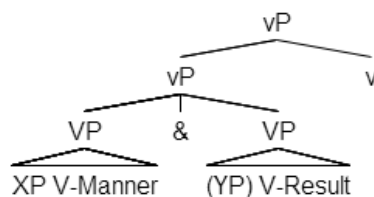
(3.140)

XP V-Manner (YP) V-Result

Данная линейная последовательность предполагает как минимум две возможности синтаксического парсинга слушающим (VP и RP для краткости объединены):

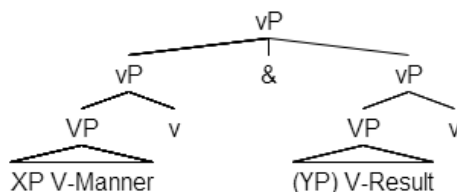
(3.141)

- a. $[_{VP} [_{VP} [_{VP} XP \text{ V-Manner}] \& [_{VP} (YP) \text{ V-Result}]] v]$

(3.141)

- b. $[_{VP} [_{VP} [_{VP} XP \text{ V-Manner}] v] \& [_{VP} [_{VP} (YP) \text{ V-Result}]v]]]$

Последовательность (3.140) синтаксически омонимична и оказывается грамматичной при каждом из парсингов (3.141.a) и (3.141.b). Структура (3.141.a) соответствует СГ, а (3.141.b) – сочинению обычных глаголов.

В структуре (3.141.b) представлены две вершины *v*, каждая из которых может вводить собственный внешний аргумент (субъект) и приписывать аккузатив внутреннему (прямому объекту). С наличием двух малых *v* при обычном сочинении связана неграмматичность единого пассивного показателя на результативной вершине.

Интерпретация структур с субъектным и объектным квантором, которая, как было сказано, не отличается от интерпретации стандартных структур с СГ, может объясняться следующим. Можно предположить, что выбор структуры (3.141.b) вместо (3.141.a) для конструкций с (субъектным либо объектным) кванторным словом перед вторым глаголом связан с так называемым отложенным прикреплением зависимых при парсинге высказывания слушающим.

В теориях, описывающих стратегии разрешения синтаксической омонимии, известен так называемый эффект «позднего закрытия», *Late Closure*, см. [Frazier, Clifton 1996]. Позднее закрытие может быть продемонстрировано на следующем примере:

(3.142)русский

[интернет]

Фонтан ударил, но с другой стороны и обдал машину и угол дома соседа за забором.

Именная группа *машину и угол дома* допускает два возможных синтаксических разбора:

(3.143.a) #[[*машину и угол*] *дома*]

(3.143.b) [[*машину*] и [*угол дома*]]

В соответствии с первым зависимое *дома* присоединяется к сочиненной составляющей – такой вариант в нашем примере блокируется семантически. Второй вариант парсинга предполагает сочинение первого существительного, образующего отдельную именную группу, и фразы *угол дома*, что в данном примере соответствует возможному значению. Второй вариант разрешения синтаксической омонимии как раз соответствует стратегии позднего закрытия.

В случае проблематичных для нас кванторных слов, находящихся «внутри» конструкций с СГ, зависимое (кванторное слово) располагается между сочиненными элементами и при этом, как мы предполагаем, относится ко всей сочиненной группе, а не только ко второму глаголу. Если мы экстраполируем примеры с русской именной группой на тюркские СГ, мы будем ожидать примеры, которые представлены двумя сочиненным вершинами, между которыми располагается их общее зависимое, относящееся при этом ко всей фразе. Такие примеры должны нарушать правила сочинения, т.к. общий материал в сочиненных проекциях должен располагаться с той же стороны от обоих конъюнктов, что и в обычных. Как можно видеть, такие примеры действительно обнаруживаются:

(3.144)русский

[интернет]

Во всех городах России и селах в этот день выходят из церквей...

Впечатляют глаза девушки и ...руки.

Плюсы липосакции и минусы становится предметом постоянных споров обеих сторон.

Минеральная косметика: преимущества использования и недостатки.

Подобные примеры, несмотря на их неграмматичность, находятся в некотором количестве в интернете. Позднее закрытие дает возможность «отложить» прикрепление генитивного зависимого к первой именной группе и переинтерпретировать составляющие [X [A] & Y] в [[X & Y] [A]].

Можно допустить, что причины грамматичности употребления кванторных слов между двумя глаголами в тюркских СГ аналогичны. Возможно, линейная цепочка V-Manner Quantifier V-Result прежде чем быть проанализирована, переинтерпретируется в Quantifier V-Manner V-Result. Из примеров (3.136), (3.138) таким образом получаются (3.136'), (3.138') и именно последние подвергаются синтаксическому анализу и интерпретации:

(3.136) карачаево-балкарский

Уучу	жугьутурну	ат-ы-б	кеси	ёлтюр-дю
охотник	тура	стрелять-ST-CONV	сам	убивать-PST

↓ позднее закрытие + переподчинение ↓

(3.136') карачаево-балкарский

Уучу	жугьутурну	кеси	ат-ы-б	ёлтюр-дю
охотник	тура	сам	стрелять-ST-CONV	убивать-PST

‘Охотник сам тура убил.’

(3.138) карачаево-балкарский

Уучу	жугьутурладан	ат-ы-б	еке-си-н	ёлтюр-дю
охотник	тура	стрелять-ST-CONV	два-3-ACC	убивать-PST

↓ позднее закрытие + переподчинение ↓

(3.138') карачаево-балкарский

Уучу	жугьутурладан	еке-си-н	ат-ы-б	ёлтюр-дю
охотник	тура	два-3-ACC	стрелять-ST-CONV	убивать-PST

‘Охотник из туров двух убил.’

Дальнейший синтаксический анализ таких последовательностей слушателем и их интерпретация происходят в соответствии с предложенной в (3.135) структурой СГ:

(3.145) карачаево-балкарский

Уучу	[_{VP} жугьутурну	кеси	[_{VP} ат-ы-б	&	ёлтюр]]-дю
охотник	тура	сам	стрелять-ST-CONV		убивать-PST

‘Охотник сам тура убил.’

(3.146) карачаево-балкарский

Уучу	[_{VP} жугьутурладан	еке-си-н	[_{VP} ат-ы-п	&	ёлтюр]]-дю
охотник	тура	два-3-ACC	стрелять-ST-CONV		убивать-PST

‘Охотник из туров двух убил.’

Мы предложили одно из возможных объяснений тому, что некоторые случаи сочинения *vP* могут быть проинтерпретированы как сочинение *VP* с общим *v* (т.е. как СГ). Как мы предполагаем, наблюдаемый эффект перевода глагольных групп с кванторными словами при помощи СГ может быть результатом процессов, происходящих на уровне синтактико-

фонологического интерфейса и не отражают синтаксическое устройство СГ. Причиной подобного «смещения» структур является то, что для сочетания глаголов с семантикой способа действия и результата доступно два синтаксических анализа – сочинение *vP* и сочинение *VP*.

3.6.6. СГ как сериальные конструкции

Явление, определенное нами в данной работе как сложные глаголы образа действия, представляется реализацией регулярно встречающейся в языках мира сериальной конструкции, см. [Baker 1989; Baker, Stewart 1999; Baker, Stewart 2002; Johanson 2006; Aikhenvald, Dixon (eds) 2006] и т.д. Применительно к тюркскому материалу этим термином принято обозначать употребление вспомогательных глаголов ограниченного списка, передающих видо-временные и модальные значения, т.е. конструкции со вспомогательными глаголами, описанные в Главе 4.

В число вспомогательных или сериальных тюркских глаголов принято включать около двадцати лексических единиц, среди которых обычно упоминают рассмотренные нами глаголы направленного движения. Исследователи тюркских языков едины в выделении особого типа конструкций со вспомогательными глаголами, в т.ч. глаголами направленного движения. Так, например, в [Текуев 1979: 44-76] указываются такие значения карачаево-балкарских глаголов: *чыкъ-* «констатация факта с модальным оттенком; исчерпанность действия от начала до конца, без остатка»; *ёт-*, ‘проходить’ – «интенсивный результат действия»; *кел-*, ‘идти’ – «длительное действие, результат действия, нарастание действия, действие, переходящее в свойство»; *кет-*, ‘уходить’ – «действие, совершаемое нечаянно, без воли субъекта; действие, совершенное полностью, без остатков, без возврата; чуть не совершившееся действие или действие результативное».

Относительно этих и других глаголов направленного движения уместны следующие замечания. Во-первых, данные глаголы, будучи употреблены с глаголами способа передвижения, дают директивные СГ. Во-вторых, каузативы данных глаголов в сочетании с переходными глаголами образа действия дают результативные СГ со значениями ‘притащить’, ‘угнать’ и проч. Наконец – и это наиболее важное для нас наблюдение – среди сериализующих тюркских глаголов никогда не упоминаются лексемы со значением ‘убивать’, ‘освободить’, ‘находить’ и т.п. Отличие последних глаголов от глаголов направленного движения состоит в том, что они действительно не образуют (в тюркских языках) конструкций, передающих видо-временные и модальные значения. Однако для глаголов направленного движения среди прочих вспомогательных значений выделяются такие как: *кет-*, ‘уходить’ – «движение от субъекта, от говорящего, с результативным значением»; *кир-* ‘входить’ – «войти внутрь чего-нибудь», [Текуев 1979: 44-76].

Как представляется, для более адекватного описания тюркских языков следовало бы сделать следующие уточнения: i) отделить вспомогательные глаголы, передающие грамматические значения, от глаголов с результивной семантикой; ii) рассматривать конструкции с конвербами на *-n* и результивными глаголами ('убивать' 'освобождать',...) наравне с конструкциями, передающими пространственные «результивные» значения.

Все сериальные конструкции объединяются одним общим свойством – они позволяют употребление двух глагольных групп внутри общей проекции временной вершины (TP). Конкретные правила образования сериальных конструкций и их лексический состав отличаются от языка к языку. В то же время существует некоторое количество устойчивых комбинаций глагольных значений, повторяющихся от языка к языку. Одним из таких случаев является сочетание двух глаголов, задающих процесс перехода внутреннего участника в некоторое результирующее состояние, – так называемые результивные сериальные конструкции, см. [Veenstra 2000; Baker, Stewart 2002; Johnson 2006; Tomioka 2004]. Как было замечено предыдущими исследователями, см., например, [Tomioka 2004], результивные сериализации в языках мира можно подразделить на два основных типа: в одном случае, см. пример (3.147) из языка эдо, результирующее состояние задается непереходным глаголом; в другом, см. пример (3.148) из сарамакан, – переходным:

(3.147)эдо

[Baker, Stewart 2002: 3]

Òzó ghá gbè èwé wù.

Озо FUT бить козел умирать

‘Озо забьет козла.’

(3.148)сарамакан⁷¹

[Veenstra 2000: 876]

A náki hen kíi.

3SG hit 3SG kill

‘Он забьет его до смерти.’ (букв.: ‘Он забьет его мертвым.’)

Случай результивных сериализаций с непереходной второй частью представлен примером (3.147). Он имеет одно важное сходство с СГ, а именно – в обоих типах конструкций оба глагола имеют один общий аргумент. Такое явление стало известно как «Argument Sharing», использование общей аргументной структуры. Сериальные конструкции, прибегающие к

⁷¹ Сарамакан – креольский язык Суринама на основе английского.

обобщению аргументной структуры, принципиально отличаются от конструкций со вспомогательными глаголами, передающими видо-временные и модальные значения.

Общая аргументная структура характерна и для второго типа сериализаций, который предельно похож на тюркские СГ. Главное отличие состоит в направлении ветвления. Как видно из примера (3.148), общий для двух переходных глаголов внутренний участник располагается между ними. В отличие от случаев, когда в языках с левым ветвлением сериальные конструкции образуются с изменением направления ветвления, см. по этому поводу [Carstens 2002], тюркские СГ сохраняют относительное расположение вершины и зависимого для обоих глаголов. Как можно понять, анализировать тюркские СГ так же, как сериальные конструкции в языках с интерпозицией внутреннего аргумента, невозможно.

Предлагаемые для анализа сериальных конструкций структуры различаются. В частности, взгляды одного из ведущих исследователей сериальных глаголов с общей аргументной структурой, Марка Бейкера, эволюционировали от структур с двойной вершиной (V1 + V2), см. [Baker, Stewart 2002], к структурам с адьюнктами и комплементами. В [Baker, Stewart 2002] предлагается анализ, согласно которому непереходные глаголы в результативных сериализациях типа (3.147) занимают позицию комплемента. Сочетание двух переходных глаголов, поверхностно напоминающее последовательность (3.148), но несколько отличающихся от (3.148) по значению, Бейкер и Стюарт анализируют как адьюнкцию V1 к V2. В [Johnson 2006] также приводятся аргументы в пользу анализа конструкций с двумя переходными глаголами и интерпозицией внутреннего участника как подчинения – одного глагола (V2) другому (V1).

Если говорить о сериальных конструкциях с результативной семантикой, можно сделать следующее наблюдение. Данная конструкция регулярно встречается в языках мира, причем формы, в которых она находит свою поверхностную реализацию, пусть и ограничены, но, естественно, различаются от языка к языку, см. [Baker, Stewart 2002].

С точки зрения типа синтаксической структуры, отвечающей за выражение значения сериальной конструкции, тюркские языки попадают в достаточно редкую группу языков, использующих сочинительную стратегию. Учитывая приведенные выше результаты других исследователей, в соответствии с которыми языки мира прибегают также к адьюнкции и структуре вершина-комплемент, можно сказать, что поверхностное выражение, которое получает сериальная конструкция в некотором языке, ограничено универсальными правилами образования фразовой структуры и возможностями данного конкретного языка.

На наш взгляд, сериальные конструкции с общей аргументной структурой являются столь типологически устойчивыми по двум причинам. Первая из них – обсужденный нами выше запрет на сочетание значения образа действия и результата / направленного движения.

Вторая причина повторяемости сериальных значений в языках мира имеет функциональную природу. Как мы видели из небольшой статистической выборки в 6.4., значения (и структуры), соответствующие сериальным глаголам, встречаются в некотором конкретном языке более чем регулярно.

Действительно, часто сообщение об изменении состояния объекта необходимо сопроводить информацией о том, каким образом он переходил в новое состояние. Подобные сочетания значений соответствуют СГ результата и передаются в русском при помощи префиксации глаголов способа действия: *за-душить*, *от-крутить*, *при-думать* и т.д. Похожие рассуждения применимы и к директивным СГ. У говорящего регулярно возникает потребность в уточнении способа, которым было преодолено расстояние, ср. русское *про-плыть*, *перелететь*, *при-бежать*.

Как в случае результативных, так и в случае директивных значений русский язык использует префиксацию для обозначения результирующего состояния, в то время как глагольная основа задает способ изменения этого состояния. Русский язык, таким образом, также подчиняется обобщению Раппапорт-Ховав–Левин. Одна и та же глагольная основа не может содержать информации и о способе, и о результате действия. Стратегия, используемая русским языком для выражения столь востребованной (но не выразимой в рамках одной основы) информации – сочетание основы (Manner) и префикса (Result).

Языки, которые могут образовывать сложные глагольные группы, подчиненные одной временной вершине (TP), выражают значения типа ‘задушить’, ‘открутить’, ‘придумать’ и значения ‘проплыть’, ‘перелететь’, ‘прибежать’ и т.д. при помощи сериальных конструкций с общим аргументом. К этой стратегии прибегают и тюркские языки.

Подытожим: i) СГ образа действия являются одним из проявлений так называемой сериальной конструкции с общей аргументной структурой; ii) регулярность появления таких сериальных конструкций в языках мира связана с частой необходимостью совместного выражения значения образа и результата с одной стороны и запретом на сочетание таких значений в рамках одной лексемы с другой; iii) поверхностная синтаксическая реализация сериальных конструкций с общим аргументом варьирует от языка к языку в пределах основных типов синтаксических структур.

3.7. Выводы по Главе 3

В данной части диссертации мы исследовали сочетания глагола образа действия и глагола результата / направленного движения, образующие сложную глагольную группу в тюркских языках. Конструкции с такими глагольными сочетаниями продуктивны и регулярно

встречаются в текстах и речи. Несмотря на то, что в словарях подобные парные сочетания часто описываются как новые глагольные значения, более корректным представляется подход, при котором порождение СГ образа действия и результата рассматривается как продуктивный языковой механизм. СГ образуются как сочинительная конструкция, главное их отличие от обычного сочинения – более глубокий уровень проникновения. Единственное ограничение на образование таких конструкций – лексическое значение глаголов.

Мы установили, что сочиненные структуры, стоящие за СГ, обладают следующими семантическими свойствами:

- i) данные структуры однособытийны, т.е. задают единое сложное событие, состоящее из двух подсобытий;
- ii) основные участники (внешний и внутренний для глаголов результата, внешний аргумент и цель при направленном движении) обоих глаголов совпадают;
- iii) время действия, передаваемого первым глаголом, включается во время действия второго глагола;
- iv) порядок следования глаголов фиксирован – глагол образа действия всегда предшествует глаголу результата / директивному глаголу.

Нами были также обнаружены следующие синтаксические свойства исследуемых конструкций:

- i) СГ представляют собой сочинение проекций (а не вершин);
- ii) СГ (как и другие сочиненные глагольные группы) могут оформляться общим показателем причастия, номинализации и т.п.;
- iii) СГ образа действия (в отличие от обычных сочиненных глагольных групп) могут образовывать пассив при оформлении пассивным маркером лишь второго глагола;
- iv) СГ (как и другие сочиненные глагольные группы) могут употребляться с прямым объектом, не оформленным аккузативным показателем и располагающимся перед первым глаголом.

Как мы установили, главное отличие исследованных нами СГ от случаев обычного сочинения состоит в допустимости расположения общего пассивного показателя на второй вершине при СГ и недопустимости этого при обычном сочинении. Грамматичность пассива от СГ и его неграмматичность с другими случаями сочинения объясняется тем, что в случае СГ сочиненная структура включает меньшую часть составляющей, а именно – VP в противоположность vP при обычном сочинении. Подобный подход основывается на допущении, что при образовании СГ синтаксический компонент (а именно – сочинение) получает доступ к отдельным компонентам лексической структуры глаголов. Подобный анализ представляется вполне правдоподобным и по семантическим, и по синтаксическим причинам,

но однако, ставит некоторые новые вопросы. Наиболее острым из них является следующий: если в случае сочинения глаголов образа действия и результата мы имеем доступ к внутренней структуре глагола, почему подобные преобразования (пассивизация с показателем на второй вершине) недоступны при обычном сочинении?

Исследовав дихотомию образ действия – результат, мы установили:

- i) обобщение Раппапорт-Ховав–Левин о несовместимости значений образа действия и результата / направленного движения, см. [Rappaport Hovav, Levin 1998] в одной глагольной лексеме в целом подтверждается тюркским материалом;
- ii) глагол результата (но не способа действия) подразумевает задание (необратимого) конечного состояния, в которое переходит внутренний участник;
- iii) глаголы образа действия (но не результата) задают специфический способ протекания действия;
- iv) и то, и другое свойство (необратимость результата и сложный физический характер действия) наследуются СГ;
- v) ожидаемые согласно [Rappaport Hovav, Levin 2011] селективные ограничения на субъект глаголов образа действия не актуальны для тюркских языков;
- vi) как глаголы образа действия, так и глаголы результата оказываются грамматичны в отсутствие выраженного прямого объекта вопреки [Rappaport Hovav, Levin 2011].

Таким образом, в общем случае предсказание Раппапорт-Ховав и Левин, сделанное на материале английского языка, выполняется и для тюркских языков. Именно в силу несовместимости значений образа действия и результата тюркские языки развили способность «глубокого» сочинения, реализуемую ими в виде СГ.

Следующие выводы представляются нам важными с точки зрения теории и типологии сериальных конструкций. Как мы показали, образование СГ образа действия и результата в тюркских языках возможно не благодаря каким-либо свойствам глагола V2, как это принято было считать прежде, а благодаря возможности сочинения на уровне VP отдельных участков лексической структуры у глаголов с определенной семантикой. Подобный процесс является специфической тюркской реализацией некоторой типологически распространенной стратегии к образованию сложных глагольных групп внутри проекции TP (Tense Phrase, временной составляющей).

Если предпринять попытку обобщения еще более высокого уровня, можно сказать, что правила организации (структуры) лексического значения, запрещающие сочетание некоторых семантических компонентов в рамках одной лексемы, приводят к тому, что подобные комбинации значений реализуются на несколько более высоком, надлексическом уровне. В русском языке невозможность лексического выражения результата и способа действия

приводит к появлению надлексической префиксации (*задушить, переплыть* и т.д.), в то время как в других языках – к образованию сериальных конструкций (тюркские, эдо) или употреблению фразовых глаголов (английское *swept off, shoot down*).

Итак, однособытийность тюркских СГ и особенности взаимодействия значений образа и результата в них еще раз подтверждают тезис о возможности последовательно декомпозиционного анализа глагольных лексем.

Часть II. Композициональность в морфосинтаксисе

Глава 4. Семантика и морфосинтаксис тюркских сериализаций в синхронной и диахронической перспективе⁷²

Грамматикализация представляет собой совокупность различных диахронических изменений («эволюционный континуум»), приводящих к утрате семантической сложности, прагматической значимости, синтаксической свободы и фонетической субстанции произвольной языковой единицы; в частности, грамматикализация (в прототипическом случае, который, по-видимому, прежде всего и имел в виду Мейе) предполагает превращение самостоятельной лексической единицы в (аффиксальный) грамматический показатель.

[Плунгян 2011: 89]

В эпиграфе представлено определение процесса грамматикализации, которое, при всей кажущейся простоте, содержит определенные проблемы для анализа в терминах формальной грамматики. Основные из этих проблем: как выглядит «утрата семантической сложности» лексических единиц; что представляет собой (увеличивающаяся при грамматикализации) «синтаксическая несвобода»; с чем связан «эволюционный континуум», который, как и любой другой континуум, является вызовом для формального подхода к языку. Решению этих и некоторых других проблем будет посвящена Глава 4.

Другая важная цель представленного нами в данной главе анализа тюркских сериализаций – предложить такую структуру сериализованных предикаций, которая позволяла бы объяснить эффекты реструктурирования, нарушения сферы действия и других проявлений некомпозициональности. К этому результату мы придем в конце главы.

Прежде чем перейти к исследованию собственно взаимодействия сериализаторов и грамматических показателей, нам необходимо будет проделать большую предварительную

⁷² Глава основана на следующих работах: [Гращенков 2012; Гращенков, Ермолаева 2015; Гращенков 20156].

работу. Она будет включать следующие этапы. Мы начнем с краткого определения понятий конверба – глагольной формы, участвующей в сериальных конструкциях и прояснения понятия сериализации – этому будет посвящен раздел 4.1. Далее, в разделе 4.2 мы кратко представим так называемые тюркские сериализации. В разделе 4.3. мы вновь обратимся к конвербам – постараемся установить их синтаксическую природу и определить основные свойства. После этого мы вернемся к обсуждению сериализаций: подробно опишем конкретные сериализаторы, представленные в различных тюркских языках и установим тип передаваемых ими грамматических значений.

Ключевым разделом данной главы будет раздел 4.5. Он посвящен определению правил сочетания грамматических морфем и сериализаторов. Мы опишем интерпретацию таких сочетаний в случаях, когда она грамматична. В ходе обсуждения мы последовательно разберем случаи взаимодействия сериализаторов с показателями отрицания, пассива и каузатива. Раздел 4.6 подведет итоги главы.

Проблемы взаимодействия семантики и морфосинтаксиса в тюркских конструкциях с сериальными глаголами (КСГ) были подробно освещены в русскоязычной литературе по тюркологии и алтаистике. Коллективная монография [Лютикова и др. 2006] посвящена подробному описанию структуры события и его отражению в структуре клаузы, см. также докторскую диссертацию [Татевосов 2010] по той же проблеме, но на более широком языковом материале.

Отдельные освещаемые в Главе 4 грамматические проблемы также получали детальное описание в отечественной лингвистике на материале языков алтайской (макро-)семьи или некоторых других. Так, статья [Лютикова 2014а] является наиболее полной из известных автору диссертации работ по дифференциальному маркированию прямого объекта. В работе [Рудницкая 2014] содержится исследование (поли)предикативности в корейском языке, – проблемы, затрагиваемой ниже при обсуждении синтаксического устройства тюркских конвербов. Монография [Майсак 2005] представляет подробное исследование путей грамматикализации вспомогательных глаголов. Статьи [Шлуинский 2006, 2009] посвящены анализу сериализаций в отдельных тюркских языках. Часть 5.2 (стр. 142-184) коллективной монографии [Алпатов и др. 2008] содержит детальное описание сериальных конструкций в японском языке.

4.1. п-конверб: определение и свойства

Для выражения связи двух простых событий, представленных предложениями или более мелкими синтаксическими единицами, тюркские языки используют нефинитные глагольные

формы, отдаленно напоминающие русские деепричастия. Такие формы в традиционной тюркологии называются конвербами, термин принадлежит Густаву Рамстедту, [Ramstedt 1903]. Две наиболее важные современные работы, где определяются типологические границы понятия «конверб» – [Haspelmath 1995] и [Nedjalkov 1995], см. также [Zúñiga 1998], где типологическая адекватность данного термина ставится под сомнение. Одно из наиболее подробных описаний тюркских конвербов дано в работе [Пазельская, Шлуинский 2007] на материале мишарского диалекта татарского языка. По поводу расширения свойств конвербов на свойства других нефинитных форм и их диахронической эволюции см. [Гращенков 2014б]. Ниже во Введении мы рассмотрим наиболее важные свойства конвербов, установленные в указанной работе, на более широком тюркском материале, дополнив работы предыдущих исследователей некоторыми новыми данными.

В данной работе мы ограничиваемся рассмотрением конструкций с тюркскими конвербами на *-n* и их аналогами. Такой тип конвербов является стандартным средством передачи последовательных событий, т.е. выполняет так называемую нарративную функцию, см. [Nedjalkov 1995: 109]. Продемонстрируем это следующими примерами:

(4.1) мишарский

berkenne	ätäč	awɯl	kɯɣɯjɯna	čɯk-kan	imeš.
однажды	петух	деревня	на.край	выходить-PFCT	AUX

‘Однажды петух якобы вышел на край деревни.’

(4.2) мишарский

anda ber	räšätkä-gä	men-e-p	
там один	решетка-DAT	взобратся-ST-CONV	
arɣ-bire	kar-a-n-ɣ-p		
туда-сюда	смотреть-ST-REFL-ST-CONV		
dɯnia-nɯŋ	irken-leg-e-n-nän	käjäf-e	kil-e-p
мир-GEN	широкий-NOMIN-3-OBL-ABL	настроение-3	идти-ST-CONV
kanat-lar-ɣ-n	kag-ɣ-p	žiber-gän	
крыло-PL-3-ACC	хлопать-ST-CONV	послать-PFCT	

‘Там, взобравшись на решетку, стал осматриваться, пришел в хорошее настроение от того, что мир вокруг прекрасен и захлопал крыльями.’

Здесь в первом предложении задается главный участник событий, которому в следующем предложении приписывается сразу несколько действий: ‘взобрался’, ‘осмотрелся’,

‘пришел в хорошее настроение’, ‘захлопал крыльями’. Каждое из этих действий выступает в форме конверба на *-n*. Функция всех конвербов кроме последнего – оформление событий, связанных с одним действующим лицом. Функция последнего конверба от глагола ‘хлопать’ – оформление сериальной конструкции с глаголом *žiber-*.

Подобное свойство – способность задавать длительные цепочки событий отмечено уже для древнетюркского языка в [Erdal 2004]. Как утверждает М. Эрдал, тюркские языки отличаются от санскрита и монгольского (также использующих подобную стратегию) тем, что в тюркских цепочки перечисляемых событий соответствуют одному подлежащему. Если отбросить это ограничение, п-конвербы могут рассматриваться как сочинительное средство: «(X)_p expressions are very well capable of reflecting chains of coordinated events», [Erdal 2004: 462].

При внешнем сходстве синтаксической функции тюркского конверба и русского деепричастия между ними есть существенные различия: употребление русских деепричастий так, как используются конвербы в примере (4.2), невозможно. Русские деепричастия могут задавать дополнительное по отношению к действию, выраженному главным глаголом, событие, но не могут вводить целые цепочки действий:

(4.3) русский

Взобравшись на решетку, стал осматриваться.

(4.4) русский

**Взобравшись на решетку, осматриваясь, придя в хорошее настроение от того, что мир вокруг прекрасен, захлопал крыльями.*

Причиной подобного контраста между русским деепричастием и тюркскими конвербами является то, что тюркские конвербы могут задавать сочинительную связь между предикациями, в то время как русские деепричастия – только подчинительную. Русские деепричастия всегда являются обстоятельствами (адъюнктами) при матричной предикации – они передают действие, сопутствующее (предшествовавшее) основному. Такое употребление возможно и в тюркских языках:

(4.5) мишарский

a-lar	üz-lär-e-neŋ	at-lar-ɣ	belän
он-PL	сам-PL-3-GEN	лошадь-PL-3	с
[padša-ga	xɣzmet	it-e-p]	jɣr-gän-när.
царь-DAT	служба	делать-ST-CONV	ходить-PFCT-PL

‘Они, служа царю, разъезжали на своих лошадях.’

В (4.5) внутри главного предложения (*разъезжали на своих лошадях*) находится зависимая предикация, задающая способ действия (*служба царю*).

Итак, как сказано про исследуемое деепричастие в грамматическом описании мишарского диалекта татарского языка: «Оно, как и в литературном языке, раскрывает обстоятельства совершения основного действия, а также указывает на последовательность совершения ряда действий», [Махмутова 1978: 182]. Первый тип употребления соответствует обстоятельственной (адъюнктивной) роли, пример (4.5), второе – использованию в качестве маркера сочинения (предикаций), пример (4.2).

В большинстве рассматриваемых нами языков исследуемые конвербы оканчиваются на согласный *-n* и, если глагольная основа – на согласный, то между ней и показателем конверба вставляется гласный звук, в мишарских примерах выше это *ɣ* / *e*: *kag-ɣ-p*, *men-e-p*. В некоторых языках, как например в чувашском и якутском функциональными аналогами п-конвербов являются глагольные формы с другим маркированием. В чувашском это формы на *-sa*, в якутском – на *-(A)n*. В карачаево-балкарском данные конвербы на письме обозначаются как *-b*. Все эти формы мы будем называть конвербами на *-n* в силу того, что они выполняют одни и те же функции в различных тюркских языках.

Одним из ведущих типологов, исследовавших морфосинтаксис и функции конвербов, был В.П. Недялков. Выделяемые в [Nedjalkov 1995] свойства, типологически характерные для конвербов как особого подкласса глагольной категории, таковы: 1) конвербы являются обстоятельством (=адъюнктом) при главном глаголе; 2) конвербы не являются формой, используемой в простой предикации; 3) конвербы не выражают зависимость от именной вершины; 4) конвербы не кодируют сентенциальных актантов в форме предикации; 5) конвербы не вводят сентенциальные актанты с именными свойствами, см. [Nedjalkov 1995]. Свойство 2) отличает конвербы от финитного глагола, свойство 3) – от причастия, свойство 4) – от инфинитива, а 5) – от номинализации.

Недялков распространяет понятие «конверб» и на русские деепричастия, для которых также характерны перечисленные свойства. Ниже приведены примеры на свойства 2)-5), где

неграмматичность тюркских п-конвербов коррелирует с неприемлемостью русских деепричастий:

(4.6) казахский

a.	*Нұрлан	ет	кес-і-п.	b.	Нұрлан	ет	кес-ті.
	Нурлан	мясо	резать-ST-CONV		Нурлан	мясо	резать-PST
	*‘Нурлан резав мясо.’				‘Нурлан порезал мясо.’		

(4.7) казахский

a.	*кес-і-п	ет	b.	кес-кен	ет
	резать-ST-CONV	мясо		резать-PFCT	мясо
	*‘резав мясо’			‘порезанное мясо’	

(4.8) татарский

[Закиев (ред.), 2: 232]

a.	*Бел-и-п	тел-и.	b.	Бел-ергә	тел-и.
	знать-ST-CONV	хотеть-ST		знать-INF	хотеть-ST
	*‘Он хочет зная.’			‘Он хочет знать.’	

(4.9) мишарский

a.	*bu	bas-u-p	ide.	b.	bu	bas-u-ǰbǰz	ide.
	это	грабить-ST-CONV	СОР		это	грабить-NMN-1SG	СОР
	*‘Это ограбив было.’				‘Это было наше ограбление.’		

Пример (4.6.a) демонстрирует, что конвербы не могут употребляться в функции вершины независимого предложения. Пример (4.7.a) показывает, что конвербы не могут быть именным определением. В (4.8.a) конверб неграмматичен в роли сентенциального актанта, что является функцией инфинитива. В (4.9.a) показано, что конверб, в отличие от номинализации, неприемлем как сентенциальный актант в позиции именной части бытийной предикации.

Как мы видим, выделенные выше свойства конвербов характерны и для русских деепричастий. Еще одна общая черта у русских деепричастий и тюркских конвербов – строгая субъектная ориентированность. Невыраженное подлежащее конвербов / деепричастий может соответствовать подлежащему главной предикации, см. (4.2), и не может, например, прямому или косвенному объекту:

(4.10) казахский

a.	Нұрлан	Русланды	бар-ы-п	соқ-ты.
	Нурлан	Руслана	идти-ST-CONV	бить-PST

Значения:

i) *‘Нурлан ударил Руслана, когда тот (т.е. Руслан) шел.’

ii) ‘Нурлан ударил Руслана, когда он (т.е. Нурлан) шел.’

b.	Нұрлан	Русланға	ақшадан	дүкер	бол-ы-п
	Нурлан	Руслану	в.деньгах	нужда	быть-ST-CONV
	2	мың	теңге	бере-ді.	
	2	тысячи	тенге	давать-PST	

Значения:

i) *‘Нурлан дал Руслану 2 тысячи тенге, когда тот (т.е. Руслан) нуждался в деньгах.’

ii) ‘Нурлан дал Руслану 2 тысячи тенге, когда он (т.е. Нурлан) нуждался в деньгах.’

Следующее свойство, однако, отличает тюркские конвербы от русских деепричастий. Конвербы в тюркских языках могут иметь собственное выраженное подлежащее:

(4.11) казахский

Нұрлан	қасқырды	көр-і-п,
Нурлан	волка	видеть-ST-CONV
Руслан	оны	мылтықтан өлтір-ді.
Руслан	его	из.ружья убивать-PST

‘Нурлан увидел волка, а Руслан убил его из ружья.’

Как отмечено для мишарского диалекта татарского языка, см. [Пазельская, Шлуинский 2007: 48]: «деепричастие [=конверб, ПГ] может иметь собственный субъект, если этот субъект соотносится с субъектом главного предложения как часть и целое». Данное условие, которое будет специально обсуждено ниже, не универсально для тюркских языков, в целом допускающих разносубъектность.

Подобное оформление зависимых предикаций в русском языке невозможно:

(4.12) русский

*Нурлан увидев волка, Руслан убил его из ружья.

Возможность вставления подлежащего конверба делает актуальным вопрос о природе синтаксического нуля, соответствующего подлежащему в предикациях без фонологически выраженного субъекта.

Нулевые подлежащие бывают двух типов: контролирующиеся из матричной предикации – так называемые большие PRO и свободные нулевые местоимения – малые pro, см. [Тестелец 2001: 287-310]. Стандартным примером на большое PRO может служить инфинитив:

(4.13) русский

- a. *Петя_i встал чтобы PRO_i налить себе_i чаю.*
- b. *Петя попросил Машу_i PRO_i налить себе_i чаю.*

В русском примере (4.13) наличие нулевого элемента подтверждается фактом связывания рефлексивного местоимения *себя*: если бы в зависимой предикации не было выраженного подлежащего, то было бы невозможно установить участника, с которым соотносится данное местоимение. Заметим, что PRO может соответствовать как субъекту, (4.13.a), так и объекту, (4.13.b), матричной предикации – это, как правило, определяется типом матричного предиката.

В то же время употребление pro не связано с обязательным наличием антецедента в том же предложении. В известном латинском изречении, приведенном ниже, никакого обязательного упоминания контролера не требуется. Субъектом каждой предикации может быть как конкретный участник (*Цезарь пришел, Цезарь увидел, Цезарь победил*), так и произвольный участник (*Кто-то пришел, кто-то увидел, кто-то победил*).

(4.14) латынь

pro veni, pro vidi, pro vici.

Тот факт, что у тюркских конвербов могут быть фонологически выраженные подлежащие, приравнивает эти подлежащие к подлежащим в латыни и других языков, допускающих так называемый pro-drop – опущение местоименного субъекта в немаркированном употреблении. В (4.14) субъект также может быть как выраженным, так и невыраженным и не должен контролироваться субъектом матричной предикации. Таким образом, субъект тюркских конвербов в ряде случаев – pro малое, как, например, в следующем предложении, где pro являются субъектами финитной клаузы, клаузы с конвербом на *-n* и конвербом на *-ган-да*:

(4.15) мишарский

<i>pro</i>	irtän-ge	kʏš-lar	sair-a-w-ʏ-n		tʏŋŋ-a-p	
	утром-ATR	птица-PL	петь-ST-NMN-3-OBL.ACC		слушать-ST-CONV	
<i>pro</i>	rečän	čar-kan-da	<i>pro</i>	ber	tawʏš	išet-ä.
	сено	косить-PFCT-SIM		один	звук	слышать-ST.IPFV

‘(Она) косила сено, слушая пение утренних птиц, когда услышала какой-то звук...’

В случае вложенных конвербиальных составляющих типа (5), т.е., предположительно – в случае адъюнкции, субъектом конверба, скорее всего, является большое PRO. Это следует из того факта, что разносубъектное употребление при вложении клаузы с конвербом часто оценивается как неграмматичное, см. [Ермолаева 2012]:

(4.16) мишарский

%*bʏtak-lar-ʏ	tamʏr-lar-ʏ	ser-e-p	kip-te.
ветвь-PL-3	корень-PL-3	гнить-ST-CONV	сохнуть-PST

‘Когда корни сгнили, ветки засохли.’

В (4.16), несмотря на соблюдение условия семантического отношения часть-целое, предложение расценено как неграмматичное. Предположительно, причиной здесь является различие в синтаксической связи соположенных и вложенных предложений. В случае соположения наличие собственного субъекта у зависимой предикации допустимо, в то время как при вложении субъект клаузы с конвербом может лишь совпадать с субъектом главной предикации:

(4.17) мишарский

bʏtak-lar-ʏ	PRO	ser-e-p	kip-te.
ветвь-PL-3		гнить-ST-CONV	сохнуть-PST

‘Ветки сгнили и засохли.’

Есть еще один нетривиальный класс конструкций с выраженным субъектом конверба. Так, в следующих предложениях подлежащее конверба эквивалентно посессору при подлежащем финитной предикации:

(4.18) мишарский

[Ермолаева 2012]

agaş-nıñ şer-e-p bıtak-lar-ı sın-dı.
 дерево-GEN гнить-ST-CONV ветвь-PL-3 ломаться-PST
 ‘Дерево сгнило, и (его) ветки сломались.’

(4.19) казахский

[интернет]

Жоңғар-дың жалан-ы-п тұрыс-ы анау!
 Джунгар-GEN облизываться-ST-CONV стойка-3 вон.ТОТ
 ‘Вон стоят джунгары, хорохорятся перед боем.’ (Досл.: ‘Вот стойка скалясь джунгаров.’)

Пример (4.18) и другие похожие примеры были собраны в ходе экспедиции МГУ по изучению мишарского диалекта, см. [Ермолаева 2012]. Подобные предложения встречаются также и в других тюркских языках, см. казахский пример (4.19). Насколько нам известно, конструкции с генитивным субъектом конверба прежде не были представлены в синтаксических работах и/ли дескриптивных грамматиках.

Генитивный субъект получил широкую известность в связи с дискуссией о структуре тюркских номинализаций и причастных оборотов, см., например, [Asarina, Hartman 2011; Miyagawa 2011; Kornfilt, Whitman 2012]. Парадокс генитивного субъекта состоит в том, что он одновременно является и посессором, и подлежащим вставленной предикации, ср., например, анализ причастных клауз, предложенный в [Asarina, Hartman 2011]:

(4.20) уйгурский

[Asarina, Hartman 2011]

[Ötkür-niñ oqu-ıan] kitav-i uzun.
 [Откюр-GEN read-PFCT] book-3 long
 ‘Книга, которую Откюр прочитал, длинная.’

В структуре (4.20) генитивный участник рассматривается Асариной и Хартманом как субъект причастной клаузы. С другой стороны, известной особенностью тюркских языков является то, что генитив в них – сугубо отыменной природы. В отличие от русского языка, где родительный падеж может присваиваться глаголом, в тюркских языках генитив возможен только в синтаксических проекциях, возглавляемых именной вершиной. О наличии посессивной связи между субъектом конверба и подлежащим финитной клаузы говорит также и показатель принадлежности на последнем.

Не вдаваясь в детали обсуждения структуры клаузы с конвербом и генитивным субъектом, предложим несколько возможных вариантов анализа предложений (4.18-19):

(4.21)

a.		[CP [Su]-GEN V-CONV]	[CP [DP t [Su]-3]	V-FINITE]	
b.	[CP [Su]-GEN	[CP t	V-CONV]	[DP t [Su]-3]	V-FINITE]
c.	[CP [DP [Su]-GEN	[CP t	V-CONV]	[Su]-3]	V-FINITE]

В (4.21.a) посессор является подлежащим внутренней клаузы, как предлагается в (4.20). В (4.21.b) посессор передвинулся в позицию внешней клаузы, за пределы структуры, возглавляемой конвербом. В (4.21.a,b) посессор передвигается из именной группы-субъекта главной предикации. В (4.21.c) посессор является частью этой именной группы, куда входит также клауза с конвербом, располагающаяся между ним и его вершиной. Возможны также и другие варианты структуры клауз с конвербом и генитивным субъектом.

Независимость субъекта конверба от субъекта главной предикации называют разносубъектностью, см. [Haspelmath 1995]. Мы видели два основных примера разносубъектных употреблений тюркских конвербов: номинативный и генитивный. Возможно, номинативная разносубъектность, которая является менее распространенной в тюркских языках, диахронически развилась из генитивной конструкции. В частности, в грамматике древнетюркского языка М. Эрдаля говорится о существовании подобных конструкций уже в древнетюркский период, впрочем, не с конвербами на *-n*, а с конвербами на гласный:

(4.22) древнетюркский

[Erdal 2004: 312]

a.	Ø-Poss	äñitä	ät'öz-i-n.
		склонять.CONV	тело-3-ACC
		‘со склоненным телом’	
b.	Ø-Poss	külçirä	yüz-i-n.
		улыбаться.CONV	лицо-3-ACC
		‘с улыбающимся лицом’	
c.	Ø-Poss	titräyü	ün-i-n.
		дрожать.CONV	голос-3-ACC
		‘с дрожащим голосом’	

Как отмечает Эрдаля, такие употребления характерны для неотчуждаемых посессивных отношений, т.е. тех, где есть сильная валентность на посессор. Возможно, существование конструкции с (генитивным) посессором со временем было переанализировано в разносубъектные клаузы с упоминавшимся уже условием на ограничение семантических

отношений между субъектами главной и зависимой клауз ('часть-целое'). Этот сценарий тем более вероятен, что разнособъектного употребления с номинативом в древнетюркском, скорее всего, не существовало, см. [Erdal 2004: 462].

Еще одно важное свойство конвербов – отсутствие самостоятельной временной референции. Как утверждается в [Закиев (ред.), 2: 224]: «... деепричастию [в нашем определении – конвербу, ПГ] не свойственна грамматическая категория времени. По отношению к моменту речи оно, как правило, соответствует глаголу, с которым соотносится.» Недялков [1995: 107] также замечает, что конвербы со специализированной временной функцией обычно выражают последовательные или одновременные события.

Именно таким свойством обладают тюркские конвербы на *-n*: они не могут задавать самостоятельное время события, но способны к выражению временного дейксиса. П-конвербы могут обозначать как предшествующие событию главной клаузы ситуации, так и события, разворачивающиеся одновременно с ним:

(4.23) мишарский	[Пазельская, Шлуинский 2007: 56]
zefār awɣɣ-dan azaplan-ɣ-p	su eŋ-te.
Зуфар болезнь-ABL мучиться-ST-CONV	вода пить-PST

Значения:

- i) 'Зуфар, мучаясь от болезни, пил воду.'
- ii) 'Зуфар, помучившись от болезни, пил воду.'

В работе [Пазельская, Шлуинский 2007] показано, что тип временной интерпретации однозначно выводится из аспектуального (акционального) класса, к которому принадлежит глагол. На основании такого заключения авторы делают вывод о том, что *n*-конвербы – особая форма, отличающаяся от других тюркских конвербов (в частности – дейктической неспецифицированностью) и предельно напоминающая финитные формы: «Остается только выделить эти деепричастия в специальный класс нефинитных форм, близких по своим свойствам к средствам связи финитных предикаций в дискурсе», [Пазельская, Шлуинский 2007: 63]. Таким образом, сочинительные нарративные употребления, аналогичные представленному в (2), являются базовой функцией данных конвербов.

Кроме случаев сочинительного употребления, представленного примером (4.2), и адьюнкции, продемонстрированной в (4.5), в тюркских языках отмечен и третий тип синтаксических отношений между конвербом и главным (финитным) глаголом, а именно – отношение вершина-комплемент. Вопреки приведенному выше примеру (4.8) в ряде языков *n*-

конвербы употребляются с фазовыми предикатами типа ‘начинать’, ‘заканчивать’, которые имеют валентность на предикацию:

(4.24) карачаево-балкарский [Алиев 1973: 143]

Къанитат	эки	джумдуругъ-ун	бир-бир-ине	къаг-ы-б	тебре-ди.
Канитат	два	кулак-АСС	друг.о.друга	бить-ST-CONV	начинать-PST

‘Канитат начала бить кулачками друг о друга.’

(4.25) киргизский [интернет]

Балта-лар	чакылда-п	башта-ды.
топор-PL	чеканить-CONV	начинать-PST

‘Топоры застучали.’

(4.26) киргизский [интернет]

– Эй	Эрбол	чункур	каз-ы-п	бүт-тү-ң-бү?
эй	Эрбол	яма	копать-ST-CONV	заканчивать-PST-2SG-Q

‘Эй, Эрбол, яму выкопал?’

Фазовые глаголы не могут употребляться в отсутствие участника, соответствующего ситуации, начало / продолжение / конец которой они фиксируют. Зависимая предикация может быть представлена различными формами, ср. русское: *начать войну – начать воевать*. В случае тюркских языков *n*-конвербы – один из способов оформления зависимости вложенного предиката от фазового глагола, следовательно, перед нами действительно структура вершина-комплемент.

Еще одно важное свойство, характерное и для русских деепричастий, и для тюркских конвербов – неспособность присоединять лично-числовые показатели:⁷³

(4.27) киргизский

*Биз	кел-е-п-е-биз.
мы	приходить-ST-CONV-ST-1PL

*‘Мы придя-м / приходя-м.’

(4.28) киргизский

Биз	кел-е-биз.
мы	приходить-ST-1PL

‘Мы пришли / приходим.’

⁷³ Здесь имеется одно известное нам исключение – карачаево-балкарский язык, где формы на *-л* могут получать финитные показатели со значением результата, см. [Лютикова и др. 2006: 238-239]. Как указано в [Шлуинский 2004], данные формы семантически напоминают сочетания конвербов с глаголом *tur-* (но не тождественны им). Скорее всего, такие формы явились результатом недавнего стяжения аналитических конструкций с некоторым вспомогательным глаголом, возможно – глаголом *tur-*.

Подведем итоги обсуждения, перечислив выделенные нами свойства тюркских конвербов. Как демонстрируют примеры (4.6-9), конвербы задают зависимость некоторой предикации от другой предикации, не занимая при этом аргументных позиций (единственное исключение – употребление с фазовыми предикатами). Подытожим основные свойства в следующей таблице:

Таблица 4.1. Свойства п-конвербов

Свойство	Варианты реализации	Пример
<i>Тип синтаксической связи</i>	сочинение	(4.2)
	адъюнкция	(4.5)
	комплемент	(4.24-26)
<i>Ориентированность</i>	строго субъектная	(4.10)
<i>Разносубъектность</i>	с номинативом	(4.11)
	с генитивом	(4.18-19)
<i>Тип нулевого подлежащего</i>	pro	(4.15)
	PRO	(4.16-17)
<i>Способность к самостоятельной временной референции</i>	Нет	(4.23)
<i>Способность к лично-числовому согласованию</i>	Нет	(4.27)

4.2. Сериализации

Тюркские конструкции со вспомогательными (или сериальными, дальше эти термины будут употребляться как синонимы) глаголами многократно описаны как в отечественной, так и в западной тюркологической литературе, см. среди прочих: [Тыбыкова 1966; Джанмавов 1967; Текуев 1979; Насилов 1989; Гаджиев 2002; Грунина 2002; Ганиев 2003; Anderson 2004; Тазранова 2005; Лютикова и др. 2006; Шлуинский 2006, 2009; Vacanli 2009; Rentzch 2006; Grashchenkov 2012; Гращенко 2011].

Забегая отчасти вперед, можно сказать, что установленные в результате исследования тюркских сериализаций типы сериальных конструкций хорошо сводятся к предложенной в [Aikhenvald 2006] типологии, где выделяются так называемые симметричные и асимметричные сериализации. Примером конструкций первого типа являются обсужденные нами в Главе 3 СГ

образа действия и результата, примером конструкций второго типа являются обсуждаемые в данной главе КСГ.

Что касается КСГ, они состоят из двух частей: лексического глагола в форме деепричастия (в данной работе мы ограничиваемся деепричастием на *-n*, кроме него возможны также формы на гласный) и самого вспомогательного глагола:

(4.29) мишарский

ä	tege	ügi	kʏz	ätä-se	belän	begen	dä
а	тот	чужой	девочка	отец-3	с	сегодня	и
jäš-ä-p				jat-a			
жить-ST-CONV				лежать-ST.IPFV			

‘А та сирота с отцом и по сей день живы (= живя лежат).’

Синтаксически КСГ отличает то, что в предикации, в состав которых они входят, обе их части образуют единое целое: между ними нельзя вставить никакого материала, и они, как правило, занимают ту же позицию, что и простая глагольная форма, т.е. чаще всего находятся в конце клаузы. В следующем примере расположение наречия между смысловым глаголом *жить* и сериализатором *jat-*, ‘лежать’ делает всю конструкцию неграмматичной:

(4.30) мишарский

*a-lar	jäš-ä-p	begen	jat-a
они	жить-ST-CONV	сегодня	лежать-ST.IPFV

‘Они и по сей день живы.’

Кроме требования контактности сериальные конструкции характеризуются также общим ударением. Сделаем здесь следующее важное, на наш взгляд, наблюдение. Тот факт, что грамматическое значение передается именно конструкциями с контактными соположением и общим ударением, а не просто упоминанием двух глаголов в одной предикации, является серьезным аргументом в пользу реальности грамматических структур.

Действительно, один из возможных сценариев грамматикализации предполагает, что ответственность за передачу (новообразованного) грамматического значения целиком и полностью несет сериальный глагол. В соответствии с таким подходом, вспомогательный глагол, имея некоторую подходящую для будущего грамматического значения семантику, теряет лексические свойства и становится показателем вида, времени, модальности и т.д.

Подобный сценарий предполагает, что превратившись во вспомогательный глагол, новый грамматический показатель может располагаться в некоторой произвольной позиции, определяющейся правилами образования простой предикации. Тот факт, что сериализатор обязательно располагается контактно и имеет общее с лексическим глаголом ударение, свидетельствует о том, что переход происходит не просто от лексического значения к грамматическому, а из исходной структуры – в определенную конструкцию, так или иначе представленную в языке уже к моменту неграмматического употребления будущего грамматического показателя.

Другое свойство КСГ – способность грамматических показателей, оформляющих сериальный глагол, модифицировать значение лексического:

- (4.31) азербайджанский [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 103]
китаб	јандырылырса,	шаирин	эсэрлэри	мэһв
книга	если.сожжена	поэта	труды	
олу-б	кет-м-ир			
умирать-CONV	уходить-NEG-FUT			
- ‘Даже если книга сжигается, то труды поэта не погибают.’

Здесь отрицание на сериальном глаголе *уходить* относится к лексическому глаголу *умирать*, такие случаи будут подробно разобраны ниже, см. также [Алиев 1973: 142-152].

В разделе 4.4 описана семантика 23-х сериальных глаголов, которые регулярно встречаются в различных тюркских языках. Почти все вспомогательные глаголы (кроме, пожалуй *jibär*) продуктивны в своем основном лексическом значении – например, приведенный выше глагол *јат-* кроме обозначения длительности употребляется и как глагол ‘лежать.’

Не вошли в рассмотрение два распространенных типа глаголов. Во-первых, это фазовые глаголы ‘начинать’ и ‘заканчивать.’ Их семантика достаточно тривиальна, к тому же, они, в отличие от остальных глаголов с грамматическими функциями, лишены собственно лексического употребления (т. е. не могут передавать значений типа ‘брать’, ‘стоять’ и т. д.), а употребляются только вместе с другими глаголами, аспектуальные, модальные и прочие характеристики которых они модифицируют.

Другой тип сериализаторов, не получивших подробного описания, – так называемые аппликативные глаголы, вводящие участника, в интересах которого производится действие. В тюркских языках распространены два сериализатора с аппликативной функцией: *давать, бер* – ‘сделать что-либо для кого-то’ и *брать, ал* – ‘сделать что-либо для себя.’ Синтаксис таких конструкций мы оставим для будущих исследований.

За рамками описания остается также небольшое количество глаголов типа татарского *бас-* 'давить', выступающих в тюркских языках в качестве вспомогательных глаголов недостаточно регулярно.

Рассмотренные нами примеры КСГ образованы при помощи п-конвербов. Мы будем называть такие конструкции сериальными, хотя формально они могут показаться отличающимися от «классических примеров» сериальных конструкций, где маркирование связи двух глаголов отсутствует, см. [Aikhenvald, Dixon 2006]. Причины распространения термина «сериальный» на исследуемые глаголы следующие. Во-первых, тюркские вспомогательные глаголы выступают в тех же грамматических функциях, что и «настоящие» сериализаторы, см. [Aikhenvald, Dixon 2006]. Во-вторых, как мы уже говорили, показатель конверба *-n* может рассматриваться как сочинительное средство, что ставит тюркские сериализации в один ряд с сериализациями других языков, где можно усмотреть бессоюзное сочинение. Наконец, в других алтайских языках, см., например [Алпатов и др. 2008: 142-184] имеются те же вспомогательные глаголы, использующиеся в похожих функциях и также присоединяющиеся к маркированным (показателем конверба) основам лексических глаголов.

Что касается терминологии, термин «сериальный глагол» больше распространен в англоязычной литературе, в то время как термин «вспомогательный глагол» употребляется в лингвистической литературе на русском языке. Мы будем использовать оба термина и считать их в нашем случае синонимичными.

Термин «вспомогательный» использует в своей «Грамматике древнетюркского языка» Эрдаль: «Вспомогательные глаголы ... следуют за лексическими, образуя с ними последовательности. Лексический глагол обычно стоит в форме конверба на гласный или *n*-конверба (часто взаимозаменяемо)»,⁷⁴ [Erdal 2004: 247].

Как мы видим, система вспомогательных глаголов существовала уже в древнетюркский период (7-12 вв.). Примечательно, что передаваемые ими грамматические значения в общих чертах были теми же, что и сегодня. В [Erdal 2004: 247] выделяются такие грамматические значения как возможность, аспект, вежливость и аппликативность. Если сериальные глаголы уже существовали в момент создания первых известных тюркских памятников, можно задаться вопросом о том, что мы понимаем под процессом грамматикализации вспомогательных глаголов в тюркских языках. Мы ответим на такой вопрос чуть ниже, обсудив прежде сам процесс грамматикализации.

В работе известного шведского тюрколога Л. Ёхансона [Johanson 1995] происхождение вспомогательных глаголов описывается как переход от конструкций с гипотаксисом.

⁷⁴ «Auxiliaries ... follow lexical verbs, forming sequences with them. The lexical verb is mostly in the form of a vowel converb, but the *-(X)p* form (often interchangeably with the vowel converb).»

Предложением с гипотаксисом называют сложные предложения, в которых обе части похожи по структуре, но одна из них явно подчинена другой.

В [Johanson 1995] выделяются четыре уровня грамматикализации. Первый этап, собственно уровень гипотаксиса, предполагает (почти) равноправные разносубъектные употребления конверба и главного глагола:

(4.32) турецкий [Johanson 1995: 313]

Ali	gel-ince	Osman	şaşır-d-i
Али	пришел-CONV	Осман	удивляться-PST-3

‘Когда Али пришел, Осман удивился.’

Следующий уровень предполагает односубъектное употребление конверба, подобное английскому герундию или русскому деепричастию:

(4.33) турецкий [Johanson 1995: 314]

Ali	gel-ince	şaşır-di
Али	пришел-CONV	удивляться-PST

‘Когда Али пришел, он удивился.’

Третий уровень характеризуется тем, что оба глагола имеют общий набор участников, «single actancy pattern», [Johanson 1995: 315]. Структурно (но, скорее всего, не семантически) конструкции, которые Ёхансон определяет как третий этап грамматикализации, являются в нашей терминологии сложными глаголами – они были подробно описаны в третьей главе первой части диссертации:

(4.34) турецкий [Johanson 1995: 314]

a.	al-i-p	gel-	b.	ol-u-p	bit-
	брат-ST-CONV	приходить		становиться-ST-CONV	заканчиваться
	‘приносить’			‘случаться’	

Последний, четвертый уровень грамматикализации по Ёхансону представлен тогда, когда глагол в финитной форме выражает лишь грамматическое значение, т.е. является КСГ в нашей терминологии. Киргизский глагол ниже, приводимый автором в качестве примера, передает длительность ситуации:

(4.35) киргизский

[Johanson 1995: 315]

Оку-п тур-ды
 читать-CONV стоять-PST

‘Он продолжал читать.’

Подобная схема грамматикализации была уточнена в [Grashchenkov 2012]. В этой работе третий этап Ёхансона не признается шагом к КСГ. Вместо этого предполагается, что КСГ произошли из случаев вложенных односубъектных употреблений. В то же время, ключевым процессом, сопутствующим грамматикализации, предлагается считать утрату (будущими вспомогательными) глаголами способности проецировать свои лексические зависимые.

В [Гращенко 2011] предполагается, что процесс грамматикализации начинается со второго этапа по Ёхансону, т.е. с односубъектных конструкций. Эти конструкции являются отправной точкой грамматикализации, т.к. обладают наименьшим уровнем «синтаксической независимости». Как уже говорилось, случаи вложения представляют собой структуры с большим PRO и, как следствие, обязательным контролем из матричной предикации, см. (4.15-17). Это предполагает большую зависимость аргументной и событийной структуры двух глаголов друг от друга.

Исходные конструкции выглядели следующим образом:

(4.36) казахский

[Grashchenkov 2012]

[Нурлан көлдің маңында [су-ға кара-п] тұр-ды]
 Нурлан озера возле вода-DAT смотреть-CONV стоять-PST

‘Глядя на воду, Нурлан стоял возле озера.’

На последующих этапах происходило переосмысление синтаксических связей внутри предикации, так называемый реанализ. Сначала обстоятельства, исходно определявшие условия протекания второй ситуации, ‘стоять’, начали переосмысляться как зависящие от первого глагола (*смотреть*):

(4.37) казахский

[Grashchenkov 2012]

[Нурлан [көлдің маңында су-ға кара-п] тұр-ды]
 Нурлан озера возле вода-DAT смотреть-CONV стоять-PST

‘Нурлан стоял, глядя на воду возле озера.’

Такой реанализ ветвления более выгоден с точки зрения удобства парсинга слушающим, см. [Hawkins 1994]. Вкратце аргументация в пользу большей экономичности структуры (4.37) по сравнению с (4.36) выглядит следующим образом. В случае, когда послеложная группа *возле озера* относится к глаголу *смотреть*, сразу после восприятия слушающим этого глагола, его оперативная память может быть освобождена от поиска синтаксической связи. Если же слушающий должен проанализировать *возле озера* как зависимое при глаголе *стоять*, он должен хранить эту составляющую как не получившую собственного синтаксического хозяина и после восприятия глагола *смотреть*. Первый вариант анализа оказывается экономичнее, что приводит к регулярному реанализу (4.36) в (4.37).

Утрачивая способность к определению различными обстоятельствами, глаголы в финитной форме теряли лексическое значение и вслед за этим утратили единственную оставшуюся валентность – на подлежащее:

(4.38) казахский [Grashchenkov 2012]
 [Нұрлан көлдің маңында су-ға кара-п тұр-ды]
 Нурлан озера возле вода-DAT смотреть-CONV стоять-PST
 ‘Нурлан долго смотрел на воду возле озера.’

В последнем примере глагол *стоять* уже не проецирует собственных зависимых, не имеет лексического значения и передает лишь значение длительности ситуации.

Подобный сценарий грамматикализации предсказывает, что наилучшими кандидатами в сериализаторы будут такие глаголы, которые регулярно являются (второй) частью сложного предложения. Мы действительно находим среди вспомогательных глаголов два таких класса. Один из них связан с глаголами позиции (*стоять, лежать, сидеть*) и глаголами состояния (*быть, оставаться*), которые регулярно задают фоновые действия в сложных предложениях. Другой такой класс – глаголы восприятия (*видеть*) и ментальные предикаты (*знать*), которые регулярно присоединяют сентенциальные актаны. Оба этих класса глаголов представлены среди тюркских сериализаторов.

Вернемся теперь к ответу на вопрос о том, почему мы можем говорить о грамматикализации как о процессе, если уже в древнетюркский период наблюдали грамматикализованные сериальные глаголы. Основным аргументом здесь будет дальнейшее развитие вспомогательных глаголов от фонологически полноценной словоформы к морфеме, наблюдаемое в различных тюркских языках.

Как было указано выше в цитате из [Erdal 2004], в ряде случаев древнетюркские сериальные конструкции образовывались как с п-конвербами, так и с конвербами на гласный

(фонологически – та же форма, но без *-n*). Грамматикализация сериальных глаголов в аспектуальные и модальные суффиксы происходила из обоих типов конвербов. Кроме этого, в ряде случаев в процессе образования морфемы, присоединяющейся к п-конвербу, показатель *-n* мог выпадать. Все это говорит о том, что далеко не всегда новообразованные формы содержат *-n*, хотя в ряде случаев он сохранен. Те примеры, где согласный *-n* не представлен, тем не менее, также можно рассматривать как законные случаи грамматикализации конструкции с (п-)конвербом в морфему.

Рассмотрим вначале глаголы позиции и ненаправленного движения, которые обычно грамматикализуются в показатели прогрессива, настоящего времени и т.д. В тувинском языке бывший глагол ‘стоять’ стал морфемой со значением прошедшего исторического, а в ногойском – хабиугалиса:

(4.39) тувинский [Исхаков, Пальмбах 1961: 373]
 де-п.тир *-tur* (PRES.HIST) ← *tur-* (‘стоять’)
 говорить-PRES.HIST
 ‘когда-то говорил’, ‘говаривал’

(4.40) ногойский [СИГТЯ 1986: 86]
 бар-а-т-а-ган-мен *-т* (HAB) ← *tur-* (‘стоять’)
 идти-ST-HAB-ST-PFCT-1SG
 ‘я хожу постоянно’

Глагол ‘лежать’ превратился в суффикс со значением настоящего времени в хакасском и находится в процессе грамматикализации в показатель прогрессива в киргизском:

(4.41) хакасский [Anderson 2004: 12]
külimzire-pče-zin *-ça* (PRES) ← *ça(t)-* (‘лежать’)
 smile-PRES-2SG
 ‘улыбаешься’

(4.42) киргизский [интернет]
 бар-а-жат-а-мын *-жат* (PROG) ← *жат-* (‘лежать’)
 идти-ST-PROG-IPFV-1SG
 ‘(сейчас) иду’

Глагол ‘идти’ грамматикализовался в показатели прогрессива в уйгурском и турецком:

(4.43) уйгурский [Bridges 2008]
 yä-(p)-wer-ing -wer (PROG) ← bar- (‘идти’)
 есть-(CONV)-PROG-IMP.2SG
 ‘продолжай есть’

(4.44) турецкий [Anderson 2004: 12]
 gel-ijor-um -jor (PROG) ← jor- (‘идти’)
 приходит-PROG-1SG
 ‘(сейчас) прихожу’

Переходя к другим семантическим классам глаголов, приведем пример глагола ‘братъ’, грамматикализующегося в показатель возможности:

(4.45) карачаево-балкарский
 бар-ал-а -ал (POS) ← ал- (‘братъ’)
 идти-POS-IPFV
 ‘он может идти’

(4.46) мишарский [Махмутова 1978: 139]
 бар-ал-м-ый-м -ал (POS) ← ал- (‘братъ’)
 идти-POS-NEG-ST-1SG
 ‘не могу пойти’

Наконец, глагол ‘посылать’ регулярно образует в сибирских тюркских языках перфективный показатель:

(4.47) хакасский [Баскаков (ред.) 1947: 427]
 пары-б-ыс -ыс (PFCT) ← ыс- (‘посылать’)
 идти-CONV-PFV
 ‘уехать’

Обратим внимание на то, что в одних случаях, как, например, в турецком *gel-iyor-um*, новообразованный суффикс еще не приобрел способности к гармонии, а в других, например, в случае уйгурского *yä-(p)-wer-ing* уже гармонирует.

Таким образом, можно сказать, что начиная уже с древнетюркского периода мы наблюдаем следующий процесс грамматикализации:

(4.48)

лексический глагол → вспомогательный глагол → грамматический показатель

4.3. Синтаксический статус проекций, возглавляемых п-конвербами

4.3.1. Проблема сочинения и подчинения

С точки зрения логической структуры все высказывания на естественном языке разделяются на термы и предикаты. Синтаксис как раздел лингвистики, исследующий правила сочетания словоформ в простой предикации и предикаций между собой, выделяет именные группы как естественно-языковой аналог термов и глагольные группы / предикации как аналог предикатов в логике. Именным группам с одной стороны и глагольным группам / простым предикациям с другой присущи черты, отличающие их дистрибутивные свойства друг от друга. В частности, сочинительные и подчинительные средства в языках мира часто оказываются дополнительно распределены по двум данным типам конструкций (ср., однако, русское *и*, английское *and* и сочинительные союзы других европейских языков). В настоящей работе мы будем говорить прежде всего об особенностях синтаксической связи между глагольными группами и простыми предикациями.

Проблема разделения синтаксических отношений на сочинительные и подчинительные обсуждалась в современной лингвистической литературе многократно. Описывая подчинение предикаций в тюркских языках, Кристиан Леман, см. [Lehmann 1988], противопоставляет паратаксис, т.е. сложные предикации без специального маркирования, близкие к сочинению, и вложение – наиболее явный случай подчинения, когда зависимая предикация, даже в отсутствие поверхностного маркирования, подчинена главной семантически. В [Lehmann 1988] также рассматривается грамматикализация матричных предикатов и другие явления, снижающие степень симметричности конструкции. Несколько ниже мы подробно обсудим пример паратаксиса в тюркских языках, который мы будем считать случаем сочинения, в противопоставление вложению, которое, напротив, мы определим как подчинение.

Мартин Хаспельмат в [Haspelmath 2007] детально обсуждает типологию поверхностных средств кодирования сочинения. Приводимый им турецкий пример призван, в частности, продемонстрировать различие в формальных средствах сочинения именных и глагольных проекций:

(4.49) турецкий [Haspelmath 2007]

- a. Hasan-la Amine
Хасан-и Амин
'Хасан и Амин'
- b. Çocuk bir kasık çorba al-ı-p iç-er.
ребенок один ложка суп брать-ST-CONV есть
'Ребенок взял ложку супа и ест.'

Как предполагает Хаспельмат, несмотря на то, что сочинение кажется универсальным типологическим свойством языка, далеко не во всех языках можно с уверенностью говорить о наличии сочинительных средств для связи предикаций. В частности, турецкий пример (4.49.b) выше может быть интерпретирован как конструкция с подчинением.

Говоря о подчинении предикаций, Хаспельмат, в частности, выделяет такие его свойства: i) способность к вложению; ii) возможность вопросительного выноса из зависимой предикации; iii) возможность фокусирования зависимой предикации; iv) обратная анафора из главной предикации в зависимую. Первые два свойства будут использованы нами в дальнейшем.

В классической работе Александра Евгеньевича Кибрика, [Кибрик 1992а], среди прочих критериев установления синтаксической связи между двумя единицами упоминается также морфологический, при котором «главный член предопределяет форму зависимого члена», [Кибрик 1992а: 106]. А.Е. Кибриком приводится целый список случаев, которые не подпадают под действие этого критерия. Все эти исключения, однако, для нас не актуальны: большинство из них связано с отношениями внутри простой предикации, а те, что действуют между предикациями, нерелевантны для тюркских языков. Таким образом, мы возьмем на вооружение также предложенный А.Е. Кибриком морфологический критерий.

Говоря о типе подчинительной связи, которая имеет место между матричным глаголом и зависящим от него деепричастием, мы будем иметь в виду прежде всего адьюнктивную связь. Адьюнкцией называется синтаксическая зависимость, не связанная с заполнением определенной валентности матричного слова. Адьюнкция наблюдается в отношениях между глаголом и наречием, а также между глаголом и обстоятельствами, имеющими статус

зависимой предикации (сентенциальными сирконстантами). Случай употребления русских деепричастий – типичный случай адьюнкции одной предикации к другой. Несколько сложнее, однако, обстоит дело с тюркскими конвербами, см. [Пазельская 2007].

4.3.2. Возможность подчинительной и сочинительной трактовки конвербов

Тюркские конвербы на *-n* являются наиболее стандартным средством маркирования сложных предикаций, соответствующим в русском языке как подчинительной (4.50.a) (ср. пример (4.5) выше), так и сочинительной (4.50.b) (ср. пример (4.2) выше), связи:

(4.50) мишарский

Ätälär-e kil-e-p kız-nı a-p kitä-lär.
 родители-3 прийти-ST-CONV девушка-ACC брат-CONV уйти-3.Pl

Значения:

- i) ‘Родители, придя, забрали девушку.’ (‘Когда родители пришли, забрали девушку.’)
- ii) ‘Родители пришли и забрали девушку.’

Традиционно принято считать, что за сочинением стоят симметричные (соположенные) структуры, а за подчинением – структуры с вложением, см. [Lehmann 1988; Haspelmath 2007; Fabricius-Hansen, Ramm 2007]. Это можно продемонстрировать на следующих тюркских примерах:

(4.51) мишарский

a. No min anda [jɣl-a-u-dan kala] bernärsä dä
 но я там плакать-ST-NMN-ABL кроме ничто и
 bel-m-ä-de-m.

знать-NEG-ST-PST-1SG

‘Но я там кроме плача ничего же не знала.’

b. [kʏʃ ta], [jaz da], [kez dā], [žäj dā]

зима и весна и осень и лето и

‘зимой, весной, осенью и летом’

В (4.51.a) приведен пример конструкции с номинализацией, задающей сентенциальный акт при глаголе *знать*. Номинализации, хотя и представляют собой не адьюнктивную структуру, являются бесспорным примером подчинения. Как мы видим, структура с номинализацией оказывается глубоко вложенной в структуру матричного предиката. В (4.51.b)

представлено сочинение именных групп, образованное многократным расположением одного конъюнкта после другого.

Таким образом, для подчинения характерно вложение, а для сочинения – соположение. Можно предположить, что за различными русскими переводами примера (4.50) стоят разные исходные структуры: структура с вложением для подчинительного прочтения (4.50.a) и структура с соположением и нулевым подлежащим второй предикации для сочинительной трактовки (4.50.b):

(4.50') мишарский

a. Ätälär-e [PRO kil-e-p] kız-nı a-p kitä-lär.
 родители-3 прийти-ST-CONV девушка-ACC брать-CONV уйти-3.P1

‘Родители, придя, забрали девушку.’ (‘Когда родители пришли, забрали девушку.’)

b. [Ätälär-e kil-e-p] [pro kız-nı a-p kitä-lär.]
 родители-3 прийти-ST-CONV девушка-ACC брать-CONV уйти-3.P1

‘Родители пришли и забрали девушку.’

Главная задача, которую мы будем решать в данной части работы, – показать валидность обеих структур, подчинительной (адъюнктивной) (4.50.'a) и сочинительной (4.50.'b). Для этого мы выработаем определенные синтаксические тесты, позволяющие понять, какая именно перед нами структура, а затем применим их к материалу тюркских языков.

4.3.3. Подчинение, сочинение и прагматическое ограничение на связь ситуаций

Как мы уже говорили, конвербы могут иметь подлежащее, совпадающее с подлежащим главной предикации или отличающееся от него, см. [Haspelmath 1995]. Тюркские конвербы, в отличие от русских деепричастий, регулярно допускают собственное подлежащее, приведем еще несколько примеров:

(4.52) татарский

[СИГТЯ 1986: 152]

[Карлар өр-е-п], [агачлар бөрелән-де].
 снега таять-ST-CONV, деревья набухать-PST

‘Когда снег растаял, на деревьях набухли почки.’

(4.53) алтайский [СИГТЯ 1986: 152]
 [Дибe кeл-и-п] [кар кайыл-ды].
 весна приходит-ST-CONV снег таять-PST
 ‘Когда пришла весна, снег растаял.’

(4.54) азербайджанский [СИГТЯ 1986: 152]
 [Айы мешэдэн кус-у-б], [мешэ-нин хэбэр-и йох].
 медведь на.лес обижаться-ST-CONV, лес-GEN весть-3 нет
 ‘Когда медведь на лес обижается, лес не знает.’

Как мы видим, разносубъектные примеры (4.52-54) идентичны сочинительному примеру (4.51.b). Во-первых, в них также наблюдается соположение. Во-вторых, простые предикации в (4.52-54) симметричны: в каждой из них есть собственное подлежащее, что указывает на одинаковый уровень синтаксической проекции.

Гипотетически, однако, за примерами (4.52-54) может стоять и подчинение двух предикаций, ср. предложенные в [СИГТЯ 1986] русские переводы под примерами.

В ряде случаев носители отмечают, что предложения типа (4.52-54) допустимы лишь при соблюдении некоторого семантического ограничения, которое формулируется либо как условие онтологической связи субъектов (например, ‘часть-целое’), либо как условие на каузальные отношения между предикатами.

Так, согласно [Пазельская, Шлуинский 2007], в мишарском разносубъектные конструкции с конвербом на *-n* в общем случае неграмматичны:

(4.55) мишарский
 *[min kil-e-p] [zefär kit-te]
 я приходит-ST-CONV Зуфар уходит-PST
 Ожид.: ‘Когда я пришел, Зуфар ушел.’

Разносубъектность допускается в следующих случаях. Субъект клаузы с конвербом и субъект финитной клаузы могут соотноситься как часть и целое, целое и часть, часть группы и группа и др. (для мишарского диалекта это условие было описано в [Пазельская, Шлуинский 2007]):

(4.56) мишарский [Пазельская, Шлуинский 2007]

[?][sʏrv sʏjʏr-lar kʏčkʏr-ɣ-p] [ketü jʏlga buj-ɣ-n-a kil-de]
 серый корова-PL кричать-ST-CONV стадо река к приходит-PST
 ‘Когда серые коровы замычали, стадо подошло к реке.’

В примере (4.56) между субъектом клаузы с конвербом *серые коровы* и субъектом финитной клаузы *стадо* присутствует отношение «часть группы-группа», из-за чего предложение признается приемлемым некоторыми носителями языка.

Подобная связь подлежащих иногда переформулируется в причинно-следственную связь между предикациями:

(4.57) мишарский

[büre kil-e-p] [alsu šürlä-de]
 волк приходит-ST-CONV Алсу пугаться-PST
 ‘Пришел волк, и (поэтому) Алсу испугалась.’

Что стоит за подобными условиями и помогают ли они пролить свет на тип структуры в (4.52-54)? А именно – можно ли на основании ограничения на прагматическую связь ситуаций (‘часть-целое’, причинно-следственная связь) с уверенностью заключить, что перед нами сочинительная или подчинительная структура?

Как представляется, подобное ограничение есть и в русском языке (ср. пословицу *В огороде бузина, а в Киеве дядька*) и релевантно оно как для сочинительной, так и для подчинительной (адьюнктивной) структуры. Рассмотрим следующие русские примеры:

(4.58) русский

- a. #“*Shocking blue*” пели “*Venus*”, когда Нил Армстронг ходил по Луне.
- b. #“*Shocking blue*” спели “*Venus*”, и Нил Армстронг слетал на Луну.

В русском примере (4.58.a) представлен случай подчинения, а в (4.58.b) – сочинения. Русский язык использует различное кодирование для адьюнкции и сочинения. Тем не менее, в отсутствие информации о том, как соотносятся события, передаваемые простыми предикациями в (4.58), оба они представляются одинаково странными. При введении в контекст информации, связывающей отдельные события, стоящие за простыми предикациями, некорректность примеров (4.58) исчезает, ср.:

(4.59) русский

- a. *Доподлинно известно, что в 1969-м году “Shocking blue” пели “Venus”, когда Нил Армстронг ходил по Луне.*
- b. *1969-й год: “Shocking blue” спели “Venus” и Нил Армстронг слетал на Луну.*

Итак, мы убедились в том, что условие прагматической связанности не позволяет разграничить подчинение и сочинение: в русском языке данное условие релевантно как для адъюнкции, так и для сочинения.

4.3.4. Вложение и соположение, односубъектность и разносубъектность, PRO

Как мы предположили, за разносубъектным соположением обычно стоит сочинение. В противоположность этому односубъектное употребление характерно (но не обязательно!) для адъюнкции. В (4.60) приведен еще один пример предположительно адъюнктивного употребления – зависимая клауза с вершиной-конвербом вложена в финитное предложение:

(4.60) мишарский

[min balačag-γm-nx [sagγn-γ-p] is-kä ala-m]

Я детство-1SG-ACC тосковать-ST-CONV память-DAT братъ-1SG

‘Я вспоминаю детство и скучаю по нему...’

Сложные предложения типа (4.60) (ср. также (4.5)), где субъект обоих клауз совпадает и структура с конвербом вложена в матричную предикацию, мы будем считать характерным примером адъюнкции зависимой предикации к главной.

Скажем несколько слов о типе нулевого подлежащего вложенных предикаций. Невыраженный субъект русского деепричастия или инфинитива представляет собой большое PRO:

(4.61) русский

- a. *Петя_i встал, чтобы Ø_{i,*k} / *он налить чаю.*
- b. *Петя_i встал, Ø_{i,*k} / *он налив чаю.*

Пример (4.61) демонстрирует неграмматичность двух структур: i) варианта с фонологически выраженным местоимением *он*, ii) варианта с кореферентностью нуля не субъекту главной предикации, а третьему лицу, Ø_{*k}. Невозможность независимого (от главного

предложения) употребления говорит о том, что перед нами большое PRO, см. [Тестелец 2001: 287-310].

Предположительно так же должны вести себя подчиненные структуры с конвербом в тюркских языках; субъект таких клауз должен быть: i) нулевым, ii) строго зависимым от главной предикации.

Действительно, наиболее подходящий кандидат на подчинение – вложенный конверб с фонологически не выраженным подлежащим – допускает только прочтение с кореферентностью субъекту главной предикации:

(4.62) киргизский

Мен жат-ы-п кел-е-м.

Я лежать-ST-CONV приходить-ST-1SG

Значения:

i) ‘Полежав, я пришел.’

ii) *‘Я пришел, когда кто-то другой по/лежал.’

Итак, (предположительно) адьюнктивные структуры (4.50.'a) и (4.60) характеризуются односубъектностью, вложением и наличием большого PRO. Если наша гипотеза верна, структура (4.50.'a) будет обладать свойствами, стоящими обычно за адьюнкцией, и отличаться этим от сочинительных структур (4.50.'b) и (4.52-54), для которых характерны разносубъектность и соположение. Ниже мы обсудим диагностические контексты, позволяющие различать подчинение и сочинение, и применим их к материалу тюркских языков. После этого мы несколько более подробно исследуем свойства нулевых подлежащих вложенных конвербов с тем чтобы показать, что перед нами действительно PRO.

4.3.5. Критерии разграничения адьюнкции и сочинения

4.3.5.1. Морфологический критерий

Как уже было сказано, морфологический критерий является одним из наиболее традиционных при разграничении сочинения и подчинения, см, например, [Тестелец 2001: 255-266]. На русском материале его можно продемонстрировать следующим образом:

(4.63) русский

a. *Петя возвращался домой, когда Маша пошла в магазин.*

b. *Петя возвращался домой, и Маша пошла в магазин.*

(4.64) русский

- a. [?]известие о Петинoм возвращении домой, когда Маша пошла в магазин
 b. *известие о Петинoм возвращении домой и Маша пошла в магазин

В (4.63) представлены русские случаи сентенциального сирконстанта (4.63.a), и сочинения, (4.63.b). В контексте, требующем определенного морфологического маркирования, например, предлога *о* и творительного падежа, адьюнктивная структура сохраняет грамматичность, а сочинительная становится неприемлемой (4.64).

Применение данного критерия к материалу тюркских клауз с конвербами выглядело бы следующим образом. Поместим всю сложную предикацию в контекст некоторого общего матричного предиката, требующего от своих зависимых, скажем, морфологической формы *-M*. Тогда, если глагол в форме конверба будет сохранять конвербиальное маркирование (4.65.a), перед нами подчинительная структура (4.50.'a). Если же маркирование конвербом станет неграмматично – перед нами сочинительная структура (4.50.'b):

(4.65)

- a. [CP [CP]-*n*]-*M*
 b. *[CP [CP]-*n* [CP]]-*M*

Возможное препятствие для применения морфологического критерия представляет так называемая групповая флексия. Такой подход к анализу показателя конверба *-n*, см. [Гращенков 2011], состоит в том, чтобы считать данный показатель сочинительным, при этом таким, что морфологическое маркирование возможно лишь на вершине всего сложного предложения (в русском примере выше – глагола *возвращаться*). Глубинному представлению (4.66) соответствует поверхностная реализация (4.66'):

(4.66) [XP [XP]-*M* & [XP]-*M*]

(4.66') [XP [XP]-~~*M*~~ & [XP]-~~*M*~~]-*M*

Именно так ведут себя показатели сочинения в тюркских именных группах. В примере ниже два сочиненных вершинных имени интерпретируются как располагающие грамматической информацией о числе (PL) и лице (3), хотя эта информация выражается лишь однажды (второй вершиной):

(4.67) мишарский

agaş-пүр [DP [DP tamur] хәм [DP bütak]]-lar-г
 дерево-GEN корень & ветка -PL-3
 ‘ветки и корни дерева’

Возможен ли аналогичный анализ конвербиального маркера *-n*? Действительно, в тюркских языках вполне допустимо (немаркированное) сочинение финитных предикаций:

(4.68) татарский

[Закиев (ред.), 3: 367]

Мин ничек кенә тырыш-м-ый-м,
 я как только стараться-NEG-ST-1SG
 ул барыбер үзенекен итә-Ø
 он все.равно по-своему делать-3SG
 ‘Как я ни стараюсь, он все делает по-своему.’

(4.69) казахский

[интернет]

біз бүгінгі түнді бірге өткіз-і-п е-ді-к,
 мы сегодняшний ночь вместе проводить-ST-CONV быть-PST-1.PL
 мен сосын тан-ы-ды-м...
 я после.того узнавать-ST-PST-1SG
 ‘Она этой ночью лежала в моих объятиях, и я, конечно, ее узнал.’

Однако, если допустить, что употребление конвербиального показателя *-n* предполагает редукцию морфологии на первом конъюнкте, сложно будет объяснить следующие примеры:

(4.70) татарский

[Закиев (ред.), 3: 361]

Син ярдем ит-ә-п тә,
 ты помощь делать-ST-CONV только
 әллә ни алга кит-ә ал-ма-дык.
 но сколько вперед уходить-ST брат-NEG-1PL
 ‘Особо не продвинулись вперед, хотя ты и помогал.’

В (4.70) подлежащие, а, следовательно, и лично-числовые показатели на глаголах, имеют различное значение лица и числа. Значит, анализ *-n* как сочинительного средства, предполагающего использование групповой флексии, некорректен.

4.3.5.2. *Способность к экстрапозиции*

Еще один способ определения типа структуры, стоящей за тюркскими конвербами, – так называемое А'-передвижение из (предполагаемой) главной клаузы. Некоторые синтаксические операции, такие, например, как образование вопроса или топикализация, чувствительны к типу структуры, к которой они применяются. Структуры, из которых нельзя выдвигать элементы посредством образования вопроса, топикализации или другой операции, называются островами, см. [Ross 1967: 449].

Обе исследуемые здесь структуры принадлежат к островам: подчиненная структура связана с так называемым адьюнктивным островом, в то время как случай сочиненная – с сочинительным островом. Данное свойство можно продемонстрировать на следующих русских примерах:

(4.71) русский

- a. *Петя пришел домой, когда Маша выходила с работы.*
- b. **Откуда Петя пришел домой, когда Маша выходила?*

(4.72) русский

- a. *Петя пришел домой и Маша вышла с работы.*
- b. **Откуда Петя пришел домой и Маша вышла?*

В данных примерах случаи (4.71.a-72.a) соответствуют исходным предложениям, в то время как случаи (4.71.b-72.b) – конструкциям с вопросительным выносом. Оба примера (4.71.b-72.b) неграмматичны: в первом случае мы пытаемся вынести обстоятельство места из адьюнктивного острова, а во втором – из сочинительного. Очевидно, чтобы появился контраст между адьюнкцией и сочинением, экстрапозицию надо осуществлять не из вложенной, а из главной клаузы; сочинение (как симметричная структура, где, строго говоря, обе клаузы равноправны) тогда будет по-прежнему неприемлемо, а подчинение станет грамматично:

(4.71) русский

- c. *Куда Петя пришел, когда Маша выходила с работы?*

(4.72) русский

- c. **Куда Петя пришел и Маша вышла с работы?*

Таким образом, в качестве теста на экстрапозицию мы будем использовать вынос синтаксического материала из главной клаузы.

Надо заметить, что в тюркских языках вопросительный вынос факультативен – обычное построение вопроса предполагает расположение вопросительного слова *in situ*:

(4.73) казахский

Нұрлан кімді өлтірді?

Нурлан кого убил

‘Кого Нурлан убил?’

Структуры с препозицией вопросительного слова при этом также грамматичны:

(4.74) казахский

Кімді Нұрлан өлтірді?

кого Нурлан убил

‘Кого Нурлан убил?’

За примером (4.74) стоят сразу два процесса: образование вопроса и топикализация. Каждый из них обычно используется для определения островных свойств некоторой структуры. Обнаруженный нами контраст проявился именно на примерах типа (4.74), где есть и вопрос, и топикализация, поэтому в дальнейшем мы будем использовать именно их.

4.3.6. Результаты применения тестов

В качестве исходных примеров были взяты следующие пары предложений:

(4.75) казахский

Нұрлан қасқыр көр-і-п Руслан өлтір-ді.

Нурлан волк видеть-ST-CONV Руслан убивать-PST

‘Нурлан увидел, а Руслан убил волка.’

(4.76) казахский

Нұрлан мылтықпен қасқыр көр-і-п өлтір-ді.

Нурлан из.ружья волк видеть-ST-CONV убивать-PST

‘Нурлан, увидев, убил волка из ружья.’

Пример (4.75) соответствует разносубъектному соположению, т.е., гипотетическому сочинению, а (4.76) – односубъектному вложению, т.е. гипотетическому подчинению. К этим и другим похожим примерам были применены тесты на морфологию и экстрапозицию, для которых был собран материал казахского и киргизского языков. В результате наблюдался не всегда сильный, но вполне систематический контраст между примерами первого и второго типа.

4.3.6.1. Морфологический критерий

В контексте общего матричного глагола казахские разносубъектные предложения с соположением оказываются неграмматичны. В то же время односубъектные предикации с вложением оцениваются как приемлемые:

(4.77) казахский

??Нұрлан кел-і-п,
 Нұрлан приходит-ST-CONV
 Руслан қасқыр өлтір-ген-і-ң білем.
 Руслан волк убивать-PFCT-3-ACC знаю
 ‘Я знаю, что Нұрлан пришел, а Руслан убил волка.’

(4.78) казахский

Нұрлан қасқырды көр-і-п (оны) өлтір-ген-і-ң білем.
 Нұрлан волка видетъ-ST-CONV (его) убивать-PFCT-3-ACC знаю
 ‘Я знаю, что Нұрлан, увидев, убил волка.’

Тот же контраст находим и в киргизском:

(4.79) киргизский

?(?)Нурлан кел-и-п Руслан карышкырды
 Нурлан приходит-ST-CONV Руслан волка
 өлтүр-гөн-ү-н билем.
 убивать-PFCT-3-ACC знаю
 ‘Я знаю, что Нурлан пришел, а Руслан убил волка.’

(4.80) киргизский

Нурлан карышкырды жолуг-у-п өлтүр-гөн-ү-н
 Нурлан волка встретитъ-ST-CONV убить-PFCT-3-ACC

билем

знаю

‘Я знаю, что Нурлан, встретив, убил волка.’

Иногда для случаев соположения, т.е. потенциально сочинительных структур, носители языка предлагают грамматичный вариант с дублированием показателей на обеих зависимых предикациях:

(4.81) казахский

Нұрлан кел-ген-і-н,

Нурлан приходить-PFCT-3-ACC

(ал) Руслан қасқыр өлтір-ген-і-ң бил-е-м.

(а) Руслан волк убивать-PFCT-3-ACC знать-ST-1SG

‘Я знаю, что Нурлан пришел, а Руслан убил волка.’

Именно таково ожидаемое поведение сочинительных конструкций, ср. русские примеры ниже, где обе глагольных формы принимают вид имени действия:

(4.82) русский

a. *известие о Петинoм возвращении домой и Машином походе в магазин*

b. *новость об избрании президента и выдвижении кандидата в премьеры*

4.3.6.2. Способность к экстрапозиции

При экстрапозиции материала из главной клаузы предположительно сочинительные структуры также оказываются менее грамматичными, (4.83), чем предположительно адьюнктивные, (4.84):

(4.83) казахский

??Кімді Нұрлан кел-і-п Руслан өлтір-ді?

кого Нурлан приходить-ST-CONV Руслан убить-PST

‘Кого, когда Нурлан пришел, Руслан убил?’

(4.84) казахский

?Кімді Нұрлан кел-і-п өлтір-ді?
 кого Нурлан приходит-*ST-CONV* убить-*PST*
 ‘Кого Нурлан, придя, убил?’

Киргизские носители демонстрируют несколько более явный контраст:

(4.85) киргизский

*Кимди Нурлан кел-и-п Руслан өлтүр-дү?
 кого Нурлан приходит-*ST-CONV* Руслан вальть-*PST*
 ‘Кого, когда Нурлан пришел, Руслан убил?’

(4.86) киргизский

Кимди Нурлан кел-и-п өлтүр-дү?
 кого Нурлан приходит-*ST-CONV* убить-*PST*
 ‘Кого Нурлан, придя, убил?’

Представим результаты применения тестов в следующей таблице:

Таблица 4.2. Результаты применения критериев, определяющих тип синтаксической связи

	Морфологический критерий	Экстрапозиция
разносубъектность, соположение	??/?	??/*
односубъектность, вложение	ok	?/ok

4.3.7. Прямое (*strict*) и измененное (*sloppy*) прочтение

В теоретической литературе по синтаксису принято различать так называемое прямое и измененное прочтение, *strict / sloppy reading* при эллипсисе, см. [Hornstein 1999] и приведенные там ссылки.

(4.87) английский

[Hornstein 1999: 73]

John expects PRO to win and Bill does too.

Значения:

- i) *‘Джон надеется победить и Билл тоже (надеется, что Джон победит).’
- ii) ‘Джон надеется победить и Билл тоже (надеется, что он, Билл, победит).’

В английском примере (4.87) представлено две его возможных трактовки. В соответствии с первой, составляющая, стоящая за английским *does too*, предполагает прочтение ‘Билл тоже надеется, что Джон победит’ – это прямое (strict) прочтение. Вторая трактовка предполагает понимание *does too* как ‘Билл тоже надеется, что он, Билл, победит’ – это измененное (sloppy) прочтение. Как видно из нотации, случаи большого PRO предполагают только переменное прочтение.

Киргизские и казахские примеры с вложением, которые мы определили в качестве кандидатов в подчинительные формы, проявляют склонность к измененному прочтению. В (4.88-89) допустимо только измененное прочтение, т.е. нулевая единица в позиции подлежащего конверба представляет собой большое PRO:

(4.88) казахский

Нурлан	кел-і-п		қасқыр	көрді,
Нурлан	приходить-ST-CONV		волк	увидел
Руслан	да	солай	істеді.	
Руслан	и	так	сделал	

Значения:

- i) *‘Когда Нурлан пришел, он увидел волка, и Руслан тоже (когда Нурлан пришел, увидел волка).’
- ii) ‘Когда Нурлан пришел, он увидел волка, и Руслан тоже (когда пришел, увидел волка).’

(4.89) киргизский

Нурлан	кел-и-п		карышкыр-ды	көр-дү
Нурлан	приходить-ST-CONV		волк-ACC	видеть-PST
жана Руслан	да	ошондой	бол-ду	
и Руслан	также	так	быть-PST	

Значения:

- i) *‘Придя, Нурлан увидел волка, и Руслан тоже так сделал (когда Нурлан пришел, увидел волка).’
- ii) ‘Придя, Нурлан увидел волка, и Руслан тоже так сделал (пришел и увидел волка).’

Как мы видим, вложенные односубъектные структуры последовательно выбирают не прямое прочтение (и не выбирают прямое прочтение). Это наблюдение подтверждает анализ, при котором они образуют адьюнктивную структуру с большим PRO, зависимым от матричного субъекта.

4.3.8. Итоги: двойственная природа тюркских конвербов

Наша исходная гипотеза состояла в том, что за тюркскими *и*-конвербами стоят (как минимум) две синтаксические структуры: адьюнктивная и сочинительная. Наилучшим кандидатом в адьюнктивные клаузы, как мы предположили, является предложение со вложенной односубъектной предикацией. Наилучшим кандидатом в сочинительные структуры является предложение с соположенной разносубъектной клаузой. Морфологический критерий и тест на экстрапозицию подтвердили исходную гипотезу. Для адьюнкции также нашлось свидетельство из области свойств нулевых единиц: синтаксический ноль в таких структурах действительно проявляет свойства большого PRO, что говорит о подчинении.

Для определения типа синтаксической связи были выбраны простые предикации. На материале простых предикаций мы показали, что тюркский конвербиальный маркер *-и* может кодировать и адьюнкцию, и сочинение. Как представляется, эта двойственная природа конвербов на *-и* может проявляться и на других уровнях проекции глагола, например, – на уровне глагольной группы.

4.4. Сериальные конструкции: грамматическая и директивная семантика

4.4.1. Лексическое и грамматическое значение тюркских сериализаторов

Грамматическая семантика сериализаторов (=вспомогательных глаголов) в различных тюркских языках описана достаточно детально, см., например, работы [Ганиев 2003; Anderson 2004; Rentzch 2006; Шлуинский 2006, 2009; Bacanlı 2009]. Главная задача, поставленная в данной части работы, – «инвентаризация» грамматической семантики тюркских вспомогательных глаголов и установление связи грамматических значений, передаваемых такими глаголами, с их лексическим значением. Работы подобного рода осуществлялись на материале разных групп тюркской языковой семьи: см., например, [Anderson 2004; Bacanlı 2009] для алтайского языка, а также монографию [Тазранова 2005] о грамматической семантике глаголов бытия (глаголов позиции и ненаправленного движения). Две работы, [Шлуинский 2006] и [Ганиев 2003] посвящены подробному исследованию сериальных значений в татарском языке и его диалектах. Задача, которую мы ставим в данной части диссертационного исследования – построить внутритюркскую типологию грамматических и лексических значений сериализаторов.

Данный подход обладает, однако, рядом особенностей, предопределяющих как плюсы, так и минусы исследования. В числе негативных сторон следует отметить прежде всего тот факт, что он не позволяет точно определить грамматические функции той или иной вспомогательной глагольной лексемы. Чтобы узнать точное грамматическое значение или, вернее, набор значений некоторого глагола, необходимо для каждого исследуемого языка получить интерпретации сочетания данной лексики с единицами всех акциональных классов (как это делается, например, в [Лютикова и др. 2006; Шлуинский 2006]).

Основными задачами для нас, напротив, являются описание лексического состава и грамматических функций вспомогательных глаголов и поиск общих, инвариантных грамматических значений, наблюдаемых в языках кыпчакской группы и шире – в тюркских языках в целом. В этой части работы предпринимается попытка сформулировать инвариантное для разных тюркских языков грамматическое значение того или иного вспомогательного глагола. Таким образом, каждый из исследуемых нами глаголов оказывается снабжен определенным грамматическим ярлыком или ярлыками, располагая которыми можно строить предположения о наличии / отсутствии регулярной связи между лексическим и грамматическим значениями. Данные ярлыки носят абстрактный характер и не претендуют на окончательную грамматическую характеристику того или иного глагола, однако без них системные наблюдения над связью лексической и грамматической семантики представляются невозможными. Отметим, что подобный метод использовался, например, при исследовании тюркских языков Алтая и Саян Г. Андерсоном (см., например, [Anderson 2004: 30-33], где представлена самая базовая грамматическая семантика вспомогательных глаголов без учета их взаимодействия с акциональной структурой глаголов разных типов). В том случае, если в рассматриваемых языках имеет место варьирование грамматического значения некоторого глагола (см. ниже Таблицу 4.25 с глаголом *bol* и следующее за ней описание), делается попытка проиллюстрировать все имеющиеся значения.

В данной части работы ставится также задача определить зависимость приобретенного глаголом грамматического значения от тематического класса, к которому он принадлежит. Для решения этой задачи все тюркские вспомогательные глаголы разбиты нами на шесть тематических классов: глаголы позиции и ненаправленного движения, глаголы смены собственности, глаголы изменения пространственного положения пациенса, глаголы направленного движения, глаголы восприятия, бытийные глаголы. Представляется, что выделение подобных классов позволяет сделать наблюдения о зависимости грамматической семантики глагола от его лексического значения.

4.4.2. Источники языковых данных и принципы исследования

В тюркских языках представлен класс глаголов, имеющих одновременно два варианта употребления. В одном из них исследуемые глаголы идентичны обычным глагольным лексемам, а в другом выполняют грамматическую функцию подобно вспомогательным глаголам 'быть' и 'иметь' в европейских языках. В русскоязычной тюркологической литературе образования с участием таких глаголов обычно называются сложными или составными глаголами, аналитическими формами и т.д., см. [Котвич 1962; СИГТЯ 1988; СИГТЯ 2006]. Как мы определили во Введении, образования, где вспомогательные (сериальные) глаголы проявляют грамматические свойства мы будем называть конструкциями со вспомогательными глаголами (КСГ). Одно из главных отличий тюркских вспомогательных глаголов от европейских состоит в их количестве: обычно подкласс вспомогательных глаголов составляет около 20–30 единиц [Щербак 1981: 135].

Основной языковой материал включает данные по казахскому, киргизскому, татарскому, кумыкскому и карачаево-балкарскому языкам; к исследованию привлекались также данные чувашского, алтайских, саянских, якутского, уйгурского и других тюркских языков. Сведения по первым пяти языкам были получены в ходе опроса носителей, а также из следующих источников:

1) по казахскому языку – [Оралбаева (ред.) 1989; Туймебаев 1991, 1992], грамматический справочник, размещенный на сайте <http://techkz.kz>, и словарь – на сайте <http://sozdik.kz/>;

2) по киргизскому языку – [Юдахин 1985];

3) по татарскому языку – [Закиев (ред.), 2; РТС 2001; Ганиев 2003; интернет]-ресурс <http://tatar.com.ru>;

4) по кумыкскому языку – [Джанмавов 1967; Гаджиев 2002];

5) по карачаево-балкарскому языку – [Текуев 1979], словарь на сайте www.balkaria.narod.ru.

Примеры по этим пяти языкам, приводимые в данной части работы, взяты из перечисленных выше источников или получены в результате опроса носителей. Описания глаголов снабжены отсылкой к древнетюркской форме по [ДТС 1969].

Данная часть исследования разделена на шесть тематических рубрик в соответствии с выделенными лексическими типами глаголов. Описание каждого глагола представляет собой отдельную анкету с уникальным номером, способ представления данных по каждому глаголу является стандартным для всего исследования. Анкета начинается с представления фонетической оболочки описываемого глагола в древнетюркском и пяти перечисленных выше языках; далее следуют грамматические ярлыки, обнаруженные нами в представленных выше источниках, где они используются для описания функций данного глагола в конкретном языке.

Термины и описания, используемые авторами дескриптивных грамматик, зачастую носят условный характер, например: «стремительность» (Э. Н. Гаджиев о кумыкском *бер*), «значение интенсивности и внезапности» (Ф. А. Ганиев о татарском *ташла*), «констатация факта с модальным оттенком» (М. М. Текуев о карачаево-балкарском *чыкъ*) и т. д. Мы однако предпочли привести эти не всегда «прозрачные» характеристики в неизменном виде, снабдив их необходимыми примерами. После примеров из выбранных нами пяти языков следует подробный анализ материала, сопровождающийся примерами из других тюркских языков. В ходе такого анализа также предлагаются обнаруженные нами параллели с русскими конструкциями и примеры грамматикализации тюркских вспомогательных глаголов в морфологические показатели. Для некоторых глаголов (в тех случаях, когда это доступно по грамматическим описаниям) обсуждаются сочетаемостные ограничения на переходность и другие особенности дистрибуции. В конце анкеты формулируется инвариантное значение (или несколько инвариантных значений) описываемого глагола.

4.4.3. Глаголы различных семантических классов в функции вспомогательных

4.4.3.1. Глаголы позиции и ненаправленного движения

Таблица 4.3. 'стоять'

др.-тюрк. *tur*, каз. *тұр*, кирг. *тур*, тат. *тор*, кум. *тур*, кбалк. *тур*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	настоящее время
кирг.	длительность или постоянство действия, пребывание в каком-л. состоянии
тат.	длительность, регулярность или постоянство действия, пребывание в каком-л. состоянии; продолжение действия, повторяемость, длительность и регулярность действия; действие, происходящее постоянно или регулярно
кум.	действие происходит непосредственно в момент речи; многократность действия; действие носит временный характер; действие, которое произошло недавно
кбалк	длительное действие одновременно с моментом речи, начатое до момента речи; действие, происходящее постоянно, непрерывно; факт с оттенком постфакта; многократность действия, проявляющаяся как постоянное свойство; результат действия, полная его исчерпанность

(4.90) татарский⁷⁵

... сихри бер моң ... өзлексез явы-п тор-ды.
 волшебный один мелодия постоянно падать-CONV стоять-PST
 ‘... волшебным дождем лилась музыка’

Пример демонстрирует длительное действие, целиком содержащее момент речи.

Таблица 4.4. ‘лежать’

др.-тюрк. *jat*, каз. *жатыр*, кирг. *жат*, тат. *ят*, кум. *ят*, кбалк. *жата*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	продолжающееся, незаконченное действие
кирг.	длительность действия
тат.	выражает длительность, обычность, постоянство; соответствие действия данному моменту действия; длительное, продолжительное действие безотносительно к его пределу
кум.	– ⁷⁶
кбалк	–

(4.91) татарский

Безгә кыш буе мэдрэсэдэ киб-еп ят-кан шәкертлэргә...
 нам зима в.течение в.медресе сохнуть-CONV лежать-PFCT шекеры
 ‘Нам, сохнувшим всю зиму в медресе шекерам, ...’

Пример на длительное действие, наблюдаемое «снаружи» – после того, как оно уже завершилось.

⁷⁵ Здесь и далее глоссируются только релевантные для данной работы глагольные формы.

⁷⁶ Здесь и далее такое обозначение используется, если в исследованных грамматиках глагол специально не описан.

Таблица 4.5. ‘сидеть’др.-тюрк. *oltur*, каз. *отыр*, кирг. *олтур*, тат. *утыр*, кум. *олтур*, кбалк. *олтур*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	продолжительность действия
кирг.	длительность и непрерывность действия
тат.	продолжительность, длительность действия в одном месте; значение непрерывности, длительности
кум.	неожиданное действие, которое не одобряется говорящим; говорящий не был очевидцем совершения действия
кбалк	–

(4.92) киргизский

Акмат, биз менен суйле-ш-у-п олтур-у-п,
 Акмат мы с говорить-REC-ST-CONV сидеть-ST-CONV
 ачуулан-а кет-ти.
 сердиться-CONV уходить-PST
 ‘Акмат, разговаривая с нами, (вдруг) рассердился.’

Фоновый процесс, длительность которого подчеркнута вспомогательным глаголом, включает в себя другой процесс.

Таблица 4.6. ‘ходить’др.-тюрк. *jürü*, каз. *жүр*, кирг. *жур*, тат. *йөр*, кум. *юрю*, кбалк. *жюрю*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	придает действию основного глагола характер длительности или постоянства
кирг.	придает действию характер длительности, постоянства
тат.	длительное, постоянное действие; длительное действие, которое совершается во время движения или перемещения
кум.	действие, происходящее регулярно, постоянно
кбалк	длительное действие; действие, воспринимаемое как свойство; повторяющиеся действия

(4.93) казахский

Ол	үнемі	орындалмаған	үш	арманым	бар
он	все.время	не.выполненный	три	мечта-1SG	есть
деп	айт-ып	жүреді	е-кен.		

COMРговорить-ST-CONV ходить-PST AUX-PFCT

‘Он говорил все время: «У меня есть три несбывшихся мечты».’

Казахский пример демонстрирует регулярно повторяющееся действие (хабитуалис).

Как правило, глаголы данной группы выражают длительность действия в прошлом или настоящем и передают грамматическое значение настоящего времени, прогрессива, имперфектива; в настоящем времени допустима хабитуальная интерпретация. Современные казахские грамматики часто апеллируют к данным глаголам как показателям настоящего времени.

В алтайском языке длительные, многократные, повторяющиеся, долго продолжающиеся действия задаются глаголами *тур-*, *јат-*, *отур-* и *јүр-* [Тазранова 2005]; *тур-* – длительность совершения действия, *јат-* – совершение действия в данный момент [Баскаков (ред.) 1947]. Узбекские *тур-*, *ўтир-* и *юр-* «передают семантику дуративного способа действия» [Насилов 1989: 147].

В тюркских языках эта группа глаголов встречается в грамматической функции наиболее регулярно. В ряде случаев глаголы данной группы преобразуются в морфологический показатель: «Так, в большинстве тюркских языков настоящее время, как правило, формируется из причастия на *-ar / -er* сложного глагола, состоящего, в свою очередь, из деепричастия на *-ур / -ір / -р* или на *-а / -е / -ј*, основного глагола + вспомогательный глагол (*јат-*, *тур-*, *јата тур-*, *јүр-* в различной степени морфологической редукции этих конструктивных морфологических элементов), т. е. от *kele јатар*, ‘я подхожу в данный момент’, в староузбекском языке до *gel-ј-ar ун* < *gele-јат-ar-man* в современном туркменском языке. Таким образом, данная форма является не чисто временной, а видовременной, в которой категория вида выражается либо аналитически в виде вспомогательного глагола *јат-* в форме причастия будущего времени или комплекса *јат-а тур-ур*, либо синтетически (из стяжения вспомогательного глагола) в виде аффикса *-ј* в туркменском языке» [СИГТЯ 1988: 328]; см. также [Котвич 1962]. Другая, более правдоподобная точка зрения на туркменский презенс состоит в том, что он, как и аналогичный показатель в турецком и азербайджанском языках, возводится к глаголу *јор-* ‘ходить’ [Щербак 1981: 74; Грунина 2002].

Интересен вопрос о распределении данных глаголов в каждом конкретном языке. В [Щербак 1981: 137] находим наблюдение о том, что употребление вспомогательного глагола

jor(y)- характерно для языков огузской группы, *o(л)тур-* / *олур-* употребляется в ряде кыпчакских, тувинском, хакасском и шорском языках, *тур-* – во всех языках кроме огузских. Представляется, что наиболее нейтральным, т. е. обладающим более общим, неспецифицированным значением продолженного действия и демонстрирующим наименьшие лексические ограничения, по крайней мере в языках кыпчакской группы, является глагол *tur*⁷⁷. Отметим также, что, как утверждается в [Котвич 1962: 210], тюркским основам со значением ‘идти’ *yörü-*, *yüri-* и *bar-* в этой функции соответствуют монгольская и маньчжурская *yabu-*. Данная группа глаголов в казахском языке, где все они, по мнению подавляющего большинства авторов описательных и учебных казахских грамматик, выражают настоящее время, описывается следующим образом.

«*Отыр* указывает на действие, происходящее в данный момент речи. <...> *Олжас пен Арай шахмат ойнап отыр*. (‘Олжас и Арай играют в шахматы’).

Жатыр придает действию постоянный характер и указывает на длительность: *Студенттер сабақ оқып жатыр*. (‘Студенты учатся’). *Әжем ұйықтап жатыр*. (‘Бабушка спит’).

Тұр придает действию характер повторения, указывая на то, что действие происходит в данный момент речи: *Әнші сахнада ән айтып тұр*. (‘Певец на сцене поет песню’). <...> *Айжан, айналайын, жиі келіп тұр*. (‘Айжан, айналайн, заходи почаще’).

Жүр указывает на продолжительность действий и их повторяемость: *Саят далада ойнап жүр*. (‘Саят играет на улице’)» [ГСКЯ).

В некоторых тюркских языках данные глаголы выделяются в отдельный класс из-за того, что, будучи употреблены в лексическом значении, они обладают отдельной парадигмой при образовании форм настоящего времени. Так, например, в туркменском языке настоящее время от обычных глаголов образуется прибавлением к суффиксу *-jār-*, восходящего к *jōr-* ‘ходить’ [Щербак 1981: 74; Грунина 2002], личных окончаний, в то время как четыре описываемых туркменских глагола просто присоединяют личные окончания [Blacher 1996]. Похожим образом

⁷⁷ Однако, как отмечает А. Б. Шлуинский, данный глагол регулярно является источником «результативно-статальной полисемии»; это можно наблюдать, например, в карачаево-балкарском языке. «Конструкция на *-p tura* в эпизодическом употреблении, таким образом, полисемична: в ряде случаев она описывает некоторую неопределенную ситуацию в настоящем, а в ряде случаев – результат некоторой предельной ситуации в прошлом» [Лютикова и др. 2006: 367]. Принципиальным представляется то, что «конкретная интерпретация конструкции “деепричастие + *tur*” зависит от свойств исходного глагола (его акционального класса), формы деепричастия (на *-p* или на гласную) и формы вспомогательного глагола *tur*» [Лютикова и др. 2006: 402]. И.А. Невской было также указано на тот факт, что грамматическая «многозначность» вспомогательного глагола *tur-* проистекает из того, что он «выражает и значение ‘встать’ и значение ‘стоять’, отсюда и его “двойственность” в плане выражения им акциональных и аспектуальных значений». Однако результативное значение является в целом гораздо менее регулярным в тюркских языках, в то время как значение длительности оказывается представлено (почти) всегда. См., например, [Bacanli 2009: 182] (на материале алтайских языков): “In any event, *-p tur-* (CONV B + stand) is used as a nontransformative marker which blocks transformative readings”. См. также [Rentszh 2006: 211] для уйгурского: “Durativity (+ dur), i. e. the actional content is presented as having a certain extension in time”.

обстоит дело в казахском языке, с той лишь разницей, что в нем вспомогательные глаголы еще не грамматикализовались в суффиксы и простая форма настоящего времени от вспомогательных глаголов оказывается противопоставлена сложным (деепричастие на *-п* + вспомогательный глагол) формам обычных глаголов [ГСКЯ).

В ряде языков эти глаголы грамматикализовались в аффиксы (см. приведенные выше староузбекский, туркменский и азербайджанский примеры), о чем также пишет А.М. Щербак: «<...> вспомогательных глаголов *тур-*, *јор-*, *јат-*, *отур-*, которые подверглись значительной грамматикализации и находятся на разных ступенях превращений в обычные словоформы <...>» [Щербак 1981: 74]. Так, в тувинском языке показатель *-тыр-* образует «прошедшее повествовательное время»: *деп-тыр* ‘оказывается, он сказал’, ‘и вот он говорит’; *алып-тыр* ‘оказывается, он взял’, ‘и вот он берет’ [Исхаков, Пальмбах 1961]. Также «примером окончательно выделившихся морфологических образований могут служить формы типа турецкого настоящего конкретного на *јор-* и узбекского настоящего данного момента на *јат-*, ср.: тур. *gäli јорум*, узб. *käl(a)јатман*» [Щербак 1981: 75]. Похожая ситуация наблюдается в чувашском языке, где показатель настоящего времени *-т-* предположительно восходит к *tur-* [Левитская 1976: 60-61]. См. также приведенные в [Левитская 1976] глагольные парадигмы других тюркских языков, [Anderson 2004] для алтайских и саянских языков, [Мудрак 2009: 59-61].

Примечательно, что некоторые употребления глаголов позиции в русском языке напоминают те значения, которые, очевидно, явились отправной точкой грамматикализации значения длительности / одновременности в тюркских языках, ср.: *Я стоял курил на балконе // когда эта девятка пролетела по Пролетарской; Googleил часа 3–4 // сидел читал тут топика* [интернет]. В качестве аналога среди глаголов ненаправленного движения в русском языке можно привести глагол ненаправленного / однонаправленного движения *пойти*, который в русском может означать начальную фазу процесса: *Быстро засунул в ремингтон чистый лист и пошел барабанить по клавишам двумя только пальцами*.

Подводя итог, можно сказать, что для данной группы глаголов характерны следующие **грамматические функции**: прогрессив / имперфектив / хабитуалис.

4.4.3.2. Глаголы смены собственности

Оба тюркских глагола: *al-* ‘брать’ и *ber-* ‘давать’ – регулярно передают грамматическое значение аппликатива, вводя в аргументную структуру нового участника, являющегося бенефициантом описываемой ситуации. При этом *al-* делает бенефициантом субъект основного глагола (‘сделать нечто для себя’), а *ber-* – некоторое третье лицо (‘сделать нечто для кого-то другого’); см., например, [Rentzch 2006] об уйгурском *al-* и развившемся из него суффиксе *-ival-*

(*ip-* + *al-* > *-ival-*). Кроме того, у *al-* и *ber-* есть также некоторые аспектуальные значения, речь о которых пойдет ниже. Здесь в первую очередь будут описаны аспектуальные функции данных глаголов, т.к. аппликативное употребление достаточно «прозрачно» семантически и имеет мало различий в конкретных тюркских языках.

Таблица 4.7. ‘братъ’

др.-тюрк. *al*, каз. *ал*, кирг. *ал*, тат. *ал*, кум. *ал*, кбалк. *ал*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	действующее лицо совершает данное действие для себя или в отношении себя
кирг.	действие для себя
тат.	совершение действия в короткий промежуток времени; завершение, результат действия; действие происходит в продолжение короткого времени в известных границах, пределах; действие совершается в интересах субъекта
кум.	действие, происходящее энергично, интенсивно
кбалк	действие для себя, происходящее энергично, быстро

(4.94) киргизский

Курманбек дарылан-у-п ал-ды.

Курманбек лечиться-ST-CONV дать-PST

‘Курманбек полечился.’

(4.95) карачаево-балкарский

Адресин жаз-ы-б ал-ды-ла.

адрес писать-ST-CONV дать-PST-PL

‘Они записали адрес.’

Предположительно, оба приведенных примера (однозначна такая интерпретация лишь в первом) передают ограниченность действия во времени, причем такое действие необязательно заканчивается достижением результата.

Отметим, что в русском языке также существуют конструкции с глаголами *взять*, *взяться* и *браться*, акцентирующие ту или иную фазу события. *Взять* (сочетается только с глаголами совершенного вида) вводит неожиданно наступившие действия: *А он возьми (да / и) сбеги; Тогда еще историк взял да и спросил меня: «Какая фамилия у Петра Первого?»*.

Рефлексивные глаголы *взяться* и *браться* задают начальную фазу некоторого процесса: *Он брался / взялся изучать английский / за изучение английского*. При этом *браться* (но не *взяться*) вводит так называемые антирезультативные действия (т. е. действия, не достигшие предполагаемого результата): *Он несколько раз брался / *взялся изучать английский*.

Как указано в [Шлуинский 2001], чувашский глагол *ил-* ‘брать’ может функционировать как делимитатив (‘почитать’), семельфактив (‘куснуть’) и антирезультатив (‘потерять и найти’); в [Шлуинский 2006: 34] говорится, что данный чувашский глагол образует «аттенуативные конструкции, значение которых в литературе характеризуется как кратковременность действия». В [Шлуинский 2009] тубаларский глагол *al-* рассматривается как имеющий аспектуальное значение делимитатива; в [Bacanli 2009] данному глаголу в алтайских языках приписывается инхоативно-ингрессивная функция. Обобщая сказанное (в основном на материале, собранном А.Б. Шлуинским), аспектуальное значение глагола со значением ‘брать’ можно охарактеризовать как ограничивающее временные рамки события: «Указание на ограниченную во времени результирующую фазу ситуации, как наиболее распространенный случай, можно признать центральным, прототипическим значением конструкции со вспомогательным глаголом *il-*» [Шлуинский 2006: 40].

Часто глагол *al-* упоминается также как передающий значение возможности, однако, по нашим данным, такая интерпретация возникает, только если лексический глагол оформляется конвербом на гласный, а не *-n*, мы же здесь ограничиваемся рассмотрением п-конвербов. Именно к этому типу конструкций (конверб на гласный) относится большинство примеров превращения *al-* в суффиксальный показатель: например, чувашская морфема *-aj-* со значением возможности, скорее всего, восходит именно к такой конструкции, [Левитская 1976: 54], ср. также в кбалк., туб., кум. Однако в уйгурском языке *al-* грамматикализуется именно от конверба на *-n*: *tep-iw-al-d-im* ‘я это нашел’ (‘и это не мое, я воспользовался шансом’) [Bridges 2008: 29].

Грамматическая функция: аппликатив / лимитатив.

Таблица 4.8. ‘дать’

др.-тюрк. *ber*, каз. *бер*, кирг. *бер*, тат. *бир*, кум. *бер*, кбалк. *бер*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	действие совершается по поручению другого лица или для другого лица
кирг.	действие для другого лица; придает действию оттенок решительности, категоричности
тат.	результативное действие совершается по поручению другого лица или для другого лица; действие производится не для говорящего, а для другого лица
кум.	стремительность, быстрота совершения действия; законченность, завершенность действия в пользу другого лица
кбалк	–

(4.96) киргизский

Бир шырбазды сою-п бер-ди.
 один откормленный.ягненок резать.ST-CONV давать-PST
 ‘(Он) зарезал откормленного ягненка.’

(4.97) казахский

Автомобиль тарт-ы-п бер-ді.
 машина тянуть-ST-CONV давать-PST
 ‘Машина трогается.’

Если киргизский пример укладывается в рамки ярлыков «решительность» и «категоричность», то в случае казахского *бер*, для которого подобную интерпретацию обнаружить не удалось, мы, скорее всего, имеем дело с инхоативным значением. Как указывается в [Шлуинский 2009: 7], в тубаларском данный глагол выражает значение континуатива / инхоатива – «продолжение действия» (‘Вася начал открывать дверь кому-то’). Примерно такое же значение этот глагол имеет в тувинском языке: «В отличие от других вспомогательных глаголов, выражающих начинательный подвид, здесь мысль о начале действия соединяется с мыслью о его продолжении, “я не только начал читать (а потом, может быть, бросил чтение), но именно принялся читать, т. е. начал и продолжаю читать”» [Исхаков, Пальмбах 1961]. Значение спонтанности / быстроты приписывается показателю *-iver-* (< *-p + ber-*) в уйгурском языке [Rentsch 2006], при этом о полноценном вспомогательном глаголе *ber-* говорится как о передающем (лишь?) бенефактивное значение [Bridges 2008: 81].

Представляется, что русская императивная форма несовершенного вида *давай* также обозначает вхождение в некоторый процесс / состояние и пребывание в нем: *Ну и она давай рассказывать*. Интересно, что в русском языке некоторые схожие употребления формы *давай* (а именно побуждение к началу некоторого действия) также допускают выражение участника, в пользу которого происходит или должно происходить действие: *Ты мне давай лучше производство стендов наладь*.

Грамматическая функция: аппликатив / инхоатив / результатив.

4.4.3.3. Глаголы изменения пространственного положения пациенса

Здесь будут описаны трехместные предикаты – глаголы, описывающие ситуацию, при которой тематический (пациентивный) участник изменяет свое положение в пространстве.

Таблица 4.9. ‘посылать’

др.-тюрк. *jibär*, каз. *жібер*, кирг. *жибер* / *ир* / *ий*, тат. *жибәр*, кум. *йибер*, кбалк. *жибер*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	оттенок завершенности
кирг.	характер длительности, постоянства
тат.	начало действия; быстрота, внезапность или интенсивность действия; внезапное развертывание действия; интенсивное проявление действия
кум.	энергичное начало или развертывание действия; действие совершается внезапно, неожиданно для исполнителя
кбалк	состояние лица в результате внезапного совершения действия; действие, которое чуть не совершилось

(4.98) татарский

... чиркану тойгысы йөрәк-не

отвращение чувство сердце-ACC

өшет-е-п жибәр-гән-дәй бул-ды.

морозить-ST-CONV посылать-PFCT-CMP быть-PST

‘... (я) похолодел от ужаса’ (букв. ‘чувство отвращения заморозило мое сердце’)

(4.99) карачаево-балкарский

Къызчыкъ жырла-б ий-ди.
 девушка петь-CONV посылать-PST
 ‘Девушка запела.’

Татарский пример демонстрирует переход в некоторое конечное состояние, карачаево-балкарский – вхождение в процесс.

В целом, данный глагол довольно редко упоминается в списках вспомогательных глаголов в грамматиках конкретных тюркских языков. В некоторых тюркских языках его дистрибуция ограничена или он вовсе не используется; это часто объясняется тем, что данный глагол является относительно недавним образованием, сложившимся из *ïdu* + *ber-* (деепричастие на гласный от глагола **ïd-* ‘посылать’ + вспомогательный глагол *ber-*)⁷⁸. По замечанию К.К. Юдахина, киргизский глагол *жибер-* близок по функциям к вспомогательным *ир-* и *ий-*, которые, как можно предположить, также восходят к *ïd-* [Юдахин 1985: 253]; узбекский *юбор-* задает начало неопределенных процессов согласно [Насилов 1989: 145].

Хакасское слово *ыс-* ‘посылать’ «в качестве вспомогательного глагола указывает на решительность, энергичность действия. Вспомогательный глагол *ыс-* в современном хакасском языке превратился уже в аффикс» [Баскаков и др. 1953: 433]. По замечанию И.А. Невской (л.с.), «*ыс-* – это, пожалуй, наиболее распространенный глагол в Сибири, образующий перфектив». Сюда же можно отнести тубаларский глагол *ij-* ‘отправлять’, «указывающий на однократность и внезапность действия», а также некоторые другие глаголы со схожей семантикой и функциями в других тюркских языках.

Грамматическая функция: результатив.

⁷⁸ Я благодарен И.А. Невской за это наблюдение и замечание о происхождении глагола *жибер-*. См., однако, в [Грунина 2002: 44] о туркм. *iber-*: «Вряд ли из **ïd ber-*, как у Севортяна [ЭСТЯ 1978: 322]: ср. наличие рефлексов начального **j-* в кыпчакском материале; ср. также якутские и чувашские соответствия (як. *ip-* ‘улизнуть’, чув. *jaBьr-* ‘быстро двигаться’). Видимо, **jëip-* > **ëip-*».

Таблица 4.10. ‘класть’

др.-тюрк. *sal*, каз. *сал*, кирг. *сал*, тат. *сал*, кум. *сал*, кбалк. *сал*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	завершенность, внезапность или неожиданность совершенного действия
кирг.	завершенность, решительность, быстрота или неожиданность, необдуманность действия
тат.	результативное действие или внезапное или неожиданное совершение действия; действие, которое происходит неожиданно, внезапно
кум.	–
кбалк	оттенок быстроты, решительности

(4.100) киргизский

... сиздин аялыңызга айт-ып сал-ды
ваш жена говорить-ST-CONV класть-PST

‘... (она) Вашей жене рассказала (выболтала)’

(4.101) карачаево-балкарский

Малжей биринчи баразаны жыр-ы-б сал-ды.
Малжей первый борозда пахать-ST-CONV класть-PST

‘Малжей решительно провел первую борозду.’

Исходя из грамматических описаний, можно утверждать, что значение данного вспомогательного глагола связано с действием, протяженность которого существенно ограничивается во времени, причем это может происходить с тем или иным «количеством контроля» со стороны агенса: так, действие в примере (4.101) представляется гораздо более контролируемым, чем в (4.100).

Глагол *сал* распространен несколько шире, чем предыдущий. Неосознанный, случайный характер действия приписывается данному глаголу в уйгурском языке [Bridges 2008]. В [Шлуинский 2009: 43] тубаларскому глаголу *сал*- приписывается функция пунктива, задающего при сочетании с предельными предикатами точку кульминации, а с непредельными – вступление в состояние / процесс. В [Vasanlı 2009] утверждается, что *сал*- в алтайских языках передает значение ‘действие определенно завершилось’ (примеры: ‘взглянуть’, ‘спрятать’).

Интересно сравнить следующие примеры из казахского словаря для *сал* и *қой* (о *қой* подробнее см. ниже); ср. также пример (4.100): каз. *айтып салу* ‘высказать то, что было на душе’ (= ‘выговориться’), каз. *айтып қою* ‘сказать заранее; выдать секрет’ (= ‘проговориться’).

Ориентируясь на русский перевод (варианты в скобках предложены мной), можно предположить, что *сал* и *қой*, оба передавая значение внезапного действия, отличаются наличием контроля над ситуацией: если *сал* задает действие, контролируемое агенсом, то в случае с *қой* такой контроль отсутствует. Основываясь на этих примерах из казахского языка, данные значения можно сравнить со значением глагола *шық* (см. раздел 4.3.4 о глаголах направленного движения): каз. *айтып шығу* ‘рассказать до конца; высказать, ничего не тая’ (= ‘высказаться’). Так, если при глаголах *сал* и *қой* ситуация рассматривается «извне», т. е. как событие, не имеющее внутреннего компонента, то глагол *шық* выделяет в смысловом глаголе ту фазу события, которая соответствует процессу и привносит значение завершения данного процесса.

Грамматическая функция: пунктив.

Таблица 4.11. ‘ставить’

др.-тюрк. *қој*, каз. *қой*, кирг. *кой*, тат. *куй*, кум. *кьой*, кбалк. *кьой*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	оттенок усиления
кирг.	оттенок усиления, неожиданности или быстроты
тат.	результативное действие
кум.	активное категорическое завершение действия; действие, происходящее неожиданно, вдруг; действие, которое осуществляется заблаговременно
кбалк	действие, выполненное до конца; действие, которое вначале субъект не собирался совершать, т. е. действие неожиданное; действие, чуть не совершившееся

(4.102) киргизский

ич-и-п кой
пить-ST-CONV класть
‘выпей’ (всё или определенную дозу)

(4.103) карачаево-балкарский

Танамы ёлтюр-ю-б кьоя эдинг да.
мой.теленок убить-ST-CONV класть.CONV AUX.2SG PRT
‘Ты чуть не убил моего теленка.’

Киргизский пример представляет действие, для которого важно, чтобы оно завершилось либо достижением результирующего состояния (ср. рус. *вытей*), либо достижением временного предела (ср. рус. *попей*). Карачаево-балкарский пример, видимо, соответствует русскому *попил, поубивал* (некоторое время).

Уйгурский глагол *qoj-* передает значение случайного, кратковременного действия, произведенного без усилий [Rentzch 2006; Bridges 2008] (ср. рус. *покоситься / бросить взгляд* в отличие от *смотреть*). В [Шлуинский 2009: 43-45] подробно описана семантика тубаларского глагола *qoj-* (ср. описание *sal-*), которая для обоих этих глаголов сводится к тому, «чтобы выделить в ситуации некоторую точечную фазу, вынеся за пределы рассмотрения фазы динамические». Как утверждает А. Б. Шлуинский, «конструкция со вспомогательным глаголом *qoj-* ‘ставить’, в отличие от конструкции со вспомогательным глаголом *sal-*, ориентирована скорее на описание не финальной, а начальной точки кульминации» [Шлуинский 2009: 50]. Относительно чувашского глагола *хур-* ‘класть’ в [Шлуинский 2001: 4] утверждается, что он задает «действие, завершающееся покиданием объекта».

Отметим также, что значение пунктивности иногда пересекается с результиativом. Так, в [Гаджиев 2002: 58] утверждается, что «вспомогательный глагол *къой-* / *коу-* ‘оставить, оставлять’ в кумыкском и турецком языках обладает видовым значением результиativности. Он образует бивербальную конструкцию, <...> выражающую завершенность, законченность, конечную фиксированность действия». Кроме того, в [Шлуинский 2009: 43] утверждается, что в тубаларском языке глагол *qoj-* ‘ставить’ в своей грамматической функции синонимичен глаголу *qal-* ‘оставаться’, в то время как, по нашим представлениям, первый скорее можно охарактеризовать как пунктив, а второй – как результиativ (см. ниже). Синонимичность кумыкских *къой* и *къал* отмечается также в [Джанмавов 1967]. Как утверждается в [Насилов 1989: 168], с помощью узбекского глагола *қўй-* «эксплицируется консеквентное состояние как результиativ завершенного процесса».

Грамматическая функция: пунктив / результиativ (“- контроль”).

Таблица 4.12. ‘бросать’

др.-тюрк. *taşla*, каз. *таста*, кирг. *ташта*, тат. *ташла*, кум. *ташла*, кбалк. *ат*
(лексический аналог *ташла*)

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	законченность действия
кирг.	однократность и окончательность действия
тат.	результативное действие с оттенком неожиданности; быстрота, энергичность, законченность; превышение; ошибочность действия; значение интенсивности и внезапности, иногда и некоторой фамильярности
кум.	внезапная законченность, исчерпанность совершаемого субъектом действия; интенсивность достижения результата, где момент интенсивности эксплицирует семему ‘вдруг’
кбалк	—

(4.104) киргизский

Сарыбай малдан кеч-и-п ташта-ды.
Сарыбай от.скота отказываться-ST-CONV бросать-PST
‘Сарыбай (решительно) отрекся от своего скота.’

(4.105) кумыкский

Казбек душмангъа ювукъ да гелип,
Казбек к.враг у близко PRT приходит
башын гес-и-п ташла-ды
его.голова рубить-ST-CONV бросать-PST
‘Казбек, приблизившись к врагу, (резко) отрубил ему голову.’

В обоих примерах вспомогательный глагол присоединяется к глагольным основам, задающим ограниченные во времени события, которые имеют внутренний результат; причем употребление *ташта* / *ташла* призвано подчеркнуть краткость (спонтанность) данного действия.

Как указано в [Юдахин 1985: 217], в киргизском языке данный глагол «употребляется с некоторыми переходными глаголами» и «в этом значении часто совпадает со вспомогательными глаголами *ий-*, *жибер-*, *жазда-*». Уйгурский глагол *taşla-* (так же, как и уйг.

sal- и *qoj-*) задает случайные, несознательные действия, происходящие внезапно, без усилий и контроля [Bridges 2008: 26,30].

Кумыкский глагол *ташла-* «встречается не очень часто и содержит в себе видовое значение завершенности, результативности действия с оттенком неприязни. Образуется от глаголов, выражающих активное действие, и обозначает внезапную законченность, исчерпанность совершаемого субъектом действия: *Керим сююп берген чечеклени алып ташлады* ‘Она взяла и выбросила цветы, любовно подаренные Керимом’» [Гаджиев 2002: 84]. В башкирском языке вспомогательные глаголы *куй-*, *ташла-* и *һал-* выражают «резкое завершение однократного процесса» [СИБЯ §22]. Как указывается в [Шлуинский 2001: 4], чувашский глагол *хӑвар-* ‘бросать, оставлять’ имеет функции перфектива.

Таким образом, этот тюркский глагол, вероятно, будет правильно снабдить ярлыком «пунктивный». Отметим, что русские глаголы *броситься / кинуться* скорее обозначают начальную фазу некоторого процесса, чем пунктивность (что характерно для неопределенных глаголов): *Он бросился бежать, но был быстро окружен дикарями; И он кинулся обнимать Ёжика и Медвежонка...* (значение интенсивности при этом также присутствует). Заметим также, что русский глагол *бросить* может также задавать финальную точку некоторого процесса, например: *Я бросил курить*.

Грамматическая функция: пунктив.

Таблица 4.13. ‘кидать’

др.-тюрк. *at*, каз. *at*, кирг. *at*, тат. *at*, кум. *at*, кбалк. *at*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	—
кирг.	—
тат.	выражает результативное действие с оттенком стремительности; степень быстроты, поспешность действия
кум.	—
кбалк	энергично, стремительно происходящее действие

(4.106)киргизский

Мектептин мүдүрү безелен-и-п
 школа заведующий украшаться-ST-CONV
 сүйлө-п ат-кан э-кен.
 сказать-CONV бросить-PFCT AUX-PFCT
 ‘Заявил, приукрасив (рисуюсь), директор школы.’

(4.107) карачаево-балкарский

... терек	бутаькъгъа	тий-се,
дерево	ветка	касаться-CONV
аны	юз-ю-б	ат-а-ды.
он(а)	ломать-ST-CONV	кидать-ST.IPFV-3

‘... ветки дерева коснувшись, сразу ее ломает’

По всей вероятности, функции данного глагола дублируют функции глагола *ташла-*. В частности, для карачаево-балкарского языка, где значение ‘бросать’ передается основой *ат-* (а *ташла-* отсутствует), в [Текуев 1979] указывается на близость грамматических значений вспомогательных глаголов *ат-* и *жибер-*.

Кроме приведенного примера из киргизского языка, где добавление *ат-* к глаголу ‘говорить’ дает, вероятно, нечто среднее между рус. *заявить* и *ляпнуть*, можно привести примеры на *ат-* из турецкого. Турецкий глагол *atmak* ‘бросать’ задает «интенсивность совершения действия: *Ytiregim hizlanip atti* ‘У меня забилось сердце’; *Mermer yontulurken pargalanip atti* ‘Мрамор при обработке треснул’» [Гаджиев 2002: 84].

Грамматическая функция: пунктив.

4.4.3.4. Глаголы направленного движения

Способность иметь более одного грамматического значения объединяет данные глаголы с глаголами смены собственности. Всем глаголам направленного движения свойственна директивная семантика (движение в сторону ориентира, от ориентира и т. д.); кроме того, они способны передавать и аспектуальные значения. По возможности (т. е. при рассмотрении тех языков, где такое употребление существует и свободно порождается носителями) мы прежде всего будем описывать именно аспектуальное функционирование данных глаголов.

Таблица 4.14. ‘идти’

др.-тюрк. *bar*⁷⁹, каз. *бар*, кирг. *бар*, тат. *бар*, кум. *бар*, кбалк. *бар*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	–
кирг.	действие или состояние все более и более нарастает или все более и более отдалается
тат.	нарастание действия, регулярно совершающееся действие, постоянное действие, внезапное действие, протекающее в определенном направлении; действие, протекающее в определенном направлении; нарастание действия; постоянное и длительное действие; постепенное развитие, нарастание действия или постепенное ослабление, уменьшение его
кум.	становление, развитие, развертывание действия или приближение его к концу
кбалк	действие, которое рассматривается как свойство предметов и явлений; действие, приближающееся к своему пределу; прерывистые многократные действия; результат действия

(4.108) кумыкский

юртда яратыл-ы-п бара-гъан янгы яшав булан иштагъланды.
в.селе создаваться-ST-CONV идти-PFCT новый жизнь быть заинтересоваться
‘Он заинтересовался новой жизнью, которая создавалась в селении.’

(4.109) карачаево-балкарский

... эллерине жууукълаш-ы-б бар-гъан
 к.селама приближаться-ST-CONV идти-PFCT
ол уллу аскер кимди?
этот великий войско чей
‘... чье войско приближается к селам (нартов)?’

⁷⁹ Как заметила А. В. Дыбо, данный глагол точнее всего переводить английским *go*, а в русском ему могут соответствовать глаголы *идти* и *уходить*. По замечанию И.А. Невской также имеет место «эгоцентричность этого глагола – движение от субъекта говорения или наблюдения, – отсюда и семантика ‘уходить’ и близость с английским глаголом». Интересно также, что в [Котвич 1962: 210] *bar*- объединяется с глаголами позиции *yörü-* и *yüri-*, а не с глаголами направленного движения.

Оба примера передают значение приближения к некоторому конечному состоянию (наступление новой жизни, прибытие к селам).

Как представляется, глагол *bar-* отличается от остальных директивных лексем в тюркских языках тем, что он в наименьшей степени склонен к выражению директивной семантики и, напротив, гораздо более регулярно, чем многие глаголы этой группы (см. Таблицу 4.19 с глаголом *kir* и Таблицу 4.21 с *tüŝ*), выражает грамматические значения. Собственно директивные значения можно наблюдать в конструкциях типа башкирского *алын барын ташла* ‘отнеси, отвези’ [СИБЯ §22]. По замечанию И.А. Невской: «для тюркских языков, не имеющих *ket-* и *par-* этот глагол является антиподом *kel-*», т. е. в таких языках глагол *bar-* передает директивное значение удаления от ориентира. Взаимозаменяемость глаголов *bar-* и *ket-* отмечается в [Гаджиев 2002] для турецкого и кумыкского языков: турецкий глагол *git-* выражает значения, передающиеся кумыкским *бар-* (например: *Ya, demek beni birakip gidiyorsun!*... ‘А, значит ты покидаешь меня!’).

Для глагола *бар-* в алтайском языке отмечается «направленность и развитие действия от настоящего момента к будущему» [Баскаков (ред.) 1947: 261]. Согласно [Тыбыкова 1966], в алтайском языке конструкции с *бар-* указывают на «направленность, продолжительность и усиление действия», а в [Anderson 2004] алтайско-сибирскому *par* приписывается законченное (completed), перфективное, и инхоативное значения.

В кумыкском языке конструкции с *бар* обладают «аспектуально-видовыми значениями направленности, развития, постепенного развертывания действия. <...> Форма деепричастия на *-п* + *бар-*: *гючленип бармакъ* ‘усиливаться’, *ййылып бармакъ* ‘распространяться’ <...> указывает на процессуальность, постепенное нарастание, развитие действия, а также приближение его к своему завершению» [Гаджиев 2002: 71].

Грамматическая функция: директив / инхоатив.

Таблица 4.16. ‘приходить’

др.-тюрк. *kel*, каз. *кел*, кирг. *кел*, тат. *кил*, кум. *гел*, кбалк. *кел*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	действие, которое совершалось или совершается непрерывно
кирг.	действие совершалось или совершается непрерывно
тат.	направление действия к какому-л. предмету, постепенное развитие действия (к его пределу); результативное действие или то, которое совершалось или совершается непрерывно, регулярно; регулярно совершаемое действие
кум.	возникновение, зарождение действия или состояния; неожиданность действия
кбалк	длительное действие; результат действия; нарастание действия; действие, переходящее в свойство

(4.110)казахский

Ол бізді қоста-п кел-ді.
он нас поддерживать-CONV приходит- PST
‘Он все время поддерживал нас.’

(4.111)казахский

Машина тас жолмен жүр-іп кел-ді.
машина камень по.дороге ходить-CONV приходит- PST
‘Машина едет по шоссе.’

Первый пример демонстрирует наступившее фоновое состояние (наличие поддержки), второй – нахождение внутри неопределённого процесса.

Глаголы, приводимые в словарях в качестве модифицируемых при помощи *кел-*, в основном относятся к стативам, с которыми данный вспомогательный глагол выражает значение задания временного отрезка, в течение которого данное состояние актуально: кирг. *Терек жыгылып келатат* ‘Тополь падает (сюда)’; *Ушундай болуп келди жана мындан ары да ушундай болот* ‘Так было и так будет.’ Интересно, что в [Юдахин 1985] также приводится пример возвратного деривата от данного глагола (*келин-*), который, по словам авторов,

употребляется только в роли вспомогательного глагола и дает следующие значения: *эсептелип келинген* (от *эсепте*- ‘считать’) ‘считалось (до какого-то времени)’; *кыргыздардын оозеки элдик чыгармаларында айтылып келинген ырлар* (от *айт*- ‘говорить’) ‘исполняемые устные произведения киргизского народного творчества.’ Как мы видим, возвратный показатель на непереходном глаголе *кел*- употребляется, если смысловой глагол получает пассивный показатель; таким образом формируется нечто вроде «согласования» по категориям возвратности / пассивности (т. е. категориям, «устраняющим» переходность).

В тувинском языке *кел*- обозначает «1) длительное действие, продолжающееся (продолжавшееся) вплоть до настоящего времени, например: *ажылда* ‘работать’, *ажылдап кел*- ‘работать вплоть до настоящего времени’; <...> *Мен көдээге өзүп келген* ‘Я (вы)рос в деревне’; 2) начало и завершенность действия, например: *хады* ‘дуть (о ветре)’, *хадып кел*- ‘начать дуть, подуть’; <...> *көзүл* ‘виднеться, возникать’, *көстүп кел*- ‘возникнуть, появиться» [Исхаков, Пальмбах 1961: 413]. В тубаларском языке данный глагол указывает на «направленность и развитие действия от прошлого к настоящему» [Шлуинский 2009: 7].

В качестве примеров директивных показателей можно привести следующие карачаево-балкарские пары: *учуб келирге* (от *уч*- ‘летать’) ‘прилететь’, *чабыб келирге* (от *чаб*- ‘бегать’) ‘подбегать, сбегать’, *сюрюб келирге* (от *сюр*- ‘гнать’) ‘пригнать’ [КБС]⁸⁰; ср. также кирг. *алынып келинген кой* (от *ал*- ‘брат’) ‘приведенная овца’ (здесь также присутствует повторение возвратных показателей на обоих глаголах).

Видимо, справедливым для вспомогательного глагола *кел*- можно считать следующее правило: с лексическими глаголами, задающими состояние, он обозначает наступление этого состояния (ср. рус. *пришел в гнев, ярость* и т. д.), а с глаголами, задающими процесс, – пребывание в этом процессе (ср. рус. *машина едет, ветер дует* и т. д.).

Грамматическая функция: директив / прогрессив / хабиитуалис.

⁸⁰ Некоторые карачаево-балкарские примеры, представленные далее в данной работе, также были взяты с этого электронного ресурса.

Таблица 4.17. 'уходить'

др.-тюрк. *ket*, каз. *кет*, кирг. *кет*, тат. *кит*, кум. *гет*, кбалк. *кет*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	внезапность завершённого действия; завершённость действия; удаление от говорящего или действующего лица в роли вспомогательного глагола после деепричастия
кирг.	внезапность или решительность действия
тат.	действие с удалением от исходного пункта; приобретение качества; начало действия; внезапность завершённого действия или решительность действия
кум.	внезапный, неожиданный, мгновенный характер действия, которое обычно протекает интенсивно; действие, происходящее нечаянно, невольно
кбалк	движение от субъекта, от говорящего, с результативным значением; действие, совершаемое нечаянно, без воли субъекта; действие, совершенное полностью, без остатков, без возврата; чуть не совершившееся действие или действие результативное

(4.112) киргизский

Мен жанында турганымда жыгыл-ы-п кет-ти.
я рядом в.мое.стояние упасть-ST-CONV уходить-PST
'Он упал в моем присутствии (в тот момент, когда я стоял возле него).'

(4.113) киргизский

Ал менин көзүмөө бир аяк кымызды
он мой на.глазах один чашка кумыс
тынбастан ич-и-п кет-ти
не.дыша пить-ST-CONV уходить-PST.
'Он чашку кумыса выпил одним духом на моих глазах.'

Директивное значение данного глагола достаточно универсально – в тюркских языках он употребляется с лексемами, задающими способ передвижения ('плыть', 'лететь' и т. д.) и

обозначает удаление от дейктического центра: туркм. *uçup gitmek* ‘улететь’ [Blacher 1996: 130], кбалк. *жюзюп кетерге* ‘уплыть’ и т. д.

Что касается видового значения, то в словаре казахского языка представлены следующие примеры: *қорқып кету* ‘внезапно испугаться’; *жүрегім соғып кетті* ‘у меня сердце вдруг заколотилось’; *күн ашылып кетті* ‘погода окончательно прояснилась’; *ол қайтып кетті* ‘он уехал’; *жүріп кету* ‘двинуться; трогаться’; *өтіп кету* ‘переходить; проходить мимо’; *уақытым босқа өтіп кетті* ‘у меня время ушло попусту.’ При сравнении казахских образований от глагола *жүр-* ‘ходить’ со вспомогательными глаголами *кел-* и *кет-* становится ясно, что *кел-* задает внутреннюю часть процесса (‘ехать’), а *кет-* – его начало (‘двинуться’). Похожую ингрессивную⁸¹ функцию выполняет узбекский глагол *кет-*, сочетающийся в основном с процессами; его значение дополняется «указанием на внезапность возникновения состояния» [Насилов 1989: 143, 161–162].

В чувашском языке глагол *кай-* ‘уходить’ имеет следующие значения: «1) вхождение в процесс или состояние (‘засыпать’); 2) “перфективатор” (‘умереть’)» [Шлуинский 2001: 4]. Оба чувашских значения можно рассматривать как «вхождение в процесс или состояние».

В кумыкском языке глагол *гет-* ‘уходить’ имеет значение «совершенности действия». «Полученная конструкция чаще используется с предельными глаголами и передает значение ингрессива, она предназначена для группы глаголов становления, развития: *къызып гетмек* ‘разозлиться’, *агъарып гетмек* ‘побледнеть.’ <...> Данная конструкция с глаголами “динамического” характера действия выражает завершенность, результативность, резкость совершения действия: *Вазипат правлениягъа къатты алгъасап гирип гетди* <...> ‘Вазипат очень торопливо зашла в правление’» [Гаджиев 2002: 70]. «В турецком языке соответствующая конструкция *-ip git-* <...> выражает обычность, длительность, постоянность совершения действия: *bakip / baka gitmek* ‘просматривать.’ <...> В своей работе П.И. Кузнецов отмечает, что в турецком языке форма со вспомогательным глаголом *git-* выражает монотонно разворачивающееся действие, <...> например: *Sabahlari artik evi babasi derleyip topluyor, gocugun ekmegini birahp gidiyordu* <...> ‘Теперь по утрам дом прибирал отец и оставлял питание для ребенка.’ <...> Данная конструкция турецкого языка, как и в кумыкском, обозначает завершенное, законченное действие» [Гаджиев 2002: 71].

Видимо, столь регулярно повторяющаяся в грамматических описаниях идея завершенности действия, которая чаще всего обозначает наступление результирующего состояния (ср., однако, тур.), приблизительно соответствует категории результата. Примечательно, что русский глагол *пойти* способен задавать начало неопредельного процесса:

⁸¹ вхождение в процесс / состояние

Саймон Уилер загнал меня в угол, загорюдил стулом, уселся на него и пошел рассказывать скучнейшую историю, которая следует ниже.

Отметим также интересное «согласование» по количеству участников, обнаруженное при анализе словаря карачаево-балкарского языка [КБС]. Если мы наблюдали употребление показателей возвратности с обсуждавшимся выше глаголом *кел-*, когда главный глагол стоит в пассиве, то здесь подобное «согласование» организовано несколько иначе: переходность лексического и вспомогательного глаголов иногда можно (необходимо?) согласовывать при помощи каузативной и пассивной морфологии. Например: *жуууб кетерирге* ‘смыть’ (= ‘мыть’ + ‘увести’ – каузативная форма от ‘уходить’), *жууулуб кетерге* ‘смыться’ (‘мыть’, пассив от ‘мыть’ + ‘уйти’). Подобные примеры, возможно, образуют уже СГ «образ действия-результат», обсуждение которых будет представлено в третьей главе.

Грамматическая функция: директив / результатив (“- контроль”).

Таблица 4.18. ‘выходить’

др.-тюрк. *сїq*, каз. *шық*, кирг. *чык*, тат. *чык*, кум. *чыкъ*, кбалк. *чыгъ*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	законченность действия
кирг.	законченность действия полностью или в какой-то части; от начала до конца или какое-л. определенное количество
тат.	действие изнутри чего-л., продолжающееся в полном объеме, в продолжение промежутка времени через пространство; законченность действия полностью или в какой-то части; результативное действие; действие определяется в границах, конкретизируется
кум.	завершенность действия, которое обычно совершается неосновательно, поверхностно, невнимательно
кбалк	констатация факта с модальным оттенком; исчерпанность действия от начала до конца, без остатка

(4.114)казахский

Айтқаны шын бол-ы-п шық-ты.
его.сказанное верно быть-ST-CONV выходить-PST

‘Оказалось правдой то, что он сказал.’

(4.115) киргизский

Суу кайна-п чык-ты.
 вода кипеть-CONV выходить-PST
 'Вода закипела.'

Директивное значение данного глагола можно проиллюстрировать следующими казахскими примерами: *алып шыгу* 'вынести', *қашып шыгу* 'выбежать', *тастап шыгу* '(вы)бросить', *ұшып шыгу* 'вылететь'; ср. также кбалк. *чабып чыгъаргъа* 'выбегать', *учуп чыгъаргъа* 'вылетать.' Если при этом исходный глагол переходный, в балкарском словаре приводится вспомогательный глагол с каузативом: *эмип чыгъарыргъа* 'высасывать', *тюртюп чыгъарыргъа* 'выталкивать', *тартып чыгъарыргъа* 'вытягивать.' Похожий эффект наблюдается и в татарском языке: если лексический глагол является переходным, в словаре приводится каузативный вариант *чыгыр-*, а не *чык-*: *бәреп чыгарырга* 'отбить' (от *бәр-* 'бить').

Следующие примеры иллюстрируют видовую семантику данного глагола: каз. *болып шыгу* 'оказаться', *оқып шыгу* 'прочитать', *айтып шыгу* 'пересказать', *қарап шыгу* 'просмотреть', *санап шыгу* 'посчитать', *шолып шыгу* 'обозреть'; кирг. *кулагына чейин кызарып чыкты* 'он покраснел до ушей', *текшерип чык-* 'обследовать', *ал кунку иштеле турган иштин багытын аныктап чыгат* 'он уточняет направление работы, которая должна быть выполнена за день.'

В чувашском языке глагол *тух-* 'выходить' употребляется как «перфективатор» [Шлуинский 2001: 4]; башкирский глагол *сык-* обозначает «завершение процесса»: *укып сыкты* 'прочитал' [СИБЯ §22]. Как утверждается в [Гаджиев 2002: 79], «<...> глагол *чыкь-* / *gik-* 'выходить, выйти' в кумыкском и турецком языках в сочетании с деепричастием на *-ып* / *-а*, *-е* образует бивербальные конструкции, обладающие значением полноты совершения действия над объемным аффилированным объектом. Данная форма обозначает исчерпывающий охват действия, завершенность перехода из одного состояния в другое, а также результативность действия». Вероятно, на перфективную функцию указывает и отмеченная в [Текуев 1979: 57] «констатация факта с модальным оттенком».

Завершенность действия как функция данного вспомогательного глагола упоминается также и в [Rentzsch 2006] в связи с уйгурским языком. В узбекском языке глагол *чиқ-* «используется для указания на окончание процесса, который помещен в определенные временные рамки», он обозначает «полноту совершения действия над объемным аффицированным объектом» [Насилов 1989: 146, 168]: *(всю ночь) прокашлял / пропел / прошумел / пересчитал / пронумеровал.*

Интересно, что в некоторых тюркских языках вспомогательный глагол с определенным лексическим значением может быть представлен формально (фонологически) несовпадающей единицей. Такие глаголы, однако, также могут функционировать в роли вспомогательных, хоть и не всегда с тем же грамматическим значением. Так, например, обстоит дело с тувинским глаголом *ун-* ‘выходить’, который обозначает «завершенность действия в его начале, <...> например: *ырла-* ‘петь’, *ырлап ун-* ‘запеть, начать петь’» [Исхаков, Пальмбах 1961]; см. также [Котвич 1962: 210] о параллелях между тюркскими и другими алтайскими языками.

Грамматическая функция: директив / перфектив.

Таблица 4.19. ‘входить’

др.-тюрк. *kir*, каз. *кiр*, кирг. *кир*, тат. *кир*, кум. *гир*, кбалк. *кир*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	–
кирг.	указывает на движение внутрь
тат.	действие, направленное вовнутрь, с оттенком неожиданности
кум.	–
кбалк	войти внутрь чего-л.

Примеров на аспектуальное значение глагола *кир-* в казахском, киргизском и татарском языках обнаружить не удалось, что, однако, не исключает возможности такого употребления. В киргизском языке представлены следующие примеры на употребление глагола *кир-* в директивной функции: *учуп кир-* ‘влететь’, *уңуп кир-* ‘врезаться во что-л.’; схожие директивные употребления встречаются и в других тюркских языках: каз. *жарып кiр-* ‘ворваться’, *бұғып кiр-* ‘подкрасться.’

Интересные примеры директивных употреблений предоставляет карачаево-балкарский язык, где обнаруживается «согласование» по количеству участников: так, сочетание глагола *уру-* ‘бить’ с данным вспомогательным глаголом (*уруб кир-*) имеет значение ‘влетать, врываться, вторгаться’, но сочетание с каузативным дериватом *кийир-* (*уруб кийир-*) употребляется уже в значении ‘вбить.’ Скорее всего, в первом случае мы имеем дело с непереходным употреблением *ур-* в значении ‘стучать’, а во втором – в значении ‘бить кого-л. (что-л.)’; ср. употребление каузативного варианта с другими переходными глаголами: *басып кийир-* ‘вдавливать’, *сюрюп кийир-* ‘загнать – также, скорее всего примеры СГ.

В киргизском языке также встречаются случаи стяжения двух глаголов (смыслового и вспомогательного), когда они регулярно употребляются вместе и передают одно лексическое значение, что регулярно имеет место с директивами, например: *апкир-* (*алып-* + *кир-*) ‘вносить.’ Возможно, эти случаи ограничены лексическим глаголом *ал-* (ср. также *апбер*); по крайней

мере, для туркменского языка утверждается, что стяженные формы регулярно образуются именно (только?) от этого глагола: *alyр gelmek – äkel, alyр gitmek – äkit* [Blacher 1996].

Описание видового употребления глагола *кир-* встречается в грамматике тувинского языка, где он «обозначает завершенность действия в его начале, приступ к действию, например: *ажылда-* ‘работать’, *ажылдап кир-* ‘начать работать’» [Исхаков, Пальмбах 1961: 413]. В [Гаджиев 2002: 66] говорится о возвратном варианте данного глагола *гирииш-* / *гиріш-* ‘приступать’ в кумыкском и турецком языках, где он обозначает «ингрессивную начинательность, т. е. определенное действие, начало и продолжение которого составляет единое целое».

Грамматическая функция: директив.

Таблица 4.20. ‘проходить’

др.-тюрк. *öt*, каз. *өт*, кирг. *өт*, тат. *үт*, кум. *ет*, кбалк. *ёт*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	–
кирг.	–
тат.	действие, совершающееся мимоходом, исчерпанность действия
кум.	–
кбалк	интенсивный результат действия

(4.116) татарский

Үз чыгышында Ә. М. кызы Швейцария тәҗрибәсе турында
 свой в.выступление Ә. М. дочь Швейцария опыт о
 искә ал-ы-п⁸² үт-те.
 упоминать-ST-CONV проходить-PST

‘В своем выступлении дочь Ә. М. (Әлфиры Миңнуллиной) упомянула опыт Швейцарии.’

Даже если в казахском, киргизском и кумыкском языках у данного глагола имеется грамматическое употребление, оно является несколько «вырожденным». Директивное значение, являющееся подклассом значения СГ «образ действия-результат», однако, регулярно встречается в тюркских языках, например: кбалк. *учуп ётерге* ‘перелететь’, *жюзюп ётерге* ‘переплыть’, *сюркелип ётерге* ‘переползти’, *секирип ётерге* ‘перепрыгнуть’, *секирип ётерге* ‘перескочить.’

⁸² *искә ал-* ‘упоминать’ (букв. ‘на память брать’)

Кроме исследований по татарскому языку глагол *öt-* упоминается в качестве носителя видовой семантики также в работах по уйгурскому языку, где он передает значения полноты или быстроты / поверхностности законченного действия [Rentzch 2006].

Грамматическая функция: директив / пунктив.

Таблица 4.21. ‘спускаться, падать’

др.-тюрк. *tüŝ*, каз. *tүс*, кирг. *туш*, тат. *төш*, кум. *тюш*, кбалк. *тюш*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	–
кирг.	–
тат.	действие, которое охватывает предмет полностью, результативное, внезапное действие; действие сверху вниз; частичное развитие действия; интенсивность действия; действие, совершаемое неожиданно, внезапно
кум.	–
кбалк	–

Встреченные нами примеры из татарского языка на «результативное» и др. употребления содержат глаголы движения, т. е. по сути являются директивными употреблениями *төш*. Приведем примеры директивных употреблений глагола *туш* в киргизском языке: *учуп түш*- ‘свалиться (с лошади)’, *кыялап түш*- ‘спускаться с горы серпантином’ (от *кыяла*- ‘двигаться по склону, идти серпантином’), *секирип түш*- ‘спрыгнуть.’ В карачаево-балкарском языке встречаем: *чабыб тюш*- ‘сбежать’, *учуб тюш*- ‘слететь’, *секириб тюш*- ‘соскочить’, *учуб тюш*- ‘сехать’; в случае, если смысловой глагол переходный, вспомогательный принимает показатель каузатива (см. выше): *атып тюшюр*- ‘сбить’, *сюйреп тюшюр*- ‘стащить.’ Чувашский глагол *ап*- ‘спускаться’ не совпадает со стандартной общетюркской единицей, но, что примечательно, также передает значение движения, направленного вниз.

Что касается видовой семантики, то подобные значения передаются данным глаголом не в сочетании с деепричастием на *-н*, а при помощи других форм: например, тувинский глагол *дүш*- выражает подобные значения только в сочетании с деепричастиями на гласный [Исхаков, Пальмбах 1961], то же имеет место в татарском и башкирском языках. В кумыкском и турецком языках данный вспомогательный глагол сочетается только с инфинитивными формами [Гаджиев 2002]. В уйгурском языке грамматическое значение глагола *šüŝ-*, состоящее в «деструктивности и повреждении», описывается как встречающееся редко и с глаголами,

близкими по семантике [Rentzch 2006]; при этом в качестве примера приводится другой глагол со значением ‘падать’, что больше соответствует конструкции с редуцированными деепричастиями.

Грамматическая функция: директив.

4.4.3.5. *Глаголы восприятия*

Все глаголы, которые будут описаны в данном разделе, объединяет то, что они выражают различные модальные значения. Грамматическая семантика данных глаголов достаточно «прозрачна»: глагол со значением ‘знать’ выражает внешнюю / внутреннюю возможность, а глаголы ‘видеть’ и т.д. – попытку.

Таблица 4.22. ‘знать’

др.-тюрк. *bil*, каз. *біл*, кирг. *бил*, тат. *бел*, кум. *бил*, кбалк. *бил*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	–
кирг.	–
тат.	–
кум.	–
кбалк	–

(4.117) киргизский

Нурзатка телефон чалы-п бил-дим.

Нурзату телефон звонить-CONV знать-1SG

‘Я мог позвонить Нурзату по телефону.’

(4.118) казахский

Хан ойын болжа-п біл-ген-дей Оспан-Қожа <...>

хан мысль предвидеть-CONV знать-PFCT-ATR Оспан-Қожа

‘Оспан-Қожа, который мог предвидеть мысли хана <...>’

Грамматические значения данных глаголов достаточно единообразны в тюркских языках. Так, в тубаларском данный глагол имеет «значение капацитива (указывает на овладение данным действием, умение его совершить)» [Шлуинский 2009: 7]. В туркменском языке глагол ‘знать’ функционирует в той же роли, причем, по замечанию авторов грамматики [Blacher 1996], предшествующее деепричастие сливается с ним в одно фонологическое слово, а

деепричастный согласный *-p* и начальный *b-* в слове *bil-* преобразуются в *-v-*: *görüip bil-* (*görüivilmek*) ‘мочь увидеть.’

Часто данные вспомогательные глаголы сочетаются с деепричастиями на гласный, причем иногда значение возможности способно передаваться обеими формами смыслового глагола.

Грамматическая функция: POSSIBILITY.

Таблица 4.23. ‘видеть’

др.-тюрк. *kör*, каз. *kөр*, кирг. *kөр*, тат. *кур*, кум. *гёр*, кбалк. *кёр*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	пробовать, пытаться
кирг.	попробовать, попытаться
тат.	–
кум.	–
кбалк	проба действия; модальный оттенок удивления свершившимся действием

(4.119) киргизский

Ушул китепти кара-п көрчү.
этот книга смотреть-CONV видеть.IMP
‘Посмотри-ка вот эту книгу (можешь не читать внимательно).’

(4.120) карачаево-балкарский

Къонакъла этни аша-б кёр-дю-ле.
гости мясо есть-CONV видеть-PST-PL
‘Гости попробовали мясо.’

В казахском словаре предложены следующие примеры со значением попытки: *айтып көру* ‘попытаться рассказать’, *аңгіме жазып көру* ‘пытаться написать рассказ’, *көтеріп көру* ‘попытаться поднять’, *күшімізді сынап көрейік* ‘попробуем свои силы.’ В карачаево-балкарском словаре [КБС] встречаем следующие лексикализованные значения с глаголом *кёр-*: *тенглешидириб кёр-* ‘сверить’ (от *тенглешидир-* ‘сравнить’), *тийиб кёр-* ‘щупать’ (от *тий-* ‘касаться’). То же значение имеют глаголы со значением ‘видеть’ в тубаларском [Шлуинский 2009], уйгурском [Bridges 2008], тувинском [Исхаков, Пальмбах 1961] и других тюркских языках.

Грамматическая функция: аттемптив.

Таблица 4.24. ‘смотреть’

др.-тюрк. *qara-* ‘присматривать’, др.-тюрк. *baγ*, каз. *қара*, кирг. *кара*, тат. *кара*, кум. *къара*, кбалк. *къара*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	пытаться; пробовать
кирг.	–
тат.	пробовать, пытаться что-л. сделать
кум.	действие, совершаемое субъектом без уверенности в положительном исходе, как попытка, проба
кбалк	–

(4.121) татарский

Ул Поддубный белэн берничэ мэртэбэ

он Поддубный с несколько раз

кереше-п кара-ган...

бороться-CONV смотреть-PFCT

‘Он несколько раз пытался бороться с (Иваном) Поддубным...’

(4.122) киргизский

Кубандык бир топ жерге чейин

Кубандык много земель до

бар-ы-п кара-п чык-ты.

двигаться-ST-CONV видеть-CONV выходить-PST

‘Кубандык до многих земель постарался дойти.’

В казахском словаре находим следующие примеры с этим значением: *пернені басып қарау* ‘пробовать нажать на клавиши’, *дәмін татып қарау* ‘дегустировать (о пище).’ В целом, данный глагол не очень распространен в тюркских языках, однако в тех языках, в которых он встречается, особых колебаний в выражаемой им грамматической функции нами не обнаружено. Данное грамматическое значение может также выражаться глаголом со значением ‘присматривать’ (от др.-тюрк. *baγ*): так, например, обстоит дело с уйгурским *baq-* [Bridges 2008].

Грамматическая функция: аттемптив.

4.4.3.6. Бытийные глаголы

Таблица 4.25. 'быть'

др.-тюрк. *bol*⁸³, каз. *бол*, кирг. *бол*, тат. *бул*, кум. *бол*, кбалк. *бол*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	законченность действия
кирг.	заканчивать; доходить до предела
тат.	форма возможности
кум.	действие, имевшее место в отдаленном прошлом, свидетелем которого говорящий не был; действие, о котором говорящий сообщает не как очевидец
кбалк	завершение действия до конца, без остатка; состояние субъекта; действие неочевидности

(4.123) татарский

Вокзалга ничек бар-ы-п бул-а?
на.вокзал как идти-ST-CONV быть-3SG

'Как можно проехать на вокзал?'

(4.124) киргизский

Үшү-п бол-дум.
мерзнуть-CONV быть-PST.1SG

'Я совсем замерз.'

Грамматическая семантика данных глаголов различна внутри тюркских языков. Так, в киргизском и казахском языках данные глаголы передают значение, которое можно условно обозначить термином «результатив»: каз. *жазып бол-* 'написать' (букв. 'закончить писать'), *оқып бол-* 'прочитать' (букв. 'закончить читать'); ср. выше пример из киргизского языка. Эти примеры позволяют предположить, что в казахском языке *бол-* обозначает действие, приводящее к вхождению в определенное результирующее состояние ('замерз', 'написано',

⁸³ По замечанию И.А. Невской: «*Bol* в древнетюркском – это 'становиться', а не 'быть', отсюда и значение законченности действия в казахском и киргизском языках». В [ДТС 1969] приводятся следующие значения этого глагола: 1) 'случаться, происходить, совершаться, иметь место'; 2) 'быть в наличии, иметься, существовать'; 3) 'миновать (о времени)'; 4) 'становиться, делаться кем-л., чем-л., каким-л.'. Как мы видим, набор значений др.-тюрк. *bol*, действительно, не очень похож на наборы значений как русского глагола *быть*, так и рефлексов *bol* в современных тюркских языках: ему может быть свойственно инхоативное значение. Мы оставляем здесь русский перевод «быть», т. к. подобное значение, как представляется, присутствует в семантике и др.-тюрк. *bol*, и его рефлексов в современных тюркских языках.

‘прочитано’). Те же функции имеет этимологически родственный глагол в уйгурском языке [Rentzsch 2006].

В то же время татарский глагол *бул-* выражает возможность. Модальность возможности передавалась данным глаголом еще в древнетюркском [ДТС 1969: 111], где он имел значение ‘случаться, происходить, совершаться, иметь место.’ Такое же грамматическое значение находим в тувинском [Исхаков, Пальмбах 1961] и тубаларском [Шлуинский 2009]; ср. также кум. *айтып бол-* ‘быть в состоянии сказать’, *гелип бол-* ‘сможешь прийти’ [Гаджиев 2002: 75]. Узбекский *бул-* «передает окончание с некоторого момента проявления определенного состояния, обозначенного неопределенным глаголом» и «реализует значение законченности с достижением результата» (‘отработать’, ‘отшуметь’, ‘договорить’) [Насилов 1989: 146].

В русском языке также существует конструкция с глаголом *быть* в прошедшем времени, которая передает значение нереализовавшейся возможности и является источником русского сослагательного наклонения с частицей *бы*: *Я было испугался, но потом понял в чем дело.*

Грамматическая функция: POSSIBILITY / RESULTATIVE.

Таблица 4.26. ‘оставаться’

др.-тюрк. *qal*, каз. *қал*, кирг. *кал*, тат. *кал*, кум. *къал*, кбалк. *къал*

язык	функции вспомогательного глагола (согласно грамматическим описаниям)
каз.	–
кирг.	неожиданность или решительность действия
тат.	результативное действие; незавершенное действие; завершение действия с установлением длительного состояния; переход действия в состояние или динамики в статику
кум.	категорическая завершенность, законченность действия; действие, которое происходит вдруг, неожиданно, случайно или независимо от воли субъекта; интенсивность действия; пассивное самопрекращение действия, произвольность, независимость действия от воли субъекта
кбалк.	переход действия в безвозвратное состояние; результат действия; действие, которое чуть не свершилось, или неполнота действия

(4.125)киргизский

Кыргыздын бир топ белгилүү адамдарын.

киргизов один группа известный людей

көр-ү-п бил-и-п кал-дым

видеть-ST-CONV знать-ST-CONV оставаться-1SG

‘Я увидел и узнал много известных киргизов.’

(4.126)кумыкский

Девлетгерей Исрапилге къара-п къал-ды.

Девлетгерей Исрапила смотреть-CONV оставаться-PST

‘Девлетгерей (пристально) посмотрел на Исрапила.’

Несмотря на то, что кумыкский пример приведен в качестве иллюстрации интенсивности действия, представляется, что в данном случае он, как и киргизский, описывает вхождение в определенное состояние. Ср. также примеры из других тюркских языков: тат. *укуп калды* ‘сумел прочитать’; каз. *ауырын қал-* ‘заболеть’, *кешигін қал-* ‘опаздывать’, *айырылып қал-* ‘отбиться’, *ұмытып қал-* ‘забывать’, *ойланып қал-* ‘думать.’

Относительно тубаларского *qal-* в [Шлуинский 2009] утверждается, что он синонимичен глаголу *qoj* ‘бросать’ (см. выше) и задает вхождение в состояние / процесс; ту же грамматическую функцию находим у уйгурского глагола *qal-* [Rentzsch 2006]. В тувинском языке глагол *кал-* задает «законченность действия (состояния) с непереходным значением, например: *уду-* ‘спать’, *удуп кал-* ‘уснуть’» [Исхаков, Пальмбах 1961: 414]. В кумыкском и турецком языках *къал-* обозначает «неожиданность, внезапность, случайность, фиксированность глагольного действия» [Гаджиев 2002: 146]. Башкирский глагол *һал-* имеет значение «резкого завершения однократного процесса» [СИБЯ §22]. В узбекском языке, согласно [Насилов 1989: 145], глагол *қол-* выполняет ингрессивную функцию, «выявляя момент скачка в состояние, названное деепричастной формой» (‘заснуть’, ‘завертеться’, ‘перепугаться’ и т. д.); кроме того, данный глагол может передавать результативное значение (‘покосился’, ‘устарел’) [Насилов 1989: 175].

Грамматическая функция: результатив.

4.4.4. Итоги: лексические и грамматические значения сериализаторов

Итак, представляется возможным говорить о наличии регулярных параллелей между лексическим значением глагола и той грамматической функцией, которую он выражает.

Так, глаголы позиции и ненаправленного движения ведут себя наиболее последовательно и обычно грамматикализуются в прогрессив / имперфектив / хабитуалис, что вполне закономерно, если принять во внимание тот факт, что данные глаголы обычно выражают длительные фоновые действия.

Несмотря на то, что оба глагола смены собственности выполняют аппликативную функцию, их аспектуальные значения несколько расходятся: для *al-* ‘брать’ характерно лимитативное значение, тогда как *ber-* ‘давать’ выражает инхоатив / результатив.

Глаголы изменения пространственного положения пациенса (‘ставить’, ‘класть’ и т. д.) передают значение временной ограниченности и интенсивности действия, т. е. пунктива (и, возможно, перфектива в случае глагола *жибер-* и его коррелятов).

Все глаголы направленного движения могут выражать директивное значение. Если же им оказывается свойственно также аспектуальное значение, то они следуют одному из двух сценариев. Первый сценарий характерен для глаголов, подразумевающих некоторую конечную точку движения (*bar* ‘идти’ и *kel* ‘приходить’): они могут объединиться с глаголом ненаправленного движения *jür(ü)* и грамматикализуются в инхоатив / прогрессив. Второй сценарий имеет место с глаголами, передающими значение удаления от ориентира (*ket* ‘уходить’, *čiq* ‘выходить’, *öt* ‘проходить’): они могут выражать достижение и прохождение некоторой внутренней или временной фазы события, т. е. передавать значения результатива / пунктива.

Глаголы восприятия передают модальные значения возможности (глаголы со значением ‘знать’) или попытки (глаголы ‘видеть’, ‘смотреть’).

Бытийные глаголы *bol* ‘быть’ и *qal* ‘оставаться’ обычно обозначают результативное состояние. Глагол *bol* также может передавать значение возможности; это значение также близко к результативному – с той лишь разницей, что результат действия является не наблюдаемым, а лишь предполагаемым.

Результаты исследования могут быть подытожены в следующей таблице.

Таблица 4.27. Грамматические значения, передаваемые различными классами глаголов

тематический класс	глагол	грамматическое значение
глаголы позиции и ненаправленного движения	<i>tur</i> ‘стоять’	прогрессив
	<i>jat</i> ‘лежать’	имперфектив
	<i>oltur</i> ‘сидеть’	хабитуалис
	<i>jürü</i> ‘ходить’	
глаголы смены собственности	<i>al</i> ‘брать’	аппликатив, лимитатив
	<i>ber</i> ‘дать’	аппликатив, инхоатив, результатив
глаголы изменения пространственного положения пациенса	<i>jibär</i> ‘посылать’	результатив
	<i>sal</i> ‘класть’	пунктив
	<i>qoj</i> ‘ставить’	пунктив, результатив
	<i>tašla</i> ‘бросать’	пунктив
	<i>at</i> ‘кидать’	пунктив
глаголы направленного движения	<i>bar</i> ‘идти’	директив, инхоатив
	<i>kel</i> ‘приходить’	директив, прогрессив, хабитуалис
	<i>ket</i> ‘уходить’	директив, результатив
	<i>čiq</i> ‘выходить’	директив, перфектив
	<i>kir</i> ‘входить’	директив
	<i>öt</i> ‘проходить’	директив, пунктив
	<i>tüš</i> ‘спускаться, падать’	директив
глаголы восприятия	<i>bil</i> ‘знать’	поссибилитив
	<i>kör</i> ‘видеть’	аттемптив
	<i>qara</i> ‘смотреть’	аттемптив
бытийные глаголы	<i>bol</i> ‘быть’	поссибилитив, результатив
	др.-тюрк. <i>qal</i> ‘оставаться’	результатив

4.5. Грамматикализация и реструктурирование

Основу языкового материала, приводимого в следующей части работы, составили данные мишарского диалекта татарского языка, собранные лингвистической экспедицией ОТиПЛа МГУ в 2012 г. в с. Рыбушкино Нижегородской области. Идиолект Рыбушкино несколько отличается от других мишарских говоров, однако в области семантики и синтаксиса сериализаций существенных расхождений с другими татарскими диалектами обнаружено не было. Незначительны и отклонения от «среднетюркского» стандарта – некоторые сериальные глаголы вышли из употребления, например, литературное татарское *утыр-*, ‘сидеть’, *сал-*, ‘ставить’ и некоторые другие. При этом синтаксис и семантика сериальных конструкций в мишарском диалекте существенно не отличается от употребления сериализаторов, например, в киргизском или других тюркских языках.

Сбор языкового материала осуществлялся путем составления компьютерной базы данных, содержащей отдельные поля для типа лексического глагола, сериализатора, отрицания и актантных дериватов. После составления представительного корпуса примеров данные были проанализированы и составили базу примеров представленного ниже исследования.

4.5.1. Тюркские конструкции со вспомогательными глаголами

В данной главе основное внимание будет уделено особенностям взаимодействия сериализатора и смыслового глагола. Наблюдаемых аспектов такого взаимодействия два: i) допустимо ли сочетание двух конкретных единиц, и если нет, то почему; ii) если сочетание грамматично – как его значение отличается от значения предикации с одним лишь лексическим глаголом.

Что касается состава сериальных глаголов, то в мишарском диалекте с. Рыбушкино представлен достаточно стандартный для тюркских языков список глаголов. Ниже приведены основы и лексические значения тех глаголов, которые регулярно употребляются для выражения некоторого грамматического значения в исследованном нами диалекте:

(4.127) *al-* брать, *bak-* смотреть, *bir-* давать, *çyk-* выходить, *jat-* лежать, *kal-* оставаться, *kit-* уходить, *kuj-* ставить, *tʏr-* стоять, *teŝ-* спускаться, *žiber-* бросать.

Основные значения данных сериализаторов таковы. Глаголы *al-* и *bir-* имеют бенефактивную ('для себя' и 'для кого-то' соответственно) функцию, которая, впрочем,

достаточно сильно вырождена в данном диалекте. Сериализатор *bak*- используется в модальной функции и выражает попытку действия. Следующие глаголы регулярно образуют различные аспектуальные значения: *al-*, *čxk-*, *jat-*, *kit-*, *kuj-*, *txr-*, *žiber-*. Наиболее употребительны среди них *al-*, *čxk-*, *txr-*, *žiber-*. Список директивных сериализаторов ограничен глаголами *teš-* и *čxk-*, при этом у первого из них – только директивная функция, а второй бывает и директивным, и аспектуальным показателем.

4.5.2. Ограничения на взаимодействие сериального и лексического глаголов

4.5.2.1. Возможные подходы к анализу КСГ

Традиционно подходы к синтаксису образований, подобных тюркским КСГ, строятся вокруг моно- или биклаузальности и связанного с этим эффекта реструктурирования. Сам феномен реструктурирования был впервые наиболее подробно описан в [Rizzi 1978]. Он состоит в том, что при образовании (инфинитивных) конструкций с некоторыми глаголами, передающими модальные, аспектуальные и другие значения нарушаются границы вложенной предикации. А именно, некоторые явления, относящиеся к вложенной (инфинитивной) клаузе, наблюдаются в матричной клаузе. Для итальянского языка, например, засвидетельствовано так называемое «выползание» (*climbing*) клитик, происходящее с одними матричными глаголами и запрещенное с другими:

(4.128) итальянский

[Cinque 2004]

a.	Lo	volevo	[vedere	t	subito]
	его	хотел	видеть		немедленно
	‘Я хотел увидеть его немедленно.’				
b.	*Lo	detesto	[vedere	t	in quello stato]
	его	ненавижу	видеть		в таком состоянии
	‘Ненавижу наблюдать его в таком состоянии.’				

Круг проблем, обсуждаемый в связи с реструктурированием, включает, как правило, все грамматические явления, связанные с локальностью / независимостью простой предикации: залоговые преобразования, сферу действия кванторов и отрицания, связывание, скрэмблинг, самостоятельную временную референцию, эффекты переезда и т.д.

Можно выделить следующие основные подходы к феномену реструктурирования. Г. Чинкве, см. [Cinque 2004], предлагает радикальный моноклаузальный анализ: все модальные, фазовые, аспектуальные и др. глаголы, присоединяющие инфинитивы (и другие нефинитные формы), занимают позицию некоторой функциональной вершины в структуре клаузы,

проецируемой смысловым глаголом. При таком подходе «прозрачность» границ вставленной предикации следует автоматически, т.к. никаких границ предикации как таковых, собственно, не наблюдается.

Данный анализ следует из предложенного Рицци и Чинкве так называемого картографического подхода к синтаксису. Согласно картографической парадигме все языки располагают универсальным набором функциональных проекций, упорядоченных определенным образом, см., например, [Cinque 2004].

Мы не будем останавливаться на разборе явлений других языков, не укладывающихся в моноклаузальный подход к реструктурированию, приведем лишь один пример из тюркских.

В тюркских КСГ маркер отрицания может располагаться как на финитном, так и на вспомогательном глаголе, при этом различное расположение показателя отрицания соответствует различной сфере действия:

(4.129)мишарский

a.	urman	çere-m-i-çe	tʏr-dʏ.
	дерево	гнить-NEG-ST-CONV	стоять-PST

‘Дерево долго не гнило.’

b.	urman	çere-p	tʏr-m-a-dʏ.
	дерево	гнить-CONV	стоять-NEG-ST-PST

‘Дерево недолго гнило.’

Из данных примеров следует, что в тюркских языках существует как минимум две позиции для отрицания. Однако в отсутствие сериального глагола простая предикация может оформляться лишь одним показателем отрицания:

(4.130)мишарский

a.	*urman	çere-m-i-çe-m-ä-de.
	дерево	гнить-NEG-ST-CONV-NEG-ST-PST

b.	*urman	çere-m-ä-m-ä-de.
	дерево	гнить-NEG-ST-NEG-ST-PST

c.	urman	çere-m-ä-de.
	дерево	гнить-NEG-ST-PST

‘Дерево не гнило.’

Такая асимметрия структур со вспомогательными глаголами и без необъяснима в духе подхода Чинкве. Альтернативный анализ, предложенный и разработанный С. Вурмбранд, предполагает существование как реструктурирующих, так и нереструктурирующих инфинитивов, причем среди первых выделяются также лексические реструктурирующие и функциональные реструктурирующие глаголы, см. [Wurmbrand 2001, 2004].

Нереструктурирующие инфинитивы в отличие от реструктурирующих допускают наличие собственного подлежащего PRO и в целом сохраняют структуру независимой клаузы. Подобное поведение далеко от того, что мы наблюдаем в тюркских КСГ: как минимум часть «функциональной работы» (например – лицензирование подлежащего) явно выполняет проекция вспомогательного глагола.

Функциональные реструктурирующие инфинитивы предполагают подход в духе Чинкве: их матричный предикат занимает некоторую функциональную проекцию в верхней части клаузы. Лексические реструктурирующие инфинитивы также способны образовывать пассив, маркируя залоговым показателем матричный предикат:

(4.131) немецкий

[Wurmbrand 2004]

dass der Lastwagen und der Traktor
 что DEF-NOM грузовик и DEF-NOM трактор
 zu reparieren versucht wurden.
 INF чинить стараться AUX.PASS

‘что они старались починить грузовик и трактор’

Отличие матричных глаголов при лексическом реструктурировании в том, что они присоединяются существенно ниже в структуре клаузы, чем функциональные. Таким образом, лексические реструктурирующие глаголы получают возможность выполнять часть работы по лексической сочетаемости: в частности, они оказываются ответственны за тематическое маркирование. Так, неграмматичность следующего немецкого примера связана с тем, что глагол *versuchte* должен присваивать собственную семантическую роль некоторому одушевленному участнику, вследствие чего он не допускает подъем вставленного неодушевленного прямого объекта в подлежащую позицию при пассивизации:

(4.132) немецкий

[Wurmbrand 2004]

*Der Kuchen versuchte gegessen zu werden.
 DEF пирог старался съеден INF AUX.PASS

‘Пирог старался быть съеденным.’

Похожего эффекта, однако, не наблюдается в мишарском, ср.:

(4.133)мишарский

kiŕer	arĕ-ŕ-l-ŕ-p	bak-gan.
морковь	чистить-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-PFCT

‘Морковь попробовали почистить.’

Глагол *bak-*, ‘видеть’, будучи употреблен как сериальный, также требует одушевленного участника, однако конфликта семантических ролей в данном случае не наблюдается. Как представляется, причина здесь в том, что татарский сериализатор *bak-*, в отличие от немецкого глагола *versuchte*, не приписывает семантической роли. Он лишь содержит признак +контроль, который предполагает выбор сознательного агенса, не получившего фонологического выражения в данном примере.

Предлагаемый в данной работе подход к структуре КСГ также подразумевает моноклаузальный, т.е. реструктурирующий анализ. Главное отличие нашего подхода от функционального анализа в духе Чинкве состоит в том, что «сумма слагаемых» двух функциональных структур, складывающаяся из структуры, проецируемой сериальным глаголом, и структуры, проецируемой смысловым глаголом, не будет «равна» структуре простой предикации. Отличие от подхода à la Вурмбранд будет в том, что согласно нашему анализу, тюркские КСГ, обладая некоторыми свойствами, характерными для лексических узлов, лишены в то же время наиболее существенных свойств лексических проекций, а именно – способности проецировать собственную аргументную структуру.⁸⁴

Главные отличительные особенности нашего подхода к реструктурированию и грамматикализации вспомогательных глаголов таковы: i) обращение с сериальными глаголами как с функциональными проекциями; ii) композициональность синтаксической структуры в КСГ; iii) сохранение за вспомогательными глаголами некоторой части лексических свойств, определяющих, например, их сочетаемость с глагольной морфологией. Предикации с КСГ, с нашей точки зрения, образуют единую сложную составляющую, которая построена из двух «недопредикаций»: проекции лексического глагола в нижней части структуры и проекции сериализатора – в верхней. Из-за того, что сериализатор сохраняет некоторые свойства обычных глаголов (например, способность сочетаться с деривационной морфологией и

⁸⁴ Исключение здесь – аппликативные вершины со значением ‘сделать для кого-то’ (глагол *bir-*, давать) и ‘сделать для себя’ (глагол *at-*, брать). Данные глаголы, однако, также лишены таких свойств лексических вершин как избирательная сочетаемость с наречиями и т.п. – они фактически стали аналогичны каузативным и пассивным показателям (с точностью до типа вставляемого аргумента).

показателями отрицания), такая «синтаксическая сумма» получается больше (и сложнее) чем обычная простая предикация.

Ниже будет описана модель, в рамках которой мы предполагаем анализировать исследованные нами свойства глагольных группы мишарского диалекта. С одной стороны, данная модель основывается на стандартных представлениях о структуре предикации и глагольной группы, принятых в современной порождающей грамматике, подробно об этом будет сказано в 4.5.2.2 и 4.5.2.3. С другой – мы предложим некоторое уточнение процесса синтаксической композиции, основывающееся на особенностях грамматикализации сериализаторов, чему будет посвящен раздел 4.5.2.4.

4.5.2.2. КСГ и композициональность синтаксической структуры клаузы

Ограничения на сочетаемость и интерпретацию КСГ в общем случае являются функцией следующих трех компонентов: i) исходной аргументной структуры глагола; ii) типа присоединяемого морфологического показателя (например, антикаузатив, пассив, первый каузатив, второй каузатив и т.д.); iii) типа сериализатора. Здесь мы разберем ту часть структуры, которая связана с сериализатором, т.е. ограничение iii), а в 4.5.2.3 обратимся к условиям i) и ii).

Сериальные глаголы принимают всю финитную морфологию, доступную глаголам, возглавляющим простую предикацию, и располагаются, таким образом, на определенном уровне синтаксической проекции клаузы. Разберем следующий пример:

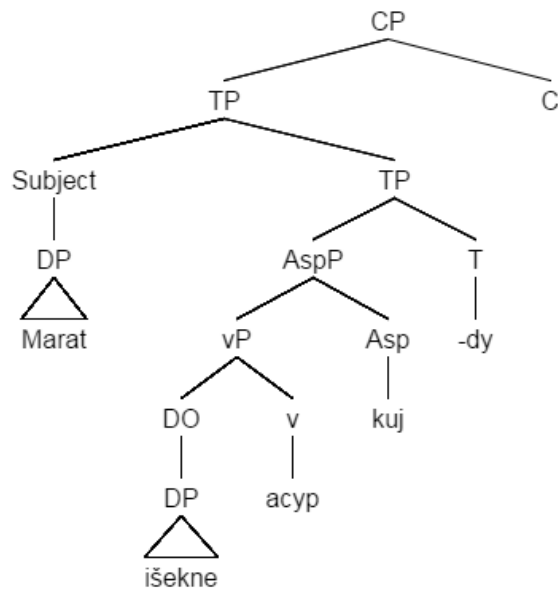
(4.134)мишарский

marat	išek-ne	ač-γ-p	kuj-dγ.
Марат	дверь-ACC	открывать-ST-CONV	ставить-PST

‘Марат вдруг открыл дверь.’

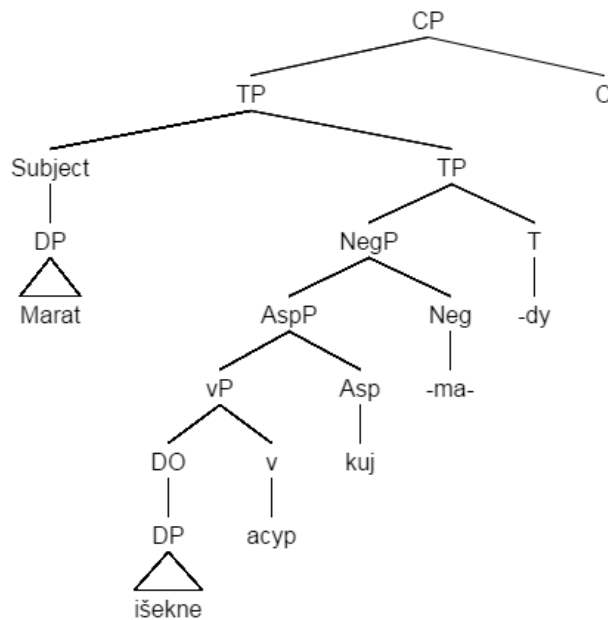
Традиционно считается, что в зависимости от передаваемого значения грамматические маркеры вставляются в деривацию на разных участках предикации, «ограничивая» количество структуры, которое может находиться под ними. В примере выше сериальный глагол *kuj-* выполняет функцию аспектуальной модификации и предположительно присоединяется на некотором уровне функциональной структуры за пределами глагольной группы:

(4.135)

«Сверху» сериализатору доступна вся функциональная структура вплоть до CP – так, например, он может выражать отрицание и другие глагольные значения, локализованные между vP и CP:⁸⁵

(4.136)

⁸⁵ Два приведенных выше дерева различаются узлом, отвечающим за выражение отрицания. Сравнивая их, можно задаться вопросом, имеется ли он в первом из деревьев, там, где он не выражен. Есть два принципиальных подхода к представлению функциональных проекций. Согласно одному из них вся функциональная структура, доступная в данном языке, представлена в любой его клаузе всегда и в случае отсутствия соответствующих грамем остается фонологически невыраженной. Другой предполагает, что релевантные показатели попадают в синтаксис только при формальном выражении признаков. Поскольку наши выводы никак не будут зависеть от данного выбора, мы примем ниже второй подход, который позволяет при необходимости достраивать недостающие элементы структуры и приводить ее таким образом к первому виду.

Эту верхнюю часть структуры ограничивает снизу сам сериализатор, который, в зависимости от своей грамматической семантики, присоединяется на том или ином уровне проекции. Наш анализ в данном случае напоминает анализ для функционального реструктурирования у Вурмбранд и Чинкве с одним лишь уточнением.

Особенность нашего анализа состоит в том, что мы предлагаем рассматривать вспомогательные глаголы и как функциональные, и как лексические вершины одновременно. Действительно, тюркские сериализаторы потеряли значительную часть свойств обычных лексических проекций. Так, они не могут проецировать аргументную структуру и проявлять (исходные, присущие им в несериальном употреблении) селективные ограничения при выборе сирконстантов. По сравнению с немецкими реструктурирующими предикатами тюркские сериализаторы, образованные от переходных глаголов, не могут, например, приписывать аккумулятив подлежащему смыслового глагола, ср.:

(4.137) немецкий [Bobaljik, Wurmbrand 2005]

weil er den Traktor versucht hat [zu reparieren]

т.к. он DEF.ACC трактор старался AUX INF чинить

‘так как он старался починить трактор’

(4.138) мишарский

*kišer-ne arç-(γ-1)-γ-p bak-gan

морковь-ACC чистить-(ST-PASS)-ST-CONV смотреть-PFCT

‘Морковь попробовали почистить.’

В то же время вспомогательные глаголы определенно сохранили некоторые свойства лексических проекций, что в первую очередь следует из их способности присоединять (в общем случае) все доступные в данной предикации деривационные морфемы. Можно привести и другие примеры остаточных лексических свойств у вспомогательных глаголов. Прежде всего, это связь исходной лексической и результирующей грамматической семантики: аппликативное значение ‘для себя’ задается глаголом *брать*, а ‘для кого-то другого’ – глаголом *дать*, значение хабитуалиса формируется при помощи глагола *лежать*, прогрессива – с глаголом *стоять* и т.д. Некоторые сериализаторы, образованные от переходных глаголов, предпочитают сочетаться с переходными смысловыми глаголами, см. например, киргизский *ташта-* ‘бросать’, [Юдахин 1985]. Далее, в том же киргизском существует два сериальных глагола с близким грамматическим значением, *кет-* ‘уходить’ и *кал-* ‘оставаться.’ Оба они передают семантику,

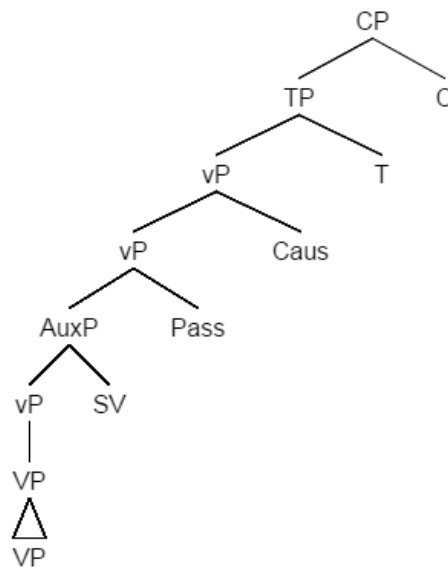
близкую к результативной, однако, например, с глаголами поглощения пищи, *ич-* ‘пить’ и *же-* ‘есть’ (пищу), чаще употребляется *кет-*, но не *кал-* (букв.: «съесть / выпить, так чтобы исчезло, ушло»)⁸⁶.

Столь «капризное» поведение нехарактерно для полноценных грамматических показателей, обязательным свойством которых является регулярность и неизбирательность лексической сочетаемости. Причина подобных остаточных сочетаемостных свойств сериализаторов состоит в том, что они находятся в процессе перехода от лексического значения к грамматическому.

Подобную частичную грамматикализацию можно сформулировать в терминах синтаксической структуры, прибегнув к теории лексической декомпозиции в духе [Ramchand 2008]. Если исходить из того, что лексическое значение обычного глагола представимо как сумма некоторых (не имеющих самостоятельного фонологического выражения) атомарных синтаксических проекций, можно предположить, что в случае сериализаторов основная часть этой лексической структуры «выветрилась», – произошел, так сказать, «распад лексического ядра». Новообразованные вспомогательные глаголы, тем не менее, все же сохранили некоторое незначительное количество структуры исходных лексических единиц, благодаря чему мы и наблюдаем все перечисленные выше свойства, в первую очередь – способность принимать деривационную морфологию.

Все сказанное может быть схематически представлено следующим образом:

(4.139)

⁸⁶ Последнее наблюдение принадлежит С.Г. Татевосову.

SV здесь соответствует проекции сериального глагола, непосредственно над которым доминируют разные уровни деривационной морфологии, и далее – другие функциональные проекции, необходимые в простой предикации.

Итак, мы описали ту область простой предикации, которая надстраивается над сериальным глаголом. Та часть предикации, которая располагается вниз от сериализатора, строится вокруг лексического глагола. В зависимости от его аргументной структуры, а также принимаемой им морфологии количество функционального материала на промежутке от лексической основы до вспомогательного глагола будет варьировать. Как именно функциональная структура «ограничивается снизу», будет сказано далее.

4.5.2.3. vP

Современные теории формального синтаксиса ассоциируют значительное количество синтаксических процессов с уровнем проекции так называемого легкого глагола, vP. Идея существования vP была сформулирована на границе 80-х и 90-х гг. прошлого века, когда несколькими синтаксистами практически одновременно был предложен ряд гипотез, уточняющих вклад глагольной группы в синтаксис и семантику простой предикации. Так, Р. Ларсоном в [Larson 1988] была высказана идея о так называемой «расщепленной» глагольной группе: оказалось, для того, чтобы объяснить взаимодействие прямого и косвенного объектов, необходимо ввести дополнительный уровень проекции внутри VP.

Примерно в то же время Х. Купман и Д. Спортиш, [Koopman, Sportische 1991], основываясь на работах [Kitagawa 1986] и [Kuroda 1988], анализирующих синтаксис японской простой предикации, явным образом высказали так называемую гипотезу о порождении подлежащего внутри VP (VP-internal subject hypothesis).

Таким образом, внутренняя структура глагольной группы усложнилась и на нее была возложена ответственность за попадание в синтаксическую проекцию всех глагольных аргументов.

Примерно тогда же, в конце 80-х годов было сделано знаменитое «обобщение Бурцио», см. [Burzio 1986]:

(4.140) обобщение Бурцио (*Burzio's generalization*)

Глагол может присваивать аккузатив своему внутреннему аргументу только если у него есть внешний аргумент.

Эта достаточно загадочная связь между выражением двух различных участников аргументной структуры и оказалась концептуализирована в идее малого *v*. Именно

функциональная проекция легкого (или, что то же, малого) глагола, доминирующая над остальной глагольной группой, отвечает как за вставление в синтаксис внешнего (агентивного, каузирующего) участника, так и за присваивание структурного аккузатива внутреннему (тематическому, пациентивному) участнику.

Приведем пример из мишарского диалекта:

(4.141)мишарский

bala jʁkl-a-dʁ.

ребенок спать-ST-PST

‘Ребенок спал.’

(4.142)мишарский

äni iʂek-ne aʂ-tʁ.

дверь дверь-ACC открывать-PST

‘Мать открыла дверь.’

У глагола *спать* лишь один (внутренний) участник, который не может маркироваться аккузативом и получает показатель номинатива. Благодаря наличию у переходного глагола *открывать* внешнего участника, каузатора «мать», его внутренний тематический участник «дверь» получает показатель аккузатива. Таким образом, приписывание падежа для внутреннего участника зависит от лексической структуры: если она подразумевает внешнего участника, аккузатив может быть приписан.

За оба эти явления ответственно малое *v*: у переходных глаголов малое *v* такое, что оно вставляет в синтаксис внешнего участника и одновременно приписывает аккузатив внутреннему. Малое *v* непереходных глаголов лишено обоих этих свойств.

Если мы, однако, трансформируем оба исходных глагола при помощи деривационной морфологии, ситуация меняется:

(4.143)мишарский

iʂek aʂ-ʁ-l-dʁ.

дверь открывать-ST-PASS-PST

‘Дверь открылась.’

(4.144)мишарский

äni bala-nʁ jʁkl-a-t-tʁ.

мать ребенок-ACC спать-ST-CAUS-PST

‘Мать уложила ребенка спать / сделала так, чтобы ребенок выпался.’

В результате присоединения маркера пассива переходный глагол одновременно лишается возможности задавать внешний каузирующий аргумент и маркировать внутреннего участника аккузативом. В случае присоединения каузирующего маркера к исходно непереходному глаголу, напротив, обе эти возможности одновременно появляются.

Последние два примера показывают нам также, что деривационная (пассивная и каузативная) морфология выполняет ту же работу, что и часть лексической структуры, ответственной за (не)переходность аргумента. Таким образом, деривационная глагольная морфология также традиционно ассоциируется с малым *v*.

Но и это еще не все бремя, возложенное на малое *v*. С появлением [Chomsky 1993] и развитием [Chomsky 2001] Минималистской программы инвентарь формального синтаксиса пополнился достаточно серьезным инструментом – было предложено понятие фазы.

Идея фазы связана с внешними ограничениями, которые накладываются на порождающую способность языковой системы. Действительно, если представить себе достаточно объемное высказывание, в отсутствие внешних ограничений его порождение выглядело бы так: выбираем из лексикона все лексические единицы и затем применяем к ним все релевантные синтаксические правила.

Однако с одной стороны, многие правила синтаксиса (падеж, анафора, согласование, ...) оказываются чувствительны к контексту. С другой – интерпретация синтаксической структуры (отрицание, модальность, кванторные слова, ...) также имеет локальные ограничения. Наконец, правила фонологической реализации (расстановка фразового ударения, слияния, позиция клитик, ...) также применяются в строго определенном контексте.

Таким образом, гипотетически неограниченное линейное ветвление высказывания оказывается в реальности ограничено возможностями человеческого восприятия. Человек не способен получать на вход своей перцептивной и концептуальной системы большое количество фонем и значений. Это выразилось в (физиологически мотивированном) разделении высказываний на определенные порции или фазы.⁸⁷

⁸⁷ Для объяснения идеи фаз можно прибегнуть к метафоре дыхания: для человеческого организма было бы чрезвычайно удобно запастись кислородом, скажем, сразу на сутки, но это невозможно из-за физических ограничений на объем легких, мышечные усилия и т.д.

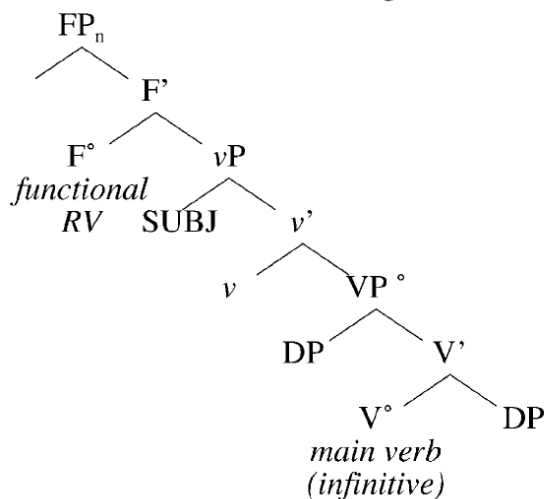
Несложно догадаться, что одним из первых кандидатов в фазы стала группа малого *v*. Фазовые свойства данного уровня проекции были связаны, в частности, с тем, что именно на нем (и еще – на CP) часто наблюдаются ограничения на сферу действия, доступность внутреннего материала дальнейшей трансформации и т.д.

Возвращаясь к тюркским КСГ, заметим, что именно уровнем проекции малого *v* оказывается «ограничена снизу» синтаксическая структура, доступная на промежутке между лексической основой смыслового глагола и основой вспомогательного глагола. Подобная логика применялась в работах [Bobaljik, Wurmbrand 2005; Wurmbrand 2004] для объяснения свойств лексических реструктурирующих инфинитивов.

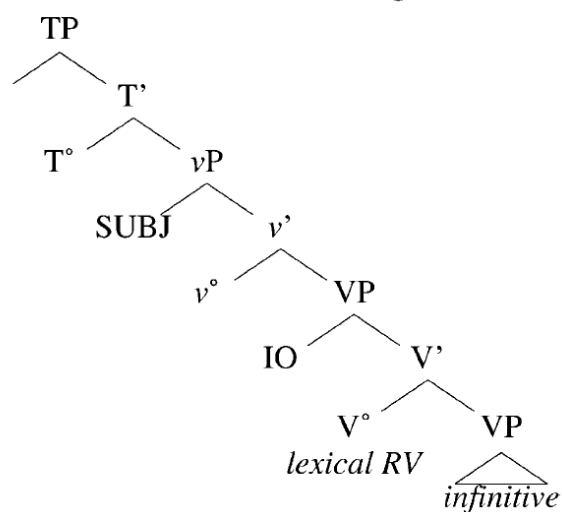
(4.145)

[Wurmbrand 2004]

(a) Functional restructuring

(b) Lexical restructuring

Как можно видеть, структуры, предлагаемые Вурмбранд для функционального (слева) и лексического (справа) реструктурирования отличаются как минимум двумя существенными свойствами: i) матричные глаголы при функциональном реструктурировании занимают функциональную проекцию, а при лексическом – проецируют обычную глагольную группу; ii) при функциональном реструктурировании проекция смыслового глагола присоединяется на уровне *vP*, а при лексическом – на уровне *VP*, т.е. глагольной группы, лишенной малого *v*.

Подытожим: состав синтаксических проекций в зоне от лексического глагола до сериализатора определяется аргументной структурой лексического глагола и деривационной морфологией, которую он присоединяет, или, иными словами, – от наполнения проекции малого *v*. Соответственно, способность глагольной группы сочетаться с тем или иным вспомогательным глаголом и интерпретация таких сочетаний в случае их грамматичности

зависят от того, что включает в себя данная vP и какова грамматическая семантика (= синтаксическая позиция) сериализатора.

4.5.3. Структура КСГ

В данной части Главы 4 мы рассмотрим взаимодействие сериализаторов с глагольной морфологией, установим и проанализируем случаи (не)композиционального употребления.

4.5.3.1. Сочетаемость с показателем отрицания

4.5.3.1.1. ДИСТРИБУЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ОТРИЦАНИЯ

Показателем отрицания в КСГ может маркироваться как смысловой, так и вспомогательный глагол. При маркировании конверба (= смыслового глагола) основным вариантом кодирования является показатель *-mɣjɕa / -miɕä*, см., например, [Закиев (ред.), 2: 98]. В рыбушкинском диалекте, однако, наряду с данным показателем развилась аналогическая форма отрицания *-ma-p / -mä-p*.

(4.146) мишарский

a.	min	su-nɣ	kajnat-m-a-p	bak-tɣ-m.
	я	вода-ACC	греть-NEG-ST-CONV	смотреть-PST-1SG
b.	min	su-nɣ	kajnat-m-ɣj-ɕa	bak-tɣ-m.
	я	вода-ACC	греть-NEG-ST-CONV	смотреть-PST-1SG

‘Я попробовал не греть воду.’

В интерпретации инновационного *-ma-p / -mä-p* и более традиционного *-mɣjɕa / -miɕä* никаких различий обнаружено не было, и при описании свойств отрицания мы будем использовать предложения с *-mɣjɕa / -miɕä*.

Большая часть собранных примеров относится к глаголам *bak-* и его варианту *kara-*, *ɕɣk-*, *tɣr-* и семантически близкому к нему *jat-*. По нашим наблюдениям, с точки зрения отрицания все сериальные глаголы ведут себя одинаково, поэтому здесь мы ограничимся описанием поведения лишь перечисленных сериализаторов.

Как утверждается в [Закиев (ред.), 2: 97-99], «[в] составных глаголах типа *каушан төшү* ‘растеряться’ формант *-ma/-mä* присоединяется ко второй части лексемы к модифицирующему глаголу (*каушан төш+mä*)». По нашим данным, это, однако, выполняется не для всех вспомогательных глаголов.

Так, для *bak-* (*kara-*), *tɣr-* (*jat-*) возможно расположение отрицания как на смысловом, так и на лексическом глаголе:

(4.147)мишарский

a.	malaj	jʁkla-m-ʁj-ča	tʁr-dʁ.
	мальчик	спать-NEG-ST-CONV	стоять-PST
b.	malaj	jʁkla-p	tʁr-m-a-dʁ.
	мальчик	спать-CONV	стоять-NEG-ST-PST

‘Мальчик не спал.’

Для *čʁk*- картина представляется несколько более сложной, см. ниже.

Возможно одновременное маркирование смыслового и вспомогательного глаголов:

(4.148)мишарский

urman	sege-m-i-čä	tʁr-m-a-dʁ.
дерево	гнить-NEG-ST-CONV	стоять-NEG-ST-PST

‘Дерево все равно начало гнить.’

(4.149)мишарский

malaj	siker-m-i-čä	tʁr-m-a-dʁ.
ребенок	прыгать-NEG-ST-CONV	стоять-NEG-ST-PST

‘Ребенок время прыгает (такой подвижный вырос).’

Как можно видеть, отрицание на обоих предикатах фактически приводит к утвердительному высказыванию (примерные русские перифразы выглядели бы как *Дерево не гнив не было, Ребенок не бывает не прыгая*).

Семантика отрицания при двойном показателе нивелируется во всех известных нам примерах, подобное поведение не зависит ни от лексического типа глагола, ни от сериализатора. Похожий эффект наблюдается и в других тюркских языках, ср., например, киргизский:

(4.150)киргизский

[Юдахин 1985]

a. *келбей койбойт*b. *албай койбойт*

‘он обязательно придёт’

‘он обязательно возьмёт’

Данный факт, как представляется, свидетельствует о том, что и у смыслового, и у вспомогательного глагола существует собственная позиция для маркера отрицания.

Композиция двух показателей в рамках одной ситуации, таким образом, приводит к устранению отрицательного значения.

4.5.3.1.2. ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ОТРИЦАНИЯ ПРИ РАСПОЛОЖЕНИИ НА СМЫСЛОВИИ(ЛИ) ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ ГЛАГОЛЕ

Основное различие интерпретации отрицательного показателя при расположении на лексическом vs. сериальном глаголе состоит в том, что в первом случае сфера действия (СД) отрицательного показателя всегда узкая:

(4.151)мишарский

pič	tenä	buj-χ	jan-m-χj-ča	txr-dχ.
печь	ночь	весь-3	гореть-NEG-ST-CONV	стоять-PST

Значения:

- i) ‘Печь не горела всю ночь.’
- ii) *‘Печь горела не всю ночь.’

Поскольку даже в случае наиболее семантически прозрачных значений, таких, например, как *txr-* (длительность), установить СД крайне непросто, для данного глагола мы будем использовать следующий способ определения СД. Если на некотором временном промежутке описываемая лексическим глаголом ситуация не имела места ни разу, т.е. отрицание относится непосредственно к описываемой ситуации, а не к промежутку, на котором она была релевантна, перед нами – узкая сфера действия отрицания. Если, напротив, про описываемую ситуацию утверждается, что она не имела места на всем протяжении временного отрезка, но при этом могла существовать на некотором его промежутке, – налицо широкая СД отрицания.⁸⁸

Как мы видим, в примере выше отрицанием оформляется смысловой глагол и СД отрицания – узкая. Напротив, в тех случаях, когда отрицанием оформляется вспомогательный глагол, единственно возможной оказывается широкая СД:

(4.152)мишарский

pič	tenä	buj-χ	jan-χ-p	txr-m-a-dχ.
печь	ночь	весь-3	гореть-ST-CONV	стоять-NEG-ST-PST

Значения:

- i) *‘Печь не горела всю ночь.’
- ii) ‘Печь горела не всю ночь.’

⁸⁸ Идея такой диагностики принадлежит С.Г. Татевосову.

По нашим наблюдениям подобное распределение функций показателя отрицания достаточно устойчиво: если маркер отрицания находится на смысловом глаголе, то он обладает лишь узкой СД, а если на вспомогательном – только широкой. Приведем еще несколько примеров с глаголом *bak-*:

(4.153)мишарский

күчүк	siker-m-i-čä	bak-tχ.
собака	прыгать-NEG-ST-CONV	смотреть-PST

Значения:

- i) ‘Собака попробовала не прыгнуть (хотя ей велели).’
- ii) *‘Собака не попробовала прыгнуть.’

(4.154)мишарский

күчүк	siker-e-p	bak-m-a-dχ.
собака	прыгать-ST-CONV	смотреть-NEG-ST-PST

Значения:

- i) *‘Собака попробовала не прыгнуть (хотя ей велели).’
- ii) ‘Собака не попробовала прыгнуть.’

В данных примерах установить СД несколько более просто: в первом случае, когда отрицание находится на лексическом глаголе, исходное предложение переводится как «попытка не сделать Р», т.е. логически отрицание располагается под сериальным глаголом. Во втором примере, где показателем отрицания оформляется вспомогательный глагол, значение «пытаться», напротив, уже попадает внутрь отрицания.

Несколько иначе организованы примеры со вспомогательным глаголом *čχk-*. Главное их отличие в том, что отрицание оказывается неграмматично на смысловом глаголе:

(4.155)мишарский

a.	*alma	čer-e-m-i-čä	čχk-tχ.
	яблоко	гнить-ST-NEG-ST-CONV	выходить-PST
b.	alma	čer-e-p	čχk-m-a-dχ.
	яблоко	гнить-ST-CONV	выходить-NEG-ST-PST

‘Яблоко не сгнило.’

(4.156)мишарский

a.	*marat	jʁkla-m-i-čä	čʁk-tʁ.
	Марат	спать-NEG-ST-CONV	выходить-PST
b.	marat	jʁkla-p	čʁk-ma-dʁ.
	Марат	спать-CONV	выходить-NEG-PST

‘Марат не выпался.’

Парадигма, приведенная выше, в целом выдерживается для глагола *čʁk*- достаточно последовательно. Имеющиеся у нас примеры с отклонением от нее – грамматичностью маркирования лексического глагола – относятся к особому классу случаев, директивному значению сериализатора (или СГ в нашей терминологии):

(4.157)мишарский

a.	marat zabʁt aša	siker-m-i-čä	čʁk-tʁ.
	Марат забор	через прыгать- NEG-ST-CONV	выходить-PST
b.	marat zabʁt aša	siker-e-p	čʁk-m-a-dʁ.
	Марат забор	через прыгать-ST-CONV	выходить-NEG-ST-PST

‘Марат не прыгал через забор.’

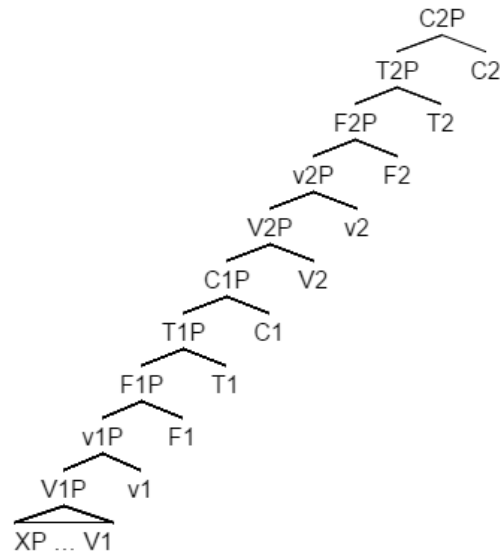
Мы полагаем, что причина здесь – в различии устройства сериализаций с грамматическим и директивным значением. Структура директивной сериализации в последнем примере отлична от структуры грамматической сериализации и в самых общих чертах представима как сочинение глагольных групп.

4.5.3.1.3. ПОЗИЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ОТРИЦАНИЯ В СТРУКТУРЕ КСГ

Начнем описание структуры отрицательных клауз с КСГ с обсуждения того, как происходила бы грамматикализация при «идеальном» сценарии, см., например, [Roberts, Roussou 2003; Roberts 2003: 141-207]. Такой сценарий предполагал бы реанализ лексической вершины как вершины функциональной проекции, т.е. непосредственный переход от структуры а к структуре б:

(4.158)

[C2P [T2P [F2P [v2P [V2P [C1P [T1P [F1P [v1P [V1P XP ... V1] v1] F1] T1] C1] V2] v2] F2] T2] C2]

(4.159)

[CP [TP [FP [vP [VP XP ... V1] v] V2=F] T] C]

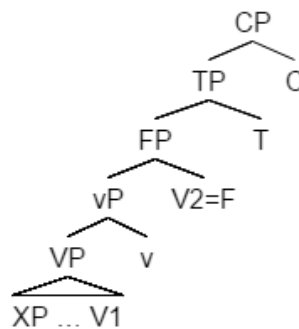

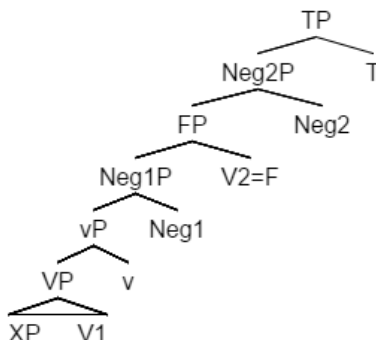
Схема (4.158) соответствует сложной предикации, в которой V1 и V2 являются полноценными лексическими глаголами и проецируют каждый свою структуру простой клаузы. В структуре (4.159) все свойства глагола V1 сохраняются, в то время как V2 преобразуется в грамматический элемент – функциональную проекцию FP. Семантическая способность задавать ситуацию, синтаксически реализующаяся как способность иметь собственные аргументы и адъюнкты (XP) сохраняется лишь у глагола V1. Глагол V2, аргументом либо адъюнктом которого в исходной структуре (4.158) являлась проекция C1 глагола V1 (и который мог делить другие аргументы / адъюнкты с V1), теряет способность проецировать лексический материал.

Подобный сценарий, однако, представляет собой лишь две крайние точки грамматикализации – ее начальную (4.158) и заключительную фазы (4.159). Наблюдаемая нами в современных тюркских языках стадия грамматикализации представляет собой

промежуточное состояние – глагол V2, преобразовавшийся в функциональную вершину F, еще способен проецировать некоторую часть функциональной структуры, в том числе – проекцию отрицания NegP. В структуре ниже две позиции отрицания в КСГ соответствуют двум проекциям – лексического глагола V1 и сериализатора V2 (F):

(4.160)

[TP [Neg2P [FP [Neg1P [vP [VP XP ... V1] v] Neg1] V2=F] Neg2] T]

Данный анализ исходит из стандартных допущений о расположении проекции отрицания – между vP и TP. Для турецкого языка, в частности, находим: «NegP ... is assumed to be located between TP and vP», [Isever 2008], «Согласно стандартным представлениям, NegP непосредственно доминирует над глагольной группой»,⁸⁹ [Keskin 2009: 318].

Вернемся теперь к фактам мишарского диалекта. При построении структуры КСГ с отрицанием необходимо учесть следующие закономерности, связанные с дистрибуцией и интерпретацией отрицания в контексте грамматических сериализаторов: i) для большинства глаголов возможны оба варианта расположения; ii) сфера действия показателей отрицания – всегда *in situ*; iii) двойной показатель отрицания, на лексическом и сериальном глаголе, интерпретируется дважды, в результате чего высказывание получает позитивную полярность; iv) сериализатор *çrk-* в аспектуальной функции не может присоединяться к лексическому глаголу, маркированному отрицанием.

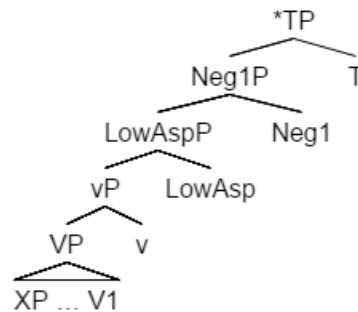
Структура вспомогательных глаголов с грамматической семантикой, допускающих расположение отрицания как на лексическом, так и на вспомогательном глаголе, изображена в примере (4.160) выше. Относительно сериализатора *çrk-* мы будем считать, что он соответствует так называемой низкой аспектуальной проекции. Его неспособность присоединяться к лексическому глаголу, оформленному показателем отрицания, следует из того, что занимаемая им функциональная проекция LowAsp располагается в структуре ниже

⁸⁹ «NegP ... immediately dominates the verb phrase as is standardly assumed.»

показателя отрицания. В следующем примере представлена структура простой предикации в отсутствие сериализатора. Как можно видеть, позиция низкой аспектуальной вершины находится ниже отрицания, т.е. сериализатор должен был бы располагаться между основной лексическим глаголом и суффиксом отрицания:

(4.161)

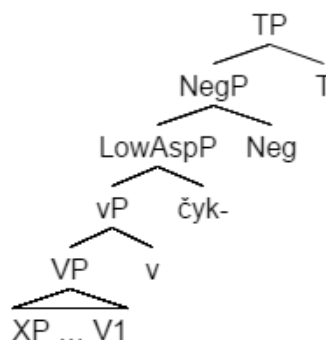
*[TP [Neg1P [LowAspP [vP [VP XP ... V1] v] LowAsp] Neg1] T]

Таким образом, единственная возможность выражения отрицания в КСГ с *čyk-* – присоединить показатель отрицания к самому сериализатору:

(4.162)

[TP [NegP [LowAspP [vP [VP XP ... V1] v] čyk-] Neg] T]

Что касается интерпретации, главная особенность отрицания в конструкциях со вспомогательными глаголами состоит в следующем. В отличие от показателей пассива и каузатива, отрицательные показатели интерпретируются всегда *in situ*. Интерпретация *in situ* включает следующие условия: i) невозможность сферы действия отрицания распространяться вниз по структуре (такая возможность есть при пассиве); ii) невозможность сферы действия отрицания распространяться вверх по структуре (такое поведение наблюдается у каузатива).

Причины описанного поведения – в различии устройства отрицания и актантной деривации. Взаимодействие отрицания с семантикой вспомогательного глагола определяется семантически, т.е. действием оператора отрицания. Интерпретация оператора отрицания в тюркских языках, по нашим наблюдениям, всегда происходит *in situ*.

Приведем пример на сферу действия *in situ* из тубаларского языка. В тубаларском субъект имеет более широкую сферу действия, (4.163), чем отрицание, а объект – более узкую, (4.164):

(4.163) тубаларский [Гращенко 2009а]

üze ol-dar kožon-do-b-on.

все мальчик-PL песня-VERB-NEG-PFCT

Значения:

i) 'Ни один из мальчиков не пел.'

ii) *'Пели не все мальчики.'

(4.164) тубаларский [Гращенко 2009а]

ol ködre at-tar-dy egel-b-en.

он все конь-PL-ACC приводить-NEG-PFCT

Значения:

i) 'Он привел несколько лошадей из всех.'

ii) *'Он не привел ни одной лошади.'

Подобная закономерность в организации сферы действия следует из взаимного расположения соответствующих проекций: TP > NegP > vP, т.е. субъект доминирует над показателем отрицания, а то, в свою очередь – над прямым объектом.

С другой стороны, актантные преобразования при пассивизации и каузативизации связаны с изменением синтаксической структуры. Изменение количества участников, структуры события и других аспектов лексического значения глагола связано с передвижением составляющих, вершин или признаков и может менять относительную конфигурацию отдельных участков структуры.

Мы таким образом предполагаем, что сфера действия в тюркских языках чувствительна к синтаксическим преобразованиям, таким как A/A'-передвижение, подъем вершины и т.д., а не к семантическим преобразованиям, таким как реконструкция, подъем квантора и т.д.

Нам осталось объяснить последнее свойство отрицания – взаимное нивелирование значения показателей при их дублировании. Данный факт почти автоматически следует из

сделанных нами допущений, в первую очередь – из идеи моноклаузальности КСГ. Оба показателя отрицания располагаются внутри одной области интерпретации (фазы, см. ниже) – СР. Действительно, и Neg1, и Neg2 доминируют над проецируемой лексическим глаголом vP, будучи ограничены сверху общей СР, см. структуры выше.

4.5.3.2. Актантная деривация и КСГ

4.5.3.2.1. ПАССИВИЗАЦИЯ

4.5.3.2.1.1. ТИПЫ ПАССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Пассив образуется при помощи показателя $-(\gamma)l$ или его алломорфа $-(\gamma)l$. Последний употребляется, если глагольная основа оканчивается на $-l(V)$ или в некоторых других случаях, см. подробнее для литературного варианта [Закиев (ред.), 2: 173-174].

В рыбаушкинском мишарском можно выделить два наиболее важных варианта пассивного значения. Первое из них – «собственно страдательное» по [Закиев (ред.), 2: 174]. Для него характерны две особенности: i) каузирующий участник не устраняется полностью из описания ситуации (хотя оказывается фонологически выраженным достаточно редко); ii) актуальное прочтение описываемой ситуации представляется наиболее предпочтительным:

(4.165)мишарский

xat jaz- γ -l-d γ .

письмо писать-ST-PASS-PST

‘Письмо написали.’

Перевод на русский при помощи неопределенно-личного предложения, а также устные пояснения носителей свидетельствуют о том, что в подобных конструкциях существует некоторый имплицитный каузатор.

Другой тип значения, регулярно выражающийся пассивным показателем, можно обозначить как антикаузатив. Ему присущи следующие свойства: i) обязательное устранение внешнего, каузирующего участника; ii) ситуация в целом может приобретать генерическое прочтение и является описанием свойств ее единственного участника. Пример (4.166) демонстрирует свойство (i). В (4.167), соответствующем свойству (ii), предложение приобретает так называемую фасилитативную трактовку (много / хорошо / легко ...), а каузатор оказывается не только не выражен, но и не подразумевается в данной ситуации:

(4.166)мишарский

išek ač-χ-l-dχ.

дверь открывать-ST-PASS-PST

‘Дверь открылась.’

(4.167)мишарский

alma čet-e-l-de.

яблоко гнить-ST-PASS-PST

‘Яблоки хорошо гниют [в сырости].’ (~‘Яблокам гниется.’)

Традиционно значения, подобные (4.167), ассоциируют с так называемым «средним залогом предрасположенности», (dispositional middle), в то время как (4.166) соответствует непосредственно антикаузативному значению, см. [Alexiadou, Doron 2012]; о разных значениях среднего залога и пассива см. также [Плунгян 2011: 185-223].

В [Alexiadou, Doron 2012; Плунгян 2011: 185-223] и других описаниях пассива утверждается, что в языках мира различные значения понижающих дериваций, прежде всего – пассива и медия, часто связаны диахронически или выражаются одним показателем синхронно. Близкую ситуацию мы наблюдаем и в тюркских языках. При наличии отдельных показателей пассива $-(\chi)l$ и антикаузатива $-(\chi)l$ – отметим, что в ряде случаев они омонимичны – часть значений среднего залога передается пассивным показателем $-(\chi)l$.

В дальнейшем мы будем подразделять все значения на собственно пассивные и антикаузативные. Первое значение наблюдается в тех случаях, когда внешний участник не устраняется из семантического представления и может быть выражен косвеннопадежной именной группой либо не получает фонологического выражения и его наличие подразумевается среди участников ситуации. Второе, антикаузативное значение имеет место тогда, когда внешний каузирующий участник полностью устраняется из аргументной структуры и синтаксиса.

О том, что тюркский показатель пассива может кодировать кроме пассивного еще и антикаузативное значение, известно из исследований турецкого языка, см., например, [Dietrich 2003]. В примере (4.168.a) ниже представлена активная клауза, в (4.168.b) – пассивная, а в (4.168.c) то же маркирование, что и в (4.168.b), соответствует значению антикаузатива:

(4.168)турецкий

[Dietrich 2003]

a. Ben suyu yere dök-tü-m.
я вода-ACC на.пол лить-PST-1SG

‘Я пролил воду на пол.’

b. Su dök-ü-l-dü.
вода лить-ST-PASS-PST

‘Вода (кем-то) пролита.’

c. Su dök-ü-l-dü.
вода лить-PASS-ST-PST

‘Вода пролилась.’

Собственно пассивное значение в мишарском засвидетельствовано прежде всего для переходных глаголов, у которых внутренний участник, заполняющий в исходной диатезе валентность прямого объекта, продвигается в позицию подлежащего. Антикаузативное значение допустимо как для внутреннего участника переходных глаголов, так и для единственного участника неаккузативных глаголов, см. пример (4.167) выше. Некоторыми носителями допускается образование антикаузатива от неэргативных глаголов (см., однако, ниже обсуждение неграмматичности неэргативов при антикаузативизации):

(4.169)мишарский

% min jez-e-l-de-m.
я плавать-ST-PASS-PST-1SG

‘Я смог сплывать.’

Перевод на русский при помощи модального глагола *мочь*, соответствующий так называемому фасилитативному значению, связан с тем, что при антикаузативизации устраняется иницирующий и контролирующий участник процесса *плыть*. Субъект в данном случае является лишь участником конечной фазы ситуации, результирующего процесса «X плывет». Отметим, что при таком употреблении глагол «плыть» из неэргативного (англ. *float*) становится неаккузативным (англ. *swim*). Аналогично – устранением каузатора ситуации – порождается генерическое прочтение, которое предпочтительнее с неаккузативными предикатами (‘Яблоки хорошо гниют’).

В некоторых тюркских языках отмечено еще одно употребление пассивного показателя. Как показано в работе [Haig 2001], в турецком языке пассивный показатель может устранять внешнего участника, т.е. субъект активного залога, продвигая при этом в позицию

подлежащего исходный объект. Такой внутренний участник, становящийся подлежащим, имеет одну характерную особенность – он осуществляет контроль над ситуацией и перестает быть претерпевающим:

(4.170) турецкий

[Haig 2001: 216]

Kadın kız-ı-na sar-ı-l-dı.

женщина дочь-3-DAT заворачивать-ST-PASS-PST

‘Женщина обняла свою дочь.’

В данном примере пассив от глагола *sarmak* – ‘обвивать’, ‘заворачивать’, будучи употреблен с дативным участником, приобретает значение ‘обнимать кого-то.’ Если бы подлежащее подвергалось «стандартной» пассивной трансформации, от данного глагола мы бы ожидали употребления ‘некто обвит’, но в данном примере субъект является сознательным инициатором и контролером ситуации. В исследованном нами мишарском материале подобных значений у пассива обнаружено не было, поэтому мы не будем упоминать о нем более.

В целом значение антикаузатива в мишарском диалекте представляется более продуктивным, чем собственно пассивное, возможно, в силу того, что оно порождается как от переходных, так и от (некоторых) непереходных глаголов.

4.5.3.2.1.2. РАСПОЛОЖЕНИЕ ПАССИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ В КСГ

Показатель пассива может располагаться как на лексическом, так и на серийном глаголе и в случае собственно пассивного значения, (4.171), и для значения антикаузатива, (4.172):

(4.171) мишарский

a. su kajnat-γ-l-γ-p tγr-dγ.

вода греть-ST-PASS-ST-CONV стоять-PST

b. su kajnat-γ-p tγr-γ-l-dγ.

вода греть-ST-CONV стоять-ST-PASS-PST

c. su kajnat-γ-l-γ-p tγr-γ-l-dγ.

вода греть-ST-PASS-ST-CONV стоять-ST-PASS-PST

‘Вода кем-то кипятилась.’

(4.172)мишарский

- a. terež ač-χ-l-χ-p kit-te.
 окно открывать-ST-PASS-ST-CONV уходить-PST
 ‘Окно открылось.’
- b. terež ač-χ-p kit-e-l-de.
 окно открывать-ST-CONV уходить-ST-PASS-PST
- c. terež ač-χ-l-χ-p kit-e-l-de.
 окно открывать-ST-PASS-ST-CONV уходить-ST-PASS-PST
 ‘У окна, наконец, получилось открыться.’

Приведем еще один пример на употребление пассивного показателя в функции антикаузатива, который в целом аналогичен примеру выше, с той лишь разницей, что отсутствие пассива на сериализаторе соответствует ситуации «Х ненадолго открыл дверь». Возможно, глагол *al-* в отличие от глагола *kit-* не включает в рассмотрение исходную фазу ситуации (‘окно / дверь закрыты’), отчего в переводе нет значения «наконец». Перевод ‘У двери получилось’ связан, возможно, с устранением внешнего контроля за ситуацией (в том числе и за ее длительностью):

(4.173)мишарский

- a. išek ač-χ-l-χ-p al-dχ.
 дверь открывать-ST-PASS-ST-CONV брать-PST
 ‘Дверь ненадолго открылась.’
- b. išek ač-χ-p al-χ-l-dχ.
 дверь открывать-ST-CONV брать-Pass-PST
- c. išek ač-χ-l-χ-p al-χ-l-dχ.
 дверь открывать-ST-PASS-ST-CONV брать-Pass-PST
 ‘У двери получилось открыться.’

Подведем краткий итог. Пассивная морфология может находиться на лексическом или сериальном глаголе или обеих формах сразу как при собственно пассивном, так и при антикаузативном значении. Под действие располагающегося на сериальном глаголе показателя может попасть лексическое значение КСГ. Интерпретации КСГ с пассивом только на сериализаторе либо на обеих глагольных формах, как правило, совпадают.

4.5.3.2.1.3. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОБСТВЕННО ПАССИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ В КСГ

Как уже было сказано, собственно пассивное значение, как правило, наблюдается с внутренним участником переходных глаголов. Вследствие того, что сочетаемость пассивной морфологии в целом ограничена и тем более ограниченной является возможность собственно пассивной интерпретации, мы будем строить описание исходя из немногих зарегистрированных нами случаев допустимости собственно пассивного значения. Всего была проверена возможность образования пассивных значений для 12 вспомогательных глаголов, которые комбинировались как с переходными, так и с разными типами непереходных лексических глаголов. Очевидных случаев употребления непереходных глаголов в собственно пассивном значении почти не было встречено, здесь можно, пожалуй, привести лишь следующий пример:

(4.174)мишарский

bala	ка̋-ɣ-l-ɣ-p	bag-ɣ-l-dɣ.
ребенок	скрывать- <i>ST-PASS-ST-CONV</i>	смотреть- <i>ST-PASS-PST</i>

‘Ребенка попробовали спрятать.’

Все остальные примеры связаны с продвижением в позицию подлежащего внутреннего участника переходных глаголов.

Сериализатор *bak-* допускает собственно пассивное значение наиболее часто, что неудивительно – его семантика предполагает наличие контролирующего ситуацию инициатора действия:

(4.175)мишарский

kišer	аг̋-ɣ-l-ɣ-p	bak-kan.
морковь	чистить- <i>ST-PASS-ST-CONV</i>	смотреть- <i>PFCT</i>

‘Морковь попробовали почистить.’

(4.176)мишарский

m̩ač	ber-e-p	bag-ɣ-l-dɣ.
мяч	бросать- <i>ST-CONV</i>	смотреть- <i>ST-PASS-PST</i>

‘Мяч попробовали бросить.’

(4.177)мишарский

a.	tereze	аџ-х-р	bag-х-l-dх.
	окно	открывать-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PST
b.	tereze	аџ-х-l-х-р	bag-х-l-dх.
	окно	открывать-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PST

‘Окно попробовали открыть.’

(4.178)мишарский

a.	џхг	џхгl-a-n-х-р	bak-tх.
	песня	петь-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-PST
b.	џхг	џхгl-a-n-х-р	bag-х-l-dх.
	песня	петь-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PST

‘Песню попробовали спеть.’

Как видно из приведенных примеров, собственно пассивная трактовка оказывается доступной во всех трех случаях: при расположении пассивной морфемы на лексическом и(ли) вспомогательном глаголе. Также регулярно невыраженный каузатор встречается в примерах со вспомогательным глаголом *tхг-*, при этом мы снова наблюдаем все три возможных варианта его расположения:

(4.179)мишарский

a.	su	kajnat-х-l-х-р	tхг-dх.
	вода	греть-ST-PASS-ST-CONV	стоять-PST
b.	su	kajnat-х-р	tхг-х-l-dх.
	вода	греть-ST-CONV	стоять-ST-PASS-PST
c.	su	kajnat-х-l-х-р	tхг-х-l-dх.
	вода	греть-ST-PASS-ST-CONV	стоять-ST-PASS-PST

‘Вода (кем-то) кипятилась.’

Сериализатор *al-* также допускает собственно пассивную интерпретацию при расположении показателя пассива на смысловом или вспомогательном глаголе, при этом пример, в котором пассивная морфология дублировалась бы на двух глаголах, был помечен как неграмматичный:

(4.180)мишарский

- a. šurba aš-a-l-γ-p al-dγ.
 суп есть-ST-PASS-ST-CONV братъ-PST
- b. šurba aš-a-p al-γ-l-dγ.
 суп есть-ST-CONV братъ-ST-PASS-PST
- c. *šurba aš-a-l-γ-p al-γ-l-dγ.
 суп есть-ST-PASS-ST-CONV братъ-ST-PASS-PST

‘Суп быстро съели.’

Еще два примера пассивной интерпретации с имплицитным каузатором предоставляют нам вспомогательные глаголы *žiber-* и *kit-*. В первом случае пассивом маркирован сам сериализатор, а во втором – лексический глагол:

(4.181)мишарский

- šurba aš-a-p žiber-e-l-de.
 суп есть-ST-CONV бросать-ST-PASS-PST

‘Суп сразу начали есть.’

(4.182)мишарский

- pirok aš-a-l-γ-p kit-te.
 пирог есть-ST-PASS-ST-CONV уходить-PST

‘Пирог начали есть.’

Итоги обсуждения собственно пассивного значения представлены в таблице ниже. Оговоримся, что минусы соответствуют не неграмматичности употребления, а скорее незасвидетельствованности подобных примеров. То же, в принципе, касается и тех сериальных глаголов, которые не попали в данную таблицу: нельзя исключить, что образование конструкции с собственно пассивным значением с каким-нибудь из других вспомогательных глаголов все-таки возможно. Здесь и при анализе антикаузатива мы будем фиксировать неграмматичность употребления, если хотя бы в одной колонке LV / SV минус стоит одновременно с колонкой LV & SV. Поскольку в таблице ниже таких случаев не обнаруживается, мы полагаем, что любая конфигурация расположения показателя собственно пассива допустима с указанными сериализаторами.

Добавим также, что все сериализаторы в таблице ниже передают грамматическое (модальное и аспектуальное) значение, вспомогательные глаголы, употребляющиеся только в

функции директива, в данной выборке не представлены. Директивной семантикой потенциально обладает глагол *kit-* ‘уходить’, однако в имеющихся у нас примерах он употребляется как аспектуальный модификатор.

Таблица 4.28. Возможность собственно пассивной интерпретации при различном расположении пассивного маркера

Расположение показателя	LV	SV	LV & SV
<i>bak-</i>	+	+	+
<i>tʰr-</i>	+	+	+
<i>aI-</i>	+	+	-
<i>ʒiber-</i>	-	+	+
<i>kit-</i>	+	-	+

4.5.3.2.1.4. АНТИКАУЗАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАССИВА И ЕГО СОЧЕТАЕМОСТЬ С ГЛАГОЛАМИ РАЗНОЙ АРГУМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ В КСГ

Субъектом конструкций с антикаузативом наиболее свободно становится внутренний участник переходной предикации, что наблюдается при различных вариантах расположения пассивного показателя:

(4.183)мишарский

taš ber-e-p tʰr-ʰ-l-dʰ.
 камень бросать-ST-CONV стоять-ST-PASS-PST
 ‘Камни долго разбрасывались.’

(4.184)мишарский

čaj kajnat-ʰ-l-ʰ-p čʰk-tʰ.
 чай греть-ST-PASS-ST-CONV стоять-PST
 ‘Чай вскипятился.’

(4.185)мишарский

ʔišek ač-ʰ-l-ʰ-p kuj-ʰ-l-dʰ.
 дверь открывать-ST-PASS-ST-CONV ставить-ST-PASS-PST
 ‘Дверь открылась.’

Единственный участник неаккузативных глаголов также может образовывать конструкции с антикаузативным значением, при этом пассивная морфология может находиться как на лексическом или сериальном глаголе, так и на двух глаголах сразу:

(4.186)мишарский

alma	ǰet-e-l-e-p	kuj-dχ.
яблоко	гнить-ST-PASS-ST-CONV	стоять-PST

‘Яблоки хорошо гниют.’

(4.187)мишарский

kartoš	ǰet-e-p	al-χ-l-dχ.
картошка	гнить-ST-CONV	брать-ST-PASS-PST

‘У картошки получилось сгнить.’

(4.188)мишарский

alma	ǰet-e-l-e-p	ǰχg-χ-l-dχ.
яблоко	гнить-ST-PASS-ST-CONV	выходить-ST-PASS-PST

‘Яблоко сгнило.’

Как было отмечено в 3.2.1.1., в отсутствие сериализатора неэргативные глаголы не склонны принимать значение антикаузатива, см. пример (4.169). При сериализации такие примеры становятся допустимы, если пассивный показатель располагается на вспомогательном глаголе:

(4.189)мишарский

almaz	ǰez-e-p	kit-e-l-de.
Алмаз	плавать-ST-CONV	уходить-ST-PASS-PST

‘У Алмаза получилось плавать.’

(4.190)мишарский

marat	ǰez-e-p	al-χ-l-dχ.
Марат	плавать-ST-CONV	брать-ST-PASS-PST

‘У Марата получилось плавать.’

Заметим, что подобные употребления засвидетельствованы лишь для глагола плавать и сериализаторов *al-* и *kit-*. Для других неэргативов и вспомогательных глаголов образование (антикаузативного) пассива представляется неграмматичным. Учитывая тот факт, что глагол *плавать* может рассматриваться и как неаккузативный (см. выше), можно предположить, что предикаты с внешним аргументом не могут подвергаться пассивизации и в случае антикаузативного пассива.

Дополнительные подтверждения этому можно найти в следующих примерах. Для глагола *кащ-* ‘скрываться’, ‘прятаться’, ‘теряться’, который допускает как неаккузативное, так и неэргативное прочтение, антикаузативное значение при расположении показателя пассива на смысловом глаголе оказывается грамматичным только для неаккузативного варианта:

(4.191)мишарский

a.	sumka	кащ-х-л-х-р	tʰɪ-dʰ.
	сумка	теряться-ST-PASS-ST-CONV	стоять-PST
	‘Сумка потерялась.’		
b.	*bala	кащ-х-л-х-р	tʰɪ-dʰ.
	ребенок	скрываться-ST-PASS-ST-CONV	стоять-PST
	‘Ребенок спрятался.’		

Те же ограничения на образование антикаузатива для неэргативов при маркировании пассивным показателем смыслового глагола наблюдаем для *jer-* ‘ходить’ / ‘быть в пользовании’:

(4.192)мишарский

a.	külmäk	jer-e-l-e-p	kil-de.
	платье	ходить-ST-PASS-ST-CONV	прийти-PST
	‘Платье побывало у многих, изнашилось.’		
b.	*roza	jer-e-l-e-p	kil-de.
	Роза	ходить-ST-PASS-ST-CONV	прийти-PST
	‘Роза находилась, нагулялась.’		

Как представляется, невозможность образования антикаузативного значения в двух примерах выше связана не (только) с одушевленностью подлежащего, а (скорее) с его синтаксическим статусом в исходной структуре. Так, для одушевленных участников предикатов психологического состояния значение антикаузатива при оформлении смыслового

глагола пассивом оказывается возможно, видимо, именно по той причине, что субъект таких предложений – внутренний участник:

(4.193)мишарский

bala	kurk-γ-n-γ-p	kal-dγ.
ребёнок	пугаться-ST-PASS-ST-CONV	оставаться-PST

‘Ребёнок испугался.’

Таким образом, можно сформулировать следующее правило: для предполагаемых глаголов с внешним участником значение антикаузатива оказывается доступно только тогда, когда данный предикат может быть интерпретирован как неаккузативный, т.е. на самом деле не является глаголом с внешним участником. Пассивный показатель при этом обычно наблюдается на вспомогательном глаголе. Внутренний участник переходных глаголов и единственный участник неаккузативов могут становиться субъектом антикаузативных дериватов при любом расположении пассивного показателя.

4.5.3.2.1.5. *СОЧЕТАЕМОСТЬ АНТИКАУЗАТИВНОГО ПАССИВА С РАЗНЫМИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ*

Перейдем к вопросу о том, как сочетаются различные сериализаторы со значением антикаузатива. Те же 12 вспомогательных глаголов, что использовались при описании собственно пассивного значения, были исследованы нами и с точки зрения допустимости антикаузативного значения пассивного показателя.

Для сериализатора *bak-* засвидетельствовано любое расположение пассивного показателя:

(4.194)мишарский

a.	külmäk	kij-e-l-e-p	bak-tγ.
	платье	надевать-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-PST
b.	külmäk	kij-e-p	bag-γ-l-dγ.
	платье	надевать-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PST
c.	??külmäk	kij-e-l-e-p	bag-γ-l-dγ.
	платье	надевать-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PST

‘Платье было примерено.’

(4.195)мишарский

a.	alma	aš-a-p	bag-γ-l-gan.
	яблоко	есть-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PFCT
b.	alma	aš-a-l-γ-p	bag-γ-l-gan.
	яблоко	есть-ST-PASS-ST-CONV	смотреть-ST-PASS-PFCT

‘Яблоко искусано.’

Вспомогательный глагол *tγr-* также допускает образование антикаузативного залога при различном расположении пассивного показателя:

(4.196)мишарский

a.	bu	žγr-lar	hamanda	škol-da
	этот	песня-PL	долго	школа-LOC
	žγr-l-a-n-γ-p		tγr-dγ.	
	петь-ST-PASS-ST-CONV		стоять-PST	

b.	bu	žγr-lar	hamanda	škol-da
	этот	песня-PL	долго	школа-LOC
	žγr-l-a-n-γ-p		tγr-γ-l-dγ.	
	петь-ST-PASS-ST-CONV		стоять-ST-PASS-PST	

‘Эти песни постоянно пелись в школе.’

(4.197)мишарский

sumka	kaš-γ-l-γ-p	tγr-γ-l-dγ.
сумка	теряться-ST-PASS-ST-CONV	стоять-ST-PASS-PST

‘Сумка долго была потеряна.’

Вспомогательный глагол *jat-*, передающий хабитуальное значение, также допускает все три возможности размещения пассивного маркера:

(4.198)мишарский

a.	rogreb-nγŋ	bu	čit-e-n-dä	kišer
	погреб-GEN	этот	край-3-OBL-LOC	морковь
	čer-e-l-e-p		jat-tγ.	
	гнить-ST-PASS-ST-CONV		лежать-PST	

b. pogreb-nxŋ bu čit-en-dä kišer
 погреб-GEN этот край-3-OBL-LOC морковь
 čer-e-p jat-x-l-dx.
 гнить-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

c. pogreb-nxŋ bu čit-en-dä kišer
 погреб-GEN этот край-3-OBL-LOC морковь
 čer-e-l-e-p jat-x-l-dx.
 гнить-ST-PASS-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

‘В этом углу погреба морковь (долго) гнила.’

(4.199)мишарский

a. marat kurk-x-n-x-p jat-tx.
 Марат пугаться-ST-PASS-ST-CONV лежать-PST

b. marat kurk-x-p jat-x-l-dx.
 Марат пугаться-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

‘Он долго боялся.’

Похожим образом обстоит дело со вспомогательными глаголами *al-* и *kit-*. Они допускают антикаузативный пассив при любом расположении пассивной морфемы:

(4.20) мишарский

a. išek ač-x-l-x-p al-dx.
 дверь открывать-ST-PASS-ST-CONV брать-PST

‘Дверь ненадолго открылась.’

b. išek ač-x-p al-x-l-dx.
 дверь открывать-ST-CONV брать-ST-PASS-PST

c. išek ač-x-l-x-p al-x-l-dx.
 дверь открывать-ST-PASS-ST-CONV брать-ST-PASS-PST

‘У двери получилось открыться.’

(4.201)мишарский

a. terež ač-x-l-x-p kit-te.
 окно открывать-ST-PASS-ST-CONV уходить-PST

‘Окно открылось.’

b.	terez	ащ-х-р		kit-e-l-de.
	окно	открывать-ST-CONV		уходить-ST-PASS-PST
c.	terez	ащ-х-l-х-р		kit-e-l-de.
	окно	открывать-ST-PASS-ST-CONV		уходить-ST-PASS-PST

‘У окна, наконец, получилось открыться.’

В целом, переводы примеров с пассивным показателем на сериализаторе и двойным пассивным маркированием, как правило, совпадают. Возможно, выбор между маркированием одного лишь сериализатора или дублированием показателя определяется стилистическими предпочтениями.

Сериализаторы *žiber-* и *kal-* допускают пассивный маркер на смысловом или на сериальном глаголах:

(4.202)мишарский

bala	txčkan-nx	kür-gäč	uk	kurk-х-n-х-р
ребёнок	мышь-ACC	видеть-ANT	сразу	пугаться-ST-PASS-ST-CONV
				žiber-de.
				бросать-PST
- ‘Ребёнок, увидев мышь, сразу испугался.’

(4.203)мишарский

a.	išek	ащ-х-l-х-р		žiber-de.
	дверь	открывать-ST-PASS-ST-CONV		бросать-PST
				‘Дверьвнезапно открылась.’
b.	?išek	ащ-х-р		žiber-e-l-de.
	дверь	открывать-ST-CONV		бросать-ST-PASS-PST
				‘Дверьоткрылась.’

(4.204)мишарский

a.	bala	kurk-х-n-х-р		kal-dx.
	Ребёнок	пугаться-ST-PASS-ST-CONV		оставаться-PST
b.	bala	kurk-х-р		kal-х-n-dx.
	Ребёнок	пугаться-ST-CONV		оставаться-ST-PASS-PST
- ‘Ребёнок испугался.’

В то же время с глаголом *čʸk-* также наблюдаются примеры с маркированием смыслового глагола или обоих глаголов сразу:

(4.205)мишарский

a.	игтап	jan-ʸ-l-ʸ-p	čʸk-tʸ.
	дерево	гореть-ST-PASS-ST-CONV	выходить-PST
b.	игтап	jan-ʸ-l-ʸ-p	čʸg-ʸ-l-dʸ.
	дерево	гореть-ST-PASS-ST-CONV	выходить-ST-PASS-PST

‘Дерево сгорело.’

(4.206)мишарский

čaj	kajnat-ʸ-l-ʸ-p	čʸk-tʸ.
чай	греть-ST-PASS-ST-CONV	выходить-PST

‘Чай вскипятился.’

(4.207)мишарский

alma	seg-e-l-e-p	čʸg-ʸ-l-dʸ.
яблоко	гнить-ST-PASS-ST-CONV	выходить-ST-PASS-PST

‘Яблоко сгнило.’

Наконец, директивный сериализатор *teš-*, сочетающийся лишь с некоторыми глаголами движения и крайне редко пассивизирующийся, допускает образование (антикаузативного) пассива при расположении пассивного показателя только на вспомогательном глаголе:

(4.208)мишарский

a.	*min	jez-e-l-e-p	teš-te-m.
	я	плыть-ST-PASS-ST-CONV	спускаться-PST-1SG
b.	min	jaxšʸ jez-e-p	teš-e-l-de-m.
	я	хорошо плыть-ST-CONV	спускаться-ST-PASS-PST-1SG

‘Мне хорошо сплавалось.’

Распределение пассивных показателей при образовании антикаузатива представлено в таблице. С теми глаголами, которые не указаны в таблице, информанты отказались образовывать пассив для КСГ. Также как и в случае собственно пассивов, минусы в таблице

соответствуют не неграмматичности употребления, а, скорее, незасвидетельствованности подобных примеров.

Таблица 4.29. Возможность антикаузативной интерпретации при различном расположении пассивного маркера

Расположение показателя	LV	SV	LV & SV
<i>bak-</i>	+	+	+
<i>tʁr-</i>	+	+	+
<i>jat-</i>	+	+	+
<i>al-</i>	+	+	+
<i>kit-</i>	+	+	+
<i>žiber-</i>	+	+	-
<i>čʁk-</i>	+	-	+
<i>teš-</i>	-	+	-

Вывод о дистрибуции антикаузативного пассива в КСГ, который можно было бы сделать на основе данной таблицы, следующий. Скорее всего, для всех сериализаторов кроме *teš-* можно говорить о грамматичности любого из трех расположений антикаузативного показателя. С директивным сериализатором *teš-* маркер антикаузатива предпочтительно располагать на вспомогательном глаголе.

4.5.3.2.1.6. БЕЗЛИЧНЫЙ АНТИКАУЗАТИВНЫЙ ПАССИВ

В исследуемом диалекте татарского языка отмечена конструкция с безличным пассивом, в которой фонологически выраженное подлежащее отсутствует, глагол стоит в 3-м лице, а логический субъект действия выражается дативом:

(4.209) мишарский

miŋä jaħšʁ jer-e-l-i.
 я.DAT хорошо ходить-ST-PASS-ST.IPFV
 ‘Мне хорошо ходится.’

Подобные конструкции аналогичны безличным пассивам в немецком, см. [Wurmbrand 2004]:

(4.210)немецкий

[Wurmbrand 2004: 994]

Es wurde einen Abend lang getanzt / diskutiert.

Этот COP DEF вечер длинный танцевать.PASS / обсуждать.PASS

‘Они протанцевали / проговорили (им танцевалось / говорилось) целый вечер.’

Такие конструкции допустимы в немецком с неэргативными глаголами и невозможны с неаккузативными. Как указывает Вурмбранд, это происходит оттого, что пассивизация в принципе возможна только при наличии внешнего аргумента.

Можно сказать, что безличные конструкции в татарском устроены похожим образом. Отмеченные нами мишарские примеры безличного пассива с непереходными глаголами также образованы от неэргативов:

(4.211)мишарский

bügen kenä bujɣ siker-e-p tɣɾ-ɣ-l-dɣ.

сегодня день весь прыгать-ST-CONV стоять-ST-PASS-PST

‘Сегодня целый день (мне) прыгалось.’

(4.212)мишарский

a. jaɣʃɣ jez-e-p jat-ɣ-l-dɣ.

хорошо плавать-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

b. jaɣʃɣ jez-e-l-e-p jat-ɣ-l-dɣ.

хорошо плавать-ST-PASS-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

‘Хорошо плавалось.’

(4.213)мишарский

miŋä jaɣʃɣ jeɾ-e-l-e-p teʃ-e-l-de.

я.DAT хорошо ходить-ST-PASS-ST-CONV спускаться-ST-PASS-PST

‘Мне хорошо было спускаться.’

В ряде случаев безличный пассив может образовываться с участием внешнего аргумента переходных глаголов, ниже приведены примеры как с КСГ, так и без сериализатора:

(4.214)мишарский

a. jaɣʃɣ aʃ-a-p jat-ɣ-l-dɣ.

хорошо есть-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

- b. jахšɣ аš-a-l-ɣ-p jat-ɣ-l-dɣ.
 хорошо есть-ST-PASS-ST-CONV лежать-ST-PASS-PST

[Там] хорошо кормят (~хорошо питалось).

- (4.215) bezgä jахšɣ kač-ɣ-l-dɣ.
 нам хорошо скрываться-ST-PASS-ST-PST

?‘Нам хорошо пряталось.’

Безличного пассива от неаккузативных глаголов, либо конструкций с безличной пассивизацией внутреннего участника отмечено не было.

Мишарские примеры в целом напоминают аналогичные русские конструкции:

(4.216) русский

- a. *Мне не спится*
 b. *Пете хорошо отдыхается.*

В русском также есть ограничение на образование безличного пассива с неаккузативными глаголами либо внутренним участником переходных глаголов:

(4.217) русский

- a. **Мне болеется.*
 b. **Ребенку хорошо наказывается.*

Примеры типа *Мне болеется* возможны только при таком понимании, когда участник в дативе испытывает от данной ситуации определенную выгоду, т.е. является бенефактивом.

Кроме этого для безличного пассива характерно ограничение на одушевленность логического субъекта. Подразумеваемый логический субъект, который факультативно может кодироваться дативом, не может быть неодушевленным:

(4.218) русский

- a. **Батарейке заряжается.*
 b. **Стихии разрушается.*

Данные свойства, а именно – i) ограничение на наличие внешнего участника (неэргатив или агенс переходных глаголов); ii) получение дативным участником выгоды / ущерба, т.е. семантическая роль бенефактива; iii) ограничение на одушевленность дативного бенефактива –

являются признаком присутствия так называемой аппликативной проекции, см. диссертацию [Pylkkänen 2002] и последовавшую за ней дискуссию в частности, [Grashchenkov, Markman 2010] для русских именных проекций.

У безличного пассива существует еще одно интересное свойство – при том, что преобразованию “номинативный субъект – дативный бенефактив” подвергается внешний участник, присутствие внутреннего аргумента переходных глаголов также оказывается неграмматично, ср.:

(4.219) русский

- a. *Осенью всегда хорошо сочиняется.*
- b. *Особенно хорошо играет ночью.*

(4.219') русский

- a. *Осенью всегда хорошо сочиняется *стихи / *стихами.*
- b. *Особенно хорошо играет *«Лунная соната» ночью.*

Подытожим: мы обсудили конструкции с безличным пассивом. В примерах с КСГ пассивный показатель всегда располагается на сериальном глаголе, однако безличная пассивизация возможна и без сериализатора. Засвидетельствованные примеры охватывают вспомогательные глаголы *тыр-*, *јат-*, *теš-*.

Что касается синтаксиса таких конструкций, наши результаты тут следующие: i) глагол стоит в форме третьего лица; ii) логический субъект ситуации перекодируется дативом; iii) допустимо выражение лишь внешнего участника ситуации; iv) дативный бенефактив вводится аппликативной глагольной проекцией; v) присутствие в безличных конструкциях с переходными глаголами прямого дополнения невозможно.

4.5.3.2.1.7. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ПАСИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ

Разберем сначала те случаи, где пассивный показатель имеет антикаузативную интерпретацию.

Значение примеров, в которых пассивным показателем маркирован лексический глагол, отличается от случаев, где пассивный показатель попадает на сериальный глагол. В случае маркирования лексического глагола пассивный показатель выполняет свою основную функцию, продвигая внутреннего участника в позицию субъекта и устраняя (полностью – для антикаузатива, либо переводя в адьюнкты – для собственно пассива) каузирующего участника, см. (4.220.a).

В примерах (4.220.b) и (4.220.c) в сферу действия показателя пассива попадают и смысловой, и вспомогательный глаголы. Подобная закономерность – идентичность интерпретации конструкций с маркированием антикаузативом лишь сериального глагола и конструкций, где оказываются маркированы оба глагола, – наблюдалась нами и раньше:

(4.220)мишарский

a.	išek	ač-x-l-x-p	al-dx.
	дверь	открывать-ST-PASS-ST-CONV	братъ-PST
Дверь ненадолго открылась.			
b.	išek	ač-x-p	al-x-l-dx.
	дверь	открывать-ST-CONV	братъ-ST-PASS-PST
c.	išek	ač-x-l-x-p	al-x-l-dx.
	дверь	открывать-ST-PASS-ST-CONV	братъ-ST-PASS-PST

‘У двери получилось открыться.’

То, что смысловой глагол в (4.220.b) и (4.220.c) находится в СД пассивной морфологии, следует из того факта, что в данных примерах нет выраженного каузатора ситуации (агенса). Несколько сложнее показать распространение СД еще и на значение сериального глагола.

Действительно, вследствие того, что при морфологической антикаузативизации сериализатора лексическое значение попадает в СД антикаузатива автоматически, лишает нас возможности наблюдать минимальную пару «КСГ» vs. «КСГ с антикаузативизацией только сериального глагола». Об автоматическом распространении значения пассивного маркера, располагающегося на сериализаторе, на смысловой глагол говорит кроме прочего и отсутствие контраста в переводах (4.220.b) и (4.220.c).

Разберем несколько подробнее сериализатор *al-*. Исходное значение прямой диатезы с данным сериализатором будет следующим:

(4.221)мишарский

Ruslan	išek	ač-x-p	al-dx.
Руслан	дверь	открывать-ST-CONV	братъ-PST

‘Руслан ненадолго открыл дверь.’

Как мы видим, перевод активного предложения отличается от перевода примера (4.220.a), где маркирован только лексический глагол, лишь наличием каузатора. В то же время

два этих предложения имеют общий компонент значения ‘ненадолго’, соответствующий значению сериализатора.

Сериализатор *al-* вводит в рассмотрение промежуток наблюдения над реализацией действия лексического глагола, в данном случае – процесса перехода из состояния «дверь закрыта» в состояние «дверь открыта». Собственно семантика вспомогательного глагола *al-* предполагает, что время наблюдения за начальным состоянием, «дверь закрыта», существенно превосходит время наблюдения за конечным состоянием, «дверь открыта».

Далее, при маркировании сериализатора пассивным показателем мы уже имеем значение ‘У двери получилось открыться’, см. примеры (4.220.b) и (4.220.c). Здесь не только не наблюдается каузирующего участника, но и компонент ‘ненадолго’ исчезает, а вернее, он преобразуется в ‘получилось’, ср. также ‘наконец получилось’ в случае с сериализатором *kit-*:

(4.222)мишарский

a.	terež	аџ-х-л-х-р	kit-te.
	окно	открывать-ST-PASS-ST-CONV	уходить-PST
	‘Окно открылось.’		
b.	terež	аџ-х-р	kit-e-l-de.
	окно	открывать-ST-CONV	уходить-ST-PASS-PST
c.	terež	аџ-х-л-х-р	kit-e-l-de.
	окно	открывать-ST-PASS-ST-CONV	уходить-ST-PASS-PST
	‘У окна, наконец, получилось открыться.’		

(4.223)мишарский

almaz	jez-e-p	kit-e-l-de.
Алмаз	плыть-ST-CONV	уходить-ST-PASS-PST
‘У Алмаза получилось плавать.’		

Как представляется, вклад антикаузативного компонента в семантику сериальных глаголов в подобных случаях может состоять и в устранении каузирующего подсобытия, приводящего к приобретению состояния (каузатор лексического глагола), и к устранению подсобытия, ответственного за характер протекания действия (каузация состояния вспомогательного глагола). В обоих примерах (4.220) и (4.222), где имеется различие в маркировании антикаузативом (лексический vs. сериальный / и лексический), мы наблюдаем различие в значении, которое мы связываем со способностью антикаузатива воздействовать на сериальный глагол. Учитывая то, что для антикаузатива свойственно устранение агенса, можно

отнести появляющийся компонент значения ‘получилось’ на счет устранения агентивного компонента в структуре вспомогательного глагола.

Итак, важным свойством пассивной морфемы при антикаузативизации является то, что находящийся на вспомогательном глаголе показатель интерпретируется как относящийся к лексическому и сериальному глаголам одновременно. При маркировании антикаузативным пассивом лексического глагола в сферу действия показателя попадает только само лексическое значение.

Как показывает следующий пример, при собственно пассивном значении под действие пассивной морфемы попадает только лексический глагол. Это вполне соотносится с нашими предыдущими выводами: для собственно пассивного значения критично наличие внешнего участника, в то время как антикаузатив модифицирует глагольное значение, устраняя из него каузирующий компонент.

В (4.224) приведены случаи с маркированием собственно пассивным показателем лексического и сериального глагола. Предложенный информантом в обоих случаях перевод соответствует ситуации, в которой участник события «поедание супа» присутствует, но не выражен:

(4.224)мишарский

a.	šurba	aš-a-l-γ-p	al-dγ.
	суп	есть-ST-PASS-ST-CONV	братъ-PST
b.	šurba	aš-a-p	al-γ-l-dγ.
	суп	есть-ST-CONV	братъ-ST-PASS-PST

‘Суп быстро съели.’

4.5.3.2.1.8. СТРУКТУРА ПАСИВНЫХ И АНТИКАУЗАТИВНЫХ КЛАУЗ

Мы начнем построение структуры пассива в КСГ с описания устройства обычных собственно пассивных и антикаузативных клауз и затем перейдем к обсуждению взаимодействия пассивных структур со вспомогательными глаголами.

Предложения, оформленные показателем пассива, могут иметь либо собственно пассивную интерпретацию, i), при которой внешний участник ситуации может не выражаться фонологически, но присутствует в аргументной структуре, либо антикаузативную интерпретацию, ii), в которой внешний участник устранен:

(4.225)мишарский

išek ač-χ-l-dχ.

дверь открывать-ST-PASS-PST

Значения:

- i) 'Дверь кем-то открыта.'
- ii) 'Дверь открылась.'

На основе тюркских языков может быть предложено более экономное «распределение обязанностей» пассивных значений, чем при стандартном анализе. Напомним, что традиционно, в соответствии с обобщением Бурцио, одна и та же вершина отвечает и за приписывание семантической роли внешнему участнику, и за проверку падежного признака (аккузатива) у внутреннего участника. Для тюркских языков можно предложить подход, который каждой из этих функций сопоставит отдельную функциональную вершину. Обе такие вершины будут проявлением малого v , и стало быть, обе они будут «видны» за пределами vP -фазы.

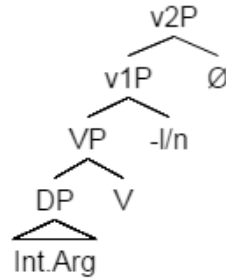
Поскольку собственно пассив сводится лишь к невозможности приписывания аккузатива внутреннему участнику, а антикаузатив – и к этой функции, и к «подавлению» внешнего участника, можно сделать следующее предположение. Во-первых, можно допустить, что функцией собственно пассива является лишь «поглощение» способности vP к приписыванию аккузатива, но не возможности вставления внешнего аргумента, см. похожее решение у [Collins 2005; Alexiadou, Doron 2012]. Во-вторых, можно предположить, что устранение внешнего участника, т.е. образование антикаузативного значения, связано с другой вершиной, доминирующей над первой.

Наш анализ пассива заимствует из [Collins 2005] идею связи между пассивной морфологией и способностью приписывать падеж и отсутствия связи между пассивом и возможностью вставления внешнего аргумента. По нашему мнению, возможность устранения внешнего аргумента в тюркских языках связана с другой функциональной проекцией, что сближает наш подход с анализом [Alexiadou, Doron 2012]. В отличие от [Alexiadou, Doron 2012], однако, мы полагаем, что антикаузатив является следствием реализации собственно пассивной морфологии и некоторого особого варианта v , ср., например, $*v$ в [Chomsky 2001]. Мы, таким образом, предлагаем (по крайней мере для тюркских языков) отказаться от введения проекции VoiceP, как это делается в [Collins 2005], либо специальной проекции антикаузатива μP , см. [Alexiadou, Doron 2012].

Фонологическая реализация как собственно пассива, так и антикаузатива в тюркских языках одинакова: $-(V)l/n$. Можно также предположить, что в обоих случаях фонологическое

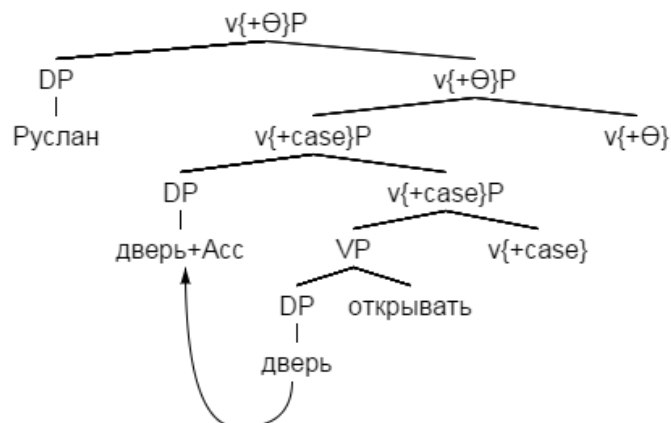
выражение получает именно (и только) вершина собственно пассива. Действительно, если допустить, что (нулевой) антикаузативный показатель доминирует над собственно пассивным, его появление в структуре будет возможно тогда и только тогда, когда собственно пассивная морфема в ней уже находится:

(4.226)

$$[v_2P [v_1P [VP [DP \text{Int.Arg}] V] -l/n] \emptyset]$$

Вершина v_1 , которую мы далее будем обозначать как $v\{\text{case}\}$, ответственна за возможность приписывания accusativa. Вершина v_2 , далее – $v\{\emptyset\}$, отвечает за включение в деривацию внешнего участника. Разберем теперь последовательно порождение переходных глагольных групп активного, собственно пассивного и среднего залогов.

(4.227)

$$[v\{+\emptyset\}P [DP \text{Руслан}] [v\{+\emptyset\}P [v\{+\text{case}\}P [DP \text{дверь}+\text{Acc}] [v\{+\text{case}\}P [VP [DP \text{дверь}] \text{открывать}] v\{+\text{case}\}]] v\{+\emptyset\}]]$$

В случае активного залога, (4.227), значения падежного признака и признака семантической роли внешнего аргумента – $\{+\text{case}\}$, $\{+\emptyset\}$. Соответствующие уровни проекции малого v проверяют падежный признак accusativa и присваивают роль агенса внешнему

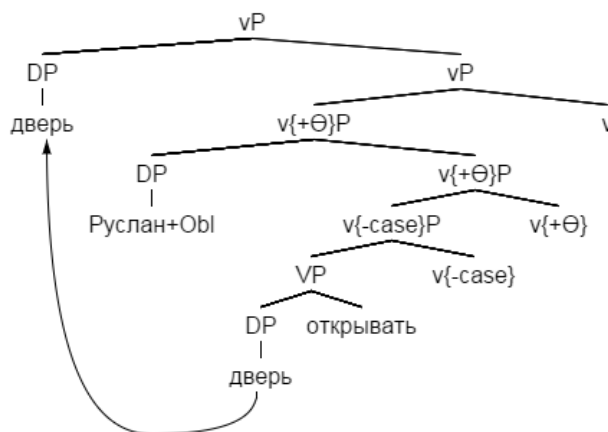
участнику. Внутренний участник *дверь* поднимается в Spec, $v\{+case\}P$ для проверки признака аккузатива.

В случае собственно пассива, (4.228), значения соответствующих признаков – $\{-case\}$, $\{+\Theta\}$. Внутренний участник не может проверить признак падежа на вершине $v\{-case\}$ и чтобы получить падежное значение он поднимается в максимально высокую позицию Spec, vP на границе фазы. Из этой максимально левой позиции Spec, vP будет впоследствии совершено передвижение в Spec, TP, где внутреннему участнику будет присвоен номинатив.

Внешний участник порождается позже внутреннего и поэтому после передвижения внутреннего в левую периферию vP он оказывается в более нижнем спецификаторе Spec, $v\{+\Theta\}P$. Этим объясняется тот факт, что при собственно пассиве именно внутренний участник получает (единственно доступное) значение структурного падежа (номинатив). Внешний участник в отсутствие доступного структурного падежа получает значение косвеннопадежное оформление:

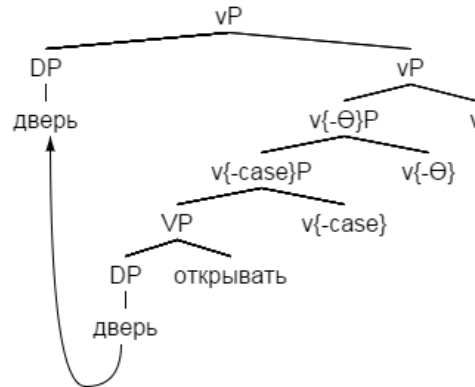
(4.228)

$[vP [DP \text{ дверь}] [vP [v\{+\Theta\}P [DP \text{ Руслан+Obl}] [v\{+\Theta\}P [v\{-case\}P [vP [DP \text{ дверь}] \text{ открывать}] v\{-case\}] v\{+\Theta\}]] v]]$

При образовании антиаккузатива, (4.229), значение признаков – $\{-case\}$, $\{-\Theta\}$. Внутренний участник точно также передвигается в максимально высокую позицию Spec, vP для последующего подъема в Spec, TP. Вершина $v\{-\Theta\}$ не способна вводить в деривацию участника с внешней ролью агенса:

(4.229)

[_{vP} [_{DP} дверь] [_{vP} [_{v{-Θ}}P [_{v{-case}}P [_{vP} [_{DP} дверь] открывать] v{-case}] v{-Θ}] v]]

Подобный декомпозиционный подход объясняет еще одно свойство собственно пассивной и антикаузативной морфологии. А именно – способность тюркских языков порождать пассивные дериваты от непереходных глаголов. При этом характерно, что морфема $(V)/n$ всегда интерпретируется как антикаузатив, но не как собственно пассив:

(4.230) мишарский

alma çer-e-l-de

яблоко гнить-ST-PASS-PST

Значения:

i) *‘Яблоки сгноили.’

ii) ~‘Яблокам легко гниется.’

Как было отмечено выше, (антикаузативная) пассивизация непереходных глаголов возможна только для неаккузативов, но не для неэргативов. Это говорит нам о том, что перед нами вариант $v\{-\Theta\}$ вершины $v\{\Theta\}$. Именно такой пассив, не предполагающий внешнего участника, мы наблюдаем в случае непереходных (неаккузативных) глаголов.

Можно предположить далее, что именно реализация $v\{-\Theta\}$ соответствует фасилитативной трактовке, наблюдаемой при антикаузативе. Действительно, характерное для антикаузатива значение ‘легко’, ‘само по себе’ можно трактовать как связанное с отсутствием внешнего каузатора ситуации. Итак, мы будем считать, что отсутствие каузатора приводит к появлению дополнительного семантического компонента ‘хорошо’, ‘легко’ и т.п.

Напротив, при собственно пассиве всегда имеет место имплицитный каузатор, что делает трактовку ‘легко’ и т.д. невозможной. Собственно пассив в тюркских языках, таким

образом, невозможен при пассивизации переходных глаголов, т.к. он предполагает наличие внешнего аргумента, а пассивизации подвергаются лишь неаккузативы.

Как было отмечено выше, пассивные образования от неэргативов тоже возможны – они представлены так называемым безличным пассивом. Более подробно структуру безличного пассива мы обсудим ниже при анализе устройства антикаузатива.

Еще один факт, который может быть объяснен при подобном подходе – отсутствие в тюркских языках лабильных глаголов. Примеры (4.231) без маркера пассива оказываются неграмматичны (ср. англ. *The door opened*):

(4.231) мишарский

*iʃek ač-dʏ.

дверь открывать-PST

‘Дверь открылась.’

При нашем анализе лабильность будет соответствовать значениям {-case}, {-Θ} вершины малого *v*: в случаях типа английского *The door opened* отсутствует как внешний участник, так и возможность аккузативного маркирования внутреннего участника. Однако морфологическая реализация $v\{-case\}$ – $-(V)/n$, а нулевому значению $v\{case\}$ соответствует $v\{+case\}$.

Необходимо оговориться, что объяснения будет требовать также отсутствие комбинации $\{+case\}$, $\{-\Theta\}$, соответствующей русскому *Меня тошнит*, см., например, [Lavine, Franks 2008; Lavine 2014]. Мы оставим эту и другие проблемы, связанные с анализом пассивной предикации, для более детального обсуждения в других работах.

4.5.3.2.1.9. Позиция собственно пассивных показателей в структуре КСГ

Напомним, что в случае пассива свидетельств неграмматичности тех или иных сочетаний было недостаточно. Для обычного пассива можно говорить о следующей закономерности дистрибуции: при вспомогательных глаголах с грамматической семантикой пассивный показатель может располагаться на любом из глаголов и на обоих глаголах одновременно.

Обычный пассив, как мы установили, является плеонастическим – употребление пассивного маркера дважды, на смысловом и вспомогательном глаголах, не меняет значения конструкции. Похожее употребление пассивного маркера в испанском языке было описано в работе [Bosque, Gallego 2011]. Испанский язык также в ряде случаев может образовывать

«двойной пассив», дублируя пассивную морфологию на смысловом (‘использовать’) и вспомогательном (‘начинать’) глаголах:

(4.232)испанский [Bosque, Gallego 2011: 6]

Ese	producto	fue.3SG	empezado		
это	вещество	быть	начинать.PART		
a	ser	usado		como	conservante.
А	быть	использовать.PART		как	консервант

‘Это вещество стало использоваться как консервант.’

При построении структуры конструкций, стоящих за двойным пассивом в испанском, Боск и Каллего используют идеи так называемого «дистантного согласования» (LDA, long distance agreement) и множественной проверки признаков несколькими вершинами.

Согласно предлагаемому авторами анализу причастные формы вспомогательных глаголов в испанском являются аспектуальными вершинами Asp. Располагающаяся на вспомогательных глаголах пассивная морфология несет признаки (но не является вершиной) малого *v*, что соответствует неинтерпретируемому характеру пассивной морфологии на Asp. Интерпретации подлежит пассивная морфология на лексическом глаголе, а появление пассивной морфемы на вспомогательном глаголе вызвано тем, что вершина Asp входит в число проекций малого *v*. Будучи в составе *vP*, вспомогательный глагол может согласовываться с лексическим по признакам, стоящим за пассивом. Как интерпретируемые реализации этих признаков на лексическом глаголе, так и неинтерпретируемые на вспомогательном удаляются при согласовании с подлежащим (*это вещество*) при дистантном согласовании.

Таким образом, [Bosque, Gallego 2011] предлагают анализировать двойной пассив как пример моноклаузальной структуры, где вспомогательный глагол согласуется с лексическим в наборе признаков, стоящих за пассивной морфологией.

Двойной пассив не обязательно бывает согласовательной природы. Так, в цитируемой работе приводится следующий испанский пример:

(4.233)испанский [Bosque, Gallego 2011: 29]

Fue	condenado		a	ser	expatriado.
быть.3SG	приговаривать.PART		А	быть	изгонять.PART

‘Он был приговорен к повешению.’ (‘Он был приговорен к тому, чтобы он был повешен.’)

Как мы видим, здесь пассивная морфология интерпретируется дважды, и на матричной, и на зависимой предикации. Иначе обстоит дело в примере (4.222.с), повторенном ниже:

(4.234)мишарский

terez ač-γ-l-γ-p

kit-e-l-de.

окно открывать-ST-PASS-ST-CONV уходить-ST-PASS-PST

‘У окна, наконец, получилось открыться.’

При схожем поведении двойного показателя пассива в испанских примерах с мишарскими КСГ, причины отсутствия двойной интерпретации, как представляется, различны. Если в испанском такие причины являются синтаксическими – более высокая пассивная морфема является согласовательной, то в мишарском они, скорее всего, семантические. Собственно пассивное значение может быть проинтерпретировано на матричном предикате с глаголами типа ‘приговаривать’, имеющими и внутреннего участника, и сентенциальное дополнение. В то же время для глаголов с явно выраженной грамматической семантикой получить интерпретацию собственно пассивного значения представляется затруднительным. Так, сериализатор *kit-* в примере выше имеет результитивную семантику (‘открылась и осталась открыта’) и какое-либо его пассивное прочтение фактически невозможно.

Напомним также, что в соответствии с нашим анализом тюркского пассива, вершина, ответственная за собственно пассивное значение, и должна быть лишена семантической интерпретации – она лишь устраняет возможность приписывать аккузатив.

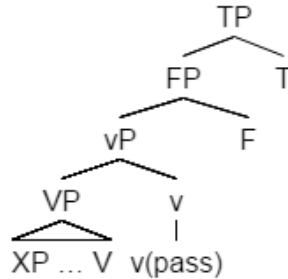
Итак, с грамматическими сериализаторами собственно пассивный маркер может располагаться на любом из глаголов или сразу на обоих. При любом расположении воздействию собственно пассива подвергается лексическая вершина. Влияние такого показателя лишь на аргументную структуру лексического глагола связано с отсутствием у него собственной семантики. В том случае, если бы пассивный показатель мог модифицировать значение сериального глагола, тюркские языки демонстрировали бы двойную интерпретацию при дублировании показателя. Забегая вперед, скажем, что именно так обстоит дело в случае антикаузатива.

По нашему мнению и отмеченное в испанском «согласование» по пассивному значению, и существующая в тюркских языках возможность интерпретировать пассив на сериализаторе как преобразующий аргументную структуру лексического связана с расположением пассивной морфемы. Для объяснения обоих фактов поможет идея фазы. Фаза, см. [Chomsky 2001] – такая часть синтаксической структуры, которая подлежит фонологической реализации и семантической интерпретации. Синтаксическая деривация, таким образом, происходит внутри

фазы и между фазами. С точки зрения позиции в структуре клаузы малое *v* и пассив как одна из функциональных вершин, связанных с малым *v*, находятся на границе фазы *vP*:

(4.235)

[_{TP} [_{FP} [_{vP} [_{VP} XP ... V] [_v v(pass)]] F] T]

Такая позиция делает его доступным не только внутри своей фазы (*vP*), но и за ее пределами – это следует из так называемого условия непроницаемости фазы, [Chomsky 2001]:

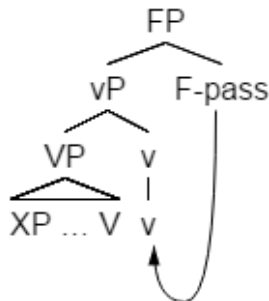
(4.236) Условие непроницаемости фазы

В фазе α с вершиной *H* область *H* недоступна для операций за пределами α , только сама вершина *H* и граница фазы доступны для таких операций.

При подобном подходе малое *v* не подпадает под условие непроницаемости фазы, т.к. является ее вершиной, т.е. в нашем случае $\alpha = vP$, $H = v$. Если пассивная морфема находится на некоторой вершине *F* над *vP*, она может быть проинтерпретирована как относящаяся к *v*:

(4.237)

[_{FP} [_{vP} [_{VP} XP ... V] v] F-pass]

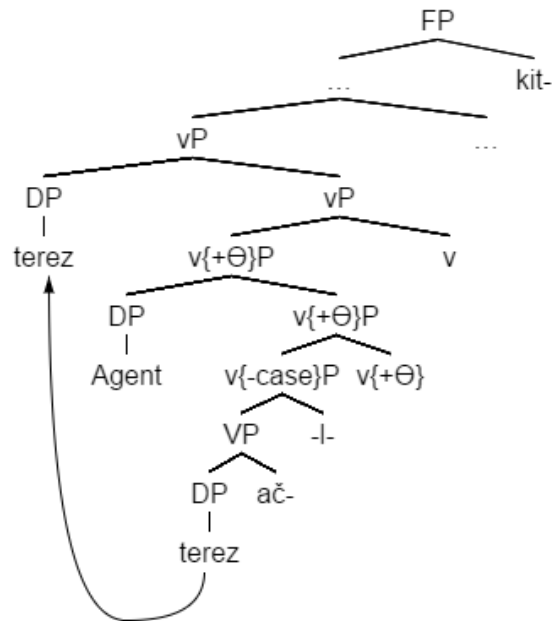

В соответствии с представлениями о структуре пассивной клаузы, выработанными нами выше, анализ собственно пассивных клауз с маркированием лексического / вспомогательного глаголов будет выглядеть следующим образом.

При расположении показателя пассива на лексическом глаголе деривация не отличается от описанного выше случая образования собственно пассивных значений в простых предикациях:

(4.238)

[FP [... [vP [DP *terez*] [vP [v{+θ}P [DP Agent] [v{+θ}P [v{-case}P [vP [DP *terez*] *ač-*] -l-] v{+θ}]] v]] ...] *kit-*]

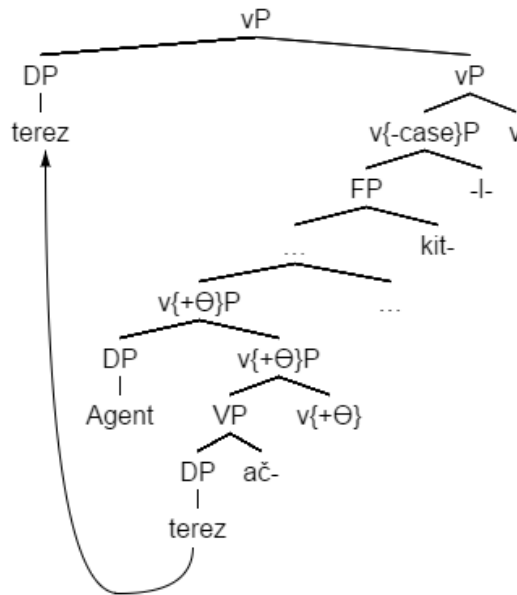

В примере (4.238) вершина F, связанная в случае глагола *kit-* с выражением значения вхождения в состояние, может также соответствовать другим аспектуальным или модальным значениям.

При расположении пассивного маркера на вспомогательном глаголе, (4.239), сериализатор должен иметь соответствующие проекции, в которых может располагаться собственно пассивная (антикаузативная,...) морфология. В структуре (4.239) вспомогательный глагол *kit-* (*уходит*) представлен как источник «урезанного» варианта проекции vP. Проекция подобного глагола, потерявшего лексическое значение, лишена «внутренней» части, VP, ответственной за лексическую семантику глагола. У сериализатора в то же время сохраняется способность проецировать внешнюю часть структуры, т.е. функциональные проекции уровня v и т.д. Мы считаем, что лексический глагол в случае маркирования пассивом одной лишь сериальной вершины не проецирует соответствующей функциональной структуры. Работа по устранению падежного признака аккузатива производится в таком случае вершиной v{-case}, проецируемой вспомогательным глаголом:

(4.239)

[_{VP} [_{DP} *terez*] [_{VP} [_{v{-case}P} [_{FP} [... [_{v{+θ}P} [_{DP} *Agent*] [_{v{+θ}P} [_{VP} [_{DP} *terez*] *ač-*] _{v{+θ}}]] ...] *kit-*] *-l-*] _v]]

Таким образом, и лексический, и сериальный глаголы имеют собственные проекции *v*, но ответственным за «отфильтровывание» падежного признака аккузатива оказывается *v{-case}* на вспомогательном глаголе. Мы уклонимся здесь от дискуссии о том, какой именно механизм устраняет падежный признак аккузатива. Круг технических возможностей здесь достаточно широк: «адсорбирование» падежного признака самим показателем пассива, [Collins 2005], наличие абстрактной вершины *P*, приписывающей косвеннопадежное маркирование агенсу при пассиве, [Hoekstra 2004: 86] и т.д.

4.5.3.2.1.10. ПОЗИЦИЯ АНТИКАУЗАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СТРУКТУРЕ КСГ

Как и в случае собственно пассива, при сочетании антикаузатива и вспомогательных глаголов с грамматической семантикой пассивный показатель может располагаться на любом из глаголов и на двух глаголах одновременно. Кроме того, для директивного сериализатора *teš-* единственно возможное расположение антикаузативного маркера – на самом сериализаторе.

Скажем сразу несколько слов о том, почему директивные глаголы типа *teš-* допускают расположение антикаузативной морфологии только на сериальном глаголе. По нашему мнению, это вызвано тем, что конструкции с директивной семантикой представляют собой так называемые сложные глагольные группы образа действия и результата. Структура подобных сложных глаголов отличается от случаев, когда сериализатор имеет грамматическую семантику и требует отдельного обсуждения.

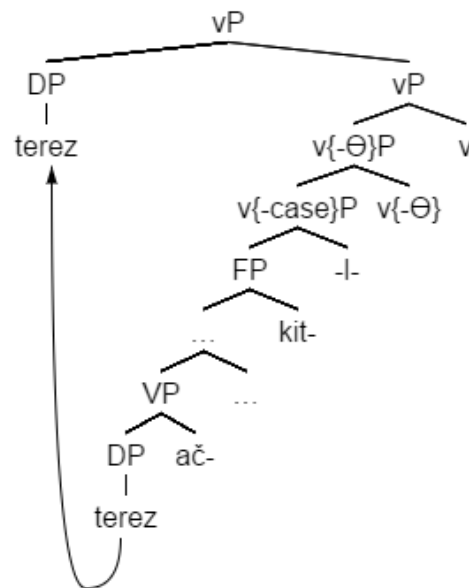
Возвращаясь к свойствам КСГ с грамматическими сериализаторами, отметим, что двойные антикаузативные показатели, подобно отрицанию и собственно пассиву, интерпретируются дважды. Кроме того, как мы установили, антикаузативный маркер, оформляющий только вспомогательный глагол, допускает распространение антикаузативного значения и на лексическую вершину. Оба этих факта уже были объяснены нами. Они следуют из: i) расположения морфологии, ответственной за антикаузатив, на границе фазы, откуда она доступна более высоким функциональным проекциям, в которых находятся вспомогательные глаголы; ii) возможности семантической интерпретации антикаузатива, связанной с устранением каузирующего подсобытия.

Далее, структура конструкций с маркированием лексического глагола не отличается от структуры обычного антикаузатива, над которой «надстроена» FP, отвечающая за соответствующее грамматическое значение.

Что касается маркирования антикаузативом вспомогательного глагола, наш подход здесь также схож с таковым для случаев собственно пассива. Функциональные проекции малого *v*, ответственные за подавление падежного признака аккузатива и отсутствие внешнего аргумента, проецируются в этом случае вспомогательным глаголом. Соответствующие проекции лексического глагола при этом могут либо не быть представлены вовсе, либо быть «согласованы» с таковыми у сериализатора, структура ниже соответствует первому варианту:

(4.240)

[_{VP} [_{DP} *terez*] [_{VP} [_{v{-Θ}P} [_{v{-case}P} [_{FP} [... [_{VP} [_{DP} *terez*] *ač-*] ...] *kit-*] *-l-*] *v{-Θ}*] *v*]]]

В остальном деривация происходит по тем же принципам, что были описаны выше: внутренний аргумент, не получая падежного признака в *vP*, передвигается в ее крайнюю левую

периферию с тем, чтобы в дальнейшем получить номинатив в Spes, TP. Внешний аргумент отсутствует из-за неспособности $v\{-\Theta\}$ присваивать семантическую роль.⁹⁰

Попробуем также в самых общих чертах сформулировать возможный анализ безличных пассивных конструкций, см. повторенные ниже примеры с сериализатором и без:

(4.241)мишарский

a.	jaxšɣ	aš-a-p	jat-ɣ-l-dɣ.
	хорошо	есть-ST-CONV	лежать-ST-PASS-PST
b.	jaxšɣ	aš-a-l-ɣ-p	jat-ɣ-l-dɣ.
	хорошо	есть-ST-PASS-ST-CONV	лежать-ST-PASS-PST

‘[Там] хорошо кормят.’ (~‘хорошо питалось’)

(4.242)мишарский

bezgä	jaxšɣ	kaš-ɣ-l-dɣ.
нам	хорошо	скрываться-ST-PASS-ST-PST

?‘Нам хорошо пряталось.’

Напомним свойства таких конструкций: i) форма третьего лица глагола; ii) субъект ситуации кодируется дативом; iii) возможно (дативное) выражение только внешнего участника ситуации; iv) дативный бенефактив соответствует аппликативной глагольной проекции, см. [Pylkkänen 2002]; v) выражение прямого дополнения у переходных глаголов невозможно.

Как мы говорили, мишарский безличный пассив напоминает аналогичные конструкции в русском, ср. *Мне не спится, Вечером хорошо читается* и т.д. Для русского безличного пассива можно предположить стандартный анализ – морфема *-ся* устраняет одновременно внешнего участника и способность приписывать аккузатив.

В мишарских примерах значение ‘хорошо’, ‘легко’ и т.п., как мы предположили при обсуждении структуры пассивной клаузы, связано с проекцией антикаузатива. Кроме этого общим для русского и мишарского является значение среднего залога (медия), предполагающего стативное / генерическое прочтение ситуации. Именно отсутствие контролирующего ситуацию участника (каузатора, агенса), по нашему мнению, соответствует прочтению ‘само собой.’ В мишарских безличных предложениях со средним залогом, таким образом, присутствуют антикаузативная (и, следовательно, пассивная) вершины.

⁹⁰ Мы предположили, что $v\{-\Theta\}$ вставляется лишь на уровне сериального глагола, который, в соответствии с нашим исходным допущением лишен возможности проецировать собственные аргументы в любой своей реализации. Неспособность вставлять внешний аргумент сохранится и в случае, если при маркировании пассивной морфологией сериализатора, пассив будет дублироваться и на лексическом глаголе.

Различия в аргументной структуре между безличным пассивом и обычным антикаузативом состоят в том, что в безличном пассиве присутствует внешний аргумент и отсутствует внутренний, в то время как в случае «стандартного» антикаузатива, напротив, внутренний аргумент продвигается в позицию подлежащего, а внешний оказывается не выражен. Присутствие в безличном пассиве внешнего участника мы объяснили участием аппликативной вершины. Аппликатив ответственен и за то, что выраженный участник обязан быть именно внешним, а не внутренним аргументом.

Далее, форма третьего лица глагола, по нашему мнению, связана с наличием нулевого подлежащего. Одной из типологически засвидетельствованных реализаций нулевых подлежащих является нулевое местоимение, лишенное возможности выражения семантической роли, см. классическую работу [Rizzi 1986]. Примером нулевого подлежащего, не предполагающего выражение семантической роли, являются, например, русские клаузы состояния среды, ср.:

(4.243)русский

- a. *Вечерет / Вечерело.*
- b. *Льет / Лило как из ведра.*

Приводимый ниже пример языка африкаанс демонстрирует возможность использования *pro* в неаргументной функции при пассиве, см. также приводившийся выше немецкий пример из [Wurmbrand 2004]:

(4.244)африкаанс

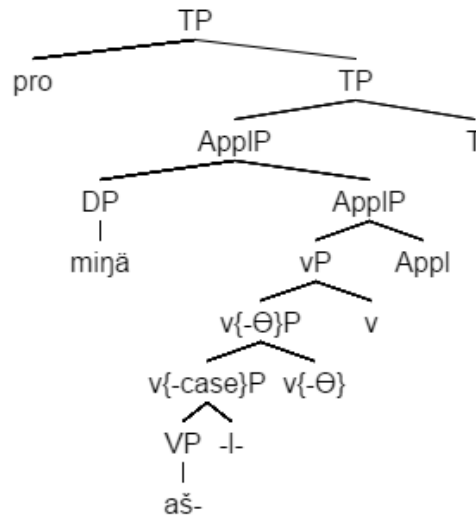
[Biberauer 2010]

... dat (er) gedanst werd
 что там танцевать.Pass становится
 ‘... что там танцевалось’

Так как для ряда контекстов, связанных в том числе с безличным пассивом, принято предполагать наличие нулевого подлежащего без семантической роли, мы будем считать, что именно *pro* определяет согласование по третьему лицу в безличном пассиве в мишарском.

Примерная структура клаузы с безличным антикаузативом и *pro* представлена ниже, где дан анализ предикации без КСГ (на случай маркирования пассивным показателем КСГ наш анализ распространяется так же, как это делалось выше):

(4.245)

[TP pro [TP [AppIP [DP *miŋä*] [AppIP [vP [v{-Θ}P [v{-case}P [VP *aš-*] -l-] v{-Θ}] v] Appl]] T]]

Наконец, скажем несколько слов о причинах неграмматичности прямого дополнения в конструкциях с безличным пассивом, ср.: **В поезде не читается Пушкина*. В соответствии с нашим анализом причина неграмматичности употребления безличных конструкций с выраженным прямым дополнением – онтологическая связь антикаузатива и собственно пассива. Как мы предположили при построении пассивных структур для мишарского диалекта – антикаузативная составляющая всегда является комбинацией проекций собственно пассива и самого антикаузатива. При нашем анализе, если мы наблюдаем признаки присутствия проекции антикаузатива (в случае безличного пассива – отсутствие каузатора, значение среднего залога) – собственно пассив также должен присутствовать в данной проекции. Поскольку собственно пассив устраняет возможность приписывания аккузатива – прямой объект становится неграмматичен.

4.5.3.2.2. КАУЗАТИВИЗАЦИЯ

4.5.3.2.2.1. ДИСТРИБУЦИЯ КАУЗАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ

Для основного набора вспомогательных глаголов была проверена возможность употребления каузативной морфемы на лексическом или сериальном глаголе, или на двух глаголах сразу. Всего было собрано более 220 примеров, 111 из которых расценены как грамматичные. Из этих примеров 57 допускают расположение каузативного показателя на лексическом глаголе, 18 – на сериальном, 36 – на обоих глаголах. Приведем примеры для каждого варианта:

(4.246)мишарский

ana	malaj-ɣ-n-nan	bala-ga	išek-ne
мать	сын-3-OBL-ABL	ребенок-DAT	дверь-ACC
ač-tɣɾ-ɣ-p		bir-de.	

открыть-CAUS-ST-CONV	давать-PST
----------------------	------------

‘Мать попросила сына открыть дверь ребёнку.’

В данном примере показателем каузатива маркирован лексический глагол. Глагол *bir-* здесь выступает в аппликативной функции, т.е. вводит участника, в интересах которого производится некоторое действие, и таким участником является ИГ ребенок. Каузативное значение передается с помощью русского глагола попросить.

(4.247)мишарский

marat	dust-ɣ-n-nan	išek-ne	ač-ɣ-p	al-dɣɾ-dɣ.
Марат	друг-3-OBL-ABL	окно-ACC	открывать-ST-CONV	братъ-CAUS-PST

‘Марат при помощи своего друга открыл окно.’

В данном примере каузативным показателем оформляется уже вспомогательный глагол. Значение, приобретаемое конструкцией в результате каузативизации при этом сложно отличить от каузативизации лексического глагола – в обоих случаях имеет место инициация (попросил, открыл с помощью) события, выражаемого смысловым глаголом.

(4.248)мишарский

marat	alsu-dan	išek-ne	ač-tɣɾ-ɣ-p	kuj-dɣɾ-dɣ.
Марат	Алсу-ABL	дверь-ACC	открывать-CAUS-ST-CONV	ставить-CAUS-PST

‘Марат заставил Алсу открыть дверь.’

Здесь каузативный показатель уже на обоих глаголах, но интерпретация остается прежней – один участник каузирует другого реализовать действие, обозначенное смысловым глаголом.

Те глаголы, которые регулярно образуют каузативную конструкцию, располагают каузативный показатель так, как это представлено в таблице ниже. Для каждого из сериализаторов предлагалось оценить грамматичность с маркированием смыслового и вспомогательного, а также обоих глаголов. Грамматичные варианты учтены в таблице ниже.

Таблица 4.30. Распределение глаголов в зависимости от позиции каузативного маркера

Расположение показателя	LV	SV	LV & SV	всего (100%)
<i>bak-</i>	9 (37%)	5 (21%)	10 (42%)	24
<i>tʏr-</i>	14 (82%)	1 (6%)	2 (12%)	17
<i>čʏk-</i>	1 (10%)	7 (70%)	2 (20%)	10
<i>al-</i>	5 (45,5%)	1 (9%)	5 (45,5%)	11
<i>tcš-</i>	2 (22%)	2 (22%)	5 (56%)	9
<i>kuj-</i>	4 (50%)	1 (12,5%)	3 (37,5%)	8
<i>jat-</i>	6 (75%)	1 (12,5%)	1 (12,5%)	8

Наиболее продуктивным представляется сравнивать невозможность (= низкую встречаемость) употребления каузативного показателя на лексическом vs. сериальном глаголе. С этой точки зрения вспомогательные глаголы можно разделить на две явно разграничиваемые группы: i) сериализаторы, не употребляющиеся с каузативизированными смысловыми глаголами; ii) сериализаторы, которые сами не принимают каузативной морфемы.

В первую группу попадает один вспомогательный глагол, *čʏk-*, основа которого регулярно получает показатель каузатива:

(4.249)мишарский

rustam marat-tan bez-ne jaš-ʏ-p čʏg-ʏ-r-dʏ.
 Рустам Марат-ABL мы-ACC звать-ST-CONV выходить-ST-CAUS-PST
 ‘Рустам попросил Марата позвать нас.’

Ко второй группе относятся сериализаторы *tʏr-*, *al-*, *kuj-*, *jat-*, примеры:

(4.250)мишарский

min bala-nʏ aš-a-t-ʏ-p tʏr-dʏ-m.
 я ребенок-ACC есть-ST-CAUS-ST-CONV стоять-PST-1SG
 ‘Я покормил ребенка.’

(4.251)мишарский

urmančʰ	kerpe-ne	kurk-ʰ-t-ʰ-p	al-dʰ.
лесник	еж-ACC	пугаться-ST-CAUS-ST-CONV	братъ-PST

‘Лесник испугнул ежа.’

(4.252)мишарский

marat	alsu-nʰ	kurk-ʰ-t-ʰ-p	kuj-dʰ.
Марат	Алсу-ACC	пугаться-ST-CAUS-ST-CONV	ставить-PST

‘Марат напугал Алсу.’

(4.253)мишарский

alsu	rʰsla-nʰ	jez-der-e-p	jat-tʰ.
Алсу	Руслан-ACC	плавать-CAUS-ST-CONV	лежать-PST

‘Алсу Руслана все время заставляла плавать.’

Оставшиеся сериализаторы, т.е. глаголы *bak-* и *teš-*, не имеют предпочтительных вариантов употребления.

Скажем немного о двойном маркировании. Во-первых, двойное маркирование на тех глаголах, которые имеют однозначное предпочтение к употреблению каузатива на смысловом либо сериальном глаголе, должно быть не очень частотным. Действительно, если посмотреть на глагол *čʰk-* с одной стороны и глаголы *tʰr-* и *jat-* – с другой, процент случаев с двойным маркированием у них минимален, а частотность основной стратегии (сериальной для *čʰk-* и лексической для *tʰr-* и *jat-*) – максимальна.

Из этой парадигмы выбиваются глаголы *al-* и *kuj-*, для которых примерно одинаково количество случаев с маркированием лексического глагола и двойным маркированием. В то же время глаголы *bak-* и *teš-* не проявляют однозначного предпочтения к какой-либо из трех стратегий. Как представляется, в случае четырех данных глаголов носители не продемонстрировали строгих грамматических приоритетов и основывали свои суждения на прагматических или каких-либо других факторах.

Итак, все три возможных варианта расположения каузативного маркера встречаются в примерах. Наиболее часто, в половине всех случаев, маркируется лексический глагол, немного менее трети случаев приходится на двойное маркирование и около шестой части – на маркирование вспомогательного глагола. Существует корреляция между типом сериального глагола и расположением каузативной морфемы: ряд вспомогательных глаголов предпочитает каузативизацию посредством маркирования лексической основы (*tʰr-* и *jat-*), имеется также

сериальный глагол, который почти всегда склонен принимать этот показатель самостоятельно (çyk-). Очевидных корреляций расположения каузативного маркера с типом смыслового глагола выявлено не было.

4.5.3.2.2. ПАДЕЖНОЕ КОДИРОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ

В случае двухместных глаголов при дистантной каузативизации (таких примеров в нашей выборке подавляющее большинство) исходный субъект кодируется аблативом, а объект – аккузативом. Правила употребления аккузатива – такие же, как и для простой предикации: нерепферентный прямой объект может употребляться без падежного показателя:

(4.254)мишарский

ruslan samat-tan alma-nx aš-a-t-γ-p bak-tγ.
 Руслан Самат-ABL яблоко-ACC есть-ST-CAUS-ST-CONV смотреть-PST
 ‘Руслан пробовал накормить Самата яблоком.’

(4.255)мишарский

ruslan marat-tan taš ber-der-e-p tγr-dγ.
 Руслан Марат-ABL камень бросить-CAUS-ST-CONV стоять-PST
 ‘Руслан заставил Марата бросить камень.’

Контактный каузатив встретился лишь в сочетании глаголов *kij-* и *bak-*, при этом каузируемый участник в дативе оказывается в данном случае омонимичным адресатной валентности глагола «надевать». Возможно, дативный участник здесь кореперентен невыраженному каузи, который, в принципе, может при данном сочетании глаголов кодироваться и аблативом (см. пример (4.256)):

(4.256)мишарский

äni sanijä-gä külmäk-ne kij-e-p bak-tγr-dγ.
 мама Сания-DAT платье-ACC надевать-ST-CONV смотреть-CAUS-PST
 ‘Мама примерила Сание платье.’

Каузативизация одноместных предикатов в подавляющем большинстве случаев приводит к перекодированию исходного субъекта аккузативом:

(4.257)мишарский

tawɣk ċibiš-lär-ne kač-ɣ-r-ɣ-p tɣr-dɣ.
 курица цыпленок-PL-ACC прятаться-ST-CAUS-ST-CONV стоять-PST
 ‘Курица спрятала цыплят.’

В некоторых случаях (достаточно редко) каузируемый участник, соответствующий субъекту исходного непереходного глагола, получает аблативное маркирование:

(4.258)мишарский

min samat-tan kaza-da jašä-ter-e-p bak-tɣ-m.
 я Самат-ABL Казань-LOC жить-CAUS-ST-CONV смотреть-PST-1SG
 ‘Я вынудил Самата попробовать жить в Казани.’

Все указанные выше закономерности падежного кодирования аналогичны таковым у предикаций без вспомогательных глаголов.

4.5.3.2.2.3. *ДУБЛИРОВАНИЕ КАУЗАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ И ДВОЙНАЯ КАУЗАЦИЯ*

В случае конструкций с дублированием каузативного маркера регулярно наблюдается семантический эффект двойной каузации. Рассмотрим пример:

(4.259)мишарский

äti abɣj-sɣ-n-nan malaj-ɣ-n jez-e-t-e-p
 отец брат-3-OBL-ABL сын-3-OBL.ACC плавать-ST-CAUS-ST-CONV
 al-dɣr-dɣ.
 брать-CAUS-PST
 ‘Отец с помощью брата помог сыну поплавать.’

Здесь к субъекту исходной ситуации добавляется сначала один, а затем и второй каузатор. Исходный субъект при этом перекодирован аккузативом, а «промежуточный» каузатор получает аблатив. Аналогичным образом обстоит дело и в остальных имеющихся у нас примерах, почти все они приведены ниже, оставшиеся два примера будут разобраны при обсуждении интерпретации каузатива:

(4.260)мишарский

ʔmarat kʰčʰk-tan alsu-nʰ kurk-ʰ-t-ʰ-p

Марат собака-ABL Алсу-ACC пугаться-ST-CAUS-ST-CONV

al-dʰr-dʰ.

братъ-CAUS-PST

‘Марат при помощи своей собаки испугнул Алсу.’

(4.261)мишарский

alsu marat-tan kartoš-nʰ čer-e-t-e-p

Алсу Марат-ABL картофель-ACC гнить-ST-CAUS-ST-CONV

al-dʰr-dʰ.

братъ-CAUS-PST

‘Алсу заставила Марата сделать так, чтобы картошка сгнила.’

(4.262)мишарский

äti marat-tan bala-nʰ jʰz-tʰr-ʰ-p

отец Марат-ABL ребенок-ACC учиться-CAUS-ST-CONV

bak-tʰr-dʰ.

смотреть-CAUS-PST

‘Отец говорил Марату, чтобы тот попытался выучить ребенка.’

Как можно видеть, все эти случаи объединяет то, что исходные ситуации являются одноместными. Также совпадает оформление участников – внешний каузатор становится номинативным подлежащим, промежуточный маркирован аблативом, а исходный субъект – аккузативом.

Двойное маркирование каузативным показателем переходных глаголов, приводящее к появлению двух каузаторов, обнаружено не было. Действительно, если в приведенных выше примерах с непереходными предикатами имеются два участника, инициирующих развитие соответствующих ситуаций (Марат и собака, Алсу и Марат, отец и Марат), то при переходных глаголах дублирование показателя на смысловом и вспомогательном глаголе либо неграмматично, либо, если имеет место, то приводит к добавлению лишь одного внешнего каузатора:

(4.263)мишарский

a. marat alsu-dan išek-ne ač-tʏr-ʏ-p
 Марат Алсу-ABL дверь-ACC открывать-CAUS-ST-CONV
 kuj-dʏr-dʏ.

стоять-CAUS-PST

‘Марат попросил Алсу открыть дверь.’

b. *marat dust-ʏ-n-nan alsu-(dan/nʏ) išek-ne
 Марат друг-3-OBL-ABL Алсу-(ABL/ACC) дверь-ACC
 ač-tʏr-ʏ-p kuj-dʏr-dʏ.

открывать-CAUS-ST-CONV стоять-CAUS-PST

‘Марат попросил друга с помощью Алсу открыть дверь.’

Чтобы понять запрет на двойную каузацию переходных глаголов, рассмотрим следующие свойства каузатива. При каузативизации непереходных предикатов (как в КСГ, так и без вспомогательных глаголов), возможно два этапа каузации: первый добавляет одного внешнего участника, второй – второго. На первом этапе исходный участник синтаксически становится прямым объектом, а вся предикация становится аналогична переходной:

(4.264)мишарский

a. min marat-nʏ jez-der-de-m.
 я Марат-ACC плавать-CAUS-PST-1SG

b. min marat-nʏ jez-der-e-p tʏr-dʏ-m.
 я Марат-ACC плавать-CAUS-ST-CONV стоять-PST-1SG

‘Я научил Марата плавать.’

Первичная каузативизация одноместного глагола, таким образом, эквивалентна образованию переходного глагола. На втором этапе возможно введение добавочного каузатора:

(4.265)мишарский

a. min alsu-dan marat-nʏ jez-der-de-m.
 я Алсу-ABL Марат-ACC плавать-CAUS-PST-1SG

b. min alsu-dan marat-nx jez-der-d-e-p
 я Алсу-ABL Марат-ACC плавать-CAUS-CAUS-ST-CONV
 tʰr-dʰ-m.
 стоять-PST-1SG
 ‘Я научил Марата плавать с помощью Алсу.’

Вторичная каузативизация непереходного глагола оказывается эквивалентна первичной каузативизации переходного глагола. Тройной показатель каузатива при этом неграмматичен как с финитными, так и с деепричастными формами:

(4.266)мишарский

*jez-der-d-der-de / *jez-der-d-der-e-p
 плавать-CAUS-CAUS-CAUS-PST плавать-CAUS-CAUS-CAUS-ST-CONV

Аналогичным образом невозможно образование форм двойного каузатива от переходного глагола:

(4.267)мишарский

*aʃ-tʰr-d-dʰ / *aʃ-tʰr-d-ʰ-p
 открывать-CAUS-CAUS-PST открывать-CAUS-ST-CONV

Итак, исходные непереходные предикаты посредством (двойной) каузативизации могут добавлять в свою аргументную структуру не более двух каузаторов, а исходные переходные глаголы – не более одного. Данное наблюдение валидно как для случаев простой предикации, так и для предикаций со вспомогательными глаголами.

Можно выдвинуть различные гипотезы о структуре каузатива, объясняющие данное ограничение: отсутствие структурной позиции и, соответственно, падежа для наиболее вложенного участника, невозможность присоединения над переходным малым *v* более одной вершины, вставляющей внешний аргумент и т.д.

Таким образом, запрет на двойную каузацию переходных глаголов аналогичен запрету на порождение тройного каузатива от непереходных. Последний запрет, безусловно, также требует объяснения, которое, впрочем, выходит за рамки данной работы.

Возвращаясь к КСГ, сделаем следующее утверждение: запрет на двойную каузацию переходных глаголов был бы необъясним, если допустить, что в КСГ имеются две предикации. Действительно, как минимум один каузативный показатель может быть присоединен к каждому

из двух глаголов в КСГ, что как раз и привело бы к добавлению двух дополнительных каузаторов.

4.5.3.2.2.4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАУЗАТИВНЫХ ФОРМ

При исследовании сферы действия наиболее удобными для описания представляются те вспомогательные глаголы, значение которых хорошо отделимо от значения пропозициональных предикатов. Поэтому, несмотря на то, что попытки установления сферы действия предпринимались для каждого примера, ниже будут представлены в основном примеры с глаголами *bak-* и *tyr-*.

Каузативная морфема вводит участника, инициирующего некоторые (под)события, поэтому задаваемый ей каузатор будет внешним участником для некоторого количества исходных ситуаций. Синтаксически такой участник соответствует подлежащему. В то же время такой участник, подлежащее-каузатор, не может быть логическим субъектом ситуации, задаваемой лексическим глаголом, т.к. им является каузируемый участник.

Далее, логически допустимыми оказываются следующие возможности: i) подлежащее каузирует подсобытие, соответствующее вспомогательному глаголу, логическим субъектом которого является субъект исходной ситуации, т.е. каузируемый участник ('**Causer** заставил **Causee** попробовать сделать **P'**'); ii) подлежащее является логическим субъектом вспомогательного глагола и каузатором ситуации, задаваемой лексическим глаголом ('**Causer** попробовал вынудить **Causee** сделать **P'**'). Первый случай соответствует широкой сфере действия каузативного показателя, а второй – узкой. При широкой сфере действия, таким образом, имплицитно наличие модального / аспектуального и т.д. значения, а при узкой – наступление ситуации, связанной с лексическим значением смыслового глагола.

Сказанное можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 4.31. Воздействие СД каузативного показателя на сериальный и лексический компоненты КСГ

	Логический субъект SV	Логический субъект LV	СД каузативного показателя
i)	Causee	Causee	широкая
ii)	Causer	Causee	узкая

Основным отличием двух предложений с разными сферами действия является то, контролирует ли логический субъект основной предикации (которым всегда является **Causee**)

тот характер протекания действия, который предписывает вспомогательный глагол. Приведем пример:

(4.268)мишарский

ani sanijä-dän külmäk-ne kij-der-e-p
 мама Сания-ABL платье-ACC надевать-CAUS-ST-CONV
 bak-tʰr-dʰ.
 смотреть-CAUS-PST

Значения:

- i) ‘Мама попросила Санию примерить платье (себе или кому-то другому).’
- ii) ‘Мама попробовала примерить платье на Санию.’

В данном примере каузативные морфемы располагаются на обеих частях КСГ, что является наиболее частым вариантом маркирования в случае многозначной сферы действия. Акт каузации здесь был переведен на русский при помощи глагола «просить», а каузатив от глагола «надевать» дает значение «примерять». В случае i), который соответствует широкой сфере действия каузатива, попытка осуществления действия приписывается Сание, а в ii), где имеется узкая сфера, – маме.

Наиболее естественными для конструкций с каузативом на лексическом глаголе носители признают интерпретации с узкой сферой действия каузатива:

(4.269)мишарский

min marat-tan su-nʰ kajnat-tʰr-ʰ-p tʰr-dʰ-m.
 я Марат-ABL вода-ACC греть-CAUS-ST-CONV стоять-PST-1SG

Значения:

- i) ‘Я постоянно велел Марату кипятить воду.’
- ii) *‘Я велел Марату постоянно кипятить воду.’

Как видно из нотации, по мнению носителей возможна только широкая СД сериализатора по отношению к каузативу. Постоянный характер действия относится к каузации акта кипячения. Обратное прочтение, при котором каузировалось бы постоянство действия, отсутствует.

Соответственно, для конструкций с каузативом на вспомогательном глаголе чаще всего предпочтительна широкая СД каузативного маркера:

(4.270)мишарский

Roza ul-γ-n-nan jγkl-γ-p bak-tγr-dγ.
 Роза сын-3-OBL-ABL спать-ST-CONV смотреть-CAUS-PST

Значения:

- i) 'Роза попросила сына, чтобы он попробовал поспать.'
 ii) *'Роза попробовала сделать так, чтобы сын поспал.'

Здесь уже как неприемлемый оценивается вариант, при котором попытка осуществления действия предидируется подлежащему главного предложения. Иначе говоря, грамматичен лишь перевод, где субъектом попытки является сын.

Подобное поведение (лексический глагол = узкая сфера, вспомогательный = широкая) соответствует варианту интерпретации каузативных показателей *in situ* и является наиболее частым.

В ряде случаев, однако, маркированный каузативом смысловой глагол может принимать и широкую сферу действия:

(4.271)мишарский

Ruslan alaša-nγ siker-t-e-p tγr-dγ.
 Руслан лошадь-ACC прыгать-CAUS-ST-CONV стоять-PST

'Руслан заставлял лошадь прыгать.'

Возможные интерпретации:

- i) 'Быстро сделал так, что лошадь потом долго прыгала.'
 ii) 'Все время заставлял и лошадь от этого прыгала.'

По свидетельству носителя, у последнего предложения существуют два прочтения: длительность действия может относиться только к событию «лошадь прыгает», что соответствует широкой СД, либо к процессу каузации (и, как следствие, – прыганию), узкая СД.

Похожая ситуация имеет место и в следующем примере, с той лишь разницей, что *in situ* интерпретацию «попробовала попросить открыть окно» информант оценил как неуместную:

(4.272)мишарский

roza lilija-dan tereze ač-tγr-γ-p bak-tγ.
 Роза Лилия-ABL окно открывать-CAUS-ST-CONV смотреть-PST

'Роза попросила Лилию попробовать открыть окно.'

Продемонстрированная в последних примерах возможность подобного логического подъема отличает каузативный показатель от пассива, где случаев только широкой сферы действия при расположении показателя на лексическом глаголе засвидетельствовано не было.

При этом надо сказать, что обратного, т.е. случаев распространения сферы действия с сериального глагола на лексический практически не встречается. Иначе говоря, если КСГ допускает только узкую СД, значит, показатель каузатива располагается на лексическом глаголе.

Важной закономерностью является также то, что «расширение» сферы действия с лексического глагола на каузативный наиболее надежно засвидетельствовано для сериализатора *tʃr-*, для которого, как можно видеть из таблицы сочетаемости выше, практически исключается возможность его оформления каузативным маркером.

Разберем теперь случай двойного маркирования, при котором каузативный показатель получают как смысловой, так и сериальный глаголы. Для начала рассмотрим следующую группу примеров, в которых носителем были разрешены все три варианта расположения каузативного маркера:

(4.273)мишарский

a.	alsu kiʃer-ne	čer-e-t-e-p	jat-tʃ.
	Алсу морковь-АСС	гнить-ST-CAUS-ST-CONV	лежать-PST
	‘Алсу сгноила морковь.’		
b.	alsu kiʃer-ne	čer-e-p	jat-tʃr-dʃ.
	Алсу морковь-АСС	гнить-ST-CONV	лежать-CAUS-PST
	‘Алсу гноила морковь.’		
c.	alsu kiʃer-ne	čer-e-t-e-p	jat-tʃr-dʃ.
	Алсу морковь-АСС	гнить-ST-CAUS-ST-CONV	лежать-CAUS-PST

Значения:

- i) ‘Алсу гноила морковь.’
- ii) ‘Алсу сгноила морковь.’

Контраст между примерами (4.273.a) и (4.273.b) сводится к достижению действием «гноить» результирующего состояния «морковь сгнила» в том случае, когда каузатив оформляет непосредственно лексический глагол, т.е. в (4.273.a). В (4.273.b), где каузативный показатель располагается на сериальном глаголе, такого значения в данном случае не зафиксировано. Это говорит о том, что, во-первых, достижение предела связано с каузативным маркером и, во-вторых, в примере (4.273.b) в сферу действия каузатива попадает не

лексический, а вспомогательный глагол. Пример (4.273.с), где оба глагола маркированы каузативом, имеет оба прочтения: i) соответствует широкой СД каузативного показателя и восходит к примеру b, a ii) – узкой сфере, которая имеет место в а.

Предложения с двойным каузативным маркером, как правило, предполагают подобную гибкую сферу действия, приведем пример с глаголом *bak-*:

(4.274)мишарский

ani sanijä-gä külmäk-ne kij-der-e-p
 мама Сания-DAT платье-ACC надевать-CAUS-ST-CONV
 bak-tʰr-dʰ.
 смотреть-CAUS-PST

Значения:

- i) ‘Мама примерила Сание платье.’ (=‘попробовала одеть Санию в платье’)
- ii) ‘Мама попробовала сделать так, что Сания оделась в платье.’

Каузируемый участник в данном случае кодируется дативом, что характерно для контактного каузатива.

Как говорилось выше, двойное маркирование далеко не всегда сочетается с грамматичностью маркирования отдельно смыслового и сериального глаголов. Данный факт противоречит предложенному нами подходу, который, наоборот, предполагает композициональность примеров с двойным маркированием. Можно предположить, однако, что в ряде случаев предъявленные носителям примеры с двойным маркированием были расценены как более грамматичные по сравнению с маркированием одного лишь смыслового или лексического глагола именно за счет того, что второй глагол, представляющий в данном случае более удачную стратегию, также получал показатель каузатива (плеонастическое употребление).

Наконец, как уже было сказано, в случае непереходных глаголов двойное маркирование часто соответствует двойной каузации:

(4.275)мишарский

marat rinat-tan alma-lar-nʰ ʃer-e-t-e-p
 Марат Ринат-ABL яблоко-PL-ACC гнить-ST-CAUS-ST-CONV
 kuj-dʰr-dʰ.
 ставить-CAUS-PST

‘Марат сгноил яблоки с помощью Рината.’

(4.276)мишарский

marat rinat-tan alsu-nx kurk-x-t-x-p
 Марат Ринат-ABL Алсу-ACC пугаться-ST-CAUS-ST-CONV
 kuj-dxg-dx.
 ставить-CAUS-PST

‘Марат напугал Алсу с помощью Рината.’

Это, однако, происходит не всегда (см. также (4.273.с), (4.274)):

(4.275)мишарский

ul alma-lag-nx čeg-e-t-e-p žiber-der-de.
 он яблоко-PL-ACC гнить-ST-CAUS-ST-CONV бросать-CAUS-PST

‘Из-за него яблоки начали гнить.’

(4.276)мишарский

alsu marat-nx jez-der-e-p žiber-der-de.
 Алсу Марат-ACC плавать-CAUS-ST-CONV бросать-CAUS-PST

‘Алсу помогла Марату поплыть.’

В данных двух примерах отсутствует двойная каузации и, скорее всего, имеет место омонимия сферы действия, установить которую, впрочем, в данном случае не представляется возможным.

Свойства двойного маркирования, таким образом, следующие. В случае переходных глаголов дублирование каузативного маркера на смысловом и сериальном глаголах всегда связано с возможностью образования широкой и узкой сферы действия каузативного показателя. При непереходных глаголах возможна как двойная каузация, так и омонимия сфер действия.

Как мы видели, каузативный маркер чаще всего берет сферу действия относительно сериального глагола *in situ*, т.е. узкую, если он располагается на лексическом глаголе, и широкую, если на сериальном. Также регулярно наблюдается подъем каузатива: будучи расположен на лексическом глаголе, он может обладать широкой СД по отношению к вспомогательному глаголу.

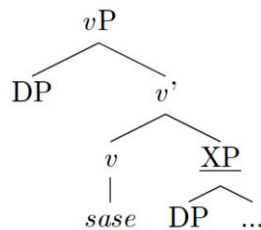
Отметим одно важное свойство: все засвидетельствованные нами примеры с подъемом СД относятся к каузативизации глаголов с внешним участником, либо переходным (*открывать* в примере (4.272)), либо неэргативным глаголам (*прыгать* в (4.271)).

4.5.3.2.2.5. СТРУКТУРА КАУЗАТИВНЫХ КЛАУЗ

Анализ каузатива в современной синтаксической теории исходит из того, что каузативная проекция также разворачивается на уровне малого *v*, см., например, предпринятый в [Harley 1995, 2008; Miyagawa 2010] анализ японского каузативного показателя *-sase*. Каузатор в языках с каузативной морфологией часто отождествляют с внешним участником переходных глаголов. Так, например, в [Miyagawa 2010] предлагается считать, что каузатив реализуется морфологически в тех случаях, когда малое *v* присоединяет проекцию другой *vP*. Если же компонентом малого *v* является *VP* – перед нами обычный переходный глагол:

(4.277) японский

[Miyagawa 2010]

XP = VP: lexical causative
 XP = *vP*: analytical causative

Аналогичный подход к (японскому) каузативу развит в работах Хейди Харли, см., например, [Harley 1995], где приводится похожий анализ с тем лишь отличием, что в случае морфологически реализованного каузатива в проекции присутствует еще дополнительная (по сравнению с лексическим каузативом) событийная составляющая:

(4.278) японский

[Harley 1995]

a. Taro-ga tenoura-o kae-s...

Taro-NOM ладонь-ACC вернуть-CAUS

Taro изменил свое отношение.

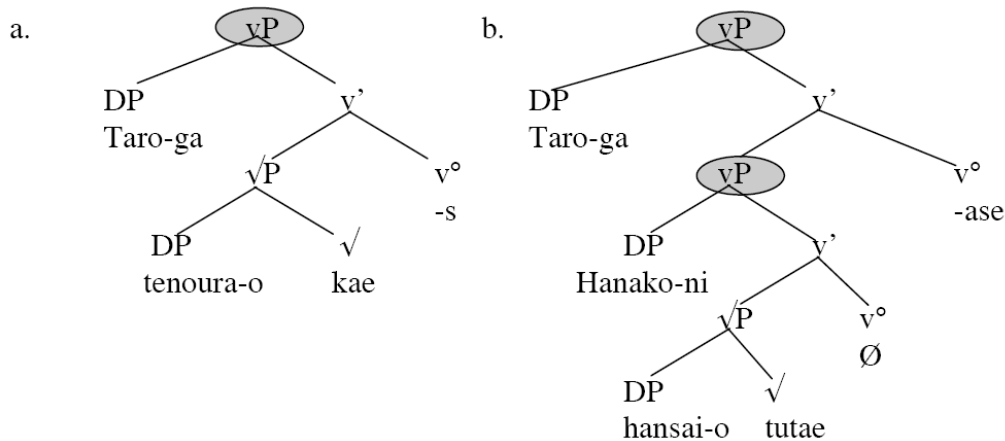
b. Taro-wa Hanako-ni hanasi-o tutae-sase-ta.

Taro-TOP Танако-DAT история-ACC повернуть-CAUS

Taro сообщил Танако историю.

(4.278') японский

[Harley 1995]

Идея эквивалентности малого *v* при переходных глаголах и каузативного малого *v* может объяснить отмеченный в мишарском параллелизм между запретом на тройную каузацию непереходных глаголов и двойную каузацию переходных глаголов. Каковы бы ни были причины того, почему над переходным глаголом может надстраиваться только один каузатив, разумно предположить, что те же причины стоят за требованием присоединять не более двух каузативных показателей у непереходных глаголов. Таким образом «лишний» показатель каузатива, допустимый в случае непереходных глаголов, эквивалентен той части структуры, которая отвечает за введение внешнего участника у переходных глаголов.

Поверхностная структура каузативизированного непереходного глагола напоминает внешнее оформление переходного глагола. Действительно, при добавлении каузатива к непереходному глаголу добавляется внешний аргумент-каузатор ситуации и прямое дополнение в аккумулятиве, соответствующее единственному актанту исходной предикации:

(4.279) мишарский

a. marat jez-de.

Марат плавать-PST

‘Марат плавал.’

b. min marat-nx jez-der-de-m.

я Марат-ACC плавать-CAUS-PST-1SG

‘Я научил Марата плавать.’

c. min marat-nx ber-de-m.

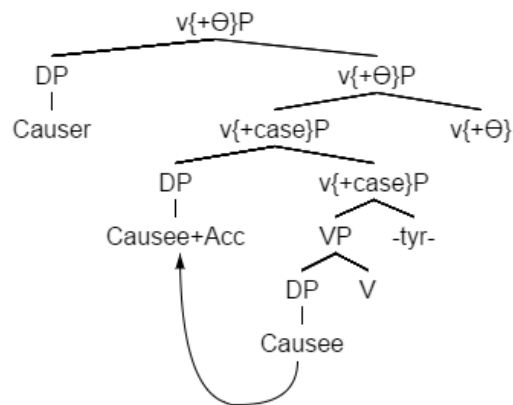
я Марат-ACC бить-PST-1SG

‘Я ударил Марата.’

Учитывая сказанное выше, можно представить структуру непереходной простой предикации с показателем каузатива следующим образом:

(4.280)

$[v\{+\Theta\}P [DP \text{Causer}] [v\{+\Theta\}P [v\{+case\}P [DP \text{Causee+Acc}] [v\{+case\}P [VP [DP \text{Causee}] V] -tyr-]] v\{+\Theta\}]]$

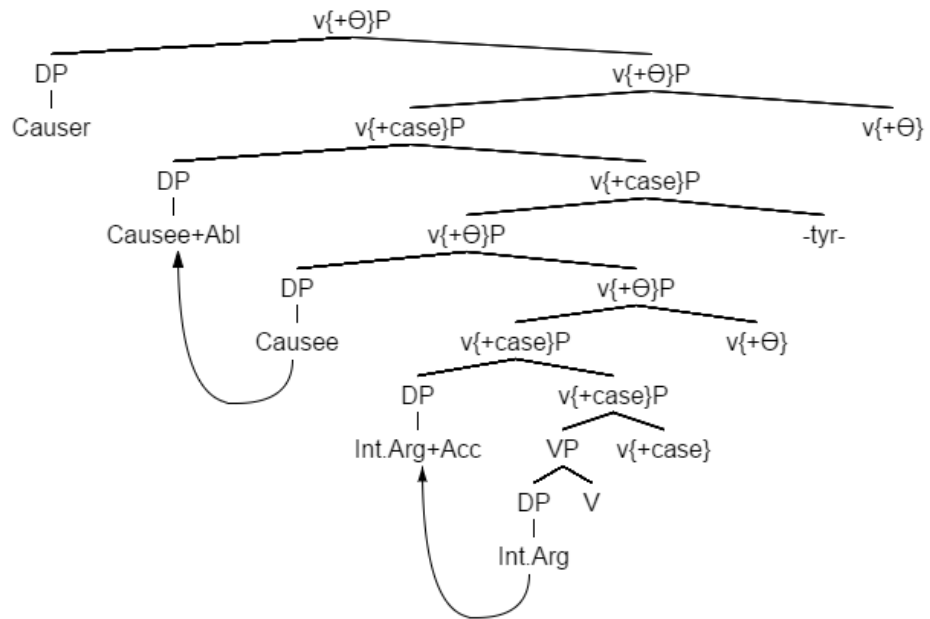
Как и в случае с активным залогом, пассивом и антикаузативом, мы будем считать, что каузативная вершина представима в виде комплекса из двух вершин, ответственных за семантическую роль одного участника и падеж другого, $v\{+case\}$ и $v\{+\Theta\}$ соответственно. Примем также, что фонологическую реализацию $-t(Vr)-$ получает вершина $v\{+case\}$. Случай каузативизации непереходного глагола, таким образом, не требует дальнейшего обсуждения – деривация тут в точности совпадает с таковой для (немаркированных) переходных глаголов.

Единственное замечание, которое необходимо сделать, таково: в случае переходных глаголов реализация малого v нулевая, а у морфологического каузатива – фонологически выраженная. Причины подобного различия могут крыться, например, в синтактико-фонологическом интерфейсе и часто не получают специального обсуждения в синтаксических исследованиях, ср., например, [Harley 1995].

Каузатив от переходного глагола устроен похожим образом: каузативные проекции вершин $v\{case\}$ и $v\{\Theta\}$ берут в качестве компонента переходную глагольную группу vP , уже содержащую собственные проекции $v\{case\}P$ и $v\{\Theta\}P$:

(4.281)

$[v\{+\Theta\}P [DP \text{Causer}] [v\{+\Theta\}P [v\{+case\}P [DP \text{Causee+Abl}] [v\{+case\}P [v\{+\Theta\}P [DP \text{Causee}] [v\{+\Theta\}P [v\{+case\}P [DP \text{Int.Arg+Acc}] [v\{+case\}P [VP [DP \text{Int.Arg}] V] v\{+case\}]]] v\{+\Theta\}]]] -\text{tyr-}] v\{+\Theta\}]]$

Присваивание падежа внутреннему аргументу глагола и семантической роли внешнему (он же – каузируемое) здесь не отличается от случая обычной переходной vP : за первую операцию ответственна «внутренняя» $v\{+case\}P$, а за вторую – «внутренняя» $v\{+\Theta\}P$. Что касается получения падежа каузи и приписывания семантической роли каузатору, эту работу выполняют «внешние» $v\{+case\}P$ и $v\{+\Theta\}P$ соответственно. Здесь мы оставим без обсуждения правила морфологической реализации падежей разных участников. Одной из теорий, которая представляется полезной в данном случае можно назвать теорию «зависимого падежа» Маранца, см. [Marantz 1991].

Мы предположили, что за образование активного и пассивного залога отвечают одни и те же вершины малого v , $v\{case\}P$ и $v\{\Theta\}P$, в то время как при каузативизации над данным vP -комплексом надстраивается еще один, соответствующий каузативным $v\{+case\}P$ и $v\{+\Theta\}P$. Из такой гипотезы следует, в частности, порядок расположения морфем: пассивная морфология должна предшествовать каузативной, что мы и наблюдаем в действительности:

(4.282)мишарский

a. buta-l-dʏr-
мешать-PASS-CAUS
'запутывать'

b. čajka-l-dʏr-
качать-PASS-CAUS
'качать'

Далее, в соответствии со стандартно принятыми представлениями, мы ожидаем, что вершина Neg будет располагаться между малым *v* и T, что также подтверждается: отрицательный показатель следует за каузативным:

(4.283)мишарский

a.	bul-dʁr-ma-
стать-CAUS-NEG
'не творить' | b. | aša-t-ma-
есть-CAUS-NEG
'не кормить' |
|----|---|----|--|

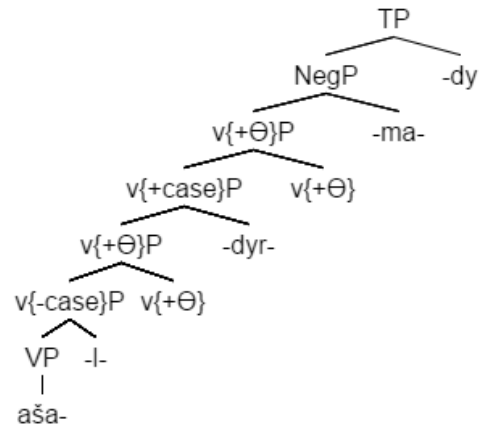
Синтаксическое представление простой предикации, содержащей маркеры пассива, каузатива и отрицания, выглядит следующим образом:

(4.284)мишарский

aša-l-dʁr-ma-dʁ
есть-PASS-CAUS-NEG-PST
'не заставил съесть'

(4.285)

[TP [NegP [v{+θ}P [v{+case}P [v{+θ}P [v{-case}P [VP aša-] -l-] v{+θ}] -dʁr-] v{+θ}] -ma-] -dy]

4.5.3.2.2.6. Позиция каузативного показателя в КСГ

Морфологический каузатив в целом, и, в частности, японский каузатив ставит определенные проблемы перед идеей композиционного подхода к морфосинтаксису, см., например работу [Шаляпина 2015], где показано, что исход глагольной основы определяет слоговую структуру показателя ($_V \rightarrow sase/rare$, $_C \rightarrow ase/are$), в то время как те же показатели лицензируют сочинительное сокращение: [Verb & 0]-CAUS. Ниже мы обсудим проблемы, связанные с анализом каузативизированной КСГ.

Структура КСГ при каузативизации должна объяснять следующие факты: i) необходимость расположения каузативного показателя только на смысловом глаголе при некоторых сериализаторах, прежде всего – *txr-* и *jat-*; ii) неграмматичность маркирования каузативом лексического глагола при вспомогательном глаголе *čxk-*; iii) возможность распространения СД каузативной морфемы на лексическом глаголе на сериализатор; iv) двойная сфера действия при дублировании показателя.

Начнем с объяснения последней закономерности – наша аргументация будет здесь повторять рассуждения при анализе двойного отрицания и двойного пассива. Мы предполагаем, что причиной возможности двойной каузации, т.е. последовательного введения в аргументную структуру непереходных глаголов двух внешних участников, является то, что КСГ образуют моноклаузальную составляющую. По той же причине невозможна двойная каузация переходного глагола – если бы у нас имелось более одной предикации, каждая могла бы располагать как минимум одним показателем.

Далее, факт ii), т.е. запрет на присоединения сериализатора *čxk-* к глаголу с каузативным показателем объясняется аналогично подобному запрету в случае отрицания. Можно предположить, что, как и при отрицании, каузативная вершина в простой предикации располагается выше позиции LowAsp, что делает невозможным структуру LV-caus + *čxk-*.

Вспомогательные глаголы *txr-* и *jat-* и, возможно, некоторые другие сериализаторы с подобными свойствами, чье присутствие в данном классе нам установить не удалось, заслуживают отдельного обсуждения. Такие сериализаторы, как мы полагаем, склонны употребляться только с маркированием каузатива на лексическом глаголе (14 примеров для *txr-* и 6 для *jat-*) и становятся неграмматичны при маркировании самого сериализатора (по одному примеру для каждого глагола).

Сводная таблица с результатами (не)грамматичности употребления каузатива отличается от таблиц для двух типов пассива тем, что в отличие от бинарной оппозиции «грамматично-неграмматично», в ней представлены данные о том, сколько именно раз носители признали некоторый способ маркирования (не)приемлемым. Для пассива мы, напротив, использовали бинарную оппозицию. Если бы мы распространили метод бинарного противопоставления и на каузатив, результат, очевидно, был бы схожим с результатом для пассива – сериализаторы *txr-* и *jat-* не выделились бы в отдельную группу.

Представительность выборки по употреблению каузатива позволила нам сделать попытку построить более точную картину. Благодаря этой возможности мы получили данные о том, что для существенного количества примеров и носителей употребление каузативного показателя на сериальных глаголах типа *txr-* и *jat-* недопустимо, хотя находятся и те, кто считает это возможным. Как мы полагаем, подобная картина существенного (но не полного)

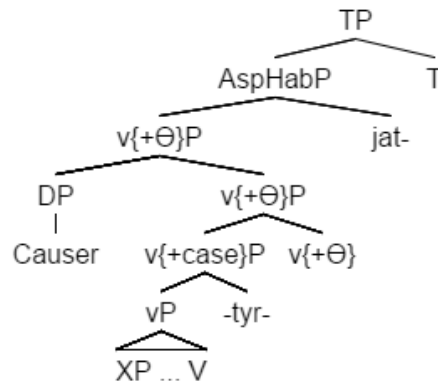
предпочтения одной из стратегий может отражать постепенный переход *tyr-* и *jat-* к некоторому новому статусу грамматических элементов. Действительно, *tyr-* и *jat-* (и, возможно, некоторые другие сериализаторы) в сознании некоторых носителей могут переходить от статуса частично грамматикализованных единиц к статусу полноценных вспомогательных глаголов, таких, как английские *have, be, will, shall, may, can*. Кроме того, что стадии грамматикализации (частичная vs. полная) могут быть распределены по отдельным носителям, они также могут различаться в сознании одного носителя, если мы будем придерживаться идеи так называемых «конкурирующих грамматик» (*competing grammars, grammars in competition*), восходящей к работе [Kroch 1989]. В соответствии с идеей конкурирующих грамматик в сознании одного носителя может удерживаться одновременно два фрагмента грамматической системы – старый и инновационный.

Наши рассуждения о большей грамматикализованности глаголов *tyr-* и *jat-* по сравнению с другими сериализаторами можно подкрепить следующим аргументом. В ряде тюркских языков именно эти два показателя преобразовались в морфемы, ср., например, туркменское *gel-j-ar yn < gele-jat-ar-man*, [СИГТЯ 1988: 328] и чувашский показатель настоящего времени *-t-*, предположительно восходящий к глаголу *tur-* [Левитская 1976: 60–61], см. примеры (4.39–47) и раздел 4.4.3.1. Скажем также, что для подобных сериализаторов характерны: i) достаточно прозрачная грамматическая семантика [хабитуалис, прогрессив); ii) высокая частотность исходных лексических глаголов; iii) достаточно высокое расположение на универсальной иерархии функциональных проекций, см. [Cinque 1999: 96]. Факты i) и ii) свидетельствуют о возможно более активном процессе грамматикализации, факт iii) – о большей предрасположенности к потере лексического значения.

Итак, можно предположить, что ряд сериализаторов в некоторых случаях окончательно прошел процесс грамматикализации и имеет, по крайней мере с точки зрения группы носителей, статус вершины функциональной проекции. Такие вспомогательные глаголы не могут присоединять показатель каузатива, т.к. находятся в окрестности временной вершины T и, соответственно, существенно удалены от вершины легкого глагола *v*, участвующей в процессе каузативизации:

(4.286)

[TP [AspHabP [v{+Θ}P [DP Causer] [v{+Θ}P [v{+case}P [vP XP ... V] -tyr-] v{+Θ}]]] jat-] T]

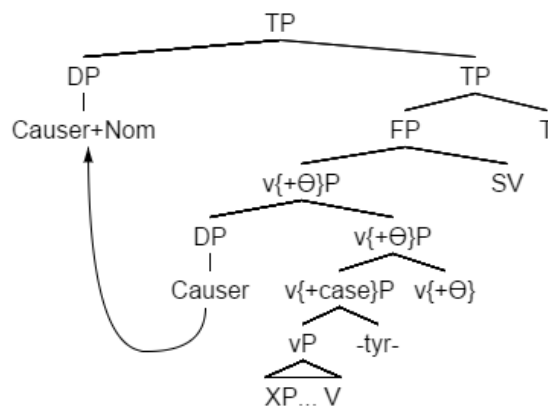

Нам осталось объяснить возможность распространения СД каузативной морфемы, находящейся на смысловом глаголе, на сериализатор. Возможность иметь сферу действия каузативу обеспечивает наличие каузатора – он способен контролировать ситуацию, обозначаемую как лексическим глаголом, так и сериализатором. В случае, когда каузатив располагается на сериализаторе, такая возможность вполне естественна: благодаря частичному характеру грамматикализации у вспомогательного глагола имеются свои каузативные проекции, располагаясь в которых каузатор может способствовать контролю над длительностью, возможностью и другими грамматическими значениями, передаваемыми сериализатором.

Когда каузативом маркирован смысловой глагол, каузатор находится в спецификаторе vP и сфера действия ожидается *in situ*, что мы и наблюдаем в большинстве случаев. Из позиции Spec, vP каузатор должен передвинуться в Spec, TP для проверки падежного признака:

(4.287)

[TP [DP Causer+Nom] [TP [FP [v{+Θ}P [DP Causer] [v{+Θ}P [v{+case}P [vP XP... V] -tyr-] v{+Θ}]]] SV] T]]

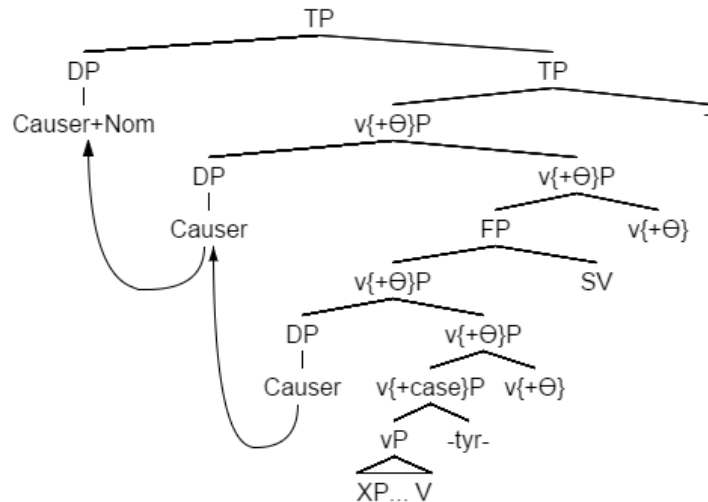
Далее у нас есть два пути объяснить допустимость контроля каузатора над значением сериального глагола SV. С одной стороны, мы можем предположить, что, будучи в Spec, TP,

каузатор может согласовываться по некоторому признаку с вершиной SV, что и делает возможным значение контроля над модальностью, аспектом и другой информацией, передаваемой сериализатором. Такой анализ не очень хорош тем, что он приносит в интерпретацию более высокой структуры значение, которое в ней фактически не выражено. Если бы такое было возможно, примеры типа ‘Петя знает, что Маша должна придти’ имели бы значение ‘Петя должен знать, что Маша пришла’, чего мы в действительности не наблюдаем.

Альтернативно, мы можем допустить, что в случаях наблюдаемой широкой СД каузатива, над вспомогательным глаголом также «надстроена» каузативная проекция $v\{+\Theta\}$, которая в соответствии с нашим анализом не имела бы фонологической реализации. В таком случае мы могли бы предположить, например, что передвижение каузатора в Spec, TP проходит через Spec, $v\{+\Theta\}$. Попадая в Spec, $v\{+\Theta\}$, каузатор получает семантическую роль контролера ситуации, обозначаемой сериализатором:

(4.288)

[_{TP} [_{DP} Causer+Nom] [_{TP} [_{v{+Θ}P} [_{DP} Causer] [_{v{+Θ}P} [_{FP} [_{v{+Θ}P} [_{DP} Causer] [_{v{+Θ}P} [_{v{+case}P} [_{vP} XP... V] -tyr-] v{+Θ}]]] SV] v{+Θ}]]] T]]

Какой бы из вариантов анализа мы ни выбрали, объяснение возможности широкой СД при каузативе будет заключаться в том, что участник, связанный с возможностью распространения СД (контроля над ситуацией) подвергается А-передвижению в позицию, имеющую структурный приоритет над проекцией сериализатора. Это отличает каузатив от антикаузатива – в случае последнего мы имеем значения $v\{-\Theta\}$, $v\{-case\}$ малого v – каузатор оказывается не выражен семантически (значение ‘легко’ и т.д.) и ему не соответствует никаких синтаксических аргументов, которые могли бы, поднявшись по структуре, получить широкую СД.

От случая отрицания каузатив отличается тем, что при каузации мы имеем дело с аргументной структурой и возможностью синтаксического передвижения, в то время как при отрицании – с располагающимся *in situ* семантическим оператором.

4.5.4. КСГ в контексте показателей отрицания и актантной деривации: итоги

Мы столкнулись с двумя аспектами взаимодействия отрицания и деривационных показателей с сериальными глаголами. Первый – возможность сочетания некоторого показателя с определенным сериализатором. Второй – правила установления СД в случае, если такое сочетание грамматично.

Мы установили, что за ограничения на сочетаемость грамматических показателей с разными вспомогательными глаголами ответственны сами вспомогательные глаголы. С точки зрения правил сочетания с показателями отрицания, пассива и каузатива можно выделить следующие три группы сериализаторов: i) директивные сериализаторы, *tcš-* и *črk-*; ii) грамматический сериализатор *črk-*; iii) остальные сериализаторы, среди которых, возможно, выделяются в отдельный подкласс *tır-* и *jat-*.

Правила сочетания директивных сериализаторов с грамматическими показателями отличаются от правил для прочих вспомогательных глаголов т.к. директивные сериализаторы образуют особый тип конструкций, отличный от случая грамматической сериализации – так называемые «сложные глаголы образа действия и результата», см. Главу 3.

Грамматический сериализатор *črk-* не способен присоединяться после глаголов с отрицанием и деривационной морфологией, т.к. он располагается в вершине LowAsp, находящейся в структуре простой клаузы ниже данных показателей.

Основная группа грамматических сериализаторов может присоединяться к смысловым глаголам с маркерами отрицания, пассива и каузатива с одной стороны и оформляться данными показателями самостоятельно – с другой.

Разделение сериализаций в зависимости от уровня присоединения вспомогательного глагола – достаточно известное явление, см., например похожий анализ корейских сериализаций в [Ko, Sohn 2014].

Принятый в современном формальном синтаксисе подход к грамматикализации предполагает, что грамматикализованная единица переходит из лексической категории (в нашем случае – V) в функциональную (Asp, T, Mod и т.д.) Подобный подход оказывается плохо совместим с фактами тюркских языков.

Для объяснения устройства таких предикаций мы предложили так называемую структуру с частичной грамматикализацией. Как мы считаем, при частичной грамматикализации глагол теряет свои сочетаемостные свойства постепенно: он уже не может

иметь собственную лексическую проекцию, но еще имеет возможность проецировать функциональную структуру.

Мы также предположили, что ряд вспомогательных глаголов, прежде всего – *tür-* и *jat-*, прошли полный процесс грамматикализации, «сбросили» с себя собственную функциональную «оболочку» и являются (как минимум для части носителей) полноценными функциональными проекциями.

Что касается ограничений на интерпретацию в КСГ, за них, как мы установили, ответственны сами грамматические показатели.

Отрицание предполагает СД *in situ*, что характерно для функциональных проекций, в формировании значения которых участвуют операторы. Тюркские языки демонстрируют склонность к СД *in situ* в таких случаях.

Антикаузативная реализация пассивной морфемы кроме СД *in situ* допускает распространение СД вниз по структуре. Это связано с тем, что антикаузативный показатель располагается на границе фазы (в формировании которой он сам и участвует), откуда его значение может взаимодействовать с функциональными проекциями, в которых располагаются вспомогательные глаголы.

Каузатив, напротив, допускает в ряде случаев «подъем» СД. Мы отнесли подобную возможность на счет синтаксических особенностей каузатива. Каузативный маркер – единственный среди исследованных показателей – связан с введением нового аргумента. Такой аргумент претерпевает стандартное передвижение вверх по структуре, что может вызывать распространение значения контроля, передаваемого каузативом, на серийный глагол.

Далее, в случае каждого из исследованных грамматических показателей мы наблюдали двойную интерпретацию при дублировании морфологии на лексическом и вспомогательном глаголах. Подобный факт говорит о моноклаузальности КСГ – образовавшиеся из вспомогательных глаголов функциональные проекции уже не формируют отдельной самостоятельной предикации.

Попутно мы также исследовали ограничения на сочетаемость разных типов глагольных основ с деривационными показателями. Отрицание и каузатив не имеют ограничений на сочетаемость. В отличие от европейских языков, тюркский пассив также способен к более широкой сочетаемости: он может оформлять непереходные глаголы, что допустимо, однако, лишь для неаккузативов. Для неэргативных глаголов в таких случаях используются конструкции с безличным пассивом, которые, как мы показали, имеют аппликативную природу.

На основе тюркских данных также предложили анализ деривационной морфологии, являющийся более экономным, чем другие известные нам подходы. В соответствии с ним все

множество актантных дериваций может быть описано при помощи двух функциональных вершин, $v\{\Theta\}$ и $v\{case\}$. Различные комбинации признаков этих вершин дают весь набор значений тюркской деривационной морфологии: активный залог ($v\{+\Theta\}$, $v\{+case\}$), собственно пассив ($v\{+\Theta\}$, $v\{-case\}$), антикаузатив ($v\{-\Theta\}$, $v\{-case\}$), каузатив ($v\{+\Theta\}$, $v\{+case\}$).

4.6. Выводы по Главе 4

В данной главе мы предприняли попытку представить конструкции с сериализаторами в терминах стандартной структуры простой предикации, прибегая к понятию «конструкция» только как к описательному, но не объяснительному. В ряде случаев, однако, тюркские сериализации «выбиваются» из стандартных представлений об устройстве простой предикации. Для этих случаев мы ввели важное для нас понятие частичной грамматикализации. Прежде чем стать полноценным грамматическим показателем, т.е. занять вершину функциональной проекции, глагол теряет часть свойств, присущих лексической единице. Частичная потеря свойств при переходе от лексемы к граммеме, или, иными словами, градуальность грамматикализации, обсуждалась более чем многократно, см., например, [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], и не представляет проблемы для функционально-типологической парадигмы в лингвистике. Проблематичным было примирить с идеей градуальности структурный подход формального синтаксиса.

Частичная грамматикализация в терминах формального синтаксиса представима как исчезновение из структуры сериализатора лексической проекции, что выражается в невозможности присоединять собственные аргументы и обстоятельства. Некоторое количество доминирующей над таким показателем функциональной структуры при этом остается доступным. Мы также установили, что в ряде случаев процесс сериализации достиг своей конечной стадии. В таких случаях сериализатор перестает проецировать собственную структуру (как лексическую, так и функциональную) и становится вершиной функциональной проекции. Диахронически это может приводить к потере им фонологической самостоятельности и превращению в морфему.

Мы показали, что при сочетании грамматического сериализатора и показателей отрицания, пассива и каузатива правила интерпретации определяются свойствами грамматических морфем и их местом в структуре простой предикации. Мы также установили, что в случае дублирования показателей (например – отрицания) на смысловом и лексическом глаголах они интерпретируются дважды, что говорит о моноклаузальности сериальных конструкций.

На примере тюркских сериализаторов мы также наблюдали грамматикализацию аппликативов. Вершины, задающие бенефактивного участника, являются частью набора универсальных функциональных проекций. Наблюдения за тюркской диахронией показывает, как подобные вершины приобретают фонологическое выражение. Универсальность аппликатива мы также продемонстрируем в следующей главе на материале русских адъективных проекций.

Глава 5. Морфосинтаксис адъективной проекции в русском языке: атрибутивность, предикативность, сравнение⁹¹

Во многих случаях те же классы допускают выделение по разным основаниям: как в русском, так и в японском языке глагол, существительное, прилагательное могут быть выделены по морфологическим и синтаксическим основаниям. Однако классификации не всегда совпадают. С одной стороны, имеются чисто морфологические классы типа японских «предикативных прилагательных», синтаксически не отличающихся от глаголов; ср. также русские или латинские причастия. С другой стороны, нескольким синтаксическим классам может соответствовать один морфологический класс...

[Алпатов 1986: 42-43]

Глава посвящена различным аспектам употребления прилагательных. Прилагательные, хотя и изучены достаточно подробно, часто, тем не менее, находятся, на периферии грамматических исследований. Это не вполне справедливо – например, в Грамматическом словаре Зализняка, см. [Зализняк 1980], мы обнаруживаем более 20 тыс. прилагательных из примерно 100 тыс. лексем, т.е. прилагательные составляют не менее чем пятую часть русского лексикона. Существуют, как нам кажется и определенные пробелы в изучении отдельных грамматических свойств прилагательных. Ниже мы постараемся восполнить некоторые из них.

Мы осветим отдельные нетривиальные случаи употребления прилагательных, не получавшие (достаточно) внимания в синтаксической литературе. Обсуждение начнется с «дистрибутивных» свойств адъективных суффиксов. В разделе 5.1 мы покажем, что суффиксы прилагательных налагают собственные ограничения на синтаксическую сочетаемость, определяющие дальнейшую дистрибуцию образуемых прилагательных. В качестве примера атрибутивного употребления в разделе 5.2. будет приведен не вполне типичный случай – конструкция с русским генитивом качества. Как мы покажем, именно прилагательное, а не именная вершина определяет дистрибуцию таких проекций. Исследование предикативных свойств прилагательных в разделе 5.3 будет включать анализ того, что традиционно называется обособленными употреблениями. Синтаксическая структура таких обособлений прежде, как нам представляется, не получала достаточного внимания. Кроме этого будут подробно освещены свойства управляющих прилагательных. Мы построим классификацию управляющих

⁹¹ Глава частично базируется на работах [Гращенков 2015а; Гращенков 2016а; Гращенков, Лютикова 2017].

адъективных лексем, имеющую целью показать, что прилагательное – в не меньшей степени, чем глагол – является полноценным предикатом. Изучив достаточно развитые свойства прилагательных к управлению, мы попробуем найти причину парадоксального на первый взгляд ограничения на употребление (полных форм) управляющих прилагательных в роли предиката. В следующем разделе 5.4. проводится исследование синтаксической структуры двух форм сравнительной степени, синтетической и аналитической. Мы покажем, что несмотря на определенное сходство, синтаксис этих проекций различен, что находит проявление в семантических различиях. Завершает данную главу раздел 5.5, где представлены итоги обсуждения морфосинтаксиса адъективных проекций.

Языковой материал, легший в основу дискуссии в Главе 5, фактически представляет собой разного рода «синтаксические конструкции» с прилагательными: «генитив качества», обособленные обороты, конструкции с управляющими прилагательными, сравнительные обороты и т.д. Как мы покажем, свойства таких конструкций могут быть представлены как поэтапный процесс морфосинтаксической деривации. Как и в Главе 2, мы покажем, что особенности синтаксической дистрибуции единиц определяются на долексическом уровне. В случае прилагательных это проявляется, в частности, в разделении на различные дистрибутивные классы, ассоциируемые предыдущими исследователями с так называемыми качественными и относительными прилагательными. Итак, наша задача в данной главе – вывести весь комплекс нетривиальных дистрибутивных свойств прилагательных из структуры адъективной словоформы.

5.1. Суффиксы русских прилагательных как элементы, определяющие адъективный синтаксис

5.1.1. Синтаксическая деривация и деривационная морфология

При соединении отдельных единиц синтаксической структуры, каждый раз необходимо выбирать элемент определенного класса: объединять прилагательные с существительными для образования именных групп, наречия с глаголами для образования групп глагола и т.д. Принадлежность некоторого элемента к определенному классу, как представляется, играет ключевую роль для синтаксической деривации.

Среди русских адъективных лексем есть некоторое количество непроеизводных: *большой, малый, плохой, хороший* и т.д. Наряду с непроеизводными прилагательными в русском существует большое количество таких, которые образованы от имен, глаголов и других частей речи. Русский язык маркирует переход лексических единиц из класса существительных и

глаголов в адъективный класс при помощи специальных показателей.⁹² В отсутствие таких показателей образование полной формы прилагательного невозможно, ср.:

(5.1)

- a. *труд-н-ый, год-н-ый*
- b. **труд-ый, *год-ый*

Неполный список продуктивных суффиксов прилагательных выглядит следующим образом (для первых двух также признается множество вариантов или морфов): *-н, -ск*, а также: *-ан, -анн, -абельн, -ированн, -ов, -ианск, -аст, -ат, -чат, -оват, -овит, -ист, -лив, -ав* (отыменное образование прилагательных); *-льн, -тельн, -абельн, -ов, -ск, -к, -ом/-им, -ист, -чат, -уч/-ач, -лив/-чив, -л, -ён/-н, -т, -ённ/-нн* (образование прилагательных от глаголов), см. [АГ-80-1: §§ 610-682].

С точки зрения маркирования перехода из одного лексического класса в другой существуют следующие логические возможности: i) переход из одного класса в другой всегда маркирован, ii) переход не маркирован никогда, iii) рекатегоризация может маркироваться, а может и не маркироваться. Кратко остановимся на каждом из вариантов.

Анализ i) принят, например, в Распределенной Морфологии (Distributed Morphology), [Marantz 1997]. Согласно данному анализу адъективная основа оказывается маркирована показателем (нулевым или фонологически выраженным) с соответствующими признаками в процессе деривации. Возможное правило для порождения именной группы с прилагательным выглядело бы следующим образом (adj – вершина, приписывающая адъективную категорию):

(5.2)

$NP \rightarrow [_{adjP} [\sqrt{\quad}] a] + N$

Вариацией подхода i) является [Halle, Matushansky 2006], согласно которому допустимость атрибутивного употребления обеспечивается тематическим показателем *-oj*, ответственным за возможность получения признака падежа у прилагательных полной формы. Согласно [Halle, Matushansky 2006] структура полной формы русских прилагательных следующая:

⁹² Ср., однако, *свиной* и *воронной*, – замечание анонимного рецензента работы [Гращенков 2015].

(5.3)

STEM + o_j + AGR

Здесь AGR – получаемые прилагательным падежные окончания (тождественные при данном анализе таковым у существительных), а STEM – основа, включающая маркеры адъективации.

Подход ii) предложен в [Borer 2014]. В этом случае основа может не маркироваться признаком, связанным с прилагательным, – для успешной синтаксической деривации достаточно, чтобы она не была маркирована другим частеречным признаком. Соответствующий такому подходу алгоритм можно представить как:

(5.4)

$$NP \rightarrow [_{xP} [\sqrt{\quad}] x] + N \quad | \quad x \neq N, V, Adv, \dots$$

В случае прилагательных $x = \text{adj}$ или не определен и тогда проекция «адъективной оболочки» adjP отсутствует.

Анализ iii) представлен в традиционных грамматиках или функционально-типологической литературе. Так, в [Croft 1991] для каждого из основных лексических классов предлагается существование прототипических элементов категории, чье употребление в соответствующей функции (адъективной в нашем случае) не маркировано. Элементы других классов могут переходить в данную категорию, но при этом они должны получать соответствующие показатели. При таком подходе производные прилагательные используют для перехода в адъективную категорию специальные рекатегоризирующие маркеры, а корень таких лексем как *большой*, *малый*, *плохой*, *хороший* уже в словаре представлен как принадлежащий к адъективной категории и не требует дополнительного маркирования.

Решение iii) плохо своей неуниверсальностью. Оно предполагает существование двух (сравнимых по мощности) источников адъективных единиц: «рожденные прилагательными» и «ставшие прилагательными». Такое наличие двух стратегий неэкономно. Ввиду того, что отличий между производными и (многими) производными прилагательными не обнаруживается, такой подход, как нам кажется, не должен рассматриваться в первую очередь.

Другие подходы также имеют свои слабые стороны. Анализ i) неудачен, например, тем, что предполагает существование омонимичных нулевых рекатегоризаторов, на что указывается в [Borer 2014a; 2014b]. Действительно, кроме производных прилагательных есть еще и производные единицы других частей речи – для всех этих случаев надо допускать нулевые маркеры смены категории, что обесценивает идею нулевых единиц.

Анализ ii) проигрывает подходу i) тем, что предполагает некоторое усложнение правил деривации. Вместо (5.2) необходимо правило (5.4), налагающее дополнительные ограничения, на первый взгляд не следующие из структуры словоформы.

Все три подхода, однако, так или иначе обращаются к идее рекатегоризирующих показателей. Ниже мы рассмотрим свойства русских прилагательных, образованных при помощи перечисленных выше суффиксов, и попытаемся установить их свойства. Основное внимание будет уделено свойствам суффиксов *-н* и *-ск*, как наиболее регулярных и продуктивных.

Отметим еще одну чрезвычайно важную проблему. В исследованиях, посвященных прилагательным (как и другим частям речи), почти не ставится вопрос о том, как маркеры адъективации (и другие деривационные показатели) «знают» о категории корня, к которому присоединяются, см., например, дискуссию в [Lieber 2006]? За исключением указанной работы почти все известные нам источники обходят вниманием этот вопрос.

Со времени появления [Chomsky 1970] акатегориальность составляющих лексикон корневых морфем стала практически общепризнанной, ср. работы в терминах Распределенной Морфологии, подход к морфологии Хагит Борер и т.д. При вхождении в синтаксическую деривацию такой акатегориальный корень снабжается показателем частеречной принадлежности:

(5.5)

- a. [_n [_v refuse]] → *the quantity of [_{DP} refuses] to be collected*
 b. [_v [_v refuse]] → *He [_{VP} refuses to abandon their baby].*

Однако некоторые суффиксы, маркирующие переход в другую часть речи, сами накладывают сочетаемостные ограничения на тип корня, к которому они будут присоединены. Проблема выбора адъективирующими суффиксами корней «нужной» категории может быть проиллюстрирована на следующем русском материале:

(5.6)

- a. *-ительн*: *утеш+ительн, *плеч+ительн* → *утешительный, *плечительный*
 b. *-ист*: *плеч+ист, *утеш+ист* → *плеч+истый, *утеш+истый*

Если деривационная морфология необходима для того, чтобы снабжать словоформы нужными категориальными признаками, как деривационные показатели могут выбирать, к каким категориальным типам основ они могут присоединяться? Допущение существования в

примерах выше нулевых рекатегоризаторов не сильно улучшает ситуацию: зачем производить категоризацию акатегориальных корней, если сразу после этого их надо рекатегоризовать:

(5.7)

а. *-ительн*: [a [v [√ *утеи*] Ø_v] *ительн*]

б. *-ист*: [a [n [√ *плеч*] Ø_n] *ист*]

Сама идея категориально не специфицированных корней, необходимо присоединяющих рекатегоризирующие вершины (отчасти) основывается на соображениях экономии. Действительно, зачем иметь в лексиконе две основы *refuse*, именную и глагольную, когда можно иметь один акатегориальный корень и правила его превращения в основу любой категории. При таком подходе в случаях типа русских **плеч+ительн*, **утеи+ист* идея универсальности деривации «акатегориальный корень – категоризирующий аффикс» оказывается дискредитированной. Деривационные морфемы (*-ительн*, *-ист*, ...), которые: i) сами присваивают некоторый категориальный тип с тем, чтобы синтаксис мог оперировать с данным элементом и ii) накладывают собственные ограничения на непроезжие основы, к которым они присоединяются, дискредитируют идею акатегориальных корней.

5.1.2. Функции суффиксов *-н* и *-ск* по АГ-80

Академическая Грамматика-80 так определяет случаи образования прилагательных с суффиксом *-н* от существительных: «Прилагательные с суффиксом, представленным морфом -*n*₁ ..., обозначают признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом: *хлебный*, *водный*, *лесной*, *морковный*, *тепличный*, *инженерный*, *ведомственный*, *туберкулезный*, *стоимостный*, *глубинный*, *радостный*, *массажный*, *трансляционный*», [АГ-80-1: § 617]. Для случаев образования прилагательных при помощи *-н* от глаголов дается следующее определение: «Прилагательные с суффиксом, представленным морфом -*n*₁- ... имеют значение "характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом"», в качестве примеров здесь приводятся *больной*, *склонный*, *слышный*, *видный*, *резной*, *лепной* и т.д., см. [АГ-80-1: § 646].

Суффикс *-ск* также участвует в образовании прилагательных и от имен, и от глаголов: Для отыменной функции находим: «Прилагательные с суффиксом, представленным морфами -*ск*- ... -*еск*-, -*ическ*-, -*овск*- и рядом других морфем, оканчивающихся на -*ск*- ..., имеют общее значение "относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом": *отцовский*, *преподавательский*, *плотницкий*, *морской*, *университетский*, *крейсерский*, *арифметический*» [АГ-80-1: § 630]. Определение *-ск* как отглагольного рекатегоризатора

следующее: «Прилагательные с суфф. *-ск/-еск/-тельск-* имеют значение "относящийся к действию лица, названному мотивирующим словом": *колдовать – колдовской, издеваться – издевательский... бродяжнический, жульнический... измывательский, надувательский...*», [АГ-80-1: § 630].

Как можно видеть, семантическое описание как в случае *-н*, так и в случае *-ск* оперирует одними и теми же терминами: «относящийся к», «характеризующийся отношением» и т.д. Однако как нам представляется, основные расхождения в свойствах *-н* и *-ск* – не семантической природы.

Начнем сравнение данных суффиксов с еще одной цитаты из Грамматики: «Своеобразие продуктивного морфа *-ичн* состоит в том, что все слова с этим морфом ... являются словообразовательными синонимами прилагательных с морфом *-ическ...*: *символический – символичный, демократический – демократичный*. В отличие от слов на *-ический*, они не только способны выражать качественные значения, но и обладают морфологическими средствами такого выражения: возможностью образования кратких форм, компаратива, отвлеченных существительных», [АГ-80-1: § 619]. Перечисленные здесь факты позволяют поставить следующие вопросы.

Во-первых, не вполне понятно, почему заимствованные основы, принадлежащие к адъективному классу в языке-источнике, требуют дополнительного маркирования в русском: *categoric + -н/-ск – категоричный / категорический, democratic + -н/-ск – демократичный / демократический*. Приведем примеры других заимствованных адъективных основ, также требующих оформления русскими суффиксами прилагательных: *-al: normal + -н – нормальный; neutral + -н – нейтральный; -ois: courtoise + -н – куртуазный; bourgeois + -н – буржуазный*; и т.д.

Во-вторых – чем объясняются различия в свойствах образований на *-н* и *-ск*? Наиболее важным представляется вопрос о том, продиктованы ли они (лишь) семантическими соображениями или имеют синтаксическую природу?

Ниже мы обсудим свойства, различающие дериваты с *-н* и *-ск* на материале прилагательных типа следующих:

(5.8)

а. *человечный, представительный, специфичный, идиотичный, романтический, драматичный, фантастичный,...*

б. *человеческий, представительский, специфический, идиотический, романтический, драматический, фантастический,...*

5.1.3. Свойства русских суффиксов прилагательных (на материале *-н* и *-ск*)

5.1.3.1. Рекатегоризация и обстоятельственная функция

Образование единиц с наречными функциями представляется наиболее неоднозначным. С одной стороны прилагательные, маркированные суффиксом *-н*, легко могут употребляться в функции обстоятельства, в то время как дериваты с *-ск* в данной функции менее приемлемы:

(5.9)

а. *человечно, представительно, специфично, идиотично, романтично, драматично, ??фантастично, ...*

б. **человечески/о, *представительски/о, *специфически/о, *идиотически/о, */??романтически/о, */??драматически/о, *фантастически/о, ...*

Приведем некоторые примеры, в (5.10) – предложения, найденные в интернете, в (5.10') – их возможные перифразы с *-ск*:

(5.10)

[интернет]

а. *Президент Янукович выглядит более идиотично, чем Ющенко.*

б. *Будивельник в центральном матче недели драматично проиграл.*

(5.10')

а. **Президент Янукович выглядит более идиотически, чем Ющенко.*

б. *??Будивельник в центральном матче недели драматически проиграл.*

Отметим, что несмотря на то, что образования с *-ск* регулярно встречаются в функции модификатора группы прилагательного:

(5.11)

[интернет]

а. *Эти два хоккеиста фантастически хороши...*

б. *А глотатель жемчуга – что-то сюрреалистически среднее между искателем жемчуга и глотателем шпаг.*

Не вдаваясь в дискуссию относительно различий между модификаторами глагола и прилагательного, скажем лишь, что большинство исследователей считают данные единицы элементами различной природы, см., например, [Bhat 1994].

С другой стороны, существует некоторое количества образований с суффиксом *-ск*, способных употребляться в функции модификатора группы глагола.

(5.12) [Надпись на памятной доске здания гостиницы «Англетер»]

a. *Здесь трагически оборвалась жизнь Сергея Есенина*

(5.13) [Из произведений С.Д. Довлатова]

b. *Систематически перевыполняет трудовые задания...*

(5.13) [интернет]

c. *Если рассуждать логически, покупка умных часов Apple Watch кажется бессмысленной.*

d. *Сожаление о прошлом – было ему органически чуждо.*

Данные примеры безусловно представляют собой полноценные наречия. При этом для всех приведенных наречий на *-ски* можно говорить о существовании грамматичного варианта с суффиксом *-н*:

(5.10") [интернет]

e. *Кончалось это обыкновенно трагично: муж выбрасывал учителя в окно.*

f. *Американский госдепартамент регулярно и систематично возит своих инструкторов в Екатеринбург.*

g. *Человек, не умеющий рассуждать логично, всегда упрям.*

h. *Дом-купол органично вписывается в любой природный ландшафт...*

В роли обстоятельств могут использоваться и другие наречия на *-ски*, имеющие корреляты на *-н*: *героически, герметически, гомерически, грабительски, категорически, комически, критически, периодически, эмпирически, эпизодически,...*

Есть также наречия на *-ски*, для которых вариант с *-н* затруднен или невозможен (по морфонологическим или каким-либо другим причинам): *всячески, воровски, зверски, заговорщически, мастерски, молодецки, творчески, юридически* и т.д.

Корректное обобщение об образовании наречий от основ с суффиксами *-н* и *-ск*, могло бы звучать так: наречия регулярно образуются от адъективных основ с суффиксом *-н* и спорадически – от основ с *-ск*.

5.1.3.2. Краткая форма

Краткая форма также доступна для образований с *-н* и недоступна для дериватов с *-ск*, см. [Зализняк 2002б: 90]:

(5.14)

а. *человечен, представителен, специфичен, идиотичен, романтичен, драматичен, фантастичен,...*

б. **человеческ, *представителъск, *специфическ, *идиотическ, *романтическ, *драматическ, *фантастическ,...*

(5.15)

[интернет]

Мужчина романтичен, так как одной из его жизненных задач является завоевание женщины.

(5.15')

**Мужчина романтическ, так как одной из его жизненных задач является завоевание женщины.*

5.1.3.3. Компаратив

Компаратив устроен аналогично наречиям и краткой форме:

(5.16)

а. *человечнее, представительнее, специфичнее, идиотичнее, романтичнее, драматичнее, фантастичнее,...*

б. **человеческое, *представительское, *специфическое, *идиотическое, *романтическое, *драматическое, *фантастическое,...*

(5.17)

[интернет]

Бизнес в России немного специфичнее, чем на западе или в США, Азии.

(5.17')

**Бизнес в России немного специфическое, чем на западе или в США, Азии.*

Про запрет МК находим также у Н.А. Янко-Триницкой: «Не все качественные прилагательные образуют синтетические формы сравнительной степени. Этим форм не имеют: 1) прилагательные с суффиксом *-ск-*: *дружеский, комический* (ср. *комичный – комичнее*), *ребяческий, ханжеский, приятельский, товарищеский* и т. п.; 2) многие прилагательные с суффиксом *-л-*: *впалый, вялый, дошлый, исхудалый, блёклый, сиплый, хриплый* и др.; 3) некоторые прилагательные с суффиксами *-н-, -ов-, -к-*, например: *ранний, лишний, внешний, злостный, праздный, больной* (форма *больнее* соотносится только с наречием *больно*); *деловой, боевой, передовой, рядовой, массовый; громоздкий, дерзкий, липкий, скользкий*; 4) отдельные бессуффиксные прилагательные: *ветхий, нищий, гордый, хмурый*», [Янко-Триницкая 1989: 68].

Интересно, что причины, по которым запрещены сравнительные формы с *-ск*, не семантические. Действительно, аналитическая сравнительная степень образуется от таких единиц достаточно свободно:

(5.18)

[интернет]

- a. *Речь модераторов приобрела более человеческий вид!*
- b. *Более представительский и универсальный GL-класс и кроссовер GLA поможет укротить дорожное покрытие одним нажатием педали.*
- c. *Лучше употребить более специфический, чем менее специфический термин.*
- d. *Еще более идиотический случай в Соединенных Штатах Америки ...*

Можно предположить, таким образом, что неграмматичность сочетания *-ск* с показателем компаратива не следует из семантики, а связана с сочетаемостными свойствами самих суффиксов. Те же ограничения релевантны и для некоторых других деривационных показателей, ср.: **завидующее*, **устаревшее* и т.д.

5.1.3.4. Абстрактные имена

На образование абстрактных существительных накладываются в целом те же ограничения, что и на образование наречий, кратких форм и компаративов:

(5.19)

- a. *человечность, представительность, специфичность, идиотичность, романтичность, драматичность, фантастичность, ...*
- b. **человеческость, *представительскость, *специфическость, *идиотическость, *романтическость, *драматическость, *фантастическость, ...*

(5.20)

[интернет]

Несмотря на фантастичность, ряд изображений животных сделан с глубоким знанием черт и повадок зверей, ...

(5.20')

[интернет]

**Несмотря на фантастическость, ряд изображений животных сделан с глубоким знанием черт и повадок зверей, ...*

Из этой закономерности, однако, наблюдается ряд исключений:

(5.21)

светскость, детскость, зверскость, неброскость, антисоветскость, ...

(5.21')

Дочка Машка была "романтическая особа" и всячески эту самую "романтическую натуру" подчеркивала.

Несмотря на грамматичность некоторых отадъективных абстрактных имен, можно утверждать, что для суффикса *-н* процесс образования именных дериватов с *-ость* абсолютно продуктивен, в то время как для суффикса *-ск* – как минимум непродуктивен, а возможно – ограничен.

5.1.3.5. Сочетаемость с отадъективными суффиксами

В [АГ-80-1] приводятся следующие суффиксы, присоединяющиеся к прилагательными и модифицирующие степень проявления признака, добавляющие субъективную оценку говорящего и т.д.: *-оват, -оньк, -охоньк/-ошеньк, -усеньк, -уц, -енн, -ейш/-ш, -ист*, см. §§ ббб-673. Далеко не все они одинаково охотно сочетаются с любым прилагательным на *-н*, однако наиболее регулярные из них, *-оньк* и *-ейш* образуют соответствующие формы без видимых затруднений. Сочетание *-оньк / -ейш* с *-ск* неграмматично:

(5.22)

а. *человеченький, представительненький, специфичненький, идиотичненький, романтичененький, драматичненький, фантастичненький, ...*

б. **человеческенький, *представительскенький, *специфическенький, *идиотическенький, *романтическенький, *драматическенький, *фантастическенький, ...*

(5.23)

[интернет]

У меня по этому вопросу родился немного фантастичненький вариант.

(5.23')

**У меня по этому вопросу родился немного фантастическенький вариант.*

(5.24)

а. *человечнейший, представительнейший, специфичнейший, идиотичнейший, романтичнейший, драматичнейший, фантастичнейший, ...*

б. **человеческейший, *представительскейший, *специфическейший, *идиотическейший, *романтическейший, *драматическейший, *фантастическейший, ...*

(5.25)

[интернет]

И этот-то специфичнейший размер, размер с такой «репутацией», оказывается в различных модификациях вполне равноправным...

(5.25')

**И этот-то специфический размер, размер с такой «репутацией», оказывается в различных модификациях вполне равноправным...*

5.1.3.6. Ограничения управления

Способность адъективных единиц к лексическому управлению также блокируется при употреблении суффикса *-ск*:

(5.26)

[интернет]

a. *Ведь багажник этого универсала наиболее практичный во всем семействе Golf, даже по сравнению с венном Golf Plus.*

b. **практический во всем*

(5.27)

[интернет]

a. *Мир столь реальный для неё и столь фантастичный для нас.*

b. **фантастический для нас*

(5.28)

[интернет]

a. *При любых обстоятельствах нужно оставаться человечным к людям.*

b. **человеческий к людям*

Как мы видим, идиосинкретические валентности адъективных основ блокируются суффиксами типа *-ск*.

5.1.4. Суффиксы как самостоятельные единицы с селективными свойствами

Итак, суммируем полученные результаты. При переходе в класс прилагательных именные и глагольные корни в русском языке обязательно маркируются особыми показателями, такими как *-н*, *-ск* и другие. Употребление в атрибутивной функции (=построение полной формы) без этих суффиксов невозможно. Необходимо оформление теми же самыми суффиксами и заимствованных прилагательных, также не употребляющихся без маркеров рекатегоризации.

Возможность атрибутивного употребления при этом связана не с самими суффиксами. Это следует, например, из существования большого подкласса производных прилагательных. За способность употребляться атрибутивно может отвечать (тематический) суффикс *-ој*, [Halle,

Matushansky 2006]; либо же она обеспечивается некоторыми другими механизмами, см. [Borer 2014].

Далее, функции различных адъективных суффиксов оказываются не одинаковы. Так, благодаря суффиксу *-ск* исходный корень приобретает возможность только лишь атрибутивного употребления. В то же время, суффикс *-н* делает допустимым употребление новообразованной единицы в функции наречия, в краткой форме, в компаративе, а также позволяет образовывать абстрактные существительные и новые прилагательные с оценочными суффиксами.

Различное распределение синтаксических функций между разными суффиксами, например, рассмотренный случай *-ск* vs. *-н* (с последним, например, объединяются такие суффиксы как *-лив*, *-ат* и проч.), также говорит о том, что у них нет общей функции – переводить лексемы в класс прилагательного. Точнее определить отношение между их функциями как частичное пересечение: и *-н*, и *-ск* позволяют образовывать атрибутивные формы прилагательного, но на этом сходство в их употреблении заканчивается.

Как представляется, важным результатом можно считать следующий, см. также [Grashchenkov 2010; Matushansky 2010]:

(5.29) Наблюдение о селективных свойствах аффиксов

Аффиксы при образовании новой основы налагают ограничения на ее последующую сочетаемость с другими аффиксами и участие в тех или иных синтаксических контекстах

5.1.5. Типы основ, оформляемых суффиксами прилагательных

Как мы видели, *-н* и *-ск* (как и другие суффиксы прилагательных) могут оформлять именные, (5.30.a), и глагольные, (5.30.b), основы:

(5.30) [АГ-80-1: §§ 610-682]

а. *лесной, морковный, трудный, радостный, ...; плотницкий, морской, университетский, конский, ...*

б. *склонный, покорный, слышный, скучный, ... ; колдовской, бродяжнический, жульнический, ...*

Кроме этого, суффиксы прилагательных могут присоединяться к заимствованным основам, которые, скорее всего, с точки зрения русской грамматической системы, не располагают никаким частеречным признаком:⁹³

(5.31)

нормальный, нейтральный, куртуазный, буржуазный, категорический, демократический, ...

Однако есть еще один открытый класс единиц, к которым регулярно присоединяются *-н* и *-ск* – синтаксические образования, состоящие из существительного и прилагательного, существительного и числительного, существительного и кванторного слова, существительного и предлога и т.д., по поводу последнего типа см., например, [Matushansky 2010]:

(5.32)

- a. *южноафриканский, высокогорный, легкоатлетический*
- b. *двухколесный, трехэтажный, пятикомнатный*
- c. *всероссийский, всепогодный, каждодневный*
- d. *придорожный, околофутбольный, заморский, послеобеденный*

Очевидно, что основы, к которым присоединяется в этом случае суффикс прилагательного, также не принадлежат к тому или иному лексическому классу.

5.1.6. Итоги: свойства суффиксов прилагательных в русском языке

Итак, на примере *-н* и *-ск* мы наблюдали, что русские суффиксы прилагательных реализуют следующие функции:

(5.33) **Свойства русских суффиксов прилагательных:**

- a. суффиксальные показатели адъективной деривации оформляют основы разной частеречной принадлежности, а также основы, лишенные признаков какой-либо лексической категории (заимствования, синтаксические комплексы)

⁹³ Как замечено в рецензии к [Гращенков 2015]: «существуют заимствованные прилагательные типа *беж, ню, нетто, мини*, пусть и употребляющиеся в постпозиции к существительному, пусть и немногочисленные в русском языке и не меняющие кардинально общую картину исследования, они, все же, как кажется, требуют по крайней мере беглого упоминания». Мое мнение по данному вопросу таково. Поиск приведенных выше основ в Национальном корпусе русского языка показал, что они либо не встречаются вовсе, либо встречаются в функции существительного. Беглый поиск примеров в интернете дает следующий результат: приименное употребление возможно лишь в случаях «апельсины цвета беж», «юбка мини» и т.д. Данный контекст автор склонен рассматривать как аппозитивный, аналогично «цвет глициния» и «юбка-карандаш» и т.д.

- b. такие показатели предоставляют возможность полученным при помощи них основам образовывать атрибутивные формы (-н, -ск)
- c. суффиксы делятся на два типа в зависимости от того, какими дистрибутивными свойствами будут обладать образованные с их помощью единицы
- d. суффиксы первого типа позволяют полученным с их помощью основам образовывать наречия, краткие формы, компаративы, абстрактные имена и оценочные прилагательные (-н)
- e. суффиксы второго типа не лицензируют все перечисленные выше контексты
- f. деривационные суффиксы обладают ограничениями на сочетаемость с основами определенного типа – подобно тому, как синтаксические единицы могут присоединять лишь определенные типа проекций (глагольную, именную и т.д.), суффиксы также налагают ограничения на частеречную категорию элементов, с которыми они соединяются.

Можно предположить, что деривация результирующей словоформы происходит в несколько этапов, см., например, [Kiparsky 1982]. Сначала при помощи суффикса прилагательного «стирается» лишняя информация о прежнем лексическом классе и добавляется информация о принадлежности к новому. При этом роль самих суффиксов -н, -ск оказывается различна: -н можно назвать полноценным адъективизатором – он переводит исходную основу в новую категорию со всеми доступными для этой категории функциями. В то же время -ск является лишь атрибутивизатором – он приписывает основе признаки, необходимые для употребления в функции определения, не делая новообразованную основу полноценным прилагательным. Еще одним важным свойством является селективная способность суффиксов: надстраиваемый на следующем этапе суффикс «знает» к какому суффиксу предыдущего этапа он (не) может присоединяться.

5.2. Атрибутивность: генитив качества как носитель адъективного признака

Здесь мы обсудим свойства и структуру несколько необычных для русского языка несогласуемых атрибутов – так называемых генитивов качества. Исследований синтаксиса генитивов качества не так много, см., например [Trugman 2005] и некоторые другие цитируемые ниже работы. Мы постараемся ответить на вопрос о том, почему генитивы качества по своим свойствам столь отличаются от «обычных» посессивных генитивов и понять, какую роль в их структуре играет прилагательное.

5.2.1. Генитив качества как особой тип именных составляющих

Семантика и типология генитивной конструкции регулярно становились объектом исследований современных лингвистов начиная с работы Э. Бенвениста [Benveniste 1961], см., например [Кортъевская-Тамм 2003] и приведенные там ссылки. Мария Копчевская-Тамм, один из видных специалистов в области семантической и морфосинтаксической типологии посессивности, разделяет употребление средств кодирования посессивности на два больших класса, так называемые «anchoring» и «non-anchoring» генитивы. Первый тип соответствует в первую очередь посессивной генитивной конструкции. Как указывается в [Кибрик 2000], посессор задает так называемый «фокус эмпатии» – участника, являющегося дейктическим центром повествования. Такой участник задается определенной референтной именной группой. Отношение принадлежности данному участнику подчеркивает его (=посессора) ключевую роль в событиях дискурса.

Посессивному генитиву противопоставлен ряд нереперентных употреблений, одним из которых является так называемый генитив качества, см. [Кортъевская-Тамм 2005; Partee, Borschev 2012] и приведенные там ссылки.

Следующие примеры могут продемонстрировать генитив качества в русском языке:

- (5.34) [Из произведений А. и Б. Стругацких]
- a. Для детей старшего возраста.
 - b. Паркет изуродован обугленными вдавливами странной округлой формы.
 - c. Однако, когда я пришел на кухню, никакого кофе там не было, а стояла посередине стола бутылка коньяка и два бокала уникальной формы.
 - d. Абалкин - великолепный специалист, ученый высокого класса, я лично встречался с ним...
 - e. – В спецсекторе объектов невыясненного назначения...

В [Partee, Borschev 2012] генитив качества предлагается рассматривать как конструкцию, состоящую из параметрического имени (*рост, цвет, ...*) и прилагательного, устанавливающего значение параметра (*высокий, зеленый, ...*). Случаи непараметрических имен, к каковым, например, относятся обозначения материала, использующиеся в той же функции, авторы склонны анализировать как смену семантического типа или коэрсию. А именно, задающие параметр существительные авторы относят к именам так называемого функционального типа. В следующих примерах, однако, мы находим на месте параметра существительные явно другого типа, так называемы «имена сорта» (sortal nouns):

(5.35) [Из произведений А. и Б. Стругацких]
Объект "Пятно-96" вблизи похож на гигантскую старинную шкатулку голубого хрусталя

(5.36) [Из произведений М.А. Булгакова]
Первое, что заметилось, – драгоценная мебель карельской березы ...

По мнению Парти и Борщева, перед нами здесь смена семантического типа, существительные *хрусталь* и *береза* должны переходить в функциональный (реляционный) тип имен и приобретать свойство выражать параметр аналогично именам *рост*, *цвет* и т.д.

Если попытаться развить эту идею (авторы наметили лишь общие черты анализа), можно предположить, что *мебель карельской березы* интерпретируется следующим образом. У любого объекта класса ‘мебель’ среди прочих физических параметров (высота, ширина, вес, ...) есть также параметр ‘материал’, одно из значений которого – ‘дерево определенного типа’. Если бы это было так, качественный генитив можно было бы обнаружить в следующих именных группах:

(5.37)
#стол березы, #лампа хрусталя, #кресло сосны, #перила золота, ...

Как мы видим, данные примеры неграмматичны – в случае отсутствия прилагательного они приобретают новое (не качественное) значение, трудно соотносимое с объектами внеязыковой действительности.

При этом каждое из зависимых в родительном падеже обладает достаточной степенью спецификации параметра ‘материал’, чтобы служить определением к модифицируемому ими объекту, ср.:

(5.38)
березовый стол, хрустальная лампа, сосновое кресло, золотые перила, ...

Тем не менее, именные группы с качественным генитивом, употребленным без прилагательного (5.37), оказываются неприемлемы, ср. также ярлык «конструкция с обязательным третьим членом» из [Борщев, Кнорина 1990]. Таким образом, впервые (насколько нам известно) обнаруженное в работе [Борщев, Кнорина 1990] ограничение на «обязательный третий элемент», как представляется, не может быть объяснено исключительно семантикой.

Генитив качества, который предположительно заимствован в русский и другие европейские языки через тексты Библии, может образовываться в английском или французском без участия прилагательного:

(5.38) английский

[интернет]

The man of power welcomes conflict, using enemies to enhance his reputation as a surefooted fighter who can be relied upon in times of uncertainty.

Сильный человек рад противостоянию, он использует врагов чтобы улучшить свою репутацию уверенного бойца, на которого можно положиться во время неопределенности.'

Men of Dignity: The Montagnards of South-Vietnam (название книги)

Люди высокого достоинства: горцы Южного Вьетнама'

We need soldiers of courage to stand up for the institution and prevent it from becoming another laboratory for all the "correct" causes that are consuming our society.

'Нам нужны бравые солдаты, чтобы встать на защиту наших институтов и не допустить их превращения в лабораторию для всех «истинных» причин, разрушающих наше общество.'

Eric was dating Annie, a girl of beauty that nearly equaled his, with whom he would presumably one day produce ... model-grade children...

'Эрик собирался жениться на Анни, девушке удивительной красоты, с которой он мог бы однажды произвести на свет детей модельной внешности...'

(5.39) французский

[интернет]

Pierre était un homme de puissance et avait une grande influence sur l'Eglise primitive.

'Пьер был могущественным человеком и имел большое влияние на раннюю Церковь.'

- *Seigneur, où sont les hommes de dignité ?*

'- Господин, где же достойные люди?'

J'écris l'histoire de la campagne de dix jours, et je prouve combien il a fallu dans le Prince de talent

...

'Я написал историю десятидневной компании и я свидетельствую, чего она стоила талантливому государю...'

visage de jeune fille de beauté aux yeux bleus et lèvres roses

'лицо прекрасной молодой девушки с голубыми глазами и розовыми губами'

.

В то же время русские аналоги таких употреблений оказываются неграмматичны:

(5.40)

- a. *Человек силы, *человек достоинства, *солдаты отваги, *девушка красоты
- b. *человек могущества, *человек достоинства, *государь таланта, *девушка красоты

Возможный аргумент сторонников семантического подхода состоял бы в том, что русские параметрические имена *сила, рост, цвет, вид, высота* и т.д. не передают конкретного значения параметра. Действительно, перечисленные существительные никак не выражают степень проявления признака, ср.:

(5.41)

- a. *большой / средней / малой силы*
- b. *высокого / среднего / низкого роста*

Этот аргумент, однако, не применим в случае существительных *глупость, важность, подлость, могущество, красота* и т.д. При употреблении без прилагательного, обозначающего степень проявления признака, данные имена вполне способны передавать максимальное положение на задаваемой ими шкале:

(5.42)

[интернет]

- a. *А мне кажется, что это очень полезный проект "дабы глупость каждого была видна".*
- b. *Участники встречи в Женеве отметили важность этого вопроса.*
- c. *Союз журналистов Москвы назвал поведение Пореченкова подлостью.*
- d. *Опасность в том, что он ассоциирует себя с могуществом Советского Союза, то есть России.*
- e. *А в Бахиане Вилла Лобоса - восхищение ушедшей красотой Баховской эпохи.*

В каждом из этих примеров существительные *глупость, важность, подлость, могущество, красота* задают максимальное значение соответствующего признака в отсутствие интенсификаторов. В то же время следующие ниже примеры без штриха оказываются неграмматичны в русском языке:

(5.43)

- a. **советы глупости* vs. a'. ...*советы космического масштаба и космической же глупости...*
- b. **дело важности* vs. b'. *Дело чрезвычайной важности, уверяю тебя...*
- c. **поступок подлости* vs. c'. ... *пошел на редкой подлости поступок...*
- d. **лампа могущества* vs. d'. ...*валялась бесхозная лампа невиданного могущества*
- e. **вспышка красоты* vs. e'. *Вспышка была сегодня красоты изумительной.*

Как мы видим, в достаточной степени специфицированные существительные со значением материала (*березы, хрусталь, ...*) и высокого проявления признака (*глупости, могущества, ...*) в русском языке не могут образовывать конструкции с качественным генитивом. Это отличает русский качественный генитив от аналогичной конструкции во многих других языках. Таким образом, можно утверждать, что объяснение обязательности прилагательного в русском генитиве качества, основанное только на семантике, не работает. Ниже мы попробуем найти синтаксическое обоснование для данного запрета. Для этого мы сначала рассмотрим некоторые свойства русского генитива качества, сближающие его с прилагательными, а затем предложим анализ, объясняющий подобные адъективные свойства и обязательность прилагательного.

5.2.2. Генитив качества и прилагательное

Рассмотрим некоторое количество контекстов, где генитив качества употребляется аналогично прилагательному. Сюда прежде всего относится препозитивное употребление до и после прилагательных, а также употребление в качестве именной части предикации и вторичного предиката. Мы также рассмотрим релятивизацию и вопросительный вынос из состава качественного генитива и обсудим возможность прономинализации. Будет также освещен вопрос о структуре именных групп с генитивом качества, в частности, направление семантических отношений в них и возможность употребления множественных генитивов качества. Перед тем как предложить свой вариант анализа данных конструкций, мы также поговорим о внутренней структуре проекции качественного генитива.

5.2.2.1. Препозитивное употребление

Генитив качества допускает препозитивное употребление наряду с постпозицией. Трудно судить об относительном количестве препозитивных и постпозитивных употреблений, но препозиция распространена достаточно широко и не исключено, что может количественно превосходить постпозицию:

(5.44)

[Гращенков 2006: 104]

- a. все эти потрясающей роскоши старые издания
- b. Эти огромные, потрясающей синевы глаза просто невозможно забыть.
- c. в ее удивительной красоты Кафедральном соборе
- d. Посмотрели, повздыхали над потрясающего качества картинкой...

Как утверждается в [Гращенков 2006: 107], такое употребление «невозможно для немаркированного употребления других типов генитивных ИГ»:

(5.45)

[Гращенков 2006: 107]

- a. *Он нарисовал своего старшего брата портрет.
- b. *Во время ремонта он испортил соседа дверь.
- c. *Он угостил меня вина бокалом.

При том, что немаркированное расположение генитива качества при препозиции – перед прилагательными, при определенных условиях (интонационное выделение прилагательного) возможен и обратный порядок:

(5.46)

[интернет]

- a. Его, и без того огромные, небесной синевы глаза, которых не коснулся возраст, стали еще больше от неожиданности ответа.
- b. ... однако, когда он разглядел эту тварь как следует и обнаружил, что она подобна огромной, гнусного вида обезьяне.
- c. Уникальные, превосходного качества фотографии с необходимой компьютерной обработкой изображения.

Поскольку препозиция прилагательного сопровождается дополнительным ударением, можно говорить о том, что такое расположение генитива качества в именной группе все же не является базовым. Что касается пост- и препозитивного расположения, то они, думается, равнодопустимы.

5.2.2.2. Сочинение

Как показано в [Гращенков 2006], посессивный генитив не может сочиняться с качественным генитивом ни при каком варианте расположения относительно зависимого имени:

(5.47)

- a. **моего друга и новый дом*
- b. **дом моего друга и новый*

В то же время генитив качества свободно сочиняется с прилагательным:

(5.48)

[Гращенков 2006: 105]

- a. *большие и потрясающего качества экраны*
- b. *огромные и всегда отличного качества фотографии*
- c. *белокурые, длинноголовые и высокого роста эллины*
- d. *Драку возле трибуны затеют верзилы, а с гранатой и другим оружием будут маленькие, невзрачные и гнусного вида.*

Обычно считается, что подвергаться сочинению могут только проекции или вершины одного синтаксического типа:

(5.49)

- a. [X/P] & [X/P] *Преступник был схвачен и убит.*
- b. *[X/P] & [Y/P] **Преступник был умным и убит.*

Однако это не всегда так, в следующих примерах перед нами сочинение синтаксических проекций разного типа:

(5.50)

[интернет]

- a. *Был молодым и идиотом.*
- b. *Бабушка была невероятно красивой и обаятельной и умницей.*

Возможность сочинения проекций разного типа в данном случае говорит об их способности выступать в одинаковом внешнем синтаксическом контексте:

(5.51)

[PredP [Adj]] & [PredP [NP]]

В (5.51) приведена еще одна предположительная структура для сочинения. При употреблении адъективной и именной проекций в позиции присвязочного компонента в именной предикации они могут быть проанализированы как компоненты одной и той же предикативной вершины Pred. Будучи каждая в составе этой проекции, они могут сочиняться – требование тождества сочиняемого материала удовлетворяется в данном случае именно таким образом.

В случае сочинения генитива качества и прилагательного возможен один из двух сценариев: либо перед нами синтаксические проекции одного типа как в (5.49), либо проекции разного типа находятся в идентичном внешнем контексте, (5.51).

Независимо от того, какой анализ мы выберем, способность генитива качества сочиняться с прилагательными, противопоставленная неспособности к подобному употреблению посессивного генитива, говорит об различной природе последних и сходстве синтаксических свойств генитива качества и прилагательного.

5.2.2.3. Предикация

Генитив качества свободно допустим как при именной связке, (5.52), так и в позиции вторичного предиката, (5.53):

(5.52)

[Гращенко 2006: 219]

- a. *Петя был высокого роста, коренаст и широкоплеч.*
- b. *Девушка была удивительной красоты.*
- c. *Удар был страшной силы.*

(5.53)

[интернет]

- a. *Что предпринять, чтобы ребенок вырос высокого роста.*
- b. *Живописцы изображают эллинов белокурыми, длинноголовыми и высокого роста.*
- c. *Правда, фельдкурата я представлял себе более высокого роста, ...*

Данное свойство сближает генитив качества с прилагательными, для которых предикативное употребление столь же типично, как и употребление в роли приименного модификатора. Опять-таки, здесь можно наблюдать контраст с некоторыми другими типами генитива. Если посессивный генитив в принципе допустим в роли именного компонента

бытийной связки, (5.54), то партитивный генитив не склонен выступать в этой функции, (5.55), см. также [Гращенков 2006]:

(5.54) [интернет]

Машина была не моего отца, она предназначалась для высокого начальства.

(5.55) [Гращенков 2006: 218]

а. **Ведро (было) картошки.*

б. **Стакан (был) воды.*

5.2.2.4. А'-передвижение

А'-передвижение – подъем синтаксического материала вверх по структуре, не связанный при этом с присваиванием падежа. Обычно к нему относят топикализацию, релятивизацию, образование вопроса и косвенного вопроса и т.д.

Причиной А'-передвижения является wh-признак, «притягивающий» тот элемент, на котором он расположен, на левую периферию клаузы (*Я прочел книгу Пушкина – Чью_{wh} ты прочел книгу t?*)⁹⁴. В отличие от данного случая с «зависанием» («stranding») объемлющей части проекции (*Чью_{wh} ... книгу t?*) бывает и другая конфигурация, получившая название «эффекта крысолова» («ried-ripping»). Принято считать, что при эффекте крысолова wh-признак распространяется на всю объемлющую составляющую, что приводит к передвижению последней на левую периферию (*Я прочел книгу Пушкина – Чью книгу_{wh} ты прочел t?*)

Структуры для перемещения части составляющей, подвергающейся А'-передвижению, представлены ниже в (5.56.a) и (5.56.a'), где даны схемы для эффекта крысолова и зависания соответственно. В (5.56.b) представлена схема для случаев, когда вопрос затрагивает именно «матричную» составляющую, которая и подвергается перемещению влево:

(5.56)

а. [[Y_P [X_P]] t_{Y_P}]

а'. [[X_P] [Y_P t_{X_P}]]

б. [[Y_P] t_{Y_P}]

⁹⁴ Буквой t с некоторым индексом обозначается след от передвижения соответствующей составляющей – позиция, откуда происходило перемещение.

При релятивизации качественного генитива имеющиеся в распоряжении русского языка средства – союзные слова *который* и *чей*. *Чей* не подходит для генитива качества, т.к. может заменять только именные группы с посессивной семантикой. Релятивизация качественного генитива при помощи *который* невозможна:

(5.57)

[Гращенков 2006: 60,103,219]

- a. **Я восхищался небывалой красотой, девушку которой встретил.*
- b. **Общепризнано высокое качество, товары которого выпускаются в Финляндии.*
- c. **Странный цвет, рубашки которого он носит, ...*
- d. **Высокий рост, девушки которого ему нравятся, ...*
- e. **Страшная сила, удар которой он испытал, ...*

Данные примеры соответствуют схеме (5.56.b), в которой А'-передвижению подвергается вся составляющая. Так как качественный генитив в его «каноническом виде» состоит из прилагательного и параметрического имени в генитиве, частичная релятивизация предполагает замену прилагательного относительным местоимением. Однако такое невозможно – прилагательное не может быть мишенью релятивизации.

В случае вопроса в главном предложении сценарий (5.56.a-a') реализуется при помощи вопросительного местоимения *какой*; предложения с качественным генитивом при этом абсолютно грамматичны:

(5.58)

[интернет]

- a. *Какого роста вам нравятся мужчины?*
- b. *Какого вида параллелограмм может быть в основании пирамиды, каждая боковая грань которой образует с плоскостью основания одинаковые углы?*
- c. *Какого цвета выбрать постельное белье, чтобы было хорошее настроение, крепкий сон и отменное самочувствие?*

Вопрос ко всей составляющей, соответствующей качественному генитиву, также невозможен:

(5.59)

- a. *Чего (=Какого роста) вам нравятся мужчины?
- b. *Чего (=Какого вида) параллелограмм может быть в основании пирамиды, каждая боковая грань которой образует с плоскостью основания одинаковые углы?
- c. *Чего (=Какого цвета) выбрать постельное белье, чтобы было хорошее настроение, крепкий сон и отменное самочувствие?

Примеры (5.59.a) и (5.59.c) реализуют вариант с зависанием матричной составляющей, а (5.59.b) может соответствовать как зависанию, так и эффекту крысолова.

Сценарий (5.56.a-a') возможен и при образовании косвенного вопроса (часто – в конструкциях с соотносительным местоимением *то*):

(5.60)

[интернет]

- a. Получается, что нет простого и ясного ответа на вопрос о том, какого роста девушки больше нравятся мужчинам.
- b. Нужно запомнить, что модификатор света выбирается в соответствии с тем, какого вида или стиля портрет необходимо сфотографировать.
- c. Итак, сегодня речь пойдет о том, какого цвета лучше выбрать посуду, чтобы снизить аппетит.

В примере (5.60.a) можно усмотреть как передвижение всей составляющей, так и случай зависания; в случае (5.60.b) перед нами эффект крысолова, в случае (5.60.c) – зависание матричной составляющей.

Итак, замена на относительную проформу всего генитива качества неграмматична. Случаи замены на вопросительную проформу адъективной категории (*какой*) возможны в косвенных вопросах.

Итак, релятивизации качественного генитива невозможна, а в случае вопроса возможна лишь стратегия с частичным A'-передвижением (встречается как передвижение объемлющей составляющей, так и ее зависание). При вопросе прилагательное заменяется на адъективное местоимение *какой*, располагающее wh-признаком, из-за чего качественный генитив может передвигаться на левую периферию самостоятельно либо «перетягивать» туда всю именную группу, в состав которой он входит. Примечательно, что любые A'-операции с генитивом качества возможны лишь с участием адъективного wh-средства. В то же время качественный генитив целиком не может являться мишенью релятивизации или вопросительного выноса – его замещение относительным местоимением категории DP невозможно.

5.2.2.5. Прономинализация

Посессивную именную группу можно заменять местоимением третьего лица, отсылающим к упомянутому выше в дискурсе посессору:

(5.61)

книга / брат / рука Петю → *его книга / брат / рука*

В случае генитива качества замена всей проекции местоимением категории DP невозможна:

(5.62)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

a. *огромной силы удар депрессионного поля* → **ее удар*

b. *шкура сизого цвета* → **его шкура*

При этом, как и в случае релятивизации и вопроса, регулярно встречаются местоимения-прилагательные, отсылающие к типу или степени проявления качества того признака, который указан генитивом качества. Следующие примеры содержат местоименные прилагательные *такой* и *этот*, употребленные в составе генитива качества. Сами проекции качественного генитива при этом отсылают к введенному в текст ранее прилагательному:

(5.63)

[интернет]

a. *«Намедни ужинал с Поддубным – человеком огромной силы и такой же глупости»...*

b. *Бюро гравировок и печати (БЕР) снова использовало зеленую краску. Для этого были три причины. Во-первых, краски такого цвета были очень много.*

c. *Но их раздражает желтый и, скорее всего, они не будут носить одежду этого цвета.*

В примерах ниже те же местоимения в составе генитива качества отсылают к признаку, также выраженному генитивом качества:

(5.64)

a. *Почему яйца яйцеобразной формы? ... А если вы еще при этом и хороший кулинар, приходил ли вам в голову вопрос: почему яйцо именно такой формы.*

b. *Директор начинает нетерпеливо стучать пальцами вытянутой руки по столешнице. Красивой столешнице стола карельской березы. Любил он мебель этого дерева: сложная текстура линий и темная полировка по ней.*

5.2.2.6. О направлении синтаксической зависимости у генитивов качества и прилагательных

В [Гращенко 2006] утверждается, что «[с]емантическое отношение принадлежности в таких ИГ инвертировано: семантической вершиной, «обладающим», являются синтаксически подчиненные существительные *рост, форма, красота*». Это демонстрируется следующими примерами:

(5.65) [Гращенко 2006: 109]

- a. *этот человек среднего роста – средний рост этого человека*
- b. *устройство странной формы – странная форма устройства*
- c. *девушка неземной красоты – неземная красота девушки*

В указанной работе также проводится параллель с французским языком, где подобную семантическую инверсию можно наблюдать в случае некоторых зависимых, образуемых при помощи генитивного предлога *de*, «с той лишь разницей, что в нем (=французском языке) характеризующее имя из зависимого становится вершиной»:

(5.66) французский [Гращенко 2006: 109]

- a. *monstre d'homme* из *homme de monstre*
букв. *чудовище человека (из чудовищного человека)*
- b. *diable d'enfant* из *enfant de diable*
букв. *дьявол ребенка (из дьявольского ребенка)*

Соотношение между синтаксисом и семантикой, аналогичное тому, что мы видим у генитивов качества, наблюдается у прилагательных. А именно, в случаях *сильный человек, высокий дом, зеленый лес*, и т.д. сила, высота, цвет и т.д. являются различными свойствами объектов 'человек', 'дом', 'лес'. Задающие эти свойства лексемы синтаксически подчинены вершинным существительным.

Такое же направление синтаксической зависимости имеет место и в случае качественного генитива *человек огромной силы, дом небольшой высоты, лес зеленого цвета*, с той лишь разницей, что в последних примерах зависимость оформляется генитивом, а не при помощи согласования. Ситуация здесь напоминает языки, где генитив обслуживает часть семантической зоны, выражаемой в русском при помощи прилагательных. Так, в китайском языке некоторые основы, недоспецифицированные по признаку частеречной категории, могут

употребляться с генитивным показателем, образуя при этом определение, переводимое на русский язык прилагательным:

(5.67) китайский

[Гращенков 2006: 185]

hong (de) hua
красный GEN цветок
красный цветок

Китайское *hong*, ‘красный’, ‘красный цвет’ может употребляться как с генитивным маркером *de*, так и без него, передавая русское значение ‘красный’.

Итак, семантические отношения в генитиве качества инвертированы по сравнению с обычной посессивностью и напоминают таковые у прилагательных.

5.2.2.7. *Возможность употребления более чем одного генитивного зависимого*

Еще одно важное свойство, противопоставляющее генитив качества и референтный посессивный генитив, – невозможность употребления нескольких референтных генитивов в составе одной именной группы:

(5.68)

**Петин шарф мамы*
**шарф Пети мамы*
**Петин мамин шарф*

Приведенная выше конструкция невозможна синтаксически, даже если может быть предложена ее адекватная прагматическая интерпретация. В случае, если, например, мама подарила или связала Пете шарф, данный пример все равно остается неграмматичным.⁹⁵ Такое поведение референтных генитивных групп хорошо соответствует наблюдению, сформулированному в [Kolliaku 1999] как Гипотеза именной денотации (Nominal Denotation Hypothesis):

⁹⁵ Ср., однако так называемые picture nouns: *Машин портрет Пети* или случаи типа *сборная России Олега Романцева*. В данных примерах, однако, способность присоединения более чем одного посессивного зависимого предопределяется семантикой вершины именной группы.

(5.69) **Гипотеза именной денотации**

[Kolliaku 1999]

Вершинное имя может оформляться максимум одной референтной генитивной группой и максимум одной генитивной группой, задающей свойство⁹⁶

В то же время употребление более чем одного генитива качества в русском языке вполне допустимо (и таким образом вторая часть Гипотезы именной денотации опровергается русскими данными):

(5.70)

[интернет]

- a. *Гостиная обставляется мебелью натурального дерева темного цвета.*
- b. *Крупно – уличный фонарь белого цвета странной формы на фоне неба.*

В подавляющем большинстве именных групп (см., однако, сноску выше) генитив может присваиваться лишь одному зависимому. Нарушение этого правила в случае генитива качества связано с тем, что он имеет иную синтаксическую природу. Данное свойство, как и перечисленные выше, сближают генитив качества с прилагательным.

5.2.2.8. Распространение именных групп с генитивом качества

Именные группы, представляющие собой генитив качества, могут содержать более двух элементов и включать в себя не только существительное и зависимое прилагательное в генитиве. Рассмотрим возможные варианты определений, встречающихся в составе качественного генитива.

Прилагательных в составе генитива качества может быть больше двух; встречаются также случаи сочинения прилагательных:

(5.71)

[интернет]

- a. *Кроме того, никто не сомневается, что это работа высшего международного класса.*
- b. *Приносят невиданный гаджет красного цвета и невозможной красоты и мы быстро смотрим фильм.*

Чрезвычайно часты модификаторы прилагательного, связанные, как правило, с выражением различной степени проявления признака:

⁹⁶ «A noun head can take at most one individual de-phrase and at most one property de-phrase», в цитируемой работе речь идет о французских посессорах, которые кодируются предлогом de.

(5.72)

[интернет]

- a. свисает со свода одинокий сталактит весьма необычного красного цвета
- b. какие-то неожиданно интеллигентного вида люди в штатском, с бородами, отвечающий меч самого зловещего вида
- c. Гнусного вида белесые сосульки свисали со шлангов и с краев ящика, на потолке красовались жирные, не менее гнусного вида пятна.
- d. вроде огромного неряшливого шатра неопределенного грязного цвета
- e. Стихов такой поразительной силы еще не знала русская поэзия.
- f. Молодой человек роста ниже среднего, некрасивый, рыжеватый, неловкий, с грустно-задумчивым выражением лица.

Наиболее частым способом распространения проекции качественного генитива, таким образом, является употребление нескольких прилагательных и модификация выражаемого ими признака.

5.2.3. Анализ: генитив качества как атрибутивное определение, задающее свойство

Как мы видели, несмотря на то, что вершиной именных групп с качественным генитивом является существительное, сама группа качественного генитива проявляет свойства прилагательного. Ниже мы попробуем объяснить данное несоответствие, основываясь прежде всего на синтаксических и семантических свойствах генитивов качества.

5.2.3.1. Синтаксический статус генитива качества

Следующие свойства сближают генитив качества с прилагательным и делают его непохожим на посессивный и другие типы приименного генитива: i) препозитивное употребление; ii) сочинение с прилагательными; iii) предикативное употребление; iv) образование вопроса и прономинализация только с помощью адъективных местоимений *какой, такой* и т.д. (а не местоимений категории DP *которой, чего* и т.д.), v) синтаксическая зависимость генитива качества и прилагательного от определяемого имени, атрибут которого (высоту, форму, материал,...) оно задает; vi) способность одной именной группы содержать более чем один качественный генитив; vii) генитив качества может включать (и в реальном узусе часто включает) различные модификаторы признака, выраженного прилагательным.

Как мы видим, качественный генитив имеет внешнюю дистрибуцию прилагательного при том, что внутренняя структура (именная вершина, контролирующая его согласование) в нем именная. Можно предложить следующий подход к формальному устройству данных составляющих: при наличии внутренней именной проекции они, тем не менее, получают внешнюю дистрибуцию и семантику прилагательных. Проецируемая вершинным именем

(*цвет, рост, сила...*) именная структура не определяет внешнюю синтаксическую функцию составляющей.

Позволим себе краткий экскурс в аваро-андо-цезские языки. Один из вариантов образования генитивов качества в багвалинском языке описан в [Кибрик 2001: 194]: «При образовании прилагательных цветообозначения весьма распространенной является конструкция "именная группа в генитиве + *L'er* 'цвет' + показатель прилагательного *-a=b*", например, *eqa=m aswalt-i-t L'er-a=b* 'цвета мокрого асфальта', *beq-it-L'er-a=b* 'абрикосового цвета' (*beq* 'абрикос'). Показатель генитива в названии цветового эталона может выпадать: *niX_oe-L'er-a=b* 'персиковый' (*niX_oa* 'персик')». Приведем также следующий пример:

(5.73) багвалинский		[Кибрик 2001: 194]
hab-e:-t	L'er-a=г	hinc'-ibi
зола-OBL.PL-GEN	цветной-ADJ=NPL	камень-PL
<i>камни цвета золы</i>		

Как можно видеть, в контексте генитива качества существительное *цвет* принимает адъективирующий суффикс и становится прилагательным, имеющим согласовательный показатель (=г). При это внутренняя часть проекции продолжает быть именной группой: зависимое от вершины *цвет* существительное *зола* принимает генитивный показатель (а не показатель согласования), как это делают все имена, зависимые от других имен.

Проекция качественного генитива в багвалинском оказывается устроена следующим образом: внутри она имеет структуру именной группы, а во внешнем синтаксическом контексте предстает как прилагательное. Русский генитив качества в этом совершенно похож на аналогичные багвалинские конструкции, с той лишь разницей что не согласуется с вершинным именем, а стоит в родительном падеже.

Таким образом, мы будем считать русский генитив качества несогласуемым адьюнктом, чьи позиция и употребление, как это часто бывает при адьюнкции, достаточно свободны. Такой адьюнкт может быть до либо после вершинного имени, может сочиняться с прилагательными (которые, хотя и не во всех формальных системах, но иногда также признаются приименными адьюнктами) и в некоторых случаях располагаться перед ними.

5.2.3.2. *Источник генитивного значения падежного признака*

Необходимо объяснить происхождение маркера генитива на вершинном существительном в составе генитива качества, передающегося затем всем входящим в данную проекцию элементам. Как мы предполагаем, генитивное маркирование здесь складывается из

двух факторов: так называемого «падежного фильтра» и правил синтаксической организации именной проекции.

Что касается падежного фильтра, в [Chomsky 1981] он сформулирован так: «Каждая фонологически реализованная именная группа должна получать падеж». Никакая именная группа, таким образом, не может быть реализована без присваивания ей падежного признака. Согласно нашей гипотезе, проекция генитива качества является адъективной. Это, однако, не освобождает ее от необходимости получения вершинным именем определенного значения падежного признака – соблюдение принципа «падежа не может не быть» обязательно.

Приименной генитив, как и другие падежи, имеет следующие синтаксические источники: он может быть приписан в позиции спецификатора некоторой функциональной проекции либо в позиции комплемента некоторой лексической проекции. Первый случай традиционно связывается с посессором и приписывающей его вершиной D, см. [Abney 1987] и последовавшие за ней работы, а также, например, анализ [Bailyn 2004], где партитивные и некоторые другие контексты связываются с вершиной Q в составе именной проекции. Генитив, получаемый от некоторой вершины, для которой именная группа является комплементом, наблюдается при именах, имеющих валентность, например: *стая, кусок, фотография* и т.д.

Как мы видели выше, структурная позиция генитива качества скорее совпадает с таковой у прилагательных, чем у «аргументных» проекций вроде посессора или лексического зависимого. Какой же падеж должен быть присвоен в отсутствие конфигурации вершина-комплемент, ответственной за косвенные падежи, или спецификатор-вершина, ответственной за структурные падежи? Очевидно, адъюнкт в составе именной проекции, каковым является генитив качества, будет получать тот падеж, который «распространяется» внутри проекции. Таким падежом является генитив – см., например, [Pesetsky 2010; Pesetsky, Torrego 2004, 2011], где генитив признается выражением именной категории N наряду с тем, как аккузатив – глагольной категории V. Таким образом, если временные и некоторые другие адъюнкты в составе глагольной категории получают аккузатив (*ехать три часа* и т.д.), адъюнкты в составе именной категории должны получать генитив, что и происходит в случае генитива качества.

Генитив качества точно не заполняет лексических валентностей – его дистрибуция никак не ограничена лексически. Можно однако предположить, что генитив качества приписывается (фонологически невыраженной) функциональной проекцией, как это предлагалось для партитива, см., например, [Исакадзе 1999; Bailyn 2004] и приведенные там ссылки. В таком случае при конкуренции с косвенными падежами мы бы ожидали выбора косвенного падежа, а не партитивного генитива:

(5.74)

- a. *Купи хлеба!* a.' *Запасись хлебом / *хлеба!*
 b. *Мы не купили хлеба.* b.' *Мы не запаслись хлебом / *хлеба.*
 c. *Петя увидел два дерева.* c.' *Петя заинтересовался двумя деревьями / *два дерева.*
 d. *Я купил с 2 кг муки.* d.' *Я запасся двумя кг муки / *с 2 кг муки.*

Рассмотрим, однако, следующие примеры на генитив качества:

(5.75)

[интернет]

- a. *Когда-то и товар, произведенный в Японии, считался плохого качества.*
 b. *Эмульсию считали хорошего качества, если в поле зрения микроскопа наблюдали равномерную мелкозернистую структуру.*
 c. *По описанию современников Махно был невысоким, но, так как носил сапоги на каблуке, казался среднего роста.*
 d. *Пастилу можно приготовить любого вкуса, поэтому не вижу смысла рассказывать отдельные рецепты яблочной, грушевой или какой-либо другой пастилы.*

Во всех этих примерах генитив качества употреблен в роли вторичного предиката. В случае прилагательных (или именных групп), способных получать падеж, главные глаголы этих предложений присваивают вторичному предикату инструменталис:

(5.76)

- a. *Товар считался плохим.*
 b. *Эмульсию считали качественной.*
 c. *Махно казался невысоким.*
 d. *Пастилу можно приготовить вкусной.*

Сравнивая примеры с качественным генитивом и прилагательным, мы видим, что при падежном конфликте между генитивом качества и инструменталисом «выигрывает» падежный признак генитива, а не инструменталиса. Во всех остальных случаях, где за (партитивным и проч.) генитивом стоит некоторая функциональная проекция, картина обратная, см. (5.74).

Генитив качества выигрывает падежную конкуренцию вследствие того, что генитив качества имеет приименное происхождение. Группы качественного генитива порождаются в составе некоторой именной проекции, которая впоследствии поднимается выше в позицию подлежащего, оставляя генитив качества в позиции вторичного предиката:

(5.77)

[Su/DO]	[_{VP}	V	[DP [QuaGenP]	t _{Su/DO}]
[товар]	[_{VP}	считался	[DP [QuaGenP <u>плохого качества</u>]	t _{товар}]

Падежного конфликта не происходит, потому что генитив качества оказывается «защищен» от приписываемого «снаружи» инструменталиса проекцией объемлющей именной группы ([DP]).

5.2.3.3. Семантический анализ генитива качества

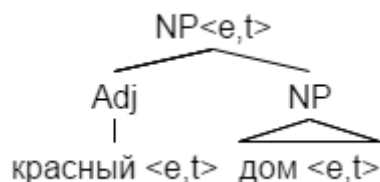
Итак, наличие определенных признаков навязывает проекции генитива качества адъективную, а не именную природу. Очевидно, что признаки эти не синтаксические, т.е., например, не согласовательные, т.к. генитив качества: i) не согласуется со своей вершиной подобно прилагательным, ii) возможен не только с прилагательными, а и с генитивами или несогласуемыми определениями: *кресло производства Италии, рубашка цвета беж* и т.д.

Мы предлагаем считать генитив качества проекцией, получающей тот же семантический тип, который получают прилагательные ‘красный’, ‘высокий’, ‘московский’⁹⁷ и т.д., т.е. так называемые прилагательные с пересекающейся денотацией (*intersective adjectives*). Прилагательные с пересекающейся денотацией – это такие прилагательные, чье денотативное значение не зависит от денотативного значения определяемого имени, ср.: *красный дом, высокий дом, московский дом, красный высокий московский дом* и *бывший президент, низкорослый баскетболист, зубной врач*.

С точки зрения подхода, предложенного Фреге, см. [Heim, Kratzer 1998: 63] и приведенные там ссылки, все возможные типы значений сводятся к двум базовым – сущностям (*individual*) и истинностным значениям (*truth-values*). Именные группы, возглавляемые нарицательными существительными, имеют тип $\langle e, t \rangle$ – для некоторой сущности (*e*, т.е. *entity*) они утверждают, верно ли (*t*, т.е. *truth*) или нет, что она стоит за данной именной группой. Схожим образом устроены прилагательные с пересекающейся денотацией, которые также имеют тип $\langle e, t \rangle$. В синтаксической структуре, включающей прилагательные и существительные, т.е. в именной группе, применяется так называемое правило модификации предиката, *Predicate Modification*, [Heim, Kratzer 1998: 44], см. также подробную дискуссию в [Morzycki 2015]:

⁹⁷ Прилагательные с градуальным признаком *высокий, умный* и т.д. имеют еще и тип *d(egree)*, который мы ниже будем последовательно опускать, т.к. он нерелевантен для приводимого нами анализа.

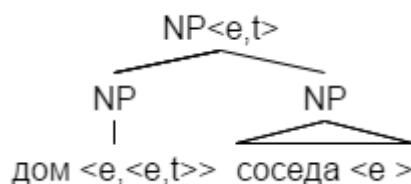
(5.78)

В примере выше результирующий тип существительного и прилагательного, каждый из которых типа <e,t> – также <e,t>.

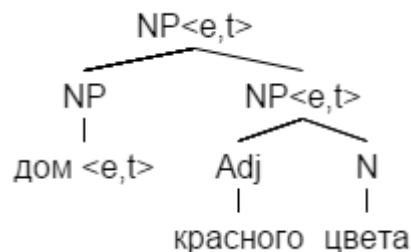
В то же время реляционные имена обладают более сложным типом – <e,<e,t>>, т.к. они принимают в качестве аргумента составляющую типа <e>, соответствующую именным группам. Можно предположить, что при образовании генитива все имена ведут себя аналогично реляционным существительным, см. [Partee, Borschev 2003; Partee, Borschev 2012], – они «расширяют» свой тип с тем, чтобы иметь «валентность» на генитивный аргумент. При конструировании общего генитивного типа в таких структурах работает правило применения функции к аргументу, Function Application [Heim, Kratzer 1998: 65]:⁹⁸

(5.79)

Структуры с качественным генитивом отличаются от приведенных структур с «обычным» генитивом тем, что они имеют тип <e,t>, т.к. подобно предикатам 'красный' или 'дом' задают свойства, а не обозначают объект. При образовании структур с качественным генитивом действует правило модификации предиката:

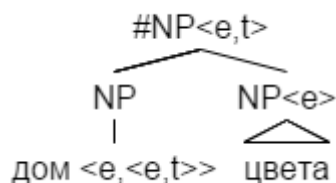
(5.80)

⁹⁸ Здесь и далее мы будем игнорировать вклад собственно (показателя) генитива, предполагая, что он входит как часть значения в семантику конечной именной группы в родительном падеже.

Тип $\langle e,t \rangle$ генитивы качества наследуют от прилагательных – в этом заключается их ключевая роль в данной проекции. При отсутствии прилагательных вся именная группа будет DP и будет иметь тип $\langle e \rangle$, как в примере *дом соседа* выше. Если мы будем пытаться интерпретировать выражение *дом цвета*, к нему будет применяться правило раскрытия функции:

(5.81)

В (5.81) мы получаем значение, при котором существительное *цвет* будет интерпретироваться не как предикат, а как конкретный объект (*дом некоторого / какого-то конкретного цвета*), что приведет к прагматически некорректному прочтению, ср. также *#кресло сосны, #перила золота и т.д.*

Мы предполагаем, что генитивы качества не могут содержать структуры больше, чем допускается в именных группах с прилагательными. Примеры типа *дома двух цветов, люди всех национальностей* не могут быть проинтерпретированы как генитивы качества, т.к. содержат более высокие функциональные проекции и обладают другими семантическими типами. Мы так же предполагаем, что имена в русских генитивах качества не вносят никакого семантического вклада в результирующий тип данной проекции. Таким образом, присутствие прилагательных необходимо потому, что они предписывают всему генитиву качества предикатный тип $\langle e,t \rangle$. Именно благодаря этому возможно применение модификации предиката, которая, в свою очередь, позволяет успешно интерпретировать структуру с генитивом качества.

Как мы предполагаем, грамматичность английских (французских и т.д.) структур типа *man of power* объясняется тем, что в данных языках именная группа (в контексте генитива) может иметь как тип $\langle e,t \rangle$, так и тип $\langle e \rangle$, см. [Partee 1987]. Русская именная группа в позиции генитива может интерпретироваться только как аргумент с типом $\langle e \rangle$.

Возможно, причины такой семантической интерпретации лежат в отсутствии в русском языке проекции артикля. Английские именные группы располагают возможностью точного определения референциального статуса и семантического типа именных групп. Так, именным группам с определённым артиклем и именами собственными соответствует определённо-

референтная интерпретация и тип <e>, см. [Partee 1987]. Неопределенный артикль, как реализующийся в виде $a(n)$, так и фонологически невыраженный (во множественном числе) соответствует неопределенному референциальному статусу и семантическому типу <e,t>.

Подтверждение этой гипотезе мы находим в других безартиклевых языках. Так, в сербском и польском ситуация аналогична русской: наличие прилагательного при генитиве качества обязательно:

(5.82) сербский

a. *девојка лепоте	a.' девојка невероватне / посебне лепоте
*девушка красоте	девушка невероятной /особой красоте
b. *човек храбрости	b.' човек неописиве / изузетне храбрости
*человек храбрости	человек неопикуемой / исключительной храбрости

(5.83) польский

a. *dziewczyna piękności	a.' dziewczyna wielkiej piękności
*девушка красоте	девушка удивительной (=великой) красоте
b. *człowiek hojności	b.' człowiek wielkiej hojności
*человек благородства	человек большого (=великого) благородства
c. *żołnierz odwagi	c.' żołnierz wielkiej odwagi
солдат отваги	солдат редкой (=великой) отваги

Возможность опущения прилагательных в языках с артиклем была продемонстрирована английскими и французскими примерами, см. (5.38) и (5.39). Можно, таким образом, предположить, что в славянских языках именные группы в контексте генитива всегда интерпретируются как имеющие тип <e>,⁹⁹ что в случае одиночных «имен качества» приводит к прагматически неверной трактовке генитива как имеющего определенный референциальный статус, (5.81).

5.2.4. Итоги: адъективная природа генитивов качества

Итак, несмотря на формально приписываемое генитивное значение падежного признака, генитивы качества ведут себя как адьюнкты, а не как аргументы (как это делает посессивный и другие типы генитива). В силу своей адьюнктивной природы они могут располагаться как слева, так и справа от существительного и сочиняться с прилагательными, а также употребляться предикативно. Семантически они обозначают свойства; из-за этого референция к

⁹⁹ Исключая причислительный генитив, источник которого – не DP, а функциональная вершина Num.

ним при помощи местоимений и вопросительных слов категории DP невозможна, необходимо использовать местоимения *какой, такой, тот* и т.д.

Мы, таким образом, считаем генитивы качества проекцией с именной морфологией, адьюнктивным синтаксисом и адъективной семантикой. Собственно падежный признак генитива является результатом нахождения данной проекции в контексте объемлющей именной группы.

5.3. Предикативность: Аргументная структура и варианты предикативного употребления прилагательных

Следующая часть данной главы включает последовательное обсуждение случаев обособленного употребления, которые зачастую связаны с наличием у прилагательных своих зависимых. Мы покажем, что обособление является особым подклассом предикативных употреблений прилагательных. После анализа структуры обособлений мы перейдем к исследованию собственно валентностей адъективных единиц. Завершит данную часть третьей главы обсуждение структур, совмещающих валентность и предикативное употребление.

5.3.1. Синтаксическая структура обособленных атрибутов

5.3.1.1. Конструкции с обособленными атрибутами

Предметом настоящего исследования являются две конструкции с прилагательными или причастиями (почти все примеры ниже содержат прилагательные, однако тот же набор свойств имеется и у причастий), в которых они отрываются от своей именной вершины. Возможно два типа разрывных конструкций, постпозиция и выдвигание влево. При постпозиции атрибутивные определения располагаются после вершинного имени, чаще контактно (*снегири – необыкновенные среди мороза и снега*), иногда – дистантно (*арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные*):

(5.82)

[СинТагРус]

Мурлыкали и деловито копошились на торчащем из-под снега татарнике снегири – необыкновенные среди мороза и снега, как тропические птицы, и сухие семена от их крепких, толстых клювов брызгали на снег, ложась дорожкой.

(5.83) [Ф.М. Достоевский, «Записки из мертвого дома»]
Ровно за полчаса до барабана заданный урок был окончен, и арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли всего-то каких-нибудь полчаса против указанного времени.

При выносе влево группа прилагательного (или группа прилагательных) располагается в абсолютном начале предложения:

(5.84) [СинТагРус]
«Вольные в князьях», новгородцы могли прогнать князя, оказавшегося неудобным, и призвать на его место другого, но княжеский стол у них почти никогда не бывал вакантным.

(5.85) [СинТагРус]
Громко разрекламированный, его проект опирается на официальную идеологию приведения страны в порядок, что добавляет ему привлекательности в глазах кремлевских обитателей.

Несмотря на то, что между прилагательным (прилагательными) и существительным иногда проблематично вставить дополнительный материал, прилагательные при выносе влево располагаются не в своей базовой позиции, что видно по указательному местоимению в случае *Громко разрекламированный, его проект* (вместо *его громко разрекламированный проект*).

Оба случая таких конструкций мы будем называть далее атрибутивным обособлением (АО). Как кажется на первый взгляд, «условием существования» АО является наличие более чем одной атрибутивной словоформы. Одиночные прилагательные в тех же примерах (и при нейтральной интонации) представляются неграмматичными:

(5.82')
 **Мурлыкали и копошились на татарнике снегири необыкновенные.*

(5.85')
 **Разрекламированный его проект опирается на официальную идеологию.*

Аналоги русским АО существуют и в других языках:

(5.86) французский [Флобер, «Бувар и Пекюше»]
Pecuchet, bilieux et de tendances autoritaires, se declara sans-culotte et meme robespierriste.
 ‘Желчный, властолюбивый Пекюше объявил себя санкюлотом и даже последователем Робеспьера.’

(5.87) французский

[Готье, «Аррия Марцелла»]

Voluptueux et positif, il ne se payait pas d'illusions et n'avait en amour aucun prejudice.

‘Чувственный и основывающийся на собственных переживаниях, он не питал иллюзий и не имел в любви никаких предрассудков.’

В работе [Emonds 1972] представлено некоторое количество конструкций, которые можно было бы считать когнатами русских АО:

(5.88) английский

[Emonds 1972]

John, he ran away.

‘Джон, он убежал.’

My brother, he met only a few students.

‘Мой брат, он встретил всего лишь несколько студентов.’

(5.89) английский

[Emonds 1972]

Speaking to the president now is our top reporter.

‘Тот, кто говорит сейчас с президентом, – наш лучший репортер.’ (досл. ‘Говорящий сейчас с президентом...’)

(5.90) английский

[Emonds 1972]

*A man who hasn't got a family won't work as hard.**A man won't work as hard who hasn't got a family.*

‘Человек не будет работать столь усердно, не имея семьи.’ (досл. *‘Человек не будет работать столь усердно, который не имеет семьи.’)

В (5.88) приводится пример так называемой «дислокации влево» (Left Dislocation); в (5.89) – препозиции причастия (Participle preposing) в терминах Эмондса или так называемая «предикативная инверсия» (Predicate Inversion) в [den Dikken 2006] и других работах; в (5.91) – извлечения из именной группы (Extraposition from NP). Несмотря на то, что АО имеют общие черты с каждой из данных конструкций, они, тем не менее, образуются по отличным от них правилам, которые мы постараемся описать в данной работе.

На данный тип конструкций налагаются также некоторые просодические ограничения. А именно – на прилагательном появляется дополнительное ударение, сопровождаемое паузацией. При левом выдвигении пауза ставится после (группы) прилагательного, а при постпозиции – перед ней. При таком оформлении становятся грамматичными и прилагательные, употребленные одиночно:

(5.82")

Мурлыкали и копошились на татарнике снегири, необыкновенные.

(5.91)

[СинТагРус]

До половины пройдена земная жизнь, впереди вторая половина, худшая.

(5.85")

***Разрекламированный** его проект опирается на официальную идеологию.*

(5.92)

[интернет]

***Расстроенная** моя жена принялась собирать со стола грязные тарелки.*

С точки зрения информационной структуры АО всегда являются ремой и находятся в фокусе. Насколько нам известно, подобные конструкции не выделялись прежде в отдельную группу. Так, в [Ковтунова 2002] находим две похожих структуры: высказывания с частичной инверсией и дислокацией, [Ковтунова 2002: 120-125] и так называемые «предложения с информативно ослабленными глаголами», [Ковтунова 2002: 159-164].

В высказываниях с дислокацией «... прилагательное извлекается из группы подлежащего и ставится перед сказуемым, а имя существительное остается после сказуемого на последнем месте в предложении», [Ковтунова 2002: 120]. Примеры конструкций такого типа часто содержат одиночное прилагательное и лишены интонационного выделения:

(5.93)

[Ковтунова 2002: 122-123]

*Ранний перепал снежок.**Широкие открывались взору пространства.**По краям зеленоватый в снежных переносах крепнул лед.**Нудная и одуряющая потекла жизнь.*

Что касается информативно ослабленных глаголов, постпозитивное употребление прилагательных в них представляется случаем так называемых вторичных предикатов или депиктивов – прилагательное, представляющее собой рему, описывает обстоятельства протекания основного действия. Неудивительно, что наряду с сочиненными / распространенными прилагательными среди примеров данного типа присутствуют и одиночные:

(5.94) [Ковтунова 2002: 160]

Вечер наступал / *теплый, душиный.*

Снега лежали / *розовые, палевые, голубые.*

(5.95) [Ковтунова 2002: 160]

День занялся *теплый...*

Шум стоял *невообразимый.*

В [АГ-80-2: §§ 2108-2116], выделяются обособленные обороты, в состав которых входят причастные / субстантивные / адъективные обороты, полупредикативность, пре- и постпозиция.

(5.96) [АГ-80-2: §§ 2108]

Согретый солнцем, мох расцвел белыми крохотными цветами.

Отрезанные от всего мира, уральцы с честью выдержали казачью осаду.

Обособление, которое не разделяется с точки зрения позиции обособленного оборота, связывается прежде всего с подлежащим. Другими условиями обособления по [АГ-80-2] является наличие специальной интонации и полупредикативность. Ниже мы попробуем определить в терминах синтаксической структуры, что именно стоит за понятием «полупредикативность», а также показать, что АО не связано исключительно с подлежащим.

5.3.1.2. Распространенность и/ли интонационное выделение

По нашим наблюдениям, подавляющее большинство примеров с АО содержит либо прилагательные / причастия с собственными зависимыми, либо сочиненные прилагательные / причастия. Что касается зависимых, то они могут быть различны. В примерах ниже последовательно приводятся случаи постпозиции и левого выдвижения с зависимыми предложно-падежными формами, а также с адъективными интенсификаторами:

(5.97) [СинТагРус]

Спамеры атакуют домашние компьютеры, многие из которых даже не снабжены базовой системой защиты *firewall (способной обнаруживать любые вторжения).*

(5.98) [интернет]

Довольный своей жизнью и карьерой, этот человек, у которого не хватило времени заняться психоанализом, но которого данная область очень увлекает, готов поговорить об этом и многом другом.

(5.99) [СинТагРус]

Причем речь идет о глубинном, внутреннем стрессе, внешне незаметном, но на физиологическом уровне он непременно проявится.

(5.100)

Внешне незаметный, этот стресс непременно проявится.

Другая группа примеров связана с сочиненными прилагательными / причастиями:

(5.101) [СинТагРус]

Но я бы сказал, что звезды – прошлые и подрастающие – в основном дома остались.

(5.102)

Прошлые и подрастающие, все звезды в основном остались дома.

Конструкции с АО допустимы при любых сочинительных средствах, в том числе и при бессоюзном сочинении:

(5.103) [СинТагРус]

...читатель, то есть любой мыслящий человек, испытывает сегодня, как мне кажется, потребность не столько в сюжетных хитросплетениях, сколько в искреннем собеседнике, думающем, вспоминающем, переживающем вместе с тобой, у тебя на глазах.

Как уже говорилось, все примеры АО с распространенными (синтаксическими зависимыми или сочинением) составляющими могут оставаться грамматичными и с единичным прилагательным, если они сопровождаются соответствующим интонационным выделением:

(5.99')

Причем речь идет о глубинном, внутреннем стрессе, незаметном, но таком, который непременно проявится на физиологическом уровне.

(5.100')

Незаметный, этот стресс непременно проявится.

Мы будем считать конституирующим свойством АО не количество и структуру составляющих, а именно наличие интонационного выделения, прежде всего – отделяющей прилагательное от остального материала паузы.

5.3.1.3. Чем не являются АО

Перечислим некоторые типы составляющих, похожие, но не тождественные АО. Прежде всего, АО не являются именными конструкциями с вершиной-местоимением типа *мы нынешние, все вернувшиеся, оба провинившихся...* Это можно заключить из того факта, что лексических ограничений на именную группу / вершину, к которой относится АО не существует – в отличие от упомянутых конструкций.

Вследствие различий в семантике и контекстах употребления АО также не являются примерами сортовой (*шалфей лекарственный, шалфей красный, шалфей мускатный, шалфей луговой*) или предикатной инверсии (*Актёры – существа хрупкие*), см. [Лютикова 2012].

Интонационно – отсутствием паузы и дополнительного ударения – АО отличаются от так называемых *afterthought constructions*, разрывных составляющих, в которых «внутри» одной составляющей попадают элементы другой:

(5.104)

[Ковтунова 2002: 123]

В сиреневатой рыхлой темноте вязкие плавали голоса.

Как уже говорилось, АО отличаются и от вторичной предикации, для которой в большинстве случаев допустимо употребление предикативного инструменталиса:

(5.105)

[Grebennyova 2005]

а. *Иван пришел домой грустный / грустным.*

б. *Павел встретил Ивана грустного / грустным.*

Инструментальное оформление АО исключено:

(5.82''')

**Мурлыкали и копошились на татарнике снегири, необыкновенным среди мороза и снега.*

(5.85''')

**Громко разрекламированным, его проект опирается на официальную идеологию.*

АО, таким образом, представляют собой особый тип составляющих, природу которого мы постараемся определить ниже.

5.3.1.4. Местоимения и имена собственные

При исследовании примеров АО бросается в глаза еще одна связанная с ними закономерность: вершиной в исходных конструкциях чрезвычайно часто являются местоимения или имена собственные. Следующие четыре примера демонстрируют местоименные вершины при постпозиции и левой дислокации:

(5.106) [СинТагРус]

а. *Наконец великан повержен, и мятую бумажную скатерть трогательно укрепляют на веревке бельевыми прищепками, и на ней, ставшей экраном, появляется фотография.*

б. *Связываться не хотелось, а то б я тебя, такого храброго!..*

(5.107) [СинТагРус]

а. *Расстроенный, с полным подносом, он ушел за кулисы – и увидел, что там уже зреет скандал.*

б. *Уставшие, они тем не менее не скрывали восторга: исчерпав запас веревок и крючьев, они дошли до глубины 1680 метров, остановившись перед началом нового колодца.*

В примерах ниже приведены имена собственные-вершины при постпозитивных и дислоцированных влево АО:

(5.108) [СинТагРус]

а. *В Европе Прокофьеву рады, однако Дягилев, помешанный на балете, стремится чуть ли не каждый его концерт "подсластить" каким-нибудь сценическим действием.*

б. *Но это было так неопределенно, что Глаша, рослая, деловая, работавшая бухгалтером на спичечной фабрике, предложила...*

(5.109) [В. Шаламов, «Почерк» 1964]

Готовый ко всему, безразличный ко всему, Крист шел по узкой тропе.

Как представляется, (более чем регулярное) употребление местоимений / имен собственных свидетельствует о том, что составляющие, к которым относится АО, всегда возглавляются полной именной группой, а не вершинным именем.

5.3.1.5. Связывание рефлексивов

В составе распространенных групп прилагательных в АО возможно употребление рефлексивных местоимений. Это касается не только постпозитивных АО, но и АО с левым выдвиганием:

(5.110) [интернет]
Чехов, верный себе, не дает определенного решения, обращая внимание на индивидуализацию каждого отдельного случая.

(5.111) [интернет]
 а. Довольный своим успехом, Петр с восхищением смотрел на то, что доставило ему и этот успех...
 б. Гордый собой, он подошёл к клавишину и стал подбирать мелодию.

Так как рефлексивы грамматичны лишь в тех позициях, где ими си-командует антецедент, можно заключить, что и при левом выдвигании они исходно располагаются в пределах некоторой составляющей со своим антецедентом, который доминирует над ними и си-командует ими.

5.3.1.6. Поведение в контексте прямых и косвенных падежей

Вопреки утверждению [АГ-80-2], АО может относиться не только к подлежащему, но и к другим участникам в других падежах. Для прямого объекта без труда находятся примеры как с постпозицией, так и с левым выдвиганием:

(5.112) [СинТагРус]
И искали, и нашли там опять только себя, опустошенного, робкого и туманного, как Андромеда в бюстгальтере.

(5.113) [интернет]
Уставшего и озябшего, дядя Боря встретил меня со всей душевной теплотой...

Несколько сложнее обстоит дело с контекстами косвенных падежей. Если примеры постпозитивного употребления находятся без труда, то случаи левого выдвигания при поиске примеров не встретились. При конструировании левого выдвигания на основе примеров с постпозицией получаем следующее (для датива и инструменталиса):

(5.114)

[А. Дюма, «Исаак Лакедем»]

В это время умер Цезарь Август, который дал передышку всему миру, уставшему от побед, завоеваний, переворотов и всякого рода потрясений и нуждавшемуся в кратком отдыхе...

(5.115)

а. *Цезарь Август дал передышку миру, уставшему от побед.*

б. *??/*Уставшему от побед, Цезарь Август дал передышку миру.*

(5.116)

[СинТагРус]

Спамеры атакуют домашние компьютеры, многие из которых даже не снабжены базовой системой защиты firewall (способной обнаруживать любые вторжения).

(5.117)

а. *Компьютеры снабжены базовой системой защиты, способной обнаруживать любые вторжения.*

б. **Способной обнаруживать любые вторжения, компьютеры снабжены базовой системой защиты.*

Однозначно неграмматичным является выдвижение АО из состава вложенных именных и предложных групп:

(5.118)

[СинТагРус]

Папина борода была белее соли, глаза - ясной весны; тихий, скорый на светлые слезы, любитель карамелек, изюма, булочек с вареньем, ничем не был он похож на Лору, шумную, взволнованную, всю черно-золотую.

(5.119)

а. *Папа не был похож на Лору, шумную, взволнованную.*

б. **Шумную, взволнованную, папа не был похож на Лору.*

(5.120)

[СинТагРус]

Если канал будет – значит это все-таки удар линейной молнии, пусть необычной, но линейной.

(5.121)

а. *Это все-таки удар молнии, пусть необычной, но линейной.*

б. **Пусть необычной, но линейной, это все-таки удар молнии.*

Оставим для дальнейших исследований запрет на употребление АО в косвенных падежах. Ограничение на употребление левого выдвижения из вложенных именных и

предложных групп напоминает островные ограничения – например, невозможность пересечь при передвижении более одной границы именной или предложной группы:

(5.122)

a. *Петя разбил машину жены.*

b. *Чью Петя разбил машину?*

(5.122')

a. *Петя разбил машину жены друга.*

b. **Чью_i Петя разбил машину жены t_i?*

(5.123)

a. *Петя беспокоился о своих проблемах.*

b. *О чем беспокоился Петя?*

(5.123')

a. *Петя беспокоился о проблемах жены.*

b. **Кого_i / чьих_i беспокоился Петя о проблемах t_i?*

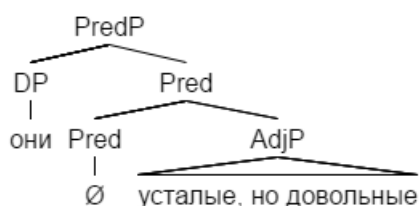
В (5.122-123) приведены примеры вопросительного выноса из составляющей с одним вложением, в (5.122'-123') – примеры вопросительного выноса из составляющей с двумя вложениями. При наличии второго вложения извлечение из именных / предложных групп становится неграмматичным.¹⁰⁰

5.3.1.7. Структура и процесс деривации АО

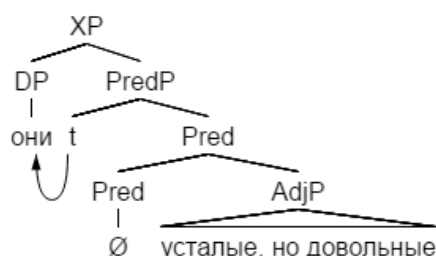
Перечислим вкратце основные установленные нами свойства АО: i) именная группа, к которой относятся АО является полной именной группой; ii) в изначальной конфигурации такая полная именная группа си-командует прилагательным / причастием; iii) АО подчиняются островным ограничениям на экстрапозицию.

Мы предполагаем, что постпозитивные АО представляют собой составляющие, проецируемые нулевой предикативной вершиной Pred, см. [Bowers 1993] и последовавшие за этой работы:

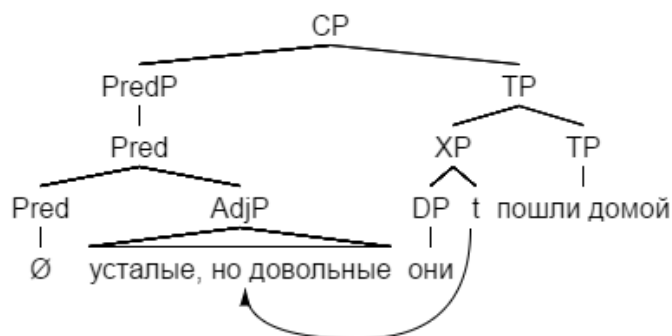
¹⁰⁰ Если исповедовать предлагавшийся некоторыми исследователями подход к косвенным (лексическим) падежам как предложным группам, запрет на левое выдвигание АО с косвенными падежами можно объяснить аналогично запрету на вложение.

(5.124) [PredP [DP *они*] [Pred [Pred \emptyset] [AdjP *усталые, но довольные*]]]

Вершина Pred при озвучивании данной структуры соответствует паузе. Левое выдвижение деривируется из постпозитивной составляющей с Pred в два этапа. Во-первых, подлежащее PredP передвигается в некоторую структуру выше:

(5.125) [XP [DP *они*] [PredP *t*_{они} [Pred [Pred \emptyset] [AdjP *усталые, но довольные*]]]]]

После этого Pred и ее атрибутивный комплемент передвигаются в позицию начала предложения:

(5.126) [CP [PredP [Pred [Pred \emptyset] [AdjP *усталые, но довольные*]]] [TP [XP [DP *они*] *t*] [TP *пошли домой*]]]

Находясь в фокусной позиции в левой CP-периферии, составляющая [PredP [Pred \emptyset] [AdjP *усталые, но довольные*]] получает соответствующее просодическое оформление – ударение на атрибутивной составляющей, единственном фонологически выраженном акцентоносителе, и следующую за ним паузу, свойственную фокусной позиции.

5.3.1.8. *Сочинение и предикативная функция прилагательных*

Наконец, можно заметить, еще одну закономерность. Предикативное употребление не позволяет употребление более чем одного прилагательного. Первые два примера ниже, взятые из реальных текстов, используют выраженные сочинительные средства и оказываются грамматичны, в то время как в отсутствие таких средств предикативное употребление становится невозможно:

(5.127)

[интернет]

Трое кандидатов были старые и мордастые...

Анкетирование показало: после ЕГЭ воронежские выпускники были усталые, но довольные.

(5.128)

**Трое кандидатов были старые мордастые...*

**После ЕГЭ воронежские выпускники были усталые довольные.*

Естественно, в составе именной группы подобного контраста не наблюдается, ср.: *трое старых (и) мордастых кандидатов, усталые (но) довольные выпускники* и т.д.

Как нам представляется, проблема здесь в том, что в составе именных групп прилагательные «наслаиваются» последовательной адьюнкцией (или имеют каждый свою структурную позицию – в данном случае это не принципиально). Предикативный контекст такого не позволяет – он допускает только лишь одиночное прилагательное. Поскольку сочинение нескольких элементов должно иметь ту же дистрибуцию, что и каждый из этих элементов, сочинение прилагательных в предикативной функции оказывается грамматичным.

5.3.1.9. *Итоги: обособление как особый тип предикативности*

На материале русского языка мы исследовали так называемые атрибутивные обособления, представленные как в русском, так и в некоторых других языках. Мы определили, что ключевым условием образования АО является наличие интонационного выделения на атрибуте и паузация на границах его составляющей. Как было показано, АО образуется как полупредикативная составляющая PredP, а пауза соответствует нулевой предикативной вершине Pred. При левом выдвигении происходит передвижение PredP в позицию фокуса.

5.3.2. Управление прилагательных

5.3.2.1. Лексический и конфигурационный подходы к управлению

Способы отображения синтаксического подчинения в современных теориях различны. При лексическом подходе, см. [Кибрик 1992а; Мельчук 1995: 235-270; Плунгян 2000: 161-182; Шаляпина 2007: 150-163], набор актантов и сирконстантов задается для каждой лексемы индивидуально как модель управления. Модель управления связана с семантикой лексемы и оттого схожие лексемы в рамках некоторого семантического класса склонны иметь похожие наборы участников и часто – схожее их выражение.

При конфигурационном подходе, наиболее ярко представленном современно версией порождающей грамматики, Минимализмом, за введение участников отвечают разные уровни проекции, которым соответствуют ассоциированные с ними актанты и адьюнкты. Так называемая Ларсонова структура, см. [Larson 1988] или Принцип Универсальности Присвоения Тета-Ролей, [УТАН, Uniformity of Theta-Assignment Hypothesis), [Baker 1988: 46] регулируют, какая именно проекция какой грамматической функции соответствует.

При конфигурационном подходе к структуре группы глагола подлежащий участник задается обычно максимальной проекцией (vP) глагольной группы VP. Остальные участники, если они присутствуют, распределяются соответственно: более активный адресат/реципиент (или подобные ему роли) расположены выше, чем прямой объект и кодируемый им пациенс, см., однако, [Bailyn 2010]. Важной особенностью конфигурационного подхода является «механическая» связь некоторого семантического участника и наличия определенной синтаксической проекции: если, например, отсутствует агентивная vP, то нет и агенса, а наиболее высокую позицию занимает пациенс – так получаются пассивные и неаккузативные структуры.

Нельзя, однако, не отметить, что у различных предикатов кодирование семантических участников организовано по-разному. У глаголов (почти) всегда есть участник-кандидат на роль подлежащего, реже – есть еще кандидат на роль прямого объекта и еще реже – участник, кодирующий адресат/реципиент. Конфигурационный подход, таким образом, хорошо описывает регулярные одно, двух и трех-местные глагольные диатезы, где подлежащему и прямому / косвенному объекту соответствуют элементы (обязательной) синтаксической структуры.

Один из случаев, когда конфигурационные модели начинают «пробуксовывать» – такие «экстравагантные» русские предикаты как *тошнить* – попытка примирить генеративную грамматику с такими глаголами, явно нарушающими УТАН, предпринята в [Babby 2009]. Другой класс случаев, где конфигурационный подход оказывается бесполезен, –

косвеннопадежные и предложно-падежные участники, оформление которых всегда связано с индивидуальными лексическими свойствами некоторого предиката.

Иное устройство демонстрирует, в частности, класс прилагательных. У прилагательных, как и в случае глаголов, всегда есть «носитель признака», условно тождественный подлежащему у глаголов – так называемая «обратная» или «контрвалентность», [Шаляпина 2007: 155]. Остальные участники прилагательных, однако, организованы иначе – у прилагательных не наблюдается ничего похожего на прямой объект – соответственно, нет и способности самостоятельно приписывать аккузатив. Из-за отсутствия аналога переходности нет залоговых преобразований.

Таким образом, у прилагательных есть кандидат на роль субъекта (такой же как у глаголов или нет – отдельный вопрос), в то время как остальные участники прилагательных не могут быть описаны в конфигурационных терминах. Как мы покажем ниже, разнообразие семантических участников и способов их оформления у прилагательных не оставляет сомнений в том, что их возможности задавать различные типы ситуаций с характерным набором участников вполне сопоставимы с таковыми у глаголов.

5.3.2.2. Семантические и синтаксические валентности прилагательных

Следующие примеры из английского, французского и багвалинского (нахско-дагестанская семья, аваро-андо-цезская ветвь) языков показывают сходство семантических участников прилагательных в разных языках мира:

(5.129)английский

[интернет]

a. Breathing in secondhand smoke is particularly harmful for children.

‘Пассивное курение особенно вредно для детей.’

b. ...segment B and segment A are equal in length...

‘отрезок А и отрезок В равны длиной’

b’. ...the length of segment a is equal to the length of segment b...

‘длина отрезка А равна длине отрезка В’

c. That bag was heavy for me.

‘Сумка была тяжела для меня.’

(5.130) французский [интернет]

a. Une température trop chaude est nuisible a la santé.
 Слишком высокая температура COP вредный для ART здоровье

‘Слишком высокая температура (воздуха) вредна для здоровья.’

b. ...la propriété publique et
 ART собственность общественная и
 la propriété privée sont égales en droit...
 ART собственность частная COP равный в право

‘общественная и частная собственность равноправны’

b'. ...les femmes sont égales en droit aux hommes ...
 ART женщины COP равный в право с мужчинами

‘женщины равны в правах с мужчинами’

c. Nous primes cette route, car elle était nouvelle pour nous.
 Мы выбрали эту дорогу, т.к. она была новый для нас

‘Мы выбрали эту дорогу, т.к. она была новой для нас.’

(5.131) багвалинский

a. o=j hakuj iła zarali ja=j ek' a
 этот=F женщина 1PL.INCL.DAT вредный=F COP

‘Эта женщина нам вредна.’

b. anwar=la patimati=la w=at'as ek' a
 Анвар=AND Патимат=AND М=другой COP

‘Анвар и Патимат разные.’

b'. anwar w=at'as ek' a patimat-i-č
 Анвар М=другой COP Патимат-OBL-CONT

‘Анвар другой, чем Патимат.’

c. di-ha ab miq' š'eralu=b ek' a
 я-DAT этот дорога узкая=N COP

‘Эта дорога для меня узкая.’

Приведенные примеры из трех языков вместе с их русским переводом демонстрируют сходство не только в отношении семантических участников, но и с точки зрения их оформления. Примеры (5.129-5.131.a) содержат прилагательное ‘вредный’, имеющее во всех языках малефактивную валентность. В примерах (5.129-5.131.b,b') приведены примеры так называемых симметричных предикатов. Опять-таки, способы кодирования участников весьма

схожи в разных языках – сочиненное (либо множественное) подлежащее, (5.129-5.131.b), или подлежащее и именная группа в косвенном падеже, (5.129-5.131.b'), см. также [Иомдин 1981]. Наконец, пример (5.129-5.131.c) демонстрирует универсальную способность прилагательных выражать субъект оценки, 'тяжелый, новый, узкий для кого-либо', который также достаточно последовательно в языках мира кодируется дативом (в русском языке есть синонимичное дативу выражение посредством *для* + GEN).

Прилагательные, чья способность задавать ситуации с богатым набором участников явно недооценена, обладают, тем не менее, регулярно повторяющимися моделями управления. Количество западных работ, посвященных моделям управления (аргументной структуре) прилагательных относительно невелико, см. [Stowell 1991; Bennis 2004; Landau 2006; Meltzer-Asscher 2011] и приведенные там ссылки. Семантические и синтаксические участники прилагательных становились объектом специального исследования и у отечественных лингвистов, см., например, [Вольф 1978; Булыгина, Шмелев 1997: 58-73; Кустова 2006; Lyashevskaya, Kashkin 2016]. У Ю.Д. Апресяна находим: «У параметрических прилагательных в сравнительной степени насчитывается от трех до четырех валентностей (последнее - в предположении, что валентность аспекта является семантически самостоятельной ...): у прилагательных типа *выше, ниже, толще, тоньше, горячее, холоднее, тяжелее, легче* и т.п., обозначающих специфическую величину, - субъектная, контрагента (что больше чего), количества (больше на два сантиметра, ...) и аспекта (больше по росту, ...). Первая (субъектная) валентность таких прилагательных (как, впрочем, и любых других) всегда невыразима – по той простой причине, что имя субъекта свойства, обычно – существительное, не подчиняется прилагательному, а подчиняет его», [Апресян 1995: 147].

Ю.Д. Апресян выделяет два типа управления: семантическое и синтаксическое, каждый из которых может быть как сильным, так и слабым: «Будем различать семантическое управление (наличие у слова семантических валентностей) и синтаксическое управление (возможности их реализации в тексте). И семантическое, и синтаксическое управление может быть обязательным (сильным), факультативным (слабым) и нулевым», [Апресян 1995: 155]. Согласно Апресяну, «[в]алентность *i* слова А называется синтаксически обязательной, если предложение, содержащее слово А с незамещенной *i*-ой валентностью, неправильно», [Апресян 1995: 149].

Прилагательные иногда обладают синтаксически обязательной валентностью, в качестве немногочисленных примеров можно привести русские лексемы *вхожий, расположенный* (к чему-либо), *склонный, присущий, чреватый, кратный, похожий*.

(5.132)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

а. ... осенью 1941-го вел дело Амалии Михайловны Берман, соседки Красногорова по лестничной площадке, вхожей в их дом.

а'. *вхожая соседка

б. Для меня Посещение - это прежде всего уникальное событие, чреватое возможностью перепрыгнуть сразу через несколько ступенек в процессе познания.

б'. *чреватое событие

с. ...не было ничего, кроме стола, за которым сидел, подперши подбородок кулаками, длинноволосый юнец, похожий кудрями и нежным длинным ликом на Александра Блока...

с.' *похожий юнец

Основная часть управляющих прилагательных, как представляется, обладает обязательной семантической и факультативной синтаксической валентностью. «Назовем *i*-ую валентность слова А синтаксически факультативной, если предложение, содержащее слово А с незамещенной *i*-ой валентностью, правильно», [Апресян 1995: 149]. Под это определение подходят, например, участники, вводимые прилагательными *полезный, достойный, интересный* и проч.:

(5.133)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

а. Читал я твой трактат – полезная книга, но глупая.

б. Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?

(5.134)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

а. Он был прав: уступить достойному противнику – это не позор.

б. ... благородно отступить перед противником, достойным победы...

(5.135)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

а. Вы дали мне массу интересного материала.

б. ...демонстрирует свое безразличие и даже презрение ко всем этим предметам, "не интересным его народу"...

Похожий анализ предлагается, например, в [Landau 2006] – участники ситуаций, задаваемых прилагательными, признаются синтаксическими адъюнктами. При таком подходе зависящие от прилагательных именные группы не заполняют синтаксических валентностей, но соответствуют определенным семантическим фреймам, связанным с теми или иными типами адъективных значений.

Ниже, после построения некоторой семантической классификации прилагательных, мы приведем список наиболее регулярных моделей управления русских прилагательных.

5.3.2.3. Семантические классы прилагательных

Различные подходы к семантической классификации прилагательных неоднократно предлагались как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, см. [Bolinger 1967; Givon 1970; Dixon 1977; Шрамм 1979; Харитончик 1990; Богуславская 2005; Кустова 2009; Карпова и др. 2010; Кюсева и др. 2013].

Одной из наиболее влиятельных работ, так или иначе затрагивающих вопросы семантической классификации прилагательных, является статья Ричарда Диксона [Dixon 1977], см. также [Dixon 1994, 2004]. Выделение семантических классов прилагательных проводилось как на основе свойств английских прилагательных, так и с учетом типологического материала.¹⁰¹ Диксоном было установлено 7 классов прилагательных с близкими семантическими и грамматическими свойствами:

(5.136) Семантические классы прилагательных по [Dixon 1977]

Размер (*большой, маленький, длинный, короткий, широкий, узкий,...*)

Физические свойства (*жесткий, мягкий, тяжелый, легкий,...*)

Цвет (*черный, белый, красный,...*)

Состояния человека (*ревнивый, счастливый, добрый, умный, веселый, жестокий,...*)

Время (*новый, молодой, старый,...*)

Оценка (*хороший, плохой, правильный, совершенный,...*)

Скорость (*быстрый, медленный,...*)

В работе Диксона рассматривается 17 (неродственных) языков с небольшим количеством адъективных лексем. На основании того, какие значения выражают прилагательные, выделяются наиболее «типологически востребованные» семантические классы. Иерархия подобной типологической актуальности адъективной семантики выглядит следующим образом (от более редких – к более частотным значениям):

¹⁰¹ О лексических классах и типологии прилагательных см. также [Гращенков, Лукин 2005; Гращенков 2008] и приведенные там ссылки.

(5.137) Семантические типы, наиболее часто получающее адъективное оформление, [Dixon 1977]

Скорость

Состояния человека

Физические свойства

Размер

Оценка = Цвет

Время

Под чертой находятся прилагательные, которые обладают особо сильной предрасположенностью к тому, чтобы быть выраженными в языке. Можно сказать, что сколь бы ни были малочисленны прилагательные в некотором языке, эти классы (хотя бы отчасти) будут выражаться прилагательными.

Другой важной работой, посвященной данной проблеме, является монография [Шрамм 1979]. Эта работа основана на анализе 10000 прилагательных, обладающих «...оттенками значений качественных прилагательных, а также ЛСВ (лексико-семантический вариант – П.Г.) с качественным значением, возникших на базе относительных прилагательных и причастий», [Шрамм 1979]. Качественные прилагательные разбиваются на эмпирийные и рациональные. Эмпирийные прилагательные задают признаки, которые воспринимаются органами чувств и осознаются человеком в результате «одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с эталоном (*красный, кривой, толстый, круглый*)» (там же). Рациональные прилагательные обозначают признаки, «формирующиеся на основе воспринятых органами чувств признаков, подвергнутых анализу (*умный, хороший, красивый, полезный,...*)», (там же).

Прилагательные делятся на типы в зависимости от соответствующего им органа восприятия:

(5.138) Классы прилагательных по [Шрамм 1979]

Эмпирийные

ЗРЕНИЕ (*черный, усатый, пологий,...*)

СЛУХ (*тихий, громкий, беззвучный,...*)

ОБОНЯНИЕ (*медвяный, чадный, затхлый,...*)

ВКУС (*сладкий, соленый, пресный,...*)

ОСЯЗАНИЕ (*жидкий, горячий, сухой, мягкий...*)

МЫШЕЧНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ (*легкий, крепкий, мягкий,...*)

НЕСКОЛЬКО ОРГАНОВ ОДНОВРЕМЕННО (*ясный, рыхлый, зрелый,...*)

Рациональные

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА (*сильный, умный, унылый, ...*)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЖИВОТНОГО (*породистый, одичалый, хищный, ...*)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕДМЕТОВ (*смешанный, устойчивый, застоялый, долгий, ...*)

ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА / ЖИВОТНОГО и ПРЕДМЕТОВ (*отличный, симпатичный, полезный, гадкий, красивый, ...*)

Такие семантические типы могут получать дальнейшее членение с участием признаков ‘относиться к неодушевленному предмету’ – ‘относиться к живому существу’, напр.: *неровная линия – исхудалый человек*, и т.д.

Далее автором вводится классификация на основании «собственных признаков предметов». Важный для прилагательных параметр – временной отрезок существования признака, с этой точки зрения прилагательные могут быть разделены на СТАТИЧЕСКИЕ (*жидкий, ...*) и ДИНАМИЧЕСКИЕ (*облысели, ...*)

Шрамм также выделяет типы значений прилагательных, «отображающих несобственные признаки предметов», или иначе класс ОЦЕНОЧНЫХ прилагательных. Выделяются такие значения как (НЕ)СООТВЕТСТВИЕ ОПРЕДЕЛЕННОМУ СТАНДАРТУ (*хороший, отличный, ...*), ОСНОВАННЫЙ НА ЧЕМ-ТО (*рационалистический, рассудочный, ...*), ПРИЧИНЯЮЩИЙ (*приятный, полезный, ...*), ВЫРАЖАЮЩИЙ НЕЧТО (*умный, унылый, ...*), МОДАЛЬНЫЕ значения (*возможный, допустимый, нужный, ...*) и т.д.

В статье [Харитончик 1990] рассматриваются примеры различных классификаций и делается вывод о множественности вариантов ad hoc классификаций и сложности построения универсальной классификации на каком-либо одном основании. Действительно, если мы хотим, чтобы семантическая классификация каким-либо образом отражала не только логическую структуру адъективного класса, но и представляла собой инструмент для описания их грамматических свойств, выделение классов должно быть более чувствительно к грамматическим свойствам лексем. Такой подход предлагается, например, в [Bollinger 1967], где прилагательные разделяются на предикативные и атрибутивные в зависимости от их поведения и интерпретации в том или ином контексте. Похожее разделение предлагается также в [Givón 1970], где выделяются глагольные (verb-based) и именные (noun-based) прилагательные, ср. также [Кустова 2006].

Мы попытаемся сгруппировать русские адъективные лексем, учитывая не только их семантику, но и грамматику, а именно – то, какое поверхностно-синтаксическое выражение

получают участники задаваемых ими ситуаций. Здесь мы приведем основные классы управляющих прилагательных, а затем подробнее опишем их участников.

Введение семантических классов, ориентированных не только на значение, но и на некоторое его грамматическое отражение, удобно и для решения теоретических проблем, и в прикладной лингвистике, ср. подход в духе Московской семантической школы, где, например, требование идентичности валентности есть условие синонимичности лексем и т.д., см [Апресян 1995]. Более того, возможность обращаться в ряде случаев к свойствам не индивидуальной лексемы, а целого класса единиц упрощает как теоретические описания, так и прикладные системы, см. [Шаляпина 2007: 239].

Сделаем еще два важных уточнения относительно принципов выделения классов прилагательных. Во-первых, предлагаемая здесь классификация не затрагивает адъективных классов МЕСТО (новгородский, речной,...), НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (немецкий, японский,...), МАТЕРИАЛ (каменный, золотой,...) и некоторых других, традиционно называемых относительными прилагательными. Эти значения в языках мира также зачастую связаны с группами лексем, выделяемых на основании как грамматических, так и семантических критериев. Мы, однако, оставим в стороне так называемые «относительные» прилагательные, из-за их слабой валентной способности (отличной, тем не менее, от нуля, ср.: кирпичное со стороны улицы ограждение).

Во-вторых, как это бывает с любой классификацией объектов реального мира, мы будем активно пользоваться понятием прототипа, см. [Rosch 1978]. Выделяемые классы прилагательных будут определяться относительно некоторых ядерных, прототипических членов класса. Такие ядерные обладают наибольшим количеством релевантных для всего класса свойств. Наряду с ними имеются и периферийные члены класса, у которых таких базовых свойств меньше.

Итак, вот список основных семантических классов прилагательных, которые мы полагаем релевантными для описания адъективного управления:

(5.139) Семантические классы русских прилагательных, принимающих зависимые

а. СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ

важный, второстепенный, гадкий, дорогой, жуткий, забавный, загадочный, заманчивый, занятный, заразительный, интересный, омерзительный, отвратительный, скучный, удачный, ...

б. ВРЕМЕННЫЕ

долгий, краткий, новый, старый

с. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ

ближний, близкий, далекий, дальний

d. ТОЖДЕСТВА

женатый, идентичный, одинаковый, параллельный, похожий, равный, различный, разный, схожий, тождественный, эквивалентный

e. ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ

агрессивный, безразличный, беспристрастный, благожелательный, вежливый, внимательный, враждебный, гостеприимный, грубый, доброжелательный, добрый, дружелюбный, заботливый, злой, милосердный, ...

f. БЕНЕФАКТИВНЫЕ

вредный, выгодный, опасный, полезный, удобный, ценный, чреватый

g. ИЗВЕСТНОСТИ

знакомый, знаменитый, известный, популярный, прославленный

h. ТИПИЧНОСТИ

обыкновенный, обычный, привычный, свойственный, специфический, типичный, характерный, ...

i. СОДЕРЖАНИЯ

богатый, бедный, полный, пустой

Ряд классов обладает небольшим количеством лексем, в некоторых случаях (прежде всего – СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ прилагательные, прилагательные ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ и ТИПИЧНОСТИ), приведенные нами примеры могут быть дополнены. Если выходить за рамки описания адъективного управления, можно добавить следующие важные (под)классы значений прилагательных:

(5.140) Семантические классы русских прилагательных, лишенных валентности

j. РАЗМЕР

длинный, короткий, высокий, низкий, широкий, узкий, глубокий, протяженный, ...

к. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

ЦВЕТ (*черный, красный, зеленый, ...*)

ОСЯЗАНИЕ (*жидкий, горячий, сухой, мягкий...*)

СЛУХ (*тихий, громкий, беззвучный,...*)

ОБОНЯНИЕ (*медвяный, чадный, затхлый,...*)

ВКУС (*сырой, сладкий, соленый, горький,...*)

ВЕС (*твердый, легкий, крепкий, мягкий,...*)

1. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

ревнивый, счастливый, добродушный, умный, веселый, угрюмый,...

Ниже мы обсудим семантическую организацию отдельных классов и характерные для них актанты, а также примеры семантических участников, сочетающихся с разными классами прилагательных.

5.3.2.4. Управление отдельных семантических классов

Примерами прилагательных, чьи участники в той или иной степени однозначно определяются семантическим классом, могут служить классы прилагательных ТОЖДЕСТВА и ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ, а также ПРОСТРАНСТВЕННЫХ прилагательных.

5.3.2.4.1. Участники класса ТОЖДЕСТВО

В случае класса ТОЖДЕСТВА имеется два участника, находящихся в некотором симметричном отношении друг к другу, см. [Иомдин 1981]. Адъективные лексемы данного класса относятся к разным онтологическим типам и могут вводить, например, как одушевленных (*Петя и Маша женаты*), так и неодушевленных участников (*Прямая и отрезок параллельны*). В [Вольф 1978: 38] такие лексемы также выделяются в одну группу: «Имеются, однако, квалификативные структуры, не ориентированные на общую оценку ни по качеству (“хорошо/плохо”), ни по количеству (“много/мало”). Так, в частности, большие серии составляют П, которые соотносят предмет или событие с другими предметами или событиями по признаку сходства или несходства, ср. исп. *igual* ‘равный’, *semejante* ‘похожий’, *identico* ‘идентичный’, *diferente* ‘другой, не похожий’, *distinto* ‘другой’ и т. п.»

Общим свойством лексем класса ТОЖДЕСТВА является их способность к оформлению обоих своих участников сочиненной именной группой, (5.141), или множественным числом, (5.142):

(5.141) [интернет]
Зачастую можно увидеть пару, в которой мужчина и женщина похожи друг на друга как брат и сестра.

Это родственники с разницей в возрасте более 200 лет, но они похожи как никто другой!

(5.142) [интернет]

...если нейтрино и антинейтрино тождественны, рождаются 2 электрона...

Все клетки организма тождественны по природе.

Прилагательные данного класса предизируют одинаковое отношение участников друг относительно друга: *X и Y (Z.Pl) находятся в отношении A* имеет значение ‘X (одна часть Z) находится в отношении A к Y и Y (другая часть Z) находится в отношении A к X (первой части Z)’. Наряду с таким способом кодирования возможно использование местоимения во множественном числе и комитативного предлога *c*: *Они с Петей похожи / женаты* и т.д. Для подобных семантических участников мы зарезервируем ярлык **контрагент**, см. подробнее ниже.

Альтернативный способ оформления – сохранять (атрибутивное или предикативное) согласование с одним из участников отношения тождества и задавать второго при помощи предложно-падежных или косвеннопадежных конструкций:

(5.143) [интернет]

Чехертма похожа на пресный куриный бульон.

(5.144) [интернет]

Этот процесс тождественен многократно ускоренной природной очистке воды под воздействием солнечного света и кислорода.

Предложно-падежное маркирование второго контрагента различно для разных прилагательных данного класса, однако демонстрирует некоторые регулярные паттерны – например, большая часть прилагательных данного класса присоединяет второго участника в дативе: *тождественный / эквивалентный / равный / параллельный кому или чему-либо* и т.д.

Возможность сочинительного и предложно-падежного способов оформления участников, или иначе – наличие «несоподчинимых валентностей», [Апресян 1995]¹⁰², представляет собой различные способы кодирования одних и тех же семантических ролей. Синтаксические свойства участников, выраженных при помощи сочинения, и предложно-падежных групп при этом различны. Например, сочиненные именные группы не допускают выноса одного из участников (Coordinate structure constraint), в то время как предложно-падежное кодирование не исключает такой возможности:

¹⁰² «Факультативные валентности называются, вслед за Л.Н. Иорданской (1961), соподчинимыми, если они могут быть реализованы одновременно (ср. глагол арендовать). Если это невозможно, то валентности несоподчинимы», [Апресян 1995: 61].

(5.145)

[интернет]

Кто и Петя женаты?На ком женат Петя?*

Поведение сочиненных участников прилагательных в целом схоже с таковым у реципрокальных глаголов типа *целоваться*.

Кроме описанных обязательных участников в классе прилагательных тождества возможно выражение **основания** – роли, уточняющей, на чем основано сходство, тождество и т.д.: *Клетки тождественны по природе; Люди равны в своих правах / своими правами / в отношении своих прав* и т.д., подробнее об этом речь пойдет ниже.

5.3.2.4.2. Участники класса ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ

Класс ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ соответствует так называемой «утилитарной оценке» по [Арутюнова 1988]. Прилагательные данного класса имеют обязательный **адресат**, который чаще всего оформляется предлогом *к* и дативом (среди немногочисленных вариантов оформления адресата – *злой на кого-то*):

(5.146)

[интернет]

*Комиссар был очень вежлив к нам и разместил нас в бывших бараках иностранцев на фабрике.**Она вспоминала, как внимательна и заботлива к ней и отцу была мать.**Будьте добры к родителям, и к вам будут добры ваши дети...*

5.3.2.4.3. Участники класса ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В семантическом классе ПРОСТРАНСТВЕННЫХ прилагательных присутствует участник, задающий **ориентир**, см. также [Кустова 2006]. В случае прилагательных *близкий, ближний* такой участник кодируется предлогом *к* и дативной именной группой; с прилагательными *дальний, далекий* ориентир кодируется предлогом *от* и именной группой в генитиве.

(5.147)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

*Вы тут далеки от источников информации, – он оглядел планетологов.**Эдик был близок к полной деморализации – появление Выбегаллы его доконало.*

Возможно также и обратное оформление ориентира: *ближний от чего-либо, дальний к чему-либо*. Группы с предлогами *от* и *к*, опять-таки, задают одного и того же семантического

участника и являются несоподчинимыми. В ряде случаев ориентир может быть не выражен и восстанавливается прагматически:

(5.148)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

Очень уж далекая планета.

Но директор "Джей-станции" не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами.

Прилагательные данного класса могут также употребляться с обстоятельствами, ср. *далекая сегодня планета, близкие в тот момент скалы* и т.д.

5.3.2.5. Семантические (гипер)роли и сирконстанты, употребляющиеся более чем с одним классом прилагательных

Ниже мы опишем случаи, когда один и тот же участник употребляется более чем с одним классом прилагательных. Мы также обсудим некоторые сирконстантные зависимые, характерные для прилагательных.

В связи с обсуждением семантических участников прилагательных, вероятно, может быть полезным понятие гиперроли. Будучи применен к построению типологии падежных стратегий, инструментарий гиперролей позволяет объединить различных семантических участников, получающих одинаковое кодирование, см. [Кибрик 1992в: 191-195]. В частности, близкая к исследуемой нами гиперроль связана с выражением адресата: «В качестве распространенной гиперроли такого рода можно выделить Адресат, объединяющий роли Экспериенцера, Реципиента и Цели и часто имеющий единый падежный показатель – датив», см. [Кибрик 1992в: 194].

Как мы покажем ниже, очевидно, можно говорить о следующих гиперролях: i) контрагента, объединяющего в нашем случае семантических участников классов ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ и ТОЖДЕСТВА; ii) о гиперроли Субъекта оценки, за которой стоят участники с близкими семантическими ролями экспериенцера, бенефактива и целевого стандарта; iii) о гиперроли основания или содержания.

5.3.2.5.1. КОНТРАГЕНТ

Роль контрагента, изначально предложенная Чарльзом Филмором, выглядит следующим образом в интерпретации Ю.Д. Апресяна «Мы будем называть контрагентом активного участника такой ситуации, в которой принимает участие еще и активный субъект, причем действия этих двух участников не совпадают: предикат описывает полностью только деятельность субъекта, но не деятельность контрагента. Так, в ситуации займа субъект

занимает деньги, а контрагент их одалживает; в ситуации защиты субъект защищается, а контрагент нападает и т. д.», [Апресян 1995: 127].

В использовании нами термина «контрагент» будет некоторая условность, т.к. участники прилагательных по своей природе никогда не являются агентивными. Термин «контрагент» применительно к адъективным валентностям будет употребляться нами потому, что в ряде случаев (классы ТОЖДЕСТВА и ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ) участниками некоторого прилагательного являются два – в той или иной степени активных, но принципиальных для данной ситуации объекта.

Итак, роль контрагента у прилагательных соответствует неагентивному участнику, наряду с которым присутствует некоторый «основной» актант.

Прилагательные ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ могут оформлять адресатную валентность посредством предлога *с* и именной группы в инструменталисе:

(5.149) [интернет]

Все сотрудники МКЖД будут одинаково вежливы с пассажирами.

Крайне внимательна и заботлива с детьми, склонна их опекать и защищать.

Цезарь серьезный и в то же время ласковый и добрый со своими хозяевами...

Перифраз, содержащий предложную группу в инструменталисе с предлогом *с*, допустим едва ли не для всех прилагательных данного класса. Такое управление возможно и для участников класса прилагательных ТОЖДЕСТВА:

(5.150) [интернет]

Демис Эштоном женаты уже 6 лет...

По природе своей философия как рациональное познание должна иметь одинаковый с наукой тип движения в истории...

Как представляется, и в случае адресата прилагательных ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ, и при кодировании второго участника прилагательных ТОЖДЕСТВА описываемое поверхностное маркирование соответствует роли контрагента.

5.3.2.5.2. СУБЪЕКТ ОЦЕНКИ / ЭКСПЕРИЕНЦЕР / БЕНЕФАКТИВ / ЦЕЛЕВОЙ СТАНДАРТ

Ядро класса прилагательных в значительной части состоит из оценочных лексем. Оценочные лексемы отличаются тем, что могут принимать модификаторы степени проявления признака (*очень, слишком, совсем, немного, несколько и т.д.*). Иногда такими модификаторами

выступают наречия от самих оценочных прилагательных (*жутко, страшно, удивительно,...*) Оценочными бывают не только прилагательные, но и глаголы (*уставать, радоваться,...*) или существительные (*негодяй, беда,...*) – они тоже сочетаются с перечисленными интенсификаторами (*очень радоваться, большая беда* и т.д.). Для прилагательных, тем не менее, эта функция представляется наиболее типичной: «Для П как класса слов характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике П оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания», [Вольф 1978: 8].

Вот как Е.М. Вольф описывает ситуацию оценки: «Типовая квалификативная структура включает четыре элемента: собственно квалификацию – само П, субъект квалификации, объект квалификации и основание квалификации», [Вольф 1978: 35].

В семантике вслед за Э. Сепиром, [Sapir 1949], принято связывать оценочные (скалярные, качественные) прилагательные с некоторым (конвенционализированным) уровнем проявления признака D, см., например, [Мельчук 1998: 117; Morzycki 2015]. Порождая примеры типа *высокая девушка*, говорящий подразумевает, что рост девушки достигает некоторого значения D, превышающего эталон.

В ситуации оценки, таким образом, всегда имплицитно присутствует субъект оценки, производящий сравнение задаваемой прилагательным ситуации с некоторым эталоном. Логический субъект оценки соответствует семантической роли экспериенцера. В русском языке основным средством поверхностного выражения экспериенцера является генитивная группа с предлогом *для*, ср. СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ прилагательные ниже:

(5.151)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

Говорун был в бешенстве и, как всегда, находясь в возбужденном состоянии, испускал сильный, неприятный для нелюбимого Федора запах дорогого коньяка «Курвуазье».

Как будто каждый раз, когда он уходит в рейс, на Земле остается какое-то необычайно важное дело, самое важное для людей...

Наряду с самим экспериенцером такое оформление может получать именная группа, с которой он связан посессивным (и некоторым онтологическим) отношением:

(5.152) [Из произведений А. и Б. Стругацких]

*... простенькие песенные мелодии, очень милые, вполне приемлемые для слуха землян...
Она испустила протяжный, неприятный для слуха визг и полоснула Харона ногтями по физиономии.
Все мало-мальски годные для обитания точки мы обследовали.*

Здесь, очевидно, имеет место метонимический перенос: ‘годный для X-а’ = ‘годный для обитания X-а’ и т.д., подобное наблюдается во всех случаях, где допустим данный участник.

Кроме СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫХ прилагательных субъект оценки / экспериенцер может употребляться с прилагательными других классов, связанными с ментальной операцией оценки, например, – ВРЕМЕННЫМИ, ТОЖДЕСТВА, ТИПИЧНОСТИ и т.д.

(5.153) [интернет]

*Как правильно перевести аквариумных рыб в новую для них воду?
Указать имя рабочей группы, идентичное для всех устройств в сети.
А как мелодично на своем родном языке звучит самый что ни на есть обыкновенный для нас помидор!*

Наконец, участник с ролью, поверхностно похожей на экспериенцер, но более близкой к **бенефактиву** имеется у всех прилагательных БЕНЕФАКТИВНОГО класса:

(5.154) [Из произведений А. и Б. Стругацких]

*Через давление, опасное для психики и даже для самой жизни.
Указанный N_819360 есть скрытый коммунист и безусловно, вредный для порядка человек.
... в его временном жилище я не найду ничего для себя полезного.*

Альтернативный способ кодирования субъекта оценки / экспериенцера / бенефактива – именная группа в дательном падеже:

(5.155) [интернет]

*Однако существуют и куда более ранимые люди, которым важен буквально каждый аспект общения с вами.
С самой лечебной смесью, не содержащую опасный нам фенилаланин ...
Слишком калорийная пища вредна не только детям, ...
Кому полезны пророщенные семена? Всем!*

В ряде случаев дативное кодирование представляется единственно возможным, так ведет себя, например, класс прилагательных ИЗВЕСТНОСТИ (ср.: ?? *известный* / ?? *знакомый для кого-либо*):

(5.156)

[интернет]

20 открыток о том, как появились известные всем слова.

...разноцветные мозаичные рисунки переплетаются в причудливые узоры, хорошо знакомые всем любителям искусства.

Обсуждаемая здесь гиперроль субъекта оценки / экспериенцера / бенефактива обладает еще одной интересной особенностью, проявляющейся на семантических классах, не обладающих способностью к управлению. Так, у прилагательных классов РАЗМЕР, ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА, ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА, которые обычно не имеют синтаксических участников, такие участники появляются при употреблении с ними интенсификатора (*слишком, очень, весьма* и т.д.):

(5.157)

?? *вход, узкий для коляски*

?? *высокая для ребенка температура*

?? *вода в ванной горячая для малыша*

?? *умный для старшеклассника юноша*

(5.158)

[интернет]

Вход в заведение слишком узкий для коляски.

Вызвать скорую, это очень высокая для ребенка температура...

Слышала (от врачей), что если водичка в ванной чересчур горячая для малыша, ...

Очень умный для старшеклассника Кэндзи Койсо пытается устранить вызванную его просвещенной глупостью проблему в глобальной сети.

Еще один контекст, при котором отсутствующая или маргинальная, например, при атрибутивных употреблениях роль становится (более) грамматичной – предикативное употребление в краткой форме [Арутюнова 1988: 240]:

(5.159)

[интернет]

Дверь осторожно приоткрылась, и лихорадочно-бледный маг еле протиснулся в открывшийся проем, словно тот был узок для него.

Эта температура высока для стабильного соединения оцинкованных сталей без повреждения покрытия.

Так же возмущилась и свекровь, что вода горяча для малыша...

Четырехъядерный процессор M8s Kodi Xbmc Amlogic S812 умен для Android.

Роль, которая вводится при помощи интенсификатора, задает типичную для данного прилагательного степень проявления признака, мы определим ее как **целевой стандарт**.

Влияние интенсификаторов на свойства зависимых прилагательных было хорошо исследовано для английского языка, см. [Nissenbaum, Schwarz 2010] и приведенные там ссылки. Первым, кто сделал подобное наблюдение для английского языка был Р. Джекендофф, см. [Jackendoff 1972], однако он, как и последующие исследователи английских прилагательных, больше говорил о зависимости (свойств) **целевых участников** (инфинитивов) от присутствия интенсификаторов:

(5.160)английский [Jackendoff 1972], цитируется по [Flickinger, Nerbonne 1992]

a. The mattress is thin.

‘Матрац тонкий.’

b. *The mattress is thin to sleep on.

‘*Матрац тонкий, чтобы спать на нем.’

c. The mattress is too thin to sleep on.

‘Матрац слишком тонкий, чтобы спать на нем.’

(5.161)английский [Jackendoff 1972], цитируется по [Flickinger, Nerbonne 1992]

a. The football is soft.

‘Мяч мягкий.’

b. *The football is soft to kick.

‘*Мяч мягкий, чтобы ударить.’

c. The football is soft enough to kick.

‘Мяч достаточно мягкий, чтобы ударить по нему.’

Как можно видеть по русским переводам, такая же зависимость целевых инфинитивов от интенсификаторов наблюдается и в русском языке.

Мы считаем, что оценочная структура, присутствующая в неуправляющих прилагательных на семантическом уровне, при введении интенсификаторов получает синтаксическое выражение. В терминах конфигурационного подхода наличие интенсификатора может свидетельствовать о существовании специальной функциональной проекции, адьюнктом которой является интенсификатор. Та же самая проекция ответственна и за введение комплемента с предлогом *для*.

Похожий эффект наблюдается в случае именной проекции – в ряде контекстов у некоторых существительных появляется адресатная валентность, см. [Grashchenkov, Markman 2010]:

(5.162)

[Grashchenkov, Markman 2010]

*Дима был мне другом.**Она была мне сестрой.*

Дативное управление или, альтернативно, предложная группа с *для* (*Он был для меня другом*) появляется лишь в определенном (предикативном) контексте, ср.: **Он обидел друга Диме* и т.д. Похожие участники – как целевой стандарт, так и целевой инфинитив – «наводятся» также и модификаторами в глагольной группе:

(5.163)

[интернет]

а. *Хорошо стреляешь для художника, прямо в сердце.*б. *Сегодня я слишком устал, чтобы продолжать путь...*

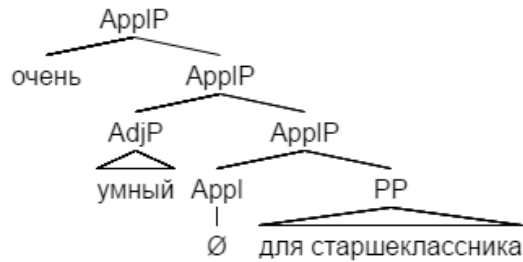
(5.164)

а. **Стреляешь для художника, прямо в сердце.*б. **Я устал, чтобы продолжать путь...*

Начиная с диссертации [Pylkkänen 2002] принято считать, что подобные участники вводятся в структуру специальной аппликативной проекцией, см. также применения данного подхода к русскому материалу в [Пшехотская 2012]. Как нам представляется, в случае стативных предикатов из-за отсутствия фазы, соответствующей каузативной и процессной фазе бенефактив переосмысливается как экспериенцер / целевой стандарт.

Мы будем считать, что аппликативная составляющая присутствует и в адъективной проекции и соответствует оценочной структуре. В этом случае вся проекция прилагательного находится в спецификаторе аппликативной проекции, целевой стандарт занимает позицию ее комплемента, а интенсификатор является адьюнктом ко всей составляющей:

(5.165) [_{AppIP} *очень* [_{AppIP} [_{AdjP} *умный*] [_{AppIP} [_{Appl} \emptyset] [_{PP} *для старшеклассника*]]]]

Такая конфигурация, т.е. расположение экспериенцера / целевого стандарта в позиции комплемента, а группы прилагательного – в спецификаторе, подтверждается двумя фактами. Во-первых, имеющиеся у прилагательных комплементы находятся ближе к нему, чем целевой участник (также занимающий позицию комплемента, но более высокой проекции):

(5.166)

[интернет]

Не обращай внимания на моего брата, он слишком [зол на мир], чтобы говорить с другими нормально!

Старый добрый Клуб Писателей оказался слишком [стар и слишком добр к себе], чтобы принять такие нововведения.

... в «Реале» слишком [довольны Навасом и Касильей], чтобы давать 50 миллионов за человека, который через год достанется бесплатно.

... этот проект слишком [дорог нам], чтобы бросать все на полпути.

В примерах выше проекции группы прилагательного с имеющимися у них лексическими зависимыми находятся выше в структуре, чем *чтобы*-инфинитивы, как мы предполагаем – в позиции спецификатора проекции AppIP.

Во-вторых, лексический комплемент прилагательного, даже если он выражен косвеннопадежной (а не предложной) группой, не *си-командует* *чтобы*-клаузой. Если *си-командование* имеет место, именная группа не может быть кореферентна подлежащему *чтобы*-клаузы, выраженному местоимением:

(5.167)

*Друг_i Пети_j приехал в гости, чтобы он*_{i,j} немного отдохнул.*

В данном примере местоименное подлежащее может относиться лишь к именной группе *Пети*, т.к. только эта именная группа не си-командует подлежащим *он*. В предложениях ниже подлежащее-прономинан финитной *чтобы*-клаузы может относиться к лексическому компоненту прилагательного:

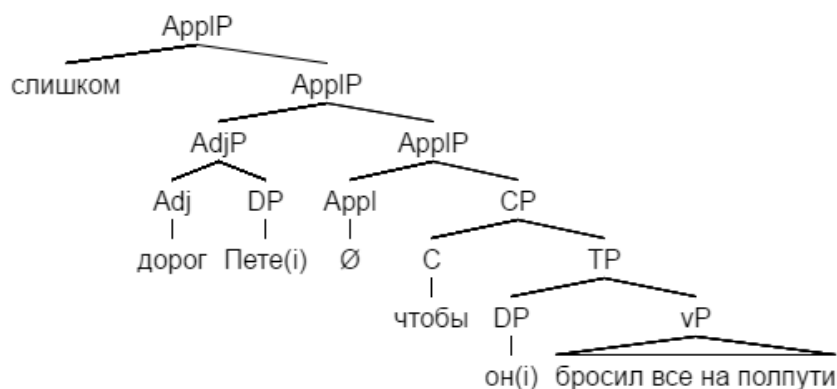
(5.168)

В «Реале» слишком довольны Навасом, чтобы он ушел в другой клуб.

... этот проект слишком дорог Пете, чтобы он бросил все на полпути.

Это говорит о том, что ни на каком отрезке деривации между дативным участником и зависимой *чтобы*-клаузой не отношения си-командования. Это соответствует предложенной нами выше структуре,¹⁰³ где группа прилагательного находится в спецификаторе аппликативной проекции, а экспериенцер / целевой стандарт – в компоненте:

(5.169) [_{AppIP} *слишком* [_{AppIP} [_{AdjP} [_{Adj} *дорог*] [_{DP} *Пете*]] [_{AppIP} [_{AppI} \emptyset] [_{CP} [_C *чтобы*] [_{TP} [_{DP} *он*] *бросил все на полпути*]]]]]]

...

В заключение обсуждения участника с предлогом для сделаем еще одно важное наблюдение об аргументной структуре прилагательных. Большинство (если не все) валентных прилагательных обязательно имеют краткую форму, ср.: *безразличен / беспристрастен / благожелателен к чему-либо; идентичен / одинаков с чем-либо; женат на ком-либо; интересен / омерзителен чем-либо* и т.д. Это обобщение регулярно нарушается участником с *для*:

¹⁰³ Хотя это, естественно, не единственная структура, удовлетворяющая данному условию.

(5.170)

[интернет]

В этом историческом для нас сезоне, когда вновь откроет двери Основная сцена Большого театра...

Это не был классический для нашего футбола случай подсиживания ассистентом...

В столь поздний для Питера час желающих совершить променад не наблюдается.

В минувшем сезоне, ставшем дебютным для красно-белых, они набрали 50 очков в 30 матчах.

У прилагательных с суффиксом *-ск*, как известно, краткой формы не бывает, то же самое можно сказать и про *поздний*, *дебютный* и некоторые другие лексемы, вполне допускающие управление предложной группой с *для*. Это так же свидетельствует о том, что источник управления в таких случаях – не лексическая структура адъективных единиц, а более универсальная проекция.

Подытоживая: экспериенциальный участник, соответствующий субъекту оценки в семантической структуре прилагательных, имеет универсальную природу.

5.3.2.5.3. ОСНОВАНИЕ / СОДЕРЖАНИЕ

Как утверждается в [Вольф 1978: 35], «[е]ще один элемент квалификативной структуры – “точка отсчета” (критерий или основание квалификации) может быть обозначен непосредственно в тексте, в том числе самой семантикой П, но может подразумеваться на основе имеющегося у говорящего субъективного представления о данной ситуации (при собственно оценке) или о “нормативном”, “усредненном” положении вещей.» Такой участник соответствует роли **основания** оценки или **содержания** характерен для прилагательных СОДЕРЖАНИЯ, СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНОГО и БЕНЕФАКТИВНОГО класса, а также для части прилагательных класса ТОЖДЕСТВА и, спорадически, для некоторых других. Один из способов выражения – именная группа в инструменталисе:

(5.171)

[интернет]

По сравнению с другими ягодами черника бедна витаминами, их даже в 20 раз больше в ее листьях, чем в плодах.

Книга, о которой пойдет речь, прежде всего интересна взглядом на современную русскую провинцию.

Хек полезен богатым набором витаминов, йода, ...

Изголовье кровати и диван, схожие своими плавными линиями, создают уютную расслабляющую атмосферу.

Альтернативно основание оценки может выражаться предложной группой с *по / в* и (факультативно) посессивным рефлексивом:

(5.172) [интернет]

Что бы и кто бы там не говорил, а Роналду гениален в своей игре!

Все клетки организма тождественны по природе.

...многообразный по составу и уникальный в своей совокупности материал по истории отечественной этнографии и антропологии...

(5.173) [Из произведений А. и Б. Стругацких]

Все-таки человек по своей природе неблагодарен и равнодушен...

Во всяком случае, если это и не ад, то нечто совершенно неотличимое по своим проявлениям.

Он изложил Бромбергу в высшей степени загадочную и чертовски соблазнительную в своей загадочности легенду...

5.3.2.5.4. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОГИ

Достаточно часто семантический участник прилагательных является синтаксически факультативным («слабым» в терминологии Апресяна) и не имеет фиксированного поверхностного средства выражения. В таких случаях часто употребляются сложные предлоги *в отношении кого-либо (в отношении к кому-либо), по отношению кого-либо (по отношению к кому-либо)*. В примерах ниже они вводят участник, семантически близкий к адресату:

(5.174) [интернет]

Засоленность земель вела к снижению урожаев и постепенной замене пшеницы на более выносливый в отношении соли ячмень.

(5.175) [Л.Н. Андреев, «Тьма»]

«Мерзость какая!» – подумал пристав, хотя в отношении чистоты был человек нетребовательный...

Отметим, что прилагательные *выносливый / нетребовательный* обладают способностью присоединять участника в дативе с предлогом *к*, на которого распространялось бы задаваемое ими свойство:

(5.176)

[интернет]

Искусственный материал – продукт технологичный и более выносливый ко всем природным воздействиям.

...их и так хорошо знают новички в Linux, которым важен нетребовательный к ресурсам дистрибутив.

Сложный предлог *в отношении* (к) может употребляться и с прилагательными, не имеющими валентности на предложную группу с к и дативом (ср.: **корректный* / **справедливый* / **беззаботный* / **правдивый* / **осторожный к чему-либо*):

(5.177)

[интернет]

...нужно не сбиваться и на восхваления, а также быть корректным в отношении соперников. Если нет, то шаг беспрецедентный и справедливый в отношении США.

Люди в нашей «несистемной оппозиции» очень беззаботны в отношении чужих жизней...

(5.178)

[интернет]

Он очень правдивый в отношении всего этого непоправимого пути...

(5.179)

[Из произведений А.В. Чаянова]

Несколько горячих голов... требовали, чтобы маэстро, столь осторожный в отношении своей славы...

У таких прилагательных, скорее всего, отсутствует семантический участник с адресатной ролью, а предлоги *в отношении* / *по отношению к* задают сирконстант с подобной семантикой. Необязательный участник подобных прилагательных, пусть и лишенных (адресатной) валентности на предлог к с дативом, может, тем не менее, задаваться сложным предлогом, содержащим к:

(5.180)

[Из произведений Л.Н. Толстого]

Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому.

(5.181)

[интернет]

Маленький, заботливый и осторожный в отношении к человеку, который ему важен и нужен.

Приведем также несколько примеров с предлогом *по отношению к*:

(5.182) [Из произведений А. и Б. Стругацких]
Дополнительным по отношению к этому закону является закон непрерывного воспроизводства разума.

– Извини, конечно, но это не совсем честно по отношению к другим.

(5.183) [А.И. Солженицын «Бодался телёнок с дубом»]
...моё письмо, такое грубое по отношению к священной классово́й борьбе...

Отметим, что сложный предлог *по отношению к* почти не встречается в форме без *к*, в тогда как *в отношении* употребляется в современном языке более часто, чем *в отношении к*. В русском языке предыдущих эпох, скорее всего, *в отношении к* было более частотно:

(5.184) [Д.В. Григорович, «Переселенцы»]
Надо думать, однакож, не все так беззаботны в отношении к добру своему...

(5.185) [В.Г. Белинский «Разделение поэзии на роды и виды»]
Эпическая поэзия есть по преимуществу поэзия объективная, внешняя, как в отношении к самой себе, так и к поэту и его читателю.

Оба предлога, скорее всего, проходят процесс грамматикализации, связанного с фонологической редукцией. Возможно, это будет сопровождаться изменением управления некоторых семантических классов прилагательных – задаваемые такими предлогами участники из факультативных станут обязательными.

5.3.2.5.5. СИРКОНСТАНТЫ

Еще одно подтверждение тому, что прилагательные могут самостоятельно задавать ситуации, их участников и условия их протекания, – способность прилагательных употребляться с обстоятельствами времени, (5.186), и места, (5.187), действия:

(5.186) [интернет]
Особенно неприятны морщины, появившиеся между бровей, они придают их обладателям постоянно недовольный и нахмуренный вид.

В результате пожара 1810 года были уничтожены значительная часть города и главный в то время храм – церковь Ильи Пророка...

...тихий городок, все так же, как столетие назад, лениво-пыльный в летние дни, грязный в осеннюю и весеннюю распутицу...

(5.187)

[интернет]

Тем временем в северную столицу для расследования необычного убийства прибывает Юрий Федра, известный в своем городе детектив.

Названа самая популярная среди туристов страна.

Вы не будете сталкиваться с такой проблемой, как пропеченный снаружи, но сырой внутри пирог.

Для прилагательных, обозначающих качества, временная соотнесенность в целом менее актуальна, чем для глаголов, см. [Булыгина, Шмелев 1997: 49-58]. Очевидно, что семантические классы также в той или иной степени определяют сочетаемость с сирконстантами. Так, эмоциональные состояния, описываемые классом ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА (постоянно недовольный), меняются со временем – как следствие, такие прилагательные часто сочетаются с обстоятельствами времени. То же характерно и прилагательным класса ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА (грязный в распутицу), для которых также релевантно место проявления признака (сырой внутри). Для прилагательных класса ИЗВЕСТНОСТИ также характерно указание «пространства», в котором распространяется знание об объекте, поэтому они регулярно употребляются с предложно-падежными группами, возглавляемыми предлогами *среди, в* и т.д. (*популярная среди туристов, известный в своем городе*).

5.3.2.6. Смена семантического класса за счет введения нового участника

При обсуждении сложных предлогов мы уже сталкивались с явлением, когда присоединение нового участника переводит прилагательное из одного семантического класса в другой. Добавление предложной группы *с в отношении* к прилагательным *корректный* (СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ) и *беззаботный* (ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА) ставит данные прилагательные в один ряд с такими адъективными лексемами, содержащими адресатную валентность, т.е. прилагательными класса ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ. Базовое лексическое значение *корректный* соответствует ‘верный, правильный’, а у *беззаботный* – ‘не обремененный заботой, переживаниями’. При добавлении предложной группы *с в отношении* значение *корректный* меняется на ‘справедливый по отношению к X’ (*корректный в отношении соперников*), а у *беззаботный* – на ‘безразличный к X’ (*беззаботны в отношении чужих жизней*).

Аналогичные примеры наблюдаются и в других классах. Так, при добавлении дативного экспериенцера к прилагательному *близкий*, последнее переходит в СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЙ класс:

(5.188)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

Он единственный близкий мне человек.

Похожая ситуация с прилагательным *дорогой*, которое уже на этапе древнерусского языка наряду со значением ‘стоящий дорого’ имело значение ‘тот, которым дорожат, который любят’, см. [Срезневский 1893: 720]. Приобретение такого нового значения обязательно сопровождается (а точнее – имплицитно) появлением факультативного семантического участника с ролью экспериенцера (*дорог кому*).

5.3.2.7. Лексические валентности и семантика прилагательных – результаты

Приведем сводную таблицу участников различных семантических классов прилагательных и их кодирования:

Таблица 5.1. Семантические роли прилагательных

Класс / пример	Семантическая роль	Поверхностное кодирование
а. СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ		
	<u>субъект оценки</u>	для + Gen
<u>пример:</u>	<i>спор, безнадежный для противника</i>	
	<u>субъект оценки</u>	Dat
<u>пример:</u>	<i>люди, которым важен каждый аспект</i>	
б. ВРЕМЕННЫЕ		
	<u>субъект оценки</u>	для + Gen
<u>пример:</u>	<i>новая для аквариумных рыб вода</i>	
с. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ		
	<u>ориентир</u>	от + Gen
<u>пример:</u>	<i>далеки от источников информации</i>	
	<u>ориентир</u>	к + Dat
<u>пример:</u>	<i>близок к полной деморализации</i>	
д. ТОЖДЕСТВА		
	<u>контрагент</u>	Nom.Pl

<u>пример:</u>	<i>они похожи как никто другой</i>	
	<u>контрагент</u>	DP & DP
<u>пример:</u>	<i>мужчина и женщина <u>похожи друг на друга</u></i>	
	<u>контрагент</u>	Comitative
<u>пример:</u>	<i>Деми с Эштоном женаты уже 6 лет</i>	
	<u>контрагент</u>	Oblique
<u>пример:</u>	<i>чехертма похожа на пресный куриный бульон</i>	
е. ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ		
	<u>адресат</u>	к + Dat
<u>пример:</u>	<i>комиссар был очень вежлив к нам</i>	
	<u>адресат</u>	Comitative
<u>пример:</u>	<i>сотрудники МКЖД будут одинаково вежливы с пассажирами</i>	
	<u>адресат</u>	Comitative
<u>пример:</u>	<i>сотрудники МКЖД будут одинаково вежливы с пассажирами</i>	
f. БЕНЕФАКТИВНЫЕ		
	<u>бенефактив</u>	для + Gen
<u>пример:</u>	<i>я не найду ничего для себя полезного</i>	
	<u>бенефактив</u>	Dat
<u>пример:</u>	<i><u>Кому полезны</u> пророщенные семена?</i>	
g. ИЗВЕСТНОСТИ		
	<u>бенефактив</u>	Dat
<u>пример:</u>	<i>известные всем слова</i>	
h. ТИПИЧНОСТИ		
	<u>субъект оценки</u>	для + Gen
<u>пример:</u>	<i>самое важное для людей</i>	
i. СОДЕРЖАНИЯ		
	<u>содержание</u>	Ins
<u>пример:</u>	<i>черника бедна витаминами</i>	
k. РАЗМЕР		
	<u>целевой стандарт</u>	Intens ... для + Gen
<u>пример:</u>	<i>очень высокая для ребенка температура</i>	
	<u>целевой стандарт</u>	Intens ... для + Gen

<u>пример:</u>	<i>вход, слишком узкий для коляски</i>	
I. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА		
	<u>целевой стандарт</u>	Intens ... для + Gen
<u>пример:</u>	<i>вода в ванной чересчур горячая для малыша</i>	
m. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА		
	<u>целевой стандарт</u>	Intens ... для + Gen
<u>пример:</u>	<i>очень умный для старшеклассника ученик</i>	
ЛЮБОЙ	ОЦЕНОЧНЫЙ	КЛАСС
	<u>целевой стандарт</u>	Intens ... для + Gen
<u>пример:</u>	<i>быстрый пилот, порой даже чересчур быстрый для своего автомобиля</i>	
ЛЮБОЙ	ОЦЕНОЧНЫЙ	КЛАСС
	<u>цель</u>	Intens ... чтобы + Inf
<u>пример:</u>	<i>слишком зол, чтобы говорить с другими нормально</i>	
РАЗЛИЧНЫЕ	КЛАССЫ	
	<u>обстоятельство времени</u>	Adv, PP
<u>пример:</u>	<i>постоянно недовольный и нахмуренный вид</i>	
РАЗЛИЧНЫЕ	КЛАССЫ	
	<u>обстоятельство места</u>	Adv, PP
<u>пример:</u>	<i>известный в своем городе детектив</i>	
РАЗЛИЧНЫЕ	КЛАССЫ	
	<u>адресат</u> и т.п.	<i>в отношении / по отношению к</i> + DP
<u>пример:</u>	<i>правдивый в отношении к себе самому</i>	

Подводя итоги обсуждению проблемы семантических участников и способу их выражения, скажем следующее. Во-первых, как мы постарались показать, семантика (точнее – принадлежность к некоторому семантическому классу) прилагательного определяет набор его участников и способов их выражения. Во-вторых – существуют участники, характерные для прилагательных как класса стативных предикатов в целом, в первую очередь – экспериенцер (и, возможно, некоторые другие). В-третьих, прилагательным, как и глагольным предикатам, свойственно выражение сирконстантов.

Несмотря на то, что отдельные прилагательные зачастую выбиваются из стройных семантических классов, имеющих похожее управление (ср., например, идиосинкретичность дативного участника и т.п.), в целом можно сказать, что возможность предсказания

семантических ролей прилагательного определяется скорее его семантикой, чем синтаксической структурой составляющей, в которую оно входит. Исключение составляет роль экспериенцера, универсально задаваемая аппликативной проекцией.

5.3.3. Аргументная структура русских прилагательных

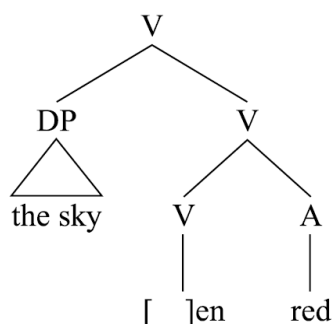
5.3.3.1. Подходы к аргументной структуре прилагательных

Ниже мы обсудим проблему аргументной структуры прилагательного. Более всего нас будут интересовать следующие вопросы: i) можно ли зависимые прилагательных считать такими же аргументами, как и глагольные зависимые, а именно, – ii) насколько можно предполагать наличие у прилагательных собственной синтаксической структуры, ответственной за вставление аргументов и, главное iii) есть ли у прилагательных собственное «подлежащее» – выделенная проекция в структуре адъективной группы, обладающая отличными от прочих составляющих свойствами.

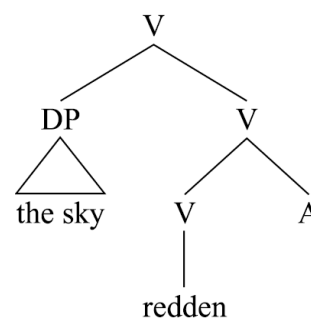
Последний вопрос поднимался в формальной литературе чаще всего имплицитно. Ряд авторов, см. [Jackendoff 1977; Stowell 1991; Bernstein 1993; Bernstein 1995; Bennis 2004; Landau 2006] склонны отвечать на этот вопрос положительно, однако специально проблема структуры адъективной проекции и способности прилагательных проецировать собственные (подлежащие) аргументы поднималась нечасто.

В явной форме такая проблема ставится в работах [Hale, Keyser 2002; Baker 2003]. Кеннет Хейл и Самуэл Кейзер, одни из основателей теории лексической декомпозиции, предложили компромиссный вариант решения вопроса о том, есть ли спецификатор в структуре группы прилагательного. По их мнению, подобного собственного «подлежащего» у прилагательных, в отличие от глаголов, нет. В то же время прилагательные могут быть частью предиката в структуре глагола, в то время как глагол как раз обладает способностью к проекции спецификатора:

(5.189)

[Hale, Keyser 2002: 48]

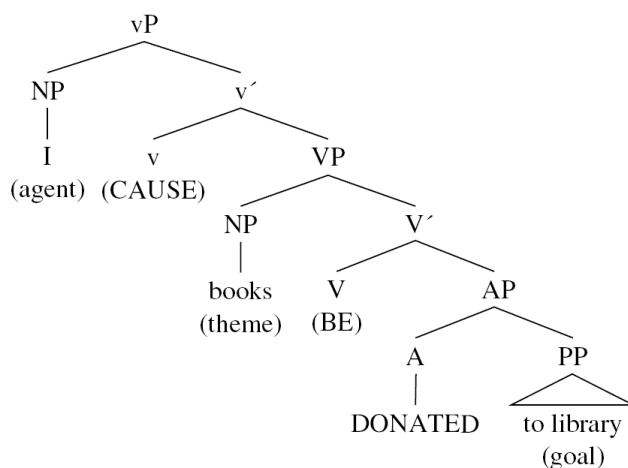

Как мы видим на структурах из [Hale, Keyser 2002: 48], вершина прилагательного формирует «содержательную» часть глагольного предиката, предоставляющего прилагательному собственный спецификатор.

Похожие идеи высказывались и Марком Бейкером. Бейкер ставит вопрос о том, что, например, в случае переходных глаголов на двух семантических участников (агенса, пациенс) приходится лишь одна позиция спецификатора, [Baker 2003: 83]. Следовательно, рассуждает Бейкер, глаголы, располагающие тематическим аргументом (=пациенсом), всегда имеют в своей структуре абстрактное прилагательное, ответственное за приписывание пациенсу результирующего состояния. Группа прилагательного включается в глагольную проекцию следующим образом:

(5.190)

[Baker 2003: 81]

Отметим, что подобное наблюдение прекрасно перекликается с таким типологически распространенным феноменом как сложные предикаты (см. иранские, нахско-дагестанские и другие языки). Прилагательные по Бейкеру, однако, также неспособны иметь свой спецификатор. Согласно Бейкеру, это их отличительная черта как лексической категории: чтобы выступать в роли предиката, прилагательные прибегают к помощи «синтаксических предикатов» – см., например, абстрактную вершину-связку BE в структуре выше.

Мы также коснемся проблемы предикативной и атрибутивной функции прилагательных и, в частности, синтаксической структуры полных и кратких форм прилагательных в русском языке (далее именуемых ПФ и КФ), см. [Babby 1973; Matushansky 2000; Bailyn 1994; Pereltsvaig 2001] и др. Предлагаемый ниже анализ несколько отходит от того, что был намечен в [Grashchenkov, Grashchenkova 2007], см. краткое изложение в [Гращенкова 2008], хотя в некоторых положениях и базируется на этой работе. Ключевым наблюдением для нас будет запрет на употребление ПФ прилагательных с компонентами в предикативной позиции. Основываясь на идеях, представленных в работах [Babby 1973; Babby 1975; Jackendoff 1977;

Cinque 1990; Bernstein 1995; Bennis 1999; Bennis 2000], мы предложим многоуровневый анализ группы прилагательного. Как мы покажем, прилагательные могут проецировать развернутую внутреннюю структуру, деривационно связанную с краткой формой прилагательного. Мы полагаем, что внешняя вершина Adj является функциональной и отвечает за согласование по числу, роду и падежу. Как мы покажем, вершины категории а играют ключевую роль в присоединении аргументов, проецируют собственный спецификатор, не приписывают структурный падеж и допускают возможность событийной интерпретации.

5.3.3.2. Прилагательные в предикативной функции

Первые работы, в которых подробно исследовались различия в поведении прилагательных в атрибутивной и предикативной позиции, относятся к 60-м годам 20-го века. Одним из первых проблему детального разделения предикативного и атрибутивного употребления прилагательных и связанную с ней в русском языке проблему употребления полной и краткой форм поднял А.В. Исаченко, см. [Исаченко 1963]. Отмечая сложность верификации таких утверждений как бóльшая или меньшая соотнесенность со временем и поставив задачу найти синтаксическое, а не семантическое обоснование тем или иным свойствам прилагательных, Исаченко приходит в выводу о том, что полные формы получаются в результате трансформации структур с краткими: «... мы считаем форму *здоровый* в схеме *Этот здоровый мальчик* и форму *здоров* в схеме *Этот мальчик здоров* формами имен прилагательных. Обе формы эквивалентны друг другу, одна является трансформом другой», [Исаченко 1963: 80]. Подобный подход будет впоследствии развит в работах Л. Бэбби. «Загадку» существования предикативной полной формы Исаченко решает следующим образом: именные предикации *Этот мальчик здоровый* сводятся к последовательным трансформациям структур *Этот мальчик здоров* и *Мальчик COP¹⁰⁴ мальчик*. Разницу между предложениями *Китайский язык очень труден* и *Китайский язык очень трудный* Исаченко видит в том, что полная форма прилагательного всегда соответствует «субстантивированному» (в широком смысле, т.е. «именному») употреблению прилагательного. Таким образом, *Китайский язык очень трудный* фактически восходит к структуре *Китайский язык очень трудный (язык)*, см. [Исаченко 1963: 80-85]. Этот подход также будет развит в последующих работах по формальному синтаксису русских прилагательных, о чем речь пойдет немного ниже, см. также [Зализняк 2002б: 88-90].

В другой классической работе, [Bolinger 1967], проводится разделение прилагательных в зависимости от того, насколько они способны употребляться в предикативной позиции. Исследуя английские прилагательные, Д. Болинджер выделяет класс так называемых

¹⁰⁴ Copula, связка.

а-прилагательных,¹⁰⁵ которые могут употребляться лишь предикативно: *afraid, alike, alive, aware* и т.д. Болинджер также стремится показать, что прилагательные в функции атрибута склонны передавать постоянные свойства, в то время как предикативные прилагательные – состояния, меняющиеся со временем. Это свойство может характеризовать различия в семантике атрибутивных и предикативных прилагательных, например, *a criminal lawyer* соответствует значению ‘юрист, занимающийся уголовным правом’, в то время как предикация *The lawyer is criminal* имеет значения ‘Этот юрист – преступный (ведет преступную деятельность)’.

Как известно, русский язык располагает двумя формами прилагательных, так называемой полной и краткой. Дистрибуция ПФ и КФ прилагательных ассиметрична. В то время как ПФ прилагательных может появляться как в атрибутивной, так и в предикативной позиции, КФ может употребляться только предикативно:

(5.191)

[Исаченко 1963: 80-85]

- a. *здоровый мальчик*
- b. *Мальчик (был) красивый.*
- c. **красив мальчик*
- d. *Мальчик (был) красив.*

Примеры выше демонстрируют хорошо известный факт – единственный синтаксический контекст, доступный для КФ прилагательных, – первичная предикация. Мы уйдем здесь от обсуждения употребления КФ прилагательных в качестве компонента глаголов *стать* и *сделаться* – как представляется, в современном русском контекст вторичной предикации с этими глаголами является единственным исключением из указанного наблюдения.

В то же время ПФ прилагательных, по крайней мере, на первый взгляд, не ограничены атрибутивным контекстом, а могут быть и предикативны. Предыдущие исследования проблемы предикативных прилагательных в многом были сосредоточены на способах объяснения асимметрии дистрибуции краткой и полной форм. Из того, что у КФ отсутствует атрибутивное употребление, иногда делался вывод о том, что подобная асимметрия является не более чем поверхностным выражением глубинной симметрии. Согласно такому анализу, ПФ прилагательных в русском языке всегда являются атрибутивными и в предикативном

¹⁰⁵ Многие – если не все – удивительным образом начинаются с гласного *a*.

употреблении связаны с присутствием именной проекции.¹⁰⁶ Впервые предложенный в [Исаченко 1963], и развитый в [Babby 1975; Siegel 1976; Pereltsvaig 2007a] и других работах, такой подход к предикативным ПФ стал общепринятым в формальной русистике. В упомянутых работах Бэбби, Зигель, Перельцвайг, равно как и в исследованиях некоторых других ученых, ПФ прилагательных в предикативном употреблении считаются атрибутивными прилагательными со скрытым именным элементом.

Один аргументов в пользу такого анализа, см. [Siegel 1976; Bailyn 1992; Matushansky 2006b] и др., связан с разницей в интерпретации следующих пар предложений:

(5.192)

[Siegel 1976: 297]

a. *Студентка умна.*

КФ, абсолютная интерпретация

b. *Студентка умная.*

ПФ, относительная интерпретация

Относительная интерпретация (5.b) при таком подходе возникает в связи с наличием свободной переменной Δ ('Студентка умная Δ '), областью изменения которой является множество нарицательных существительных. Такая свободная переменная может соответствовать некоторой нулевой вершине и связываться подлежащим.

Семантический анализ Зигель и более современные синтаксические подходы, предложенные, например, в [Bailyn 1992; Matushansky 2006b; Pereltsvaig 2007a] отличаются множеством деталей, несущественных для дальнейшего изложения. Важным представляется тот факт, что все они основываются на допущении об атрибутивной природе ПФ прилагательных в предикативной позиции. Однако такое допущение, как кажется, усложняется следующими наблюдениями. Во-первых, ПФ прилагательных в предикативной позиции не сохраняют идиоматическую интерпретацию, наблюдаемую в атрибутивной позиции:

(5.193)

a. *золотая рыбка*

(внешний признак, персонаж сказки)

b. *Рыбка (была) золотая.*

(только про цвет)

¹⁰⁶ Зигель пишет: «Теперь мы можем утверждать, что полные формы на самом деле образуются только в приименной позиции, а краткие формы – только в предикативной позиции» («We can now say that long forms are actually generated only prenominally and short forms only in predicate position»), см. [Siegel 1976].

(5.194)

а. *медные трубы*

(библейская метафора, 'материал')

б. *Трубы (были) медные.*

(только в значении материала)

(5.195)

а. *китайская грамота*

('нечто сложное и непонятное')

б. *Грамота (была) китайская.*

(только в значении прилагательного национальности)

Во-вторых, факты, связанные с формированием «цепочки» прилагательных, демонстрируют еще один контраст между предикативными и атрибутивными ПФ прилагательных: предикативная позиция, в отличие от атрибутивной, невозможна при нейтральной интонации:

(5.196)

а. *широкое синее море*б. **Море (было) широкое синее.*

(5.197)

а. *высокий каменный дом*б. **Дом (был) высокий каменный.*

Устранить такую неграмматичность можно только с помощью дополнительного просодического выделения – падающего тона на первом прилагательном «цепочки» и следующей за ним паузы, которые свидетельствуют о структуре с бессоюзным сочинением, а не с единой именной группой:

(5.198)

б.?' *Море (было) широкое <спад тона, пауза> синее.*

(5.199)

б.?' *Дом (был) высокий <спад тона, пауза> каменный.*

Наконец, наиболее значимое для дальнейшего обсуждения замечание: гипотеза нулевого именной структуры, лежащей в основе предикативной ПФ не в состоянии объяснить

дистрибуции прилагательных с зависимыми. Ключевым для нас наблюдением будет следующее: ПФ прилагательных не могут присоединять комплементы в предикативной позиции.

Ниже мы приводим примеры, которые исходно содержали атрибутивную ПФ, после чего были преобразованы в предикативную ПФ с зависимым и предикативную КФ с зависимым. Как можно видеть, лишь последний вариант представляется грамматичным:

(5.200) [интернет]
Квалифицированный гипнотизер рано или поздно сможет ввести в гипноз почти любого согласного на это человека.

(5.200')
 *Человек был согласный на это.

(5.200")
 Человек был согласен на это.

(5.201) [интернет]
В большинстве развитых стран женатый на иностранке мужчина для официального воссоединения со своей «половинкой» должен доказать, что способен обеспечить жену...

(5.201')
 *Мужчина был женатый на иностранке.

(5.201")
 Мужчина был женат на иностранке.

(5.202) [интернет]
Интересная болельщикам «Стали» новость пришла из Хорватии.

(5.202')
 *Новость была интересная болельщикам.

(5.202")
 Новость была интересна болельщикам.

Подобные факты противоречат принятому большинством исследователей подходу к атрибутивной ПФ как образованной в результате «сворачивания» некоторой именной группы, в состав которой она входила.

Вопреки предлагавшемуся в прежних версиях работы анализу, см. [Grashchenkov, Grashchenkova 2007], здесь мы не собираемся отступать от общепринятой точки зрения на

структуру предикативных ПФ. Как нам кажется, первый из упомянутых фактов (тот, что связан с идиомами) может быть объяснен в рамках данного подхода, другие же два – невозможность предикативной цепочки прилагательных и неграмматичность предикативных ПФ с комплементом – будут рассмотрены нами ниже.

Деидиоматизация, на наш взгляд, объясняется тем, что в вершине именных структур с предикативной ПФ не находятся удаленные копии тех же существительных, что становятся подлежащими, как это можно было бы предположить. Мы, таким образом, считаем, что структуры, стоящие за (идиоматизированными) предикативными ПФ не сводятся к следующим: *Рыбка (была) золотая ~~рыбка~~*; *Трубы (были) медные ~~трубы~~*; *Грамота (была) китайская ~~грамота~~*. Мы считаем, что упоминаемое многими исследователями классифицирующее значение предикативных полных форм связано с наличием некоторой нулевой вершины с отвлеченным значением ('объект', 'вещь', 'единица', 'штука' и т.д.) Разрушение идиомы происходит именно поэтому – вместо значения 'золотая рыбка' мы получаем 'Рыбка – золотая (вещь/единица/...)'.

Далее мы более подробно рассмотрим некоторые свойства русских прилагательных, присоединяющих аргументы. Мы также кратко изложим основные варианты анализа структуры группы прилагательного, предложенные предыдущими исследователями. После этого мы предложим подробный анализ деривации КФ и ПФ прилагательных в различном синтаксическом окружении. Наконец, мы предоставим некоторые дополнительные аргументы в пользу выдвигаемого анализа, связанные с интерпретацией, невыраженными участниками и отадъективными существительными, после чего подведем итоги предпринятого исследования.

5.3.3.3. *Прилагательные с зависимыми в различных контекстах*

Мы установили, что ПФ прилагательных с зависимыми грамматичны в атрибутивной позиции и недопустимы в предикативной – в отличие от КФ. Рассмотрим другие имеющиеся у прилагательных синтаксические позиции. Мы будем использовать все те же три прилагательных, любой желающий может поменять лексическое наполнение примеров – существенных изменений, как нам представляется, не будет.

Инструментальная форма присвязочного комплемента прилагательных также обладает сниженной грамматичностью, однако все-таки иногда встречается:

(5.203)

[интернет]

...до этого владимиры были согласными на насилие, а сейчас вот откажутся...

(5.204) [интернет]

? Лексус был женатым на какой-то стерве, которую совсем не любит...

(5.205) [интернет]

?? Музей был интересным своим содержанием.

Обособленные прилагательные представляются абсолютно грамматичными при участии зависимых, как в начале предложения, так и в постпозиции к имени:

(5.206) [интернет]

Согласный на любую форму заработка, он, в конце концов, принимает все требования...

(5.207) [интернет]

Женатый на принцессе Екатерине Арагонской, он через 20 лет супружеской жизни вспомнил, что жена его раньше была замужем за покойным братом...

Однажды к Ахматовой приехал славист-англичанин, женатый на русской из первой эмиграции.

(5.208) [интернет]

Но вот проблема: где найти место, интересное каждому из вас?

Депиктивные вторичные предикаты-прилагательные также возможны с зависимыми, приведем ниже вариант с падежным согласованием:

(5.209) [интернет]

Цогоев приблизился к Будтову, который уже благополучно перестал воздействовать на бытие и стоял, потерянный и согласный на все.

(5.210) [интернет]

...уехал наш Соцкий в свой Овруч нормальный, а приехал женатый на своей Гене...

(5.211) [интернет]

Но поездка в Петербург показалась интересной всем: и первокурсникам, и старшеклассникам, и преподавателям.

Можно сформулировать следующие вопросы: i) почему номинативные прилагательные ПФ с комплементами запрещены в предикативной позиции и ii) что позволяет образовывать такие конструкции с прилагательными в других синтаксических позициях?

5.3.3.4. Структура адъективной группы в русском языке

Прежде чем предложить анализ, который ответит на поставленные нами вопросы, мы кратко опишем предыдущие подходы к структуре группы прилагательного.

5.3.3.4.1. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К СТРУКТУРЕ АДЪЕКТИВНОЙ ГРУППЫ

Возможны следующие подходы к структуре именных групп с атрибутивными прилагательными. Во-первых, прилагательные могут быть адъюнктами в структуре именной группы, см. [Jackendoff 1977; Valois 1991]. Во-вторых, согласно подходу, принятому в так называемой картографической парадигме, прилагательные в структуре именной группы могут рассматриваться как элементы функциональной структуры, см. [Cinque 1993; Cinque 1994] и последовавшие за этим работы, прежде всего – [Cinque 2010]. В этом случае прилагательные оказываются иерархически упорядочены и берут комплементом именную группу, возглавляемую существительным. Наконец, третья возможность – считать группу прилагательного восходящей к (свернутому) относительному предложению. На материале русского языка эту идею развивал Леонард Бэбби, см. [Babby 1973; Babby 1975; Бэбби 1985]. Согласно подходу Бэбби, краткая форма прилагательного с точки зрения глубинного синтаксиса является полноправным предикатом и ведет себя как личная форма глагола. Похожие идеи высказывались и при анализе европейских языков. Так, в соответствии с [Cinque 1994; Кауне 1994], адъективные группы образуются как редуцированные относительные предложения, подлежащими которых являются модифицируемые именные группы.

Проблема синтаксической структуры адъективных проекций с собственными зависимыми разработана гораздо хуже, см. здесь [Jackendoff 1977; Cinque 1990; Bernstein 1995; Bennis 2004] и некоторые другие работы. Уже на заре современных порождающих теорий Р. Джекендофф предполагал, что прилагательные способны образовывать собственную X'-структуру, т.е. проецировать спецификаторы и комплементы, см. [Jackendoff 1977], однако можно сказать, что детального исследования синтаксис адъективных проекций не получил.

Следуя [Cinque 1990], Х. Беннис [Bennis 2004] различает два класса прилагательных в нидерландском: эргативные (например, *duidelijk* 'ясный', *bekend* 'известный') и неэргативные¹⁰⁷ (*trouw* 'верный', *verrassend* 'послушный'). Аргументы эргативных прилагательных

¹⁰⁷ Терминология для прилагательных здесь слегка расходится с таковой для глаголов: термин «эргативный», исторически предшествовавший термину «неаккузативный», примерно соответствует. Очевидно, авторы работ про прилагательные хотели сделать терминологию более различительной. В дальнейшем мы не будем прибегать к упомянутым ярлыкам в связи при описании прилагательных.

присоединяются внутри группы лексического прилагательного (AdjIn в приведенной ниже структуре):

(5.212)нидерландский [Bennis 2004: 92]

[_{AdjInP} mij [_{AdjIn} deze mensen [_{AdjIn} bekend]]]

мне эти люди известны

‘эти люди мне известны’

Неэргативные прилагательные, наоборот, похожи на неэргативные глаголы: они присоединяют свои подлежащие в позиции спецификатора вершины легкого прилагательного (обозначенному нами ниже как AdjEx):

(5.213)нидерландский [Bennis 2004: 92]

[_{AdjExP} deze mensen [_{AdjEx} [_{AdjIn} mij [_{AdjIn} trouw]]]

эти люди мне верны

‘эти люди мне верны’

Легкое прилагательное, согласно Беннису, отличается от легкого глагола двумя свойствами: оно не приписывает падежа и допускает только стивную интерпретацию. Непрямое дополнение при обоих типах прилагательных располагается в спецификаторе лексической группы.

В отличие от нидерландского, русский язык, однако, не разделяет прилагательные на естественные классы в зависимости от типа имеющихся участников. Насколько нам известно, внешняя дистрибуция групп прилагательных с разными косвеннопадежными и предложнопадежными участниками совпадает и не связана с поверхностным оформлением зависимых прилагательного.

Таким образом, прилагательные в русском не демонстрируют эргативного / неэргативного противопоставления. Как мы покажем ниже, русские прилагательные отличаются скорее не внешней оболочкой, а, напротив, количеством внутренней структуры адъективной проекции.

Важным представляется тот факт, что в русском (и, насколько нам известно, в других языках) компоненты прилагательных никогда не бывают оформлены аккузативом или генитивом. Отсутствие способности задавать прямой объект можно объяснить, если вспомнить подход к предикативной структуре прилагательного, предложенный в [Hale, Keyser 2002; Baker 2003]. То, что прилагательные являются некоторым внутренним уровнем синтаксической

проекции и лишены внешней оболочки легкого глагола *v*, позволяет объяснить сразу два факта: i) неспособность самостоятельно выступать в роли финитной вершины предикации (финитная вершина *T* может выбирать компонентом только глагол); ii) неспособность приписывать аккузатив (этой способностью обладает лишь малое *v* тех глаголов, которые задают внешний аргумент – обобщение Бурцио).

5.3.3.4.2. Подходы к структуре именной предикации

В работе [Bowers 1993] впервые была высказана идея о существовании в именных предикациях абстрактной вершины *Pred*, ответственной за приписывание тета-роли подлежащему. Предикативные именные группы или группы прилагательного выбираются в качестве компонента вершиной *Pred*, которая среди прочего ответственна и за приписывание предикативного инструменталиса. Подобный анализ получил достаточно широкое распространение, см. [Bailyn, Citko 1999; Pereltsvaig 2000; Bailyn 2001; Strigin, Demjjanow 2001; Madariaga 2005b] и другие работы.

Проблемы, которые встают перед исследователями при анализе именной предикации в русском языке вкратце сводятся к следующему. Во-первых, необходимо объяснить процесс падежного согласования. В случае именной или вторичной предикации, а также при обособленных употреблениях согласование может быть с номинативным субъектом, аккузативным объектом и иногда – с некоторыми другими участниками. Во-вторых – необходимо объяснить предикативный инструменталис как при именной (*Мальчик был больным*), так и при вторичной (*Я уснул заболевающим, а проснулся больным*) предикации.

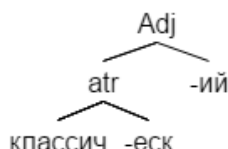
Идея о существовании *Pred* помогает решить проблему приписывания инструменталиса. Действительно, если источник присвязочного инструменталиса еще может быть как-то локализован (собственно в связке), то инструменталис при вторичной предикации выглядит вовсе «возникающим из воздуха». Поскольку каждое употребление косвенного падежа (в отличие от структурного) обычно имеет свой источник, необходимо найти его и в случае инструменталиса.

Что касается падежного согласования в контекстах именной (ко)предикации, например, в [Strigin, Demjjanow 2001] предлагается считать, что номинатив как согласовательный падеж на прилагательном возникает в связи с механизмом «просачивания» падежа от вершины *Pred*. Стригин и Демьянова постулируют две различные вершины *Pred*: *Pred*₁ с именными ф-признаками и *Pred*₂ без ф-признаков. Различие в оформлении именных предикатов (согласовательной vs. инструментальной) связано с типом используемой вершины *Pred*.

5.3.3.5. Основные принципы предлагаемого анализа

Мы предлагаем следующий подход к анализу группы прилагательного в русском языке. Русские прилагательные могут иметь либо «плоскую» морфологическую структуру, либо обладать развернутой адъективной проекцией. Случай плоской структуры – прилагательные на *-ск* и другие прилагательные, не обладающие краткой формой:

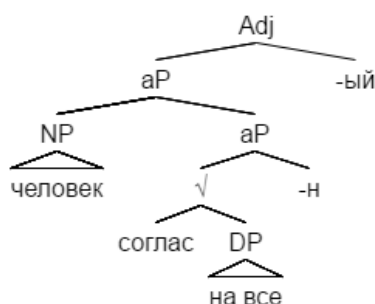
(5.214)_{[Adj [atr [классич]-еск] -ий]}

Вершина *atr* определяет дистрибутивные свойства подобных прилагательных. Будучи образованы при участии вершины *atr*, прилагательные могут употребляться лишь в атрибутивной позиции. Вершина *Adj* ответственна за выражение признаков рода, числа и падежа.

Развернутая адъективная проекция, т.е. такая группа прилагательного, в которой имеются собственные зависимые, включает большее количество внутренней структуры. На первом, лексическом уровне проекции ($\sqrt{\quad}$) приписываются зависимые, характеризующие идиосинкретические свойства лексем. Следующий надстраиваемый над лексическим уровень развернутой адъективной проекции (*a*) ответственен за вставление «подлежащего» аргумента прилагательного. Вершина *a* соответствует уровню *atr*, однако обладает другими дистрибутивными свойствами: в отличие от *atr* *a* может сочетаться с внешней оболочкой *Adj*, лишенной падежного признака. Мы, таким образом, можем объяснить взаимосвязь между наличием у прилагательных собственных зависимых и краткой формы – абстрактная вершина *a* (но не вершина *atr*) может принимать комплемент, содержащий собственное зависимое и одновременно с этим обладает способностью быть комплементом *Adj*, недоспецифицированной по падежу. Развернутая адъективная структура выглядит следующим образом:

(5.215)_{[Adj [aP [NP человек] [aP [$\sqrt{\quad}$ соглас [DP на все]]] -н]] -ый]}

Мы будем условно обозначать уровень наиболее глубокой лексической проекции как \surd , абстрагируясь от того, что в действительности \surd также обладает (некоторым первичным) значением категориального признака.

Обсудим кратко особенности внешних контекстов употребления адъективных составляющих.

В случае атрибутивного использования прилагательных в составе именной группы вершины Adj и N образуют общую структуру, в которой должно быть установлено согласование по признакам рода, числа и падежа. Мы будем считать атрибутивное употребление прилагательных некоторой базовой синтаксической структурой для адъективной категории и отклоним гипотезу об образовании атрибутивных прилагательных из свернутых придаточных предложений. Вопрос о том, какой именной механизм стоит за атрибутивной функцией прилагательного, адъюнкция или наследование функциональных проекций, не будет для нас принципиальным – любой из подходов согласуется с нашим анализом.

Перейдем к предикативному употреблению. Краткие формы, лишенные падежного признака, образуют простую предикацию без участие предикативной вершины Pred. Как мы говорили, одно из предназначений Pred – присваивание семантической роли участнику ситуации, задаваемой именной вершиной. Русский язык располагает краткими прилагательными, которые обладают способностью проецировать спецификатор и лишены необходимости в вершине Pred.

Мы также примем гипотезу о существовании в русском языке двух различных вершин Pred. В случае предикативного согласования, употребления в качестве согласуемого вторичного предиката или в роли обособления прилагательные являются компонентом такой вершины Pred (Pred₁), которая лишена способности присваивать падежный признак. В случае инструменталиса используется вершина Pred₂, обладающая такой способностью.

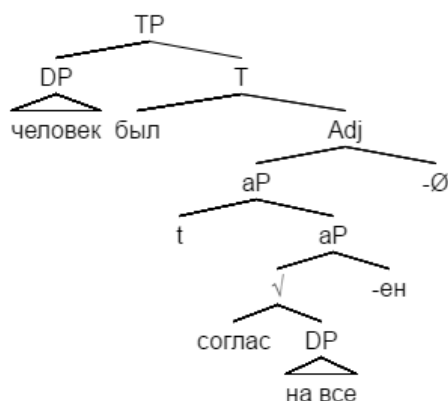
5.3.3.6. Аргументная структура прилагательных и внешняя дистрибуция адъективных проекций

Рассмотрим подробнее деривацию различных употреблений ПФ и КФ прилагательных, приняв сделанные выше допущения.

5.3.3.6.1. КФ

Независимо от того, имеют ли краткие прилагательные собственные зависимые или нет, они всегда употребляются в качестве компонента проекции TP – в этом их сходство с группой глагола:

(5.216) [TP [DP человек]_i [T был [Adj [aP t_i [aP [√ соглас [DP на все]] -ен]] -∅]]]

Подлежащее порождается и получает тета-роль в позиции спецификатора aP, а затем поднимается в позицию спецификатора TP. Адъективные предикаты в подобных структурах получают событийную интерпретацию, которая также связана с вершиной a. Поверхностно наблюдаемый линейный порядок образуется как результат передвижения вершин (*соглас* → *согласен-∅*) и составляющих (передвижение компонента прилагательного в постпозицию).

Вершина Adj в данном случае имеет признаки рода и числа. В этом отношении КФ прилагательных напоминают страдательные причастия, ср. [Babby 1973]. Более того, страдательные причастия, как и прилагательные, могут оформляться падежом и употребляться атрибутивно: *Он(а) отравлен(а)*; *отравленный человек* и т.д. Наша гипотеза согласуется с описанным выше подходом Л. Бэбби к КФ русских прилагательных, в соответствии с которым глаголы и КФ прилагательных относятся к одной и той же категории на уровне глубинной структуры, см. [Babby 1973; Babby 1975; Бэбби 1985].

Итак, предлагаем считать, что прилагательные, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Причем правила проекции аргументов у прилагательных и глаголов совпадают – внутренний участник связан с проекцией лексической вершины. Главное отличие прилагательных от глаголов – в неспособности прилагательных возглавлять финитную клаузу и выражать видо-временные значения в отсутствие выраженной связки. Как мы считаем, за это ответственен частеречной категориальный признак, не позволяющий прилагательным самостоятельно подниматься в T, см. [Hale, Keyser 2002; Baker 2003].

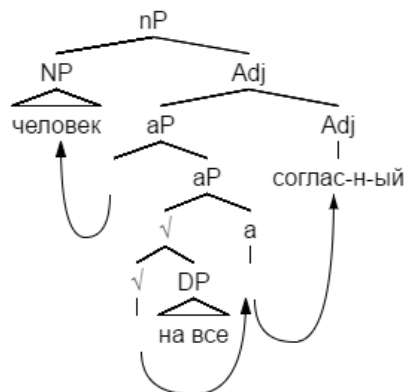
5.3.3.6.2. ПФ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ЗАВИСИМЫМИ В АТРИБУТИВНОЙ ПОЗИЦИИ

Мы предполагаем, что за атрибутивным употреблением ПФ с зависимыми стоит та же структура, что и за атрибутивными ПФ без компонента. Возможность атрибутивного употребления ПФ обеспечивается прежде всего соответствующим набором признаков – вершина Adj в данном случае располагает признаком падежа. Напротив, только лишь отсутствие падежного признака не позволяет КФ употребляться атрибутивно. С точки зрения

«наполнения» внутренней структуры, как КФ, так и ПФ прилагательных обладают одинаковым потенциалом. Об этом свидетельствует одинаковая интерпретация адъективных структур в случаях *Человек был согласен на все* и *согласный на все человек*.

Деривация атрибутивных ПФ с зависимыми происходит следующим образом. Как и в случае КФ, прилагательное образует развернутую структуру, содержащую ее «подлежащее» – будущую вершину именной группы. Такая проекция встраивается в некоторую оболочку именной группы, определим ее как nP, см. [Лютикова 2012; Лютикова 2014]. При формировании структуры именной группы «подлежащее» прилагательного – будущая вершина «матричной» именной группы передвигается в позицию nP:

(5.217) [nP [NP человек]_i [Adj [aP t_i [aP [√ соглас [DP на все]] -н]] -ый]]

Кроме факторов, связанных с внутренней структурой именной группы и описанных в упомянутых работах Е.А. Лютиковой, о необходимости подобного этапа деривации говорит возможность «подлежащих» участников групп прилагательного связывать рефлексивные и реципрокальных местоимения:

(5.218) [интернет]

Эти два похожих друг на друга человека стали лучшими друзьями на всю жизнь.

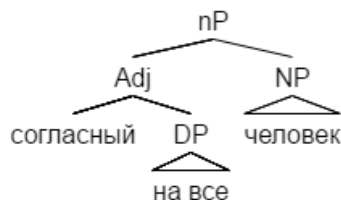
(5.219) [интернет]

Далер всегда в движении и постоянно меняется, он самый требовательный к самому себе человек...

Локальный рефлексив *самого себя* и реципрокальное местоимение *друг друга* линейно предшествуют именным группам, к которым они относятся. Чтобы быть связанными этими именными группами, они должны си-командоваться ими на некоторой стадии деривации – именная такая структура представлена нами выше.

Дальнейшее передвижение группы прилагательного AdjP приводит к линейной препозиции прилагательного и его зависимых:

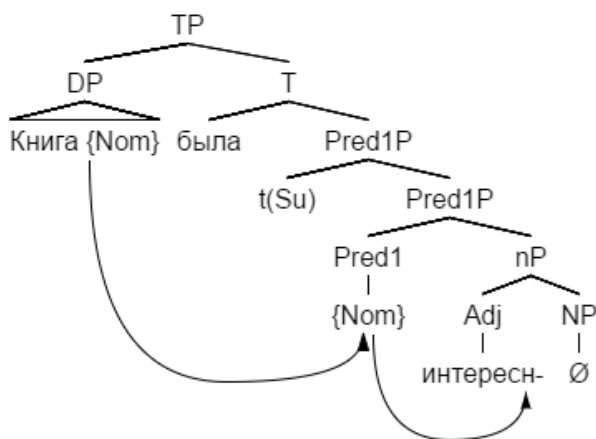
(5.220) [_{NP} [_{Adj} согласный [_{DP} на все]] [_{NP} человек]]

5.3.3.6.3. Предикативные ПФ прилагательных без компонентов

Как и большинство предыдущих исследователей, мы будем связывать употребление предикативных ПФ прилагательных с некоторой именной структурой. Не углубляясь в вопрос о том, какой именно уровень проекции именной группы используется в данном случае (NP, nP, DP), мы (с некоторой долей условности) примем, что таким уровнем является nP и что предикативные ПФ восходят к следующей структуре:

(5.221) [_{TP} [_{DP} Книга] [_T была [_{Pred1P} t_{Su} [_{Pred1P} [_{Pred1} Ø] [_{nP} [_{Adj} интересн-] [_{NP} Ø]]]]]]]]

В соответствии со стандартными допущениями, подлежащее таких структур порождается в позиции спецификатора Pred, где и получает семантическую роль. Употребляемая в данном случае Pred₁ принимает в качестве компонента именную структуру nP, содержащую прилагательное. Свойства Pred₁ таковы, что она не присваивает падеж и «прозрачна» для «просачивания» падежного признака. Чтобы означить падежный признак на именной группе, содержащей прилагательное, такой признак должен появиться у подлежащего

в результате согласования с ТР. После этого падежный признак (в данном случае – номинатива) просачивается к nP и появляется на нулевой вершине и согласующимся с ней прилагательном.

Деривация КФ и ПФ прилагательных в предикативном употреблении, таким образом отличается тем, что КФ могут сами присваивать семантическую роль порождающемуся в их структуре аргументу и лишены падежного признака. ПФ являются компонентами Pred, ответственной также за проекцию подлежащего. Наш анализ, таким образом, отражает различие в интерпретации предложений *Мальчик (был) здоров* и *Мальчик (был) здоровый*. В первом случае перед нами ситуация, задаваемая стативным предикатом, имеющим собственное подлежащее. Появляющееся во втором случае классифицирующее значение связано с именной группой с нулевой абстрактной вершиной, в состав которой входит прилагательное.

Объясним, почему в предикативных структурах невозможно последовательности «нанизанных» прилагательных. Как нам представляется, причина здесь – в неспособности нулевой вершины лицензировать ветвящиеся структуры. Похожий эффект можно наблюдать не только с предикативными прилагательными. Так, например, окказиональная субстантивация также не допускает цепочек прилагательных, ср.: **Умная темноволосая ушла; *Второй высокий стоял у дома* и т.д. Данные структуры неграмматичны по той же причине – имеющиеся в их составе нулевые существительные с абстрактным значением не могут возглавлять ветвящиеся составляющие, ср. со случаем, когда субстантивация конвенционализирована и именные вершины могут замещаться прилагательными: *«Он похож на канат», – сказал второй слепой; С любимым английским не расстаёмся даже летом [интернет]* и т.д. Отметим, наконец, что запрет на предикативное употребление цепочек прилагательных актуален не только для русского, в то время как ограничение на употребление ветвящихся адъективных групп – специфическое свойство русского языка, ср.:

(5.222)английский

[интернет]

a. She was happy to find Pepsi.

‘Она была счастлива найти пепси.’

b. The Smith's were proud of their family tradition.

‘Семейство Смит гордится (гордо) своими семейными традициями.’

(5.223)французский

[интернет]

a. Elle allait bien et elle était heureuse de porter cet enfant.

‘Она была счастлива, что носит этого ребенка.’

b. Il était fière de moi.

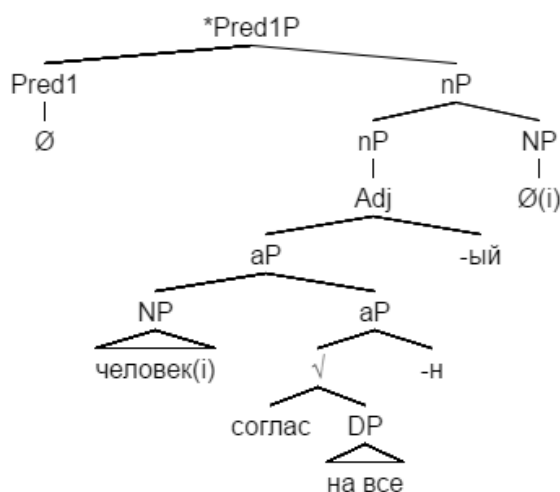
‘Он был горд мной.’

Инструментальные предикативные ПФ отличаются от согласуемых только одним свойством: Pred₂ в отличие от Pred₁ приписывает падеж предикативной именной группе и механизм просачивания падежного признака не срабатывает.¹⁰⁸ В случае Pred₁ этот механизм необходим в силу нарушения падежного фильтра, [Chomsky 1981], в случае же присваивающей падеж Pred₂ в нем нет потребности.

5.3.3.6.4. ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПФ С КОМПЛЕМЕНТАМИ

Обратимся теперь к запрету на предикативное употребление ПФ прилагательных с выраженными аргументами. ПФ с зависимыми образуются последовательной композицией двух приведенных выше структур – атрибутивная ПФ с зависимыми оказывается вложенной в структуру предикативной ПФ. Чтобы понять причины неграмматичности таких структур, достаточно рассмотреть самый начальный шаг деривации предикативной структуры – этап, когда развернутая группа прилагательного вкладывается в именную группу с нулевой вершиной:

(5.224)*[Pred1P [Pred1 Ø] [nP [nP [Adj [aP [NP человек_i] [aP [√ соглас [DP на все]] -н]] -ый]] [NP Ø_i]]]

Подобная структура оказывается неграмматичной потому, что в ней присутствуют две (коиндексированные) именные группы: одна – в позиции спецификатора прилагательного, вторая – нулевая вершина, возглавляющая предикативную именную группу. ИГ из позиции подлежащего не может «перескочить» через заполненную позицию вершины именной группы, которую она проходит в случае «обычного» (не предикативного) атрибутивного употребления. Другая причина неграмматичности – коиндексированность «субъектной» именной группы и

¹⁰⁸ Отметим, что синтаксические различия между согласовательной и инструментальной стратегиями не исключают различий в семантике, которые могут, например, сводиться к наличию у инструменталиса значения изменения признака во времени, [Rothstein 1999; Filip 2001; Richardson 2001] и т.д.

нулевой вершины и следующее из этого нарушение принципа связывания (b или c – в зависимости от того, какими свойствами обладает нулевая вершина).

В случае групп прилагательных в инструменталисе ситуация аналогична. Они точно также вставляются в именную оболочку, уже имея собственное подлежащее. Единственное отличие – в том, что в данном случае употребляется вершина $Pred_2$, которая, как мы помним, приписывает инструменталис. В структурах с инструменталисом, таким образом, отпадает необходимость в задействовании механизма падежного просачивания – этим объясняется бóльшая по сравнению со случаем номинатива грамматичность. В структурах с предикативным инструменталисом нарушается лишь только принцип связывания, в то время как в номинативных (согласовательных) структурах – еще и падежный фильтр.

5.3.3.6.5. Вторичная предикация и обособления

До сих пор мы рассматривали адъективную проекцию по сути лишь в двух типах контекстов: КФ могли употребляться (только) предикативно, а ПФ – (только) атрибутивно. Прилагательным, однако, свойствен еще один тип употребления, который по мнению некоторых исследователей, см., например, [Baker 2003], является не менее характеристическим, чем два упомянутых. Ниже мы вкратце обсудим контекст вторичной предикации и обособленных употреблений.

Если в случае КФ $AdjP$ является компонентом TP , а в случае ПФ – входит в состав именной группы, являющейся, в свою очередь, компонентом $Pred$, то в случае вторичных предикаций и обособлений $Pred$ может брать компонентом группу прилагательного без именной проекции.

Рассмотрим случай вторичной предикации. Она допустима с валентными прилагательными как при согласовательной, так и при инструментальной стратегии:

(5.225)

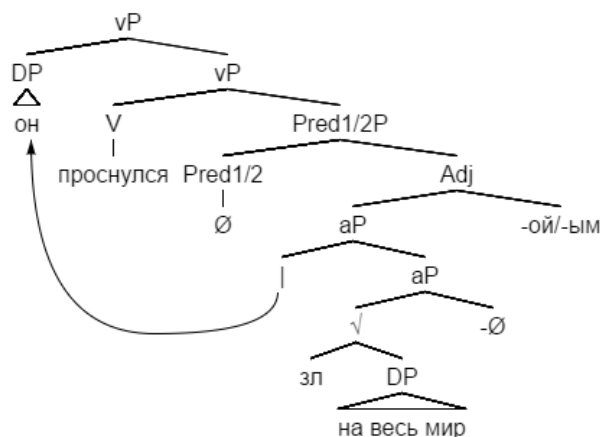
[интернет]

а. *Утром он проснулся злой на весь свет, жутко болела голова, хотелось пить.*

б. *Я проснулся злым на весь мир, готовым вернуть ему больше боли, чем получил.*

Мы полагаем, что $Pred$ в случае вторичной предикации принимает компонентом адъективную проекцию, лишенную именной оболочки. Различие между согласовательным и инструментальным примерами – лишь в том, используется ли $Pred_1$ или $Pred_2$. Приведем структуру вторичных предикаций с зависимыми адъективными проекциями:

(5.226) [_{vP} [_{DP} он] [_{vP} [_v проснулся] [_{Pred1/2P} [_{Pred1/2} Ø] [_{Adj} [_{aP} t_{он} [_{aP} [_√ зл [_{DP} на весь мир]]]-Ø]]]-Ø]] - ой/ым]]]]

Будучи спецификатором группы прилагательного, подлежащая именная группа впоследствии передвигается в позицию спецификатора глагольной группы, где она и получает семантическую роль, которой располагает глагольная проекция. Из-за отсутствия именной структуры нет и связанных с ней конфликтов между подлежащей именной группой и абстрактной нулевой именной группой.

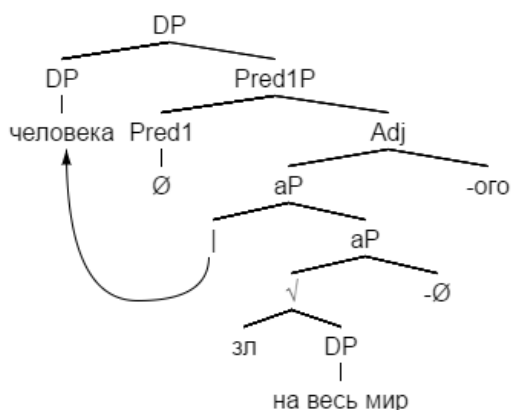
Разберем теперь случай обособлений, также допускающих прилагательные с зависимым:

(5.227) [интернет]

... такой мысли в уме человека, злого на весь мир, не будет!

Поскольку в русских обособлениях невозможно употребление инструменталиса, будем считать, что здесь мы имеем дело лишь с Pred₁. Отличие структуры с обособлением в том, что здесь Pred выступает компонентом не в глагольной группе, а в некоторой именной проекции, в остальном же деривация совпадает:

(5.228) [_{DP} [_{DP} человека] [_{Pred1P} [_{Pred1} Ø] [_{Adj} [_{aP} t_{человек} [_{aP} [_√ зл [_{DP} на весь мир]]]-Ø]] -ого]]]]

Внутреннее подлежащее в данном случае поднимается в «матричную» именную группу, которая, в том числе, ответственна и за присваивание падежа адъективной проекции.

5.3.3.7. Некоторые следствия

Рассмотрим некоторые свойства прилагательных в русском языке, вытекающие из предложенного выше анализа.

5.3.3.7.1. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПФ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Интерпретация ПФ прилагательных различается в случае наличия и отсутствия у него зависимых:

(5.229) [интернет]

а. *Я всегда радовался, что у меня любознательный и внимательный к деталям ребенок.*

б. *Надо же, какой ребенок был внимательный.*

(5.230) [интернет]

а. *Злая на Жоржа девушка решает отомстить ему.*

б. *Мачеха была злая...*

В примерах а у прилагательных так называемая стадильная, а в примерах б – индивидуальная интерпретации, см. [Carlson 1977]. Примеры а относятся к конкретному (пусть и регулярно повторяющемуся) проявлению некоторых свойств и состояний, в то время как примеры б просто характеризуют (классифицируют) объект. Свойством предиката индивидуального уровня является то, что оно является неотъемлемым для данного объекта – если такое свойство становится неактуально, то и объект прекращает существовать.

Способность прилагательных к обозначению некоторого актуального состояния является, таким образом, еще одним аргументом в пользу предложенного анализа. В работах [Kratzer 1989; Stowell 1991] утверждается наличие тесной взаимосвязи между событийной интерпретацией прилагательных и их внутренней структурой. По мнению авторов, присутствие аргументов в группе прилагательного вызывает интерпретацию стадильного уровня. Как можно видеть, данное обобщение подтверждается на материале русского языка.

5.3.3.7.2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СИЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ

ПФ Прилагательных, имеющих сильную валентность, представляются неграмматичными в предикативной функции даже при отсутствии выраженных зависимых:

(5.231)

*Человек был согласный.

*^{/?}Мужчина был женатый.

Второй пример иногда встречается, однако именно в классифицирующем значении, не подразумевающем участников ситуации адъективного предиката: *‘Мужчина был такой, каким свойственно быть женатым мужчинам’*. Как мы предполагаем, у подобных прилагательных всегда имеется разветвленная структура, связанная с выражением внутреннего подлежащего. Они, таким образом, не могут быть употреблены лишь во внешней атрибутивной оболочке и потому всегда неграмматичны в предикативной позиции.

5.3.3.7.3. ПРЕДИКАТЫ ТОЖДЕСТВА

Похожая ситуация наблюдается с прилагательными класса ТОЖДЕСТВА (*похожий, параллельный и т.д.*). Такие прилагательные представляются неграмматичными в предикативной функции – даже при условии, если подлежащее выражено множественным числом и исключает наличие косвеннопадежных (или предложнопадежных) зависимых именных групп:

(5.232)

*Прямые были параллельные.

*^{/??}Девушки были похожие.

Такая дистрибуция симметричных прилагательных также предсказывается нашим анализом. Несмотря на поверхностную реализацию, в группах симметричных прилагательных имеется два аргумента. Такие «реципрокальные» аргументы сначала проецируются, а потом «объединяются» внутри краткой формы (aP):

(5.233)

a. [aP X параллел-/похож- Y]

b. [aP X+Y параллел-/похож- t_Y]

Таким образом, прилагательные ТОЖДЕСТВА также имеют внутреннюю структуру, т.е. неграмматичность примеров с такими прилагательными напрямую следует из предложенного выше анализа.

5.3.3.7.4. Отадъективные номинализации

Аргументы прилагательных сохраняются в отадъективных абстрактных существительных:

(5.234)

а. *доброта к людям*

б. *злость на человечество*

Этот факт указывает на то, что аргументы прилагательных являются неотъемлемым свойством некоторой минимальной лексической единицы, которая может появляться как с именными, так и с адъективными ф-признаками.

5.3.3.8. Итоги: аргументная структура и синтаксис предикативных прилагательных

Мы обсудили синтаксическую структуру адъективных проекций в русском языке. Следуя принятому в литературе подходу, мы определили краткую форму прилагательных как специфицированную в предикативной функции, а полную – как специфицированную в атрибутивной функции. Помимо этих двух синтаксических контекстов мы рассмотрели также обособление оборотов с прилагательными и их употребление во вторичной предикации.

Отправной точкой дискуссии для нас был запрет на предикативное употребление прилагательных в полной форме с зависимыми. Сам по себе этот факт нетривиален – наличие зависимых должно, на первый взгляд, свидетельствовать о предикативной природе лексемы и способствовать ее употреблению в функции вершины предикации. Как мы, однако, показали, именно то, что при наличии зависимых адъективная составляющая проецирует развернутую внутреннюю структуру, делает предикативное употребление неграмматичным.

Важнейшим для нас следствием предпринятого анализа является заключение о существовании в русском языке развернутой адъективной составляющей, проецирующей свое подлежащее и связанной с выражением участников некоторой ситуации и ее событийной интерпретацией.

5.4. О синтаксисе компаратива в русском языке

В русском, как и во многих других европейских языках, например, английском, существует два способа образования сравнительной конструкции, морфологический и аналитический:

(5.235) [Из произведений А.П. Чехова]
Побег вне Сибири считается более важным преступлением и карается строже, чем побег в Сибири...

(5.236) [Из произведений Н.Г. Чернышевского]
Но у каждого из нас, – я говорю про нас и наших друзей, про весь наш кружок, – есть порицатель более строгий, чем сам Рахметов; это наш собственный ум.

(5.237) [Из произведений А. Конан-Дойля]
Nothing could be more natural than the sequence of events as narrated by this lady, and nothing stranger than the result when viewed, for instance by Mr. Lestrade, of Scotland Yard.

‘Что может быть проще и естественнее ряда событий, о которых нам рассказала молодая леди? И что может быть удивительнее тех выводов, которые легко сделать, если смотреть на вещи, скажем, с точки зрения мистера Лестрейда из Скотланд-Ярда!’

(5.238) [Из произведений Б. Стокера]
The greatest interest, however, is with regard to the paper found in the bottle, which was to-day produced at the inquest; and a more strange narrative than the two between them unfold it has not been my lot to come across.

‘Гораздо больший интерес представляет клочок бумаги, найденный в бутылке и предъявленный сегодня следствию. Более загадочного повествования мне не доводилось прежде слышать.’

Кроме того, что в обоих языках существует морфологический и аналитический компаратив (далее – МК и АК), их также сближает сходство в выражении стандарта (объекта) сравнения. И русский, и английский используют специализированные в этой функции союзы, *чем* и *than* соответственно.

Как известно, английский образует сравнительные и превосходные степени по следующему правилу: в случае односложных прилагательных и прилагательных с безударным вторым слогом используется МК, для остальных прилагательных – АК, см., например, [Matushansky 2002]. Однако такие фонологические ограничения не абсолютны, исключения находятся как для предполагаемых случаев МК: **iller*, **apter*, **irksomer* (при грамматичном *handsomer*), [Bobaljik 2012: 164], так и для некоторых кандидатов в АК: *easterlier* (*easterly*), *weevilier* (*weevily*).

Русский язык также демонстрирует некоторые фонологические ограничения на образование сравнительной степени. Например, есть определенные ограничения на образование МК, связанные с акцентуацией. Как утверждается в [Еськова 2011: 138], ряд односложных

прилагательных неспособен следовать общему паттерну переноса ударения на суффикс компаратива, ср. *важный* – *важнее* vs. *вечный* – **вечнее*.

Установить природу фонологических ограничений для русского языка иногда бывает столь же непросто, как и для английского. Так, приведенные ниже прилагательные на *-ж*, *-д*, *-г* не имеют видимых различий в (мор)фонологической структуре, при этом, однако, ведут себя по-разному при образовании сравнительной степени:

(5.239)

a. *пригожий* – *пригожее*

b. *похожий* – **похожее*

c. *твердый* – *тверже*

d. *гордый* – **горже*/**гордее*

e. *строгий* – *строже*

f. *убогий* – **убоже*

Можно сказать, тем не менее, что фонологические ограничения при образовании русских компаративов исследованы достаточно хорошо, см. прежде всего см. [Еськова 2011], а также [Брандер 1999] и др. Интересно влияние суффиксации на возможность образования степеней сравнения, иначе говоря – морфонологические ограничения.

В Грамматическом словаре А.А. Зализняка, [Зализняк 1980], принят в целом достаточно широкий взгляд на способность прилагательных порождать компаративы – МК может быть построен от любого прилагательного, широкие классы исключений составляют лишь адъективы с некоторыми суффиксами. А именно, регулярно препятствуют образованию МК отыменные суффиксы *-ск* и *-ин*, см. также [Еськова 2011: 131], и причастные показатели *-щ*, *-(в)ш* в тех случаях, когда образованная с их помощью лексема переходит из разряда причастий в прилагательные.

Как указано в [Еськова 2011: 136]: «От большинства суффиксальных качественных прилагательных формы на *-ее* образуются с полной свободой». В то же время, по наблюдению Н.А. Еськовой: «Единственный суффиксальный разряд, от которого формы на *-ее* образуются не вполне свободно, – отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-*», [Еськова 2011: 137], см. также [Янко-Триницкая 1989: 68]. Суффиксы страдательных причастий *-енн* и *-анн* не налагают запрета на образование МК (там же), от себя добавим, что так же не демонстрируют запрета на образование МК и причастия на *-м*.

Данные английского языка в целом напоминают русский – запрет на присоединение суффикса МК к адъективным деривационным показателям, как отыменным, так и отглагольным, здесь, возможно, еще более строг. Суммируем упомянутые факты в таблице, приводя примеры наиболее регулярно препятствующих деривации МК суффиксов:

Таблица 5.2. Морфонологические ограничения на образование МК

дериваты	русский	английский
от имени	*-ск, *-ин: *утинее, *гигантское	*-al, *-ful, *-ic: *normaler, *useful(l)er, *basic(k)er
от глагола	*-(в)ш, *-л, *-щ: *уставшее, *пожилее, *подходящее но: обиженнее, любимее	*-ed, *-ing: *tireder, *boringer

Мы не претендуем на получение новых результатов, помогающих установить правильное употребление форм компаратива в русском или английском языке. Поставленная нами задача – определить синтаксическую природу двух форм компаратива в русском (что, возможно, поможет лучше понять и устройство английской сравнительной степени, которая в меньшей степени будет попадать в сферу нашего внимания).

Как мы покажем, несмотря на видимую взаимозаменяемость МК и АК в русском языке, их структура, а, следовательно, и интерпретация, различаются. Одно из следствий таково: у прилагательных, для которых по тем или иным причинам образование МК невозможно, правила употребления и семантика формы сравнительной степени (АК) отличается от «базовой» стратегии (МК).

5.4.1. Морфологический и аналитический компаратив

Ниже мы обсудим в деталях дистрибуцию и внутренний синтаксис двух типов русских сравнительных конструкций. Сначала мы установим основные синтаксические свойства МК и АК в русском языке, см. здесь также, см. также [Янко-Триницкая 1989: 65-68], затем вкратце опишем варианты анализа структуры компаратива, предлагавшиеся предыдущими исследователями, после чего обсудим особенности дистрибуции МК и АК.

5.4.1.1. Основные свойства сравнительной степени

Сравнительные конструкции выражают большее по сравнению с некоторой нормой проявление признака. В ситуации сравнения (например, ‘быть выше’) есть два главных участника: субъект (кто выше) и объект сравнения (кого выше). Помимо этого могут быть выражены дифференциал¹⁰⁹ (на / во сколько раз выше) и параметр (выше в холке, стоя,...).

Рассмотрим возможность употребления МК и АК в характерных для прилагательного синтаксических контекстах. Прежде всего таким контекстом является позиция вершины предикации, где может употребляться как МК,¹¹⁰ так и АК:

¹⁰⁹ Также группа меры, Measure Phrase.

¹¹⁰ Добавление аттенуативного префикса *по-*, насколько нам известно, не влияет на дистрибуцию МК.

(5.240) [Из произведений С.Т. Аксакова]
Варвара Михайловна, как женщина, была более любопытна, да и характером поживее, чем ее супруг.

(5.241) [Из произведений Д.И. Писарева]
В такие минуты мертвый дом был несравненно приличнее и благоразумнее, чем бурса во время рекреации.

(5.242) [Из произведений Андрея Белого]
...только А. С. и в описываемое время был более одиноким, чем я...

Отметим, что стандарт сравнения, выраженный специальным союзом *чем*, в русском языке грамматичен и при морфологическом, и при аналитическим компаративе.

Вторая синтаксическая функция, определяющая категорию прилагательного (возможно, даже в большей степени) – функция атрибута. И здесь русский язык (в отличие от древнерусского) не позволяет употребления МК и допускает лишь АК:

(5.243) [Из произведений К.М. Станюковича]
 а. *Несколько осунувшееся, побледневшее лицо и слегка ввалившиеся глаза, вследствие бессонной ночи, придавали ему еще более интересный вид.*

б. **Осунувшееся лицо и ввалившиеся глаза придавали ему интереснее вид.*

(5.244) [Из произведений А.Ф. Писемского]

а. *... его вообще считали в обществе более умным человеком, чем он был на самом деле!*

б. **Его считали умнее человеком, чем он был на самом деле.*

Заметим, что копредикативные употребления в целом допускают как АК, так и МК, см. также [Matushansky 2002]:

(5.245) [Из произведений Ф.М. Достоевского]
Я никогда в жизни не встречал человека более застенчивого...

(5.246) [Из произведений А.Ф. Писемского]
Человека более достойного для этого трудно было и найти...

(5.247) [Из произведений Андрея Белого]
Я еще не встречал человека умнее себя.

(5.248) [Из произведений М.Ю. Лермонтова]
Извините – но может быть, она нашла человека еще достойнее вас. ...

В дальнейшем нас будут интересовать прежде всего предикативные и атрибутивные употребления. В частности, мы попытаемся объяснить, почему атрибутивное употребление МК в русском языке невозможно, ср., например, английский:

(5.249) английский [Из произведений Ч. Диккенса]
As to understanding him, you are [a cleverer fellow] than most of us, Daisy, if you can do that.

‘А что касается понимания того, что он говорит, то, умудрись вы, милая Маргаритка, это осилить, вы были бы мудрее многих из нас.’

(5.250) [Из произведений Дж. Элиот]
... I advise you to put by the 'History of the Devil,' and read [some prettier book].

‘... советуя тебе отложить "Историю дьявола" и читать какие-нибудь другие, хорошие книги.’

Ниже мы обсудим еще одно важное для нашего анализа различие в свойствах морфологического и аналитического компаратива, связанное с их семантикой.

5.4.1.2. Семантические различия между МК и АК

В литературе, посвященной анализу степеней сравнения, достаточно давно обсуждается асимметрия между компаративом и исходной семантикой прилагательного. Согласно Мельчуку, это наблюдение восходит к Сепиру, см. [Мельчук 1998: 117], состоит же оно в следующем. Для большинства прилагательных, обозначающих градуируемые признаки, компаратив не несет в себе пресуппозиции наличия качества, выражаемого исходной положительной формой прилагательного. Так, в примерах ниже Димитрий мог бы и не быть молодым, а шея совершенно не обязательно короткая (более того, эксплицитно утверждается обратное):

(5.251) [Из произведений И.С. Тургенева]
...настоящий Димитрий был бы гораздо моложе, чем казался Лжедимитрий...

(5.252) [Из произведений С.Т. Аксакова]
...шея длинная, но короче, чем у гагары...

Отметим, что так ведут себя далеко не все прилагательные; из примера ниже, скорее всего, следует, что слой был яркий и красивый:

(5.253)

[Из произведений В.К. Арсеньева]

Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

Те прилагательные, у которых нет обязательной импликации обладания признаком в сравнительной степени (таких, как представляется, большинство), будут интересны нам из-за следующего контраста. Аналитическая степень сравнения, в отличие от МК, обязательно имплицитно подразумевает наличие признака, передаваемого положительной степенью, см. [Мельчук 1998: 123; Воротников 1999]. Если в примерах выше будет присутствовать эксплицитное отрицание наличия признака, они будут некорректны при АК:

(5.254)

#Настоящий Димитрий был старым, но все-таки более молодым, чем Лжедимитрий...

(5.255)

#...шея длинная, но более короткая, чем у гагары...

Тот же эффект неуместности высказывания по прагматическим причинам мы получаем в случаях, где сравниваемые объекты верно располагаются на шкале, задаваемой прилагательным, но не несут данного качества вне контекста сравнения:

(5.256)

#Бегемот более легкий, чем слон.

(5.257)

#Слон более низкий, чем жираф.

Продемонстрированное семантическое различие между АК и МК, при котором АК объединяется с положительной степенью прилагательного и противопоставлен МК, неожиданным образом коррелирует с употреблением АК и МК в атрибутивной функции, грамматичной для аналитического и неграмматичной для морфологического компаратива.

5.4.1.3. Предыдущие подходы к анализу сравнительных конструкций

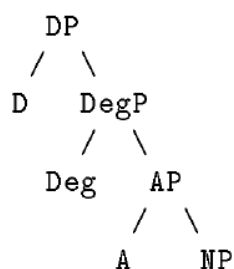
Синтаксис и семантика компаратива неоднократно получали описание в терминах современной порождающей грамматики, см. [Pulman 1991; Heim 2000; Kennedy 1998; Kennedy 1999; Kennedy 2000; Kennedy 2009; Bhatt, Pancheva 2004; Pancheva 2006; Bhatt, Pancheva 2007; Matushansky 2013; Morzycki 2015] и др. для английского, японского, славянских языков. Что

касается русского, здесь можно упомянуть работы [Matushansky 2002; Ionin, Matushansky 2013; Grashchenkov 2008].

Если говорить о смежных проблемах, в [Matushansky 2008] сделан вывод, который будет важен и для анализа компаратива: синтаксис превосходной степени (в том числе и в русском языке) сводится к атрибутивному употреблению прилагательного. Интересны также наблюдения относительно деривационной связи между отадъективными глаголами и их производящими основами – как показано на материале многих языков, такие глаголы восходят именно к компаративу/суперлативу, а не к положительной степени прилагательных, см., например [Bobaljik 2007] и др.

Как утверждается в [Matushansky 2013], морфологический компаратив может быть получен последовательным передвижением лексической вершины прилагательного в позицию, где она объединяется с показателем компаратива, находящемся выше нее в структуре, см. [Abney 1987: 213]:

(5.258) Структура компаратива по [Abney 1987]

Возможные возражения против такого подхода связаны с тем, что в английском выбор между МК и АК основывается на фонологических свойствах – уже на уровне объединения морфем (основы прилагательного и показателя компаратива) необходимо знать, какова фонологическая оболочка основы. Это противоречит подходу к образованию компаратива как исключительно синтаксическому процессу – фонологический компонент должен «получать на вход» готовую синтаксическую структуру.

Для того, чтобы «спасти» синтаксический подход к деривации компаратива, было введено правило Локальной дислокации (Local Dislocation). В статье [Embick, Noyer 2001] было предложено считать, что основа прилагательного подвергается постсинтаксической операции Локальной дислокации: показатели компаратива / суперлатива, расположенные локально с основой прилагательного «проверяют», удовлетворяет ли она фонологическим ограничениям. Если да – используется МК, если нет – АК. Дислокацией подобная операция называется из-за того, что она фактически соответствует морфологической операции «понижения» (Lowering)

элемента в структуре, характерной для морфологии,¹¹¹ и не свойственной синтаксису. Дислокация должна быть локальной, т.к. если в процессе деривации между показателем компаратива / суперлатива оказывается какой-либо элемент, выбирается вариант, морфологически не соответствующий словоформе, выбирается аналитическая форма:

(5.259)

[Embick, Noyer 2001: 565]

a. *Mary is the mo-st amazingly smart person . . .*b. **Mary is the t-est amazingly smart-est person . . .*

‘Мэри – умнейший человек’ (досл. ‘#Мэри – самая поразительно умная женщина’)

Операция Локальной дислокации, однако, несовместима с фактами супплетивизма. В соответствии с ней фонологическая форма должна выбираться до объединения основы и аффикса, что делает невозможным существование супплетивных степеней сравнения (*плохой – хуже / худший, хороший – лучше / лучший; bad – worse / worst, good – better / best* и т.д.), см. [Bobaljik 2012; Matushansky 2013]. Действительно, как мы предположили, морфема компаратива занимает иную (более высокую) позицию, чем основа прилагательного. Тогда, например, в английском языке к моменту применения Локальной дислокации обе морфемы, и основа, и показатель компаратива, уже вошли в деривацию, и выбрать супплетивную форму невозможно. Забегая немного вперед, скажем, что такой проблемы не будет, если МК и АК соответствуют разным синтаксическим структурам – что мы и попытаемся в конечном итоге показать. В работах, посвященных синтаксису компаратива различия структур МК и АК обычно не проводится, см., например, [Matushansky 2002; Embick 2005].

С супплетивными формами связано еще одно интересное наблюдение. Как утверждается в [Matushansky 2013] вслед за [Bobaljik 2012], супплетивные формы в языках мира представлены следующим образом:

(5.260)

[Matushansky 2013: 61]

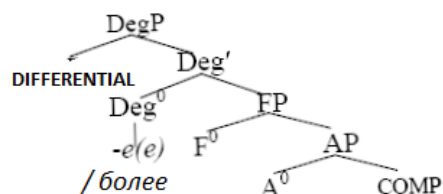
a. *intelligent* → *more/most intelligent*b. *cute* → *cuter/cutest*c. **wuggal* → *more/most galliwug*d. *good* → *better, best*

¹¹¹ Локальная дислокация – операция в духе Affix hopping (прыжка аффикса), когда глагольная флексия третьего лица единственного числа «опускается» и инкорпорируется в состав глагола из позиции, более высокой, чем глагольная словоформа.

Единственная ситуация, не отмеченная в языках мира, – (незасвидетельствованный) случай (с), где супплетивные формы возникают при аналитическом способе образования. Матушански делает из этого вывод о том, что морфологические формы «собираются» в одну словоформу на уровне синтаксиса и до фонологии, что должно отличать их от аналитических оборотов. Данное наблюдение также хорошо согласуется с нашим анализом.

Наиболее полный формальный анализ русского компаратива представлен в [Matushansky 2002]. Согласно Матушански, структура МК и АК совпадает. Компаратив образуется в синтаксисе, с помощью операции передвижения вершины.¹¹² Сравнительно слово *более* по [Matushansky 2002] заменяет морфологический показатель *-(e)e*, когда основа по тем или иным причинам не может его присоединить. Сравнительные показатели (*-(e)e / более*) заполняют узел Deg соответствующей функциональной проекции, которая берет своим компонентом группу прилагательного, а в спецификаторе располагает дифференциал (на / во сколько раз):

(5.261) Структура русского компаратива по [Matushansky 2002]

Подобный анализ не объясняет два упомянутых нами различия между МК и АК – несовпадение их семантических свойств и невозможность атрибутивного употребления МК. Неграмматичность атрибутивных МК Матушански объясняет отсутствием согласовательных признаков на компаративной группе. Мы считаем верным утверждение об отсутствии согласовательных признаков у DegP, оно действительно объясняет запрет на атрибутивный МК в русском языке. Грамматичность английского атрибутивного МК следует из того, что английские именные группы с прилагательными вовсе лишены согласовательных признаков, что отличает их от русских атрибутивных конструкций. Тем не менее, единообразный анализ МК и АК не дает возможности объяснить грамматичность атрибутивных АК. Если вершина Deg всегда лишена согласовательных признаков числа и падежа, наличие таких признаков у более низкой вершины A(dj) не спасет деривацию, т.к. именно Deg определяет дистрибутивные свойства компаратива во «внешнем» синтаксическом контексте.

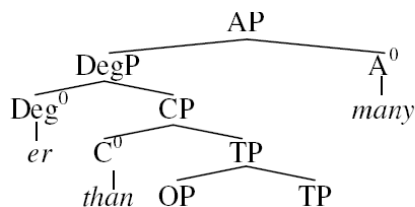
Еще одно, не очень удачное, на наш взгляд, решение, от которого автор уже отошел в работе [Ionin, Matushansky 2013] – то, что компонент сравнительной группы Deg

¹¹² Head movement, синтаксический процесс согласно представлениям Матушански.

синтаксически зависит от прилагательного в представленной выше структуре. В [Ionin, Matushansky 2013] этот недочет уже преодолен:

(5.262)

[Ionin, Matushansky 2013]

Здесь, как мы видим, объект сравнения уже связан с проекцией Deg, что представляется более оправданным. Ниже мы опишем свой подход к структуре компаратива.

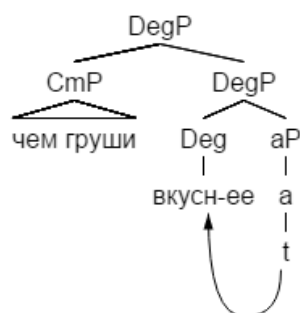
5.4.2. Синтаксическая структура компаратива в русском языке

5.4.2.1. МК и АК: структурные сходства и различия

Предлагаемый нами подход состоит в следующем. Структуры, стоящие за МК и АК в русском языке, различны. Морфологический компаратив образуется при участии вершины Deg, в то время как аналитический компаратив проецируется «обычной» группой прилагательного. Вершина Deg «надстраивается» над основой прилагательных, и лишена согласовательных признаков числа и падежа, поэтому атрибутивное употребление МК неграмматично:

(5.263) Структура МК (первое приближение)

[_{DegP} [_{CmP} чем груши] [_{DegP} [_{Deg} вкусн-ее] [_{aP} [a t]]]]

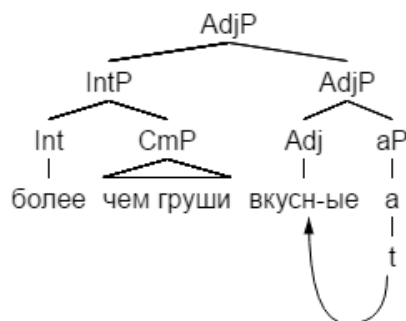
При образовании фразы *вкуснее, чем груши* основа прилагательного поднимается из позиции *a* (малое), в которой она порождается, в вершину компаративной группы, где располагается флексия *-(e)e*.

Иным образом устроена деривация АК. Здесь прилагательное, также изначально попадающее в вершину *a*, передвигается в доминирующую над ней вершину Adj, содержащую флексии падежа и числа, что позволяет АК употребляться атрибутивно. Сравнительное наречие

более, обозначенное ниже как Int, располагается в той же позиции, где обычно находятся интенсификаторы (*очень, совсем, слишком, ...*):

(5.264) Структура АК (первое приближение)

[AdjP [IntP [Int *более*] [CmP *чем груши*]] [AdjP [Adj *вкусн-ые*] [aP [a t]]]

Наблюдение об отсутствии согласовательных признаков у сравнительной степени хорошо известно, см. [АГ-80-1: § 1342]: «Форма сравнит. степени не имеет морфологических значений рода, числа и падежа и относится к морфологическому разряду неизменяемых слов». Предлагаемый нами подход «локализует» эти признаки в синтаксической структуре – они присутствуют в согласовательной проекции Adj и отсутствуют в проекции Deg, построение которой происходит в отсутствие Adj.

Различие в структуре объясняет и семантические отличия МК от АК. Семантика АК композиционно складывается из семантики положительной степени прилагательного и того, что привносят сравнительные наречия *более / менее*. МК семантически отличается от положительной степени прилагательного, т.к. образуется по другим правилам.

Различия в семантике МК и АК коррелируют с предложенным в [Kennedy 2009] различием так называемого эксплицитного и имплицитного сравнения. В случае эксплицитного сравнения оба объекта сравниваются с точки зрения достижения ими некоторой степени (degree) проявления признака. Неважно, легкие ли бегемот и слон, важно, что степень легкости бегемота больше степени легкости слона. В случае имплицитного сравнения определяется, насколько каждый из объектов обладает качеством, задаваемым положительной степенью прилагательного. Иными словами, устанавливается то, легкость бегемота превосходит легкость слона. Как можно понять, МК соответствует эксплицитному сравнению, в то время как АК – эксплицитному, что следует из предложенной нами синтаксической структуры: МК является проекцией компаративной вершины, в то время как АК – «обычной» проекцией прилагательного.

Чертой, объединяющей оба типа русских компаративов, является способность МК и АК задавать объект сравнения, что отличает сравнительную степень от положительной (ср.:

*Яблоки были вкусные чем груши). В обоих случаях за участников ситуации сравнения ответственны показатели сравнения: МК располагает объект сравнения в спецификаторе, а лексические вершины более / менее – в комплементе.

Подтверждением корректности нашего подхода являются встречающиеся достаточно часто случаи одновременного употребления средств аналитического и морфологического компаратива: #*более лучше*, #*более интересней* и т.д. Такие примеры не являются неграмматичными структурно – их образование не просто допустимо, но и регулярно наблюдается. Причина их некорректности в том, что одновременное употребление двух показателей сравнения семантически избыточно. В синтаксической структуре, однако, *более* и *-е* занимают различные позиции, что позволяет носителям порождать подобные примеры.

Ниже мы обсудим некоторые другие свойства МК и АК, после чего предложим окончательный вариант анализа.

5.4.2.2. *Компаратив от неградуальных прилагательных*

Как известно, не только градуальные прилагательные могут образовывать степени сравнения. Случаи, когда так называемые «относительные» прилагательные в результате семантического сдвига приобретают значение качественных и получают возможность образовывать МК, хорошо описаны в литературе: «Формы сравнит. степени с морфами *-ее* и *-ей* образуются также у относит. прил. в качественных значениях: *душевнее, музыкальнее, театральнее*», [АГ-80-1: §1343]. Допустимость образования степеней сравнения от относительных прилагательных при смене ими семантики констатирует и Н.А. Еськова, приводя такие примеры из русской прозы как *тракторнее, животней, мраморнее, рубинней, изумрудней, пепельней* и т.д., см. [Еськова 2011: 143].

В формальной лингвистике принято говорить о так называемой коэрсии или семантического сдвига. При коэрсии допустимо образование не только морфологического, но и аналитического компаратива:

(5.265) [Из произведений И.Ф. Анненского]
Что может быть более русским, чем этот вечный кирпичный завод, это спасительное завтра...

(5.266) [Из произведений В.Г. Белинского]
... под пером Батюшкова эта поэма явилась более греческою, чем в оригинале.

(5.267) [Из произведений Л.Н. Андреева]
... самому себе казался ужасным, невероятным, более грешным и бунтующим, чем если бы каждый день резал по человеку...

(5.268)

[Из произведений П.Д. Боборыкина]

Саня отведала и терновки, менее сладкой и более вяжущей, чем сливянка, очень крепкой.

В данных примерах АК образуется от прилагательных с суффиксами *-ск* и *-щ*, которые, как мы указывали выше, блокируют образование МК: **русское*, **греческое*, **бунтующее*, **вяжущее*. Тем не менее, ситуация сравнения становится семантически допустимой в случае коэрсии, что и показывают примеры выше.

В связи с запретом на образование компаратива от прилагательных с суффиксами типа *-ск* примечательно также следующее наблюдение. У ряда русских прилагательных существуют два деривационных варианта: один с *-ск*, другой – с *-н*, различающиеся также способностью к образованию МК:

(5.269)

<i>*практическое</i>	vs.	<i>практичнее</i>
<i>*комическое</i>	vs.	<i>комичнее</i>
<i>*истерическое</i>	vs.	<i>истеричнее</i>
<i>*трагическое</i>	vs.	<i>трагичнее</i>

Подобные примеры свидетельствуют о том, что за блокирование деривации МК ответственен именно суффикс, а не основа.

Как нам представляется, недопустимость МК и грамматичность АК в подобных случаях – еще одно свидетельство различия в синтаксической деривации двух типов компаратива. Аналитический компаратив, согласно нашему подходу, образуется по тем же правилам, что и положительная степень прилагательных, поэтому деривация АК не блокируется.

Механизм семантического сдвига, когда он происходит (АК – *более русский*, МК – *музыкальнее*) заключается в следующем. «Нормальный» градуальный признак задает шкалу с разными значениями: от менее высокого – к более высокому и т.п. Употребляя градуальные прилагательные, говорящий оценивает объект как занимающий некоторое место на такой шкале.

В то же время прилагательные типа *русский* или *музыкальный* лишь категоризируют объект, относя его к определенной стороне внеязыковой действительности. В именных группах *русская кухня*, *музыкальный критик*, объекты определяются пересечением денотатов лексем ‘русский’ и ‘кухня’, ‘музыкальный’ и ‘критик’. Когда прилагательные типа *русский* или *музыкальный* попадают в синтаксический контекст сравнительной конструкции, объекты, задаваемые ими, оказываются не способны проявить признак ‘русский’ или ‘музыкальный’ в

большей или меньшей степени. Вместо этого сравнение переносится на некоторые ментальные представления об объектах, как более или менее совпадающих с прототипом. Таким образом, ментальные операции сравнения и оценки в случае семантического сдвига связаны уже не с определением точки на шкале градуального признака, а с оценкой близости объекта к прототипу, некоторому образцовому представителю объектов данного класса. Иначе говоря, от операций над денотативным значением (*русская кухня, музыкальный критик*) мы переходим к операциям над сигнификатом (*более русский, музыкальнее*).

То, что сравнение в подобных случаях происходит не между различными степенями проявления признака, а между представлениями об объекте, иногда видно из самих примеров:

(5.270)

[Из произведений В.Г. Белинского]

Донские казачьи песни можно причислить к циклу исторических, – и они в самом деле более заслуживают название исторических, чем собственно так называемые исторические русские народные песни.

Здесь *более заслуживают название исторических* как раз описывает ментальную процедуру оценки песен как в большей или меньшей степени похожих на исторические.

Что же препятствует образованию МК в случаях типа и **греческое, *бунтующее* т.д.? Как нам представляется, в данном случае запрет на сочетаемость с определенными суффиксами демонстрирует именно вершина Deg. Сочетаемостные свойства данной вершины не позволяют ей принимать комплементом те синтаксические единицы, (лексико-грамматическая) категория которых не удовлетворяет налагаемым ей ограничениям. Точно так же, как переходные глаголы принимают в качестве комплементов лишь проекции, возглавляемые именами – именные группы, вершина Deg «имеет валентность» лишь на единицы категории а (адъектив). Такая категория может быть свойственна лексеме имманентно (*быстрый, злой, ...*), либо присваиваться деривационными суффиксами, «стирающими» информацию о категориальной принадлежности исходной основы (*ум-н-ый, злоб-н-ый, ...*).

Суффиксы прилагательных, не допускающие образования компаратива (*-ск, -ин -(в)ш, -л, -щ, ...*), как нам представляется, не «переписывают» категориальный признак, оставляя именные (*-ск, -ин, ...*) или глагольные (*-(в)ш, -л, -щ*) признаки на новообразованных основах прилагательных. Именно это не удовлетворяет сочетаемостным свойствам вершины Deg.

5.4.2.3. Стандарт сравнения

В предложенном нами варианте анализа стандарт сравнения, вводимый союзом *чем*, располагается в структуре обоих типов компаратива выше прилагательного. Это противоречит обычному употреблению МК и АК, предполагающему постпозицию стандарта:

(5.271) [Из произведений А.П. Чехова]

...эта механическая, кропотливая работа казалась ему интереснее, чем чтение.

(5.272) [Из произведений Л.Н. Андреева]

...это древнее первичное наслаждение убивать людей – умных, хитрых, лукавых, неизмеримо более интересных, чем самые хищные звери.

(5.273) [Из произведений Н.С. Лескова]

...их было так много, что они становились для меня страшнее, чем собаки...

(5.274) [Из произведений В.Я. Брюсова]

...и это был ад, более страшный, чем тот, который явлен был взорам Данте Алигиери.

Можно предположить следующие два варианта достижения поверхностного порядка слов. Во-первых, можно предположить передвижение прилагательного в некоторую доминирующую над ним вершину, т.е. синтаксический процесс линеаризации. Как представляется, такой вариант больше подходит для МК, который оказывается неграмматичным при предшествовании стандарта сравнения прилагательному:

(5.275)

**Эта механическая работа казалась ему чем чтение интереснее.*

(5.276)

**Они становились чем собаки страшнее для меня.*

АК, пусть и редко, но допускает предшествование стандарта:

(5.277) [Из произведений М.Ю. Лермонтова]

...просил у нее, слабой девушки, у нее, еще более, чем он, беззащитной, сожаления...

(5.278) [интернет]

... он был гораздо более, чем я, склонен к философии.

Мы склонны считать, что (почти обязательная) постпозиция стандарта в случае АК вызвана так называемым сдвигом «тяжелых» составляющих вправо (heavy NP shift). Тот факт, что подобная процедура не всегда обязательна, говорит о том, что ее природа – не (исключительно) синтаксическая. Высокая частотность конструкций с постпозицией объясняется тем, что составляющая, вводимая союзом *чем*, является предложением, которое может содержать достаточно большое количество структуры.

Подход к правому расположению стандарта сравнения с *чем* подтверждается также примерами, где группа с *чем* и компаратив не входят в одну составляющую:

(5.279) [Из произведений Л.Н. Андреева]

...он всегда был мне симпатичен, и [[AdjP более близких] друзей; чем он], я никогда не имел.

(5.280) [Из произведений И.Ф. Анненского]

...это [[AdjP более явная]игра] даже, [чем та]...

Можно предполагать, таким образом, что правое расположение стандарта сравнения – результат постсинтаксической операции выноса тяжелого материала.

Стандарт сравнения в русском языке может выражаться и при помощи именной группы в генитиве: «Компаратив сильно управляет формами информативно восполняющими: род. п.: *дешевле, дороже чего-н., более, менее, выше, ниже чего-н., выше нормы, быстрее всех, старше брата, сильнее смерти...*», [АГ-80-2: § 1875].

Рассмотрим следующие примеры:

(5.281) [Из произведений В.Г. Белинского]

Для чего, например, заставил он князя, для которого ... вкусный стол всегда был дороже жены и ее чести...

(5.282) [Из произведений В.Г. Белинского]

Но проза тогда была важнее стихов...

Оба прилагательных, и *дорогой*, и *важный*, могут задавать участника в дативе или генитиве с предлогом *для* (*дорог кому-то / для кого-то, важен кому-то / для кого-то*). В случае, когда генитивный стандарт и лексическое зависимое выражаются одновременно, возможно лишь контактное расположение прилагательного и стандарта сравнения и невозможен порядок прилагательное – лексическое зависимое – стандарт сравнения:

(5.283)

*Вкусный стол был для князя дороже жены.**Вкусный стол был дороже жены для князя.***Вкусный стол был дороже для князя жены.*

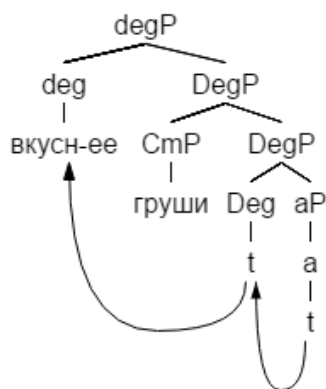
(5.284)

*Проза была для читателя важнее стихов.**Проза была важнее стихов для читателя.***Проза была важнее для читателя стихов.*

Требование контактного расположения прилагательного и стандарта сравнения подтверждает предложенный выше анализ. Генитивный стандарт порождается в спецификаторе проекции Deg, где ему приписывается падежный признак (ср., однако, [Bailyn 2004], где стандарт располагается в позиции комплемента и получает генитив от некоторой универсальной проекции Q). Как мы предположили выше, после того, как в проекцию DegP попадет стандарт сравнения и ему будет приписан падежный признак генитива, прилагательное передвигается в некоторую вершину (определим ее как deg), непосредственно доминирующую над DegP. Поверхностный порядок слов, таким образом, является результатом сразу нескольких передвижений:

(5.285) структура МК после передвижения прилагательного

[degP [deg вкусн-ее] [DegP [CmP груши] [DegP [Deg t] [aP [a t]]]]]

В отличие от МК, генитивный стандарт сравнения с АК неграмматичен, см также [Янко-Триницкая 1989: 65, 67]:

(5.286)

**Для князя вкусный стол был более дорог / дорогой / дорогим жены.*

(5.287)

**Но проза тогда была более важна / важная / важной стихов.*

Мы предполагаем, что за это ответственны различия в структурной позиции стандарта сравнения МК и АК. В случае МК стандарт располагается в спецификаторе вершины Deg, которая обладает свойством присваивать генитив. В случае АК стандарт занимает позицию комплемента сравнительного слова-интенсификатора *более*.

Правила расположения лексического зависимого и стандарта у АК, впрочем, такие же, как и у МК:

(5.288)

[Из произведений И.Ф. Анненского]

Содержание самого типа Обломова богаче гоголевских прототипов, и от этого он гораздо более похож на настоящего человека, чем каждый из них.

(5.289)

[Из произведений Л.Н. Андреева]

Если бы он год провалялся в могиле, он вернулся бы более похожим на себя, чем теперь.

Порядок *чем*-компаратив-зависимое представляется неграмматичным:

(5.290)

**Он гораздо более похож, чем каждый из них, на настоящего человека.*

(5.291)

**Он был бы более похожим, чем теперь, на себя.*

Причина неграмматичности, здесь, однако, иная – *чем*-компаратив является составляющей предикативного уровня, в которой происходит эллипсис материала, совпадающего материала:

(5.292)

Он гораздо более похож на настоящего человека, чем каждый из них [~~похож на настоящего человека~~].

(5.293)

Он был бы более похожим на себя, чем теперь [~~он был похожим на себя~~].

В случае, если лексические зависимые [*на настоящего человека; на себя*] располагаются после *чем*-компаратива, они не могут включаться в материал, элиминируемый при эллипсисе.

5.4.2.4. Дифференциал

Наконец, еще один регулярный атрибут ситуации сравнения – так называемый дифференциал – указание того, на сколько единиц или во сколько раз проявление признака у одного объекта превосходит его проявление у другого:

(5.294) [Из произведений А.А. Блока]

Он на целую голову выше других, ходит тяжелой поступью и смотрит только на Фаину.

(5.295) [Коллектив авторов. На Волховском фронте]

Маршрут железнодорожных перевозок с одного крыла на другое по этим рокадам стал короче на 432 км...

Дифференциал с предлогом *на* и аккумулятивом, однако, неграмматичен с АК:

(5.296)

**Он на целую голову более высокий.*

(5.297)

**Маршрут стал более коротким на 5 км.*

Объяснение подобного семантического эффекта находим в [Kennedy 2009]. Как мы уже установили, МК соответствует так называемому эксплицитному, а АК – имплицитному сравнению. Согласно Кеннеди, одним из свойств имплицитного сравнения как раз является несовместимость с дифференциалом – это установлено на материале разных языков и объясняется следующим образом. Поскольку предложные группы *на X единиц* содержат указания на абсолютные значения, они больше не являются зависимыми от контекста, а такая зависимость – характеристическое свойство имплицитного сравнения.

При этом как МК, так и АК могут употребляться, например, с предложной группой *в X раз*:

(5.298)

[Из произведений А.П. Чехова]

Его женили рано, когда он был еще студентом второго курса, и теперь жена казалась в полтора раза старше его.

(5.299) [Из произведений В.К. Арсеньева]

Спуск на Аохобе в два раза длиннее, чем подъем со стороны Тютихе.

(5.300) [Из произведений Л.Н. Толстого]

Вероятно в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы.

(5.301) [Из произведений Андрея Белого]

...не боясь в пять раз более строгого по требованиям А. С. Владимирского...

(5.302) [Из произведений П.Я. Чаадаева]

..дивное созвучие, в тысячу раз более величественное, чем все гармонии физического мира.

В роли дифференциала также регулярно употребляются интенсификаторы типа *намного*, *гораздо* и т.д.:

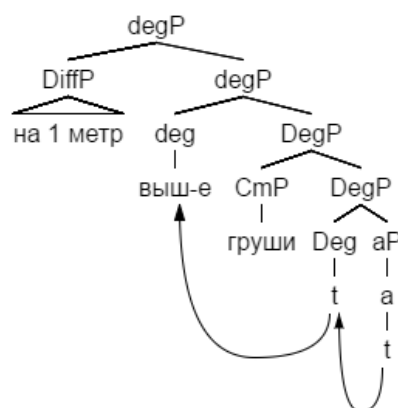
(5.303) [Из произведений И.Ф. Анненского]

Содержание самого типа Обломова богаче гоголевских прототипов, и от этого он гораздо более похож на настоящего человека, чем каждый из них.

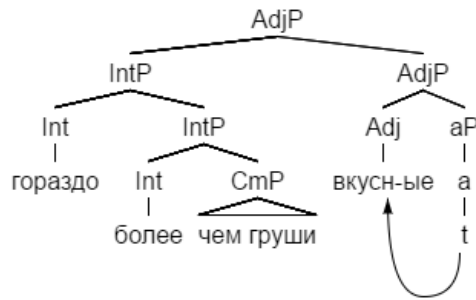
Как нам представляется, дифференциал, не будучи сильным синтаксическим участником ситуации сравнения, занимает позицию адьюнкта в обоих типах компаратива:

(5.304) Структура МК в предложении *Яблоня [на 1 метр выше груши]*

[degP [DiffP на 1 метр] [degP [deg выше-е] [DegP [CmP груши] [DegP [Deg t] [aP [a t]]]]]]]

(5.305) Структура АК в предложении *Яблоня [гораздо более высокая, чем груша]*
 [AdjP [IntP [Int *гораздо*] [IntP [Int *более*] [CmP *чем груши*]]] [AdjP [Adj *вкусн-ые*] [aP [a t]]]]

...

Скажем в заключение пару слов про компаратив в английском языке. Как мы говорили вначале, английский МК допускает атрибутивное употребление – это связано с отсутствием согласования в английской именной группе. Если признаков падежа / числа нет у других атрибутов (например, положительной степени прилагательного), их отсутствие на компаративе не является проблемой (а, напротив, единственно возможным вариантом).

Английские атрибутивные компаративы демонстрируют другое ограничение. А именно, их употребление со стандартом сравнения неграмматично:

(5.306) английский

**You are [a cleverer than most of us fellow].*

‘*Вы умнее многих из нас парень.’

(5.307)

**I advise you to read [some prettier than the 'History of the Devil' book].*

‘*Советую Вам прочесть позамечательней *Истории дьявола* книгу.’

В действительности запрет на образование подобных структур связан с так называемым ограничением «Конечное-над-конечным» (Final-over-Final Constraint), [Holmberg 2000]. Открытое Андерсом Холмбергом, это ограничение запрещает вкладывать фразы с начальной вершиной (*cleverer than most of us, prettier than the 'History of the Devil'*) в фразы с конечной вершиной (*a fellow, some book*), см. объяснение этого запрета в [Biberauer et al. 2009]. Очевидно, что для русского языка такой запрет нерелевантен (см. примеры выше, а также случаи типа *довольный собой человек* и т.д.)

5.4.3. Итоги: морфология, синтаксис и семантика компаратива

Мы рассмотрели особенности употребления морфологических и аналитических компаративов в русском языке. Как мы установили, при внешне схожих функциях

морфологический и аналитический компаратив имеют разные дистрибутивные и семантические ограничения. Это вполне согласуется с выводом, сделанным в [АГ-80-1: § 1342]: «К формам сравнит. степени не относится описательное выражение сравнения с помощью форм более или менее: *более веселый, более интересный, менее веселый, менее интересный*. Слова *более* или *менее* в этих сочетаниях сохраняют свое лексическое значение, и это препятствует их превращению в показатель морфологического значения и, следовательно, превращению сочетаний типа *более грустный, менее веселый* в аналитические формы сравнит. степени».

Мы постарались предложить анализ синтаксической структуры, который объяснял бы различия между двумя формами. Главной особенностью нашего анализа является утверждение о том, что морфологический компаратив образуется с участием специфицированных в функции сравнения синтаксических единиц (прежде всего – вершины Deg), в то время как аналитический компаратив базируется на той же синтаксической структуре, что и обычные прилагательные. Как мы показали, из такого различия в структуре следуют различия в семантических и морфологических свойствах. Кроме того, мы постарались построить модель, описывающую все релевантные для ситуации сравнения синтаксические единицы. Мы также рассмотрели процесс семантического сдвига и сформулировали некоторые ограничения на категориальный статус прилагательного, релевантные при построении морфологического компаратива.

5.5. Выводы по Главе 5

Перечислим основные полученные в данной главе результаты. Мы показали, что с самого начала образования адъективных словоформ, т.е. с момента присоединения деривационного показателя, русские прилагательные разделяются на два больших класса – атрибутивы и собственно адъективы. Первый класс может выполнять лишь функцию определения в структуре именной группы. Поскольку атрибутивы имеют лишь полную форму и поскольку полные формы всегда атрибутивны (см. работы предыдущих исследователей), единственная роль таких прилагательных – быть определением в именной группе. Функционально атрибутивы сближаются с генитивом, чья основная функция – оформление приименной зависимости. Неудивительно поэтому, что подавляющее большинство примеров атрибутивов связано с так называемыми относительными прилагательными – синтаксически «свернутыми» именными зависимыми. В отличие от атрибутивов класс «полноценных» прилагательных способен к употреблению в роли предикатива и компаратива и может проецировать собственные зависимые. Противопоставление атрибутивизации и

адъективизации, хотя и в несколько иной форме, наблюдается также в тюркских, монгольских и нахско-дагестанских языках, см. Главу 1.

Мы исследовали генитив качества и пришли к выводу о том, что его дистрибутивные свойства определяются не именем, являющемся «формальной» вершиной, а входящим в его состав прилагательным. Генитивы качества, таким образом, дают пример еще одного типа атрибутивного употребления, за которое ответственна лексическая категория прилагательных.

Говоря о предикативных употреблениях прилагательных, мы выделили в отдельный тип так называемые обособленные определения. Согласно нашему анализу, такие случаи являются некоторым вариантом свернутой предикации и не относятся ни к атрибутивному, ни к собственно предикативному контексту.

Мы подробно обсудили различные аспекты подхода к прилагательным как предикативной синтаксической единице. Для этого мы построили подробную семантическую классификацию моделей управления прилагательных, выделив в отдельный класс роль бенефактивного участника, которую мы связали не с лексическим управлением, а с проекцией особого типа.

Одним из наиболее важных для диссертации результатов был вывод о том, что русские прилагательные способны иметь не только лексические зависимые, но также проецируют собственный спецификатор, с которым связана их аргументная структура и событийная интерпретация – ср. приведенный в Главе 2 анализ осетинских сложных предикатов. Структура адъективной проекции при детальном изучении оказывается зачастую сходна со структурой глагольной проекции – см. здесь процитированные выше работы Л. Бэбби. Примечательно, что часть явлений, проанализированных нами выше на материале прилагательных, охватывает и причастия. Например, причастия также участвуют в образовании структур с обособлениями или, как это показано в [Богданов 2011], накладывают запрет на предикативное употребление с зависимыми. Как нам представляется, параллелизм в свойствах адъективной и причастной составляющих неслучаен – и те, и другие могут иметь разветвленную внутреннюю проекцию, ответственную за аргументную и событийную структуру.

В Главе 4 на материале глагольных проекций в тюркских языках мы наблюдали грамматикализацию аппликатива. Еще одним результатом данной главы было исследование универсальности аппликативной проекции на материале группы прилагательного в русском языке.

Исследуя свойства адъективов, т.е. того подкласса русских прилагательных, который обладает полным набором возможных грамматических свойств, мы также коснулись вопроса о синтаксической структуре степеней сравнения. Мы показали, что аналитическая степень сравнения восходит к атрибутивному употреблению прилагательных, в то время как

синтетический компаратив является специальной проекцией, характерной в русском языке только для адъективов.

Наконец, мы также убедились, что деривационные показатели зачастую обладают запретом на сочетание с основами определенной лексической категории – это еще раз подтверждает наш вывод о некорректности подхода к корням как акатегориальным единицам, сделанный в Главе 1.

Заключение

Языковой материал, выбранный для данного исследования, представляется на первый взгляд достаточно разнородным – что может быть общего, скажем, у русской группы прилагательного и у тюркской сериализации или у осетинских сложных предикатов и тюркских глаголов ‘образ действия – результат’? Несмотря на это, логика подбора языкового материала отражает поставленную задачу: проследить для отдельных грамматических зон естественных языков, различающихся структурно и генетически, «историю» синтаксической деривации от самого «зачаточного» состояния – уровня корневой или служебной морфемы к максимально высокой позиции – вершине возглавляемой ей составляющей.

Прохождение такого пути «сверху вниз», как мы видели, может быть достаточно долгим, а отдельные шаги могут быть неочевидны. Тем не менее, мы постарались показать, что каждая из «развилочек» подобной деривационной истории может задаваться стандартным набором бинарных правил. Пользуясь некоторыми стандартными допущениями, принятыми в современных порождающих теориях, мы постарались показать, что некомпозиционный подход в духе конструкций не является необходимым, если мы введем в описание некоторое количество (неочевидных на первый взгляд) структурных элементов. Такими элементами были прежде всего иерархично упорядоченные функциональные вершины (выраженные либо невыраженные фонологически), содержащие грамматическую информацию о свойствах проекции.

Наряду с этим мы проделали и обратный путь – прошли не «верх» от корня по синтаксической структуре, а, наоборот, – «вглубь». Причем правила, которыми мы пользовались как в макро-, так и в микросинтаксисе были удивительным образом схожи.

Известно, что сложнее всего получить представление об очевидном. Композициональность в лингвистике – то самое очевидное: любой учебник иностранного языка предполагает, что выучив два различных правила (например, использования числительных и согласования сказуемого с подлежащим) мы сможем применить их последовательно и получить предсказуемый результат (получив множественное число субъекта от числительных поставить во множественное число глагол). Однако постановка вопроса о применимости принципа композициональности и его «сфере действия» в языке была лишь вопросом времени. Это время наступило около полувека назад, когда в теории языка появилась идея о врожденной языковой способности. Если таковая способность существует, композициональность, очевидно, должна быть связана с ней самым непосредственным образом. Композициональность, безусловно, должна быть среди тех механизмов, которые помогают ребенку осваивать язык наиболее оптимальным образом.

Возможно, несколько несправедливо, что дискуссии вокруг понятия композициональности между сторонниками и противниками врожденной языковой способности занимали лингвистов меньше, чем, скажем, обсуждение рекурсии или наличия структуры в синтаксисе. Вероятно, такое время наступает с появлением и развитием в лингвистике подхода к языку в духе конструкций. Как представляется, в ближайшее время возможно столкновение и испытание на прочность двух теоретических подходов: «композиционального» и «конструкционного». Каждый из двух теоретических концептов (композициональность vs. конструкция) должен доказать преимущество по сравнению со своей альтернативой, будучи применен не только к описанию различных языковых фактов, но и при объяснении механизмов усвоения языка, при компьютерном моделировании отдельных языковых процессов и т.д. Не исключено, что попытки установления места каждого из понятий в языковой системе убедят сторонников конструкций в пользу композициональных правил, а сторонников идеи врожденной языковой способности – в необходимости определенной «идиоматизации» синтаксиса. Как кажется, оба таких сдвига в той или иной форме уже наблюдаются.

С понятием композициональности логически связано два других утверждения об устройстве языка. Во-первых, правила композиции предполагают возможность обращения к элементам разного типа. Правила построения структуры небезразличны к тому, какой из элементов будет вершиной, т.е. будет определять дальнейшие дистрибутивные свойства структуры и т.д. Из этого вытекает необходимость категоризации элементов (например, по частеречному или какому-либо еще признаку) на самых ранних этапах синтаксической деривации – мы наблюдали это на эмпирических языковых данных, проанализированных в диссертации.

Второе логическое следствие композициональности – бинарность. Бинарность естественно вытекает из необходимости интерпретации более чем двух элементов. Для группы элементов $A B C$ должно быть понятно, складывается ли их значение как ‘ $A + B$ ’ + C ’ или ‘ $A + B + C$ ’. И даже если мы примем бинарность, язык представляет нам класс отклонений от композициональности, возникающий при более чем однократном применении синтаксических правил, обозначенный нами как ‘ $[[A B] C]$ ’ = ‘ $A + B + C$ ’’. Как мы постарались показать на материале типологически различных языков, видимые отклонения от композициональности в этом случае связанные со скобочным парадоксом, нетривиальной сферой действия, реструктурированием и т.д. также могут получить композициональное представление.

Мы также затронули проблему отношений между лексиконом и синтаксисом. Два аспекта этих отношений, которые интересовали нас более всего, состоят в следующем. Во-первых – насколько может ли лексикон быть «непрозрачен» для синтаксических правил. Мы

ответили на этот вопрос положительно – правила, действующие в синтаксисе, могут приводить и к порождению новых элементов лексикона. Более того, такие правила, как мы обнаружили, имеют ряд корреляций с правилами синтаксиса. Мы также пришли к выводу о том, что, возможно, все отличие между «лексическим» синтаксисом и «большим» синтаксисом состоит лишь в типе элементов: вершины в первом и фразовые категории – во втором. Неожиданным, но интересным следствием этого представляется отсутствие в сложных лексических образованиях структурных отношений. Возможный результат, который, конечно же, должен быть еще обоснован дополнительно, состоит в том, что отношения доминирования и командования могут являться побочным продуктом допустимости более чем одного ветвления. Недопустимость рекурсии в составе сложных слов может быть связана с невозможностью фразовых категорий внутри словоформы. А если фразовый статус у некоторого элемента, как мы предположили, – всего лишь информация о последовательно рекурсивном ветвлении, то и в основе рекурсии лежит композициональность. Рекурсивно построенная составляющая является ни чем иным, как последовательно накопленной в процессе деривации информацией о предыдущих синтаксических уровнях. Тогда и языковая способность, часто ассоциируемая с рекурсией является одним из проявлений композициональности.

Первый аспект взаимодействия синтаксиса и лексикона, таким образом, связан с тем, насколько способен синтаксис служить для производства новых лексических единиц. Как мы видели, это является параметром типологического варьирования: в одних языках результат образования сложных элементов может попадать в лексикон (русский), в то время как в других похожие правила, производящие конструкции с аналогичным значением, порождают новый элемент синтаксического, а не лексического уровня (тюркские, монгольские, нахско-дагестанские и др. языки).

Второй аспект взаимодействия синтаксиса и лексикона связан с тем, где именно начинается синтаксическая деривация. Существуют радикальные точки зрения, согласно которым построение синтаксической структуры всегда начинается с минимально допустимых элементов. Проведенное нами исследование продемонстрировало, что более верной является «умеренно-синтаксическая» позиция. Согласно нашим представлениям, как корневые, так и служебные морфемы являются элементами синтаксической деривации. Мы, однако, считаем, что часть результатов действия правил синтаксиса хранится в «готовом виде» в лексиконе и принимается синтаксисом как готовая единица при построении новых высказываний.

Одним из следствий композиционального подхода к языку, на позициях которого стоит автор, является возможность написания прозрачных алгоритмов для компьютерного анализа естественного языка – примеры таких алгоритмических правил представлены в Приложениях 1 и 2.

Список литературы

- Абаев 1970 – Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь / сост. Б. Б. Бигулаев и др. Орджоникидзе: «ИР», 1970. С. 543–720.
- АГ-80-1 – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 792 с.
- АГ-80-2 – Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 717 с.
- Агранат 2009 – Агранат Т.Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. Дис. ... доктора филологических наук. 2009 М.: ИЯ РАН. 235 с.
- Адамец 1994 – Адамец П. Рефлексивность и местоимение *сам* // *Revue des études slaves*. Т. 66, fasc. 3. 1994. Р. 437–440.
- Аксенова 2014 – Аксенова А. Отчет по теме «Отрицание» по результатам экспедиции ОТиПЛ филологического факультета МГУ по изучению бурятского языка. Рукопись. М.; сел. Барагхан. 9 с.
- Алиев 1973 – Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Алпатов 1986 – Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи // *Вопросы языкознания*, № 4, Алпатов В.М. 1986 С. 37-46
- Алпатов и др. 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х томах. М.: Наталис, 2008. 560+464 с.
- Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Т. 1. М., 1995. 364 с.
- Апресян и др. 1989 – Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Санников В. З., Цинман Л. Л. и др. Лингвистическое обеспечение в системе ЭТАП-2. М.: Наука, 1989. 295 с.
- Апресян и др. 2005 – Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // *Национальный корпус русского языка: 2003—2005*. М.: Индрик, 2005. С. 193–214.
- Арутюнова 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Ахвледиани (ред.) 1969 – Грамматика осетинского языка. Т. II: Синтаксис / под ред. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1969. 387 с.
- Багаев 1965 – Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. 487 с.

Баскаков (ред.) 1947 — Ойротско-русский словарь с приложением грамматического очерка ойротского языка / под ред. Н. А. Баскакова, Т. М. Тошаковой. М., 1947. 312 с.

Баскаков и др. 1953 — Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь (с грамматическим очерком). М., 1953. 487 с.

Бектаев 1995 — Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Казахстанский проект, 1995. 703 с.

Бенвенист 1961 — Бенвенист Э. К анализу падежных конструкций: латинский генитив // Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц. М.: Прогресс, 1974. С. 156-164.

Богданов 2011 — Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, ОТиПЛ. М., 2011. 384 с.

Богуславская 2005 — Богуславская О. Ю. Цель в семантике нецелевых прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конф. «Диалог 2005» / Институт проблем информатики РАН. М.: Наука, 2005. С. 54–58.

Богуславский 1996 — Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996, 460 с.

Богуславский 1998 — Богуславский И. М. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 8–18.

Борщев, Кнорина 1990 — Борщев В. Б., Кнорина Л. В. Типы реалий и их языковое восприятие // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка / под ред. Вяч. Вс. Иванова. М., 1990. С. 106–134.

Брандер 1999 — Брандер А. Морфологический анализ образования синтетических форм степеней сравнения в русском языке // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná, Masarykova univerzita, Filozofická fakulta. Brno, 1999. Vol. 48, iss. A47. P. 165–173.

Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7–85.

Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Былинина 2002 — Былинина Е. «Относительное предложение». Экспедиционный отчет. МГУ, ОТиПЛ. 2002. 28с.

Бэбби 1985 — Бэбби Л. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 156-170.

Виноградов 1975 – Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155–165.

Вольф 1978 – Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: На материале иберо-романских языков. М.: Наука, 1978. 199 с.

Воротников 1999 – Воротников Ю. Л. «Более лучше, более веселее». О грамматическом статусе аналитических форм сравнительной степени // Русская речь. 1999. № 1. С. 49–54.

Гагкаев 1952 – Гагкаев К. Е. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952. 115 с.

Гагкаев 1956 – Гагкаев К. Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе, 1956. 276 с.

Гаджиев 2002 – Гаджиев Э. Н. Видо-временные формы глагола в кумыкском и турецком языках в сравнительном освещении. Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 167с.

Ганенков 2015 – Ганенков Д. С. Синтаксис согласуемых прилагательных в даргинском языке. Доклад на конф. «Типология морфосинтаксических параметров», МГГУ им. Шолохова (14–16 октября 2015, ИЯз РАН, Москва). 2015.

Ганиев 2003 – Ганиев Ф. А. Способы действия глаголов в татарском языке. Казань: Дом Печати, 2003. 152 с.

Гращенков 2002 – Гращенков П. В. Генитив при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней» проблемы. // Вопросы Языкознания. № 3, 2002, С. 74-119.

Гращенков 2006 – Гращенков П. В. Синтаксис и типология генитивной группы. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, ОТиПЛ. М., 2006. 254 с.

Гращенков 2007 – Гращенков П. В. Типология посессивных конструкций. // Вопросы языкознания, 2007, № 3. С. 25-54.

Гращенков 2008 – Гращенков "R.M.W. Dixon. A.Y. Aikhenvald. Adjective classes: A cross-linguistic typology" // Рецензия в журнале Вопросы Языкознания, № 1, Москва, Наука, 2008, 141-145.

Гращенков 2009а – Гращенков П. В. Синтаксис конструкций с плавающими кванторами в тубаларском. // Тубаларские этюды / под ред. С. Г. Татевосова. М., 2009. С. 151–168.

Гращенков 2009б – Гращенков П. В. Дрейф квантора как свидетельство существования партитивной проекции в именной группе. // Корпусные исследования по русской грамматике, п.ред. К.Л. Киселевой и др., Москва. Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 397-426.

Гращенков 2011 – Гращенков П. В. Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // Вестник ТППГУ. Казань, 2011. № 4 (26). С. 182–185.

Гращенков 2012 – Гращенков П. В. Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -n // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 55–78.

Гращенко 2014а – Гращенко П. В. Сложные глаголы ‘образ действия – результат’ (на материале карачаево-балкарского и казахского языков) // Урало-алтайские исследования, 2014. № 4 (15), С. 32-46.

Гращенко 2014б – Гращенко П. В. К эволюции нефинитных форм глагола. // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Филологические науки). 2014, №3, С. 34-54.

Гращенко 2015а – Гращенко П. В. Синтаксические свойства суффиксов русских прилагательных // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Филологические науки). 2015. № 3. С. 28–39.

Гращенко 2015б – Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. 264 с.

Гращенко 2015в – Гращенко П. В. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках, их функции и возможная эволюция // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4 (19), С. 7-16.

Гращенко 2016а – Гращенко П. В. К вопросу о синтаксической структуре обособленных атрибутов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. Материалы междунар. науч. конф. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.) / под ред. Г. И. Кустовой, А. А. Пичхадзе. М., 2016. С. 70–81.

Гращенко 2016б – Гращенко П. В. Морфология – взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 7–35.

Гращенко 2016в – Гращенко П. В. Осетинские сложные предикаты в типологической перспективе: общие черты и характерные особенности // Известия СОИГСИ. Вып. 22 (61) 2016, С. 105-112.

Гращенко 2016г – Гращенко П. В. Сложные прилагательные и выбор синтаксического формализма // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Филологические науки), № 3/2016, С. 61-81.

Гращенко 2017 – Гращенко П. В. Как нарушить три запрета – немного о русских глаголах на *сам-ся* // Вопросы языкознания, принято к печати

Гращенко, Ермолаева 2015 – Гращенко П. В., Ермолаева М.Б. О двойственной природе тюркских конвербов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М.: Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова №2 . 2015, С. 42-57.

Гращенко, Лукин 2005 – Гращенко П.В., Лукин О.В. "D. Beck. The typology of parts of speech systems: The markedness of adjectives. New York & London" // Рецензия в журнале Вопросы Языкознания, № 1, Москва, Наука, 2005, 152-157.

Гращенков, Лютикова 2017 – Гращенков П. В., Лютикова Е. А. О синтаксисе компаратива в русском языке (совместно с Е.А. Лютиковой) // РЯНО, принято к печати.

Гращенкова 2008 – Гращенкова А.Э. Структура группы прилагательного в русском языке: гипотеза малого а // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конф. «Диалог 2008». М.: Наука, 2008. С. 116–124.

Грунина 2002 – Грунина Э. А. Огузские языки: Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2002. С. 157–215.

ГСКЯ — Грамматический справочник по казахскому языку // URL: <http://www.techkz.kz/grammar.pdf> (дата обращения: 2012).

Джанмавов 1967 – Джанмавов Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967. 329 с.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / авт.-сост.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин, Н. И. Летягина, Л. Ю. Тугушева. Л., 1969. 677 с.

Ермолаева 2012 – Ермолаева М. Б. Конвербы в мишарском диалекте татарского языка. Экспедиционный отчет. МГУ, ОТиПЛ. 24 с.

Еськова 2011 – Еськова Н. А. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке // Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 127–152.

Закиев (ред.), 2 – Татарская грамматика: в 3 т. Т. 2: Морфология / под ред. М. З. Закиева, Ф. А. Ганиева. Казань, 1993. 447 с.

Закиев (ред.), 3 – Татарская грамматика: в 3 т. Т. 3: Синтаксис / под ред. М. З. Закиева, Ф. А. Ганиева. Казань, 1992. 488 с.

Зализняк 1980 – Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. 880 с.

Зализняк 2002a – Зализняк А. А. Акцентная система современного русского литературного языка // Русское именное словоизменение. М.: Языки русской культуры, 2002. С. 373–478.

Зализняк 2002b – Зализняк А. А. Грамматические противопоставления в русских именных парадигмах // Русское именное словоизменение. М.: Языки русской культуры, 2002. С. 19–103.

Земская 2005 – Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.

Земская 2011 – Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта : Наука, 2011. 323 с.

Иомдин 1981 – Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1979. М.: Наука, 1981. С. 89–104.

Иомдин 2010 – Иомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 141–190.

Исакадзе 1999 – Исакадзе Н. В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. 1999. 241 с.

Исаченко 1963 – Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 61–93.

Исхаков, Пальмбах 1961 – Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961. 470 с.

Иткин 2007 – Иткин И. Б. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007. 272 с.

Казенин 2007 – Казенин К. И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 92–107.

Казенин 2011 – Казенин К. И. Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 46–60.

Карпова и др. 2010 – Карпова О. С., Резникова Т. И., Архангельский Т. А., Кюсева М. В., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., Тагабилева М. Г. База данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конф. «Диалог-2010». М.: РГГУ, 2010. С. 163–169.

КБС – Карачаево-балкарский словарь // URL: www.elbrusoid.org/dictionary

КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчевой. М.: Русский язык, 1989. 832 с.

Кибрик 1992а – Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 102-122.

Кибрик 1992б – Кибрик А.Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 123-130.

Кибрик 1992в – Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 179-197.

Кибрик 1992г – Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 198–218.

Кибрик 2000 – Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю. Д. Апресяна / под ред. Л. Л. Иомдина, Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 434–446.

Кибрик (ред.) 2001 – Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / под ред. А. Е. Кибрика. М., 2001. 931 с.

Кибрик (ред.) 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / под ред. А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец. М.: ИМЛИ РАН, 1999. 943 с.

Кибрик, Богданова 1995 – Кибрик А. Е., Богданова Е. А. САМ как корректор ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.

Кибрик и др. (ред.) 1997 – Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. 455 с.

Кобозева 2000 – Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Ковтунова 2002 – Ковтунова И. И. Русский синтаксис: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: УРСС, 2002. 240 с.

Корнакова, Лютикова, Гращенков 2016 – Корнакова Е.В., Лютикова Е.А., Гращенков П.В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке. Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Филологические науки), № 4/2016. С. 58-82.

Козинский 1983 – Козинский И. Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Предварительные публикации Института русского языка. Вып. 156. М.: Наука, 1983. С. 91.

Котвич 1962 – Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 373 с.

Кочеткова 2006 – Кочеткова Т. И. Проблема словосложения в современной русистике // Вестник ОГПУ. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2006. № 1 (43). С. 5–12.

Кустова 2006 – Кустова Г. И. Валентности и конструкции прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конф. «Диалог-2006». М., 2006. С. 323–328.

Кустова 2009 – Кустова Г. И. Электронный семантический словарь глагольных прилагательных: структура и типы информации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конф. «Диалог-2009». М, 2009. С. 271–277.

Кюсева и др. 2013 – Кюсева М. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. 2013. Типологическая база данных адъективной лексики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). Т. 1: Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 367–376.

Левитская 1976 – Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 207 с.

Летучий 2013 – Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянских культур, 2013. 384 с.

Лютикова 1997 – Лютикова Е. А. Рефлексивы и эмфаза // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 49–74.

Лютикова 2002 – Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: Наследие, 2002. 174 с.

Лютикова 2010 – Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник МГУ. 2010. № 6. С. 36–76.

Лютикова 2012 – Лютикова Е. А. О двух типах инверсии в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 65–106.

Лютикова 2014а – Лютикова Е. А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Филологические науки). 2014. № 4. С. 50–70.

Лютикова 2014б – Лютикова Е. А. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1 / под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГГУ, 2014. С. 120–145.

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. 464 с.

Лютикова, Перельцвайг 2015 – Лютикова Е. А., Перельцвайг А. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52–69.

Майсак 2005 – Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 480 с.

Маслов 1948 – Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303–316.

- Махмутова 1978 – Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Мельчук 1995 – Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995. 682 с.
- Мельчук 1998 – Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998. 544 с.
- Мельчук 1999 – Мельчук И. А. Опыт лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». Семантика, синтаксис. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
- Мещанинов 1963 – Мещанинов И. И. Структура предложения, М.; Л., 1963. 104 с.
- Мещанинов 1967 – Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. 249 с.
- Митренина и др. 2012 – Митренина О. В., Романова Е. Е., Слюсарь Н. А. Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2012. 376 с.
- Мудрак 2009 – Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетики // *Orientalia et Classica*. XXIII. М., 2009. 186 с.
- Муравьева 2004 – Муравьева И. А. Типология инкорпорации. Дис. ... докт. филол. наук. РГГУ. М., 2004. 286 с.
- Насилов 1989 – Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л., 1989. 207 с.
- Оралбаева (ред.) 1989 — Изучаем казахский язык: Учебник казахского языка для слушателей курсов / под ред. Н. Оралбаевой. Алма-Ата, 1989. 336 с.
- Осетинско-русский словарь 1970 – Осетинско-русский словарь / сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Т. А. Гуриев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. Орджоникидзе, 1970. (28 тыс. слов) 562 с.
- Падучева 1974 – Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974. 292 с.
- Падучева 1983 – Падучева Е. В. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // *Семиотика и информатика*. Вып. 21. М.: ВИНТИ, 1983. С. 3–33.
- Падучева 1999 – Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // *Вопросы языкознания*. 1999. № 6. С. 3–24.
- Падучева 2004 – Падучева Е. В. О семантическом инварианте видового значения глагола в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2004. № 2 (8). С. 5–16.
- Падучева 2009 – Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // *Вопросы языкознания*. 2009. № 6. С. 3–20.
- Пазельская 2006 – Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. 2006. 216 с.

Пазельская 2007 – Пазельская А. Г. Проблема сочинения и подчинения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / под ред. Е. А. Лютиковой, К. И. Казенина, В. Д. Соловьева, С. Г. Татевосова. Казань: Магариф, 2007. С. 383.

Пазельская 2013 – Пазельская А. Г. Инкорпорация в глагольных формах в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (2013)» / под ред. В. П. Селегей и др. Вып. 12. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 579–592.

Пазельская, Шлуинский 2007 – Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Обстоятельственные предложения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / под ред. Е. А. Лютиковой, К. И. Казенина, В. Д. Соловьева, С. Г. Татевосова. Казань: Магариф, 2007. С. 383.

Плунгян 2000 – Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Пшехотская 2012 – Пшехотская Е. А. Косвенное дополнение как субкатегоризованный и несубкатегоризованный актант (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, ОТиПЛ, 2012. 151 с.

Рахилина (ред.) 2010 – Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010. 583 с.

Розенталь, Теленкова 1985 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М: Просвещение, 1985. 399 с.

РТС 2001 — Русско-татарский словарь / под ред. Ф. А. Ганиева. Казань, 2001. 207 с.

Рудницкая 2014 – Рудницкая Е. Л. Степень редукции придаточного в корейском сложном предложении // Вестник НГУ. Серия «Филология». 2014. № 2 (13). С. 45–54.

Санжеев и др. 1962 – Санжеев Г. Д., Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: ИВЛ, 1962. 340 с.

Серебрянникова 2015 – Серебрянникова А. Отчет по теме «Именная группа» по результатам экспедиции ОТиПЛ филологического факультета МГУ по изучению бурятского языка. Рукопись. М.; сел. Барагхан. 47 с.

СИБЯ — Сайт изучения башкирского языка // URL: www.tel.bashqort.com

СИГТЯ 1986 — Гаджиева Н. З., Серебрянников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1986. 285 с.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1988. 557 с.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

СинТагРус – подкорпус Национального корпуса русского языка (ИППИ РАН & НКРЯ) с синтаксической разметкой [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/instruction-syntax.html>

Срезневский 1893 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. 771+922+996 с.

Тагабилева 2012 – Тагабилева М. Г. О некоторых моделях образования сложных слов со значением *nomina agentis* в русском языке // Материалы Девятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2012. С. 209–214.

Тазранова 2005 – Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005. 228 с.

Татевосов 2010 – Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. 537 с.

Текуев 1979 – Текуев М. М. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979. 82 с.

Телякова 1998 – Телякова В. М. Значения совместно-орудного падежа в шорском языке // Языки коренных народов Сибири. 1998. № 4. С. 96–102.

Тестелец 2001 – Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.

Тестелец, Толдова 1998 – Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 35–58.

Туймебаев 1991 – Туймебаев Ж. К. Казахский язык: Грамматический справочник. Алматы, 1991. 108 с.

Тыбыкова 1966 – Тыбыкова А. Т. Сложные глаголы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1966. 63 с.

Федорова 2015 – Федорова Л. Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 8; Московский лингвистический журнал. 2015. Т. 17. Вып. 2. С. 61–74.

Харитончик 1990 – Харитончик З. А. Имя прилагательное: проблемы классификации // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов / под ред. Ф. М. Березина, Е. С. Кубряковой. М.: ИНИОН, 1990. С. 94-98.

Шаляпина 2007 – Шаляпина З. М. Трёхмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Восточная литература РАН, 2007. 485 с.

Шаляпина 2015 – Шаляпина З. М. Еще раз о границах слов в японских глагольных образованиях // Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Алпатова. Тезисы докл. международной науч. конф. 22–23 апреля 2015 г. / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. С. 130–132.

Ширалиев, Севортян (ред.) 1971 – Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис) / под ред. М. Ш. Ширалиева, Э. В. Севортяна. Баку: Элм, 1971. 415 с.

Шлуинский 2001 – Шлуинский А. Б. Экспедиционный отчет о проделанной работе по сбору данных в чувашской лингвистической экспедиции в августе 2001 г. в с. Шимкусы Янтиковского района Республики Чувашия. МГУ, ОТиПЛ. М., 2001. 16 с.

Шлуинский 2004 – Экспедиционный отчет о проделанной работе по сбору данных карачаево-балкарского языка. МГУ, ОТиПЛ. М., 2004. 33 с.

Шлуинский 2005 – Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 372 с.

Шлуинский 2006 – Шлуинский А. Б. Акциональность и аспектуальный показатель: Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2006. № 1. С. 32–43.

Шлуинский 2009 – Шлуинский А. Б. Бивербальные конструкции в тубаларском диалекте и их лексические ограничения // Тубаларские этюды / под ред. С. Г. Татевосова. М., 2009. С. 6–53.

Шрамм 1979 – Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1979. 135 с.

Щербак 1981 – Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. М., 1981. 181 с.

ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / под ред. Э. В. Севортяна. М., 1978. 349 с.

Юдахин 1985 – Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. В 2-х т. Фрунзе, 1985. 504+480 с.

Янко 1999 – Янко Т.Е. Еще раз о слове *сам*: инвариант и коммуникативные особенности // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / под ред. Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестелец. М., 1999. С. 340–361.

Янко-Триницкая 1989 – Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1989. 236 с.

Янко-Триницкая 2001 – Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

Abney 1987 – Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Doctoral dissertation, MIT. Cambridge, MA, 1987. 596 p.

Abney, Johnson 1991 – Abney S. P., Johnson M. Memory requirements and local ambiguities of parsing strategies // Journal of Psycholinguistic Research. 1991. 20 (3). P. 233–250.

Ackema, Neeleman 2004 – Ackema P., Neeleman A. Beyond morphology: Interface conditions on word formation. Oxford: Oxford University Press, 2004. 318 p.

Ackema, Neeleman 2007 – Ackema P., Neeleman A. Morphology does not equal syntax // The handbook of linguistic interfaces / ed. by G. Ramchand and C. Reiss. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 325–352.

Ahmed, Butt 2011 – Ahmed T., Butt M. Discovering semantic classes for Urdu N-V complex predicates // Proceedings of the Ninth International Conference on Computational Semantics / ed. by J. Bos, S. Pulman, Oxford, 2011. pp:305-309.

Aikhenvald 2006 – Aikhenvald A. Serial verb constructions in typological perspective // Serial verb constructions: Cross-linguistic typology / ed. by A. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1–68.

Aikhenvald, Dixon (eds) 2006 – Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds). Serial verb constructions: Cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. 400 p.

Alexiadou, Anagnostopoulou 2013 – Alexiadou A., Anagnostopoulou E. Manner vs. result complementarity in verbal alternations: a view from the clear alternation // Proceedings of the 42nd annual meeting of the North East linguistic society. Vol. 1 / ed. by S. Keine and Sh. Sloggett. University of Toronto, 2013. P. 39–52.

Alexiadou, Doron 2012 – Alexiadou A., Doron E. The syntactic construction of two non-active Voices: passive and middle // Journal of Linguistics. 2012. 48. P. 1–34.

Anderson 2004 – Anderson G. D. S. Auxiliary verb constructions in Altai-Sayan Turkic. Wiesbaden, 2004. 248 p.

Antonyuk-Yudina 2009 – Antonyuk-Yudina S. Long-distance scrambling, VP ellipsis, and scope economy in Russian // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 15. Iss. 1, P. 1-9.

Aronoff 1994 – Aronoff M. *Morphology by Itself: Stems and inflectional classes* // *Linguistic Inquiry Monograph Series*. 22. Cambridge, MA: Mit Press, 1994. P. XVIII + 210.

Asarina, Hartman 2011 – Asarina A., Hartman J. *Genitive subject licensing in Uyghur subordinate clauses* // *Proceedings of the 7th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL 7)* / ed. by A. Simpson (ed.). MIT Working Papers in Linguistics, Massachusetts, 2011. P. 17-31.

Babby 1973 – Babby L. H. *The deep structure of adjectives and participles in Russian* // *Language*. 1973. 49. P. 349–360.

Babby 1975 – Babby, L. H. *A transformational grammar of Russian adjectives*, Hague-Paris: Mouton, 1975, 242 p.

Babby 1986 – Babby L. H. *The locus of case assignment and the direction of percolation: Case theory and Russian* // *Case in Slavic* / ed. by R. D. Brecht and J. S. Levine. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1986. P. 170–219.

Babby 2009 – Babby L. *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 326 p.

Bacanli 2009 – Bacanli E. *Phase marking on initiontransformative verbs in Altai Turkic* // *Turkic Languages*. 2009. 12. P. 170–186.

Bailyn 1994 – Bailyn J. *The syntax and semantics of Russian long and short adjectives: an X'-theoretic account* // *Formal approaches to Slavic linguistics. The Ann Arbor Meeting* / ed. by J. Toman. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1994. P. 1–30.

Bailyn 2001 – Bailyn J. *The syntax of Slavic predicate case* // *ZAS Occasional papers in linguistics: Proceedings of the Workshop on predication, Zentrum für allgemeine Sprachwissenschaft* / ed. by A. Strigin et al. Berlin, 2001. P. 1-26.

Bailyn 2002 – Bailyn J. F. *Overt predicators* // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002, 10. P. 23-52.

Bailyn 2004 – Bailyn J. *The case of Q* // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 12: The Ottawa meeting* / ed. by O. Arnaudova, W. Browne, M.-L. Rivero and D. Stojanovic. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2004. P. 1–36.

Bailyn 2010 – Bailyn J. F. *What's inside VP? New (and old) evidence from Russian* // *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Second Cornell Meeting 2009* / ed. by W. Browne, A. Cooper, A. Fisher, E. Kesici, N. Predolac and D. Zec. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications. P. 21–37.

Bailyn, Citko 1999 – Bailyn J., Citko B. *Case and agreement in Slavic predicates* // *Formal approaches to Slavic linguistics 7: The Seattle Meeting* / K. Dziwirek, H. Coats and C. Vakareliyska. Ann Arbor, Michigan: Michigan Slavic Publications, 1999. P. 17–37.

Baker 1985 – Baker M. *The mirror principle and morphosyntactic explanation* // *Linguistic Inquiry*. 1985. 16. P. 373–416.

Baker 1988 – Baker M. C. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988. 543 p.

Baker 1989 – Baker M. Object sharing and projection in serial verb constructions // *Linguistic Inquiry*. 1989. 20. P. 513–553.

Baker 2000 – Baker M. “Verbal adjectives” as adjectives without phi-features. Ms. Rutgers University, 2000. P. 22.

Baker 2003 – Baker M. *Lexical categories: verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 368.

Baker, Stewart 1999 – Baker M., Stewart O. T. On the double-headedness and the anatomy of the clause. Ms. Rutgers University, 1999. 48 p.

Baker, Stewart 2002 – Baker M., Stewart O. T. A serial verb construction without constructions. Ms. Rutgers University, 2002. P. 111-151.

Beavers, Koontz-Garboden 2012 – Beavers J., Koontz-Garboden A. Manner and result in the roots of verbal meaning // *Linguistic Inquiry*. 2012. 43 (3). P. 331–369.

Bennis 2004 – Bennis H. Unergative adjectives and psych verbs // *The unaccusativity puzzle: Studies on the syntax-lexicon interface* / ed. by A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou and M. Everaert. Oxford, 2004. P. 84-113.

Bernstein 1993 – Bernstein J. *Topics in the syntax of nominal structure across Romance*. CUNY. Ph. D. Dissertation. 1993. 293 p.

Bernstein 1995 – Bernstein J. Adjectives and their complements. Paper presented at the 1995 LSA Annual Meeting. 1995.

Bhat 1994 – Bhat D. N. S. *The adjectival category: Criteria for differentiation and identification*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. 309 p.

Bhatt, Pancheva 2004 – Bhatt R., Pancheva R. Late merger of degree clauses // *Linguistic Inquiry*. 2004. 35. P. 1–46.

Bhatt, Pancheva 2007 – Bhatt R., Pancheva R. Degree quantifiers, position of merger effects with their restrictors, and conservativity // *Direct compositionality* / ed. by Ch. Barker and P. Jacobson. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 306–335.

Biberauer 2010 – Biberauer Th. Semi null-subject languages, expletives and expletive pro reconsidered // *Parametric variation: Null subjects in minimalist theory* / ed. by Th. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts and M. Sheehan. Cambridge: CUP, 2010. P. 153–199.

Biberauer et al. 2009 – Biberauer Th., Holmberg A., Roberts I. Linearization and the architecture of grammar: A view from the final-over-final constraint // *StiL-studies in linguistics (Proceedings of XXXV incontro di grammatica generativa)* / ed. by V. Moscati and E. Servidio. University of Siena CISCL Working Papers №3. 2009. P. 77–89.

Blacher 1996 – Blacher P. S. Grammaire descriptive de Turkmene à l’usage des Francophones. Ms., Paris: Département Asie Mineure et Intérieure à l’INALCO. 1996.

Bobaljik 2007 – Bobaljik J. On comparative suppletion. Ms., University of Connecticut, 2007. 72 p.

Bobaljik 2012 – Bobaljik J. Universals in comparative morphology: Suppletion, superlatives, and the structure of words. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. 332 p.

Bobaljik, Wurmbrand 2005 – Bobaljik J., Wurmbrand S. The domain of agreement // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2005. 23. P. 809–865.

Boguslavsky 2011 – Boguslavsky I. M. Remarks on compositionality (with reference to Gennadij Zeldovič’s article “On Russian dative reflexive constructions: Accidental or compositional”) // *Studies in Polish Linguistics*. Kraków, 2011. 6. P. 173–179.

Bolinger 1967 – Bolinger D. L. Adjectives in English: Attribution and predication // *Lingua*. 1967. 18. P. 1–34.

Bonami, Crysmann 2016 – Bonami O., Crysmann B. The role of morphology in constraint-based lexicalist grammars // *Cambridge handbook of morphology* / ed. by A. Hippisley and G. T. Stump. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 609–656.

Borer 2005a – Borer H. In name only. Structuring sense. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 2005. 324 p.

Borer 2005b – Borer H. The normal course of events. Structuring sense. Vol. II. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1732 p.

Borer 2013 – Borer H. The syntactic domain of content // *Generative linguistics and acquisition: Studies in honor of Nina Hyams* / ed. by M. Becker, J. Grinstead and J. Rothman. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 205–248.

Borer 2014a – Borer H. Taking form. Structuring sense. Vol. III. Oxford: Oxford University Press, 2014. 682 p.

Borer 2014b – Borer H. The Category of Roots // *The syntax of roots and the roots of syntax* / ed. by A. Alexiadou, H. Borer and F. Schäfer. *Oxford Studies in Theoretical Linguistics*. 51. 2014. P. 352.

Bosque, Gallego 2011 – Bosque I., Gallego Á. J. Spanish double passives and related structures // *Linguística. Revista de Estudos Linguísticos da Universidade do Porto* 6(1), Madrid: Arco / Libros, 2011. 6. P. 9–50.

Bowers 1993 – Bowers J. The syntax of predicatio // *Linguistic Inquiry* 24. 1993. P. 591–656.

Bridges 2008 – Bridges M. Auxiliary verbs in Uyghur. Cansas, 2008. (Manuscript) 96 p.

Brown, Franks 1995 – Brown S., Franks S. Asymmetries in the scope of Russian negation // *Journal of Slavic Linguistics*. 1995. 3. P. 239–287.

- Burzio 1981 – Burzio L. Intransitive verbs and Italian auxiliaries. Ph. D. Dissertation, MIT. 1981. 719 p.
- Burzio 1986 – Burzio L. Italian syntax. Dordrecht: Reidel, 1986. 468 p.
- Butt 1995 – Butt M. The structure of complex predicates in Urdu. Chicago: CSLI Publications, 1995. 246 p.
- Butt 2003 – Butt M. The light verb jungle // Harvard Working Papers in Linguistics. Vol. 9. Cambridge, MA, 2003. P. 1–49.
- Butt, Lahiri 2013 – Butt M., Lahiri A. Diachronic pertinacity of light verbs // *Lingua*. 2013. Vol. 135. P. 7–29.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 – Bybee J., Perkins R. D., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
- Carlson 1977 – Carlson G. N. Reference to kinds in English. Ph. D. thesis. University of Massachusetts. 1977; Amherst. Published in 1980 by Garland, New York. 311 p.
- Carnie 2010 – Carnie A. Constituent structure. Oxford: OUP, 2010. 302 p.
- Carstens 2002 – Carstens V. Antisymmetry and word order in serial constructions // *Language*. 2002. 78. P. 3–50.
- Chomsky 1970 – Chomsky N. Remarks on nominalization // *Readings in English transformational grammar* / ed. by R. A. Jacobs and P. S. Rosenbaum. Boston: Ginn, 1970. P. 184–221.
- Chomsky 1977 – Chomsky N. ‘On wh-movement’ // *Formal syntax* / ed. by P. W. Culicover, T. Wasow and A. Akmajian. New York: Academic Press, 1977. P. 71–132.
- Chomsky 1981 – Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.
- Chomsky 1986 – Chomsky N. Knowledge of language: its nature, origin and use. New York: Praeger, 1986. 307 p.
- Chomsky 1993 – Chomsky N. A minimalist program for linguistic theory // *The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger* / ed. by K. Hale and S. J. Keyser. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993. P. 1–52.
- Chomsky 1995 – Chomsky N. The minimalist program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995, 420 p.
- Chomsky 2000 – Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework // *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik* / ed. by R. Martin, D. Michaels and J. Uriagereka. Cambridge, Mass.: MIT Press. P. 89–155.

Chomsky 2001 – Chomsky N. Derivation by phase // Ken Hale: A life in language / ed. by M. Kenstowicz. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1–52.

Chomsky 2013 – Chomsky N. Problems of projection // *Lingua*. 2013. 130. P. 33–49.

Cinque 1990 – Cinque G. Ergative adjectives and the lexical hypothesis // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1990. 8. P. 1–40.

Cinque 1993 – Cinque G. On the evidence for partial N movement in the Romance DP // *Working Papers in Linguistics* / ed. by G. Giusti and L. Brug. Centro Linguistico Interfacolt, Universit degli Studi di Venezia. 1993. 3 (2). P. 1–20.

Cinque 1994 – Cinque G. On the evidence for partial N movement in the Romance DP // *Paths towards universal grammar* / ed. by G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi and R. Zanuttini. Georgetown: Georgetown University Press, 1994. P. 85–110.

Cinque 1999 – Cinque G. Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective. New York: CUP, 1999. 288 p.

Cinque 2000 – Cinque G. On Greenberg's universal 20 and the Semitic DP // *University of Venice Working Papers in Linguistics*. 2000. Vol. 10 (2). P. 45–61.

Cinque 2004 – Cinque G. 'Restructuring' and Functional Structure // *Structures and Beyond* / ed. by A. Belletti. New York: Oxford University Press, 2004. P. 132–191.

Cinque 2010 – Cinque G. The syntax of adjectives. A comparative study. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 220 p.

Cinque, Rizzi 2008 – Cinque G., Rizzi L. The cartography of syntactic structures // *CISCL Working Papers*. 2008. 2. P. 43–58.

Collins 2005 – Collins Ch. A smuggling approach to raising in English // *Linguistic Inquiry*. 2005. 36 (2). P. 289–298.

Cornilescu 2003 – Cornilescu A. Complementation in English: A minimalist perspective. București: Editura Universității din București, 2003. 504 p.

Croft 1991 – Croft W. Syntactic categories and grammatical relations. University of Chicago Press. 1991. 328 p.

Culicover, Jackendoff 2005 – Culicover P., Jackendoff R. *Simpler syntax*. Oxford University Press, 2005. 608 p.

Dahl 1980 – Dahl Ö. Some arguments for higher nodes in syntax: A reply to Hudson's "constituency and dependency" // *Linguistics*. Vol. 18. 1980. No. 5/6. P. 485–488.

Dalrymple 2001 – Dalrymple M. *Lexical functional grammar*. Syntax and Semantics Series, Vol. 34. New York, NY: Academic Press, 2001. 484 p.

den Dikken 2006 – den Dikken M. *Relators and linkers: The syntax of predication, predicate inversion, and copulas*. Linguistic Inquiry Monographs. MIT Press, 2006. 363 p.

Dietrich 2003 – Dietrich A. P. Lexical and syntactical analysis of passives ergatives and middles in Turkish, Russian and English // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 2003. 43. 1. P. 11–24.

Dixon 1977 – Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? // *Studies in language*. 1977. 1. P. 19–80.

Dixon 1994 – Dixon R. M. W. Adjectives // *The encyclopedia of languages and linguistics*. Vol. 1 / ed. by R. E. Asher. Oxford: Pergamon, 1994. P. 29-35.

Dixon 2004 – Dixon R. M. W. Adjective classes in typological perspective // *Adjective classes. A cross-linguistic typology* / ed. by R. M. W. Dixon and A. Y. Aikhenvald. Oxford University Press, 2004. P. 1–49.

Dowty 1991 – Dowty D. R. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. 67 (3). P. 547–619.

Embick, Noyer 2001 – Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax // *Linguistic Inquiry*. 2001. 32. P. 555–598.

Emonds 1972 – Emonds J. A reformulation of certain syntactic transformations // *Goals of linguistic theory* / ed. by P. S. Peters. Prentice-Hall, 1972. P. 21–61.

Erdal 2004 – Erdal M. *Grammar of old Turkic*. Leiden: Brill, 2004. 580 p.

Fabricius-Hansen, Ramm 2007 – Fabricius-Hansen C., Ramm W. Editor's introduction: Subordination and coordination from different perspectives // *Subordination versus coordination in sentence and text – from a cross-linguistic perspective* / ed. by C. Fabricius-Hansen and W. Ramm. John Benjamins, 2007. P. 1-30.

Filip 2001 – Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication // *Proceedings of semantics and linguistic theory (SALT) 9* / ed. by R. Hastings, B. Jackson and Z. Zvolenszky. Ithaca, NY: CLC Publications, 2001. P. 192–211.

Fillmore et al. 1988 – Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. 1988. 64 (3). P. 501–538.

Flickinger, Nerbonne 1992 – Flickinger D., Nerbonne J. Inheritance and Complementation: A Case Study of Easy Adjectives and Related Nouns // *Computational Linguistics*. 1992. 18 (3). P. 269–310.

Fodor 2001 – Fodor J. A. Language, thought and compositionality // *Mind & Language*. 2001. 16 (1). P. 1–15.

Folli et al. 2005 – Folli R., Harley H., Karimi S. Determinants of event type in Persian complex predicates // *Lingua*. 2005. 115. P. 1365–1401.

Fox, Pesetsky 2005 – Fox D., Pesetsky D. Cyclic linearization of syntactic structure // *Theoretical Linguistics*. 2005. 31 (1–2). P. 1–46.

Franks 1994 – Franks S. Parametric properties of numeral phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2005. 12 (4). P. 597–674.

Frazier, Clifton 1996 – Frazier L., Clifton Ch. Jr. *Construal*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 240 p.

Fried, Östman 2004 – Fried M., Östman J.-O. *Construction grammar: A thumbnail sketch // Construction Grammar in a cross-language perspective (Constructional approaches to language 2) / ed. by M. Fried, J.-O. Östman*. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 2004. P. 11–86.

Fulop, Keenan 2002 – Fulop S. A., Keenan E. L. *Compositionality: A global perspective // Semantics / ed. by F. Hamm and T. E. Zimmermann*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2002. P. 129–137.

Goldberg 2016 – Goldberg A. *Compositionality // The Routledge handbook of semantics / ed. by N. Riemer*. London; New York: Routledge, 2016. P. 419–433.

Gast, Siemund 2006 – Gast V., Siemund P. Rethinking the relationship between self-intensifiers and reflexives // *Linguistics*. 2006. 44 (2). P. 343–381.

Givon 1970 – Givon T. Notes on the semantic structure of English adjectives // *Language*. 1970. Vol. 46. No. 4. P. 816–837.

Grashchenkov 2008 – Grashchenkov P. Russian comparatives: A CV of a complicated life story // *Minimalist explorations of the syntax-lexicon interface / ed. by Young-Sun Kim*. Seoul: Hankuk, 2008. P. 47-67.

Grashchenkov 2010 – Grashchenkov P. Adjectival derivation in Russian: Restricted choice of unlimited combinations. Talk at GLOW-33, 12–16 April 2010, University of Wrocław, Poland.

Grashchenkov 2012 – Grashchenkov P. Development of TAM categories in Turkic: feeling free in the deterministic system // *Selected papers from SinFonIJA3 (Novi-Sad, Serbia) / ed. by Maja Markovic*. Cambridge Scholars Publishing, 2012, P. 58-75.

Grashchenkov, Grashchenkova 2006 – Grashchenkov P., Grashchenkova A. "Thomas Hanke. *Bildungsweisen von Numeralia. Eine typologische Untersuchung, 2005*" Berlin: *Berliner Beiträge zur Linguistik*" Review // *Studies in Language*. 2006. 30:4, 812–818.

Grashchenkov, Grashchenkova 2007 – Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations. Vitoria-Gasteiz 23–25 May 2007.

Grashchenkov, Markman 2010 – Grashchenkov P., Markman V. G. Non-core arguments in verbal and nominal predication: High and low applicatives and possessor raising // *The Proceedings of WCCFL. 27*. Los Angeles, CA: UCLA, 2010. P. 185–193.

Grashchenkov, Markman 2011 – Grashchenkov P., Markman V. G. Serial Verb Ditransitives in Turkic // *Proceedings of the 7th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL7)* /ed. by A. Simpson. MIT Working Papers in Linguistics. 62. Cambridge, MA. P. 79-90.

Grashchenkov, Markman 2012 – Grashchenkov P., Markman V. G. On the adpositional nature of ergative subjects // *Lingua* 122(3):10 (2012), P. 257-266.

Grashchenkov et al. 2011 – Grashchenkov P., Ionov M., Malyutina S. Semi-tagged corpora method exemplified with a study of Ossetic nominalization // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.)*. Вып. 10 (17) / ред. А. Е. Кибрик и др. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 236–243.

Grebenyova 2005 – Grebenyova L. Agreement in Russian secondary predicates // *Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 2005. P. 69–81.

Grimshaw 1990 – Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 202 p.

Grimshaw 2005 – Grimshaw, J. 2005. Extended projection // *Words and Structure* / ed. by J. Grimshaw. Stanford CA: CSLI. P. 1–74.

Gueron, Hoekstra 1995 – Gueron J., Hoekstra T. The temporal interpretation of predication // *Small clauses – syntax and semantics* / ed. by A. Cardinaletti and M.-T. Guasti. San Diego: Academic Press, 1994. Vol. 28. P. 77–107.

Haig 2001 – Haig G. Towards a unified account of passive in Turkish // *Turkic Languages*. 2001. 4. P. 215–234.

Haig 2002 – Haig G. L. J. Noun-plus-verb complex predicates in Kurmanji Kurdish: Argument sharing, argument incorporation, or what? *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF) // Language Typology and Universals*. 2002. 55 (1). P. 15–48.

Hale, Keyser 1993 – Hale K., Keyser S. J. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // *The view from Building 20: Essays in honor of Sylvain Bromberger* / ed. by K. Hale and S. J. Keyser. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 53–109.

Hale, Keyser 1997 – Hale K., Keyser S. J. On the complex nature of simple predicators // *Complex predicates* / ed. by Alsina et al. CSLI Lecture Notes. No. 64. Stanford, CA: CSLI Publications, 1997. P. 29-65.

Hale, Keyser 1998 – Hale K., Keyser J. The basic elements of argument structure // *Papers from the UPenn/MIT Round Table on argument structure and aspect*. MIT Working Papers in Linguistics. Vol. 32. Cambridge, MA, 1998. P. 73-118.

Hale, Keyser 2002 – Hale K., Keyser J. *Prolegomenon to a theory of argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 281 p.

Halle 1973 – Halle M. Prolegomena to a theory of word formation // *Linguistic Inquiry*. 1973. 4. P. 3–16.

Halle, Marantz 1993 – Halle M., Marantz A. Distributed morphology and the pieces of inflection // *The view from Building 20: Essays in honor of Sylvain Bromberger* / ed. by S. J. Keyser and H. Kenneth. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 111–176.

Halle, Matushansky 2006 – Halle M., Matushansky O. The morphophonology of Russian adjectival inflection // *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 351–404.

Harley 1995 – Harley H. Sase bizarre: The structure of Japanese causatives // *Proceedings of the Canadian linguistic society meeting* / ed. by P. Koskinen. Toronto: Toronto Working Papers in Linguistics. 1995. P. 221-232.

Harley 2008 – Harley H. On the causative construction // *Handbook of Japanese Linguistics* / ed. by Shigeru Miyagawa and Mamoru Saito. Oxford: OUP, 2008. P. 20–53.

Harley, Noyer 1999 – Harley Heidi, Noyer R. Distributed morphology // *Glott International*. 1999. 4 (4). P. 3–9.

Haspelmath 1993 – Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // *Causatives and transitivity* / ed. by B. Comrie and M. Polinsky. (Studies in Language Companion Series, 23.) Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 87–120.

Haspelmath 1995 – Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // *CONVerbs in cross-linguistic perspective* / ed. by M. Haspelmath and E. König. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.

Haspelmath 1999 – Haspelmath M. Why is grammaticalization irreversible? // *Linguistics*. 1999. 37 (6). P. 1043–1068.

Hawkins 1994 – Hawkins J. A. A performance theory of order and constituency. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 496 p.

Heim 2000 – Heim I. Degree operators and scope // *SALT X* / ed. by B. Jackson and T. Matthews. Ithaca, NY: Cornell University, CLC Publications, 2000. P. 40–64.

Heim, Kratzer 1998 – Heim I., Kratzer A. *Semantics in generative grammar*. Blackwell, 1998. 334 p.

Hoekstra 2004 – Hoekstra T. *Arguments and structure: Studies on the architecture of the sentence*. New York: Mouton de Gruyter, 2004. 416 p.

Holmberg 2000 – Holmberg A. Deriving OV order in Finnish // *The derivation of VO and OV* / ed. by P. Svenonius. Amsterdam: Benjamins, 2000. P. 123–152.

Holvoet 2003 – Holvoet A. The middle voice in Slavonic and Baltic: Some problems of taxonomy // *Kalbotyra. Slavistica Vilniensis*. Vilnius, 2003. 52 (2). P. 85–100.

Horgan 2012 – Horgan T. Connectionism, dynamical cognition, and non-classical compositional representation // *The Oxford Handbook of compositionality* / ed. by M. Werning, W. Hinzen, E. Machery. Oxford University Press, 2012. P. 557–577.

Hornstein 1999 – Hornstein N. Movement and control // *Linguistic Inquiry*. 1999. 30 (1). P. 69-96.

Hornstein 2009 – Hornstein N. *A Theory of syntax. Minimal operations and universal grammar*. Cambridge: CUP, 2009. 204 p.

Hudson 1980a – Hudson R. A. A second attack on constituency: a reply to Dahl // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. No. 5/6. P. 289-504.

Hudson 1980b – Hudson R. A. Constituency and dependency // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. No. 3/4. P. 179–198.

Ionin, Matushansky 2013 – Ionin T., Matushansky O. More than one comparative in more than one Slavic language: an experimental investigation // *Proceedings of FASL 21*. Ann Arbor: Michigan Slavic publications, 2013. P. 34-41.

Isever 2008 – Isever S. EPP-driven scrambling and Turkish // *Ambiguity of morphological and syntactic analyses* / ed. by Tokusu Kurebito. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies (Research Institute for Languages of Asia and Africa [ILCAA]) Press, 2008. P. 27–41.

Jackendoff 1972 – Jackendoff R. *Semantic interpretation in generative grammar*. Cambridge, MA: MIT Press. 1972. p. 400.

Jackendoff 1977 – Jackendoff R. *X-Bar Syntax: A study of phrase structure*. MIT Press, 1977. 248 p.

Jackendoff 1997 – Jackendoff R. *The architecture of the language faculty*. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. 262 p.

Janssen 2012 – Janssen Th. Compositionality: Its historic context // *The Oxford Handbook of compositionality* / ed. by M. Werning, W. Hinzen, E. Machery. Oxford University Press, 2012. P. 19-46.

Johanson 1995 – Johanson L. On Turkic CONVerb clauses / ed. by M. Haspelmath and E. König. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–347.

Johnson 2006 – Johnson S. Revisiting the structure of serial verb constructions // *LSO Working Papers in Linguistics* / ed. by B. Rodgers. Vol. 6. Proceedings of WIGL 2006. P. 39-48.

Junghanns, Zybatow 1997 – Junghanns U., Zybatow G. Syntax and information structure of Russian clauses // *Formal approaches to Slavic Linguistics: The Cornell Meeting* / ed. by Wayles Browne et al., Ann Arbor: MI Michigan Slavic Publications, P. 289–319.

Jurafsky, Martin 2009 – Jurafsky D., Martin J.H.. *Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Speech Recognition, and Computational Linguistics*. 2nd edition. Prentice-Hall. 2009. P. 1024.

Karimi 2005 – Karimi S. *A minimalist approach to scrambling: evidence from Persian*. Berlin: Mouton, 2005. 265 p.

Karimi 2008 – Karimi S. *Complex predicates in Iranian languages*. Opening talk at Conference on complex predicates in Iranian languages, 05-Jul-2008 – 06-Jul-2008, Sorbonne Nouvelle, Paris [URL: https://www.researchgate.net/publication/237768710_Complex_Predicates_in_Iranian_Languages_Opening_remarks]

Karimi-Doostan 2004 – Karimi-Doostan Gh. *Light verbs and structural case* // *Lingua*. 2004. 8 (2). P. 1737-1756.

Katz, Fodor 1963 – Katz J. J., Fodor J. A. *The structure of a semantic theory* // *Language*. 1963. Vol. 39. No. 2 (Apr. – Jun.) P. 170–210.

Kayne 1994 – Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. *Linguistic Inquiry Monograph*. No. 25. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 213 p.

Kazenin 2010 – Kazenin K. *Russian gapping: Against ATB* // *Formal studies in Slavic linguistics*. *Proceedings of formal description of Slavic languages 7.5*. Frankfurt am Main: Lang, 2010. P. 85-100.

Keenan, Stabler 2004 – Keenan E., Stabler E. *Bare Grammar. A Study of Language Invariants*. *Stanford Monographs in Linguistics*. Stanford, CA: CSLI Publications. 2004. 219 p.

Keenan 2002 – Keenan E. L. *Explaining the creation of reexive pronouns in English* // *Studies in the history of the English language: A millennial perspective* / ed. by D. Minkove and R. Stockwell. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. P. 325–354.

Kennedy 1998 – Kennedy Ch. *Local dependencies in comparative deletion* // *Proceedings of WCCFL 17*. 1998. P. 375-389.

Kennedy 1999 – Kennedy Ch. *Projecting the adjective: The syntax and semantics of gradability and comparison*. New York: Garland, 1999. (1997 UCSC Ph.D thesis.) 262 p.

Kennedy 2000 – Kennedy Ch. *Phonological form*. Talk at The Linguistic Society of Japan, August 2000. (Hand-out.)

Kennedy 2009 – Kennedy Ch. *Modes of Comparison* // *Papers from the 43rd Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* / ed. by M. Elliott, J. Kirby, O. Sawada, E. Staraki and S. Yoon. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society. 2009. P. 141–165.

Keskin 2009 – Keskin C. *Subject agreement-dependency of accusative case in Turkish or jump-starting grammatical machinery*. Utrecht: LOT. 347 p.

Kilgarriff 2001 – Kilgarriff A. Web as corpus // *Proceedings of Corpus Linguistics*. 2001. Lancaster, UK. P. 342–344.

Kilgarriff 2003 – Kilgarriff A. Linguistic search engine // *Proceedings of Workshop on Shallow Processing of Large Corpora (SProLaC)*, 2003. Lancaster, UK. P. 53–58.

Kiparsky 1982 – Kiparsky P. Word-formation and the lexicon // *Proceedings of the 1982 Mid-America linguistics conference* / ed. by F. Ingemann. Lawrence, KS: University of Kansas, 1982. P. 3–32.

Kitagawa 1986 – Kitagawa Y. Subjects in Japanese and English. Doctoral dissertation. University of Massachusetts, Amherst. 1986.

Ko, Sohn 2014 – Ko H., Sohn D. Decomposing complex serialization: the role of v // *Korean Linguistics* Vol. 17, No. 1 (2015) 2014. P. 78–125.

Kolliakou 1999 – Kolliakou D. De-Phrase extractability and individual/property denotation // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. 17 (4). P. 713–781.

Koopman, Sportiche 1991 – Koopman H., Sportiche D. The position of subjects // *Lingua*. 1991. 85. P. 211–258.

Koptjevskaja-Tamm 2003 – Koptjevskaja-Tamm M. Possessive NPs in the languages of Europe // *Noun phrase structure in the languages of Europe* / ed. by F. Plank. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 621–722.

Koptjevskaja-Tamm 2005 – Koptjevskaja-Tamm M. “Maria’s ring of gold”: non-anchoring relations in the European languages // *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax* / ed. by Kim Jiyung, Yu. Lander and B. H. Partee. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 155–181.

Kornfilt, Whitman 2012 – Kornfilt J., Whitman J. Genitive subjects in TP nominalizations // *SinSpeC: working Papers of the SFB 732 “Incremental specification in context”*. 2012. 9. P. 39–72.

Kratzer, Heim 1998 – Kratzer A., Heim I. *Semantics in generative grammar*. Blackwell: Oxford, 1998. 324 p.

Kratzer 1995 – Kratzer A. Stage-level and individual-level predicates // *The Generic Book* / ed. by G. Carlson, F. J. Pelletier. The University of Chicago Press, 1995. P. 125–175.

Kremers 2003 – Kremers J. The Arabic noun phrase. Ph. D. dissertation. Utrecht: LOT, 2003. 201 p.

Kroch 1989 – Kroch A. Reflexes of grammar in patterns of language change // *Language Variation and Change*. Cambridge University Press, 1989. Vol. 1. P. 199–244.

Kuroda 1988 – Kuroda Y. Whether We agree or not // *Lingvisticae Investigationes*. 1988. 12. P. 1–47.

Lambrech 1994 – Lambrecht K. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.

Landau 2006 – Landau I. Ways of being rude. Ms. Ben Gurion University, 2006. 50 p. (URL: <http://www.bgu.ac.il/~idanl/files/Rude%20Adjectives%20July06.pdf>)

Larson 1988 – Larson R. On the double object construction // *Linguistic Inquiry*. 1988. 19. P. 335–393.

Lavine 2014 – Lavine J. Anti-burzio predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic // *Journal of the Moscow State University for the Humanities. Philology Series*. 2014. P. 91–106.

Lavine, Franks 2008 – Lavine J. E., Franks S. On accusative first // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 16 / ed. by A. Antonenko, J. F. Bailyn and Ch. Y. Bethin. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2008. P. 231–247.

Lehmann 1988 – Lehmann C. Towards a typology of clause linkage // *Clause combining in grammar and discourse* / ed. by J. Haiman and S. D. Thompson. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 181–226.

Levin 2008 – Levin B. A constraint on verb meanings: Manner/result complementarity. Talk presented at Cognitive Science Department Colloquium Series. Brown University, Providence, RI, March 17, 2008.

Levin, Rappaport Hovav 2011 – Levin B., Rappaport Hovav M. Lexicalized meaning and manner / result complementarity // *Subatomic Semantics of Event Predicates* / ed. by B. Arsenijević, B. Gehrke, and R. Marín / Springer, Dordrecht. 2013. P. 49-70.

Lieber 2006 – Lieber R. The category of roots and the roots of categories: What we learn from selection in derivation // *Morphology*. 2006. 16. P. 247–272.

Lyashevskaya, Kashkin 2016 – Lyashevskaya O., Kashkin E. 2016. Welcome to the club: Designing the inventory of semantic roles for adjectives // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2016. Вып. 15 (22). С. 440–454.

Lyberis 2005 – Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Литовско-русский словарь. Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005. 951 с.

Lyutikova, Pereltsvaig 2014 – Lyutikova E., Pereltsvaig A. Elucidating nominal structure in articleless languages: A case study of Tatar // *Proceedings of 39th Berkeley Linguistic Society Meeting*. Berkeley, 2014. P. 193–219.

Lyutikova, Tatevosov 2010 – Lyutikova E., Tatevosov S. Atelicity and anticausativization // *Argument Structure and Syntactic Relations: A Cross-linguistic Perspective* / edited by M. Duguine, S. Huidobro and N. Madariaga. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam, Netherlands, 2010. P. 35–68.

Lyutikova, Tatevosov 2013 – Lyutikova E., Tatevosov S. Complex predicates, eventivity, and causative-inchoative alternation // *Lingua*. 2013. 135. P. 81–111.

Madariaga 2005a – Madariaga N. Russian patterns of floating quantification: (Non-)agreeing quantifiers // Kosta P., Hassler G., Schurcks L., Thielemann N. *Linguistic investigations into formal description of Slavic languages*. Potsdam Linguistic Investigation. Frankfurt auf Main: Peter Lang, 2005. P. 267-280.

Madariaga 2005b – Madariaga N. An economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case // *Historical linguistics (Current issues in linguistic theory)* / ed. by J. Salmons and Sh. Dubenion-Smith. John Benjamins, 2005. P. 103-117.

Madariaga 2006 – Madariaga N. Why Russian semi-predicative items always agree // *Journal of Slavic Linguistics*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. 14/2. P. 45-78.

Marantz 1981 – Marantz A. On the nature of grammatical relations. Ph. D. dissertation. Cambridge: MIT, 1981. 374 p.

Marantz 1991 – Marantz A. Case and licensing // *ESCOL '91: Proceedings of the Eighth Eastern States conference on linguistics* / ed. by G. Westphal, B. Ao and Hee-Rahk Chae. CLC publications. 1991. P. 234–253.

Marantz 1997 – Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. Philadelphia, PA: Upenn Department of Linguistics, 1997. 4. P. 201–225.

Matushansky 2000 – Matushansky O. The instrument of inversion: instrumental case in the Russian copula // *WCCFL 19 Proceedings* / ed. by R. Billerey and O. Lillehaugen. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2000. P. 288–301.

Matushansky 2002 – Matushansky O. More of a good thing: Russian synthetic and analytic comparatives // *Proceedings of formal approaches to Slavic linguistics*. 10 / ed. by Jindrich Toman. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 2002. P. 143–162.

Matushansky 2006a – Matushansky O. Head-movement in linguistic theory // *Linguistic Inquiry*. 2006. 37. P. 69–107.

Matushansky 2006b – Matushansky, O. How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives. Ms., CNRS, Universite Paris 8. 2006. 18 p.

Matushansky 2008 – Matushansky O. On the attributive nature of superlatives // *Syntax*. 2008. 11. P. 26–90.

Matushansky 2010 – Matushansky O. Some issues in Russian adjective formation. Talk at TIN-dag 2010. February 6, 2010, Utrecht.

Matushansky 2013 – Matushansky O. More or better: on the derivation of synthetic comparatives and superlatives in English // *Distributed morphology today: Morphemes for Morris Halle* / ed. by O. Matushansky and A. Marantz. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 59–78.

Megerdooian 2001 – Megerdooian K. Event structure and complex predicates in Persian // *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*. 2001. 46 (1/2). P. 97–125

Meltzer-Asscher 2011 – Meltzer-Asscher A. Adjectives and argument structure. Thesis submitted for the degree “Doctor of philosophy”. Tel-Aviv University, 2011. 236 p.

Miyagawa 2010 – Miyagawa Sh. Blocking and causatives: unexpected competition across derivations. *Proceedings of formal approaches to Japanese Linguistics 5*. Cambridge, MA: MITWPL, 2010. P. 177-196.

Miyagawa 2011 – Miyagawa Sh. Genitive subjects in Altaic and specification of phase // *Lingua*. 2011. 121. P. 1265–1282.

Morzycki 2015 – Morzycki M. *Modification*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 327 p.

Nedjalkov 1995 – Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs // *CONVerbs in cross-linguistic perspective* / ed. by M. Haspelmath and E. König. Berlin: Mouton, 1995. P. 97–136.

Nissenbaum, Schwarz 2010 – Nissenbaum J., Schwarz B. Parasitic degree phrases // *Natural language semantics*. March 2011. Vol. 19, issue 1. P. 1–38.

OHP 2011 – *The Oxford Handbook of compounding* / ed. by R. Lieber and P. Stekauer. Oxford: Oxford University Press, 2001. 712 p.

Oyharçabal 2007 – Oyharçabal B. Basque light verb constructions // *Studies in Basque and historical linguistics. In memory of R. L. Trask* / ed. by J. A. Lakarra and J. I. Hualde. Bilbao: Diputación Foral de Gipuzkoa – Gipuzkoako Foru Aldundia & Universidad del País Vasco – Euskal Herriko Unibertsitatea, Bilbao, 2007. P. 787–806.

Pancheva 2006 – Pancheva R. Phrasal and clausal comparatives in Slavic // *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL 14)* / ed. by J. Lavine et al. Ann Arbor, MI: University of Michigan. 2006. P. 236-257.

Pancheva 2008 – Pancheva M. 2008. First Phase Syntax of Persian Complex Predicates: Argument Structure and Telicity // *Tromsø Working Papers on Language & Linguistics: Nordlyd 35, special issue on Complex Predication* / ed. by P. Svenonius and I. Tolskaya, Tromsø: CASTL, 2008. P. 143–161.

Park 2007 – Park Hyun-Ju. Complex predicates in Korean. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. National University of Singapore, 2007. 257 p.

Partee 1984 – Partee B. H. Compositionality // *Varieties of formal semantics* / ed. by F. Landman, F. Veltman. Dordrecht: Foris, 1984. P. 281–312.

Partee 1987 – Partee B. H. Noun phrase interpretation and type shifting principles // *Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers* / ed. by J. Groenendijk, D. de Jongh and M. Stokhof. Dordrecht: Foris, 1987. P. 115–143.

Partee 1995 – Partee B. H. Lexical semantics and compositionality // *Invitation to Cognitive Science.* / ed. by L. Gleitman and M. Liberman. vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 311–360.

Partee 2004 – Partee B. H. Compositionality in formal semantics: Selected papers of Barbara Partee. Oxford: Blackwell Publishers, 2004. P. 344.

Partee, Borschev 2003 – Partee B. H., Borschev V. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity // *Modifying Adjuncts (Interface Explorations 4)* / ed. by E. Lang, C. Maienborn & C. Fabricius-Hansen. Mouton de Gruyter, 2003. P. 67–112.

Partee, Borschev 2012 – Partee B. H., Borschev V. Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions // *Journal of Semantics.* 2012. P. 1–42.

Pereltsvaig 2000 – Pereltsvaig A. Are all small clauses created equal? Evidence from Russian and Italian // ed. by M. Yoo and J. Steele / *McGill WPL*, 15(1). 2000. P. 73-104.

Pereltsvaig 2001 – Pereltsvaig A. On thematic relations in copular sentences // *McGill Working Papers in Linguistics* / ed. by Myunghyun Yoo and J. Steele. Montreal: McGill University, 2001. 15 (2). P.85-104.

Pereltsvaig 2007a – Pereltsvaig A. Copular sentences in Russian. A Theory of Intra-Clausal Relations. *Studies in Natural Language and Linguistic Theory.* XII. Springer Verlag, 2007. 168 p.

Pereltsvaig 2007b – Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica.* 2007. 61. P. 59–94.

Perlmutter 1978 – Perlmutter D. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // (eds.) *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkely Linguistic Society* / ed. by J. Jaeger et al. 1978. P. 157–189.

Pesetsky, Torrego 2004 – Pesetsky D., Torrego E. Tense, case, and the nature of syntactic categories // *The syntax of time* / ed. by Jacqueline Guéron & Jacqueline Lecarme. Cambridge Mass. MIT. 2004. P. 495–537.

Pesetsky, Torrego 2011 – Pesetsky D., Torrego E. Case // *The Oxford Handbook of linguistic minimalism* / ed. by C. Boeckx. Oxford, 2011. P. 52-72.

Pollard, Sag 1994 – Pollard C., Sag I. A. Head-driven phrase structure grammar. Chicago: Chicago University Press, 1994. 454 p.

Pollard 1997 – Pollard C. Lectures on the foundations of HPSG. Unpublished manuscript. Ohio State University, 1997. (URL: <http://lingo.stanford.edu/sag/L221a/cp-lec-notes.pdf>, p. 1–24.)

Pulman 1991 – Pulman S. G. Comparatives and ellipsis. *Proceedings of the 5th European Meeting of the Association for Computational Linguistics.* Berlin, 1991. P. 2-7.

Pustejovsky 1991 – Pustejovsky J. The Generative Lexicon // *Computational Linguistic.* 1991. 17 (4). P. 409–441.

- Pustejovsky 1998 – Pustejovsky J. *The generative lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press. 1998. 298 p.
- Pylkkänen 2002 – Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Doctoral dissertation. Cambridge, MA: MIT. 2002. 137 p.
- Radford 2004 – Radford A. *Minimalist syntax. Exploring the structure of English*. Cambridge University Press, 2004. 528 p.
- Rakosi 2006 – Rakosi G. *Dative experiencer predicates in Hungarian*. Ph D. Utrecht University, 2006. 253 p.
- Ralli, Andreou 2012 – Ralli A., Andreou M. *Revisiting exocentricity in compounding: Evidence from Greek and Cypriot // Current issues in morphological theory. (Ir)regularity, analogy and frequency / ed. by K. Ferenc, M. Ladányi and P. Siptár*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 65–81.
- Ramchand 2008 – Ramchand G. C. *Verb meaning and the lexicon*. Cambridge, 2008. 228 p.
- Ramstedt 1903 – Ramstedt G. J. *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1903. 119 p.
- Rappaport Hovav, Levin 1998 – Rappaport Hovav M., Levin B. *Building verb meanings // The Projection of arguments: Lexical and compositional factors / ed. by M. Butt and W. Geuder*. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97–133.
- Rappaport Hovav, Levin 2010 – Rappaport Hovav M., Levin B. *Reflections on manner/result complementarity // Syntax, lexical semantics, and event structure / ed. by E. Doron, M. Rappaport Hovav and I. Sichel*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 21–38.
- Rentzch 2006 – Rentzch J. *Actionality operators in Uyghur // Turkic Languages*. 2006. 10. P. 193–219.
- Richardson 2001 – Richardson K. *What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect and case // ZAS Papers in Linguistics*. 2001. 26. P. 171-195.
- Rimkutė et al. 2016 – Rimkutė E., Kazlauskienė A., Utkā A. *Morphemic structure of Lithuanian words // Open Linguistics*. 2016. 2. P. 160–179. (URL: http://fcim.vdu.lt/~erika_rimkute/straipsniai/morphemes.pdf)
- Rizzi 1978 – Rizzi L. *A restructuring rule in Italian syntax // Recent transformational studies in European languages / ed. by S. J. Keyser*. Cambridge, MA: MIT Press, 1978. P. 113–158.
- Rizzi 1986 – Rizzi L. *Null objects in Italian and the theory of pro // Linguistic Inquiry*. 1986. 17. P. 501–557.
- Roberts 2003 – Roberts I. 2003. *Diachronic syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 508 p.
- Roberts, Roussou 2003 – Roberts I., Roussou A. *Syntactic change. A minimalist approach to grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 288 p.

Rodríguez et al. 2003 – Rodríguez S., García Murga F. IZEN + EGIN predikatuak euskaraz // Euskal gramatikari eta literaturari buruzko ikerketak XXI. mendearen atarian, Gramatika gaiak, Iker-14 / ed. by J. M. Makatzaga and B. Oyharçabal. Euskaltzaindia, Bilbo, 2003. P. 417–436

Rosch 1978 – Rosch E. Principles of Categorization // Rosch, E. & Lloyd, B.B. (eds), Cognition and categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1978. P. 27–48.

Ross 1967 – Ross J. R. Constraints on variables in syntax. Ph. D. thesis. MIT. 1967. 523 p.

Rothstein 1995 – Rothstein S. Small clauses and copular constructions // Small clauses: Syntax and semantics. 28 / ed. by A. Cardinaletti and M. T. Guasti. NY: Academic Press, 1995. P. 27–48.

Rothstein 1999 – Rothstein S. Fine-grained structure in the eventuality domain: The semantics of predicative adjective phrases and ‘be’ // Natural Language Semantics. 1999. 7. P. 347–420.

Sapir 1949 – Sapir E. Grading: a study in semantics. selected writings of Edward Sapir // Language, culture and personality / ed. by D. G. Mandelbaum. Berkeley: University of California, 1949. P. 122–149.

Shafiei 2015 – Shafiei N. Ellipsis in Persian complex predicates: VVPE or something else? // Proceedings of the 2015 annual conference of the Canadian Linguistic Association. 2015. P. 1–15.

Sharoff 2006 – Sharoff S. Creating general-purpose Corpora using automated search engine queries // WaCky! Working Papers on the Web as Corpus / ed. by M. Baroni and S. Bernardini. Bologna: GEDIT, 2006. P. 63–98.

Siegel 1976 — Siegel M. E. A. Capturing the Russian adjective // Montague grammar / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.

Spencer 1988 – Spencer A. “Bracketing paradoxes” and the English lexicon // Language. 1988. 64. P. 663–682.

Sportiche 1988 – Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure // Linguistic Inquiry. 1988. 19 (3). P. 425–449.

Stowell 1991 – Stowell T. The alignment of arguments in adjective phrases // Perspectives on phrase structure: Heads and licensing, syntax and semantics 25 / ed. by S. Rothstein. Academic Press, 1991. P. 105–135.

Strigin, Demjjanow 2001 – Strigin A., Demjjanow A. Measure instrumental in Russian. // Papers on predicative constructions: Proceedings of the workshop on secondary predication / ed. by G. Jäger. Berlin: ZAS papers in linguistics Vol. 22, 2001. P. 69-97.

Tafseer, Butt, 2011 – Tafseer A., Butt M. Discovering semantic classes for Urdu N-V complex predicates // Proceedings of the Ninth International conference on computational semantics. Oxford, 2011. P. 305–309.

Taleghani 2006 – Taleghani Azita Hojatollah. 2006. The interaction of modality, aspect and negation in Persian. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. The University of Arizona, 2006. 249 p.

Tomioka 2004 – Tomioka N. The lexicalization patterns of verbs and V-V compounds // *Proceedings of Workshop on multi-verb constructions* / ed. by D. Beermann and L. Hellan. Trondheim, 2004. 1-13.

Toosarvandani 2009 – Toosarvandani M. Ellipsis in Farsi complex predicates // *Syntax*. 2009. 12 (1). P. 60–92.

Travis 1984 – Travis L. Parameters and effects of word order variation. Doctoral dissertation. Cambridge, MA: MIT, 1984. 568 p.

Trugman 2005 – Trugman H. Syntax of Russian DPs, and DP-internal agreement phenomena. Ph. D. dissertation. Tel-Aviv University, 2005. 465 p.

van Riemsdijk 1998 – van Riemsdijk H. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections // *Journal of Comparative Germanic Linguistics*, 2, 1998. P. 1–48.

Veenstra 2000 – Veenstra T. Verb serialization and object position // *Linguistics*. 2000. 38 (5). P. 867–888.

Vendler 1967 – Vendler Z. *Linguistics in philosophy*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1967. 203 p.

von Heusinger, Kornfilt 2005 – von Heusinger K., Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages*. 2005. 9. P. 3–44.

Werning et al. 2012 – *The Oxford Handbook of compositionality* / ed. by M. Werning, W. Hinzen, E. Machery. Oxford University Press, 2012. 748 p.

Wierzbicka 1996 – Wierzbicka A. *Semantics: primes and universals*. Oxford: Oxford University Press, 1996. xii + 500 p.

Williams 1975 – Williams E. S. 1975. Small clauses in English // *Syntax and Semantics 4* / ed. by J. Kimball. New York: Academic Press, 1975. P. 249-273.

Wurmbrand 2001 – Wurmbrand S. *Infinitives: Restructuring and clause structure*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. x + 371 p.

Wurmbrand 2004 – Wurmbrand S. Two types of restructuring – lexical vs. functional // *Lingua*. 2004. 114. P. 991–1014.

Zúñiga 1998 – Zúñiga F. *Nomina sunt odiosa: A critique of the converb as a cross-linguistically valid category*. Manuscript, University of Zurich. 1998. P. 1-12.

Zwicky 1985 – Zwicky A. M. Heads // *Journal of Linguistics*. 1985. 21. P. 1–29.

Источники и оформление примеров, список глосс

Источник примера указан после его номера, в конце строки. Примеры с пометой [интернет] найдены при помощи поисковых систем Яндекс или Google (см. Приложение 1) и проверены с носителем. Отрицательный языковой материал чаще всего образован модификацией обнаруженных примеров. Примеры с пометой [Из произведений ...] собраны поиском по корпусу русской литературы. Везде кроме Главы 4 примеры без указания источника получены автором самостоятельно в ходе опроса носителей (как правило, в ходе полевых исследований или грамматического анкетирования). Для Главы 4 источники примеров указаны в разделе 4.4.2.

Нотация:

* – грамматически неприемлемое высказывание

– прагматически неприемлемое высказывание

?? или ? – частично неприемлемое высказывание

% – высказывание считается неприемлемым некоторой частью носителей

Глоссированию подвергается лишь релевантный для описания языковой материал. Список глосс:

1 – первое лицо

2 – второе лицо

3 – третье лицо

ABL – аблатив

ACC – аккузатив

ANT – показатель предшествования

ATTEMPT – показатель попытки действия

ATR – атрибутив

AUX – вспомогательный глагол

CAUS – каузатив

CMP – компаратив

COLL – показатель собирательности

COMP – комплементаризер

CONV – конверб

COP – приименная связка
DAT – датив
DEF – определенность
GEN – генитив
HAB – хабитуалис
IMP – императив
INF – инфинитив
INS – инструменталис
IPFV – имперфектив
LOC – локатив
NEG – отрицание
NMN – номинализация
NOM – номинатив
OBL – показатель косвенной основы имени
PART – причастие
PREF – префикс
PASS – пассив
PFCT – перфект, перфектное причастие
PFV – перфектив
PL – множественное число
POS – POSSIBILITY
PRES – настоящее время
PROG – прогрессив
PRT – частица
PST – прошедшее время
Q – вопрос
REC – реципрок
SG – единственное число
ST – показатель глагольной основы

Условные обозначения и терминология

A'-передвижение – передвижение в неаргументную позицию, связанное обычно с коммуникативной структурой высказывания (вопросом, топикализацией, фокусным выделением,...)

A-передвижение – передвижение в аргументную позицию, т.е. позицию связанную с присваиванием падежа

AdjP – (внешняя) проекция группы прилагательного, соответствующая уровню согласования в роде, числе и падеже

aP – (внутренняя) проекция лексической основы прилагательного

ATB (across the board movement) – передвижение, затрагивающее внутренний материал сразу двух (или более) составляющих в некоторой конструкции, пример: *Сколько картошки почистил и сварил повар?*

DP – группа детерминатора (максимально высокий уровень именной проекции)

ECM (exceptional case marking) – особое падежное маркирование, пример: *I saw **him** crossing the street.*

Ext.Arg (External Argument) – внешний семантический участник

init / initP – вершина / проекция, соответствующие подсобытию инициации (каузации) в теории лексической декомпозиции

Int.Arg (Internal Argument) – внутренний семантический участник

intr. – непереходный глагол

N – именная вершина

NP – проекция лексического существительного (максимально низкий уровень проекции именной группы)

NumP – группа числительного

PartP – группа причастия

pro – невыраженное подлежащее финитных форм

PRO – нулевое подлежащее инфинитивов, деепричастий, конвербов и других нефинитных форм

proc / procP – вершина / проекция, соответствующие подсобытию процесса (срединной фазы) в теории лексической декомпозиции

res / resP – вершина / проекция, соответствующие результирующей фазе в теории лексической декомпозиции

t (trace) – след передвижения

tr. – переходный глагол

V – лексическая глагольная вершина

v **легкое (малое)** – функциональная вершина в составе глагольной проекции, ответственная за введение внешнего (каузирующего) участника ситуации

vP – проекция легкого (малого) глагола

VP – проекция лексического глагола

wh-in-situ – стратегия употребления вопросительных слов на месте той составляющей, которую они заменяют (а не в начале предложения)

адъектив – единица, обладающая прототипическими свойствами прилагательного: способностью употребляться в атрибутивной, предикативной и сравнительной функции, иметь собственные валентности и т.д.

адьюнкт – обстоятельство, синтаксическое зависимое, не заполняющее синтаксической валентности

антикаузатив (=декаузатив) – актантная деривация, устраняющая внешнего участника двухместного предиката и продвигающая внутреннего участника в позицию подлежащего

аппликатив – актантная деривация, добавляющая участника, в интересах которого производится действие, пример: *Мама зашила Пете рубашку*

атрибутив – единица, выполняющая роль определения; в ряде языков может иметь сложную внутреннюю структуру

аттемптив – глагольная граммема, обозначающая попытку осуществления действия

грамматикализация – процесс диахронического преобразования лексических единиц в грамматические

директив – глагольная граммема, обозначающая направление у глаголов передвижения

имперфектив – глагольная граммема, обозначающая неоконченное действие

инхоатив – глагольная граммема, обозначающая вхождение в процесс или состояние

каритив (приватив, абессив) – приименные зависимые со значением ‘без X’

комитатив (проприетив) – приименные зависимые со значением ‘с X’, ‘имеющий/содержащий X’

КСГ – конструкция с сериальным (=вспомогательным) глаголом

левая периферия – крайняя левая область максимальных проекций имени (DP), глагола (vP), простой предикации (CP), как правило связанная с A’-передвижением (вопросом, топикализацией, фокусным выделением,...)

лейблинг (labeling) – операция присваивания составляющей некоторой категории

лимитатив – глагольная граммема, обозначающая ограниченность действия во времени (без достижения естественного результата)

- неаккузативы** – непереходные глаголы с неагентивным (=внутренним) участником, примеры:
таять, лопнуть, течь, плыть (о бревне), умирать, падать
- неэргативы** – непереходные глаголы с агентивным (=внешним) участником, примеры:
прыгать, кричать, разговаривать, плыть (о человеке), бежать
- передвижение вершины** – специальный тип передвижения, связанный с подъемом вершины (X_0) в более высокую позицию в структуре составляющих
- поссибилитив** – глагольная граммема, обозначающая возможность осуществления действия
- прогрессив** – глагольная граммема, обозначающая действие, находящееся в процессе осуществления
- прямое и измененное (непрямое) прочтение (strict and sloppy identity)** – возникающие при эллипсисе эффекты интерпретации невыраженного субъекта. При прямом прочтении элидированный субъект совпадает с субъектом предложения без эллипсиса. В примере: *Я сказал, что приду, и Петя тоже* прямому прочтению соответствует интерпретация ‘Петя тоже сказал, что я приду’. При измененном прочтении субъект элидированной части совпадает с субъектом предикации с эллипсисом, пример: *Я решил выпить чаю, и Петя тоже.*
- пунктив** – глагольная граммема, обозначающая точечное действие
- результатив** – глагольная граммема, обозначающая достижение внутреннего результата
- реструктурирование** – диахронический процесс слияния главной и зависимой клауз, проявляющийся в оформлении морфологическими показателями бывшего «матричного» глагола
- СГ** – сложный глагол «образ действия – результат»
- СД** – сфера действия
- сентенциальный сирконстант** – сентенциальное обстоятельство
- сочинительный остров (или ограничение сочиненной структуры, Coordinate Structure Constraint)** – запрет на передвижение внутреннего материала одного из конъюнктов за пределы составляющей, пример: *Дети любят воздушных змеев и разноцветные шары – *Какие дети любят воздушных змеев и шары?*
- СП** – сложный предикат
- фаза (синт.)** – минимальная часть высказывания, подлежащая озвучиванию и интерпретации
- функциональная проекция** – узел в дереве непосредственных составляющих, ответственный за выражение определенных грамматических значений (времени, согласования, определенности,...); наряду с лексическими проекциями образуют структуру простой предикации и других составляющих, входящих в нее
- хабитуалис** – глагольная граммема, обозначающая постоянно происходящее действие

Список языков¹¹³

азербайджанский (тюркские, огузские / алтайские)
 алтайский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 английский (индоевропейские, германские)
 африкаанс (индоевропейские, германские)
 багвалинский (нахско-дагестанские, андийские)
 баскский (изолят)
 бенгальский (индоевропейские, индийские)
 бурятский (монгольские / алтайские)
 даргинский (нахско-дагестанские)
 древнетюркский (тюркские / алтайские)
 испанский (индоевропейские, романские)
 итальянский (индоевропейские, романские)
 казахский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 карачаево-балкарский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 киргизский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 китайский (сино-тибетская)
 коми (уральские, финно-угорские)
 корейский (изолят / алтайские)
 кумыкский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 курманджи (индоевропейские, иранские)
 латынь (индоевропейские, романские)
 литовский (индоевропейские, балтийские)
 мишарский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 немецкий (индоевропейские, германские)
 нидерландский (индоевропейские, германские)
 ногайский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
 осетинский (индоевропейские, иранские)
 персидский (индоевропейские, иранские)
 польский (индоевропейские, славянские)
 русский (индоевропейские, славянские)

¹¹³ В список включены языки, примеры из которых вошли в текст диссертации. Через слеш / приводится указание на (гипотетическую) макросемью.

сарамакан (креольский язык на основе английского)
сербский (индоевропейские, славянские)
татарский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
тубаларский (тюркские, кыпчакские / алтайские)
тувинский (тюркские, саянские / алтайские)
турецкий (тюркские, огузские / алтайские)
туркменский (тюркские, огузские / алтайские)
узбекский (тюркские, карлукские / алтайские)
уйгурский (тюркские, карлукские / алтайские)
урду (индоевропейские, индийские)
французский (индоевропейские, романские)
хакасский (тюркские / алтайские)
цахурский (нахско-дагестанские, лезгинские)
чувашский (тюркские / алтайские)
эдо (вольта-конголезские / нигеро-конголезские)
якутский (тюркские / алтайские)
японский (изолят / алтайские)

Список иллюстративного материала: таблицы

- Таблица 0.1.** Изоморфизм правил построения синтаксических составляющих и сложных прилагательных
- Таблица 1.1.** Синтаксические модели построения сложных прилагательных
- Таблица 1.2.** Образование сложных прилагательных vs. образование прилагательных из вторых основ
- Таблица 1.3.** Свойства атрибутивных показателей (предварительный итог)
- Таблица 1.4.** Свойства тюркских и монгольских показателей комитатива и каритива (подробно)
- Таблица 1.5.** Соответствие грамматических показателей и синтаксических функций
- Таблица 2.1.** Соотношение количества морфологических показателей на ИЧ и ЛГ
- Таблица 2.2.** Аргументная структура осетинских СП
- Таблица 2.3.** Фонологическая реализация ЛГ в зависимости от переходности и наличия префикса
- Таблица 2.4.** Тесты на присутствие внешнего и внутреннего аргументов у СП с ИЧ-прилагательными, существительными и *transitiva tantum*
- Таблица 2.5.** Событийная структура СП с ИЧ-прилагательными, существительными, *transitiva tantum* и *mutata tantum*
- Таблица 3.1.** Примеры глаголов образа действия и результата
- Таблица 3.2.** Примеры глаголов способа движения и конечной точки
- Таблица 4.1.** Свойства п-конвербов
- Таблица 4.2.** Результаты применения критериев, определяющих тип синтаксической связи
- Таблица 4.3.** ‘стоять’
- Таблица 4.4.** ‘лежать’
- Таблица 4.5.** ‘сидеть’
- Таблица 4.6.** ‘ходить’
- Таблица 4.7.** ‘брать’
- Таблица 4.8.** ‘дать’
- Таблица 4.9.** ‘посылать’
- Таблица 4.10.** ‘класть’
- Таблица 4.11.** ‘ставить’
- Таблица 4.12.** ‘бросать’
- Таблица 4.13.** ‘кидать’
- Таблица 4.14.** ‘идти’
- Таблица 4.15.** ‘идти’
- Таблица 4.16.** ‘приходить’

Таблица 4.17. 'уходить'

Таблица 4.18. 'выходить'

Таблица 4.19. 'входить'

Таблица 4.20. 'проходить'

Таблица 4.21. 'спускаться, падать'

Таблица 4.22. 'знать'

Таблица 4.23. 'видеть'

Таблица 4.24. 'смотреть'

Таблица 4.25. 'быть'

Таблица 4.26. 'оставаться'

Таблица 4.27. Грамматические значения, передаваемые различными классами глаголов

Таблица 4.28. Возможность собственно пассивной интерпретации при различном расположении пассивного маркера

Таблица 4.29. Возможность антикаузативной интерпретации при различном расположении пассивного маркера

Таблица 4.30. Распределение глаголов в зависимости от позиции каузативного маркера

Таблица 4.31. Воздействие СД каузативного показателя на сериальный и лексический компоненты КСГ

Таблица 5.1. Семантические роли прилагательных

Таблица 5.2. Морфонологические ограничения на образование МК

Приложение 1. «Веб как корпус»

Имеющееся в интернете на сегодняшний день огромное количество языкового материала является хорошим подспорьем для лингвиста при сборе данных того или иного языка. Использование интернета в качестве источника данных, однако, может приводить и к ошибочным выводам – интернет не создавался для лингвистов, он не является корпусом и не обладает необходимой разметкой; в нем множество «мусорных» текстов, результатов автоматической генерации высказываний, текстов людей, не являющихся носителями исследуемого языка и т.д.¹¹⁴ Более того, поисковые системы многое «додумывают» за пользователя – самостоятельно достраивают нужные формы, если не указано точное соответствие (Google, например, считает одним словом *абдоминальность* и *абдоминальный*), ранжируют материал в соответствии со своими представлениями о ваших потребностях, основываясь на предыдущих поисковых запросах, географическом положении и т.д. Если, однако, учитывать все подводные камни, интернет действительно может быть прекрасным подспорьем в поиске лингвистических данных, важно лишь понимать, какую информацию может предоставить интернет и чего там искать не стоит.

Итак, на какие вопросы интернет не сможет ответить. Во-первых, интернет – как и всякий корпус – не может предоставить отрицательный языковой материал. Во-вторых, интернет), естественно, не содержит достаточного количества языкового материала тех языков, носители которых проживают в удаленных регионах и не имеют доступа к сети. В-третьих, в интернете проблематично получить данные по относительной частотности некоторых конструкций – результат выдачи поисковых систем зависит от их загруженности и многих других экстралингвистических факторов. Также будет затруднительно проводить в интернете социолингвистические исследования на тему «язык русских в Америке» и им подобные. Даже если ограничить поисковый запрос доменом и языком (и отбросить возможные ошибки поисковика), невозможно учесть языковые данные, оставленные на американских ресурсах пользователями из России.

Как интернет может помочь лингвисту? Интернет можно использовать просто для поиска примеров и, скажем, опровержения утверждений о неграмматичности тех или иных конструкций. Делать это, однако, стоит также с осторожностью – лучше перепроверить найденный пример с носителем. Интернет также удобно использовать для поиска некоторого

¹¹⁴ Беликов В.И. Что и как может получить лингвист из оцифрованных текстов. Сибирский филологический журнал, 83 (2016), с.: 17-34.

ближайшего контекста лексем или словоформ. Приведем примеры поисковых запросов к системе Яндекс и использующей специально разработанный для этого синтаксис. Отметим, что данные запросы были написаны до 2016 г. и используют эксплицитное указание дистанции поиска, от которого Яндекс впоследствии отказался:

(похожий /(+1) (!на /(+1 +3) человек)) domain:ru lang:ru

Подобный запрос задает поиск фраз, где после прилагательного *похожий* следует предлог *на*, после которого на дистанции не более двух слов располагается слово *человек* (*Еще один похожий на директора МФЦ человек* и т.д.). Поиск будет производиться в Рунете по документам на русском языке. В современной версии Яндекса указание дистанции между словоформами стало гораздо менее удобным (для лингвистов), аналогичный запрос выглядел бы следующим образом:

"похожий на * * человек" domain:ru lang:ru

Поиск некоторых языковых конструкций, исследование сочетаемости и другие подобные задачи, таким образом, можно решать с помощью поисковых машин, используя¹¹⁵ несложный язык запросов. Есть и другой вариант извлечения лингвистических данных из интернета.¹¹⁶

В случае необходимости исследования языков, для которых доступных и удобных корпусов (пока) не создано, можно использовать следующий алгоритм. Общая схема алгоритма такова: i) организовать локальную (на персональном компьютере) коллекцию текстов на данном языке, собрав их в интернете; ii) отсеять «мусорные» документы, дубликаты и другой сомнительный материал; iii) осуществить возможность извлечения языковых данных.¹¹⁷

Чтобы реализовать первый этап, необходимо использовать поисковые запросы, содержащие частотные слова на данном языке: личные местоимения, вспомогательные глаголы, пред-/послелогои, союзы и другой материал. Если язык плохо «известен» поисковой машине, такие слова не будут попадать в стоп-лист и будут давать ожидаемый результат. В случае, если поисковик начинает игнорировать запросы, необходимо включение данного слова в кавычки или постановка перед ними восклицательного знака. Сочетая их в разных вариантах и

¹¹⁵ Grashchenkov P., Ionov M., Malyutina S. Semi-tagged corpora method exemplified with a study of Ossetic nominalization // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). Кибрик А.Е. и др. (ред.) - М.: Изд-во РГГУ, 2011., pp. 249-256.

¹¹⁶ см. также:

Kilgarriff, Adam Web as corpus. In Proceedings of Corpus Linguistics 2001, pages 342–344, Lancaster, UK.

Adam Kilgarriff. Linguistic Search Engine. In Proceedings of Workshop on Shallow Processing of Large Corpora (SProLaC), 2003, pages 53–58, Lancaster, UK.

¹¹⁷ Sharoff, Serge. Creating General-Purpose Corpora Using Automated Search Engine Queries. In Marco Baroni and Silvia Bernardini, editors, WaCky! Working Papers on the Web as Corpus, Bologna, Italy, 2006, pages 63–98. Gedit Edizioni

используя ограничения на тип документов (*filetype*: у Google или *mime*: у Яндекс), необходимо собрать коллекцию документов. На втором этапе желательно использовать минимальные экспертные знания с тем, чтобы в коллекцию не попали ненужные документы – принцип «лучше меньше, да лучше» здесь будет как никогда кстати.

Когда, наконец, коллекция документов составлена, необходимо некоторым образом извлечь из нее необходимый языковой материал. Здесь, например, можно использовать программы, имеющие тот же функционал, что и описанный алгоритм «поиска на дистанции» у Яндекса. В сочетании с реализацией поиска по регулярным выражениям это дает возможность поиска почти любых языковых конструкций как в языках с развитой морфологией, так и в аналитических языках.

Представленный алгоритм был реализован автором для казахского, киргизского и осетинского языков. Были составлены языковые коллекции объемом от 1 (киргизский и осетинский) до 3 (казахский) млн. словоформ, для которых были созданы несложные алгоритмы поиска, включающие поиск на дистанции и поиск с учетом регулярных выражений. Отметим, что на момент проведения подобных исследований ни один из данных языков не располагал собственным корпусом.

Возможны различные способы «навигации» по собранной языковой коллекции. Приведем в качестве примера алгоритм поиска последовательности из двух сериальных глаголов в казахском языке. Программа на языке JavaScript получает на вход предварительно составленные списки сериализаторов, каждому из которых приписан некоторый грамматический ярлык. Далее в тексте ищутся все последовательные комбинации из конверба и следующих за ним последовательно сериализаторов:

```
var input = fso.OpenTextFile(filename1, 1, true, -1);
var word1 = new Array();
var gram1 = new Array();
var stem1 = new Array();
while (!input.AtEndOfStream)
{
    var curline = "" + input.ReadLine();
    var arr = /^(.+)\t(.+)\t(.+)\$/exec(curline);
    word1[word1.length] = arr[1];
    gram1[gram1.length] = arr[2];
    stem1[stem1.length] = arr[3];
}
input.Close();
var input = fso.OpenTextFile(filename2, 1, true, -1);
var word2 = new Array();
var gram2 = new Array();
var stem2 = new Array();
while (!input.AtEndOfStream)
```

```

{
    var curline = "" + input.ReadLine();
        var arr = /^(.+)\t(.+)\t(.+)\$/ .exec(curline);
    word2[word2.length] = arr[1];
    gram2[gram2.length] = arr[2];
    stem2[stem2.length] = arr[3];
}
input.Close();
var input = fso.OpenTextFile(filename3, 1, true, -1);
var output = fso.CreateTextFile("Exs.txt", true, -1);
while (!input.AtEndOfStream)
{
    var curline = input.ReadLine().toLowerCase();
    var sentence = curline.split(/\.\!|\?/);
    var a = false;
    for (var k=0; k<=sentence.length; k++)
    {
        if (sentence[k] != undefined)
        {
            var sentencefragm = sentence[k];
            var winsent = sentencefragm.split(" ");
            for (var j=0; j<=winsent.length; j++)
            {
                if (winsent[j] != undefined)
                if (winsent[j].charCodeAt(winsent[j].length-1) == 1087)
                {
                    for (m in word1)
                    {
                        if (winsent[j+1] != undefined)
                        {
                            if (winsent[j+1] == word1[m])
                            {
                                for (l in word2)
                                {
                                    if (a != true)
                                    if (winsent[j+2] != undefined)
                                    {
                                        if (winsent[j+2].search(word2[l]) == 0)
                                        {
                                            output.WriteLine(stem1[m] + "
" + gram1[m] + "/t" + stem2[l] + "/t" + gram2[l] + " " + sentencefragm);
                                            a = true;
                                        }
                                    }
                                }
                            }
                        }
                    }
                }
            }
        }
    }
}
}

```

```

}
input.Close();
output.Close();

```

Результатом работы программы будет список в формате: основа первого сериализатора, затем грамматический ярлык первого сериализатора; основа второго сериализатора, затем грамматический ярлык второго сериализатора; исходный пример.

Приводим фрагмент файла с результатом:

```

...
тұр      TENSE   қал      PERF     мен не айтарымды білмей қалшыып тұрып қалдым, сонан соң: «онда бәрін кері қайтар» -дедім
тұр      TENSE   қал      PERF     мен оған танданған күйде, қарап тұрып қалыппын
шығ      PERF    тұр      TENSE    -машинаның алдында шошайып шығып тұрған не нәрсе
тұр      TENSE   қал      PERF     сонан соң, анастасия тұрған жаққа жүзімді бұрдым да, қалшыып тұрып қалдым
қара     MOD     тұр      TENSE    енді ол, қолдарын көкірегіне қойып, сәл ғана діріл қаққандай үнсіз тұрды, тек оның мейірімді көздері
мені аялап қарап тұрды
қара     MOD     шығ      PERF     олар кемеге алғашқы рет аяқ басқандықтан, ең әуелі кемені аралап қарап шығады
...

```

Дальнейший анализ собранных автоматически последовательностей двух сериализаторов позволяет установить приоритетный порядок их следования (если таковой действительно существует).¹¹⁸

¹¹⁸ Исследование данной конкретной проблемы еще не окончено, здесь мы приводим его лишь в качестве примера сбора и анализа данных.

Приложение 2. Прототип программы анализа сложных слов для русского языка

Ниже приводится прототип системы анализа русских сложных слов, написанный на языке Python. Поскольку автор не является профессиональным программистом, хочется подчеркнуть, что прилагаемый код создан не для промышленного использования, а в целях демонстрации одной из главных идей диссертационного исследования – возможности композиционного анализа языка, в данном случае – русских сложных прилагательных. Приведем краткое описание алгоритма и собственно код.¹¹⁹

Принципы работы системы анализа сложных слов

Полноценная система анализа композитов должна уметь извлекать следующую информацию: i) определять морфологические признаки словоформы (производить POS tagging); ii) разбивать сложное слово по частям; iii) определять семантические отношения между отдельными частями.

Для автоматического определения внутренней структуры сложных слова используется перечень допустимых синтаксических отношений внутри композитов. После обнаружения составных частей сложного слова на основании их частеречной принадлежности устанавливается тип семантических отношений между основами (опредетельные, обстоятельственные, аргументные и т.д.)

Полный анализ происходит по следующей схеме:

(П2.1)

- 1) определение того, является ли словоформа прилагательным
- 2) поиск лексемы в словарях прилагательных
- 3) поиск границ отдельных частей сложной лексемы
- 4) анализ внутренней структуры сложной лексемы

Шаги 1) и 2) тривиальны, остановимся вкратце на 3) и 4). Анализ морф(он)ологической структуры необходим для выделения кандидатов в сложные слова. В случае числительного и

¹¹⁹ см. Гращенков П.В. Правила образования русских сложных слов и их компьютерная реализация // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М.: Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. №6, 2016. С. 70-81.

существительного (*двухъярусный*) или сочиненной структуры (*бело-розовый*) граница между первой и второй основой определяется без труда.

При анализе всех других сложных слов на первом этапе выделяются пары-кандидаты на поиск первой и второй основы (*среднескоростной* → *средн; скорост*), а затем каждая из пар проверяется по словарю. Предварительное разбиение на основы помогает ускорить обход словаря.

Словарь при постановке морфемной границы оказывается целесообразным использовать лишь для композитов с участием предлогов (*настенный*), когда количество и буквенная длина первых основ незначительны.

В общем случае граница между первой и второй основой сложных слов орфографически может соответствовать интерфиксу либо, в случае его отсутствия, проходить просто по основам (полным или усеченным):

(П2.2)

a. -o/-e: *долгоиграющий, древнеримский*

b. -o/-e с дефисом: *бело-розовый, советско-монгольский, сине-зеленый*

c. -и (-ск-, -цк): *гречески-римский, иронически-оптимистический*

d. -y(x(ъ))-, -ex, -и, -а: *двуплановый, двухтомный, двухъярусный, трехэтажный, десятиметровый, сорокаметровый*

e. нулевой интерфикс: *хлоруксусный, кремнийорганический, настенный*

f. нулевой интерфикс с дефисом: *электрон-электронный, рязань-воронежский*

Детальное различение границ сложного слова в нормированных (прошедших редактирование) русских текстах позволяет составить гипотезы о внутренней организации сложного слова уже на этапе разбиения на основы. Так, дефис соответствует сочинительной связи (*советско-монгольский проект, рязань-воронежский информационный портал*); интерфикс *-и*, употребленный после *-ск/-цк*, также говорит о сочинении (*самый иронически-оптимистический фильм*); специальным образом маркируется первая основа-числительное. Наиболее проблемными с точки зрения разбиения на основы представляются случаи бездефисных слов с -o/-e, т.к. они омонимичны между подчинительной (*долгоиграющая пластинка*) и сочинительной связью (*грекоримская борьба*), а также случаи типа *настенный* или *хлоруксусный*. Предложные сочетания, тем не менее, реализованы в нашем алгоритме, в то время как разбор сложных слов типа *хлоруксусный* пока не включен в алгоритм в силу его ресурсоемкости и невысокой продуктивности данного шаблона в языке.

При разбиении по соединительному гласному *o/e* в ряде случаев возникает проблема омонимии – у некоторых прилагательных (*среднескоростной*) необходимо выделять множество пар-кандидатов в первую и вторую основу (*среднескоростной* → *средн-скорост*, *среднеск-рост*). На этом же этапе применяется анализ слоговой структуры потенциальных кандидатов, что позволяет исключить из разбора фонологически невозможные единицы (**ср-скорост*, **среднескор-ст*).

Еще одной проблемой является омонимия при анализе предлогов (*послепростудный* → **по-слепростудный*, *после-простудный*), невозможные кандидаты здесь отбрасываются после поиска в словаре второй основы.

Таким образом, «нащупывание» границы слов по соединительному гласному улучшает качество и снижает время обработки. Альтернативный алгоритм состоит в том, чтобы искать в составе сложного слова все словоформы, входящие в тестовый корпус и/ли словарь. Очевидно, что время (и, возможно, качество) процессинга в этом случае снижается из-за появления лишних основ-кандидатов, ср.: *ягодосборный* → *я*, *год*, *с*, *бор* и т.п.

Еще один пример ошибок при игнорировании правил морфемной границы – система проверки орфографии программы Microsoft Word, которая для словоформы *скорослепленный* наряду со *скоро-слеplенный* предлагает вариант *скор-ослеplенный*.

Следующий за морф(он)ологическим разбором анализ отношений между основами реализует основные синтаксические модели устройства сложных прилагательных. Учет информации о морфонологической и морфосинтаксической организации сложных слов помогает улучшить качество и отсеять ненужные варианты.

Инструменты, примеры работы и оценка текущего уровня качества

Прототип системы реализован в программной среде Python версии 3.5.0. В качестве лексикона используется компьютерная версия словаря Зализняка,¹²⁰ дополненного лексической и грамматической информацией.

Ниже мы приводим некоторые примеры разбора отсутствующих в словаре сложных прилагательных:

(П2.3)

коротководный ==> ИГ, прилагательное "короткий" и существительного "вода"

трехъядерный ==> ИГ, числительное "три" + существительное "ядро"

¹²⁰ [Зализняк 1980] – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. 880 с.

сдавленно-угрожающий ==> сочинение определений "сдавленный" и "угрожающий"
послепростудный ==> ПГ, предлог "после" и существительное "простуда"
странноиграющий ==> ГГ, наречие "странно" и глагол "играть"

На данном этапе работы над системой качество простановки POS-тегов, т.е. определение того, что перед нами: а) неизвестное слово и б) данное слово является прилагательным в определенном падеже, числе и роде, близко к оптимальному. Иными словами, практически все неизвестные прилагательные определяются как таковые. Этого не так сложно добиться, используя стемминг адъективных флексий.

Для тестирования качества разбиения сложных прилагательных на основы был использован массив сложных слов, составленный из запросов пользователей в одной из коммерческих систем извлечения информации, дополненный искусственными примерами. Полнота (recall) системы на выборке, включающей около 500 таких сложных прилагательных, составила 0,4. На другой выборке, состоящей из 50 прилагательных, полнота оказалась равна 0,52.

Для оценки качества установления семантических отношений между частями сложных слов было использовано несколько десятков сложных прилагательных, составленных специально для этой задачи (предыдущая выборка страдала отсутствием разнообразия семантических отношений). Точность (precision) извлечения отношений составила 0,87. Полнота (recall) извлечения семантических отношений 0,52.

Реализованный нами алгоритм, как мы полагаем, позволяет говорить об эффективности систем (морфологического и синтаксического) анализа, использующих лингвистические правила. Использование лингвистических правил позволяет создать платформу, обладающую «универсальной сферой действия»: она демонстрирует приемлемые значения полноты (recall) на произвольном тексте без специального предварительного обучения. Более того, такая система избавляет от необходимости ресурсоемкого поиска по словарям и/ли работы с чрезмерно большими корпусами. Еще одним важным преимуществом разработанного алгоритма является возможность извлечения семантических отношений.

Реализация алгоритма

```

# -*- encoding: utf-8 -*-
import re, codecs, sys, math, string

def is_string_part(str1, str2):#функция, вычисляющая позицию первой первой подстроки во второй
    pos = str2.find(str1, 0)
    return pos

def syllables(word):#функция, подсчитывающая кол-во слогов
    CV = re.compile('[уёыаоэяию]')
    a = re.split(CV, word)
    return len(a) - 1

fold = codecs.open("4synt.txt", mode="r", encoding="utf-8")#текст для анализа
fres = codecs.open('result.txt', mode="w", encoding="utf-8")
fadj = codecs.open('adjectives.txt', mode="w", encoding="utf-8")
adjlex = codecs.open('adjSTEMS.txt', mode="r", encoding="utf-8")#словарь прилагательных
partlex = codecs.open('partsSTEMS.txt', mode="r", encoding="utf-8")#словарь причастий
verblex = codecs.open('verbSTEMS.txt', mode="r", encoding="utf-8")#словарь глаголов
nounlex = codecs.open('nounSTEMS.txt', mode="r", encoding="utf-8")#словарь имен
numlex = codecs.open('numLEXICON.txt', mode="r", encoding="utf-8")#стоп-словарь
garbagelex = codecs.open('garbage.txt', mode="r", encoding="utf-8")#стоп-словарь
affixoidlex = codecs.open('affixoidLEXICON.txt', mode="r", encoding="utf-8")#словарь прилагательных-аффиксоидов
preplex = codecs.open('prepLEXICON.txt', mode="r", encoding="utf-8")#словарь предлогов
a = []
for line in fold:#считали и токенизировали текст для анализа
    line = line.replace(' ', '').replace('.', '').replace(',', '').replace('"', '').replace(':', '').replace('?', '').replace('!', '').replace('(', '').replace(')', '')
    a.append(line.split(' '))
fold.close()
adjfl = []#записываем окончания прилагательных
fadjflex = codecs.open('adjs.txt', mode="r", encoding="utf-8")# файл с окончаниями прилагательных
for l in fadjflex:
    adjfl.append(l.replace('\r\n', ''))
fadjflex.close()
adjlist = []#записываем прилагательные из словаря
for l in adjlex:
    adjlist.append(l.replace('\r\n', ''))
adjlex.close()
partlist = []#записываем прилагательные из словаря
for l in partlex:
    partlist.append(l.replace('\r', ''))
partlex.close()
verblast = []#записываем прилагательные из словаря
for l in verblex:
    verblast.append(l.replace('\r', ''))
verblex.close()
nounlist = []#записываем имена из словаря
for l in nounlex:
    nounlist.append(l.replace('\r', ''))
nounlex.close()
numlist = []#записываем имена из словаря

```

```

for l in numlex:
    numlist.append(l.replace('\r\n',''))
numlex.close()
garbagelist = []#записываем имена из словаря
for l in garbagelex:
    garbagelist.append(l.replace('\r\n',''))
garbagelex.close()
affixoidlist = []#записываем имена из словаря
for l in affixoidlex:
    affixoidlist.append(l.replace('\r\n',''))
affixoidlex.close()
preplist = []#записываем имена из словаря
for l in preplex:
    preplist.append(l.replace('\r\n',''))
preplex.close()

complex_adj_list = []#список найденных сложных прилагательных
for i in range(len(a)):
    for j in range(len(a[i])):#перебираем слова из текста
        checkadj = False
        for k in range(1, len(adjfl)):#для каждого проверяем, совпадает ли окончание
            flect = re.compile(adjfl[k])
            if (flect.search(a[i][j], len(a[i][j])-len(str(adjfl[k])))):
                checkadj = True
                adjflection = str(adjfl[k])
        if (checkadj):
            newadj = True
            newpart = True
            newnoun = True
            notgarbage = True
            prob_complex_adj = str(a[i][j].rstrip(adjflection).lower())
            m = 0
            while newadj and m < len(adjlist):
                for l in range(1, len(adjlist)):
                    adj_from_list = str(adjlist[l].split('\t')[1].replace('\r','').replace('\n',''))
                    if (is_string_part(adj_from_list, prob_complex_adj) >= 0 and len(prob_complex_adj) == len(adj_from_list)):
                        newadj = False
                m += 1
            m = 0
            while newpart and m < len(partlist):
                for l in range(1, len(partlist)):
                    part_from_list = str(partlist[l].split('\t')[1].replace('\r','').replace('\n',''))
                    if (is_string_part(part_from_list, prob_complex_adj) >= 0 and len(prob_complex_adj) == len(part_from_list)):
                        newpart = False
                m += 1
            nounadjflect = re.compile('[нñ][оñ][еñ][ом][ем][не]')
            if (nounadjflect.search(prob_complex_adj)):
                m = 0
                while newnoun and m < len(nounlist):
                    for l in range(1, len(nounlist)):
                        noun_from_list = str(nounlist[l].split('\t')[1].replace('\r','').replace('\n',''))
                        if (is_string_part(noun_from_list, prob_complex_adj) >= 0 and len(prob_complex_adj) - len(noun_from_list) < 3):
                            newnoun = False

```

```

        m += 1
    m = 0
    while notgarbage and m < len(garbagelist):
        for l in range(1, len(garbagelist)):
            garbage_from_list = str(garbagelist[l])
            if (is_string_part(garbage_from_list, prob_complex_adj) == 0 and len(prob_complex_adj) == len(garbage_from_list)):
                notgarbage = False
                m += 1
            if (newadj and newpart and newnoun and notgarbage and syllables(prob_complex_adj) > 2):
                complex_adj_list.append(prob_complex_adj)
    for k in range(1, len(complex_adj_list)): # вынимаем из списка все найденные сложные прилагательные
        fadj.write('NEW! '+str(complex_adj_list[k]+'^r')

    complex_adj = str(complex_adj_list[k])
    S1numeral = False
    S1S2coord = False
    m = 0
    S2nounlength = 0
    while not S1numeral and m < len(numlist): # проверка первой основы в словаре числительных
        for l in range(1, len(numlist)):
            num_from_list = str(numlist[l])
            if (is_string_part(num_from_list, complex_adj) == 0):
                S1numeral = True
                S1 = num_from_list
                S2 = complex_adj.lstrip(S1)
                m += 1
    if (S1numeral):
        for l in range(1, len(nounlist)): # ищем вторую основу в словаре прилагательных, напр. "ядерн" можно найти там, а не в именах
            S2nounlength = 0
            noun_from_list = str(nounlist[l].split("v")[1].replace("r","").replace("n",""))
            if (is_string_part(noun_from_list, S2) == 0 and S2nounlength < len(noun_from_list)):
                S2nounlength = len(noun_from_list)
                S2 = noun_from_list
            fres.write(complex_adj+' ==> ИГ, числительное "'+str(S1)+'"' + существительное "'+str(S2)+'^r')

    if (re.search('([oe])(скн)-', complex_adj)): # проверка сочинения
        S1 = re.split('-', complex_adj)[0]
        S2 = re.split('-', complex_adj)[1]
        if (syllables(S1) > 1):
            S1S2coord = True
            fres.write(complex_adj+' ==> СОЧИНЕНИЕ прилагательных, "'+str(S1)[0:-1]+'"' и "'+str(S2)+'^r')

    if (not S1numeral and not S1S2coord): # проверка ГГ и ИГ
        infix_num = complex_adj.count('e') + complex_adj.count('o')
        S2 = complex_adj
        for l in range(0, infix_num):
            S1nounlength = 0
            S1adjlength = 0
            S2 = re.split('[oe]', S2, 1)[1]
            S1 = complex_adj.rstrip(S2).rstrip('o').rstrip('e')
            if (syllables(S1) > 0 and syllables(str(S2)) > 0):
                for n in range(1, len(nounlist)): # проверяем подчинение с первой именной основой
                    noun_from_list = str(nounlist[n].split("v")[1].replace("r","").replace("n",""))

```

```

if (is_string_part(noun_from_list, S1) == 0 and S1nounlength < len(noun_from_list) and len(S1)-len(noun_from_list) <= 1):
    S1out = nounlist[n].split('\t')[0]
    S1nounlength = len(noun_from_list)
if (S1nounlength > 0):
    S2affixoidlength = 0
    for a in range(1, len(affixoidlist)): #ищем вторую основу в словаре прилагательных-аффиксидов
        affixoid_from_list = affixoidlist[a].split('\t')[1].replace('\r',"").replace('\n',"")
        if (is_string_part(affixoid_from_list, S2) == 0 and S2affixoidlength < len(affixoid_from_list) and len(S2)-len(affixoid_from_list)
<= 1): # and (len(S1)+len(S2))/len(complex_adj) < 1,1 and (len(S1)+len(S2))/len(complex_adj) > 0,9
            S2out = affixoidlist[a].split('\t')[0]
            S2affixoidlength = len(affixoid_from_list)
    if (S1nounlength > 0 and S2affixoidlength > 0):
        fres.write(complex_adj+' ==> ГП, существительное '"+S1out+"' и прилагательное '"+S2out+"'r')
    S2verblength = 0
    for v in range(1, len(verblist)): #ищем вторую основу в словаре глаголов
        verb_from_list = str(verblist[v].split('\t')[1].replace('\r',"").replace('\n',""))
        if (is_string_part(verb_from_list, S2) == 0 and S2verblength < len(verb_from_list) and len(S2)-len(verb_from_list) <= 3):
            S2out = str(verblist[v].split('\t')[0])
            S2verblength = len(verb_from_list)
    if (S1nounlength > 0 and S2verblength > 0):
        fres.write(complex_adj+' ==> ГГ, существительное '"+S1out+"' и глагол '"+S2out+"'r') #len(S1) = '+str(len(S1))+'\tlen(S2) =
'+str(len(S2))+'\tlen(complex_adj) = '+str(len(complex_adj))+'\r')
    elif (S1nounlength > 0 and S2verblength <= 0):
        S2partlength = 0
        for p in range(1, len(partlist)): #ищем вторую основу в словаре причастий
            part_from_list = str(partlist[p].split('\t')[1].replace('\r',"").replace('\n',""))
            if (is_string_part(part_from_list, S2) == 0 and S2verblength < len(part_from_list) and len(S2)-len(part_from_list) <= 3):
                S2out = partlist[p].split('\t')[0]
                S2partlength = len(part_from_list)
        if (S1nounlength > 0 and S2partlength > 0):
            fres.write(complex_adj+' ==> ГГ, существительное '"+S1out+"' и глагол '"+S2out+"'r')
            # проверяем подчинение с первой адъективной основой
    for a in range(1, len(adjlist)): #ищем первую основу в словаре прилагательных/наречий
        adj_from_list = str(adjlist[a].split('\t')[1].replace('\r',"").replace('\n',""))
        if (is_string_part(adj_from_list, S1) == 0 and len(S1) == len(adj_from_list)):
            S1out = str(adjlist[a].split('\t')[0])
            S1adjlength = len(adj_from_list)
    if (S1adjlength > 0):
        S2nounlength = 0
        for n in range(1, len(nounlist)): #ищем вторую основу в словаре имен
            noun_from_list = str(nounlist[n].split('\t')[1].replace('\r',"").replace('\n',""))
            if (is_string_part(noun_from_list, S2) == 0 and S2nounlength < len(noun_from_list) and len(S2)-len(noun_from_list) <= 3):
                S2out = str(nounlist[n].split('\t')[0])
                S2nounlength = len(noun_from_list)
        if (S2nounlength > 0):
            fres.write(complex_adj+' ==> ИГ, прилагательное '"+S1out+"' и существительное '"+S2out+"'r')
    S2verblength = 0
    for v in range(1, len(verblist)): #ищем вторую основу в словаре глаголов
        verb_from_list = str(verblist[v].split('\t')[1].replace('\r',"").replace('\n',""))
        if (is_string_part(verb_from_list, S2) == 0 and S2verblength < len(verb_from_list) and len(S2)-len(verb_from_list) <= 3):
            S2out = str(verblist[v].split('\t')[0])
            S2verblength = len(verb_from_list)
    if (S2verblength > 0):

```

```

fres.write(complex_adj+' ==> ГГ, наречие "+S1+" и глагол "+S2out+"r')# берем только основу после стемминга
else:
S2partlength = 0
for p in range(1, len(partlist)):#ищем вторую основу в словаре причастий
part_from_list = str(partlist[p].split('\t')[1].replace('\r','').replace('\n',''))
if (is_string_part(part_from_list, S2) == 0 and S2partlength < len(part_from_list) and len(S2)-len(part_from_list) <= 3):
S2out = str(partlist[p].split('\t')[0])
S2partlength = len(part_from_list)
if (S2partlength > 0):
fres.write(complex_adj+' ==> ГГ, наречие "+S1+" и глагол "+S2out+"r')# берем только основу после стемминга

if (S1nounlength == 0 and S1adjlength == 0):
for l in range(1, len(prelist)):#ищем первую основу в словаре предлогов
S1prep = False
S2noun = False
prep_from_list = prelist[l]
S2 = re.sub(prepare_from_list, "", complex_adj)
if (re.search(S2, complex_adj) and len(S2) < len(complex_adj)):# and len(prelist[l])+len(S2) <= len(complex_adj) + 1
S1out = prep_from_list
S1prep = True
if (S1prep):
S2nounlength = 0
for n in range(1, len(nounlist)):#ищем вторую основу в словаре имен
noun_from_list = str(nounlist[n].split('\t')[1].replace('\r','').replace('\n',''))
if (is_string_part(noun_from_list, S2) == 0 and S2nounlength < len(noun_from_list) and len(S2)-len(noun_from_list)<=3):# and
len(noun_from_list) / len(S2) > 0,95
S2out = str(nounlist[n].split('\t')[0])
S2nounlength = len(noun_from_list)
if (S1prep and S2nounlength > 0):
fres.write(complex_adj+' ==> ПГ, предлог "+S1out+" и существительное "+S2out+"r')
fadj.close()
fres.close()

```